В. М. БЕХТЕРЕВ

Заслуженный Профессор, Академик, Президент Психо-Неврологического Института

КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСОЛОГИЯ

ПЕТРОГРАД

ИЗД-СКОЕ Т-ВО

„КОЛОС".

В. М. БЕХТЕРЕВ

Заслуженный Профессор, Академик, Президент Психо-Неврологического Института.

КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСОЛОГИЯ

ПЕТРОГРАД.

ПЗД-СКОЕ Т-ВО

„КОЛОС".

1921.

1099

2-я Государственная типография. Галерная ул., 1. Р. В. Ц.

ЧАСТЬ I.

Вместо предисловия.

Если к разным проявлениям отдельной личности в настоящее время применим строго об'ективный метод исследования, как я показал в своем труде „Общие основания рефлексологии" (Петроград. 1918 г. изд. Риккера). то по отношению к проявлениям коллективной или собирательной личности строго об'ективный метод исследования является безусловно обязательным, либо говорить об „общественном сознании" или „общественной душе" или, что все равно, о „душе коллектива", значит пользоваться лишь образным выражением, ничуть не более. Дело в том, что, если человеческий индивид может подвергаться при условии исследования на себе самом суб'ективному анализу с помощью самонаблюдения, то это ни в какой мере не осуществимо по отношению к коллективному или собирательному индивиду.

Между тем до сих пор социологи, как и представители других гуманитарных наук, оперируют с суб'ективными и часто даже метафизическими понятиями. Они говорят о коллективных чувствах, представлениях и восприятиях, о коллективной душе, коллективном сознании, коллективной воле и т. п., тогда как всякому ясно, что все это в действительности является лишь обобществлением суб'ективного состояния своего „я", которое никак не может быть переносимо на толпу или вообще на какое либо общество.

Даже социологи-неопозитивисты в своих трактатах так и сыплют суб'ективными терминами, заимствованными из психологии. Возьмем на выдержку суждения Е. де-Роберти о коллективном опыте—явлении несомненно реальном и об'ективном: „Именно в факте „общественности"—этом неизменном источнике *„духа"* или „надорганического явления" в природе—неопозитивисты видят не что иное, как длительное, неразрывное и многостороннее взаимодействие, которое во всякой постоянной, а не случайной „соборности" перебрально богато одаренных живых существ необходимо устанавливается между свойственными им психо-физическими уже *сознательными* явлениями и процессами, как то: *ощущениями*, *восприятиями*, *представлениями*, конкретными *образами* и конкретными же суждениями, а также *эмоциями*, элементарными *чувствами* и *волевыми* импульсами. Это взаимодействие и составляет всё внутреннее содержание коллективного или соборного опыта, поверяющего, исправляющего, дополняющего, об'единяющего и „об'ективирую-

щего" разрозненные и всегда глубоко суб'ективные данные опыта био-индивидуального (но не опыта личного, составляющего высшую ступень, самый зрелый плод опыта соборного) [1].

Из этой выдержки нетрудно видеть, как своеобразно неопозитивизм уживается с индивидуальным суб'ективизмом.

Весь этот суб'ективизм, заимствованный из психологии, является в сущности остатком того антропоморфизма, который ныне с решительностью изгоняется из биологических наук и, очевидно, должен быть также изгнан и из социологии, истории и других гуманитарных знаний. Коллективная рефлексология и представляет собой опыт построения одной из важнейших областей социологии, называемой часто также общественной или социальной психологией, на строго об'ективном основании, пользуясь данными опыта и наблюдения, без всяких экскурсий в область суб'ективизма.

Как известно, социология опиралась до сих пор на две научных дисциплины: биологию и психологию. По скольку биология дает этой науке прочный об'ективный базис, постольку психология, как суб'ективная наука, делает ее положение шатким. С нашей точки зрения не должно быть в социологии психологических доктрин, как доктрин суб'ективного характера, и социология, чтобы быть наукой строго об'ективной, должна опираться главным образом на две науки—биологию и разрабатываемую мною рефлексологию, из которых последняя должна заменить собою психологию всюду, где дело идет о познании сторонней человеческой личности и в частности сторонних индивидов, входящих в состав коллектива [2].

Мы не будем касаться вопроса—составляет ли рефлексология, эта новая научная дисциплина, отвлеченную науку или конкретную. Дело не в теоретическом понимании этой науки, а в ценности ее метода, исключающего какой бы то ни было суб'ективизм в изучении человеческой личности. Вот почему рефлексология, а не психология должна лечь в основание изучения социального мира.

Остановимся теперь на вопросе об отношении рефлексологии к биологии и социологии. Не может подлежать сомнению, что человеческая личность есть продукт общественности, ибо без общества человек не был бы человеком. В этом отношении могут быть приведены наблюдения, имеющие ценность опыта, когда люди, совершенно заброшенные и лишенные воспитания (как напр. Каспер Гаис, проживший до 14 лет в хлеву), не могли не только говорить, но и ходить. Известно также, что люди, заброшенные кораблекрушением на много лет на пустынные острова, обнаруживали совершенно ясный умственный упадок. Тоже наблюдается у лиц, подвергающихся долговременному одиночному тюремному заключению. С другой стороны мы знаем, что дети, выросшие в деревенской обстановке при малом общении с людьми, представляются отсталыми по сравнению с детьми города. Да и

[1] Е. де-Роберти. Новые идеи в социологии. Сборн. 2-й, стр. 6.
[2] См. В. Бехтерев. Общия основания рефлексологии. Гл. II.

вообще известно, что люди, выросшие в общении с более разнообразным кругом лиц, являются более развитыми по сравнению с людьми, которые проводят жизнь вдали от общества.

Отсюда очевидно, какое значение имеет общественность для формирования человеческой личности, являясь основным фактором ее развития. Словом сама личность в высших своих проявлениях есть продукт общества, которое однако в свою очередь характеризуется составом его членов, т. е. личностей.

Как известно, неопозитивная школа даже и такие категории, как разум, цвет, пространство, род, число, причины, субстанции и т. п. сводит к социальному происхождению, становясь таким образом между эмпиризмом и классическим априоризмом.

„В действительности они (т. е. категории) выражают наиболее общее из отношений, существующих между вещами. Превосходя своим широтой все другие понятия, они удовлетворяют всем сторонам нашей умственной жизни. Поэтому, если в один и тот же период истории люди не имели бы однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными произвольными мнениями, не упразднивши самого себя. Чтобы иметь возможность жить, оно нуждается не только в моральном согласии, но и в известном минимуме логического единомыслия, за пределы которого нельзя было бы переступать по произволу" [1].

Все это конечно не может подлежать сомнению, но сущность вопроса заключается в том, являются ли категории в то же время биологическими фактами, как допускалось ранее, или только социальными фактами, как признает неопозитивная школа, или, как нам кажется, мы имеем здесь дело с био-социальными фактами. Вопрос, поставленный таким образом, в действительности много сложнее, чем может показаться с самого начала. Во всяком случае он требовал бы всестороннего обсуждения и не может быть рассмотрен в немногих словах. Вот почему мы предпочитаем его совершенно опустить— тем более, что он не входит в нашу задачу. Мы можем лишь заметить здесь, что в развитии вышеуказанных категорий не мог не играть той или иной роли индивидуальный опыт, но очевидно, что коллективный опыт получает здесь свое особое значение, приводя путем обобществления к уравниванию и к исглаживанию индивидуального различия тех явлений, которые лежат в их основании.

Что же касается развития человеческой личности, то некоторые полагают, будто человек благодаря своему развитию создал общественность. И не может быть сомнения, что чем развитее в сумме человеческая личность, тем лучшие общественные формы она создает, а отсюда не подлежит сом-

[1]) Э. Дюркгейм. Социология и теория познания. Новые идеи в социологии. Сборн. 2, стр. 40. 1914.

нению влияние развитой личности на общественность. Но спрашивается обязана ли общественность развитию личности? Поставленный в такой форме вопрос не может иметь другого решения, как в отрицательном смысле.

Первым доказательством этому является фактор подражания. Всякому ясно, в какой мере развитие личности обязано подражанию, которое играет огромную роль и в воспитании, и всюду вообще в общественной жизни. Можно определенно сказать, что не будь подражания, не могло бы быть и личности, как общественной особи, а между тем подражание черпает свой главный материал из общения с себе подобными, между которыми благодаря сотрудничеству развивается род взаимной индукции и взаимовнушения.

Другим доказательством является язык, происхождение которого также обязано с одной стороны подражанию, с другой стороны инстинктивной потребности в общении. Таким образом язык является бесспорным продуктом общественности, ибо без предварительного сближения индивидов даже нельзя и представить себе происхождения человеческого языка, а между тем мы знаем, что человеческая мысль развивалась главным образом благодаря слову и притом в такой тесной и непосредственной связи с ним, что отвлеченное мышление вообще не представлялось бы возможным без участия внутренней речи. И действительно имеются доказательства тому, что дикий первобытный человек был в значительной мере лишен и мысли, и слов, на место которых являлись лишь жесты, восклицания, восклицания и звукоподражания.

Другим доказательством развития человеческой личности под влиянием общества является письмо, которое дает возможность распространять широко не коллективные результаты индивидуального опыта и вместе с тем фиксировать его на будущие и предбудущие времена, сохраняя его для потомства. Можно без преувеличения сказать, что человек сделался историческим существом, благодаря своей письменности.

Переход от изобразительной (идеографической) письменности к фонетической также обозначил собой крупнейший шаг в развитии человеческой личности, немногим уступающий тому значению, какое имело превращение речи жестов и междометий в членораздельную речь, состоящую из слов Бесспорно, что фонетическая письменность вместе с устным языком и создала цивилизацию культурных народов, ибо благодаря и тому, и другому оказалось возможным весь прогресс человечества, достигнутый в каждом одном поколении, использовать для всех следующих поколений.

Однако, исключительно ли человеческая личность обязана своим развитием обществу? Наследственность и то, что относится к проявлениям инстинктов, представляют собою, несомненно, биологическое явление, а между тем можно ли представить себе развитие личности без влияния наследственности и без инстинктов. С другой стороны, не обязан ли человек своей руке, давшей первоначальный язык жестов (в связи с чем и развивалась человеческая речь), первоначальным развитием своей личности, быть может, в той же мере, как в позднейшее время словесному языку? А между тем, развитие руки не столько обязано социальным условиям жизни, сколько биологическим причи-

нам. Ведь, рука получила свое развитие главным образом в зависимости от того, что человек благодаря условиям естественного отбора или благодаря непрерывному упражнению встал на ноги и из четвероногого или—вернее—четверорукого превратился в двуногое существо.

Да и сама членораздельная речь оказалась возможной лишь с изменением морды животного в лицевую часть головы, что зависело, вероятно, в известной мере от изменения условий питания и частью от искусственного приготовления пищи, а это опять-таки представляет собой биологический, а не социальный фактор. Далее, семья—этот первообраз общественных отношений — не является ли результатом полового влечения? С другой стороны, социальность, не является ли результатом естественного отбора, в смысле лучшего переживания социальных существ, а естественный отбор опять-таки является биологическим, а не социальным фактором. Мы знаем с другой стороны из рефлексологии, что высшие или сочетательные рефлексы развиваются на почве обыкновенных рефлексов, являющихся чисто биологическими явлениями. Далее, то, что известно под названием прирожденных наклонностей, является результатом наследственной передачи, т. е. опять таки фактора чисто биологического Наконец, высокая одаренность или гениальность, не является ли в значительной мере явлением счастливо сложившихся наследственных условий, прирожденным даром, при котором воспитание и эрудиция создают только средства и мотивы к использованию и применению природных способностей. А между тем можно утверждать с уверенностью, что, какое бы значение ни имела социальная подготовка к тому или другому открытию или изобретению, не может подлежать сомнению, что человек мало одаренный не годен для великих открытий, как дефективный ребенок не в состоянии сделать сложных математических вычислений.

Отсюда необходимо придти к выводу, что личность первоначально развивалась под влиянием как биологических, так и социальных факторов, позднее же преимущественно, хотя и не исключительно, под влиянием социальных факторов, поэтому личность должна быть признана явлением биосоциального происхождения.

Установление этого важного положения достигнуто лишь в позднейший период времени. Оно было высказано еще в начале 60-х годов Курно (Трактат о связи основных идей в науках и истории) и немецким социологом Лацарусом (Жизнь души 1.333.365. III 381); несколько позднее этот взгляд проник и в английскую научную литературу в лице Льюиса (Проблемы жизни и духа 1874 и „Физиологические основы духа“, 1877). Но великим поборником этого положения, положившего его в основу своих социологических трудов, бесспорно является наш соотечественник, профессор Психо-Неврологического Института в Петрограде, известный социолог Евг. де Роберти, давший этому положению название „биосоциальной гипотезы“.

По смыслу этой гипотезы или теории человеческий разум является результатом тесного единения органической природы, изучаемой биологией, и сверхорганической природы или социальной среды, являющейся предметом

изучения социологии. По причине этого наука, именуемая психологией, является по автору наукой конкретной (о рефлексологии при создании этой теории еще не могло быть и речи), биосоциологией, опирающейся как на биологию, так и на социологию. Она поэтому не может быть наукой отвлеченной и не может быть признана основною наукой в научной иерархии. Однако, было бы большим увлечением признавать, как делают некоторые из позитивистов, что человеческая индивидуальность resp. личность не имеет иного корня, как в социальности. Нельзя также согласиться с Кормсом (Философия общественных наук, 1908—1907), который признает невозможным разрешить этот вопрос удовлетворительно. Решение подобных вопросов он предоставляет будущему. По его словам „не доказано, чтобы эти вопросы были неразрешимы и никто не может утверждать, что успехи знания не бросят на них современем яркого света" (т. III, стр. 95).

С нашей точки зрения теория сочетательного рефлекса дает также возможность установить, что личность, как это выяснялось ранее, все же не является исключительным результатом общественности. Чтобы защитить себя от нападения дикого зверя достаточно было выработаться сочетательному рефлексу между ревом и видом дикого зверя с одной стороны и возможностью его нападения—с другой, спасением от чего, благодаря индивидуальному опыту, мог быть только рефлекс бегства или рефлекс защиты оружием. Общественность в выработке и того, и другого ничуть не необходима, хотя она и обобществляет путем подражания индивидуально полезный опыт. Для того, чтобы удовлетворить свой голод поеданием ракушек или плодами банана, дикарю опять-таки не нужно было иметь предварительный коллективный опыт, ибо для этого достаточно, чтобы образовался путем частых поисков пищи, вызванных голодом, сочетательный рефлекс между внешним видом ракушки или плода и утолением голода. В этих и подобных случаях дело идет об индивидуальном опыте, который, впоследствии, обобщаясь, сам по себе воспитывает личность,—тем более, что последняя вовсе не так слабо проявляется у непивилизованных народов, как думают некоторые. Но на ряду с этими условиями воспитания личности путем индивидуального опыта, начинающегося с первого дня бытия человеческой личности, создаются и условия воспитания человеческой личности в играх, сотрудничестве и т. п. путем коллективного опыта, в котором играет особую роль подражание, как рефлекс исключительно общественного типа.

Нельзя при этом упускать из виду, что и сам коллектив может действовать и вообще проявлять себя, как целое, как собирательная личность, о чем речь будет в последующем изложении, и что собственно и составляет главный предмет настоящего сочинения.

До сих пор, как мы знаем, были попытки создавать т. наз. психологию народов, а также социальную психологию или коллективную психологию. (Steinthal, Lazarus, W. Wundt, Даугол, Копельман и др.), но эти попытки, как основанные на суб'ективном толковании фактов, не обещали успеха.

Задачей настоящего сочинения является, как уже ранее упомянуто совершенно исключить всякий субъективизм из вопросов коллективных действий и реакций вообще, как он исключен и из разрабатываемой нами рефлексологии, как объективной науки о человеческой личности.

Не допуская субъективного толкования в вопросах, касающихся исследования развития общественных или коллективных явлений, и, понимая все такого рода явления, как коллективные или общественные рефлексы, мы признаем необходимым применить к их исследованию тот же строго объективный метод, который применен нами к изучению отдельной личности, вследствие чего и наименование настоящему труду мы даем „Коллективная рефлексология" вместо обычно употребляемого термина общественной или социальной, иначе коллективной психологии.

Вряд ли нужно пояснять здесь, что вопросы, связанные с развитием общественных явлений или общественных resp. коллективных рефлексов, требовали от автора новой обработки предмета и нового освещения, ибо то, что именовалось до сих пор общественной или социальной психологией, уже в силу своего субъективного метода не могло дать в этом отношении много подходящего материала. К тому же надо заметить, что психологи и социологи-субъективисты (либо социология пока еще не перестает быть наукой в значительной мере субъективном, чего не должно было бы быть), пользуясь своим субъективным методом, еще могли с некоторой натяжкой трактовать о толпе, как об единенном целом с „единой душой", но по отношению ко всем другим формам коллектива затруднение с применением субъективного метода обнаруживалось уже в значительно бо́льшей степени. Вот почему толпа сделалась излюбленным объектом исследования психологов и социологов-субъективистов. Но в своем месте будет показана та односторонность, которая проявилась в трудах целого ряда авторов в смысле характеристики толпы с субъективной точки зрения. Здесь мы хотели бы однако указать на другую, более важную ошибку психологов и социологов-субъективистов в исследовании народных масс и их движений, это—стремление некоторых из них подчинить последние какому либо одному общему принципу.

Так напр. Тард этот общий принцип видит в подражании, тогда как У. Мак-Даугалл видит его в инстинктах человеческой природы.

Более чем очевидная несостоятельность этих взглядов обусловлена ничем иным, как недостатком строгой объективности в исследовании предмета, допускающим предвзятость той или иной идеи.

Вряд ли нужно здесь распространяться о том, что напр. Тард, этот талантливый социолог, исходя из предвзятой идеи о значении подражания в социальной жизни, в своих „законах подражания" слишком преувеличил в этом отношении его роль и почти не уделяет внимания инициативе отдельных лиц и общественному творчеству, а если и говорит о том и о другом, то подобно другим авторам слишком ограничивает его значение и умаляет его роль в общественной жизни. Вместе с тем, столкнувшись неизбежно с проявлениями общественной жизни, не имеющими ничего общего с подра-

[illegible]нием, он вынужден, благодаря предвзятости своей теории подводить под нее [illegible] ключи, под своеобразным наименованием контр-подражания.

С [illegible] стороны проф. У. Мак Даугалл („Основные проблемы социальной [illegible] особенно выдвигая природу инстинктов в индивидуальной жизни, перенесшее центр тяжести на область общественно-психологических [illegible] „если" теории [illegible], „справедлив тот взгляд, что всюду и всегда человеческая натура имеет инстинктовый природный фундамент, то эта точка зрения послужит [illegible] необходимым базисом для построения человеческих обществ и учреждений".

Говоря затем о невыясненности вопроса об инстинктах со стороны психологов и о том, что они придают им слишком мало внимания, другие же, как напр. Шнейдер и Уильям Джемс признают у человека такое же количество инстинктов, как и у животных, отводя им соответствующую роль в определении человеческого поведения, автор придерживается, без достаточного основания, последнего взгляда. Вместе с тем он признает за инстинктом „наследственное и врожденное психо-физическое предрасположение", которое наделяет того, кто им обладает, способностью воспринимать известные об'екты, обращать на них внимание, испытывать особенное чувственное возбуждение при восприятии такого об'екта и производить соответственные особые акты или, по крайней мере, испытывать импульс к ним". На этих то инстинктах автор и строит свою социальную психологию, рассматривая последовательно роль инстинкта размножения и родительского инстинкта, инстинкта воинственности или драчливости, стадного инстинкта, инстинктов, посредством которых религиозные концепции влияют на социальную жизнь, инстинкта стяжания и строительства; из других же факторов, регулирующих взаимоотношения индивидов общественной жизни, автор останавливается на подражании, игре и привычке.

Ясно, что, строя свою социальную психологию, У. Мак Даугалл неизбежно пришел к необходимости расширить понятие инстинктов до гиперболических размеров. Достаточно сказать, что автор различает в числе первичных склонностей человеческой души, влияющих на жизнь общества, кроме вышеуказанных инстинктов, еще инстинкт бегства, инстинкт отталкивания, инстинкт любопытства, инстинкт самоуничижения и самоуверенности и далее целый ряд инстинктов в форме страха, покорности и т. п. Более, чем очевидно, что и признание самих инстинктов того или другого рода в этом случае стоит в зависимости от предвзятой социально-психологической теории, сводящейся к „инстинктивному фундаменту" всех социальных явлений. Словом, дело сводится к искусственному построению определенной системы, ибо автор начинает исследование с предвзятой мысли, вытекающей из суб'ективного метода, вместо того, чтобы самые явления подвергать об'ективному анализу и из выясняющихся таким образом фактов строить самую систему.

Применение строго об'ективного метода к изучению социальных явлений исключает подобные натянутости, приводящие к ошибочным выводам и заключениям, вследствие чего, как мы уже говорили, та же строго об'ективная

точка зрения должна быть применяема и к разнообразным проявлениям коллективной или собирательной личности и только эта точка зрения может вывести эту важную область знания из детского состояния.

Как увидим ниже, строго об'ективное рассмотрение предмета приводит неизбежно к выяснению того, что и проявления собирательной личности, открываемые при анализе общественной жизни, подчиняются такой же закономерности, какая открывается при строго об'ективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной личности. Притом самые формы этой закономерности оказываются общими как для отдельной личности, так и для собирательной личности, что должно быть признано известным успехом в области знания, ибо учение о противоположении личности и толпы, признаваемое многими авторами, писавшими о толпе, в значительной мере преувеличено.

В проявлениях социальной жизни, как будет показано ниже, мы встречаемся в сущности с теми же рефлексами в форме общественных движений и с тем же их развитием и течением, какие мы находим и в деятельности отдельной личности. Эта для нас должно быть вполне понятным, если мы примем во внимание, что коллектив есть ничто иное, как собрание отдельных связанных между собою теми или иными интересами личностей, представляющее собою нечто целое в виде одной коллективной или собирательной личности.

Вот почему законы проявления деятельности коллектива суть те же, что и законы проявления деятельности отдельной личности. Иначе конечно и быть не может, ибо коллектив, представляющий собою собирательную личность, действует в целом, как об'единенная группа индивидов.

Отсюда понятно, что рефлексология отдельной личности должна проливать свет на коллективную рефлексологию, как и последняя должна проливать свет на первую, ибо обе науки, как и должно быть, стоят друг по отношению к другу в самом тесном соотношении.

В заключение считаю нужным сделать оговорку, что настоящее сочинение было начато еще в 1910—11 годах и тогда же мною были намечены общие его основы, причем первые его главы были отчасти изложены в моей работе: „Предмет и задачи общественной психологии, как об'ективной науки" в 1911 году (см. „Вестник Знания" 1911 и отд. изд.). Вот почему текст этой работы с необходимыми исправлениями вошел и в соответствующие места настоящей книги.

В. Бехтерев.

Введение.

Общественные явления являются деяниями человеческих рук, а потому, каковы бы ни были внешние влияния, их определяющие, сам человек ни в каком случае не может быть игнорируем, как фактор общественных событий.

Но деятелем здесь является не та или другая личность, а целое общество, толпа, собрание или коллектив, а это—не одно и то же. Отсюда очевидно, что психология отдельных лиц не пригодна для уяснения общественных движений и развития общественных событий, поскольку отдельная личность не может быть олицетворением всего общества или народа. На этой почве, собственно, и возникают попытки создать особую т. наз. „социальную психологию".

Еще в 60 годах истекшего столетия Steinthal и Lazarus сделали такую попытку создания „психологии народов". Они исходили из предположения, что народный дух отличен от индивидуальной души. Существование народного творчества как бы говорило по их мнению в пользу существования особого сверхличного сознания или собирательного народного духа. Благодаря этому, и различия в культуре народов об'ясняются будто бы особенностями их национального или народного духа.

Но эта попытка не встретила большого сочувствия, так как о сверхличном сознании или об едином народном духе можно говорить лишь в виде фигурального сравнения, а ничуть не как о реальном факте.

Дело в том, что, если понимать под сознанием внутреннее содержание „я", как это вообще общепризнано, то немыслимо делить человеческое сознание на индивидуальное и общественное или народное сознание, понимая под последним не собирательное сознание отдельных лиц, входящих в состав народа и его представителей, а нечто выделяющееся, как единое сверхличное сознание. Вполне естественно поэтому, что попытка создать социальную психологию на таком основании не могла иметь успеха и была встречена возражениями с разных сторон.

Дальнейшим развитием той же идеи, но в другом направлении, является работа W. Wundt'a относительно „психологии народов". Предметом своего исследования он взял собственно язык, миоы и обычаи, как продукты коллективной

деятельности народного ума, и задался целью при этом изучить те психические законы, которые в них проявились.

Легко видеть, что дело идет здесь уже не о сверхличном или народном сознании, а об изучении коллективной творческой деятельности, и в этом отношении В. Вундтом несомненно сделан существенный шаг вперед, хотя им и не создана социальная или общественная психология в настоящем смысле слова.

По В. Вундту [1]), общие продукты творческой деятельности обусловливаются тем, что „творчество одного индивида может быть признано со стороны другого адэкватным выражением его собственных представлений и аффектов, а потому множество различных лиц могут быть в одинаковой мере творцами одного и того же представления". Дело таким образом сводится к тому, что в общественных организациях можно говорить об индивидуальных психических процессах, которые в той мере, в какой они отвечают таким же процессам других лиц, являются общими продуктами психической деятельности известного ряда лиц. Но в таком случае, очевидно, не может быть социальной психологии, так как при этом для нее не открывается никаких новых задач кроме тех, которые входят и в область психологии отдельных лиц.

Очень многое было сделано для изучения особенностей проявлений толпы авторами романских народов. Мы упомянем здесь о работах Tarde'a, Le Bon'a, Sighele и др.

В России психология толпы изучалась Михайловским, а за ним и целым рядом других авторов. Но толпа является отдельным видом общественных форм и при том наиболее элементарным из них, представляющим все особенности такого характера. Таким образом, толпа является лишь одним из об'ектов исследования науки, изучающей общественные проявления человеческой деятельности.

К вопросам общественного характера относится и работа автора настоящего труда, вышедшая впервые в 1898 году под заглавием: „Роль внушения в общественной жизни" [2]), в которой оценено значение внушения, как важного фактора в области проявления общественных процессов. С тех пор до позднейшего времени на русском языке не было попыток охватить т. н. „психические" проявления народных масс в их целом, если не считать небольших брошюр, принадлежащих перу различных авторов. Заграницей мы имеем ряд трудов, появившихся за это время: Лебона, Тарда, Балдуина, Де ля Грассери, Россеци, Вундта и др. Их общий недостаток—подход к вопросу с помощью суб'ективного метода.

В более позднее время появилась у нас работа А. Копельмана [3]), стремящегося установить общую точку зрения на этот предмет, при чем его анализ приводит к совершенному исключению народного духа или сверхличного сознания.

---

[1]) W. Wundt. Völkerpsychologie, II часть, стр. 593.

[2]) Вышло 3-м изданием в 1908 г.

[3]) Чем должна быть коллективная психология? Введение к работам по коллективной психологии. Одесса. 1908 г.

По автору, „в основе социальных духовных продуктов могут лежать единственно только индивидуально-психические процессы", и потому корень социальных явлений нельзя искать „в чем-либо другом, кроме индивидуальных сознаний, исключительно индивидуальных, не имеющих никаких социальных отделений".

Автор признает, что социальные продукты, являясь произведением отдельных лиц, обладают характером заключающегося в них об'единения индивидуальных продуктов, но он не считает возможным делать из этого факта заключение „об единстве сознаний создавших их индивидуумов, народа".

Он допускает общественное единство или—в цивилизованных народах—много отдельных единств под общим названием „коллектива", под которым автор понимает „всякую групповую единицу, об'единенную происходящим в ней процессом установления психического единства" (стр. 37). Об'ектом коллективной психологии автор и признает такой коллектив. Коллективная психология поэтому исследует, по автору, не особенный психический процесс, а берет его в связи с процессами, происходящими в остальных членах коллектива, и ищет определить суть этой связи, взаимоотношение между такими индивидуальными процессами и закономерность, проявляющуюся при этом.

Эта точка зрения, несомненно, правильнее той, которая заявлялась другими авторами. К сожалению, автор далее общей постановки вопроса не пошел и не мог отрешиться от суб'ективной точки зрения в рассматриваемом предмете.

К тому же в дальнейшем изложении автора снова идет речь „об единстве сознаний" отдельных индивидов. „о душе коллектива"—в pendant к индивидуальной душе (стр. 42), „о слиянии психик", „образующих единую коллективную душу" и т. п.

Мы полагаем, что в обществах и собраниях можно говорить о взаимодействии и до известной степени о нивелировке продуктов соотносительной (нервно-психической) деятельности отдельных лиц, но не об единстве их в форме „единой коллективной души", что мало обособляет нас от взглядов Steinthal'я и Lazarus'а, против которых восстает и сам автор.

Повидимому, наиболее полно мысли Копельмана переданы в следующем пункте (стр. 42 и 43): „Мы должны себе представит психику каждого индивидуума сливающеюся в большей или меньшей степени с психикой других индивидуумов. К психическому содержанию индивидуума, к материалу, относящемуся и выработанному в его мозгу, прибавляется содержание других сознаний". „Таким образом, происходит в большей или меньшей степени слияние психик, оне все образуют единую коллективную душу. В этой единой душе, в об'единенном, но в начале многообразном психическом содержании и происходит ряд процессов, в результате коих получается все большее уничтожение этого многообразия, т. е. единство: в ней и происходит единое коллективное творчество".

В противовес автору мы думаем, что правильнее говорить в общественных группах о собрании личностей и об их взаимодействии и интерференции, что приводит к об'единению продуктов творчества, но не об „единой психике коллектива“ или „единой коллективной душе“, каковой в действительности не существует. Словом, аппарат соотношения—мозг и его соотносительная деятельность [1]) отдельных лиц, находящихся в собраниях и группах, благодаря взаимодействию друг на друга дает в результате продукты социального творчества, ничуть не утрачивая своей самобытности и не сливаясь вместе с другими в общую единую психику или „единую душу“.

Далее, мы решительно стоим против всякого суб'ективизма в оценке общественной деятельности, который является неизбежным в том случае, когда речь идет об „единстве сознаний“, как основе коллектива.

По нашему мнению, если в индивидуальной психологии возможна речь о сознании, так как дело идет в этом случае об исследованиях, производимых путем самонаблюдения над самим собою, и, к сожалению, переносимых без достаточного оправдания по аналогии на других лиц, то мы ничуть не можем пользоваться методом самонаблюдения, основанным на аналогии со своим собственным сознанием, в применении к массе лиц в общественных группах, допуская при этом гипотетическое „единство душ“ или „единство сознаний“, и предполагая в то же время единство их содержания, т. е. единство ощущений, представлений и пр.

Мы полагаем, что во всех случаях, когда речь идет о проявлении соотносительной деятельности массы лиц, мы должны, как это говорилось и ранее, совершенно оставить суб'ективную точку зрения, так как только, фигурально выражаясь, мы можем говорить о народной душе, о народном чувстве, о народном представлении, понимая под этим, собственно, чувства или представления многих лиц, особенно из среды руководящего класса населения, но не слитное чувство или представление массы лиц.

Отсюда очевидно, что в „коллективной рефлексологии“, как мы будем называть новую дисциплину, мы можем говорить о проявлениях соотносительной деятельности целой группы лиц и об их внешних реакциях при тех или иных условиях, а не о суб'ективной стороне их психики, которая остается в этом случае вне поля исследования. Иначе говоря, коллективная рефлексология должна быть наукой исключительно и в строгом смысле слова об'ективной, а не суб'ективной.

Во всяком общественном деле, какой бы насущной реальностью оно не вызывалось, есть элемент высшего порядка или, выражаясь более точно, элемент рефлексологический.

Всем известно, какую роль играет этот элемент в бою, на войне. Авторитеты совершенно определенно говорят, что успех в бою в большей мере должен падать на „дух“ войск, нежели на их физическую силу.

---

[1]) Об'ективный термин, предложенный мною в рефлексологии на место суб'ективного понятия „психическая деятельность“.

По словам Мельяра победа в войне дается не превосходством орудий разрушения. Есть сила, старая, как мир, и тем не менее вечно юная, сила более странная, чем пушки и ружье, способная к порождению всевозможных сюрпризов, ибо она мгновенно создает самые неожиданные средства для действия, чрезвычайно разнообразные и в то же время удивительно соответствующие обстановке. Это—сила нравственная. Эта сила, развившись в массах, воодушевляет, одушевляет их и делает их способными к принесению величайших жертв для победы. Нравственная сила заставляет склоняться весы победы на свою сторону. Еще Наполеон сказал, что на войне нравственный элемент относится к физическому, как 3 к 1, и он был прав.

В этом смысле высказывается и военный писатель С. Гершельман.

По его словам формула, данная Наполеоном, относительно роли нравственного элемента на войне нисколько не изменилась, напротив, этот элемент приобрел еще более первенствующее значение [1]).

О том же мы читаем у Корфа [2]), Головина [3]) и др. писателей. Подробности по этому поводу можно найти в работе д-ра Шумкова [4]).

Здесь заметим, что уже нестарому было известно, что значит в войсках энтузиазм, который часто дает перевес над силой. В этом отношении такой незаменимый авторитет, как Бернгарди, защитник создания для Германии сильной по численности армии, по словам Шерадама, заявляет: „Не следует никогда забывать, что моральные и интеллектуальные факторы всегда преобладают над другими и в некоторых пределах, довольно впрочем непостоянных, они проявляются гораздо могущественнее, чем факторы численности. Однако, как показывает теория и опыт, при чрезвычайном преобладании численности становится бесполезным даже и гений, так как масса, действуя, как таковая, если она достаточно велика, может окончательно стереть всякие превосходства интеллекта и морали". Не должно упускать из виду, что и в этом последнем случае не обходится дело без морального фактора, который на одну сторону действует, вселяя уверенность в победе, а на другую действует угнетающе, парализуя ее активность.

Значение такого же морального элемента в труде сказывается хотя бы тем различием, какое обнаруживается в результатах труда,— будет ли он вестись из под палки по принуждению или по доброй воле, будет ли он оплачиваем поденно, премиально или сдельно. С другой стороны общеизвестна роль настроения и интереса в труде.

Далее в числе причин, понижающих производительность труда, играет роль между прочим и неуверенность в успехе того или другого предприятия. Вообще в работе более, чем в каком либо другом деле, мы должны считаться с рефлексологическими моментами, относящимися к рабочему коллективу.

---

[1]) С. Гершельман. Нравственный элемент в руках Суворова. 1901.

[2]) П. А. Корф. О воспитании воли военных начальников. Общ. ревнителей военных знаний, вып. 1, 1906.

[3]) К. П. Головин. Исследование боя. СПБ. 1907.

[4]) Д-р Г. Е. Шумков. Психика бойцов во время сражений, вып. 1. СПБ.

Мода в значительной степени основана на такого рода данных, в которых особое значение имеет элемент новизны и внушения с одной стороны и удовлетворения тщеславия определенных слоев населения с другой.

И в экономической жизни закон спроса и предложения не является единственным его руководителем. Наряду с ним во всех случаях имеет силу и фактор доверия, которого значение с особенной силою выдвигается в период экономических потрясений. В этих случаях доверие играет даже большую роль, нежели экономические факторы. Допустим, какая либо фирма потерпела ущерб и лишилась имущества. Но если фирма сохранила к себе доверие, ее не объявляют банкротом, а оказывают ей всевозможное содействие, помогая ей выйти из затруднительного положения и так или иначе оправиться от понесенного потрясения.

В условиях торгового обмена также не обходится дело без соответствующего элемента. Разве в торговом обороте не играет роли соблазн и внушение? Наконец и экономика и финансовая сфера не обходятся без того же самого. В конце концов всякие деньги и система не основана ли на том, что именуется доверием? Как только доверие к прочности финансовой системы подорвано, так тотчас же курс бумажных денег летит вниз.

С другой стороны вот что мы можем извлечь по поводу оценки денежного обращения из книги Туган-Барановского—„Бумажные деньги и металл" и его же статьи „Нужно ли бояться умножения бумажных денег?", помещенной в „Бирж. вед.". При значительном количестве денег в обращении, вследствие умножения покупательной силы и увеличения спроса на товары, мы имеем увеличение их цен особенно на те, которые являются предметом спроса. За этим следует понижение дисконтного %, вследствие скопления денег в банках и чрезмерного отпущения их кассовой наличности, что в свою очередь приводит к оживлению предприимчивости и к повышению цен, опять таки в первое время не вполне равномерно, хотя со временем пропорциональность цен должна восстановиться.

„Есть, однако, еще один фактор подъема товарных цен, в связи с увеличением количества денег в стране—фактор, действующий гораздо быстрее и приводящий к пропорциональному росту всех товарных цен, охватывая собою весь товарный рынок в совокупности.

Фактор этот всецело психологического свойства, в противоположность всем первым объективным факторам. Дело в том, что товарная цена слагается из сознательных оценок отдельных личностей, причем, денежная цена есть выражение оценок двоякого рода—оценки приобретаемого товара и оценки отдаваемых за товар денег, как покупательного средства. При обычных условиях денежного рынка деньги не являются предметом самостоятельной расценки. Каждый покупатель расценивает относительное значение для своего хозяйства различных товаров, которые он может получить в обмен на деньги, но какова ценность самих денег—этот вопрос не возникает перед покупателем в нормальное время, так как обычно деньги являются ценностью, наи-

менее колеблющейся в своей величине, в силу чего они и служат мерилом ценности всех товаров, не будучи сами предметом измерения.

Это все равно, как при определении длины предмета мы говорим— „в нем 2 аршина", не задаваясь вопросом, какова длина самого аршина.

В народно-хозяйственной жизни бывают моменты, когда этот обычно столь устойчивый измеритель ценности всех товаров—деньги теряют свою устойчивость и начинают изменяться в своей величине.

Общественное сознание, привыкшее исходить из неизменности ценности денег, как общего мерила ценностей всех товаров, с трудом отказывается от своего традиционного воззрения на неизменность ценности денег.

Одни факты способны разрушить самые закоренелые предрассудки и поколебать самые упорные предвзятые мнения.

Когда цены того или другого товара начинают расти, то общественное мнение обычно приписывает этот рост причинам, коренящимся не в области денег, а в области условий сбыта данного товара.

Но если число товаров, цены которых растут, все увеличивается и подъем цен принимает длительный и устойчивый характер, охватывая весь товарный рынок, то общественное сознание капитулирует перед фактами, теряет свое прежнее доверие к неизменности ценности денег и начинает подвергать измерению ценность самих денег.

„Не падают ли сами деньги в своей цене?"—спрашивает себя обыватель и в случае утвердительного ответа, соответственно изменяет свои собственные товарные расценки. Если, по мнению обывателя, деньги упали в два раза в своей цене, значит, он может повысить вдвое свои расценки всех товаров.

В этом случае происходит общее и пропорциональное повышение всех товарных цен не путем игры бессознательных стихийных сил столкновения спроса и предложения, а через посредство общественного сознания".

Надо заметить, что в экономической жизни законы рефлексологии проявляются так же, как и во всех других сферах общественной деятельности. Так спрос, как и предложение, часто подчиняется закону подражания и при том то и другое по закону инерции осуществляется в гораздо бо́льшей мере, нежели это надлежало бы по обстоятельствам дела. С другой стороны, спрос и предложение подчиняются закону дифференцировки, как и другим законам, ибо первоначально спрос под влиянием потребности принимает более общую форму и лишь затем он устанавливается в виде спроса на определенные предметы. А так как всякий акт при прочих равных условиях осуществляется в сторону наименьшего сопротивления, то и удовлетворение общественной потребности происходит первоначально в любой стране путем обмена на деньги, добываемые привычным трудом, и лишь со временем эта потребность, как цель, удовлетворяется путем осуществления добывающей и обрабатывающей промышленности.

„Политические желания, говорит Münsterberg, должны были считаться с тем фактом, что вся экономическая жизнь в конечном итоге зависит от хозяйственного человека и что этот хозяйственный человек обладает не только

телом, но и душой. Работа его мускулов регулируется волевыми побуждениями его сознания, благо, которое производит и распределяет хозяйство, должно через посредство чувств воздействовать на сознание человека. Образование цен на хозяйственные блага или еще какой-либо другой экономический элемент—все равно—психологические факторы требовали всегда к себе особого внимания" (Психология и эконом. жизнь, стр. 22). „Когда встречаются покупатель и продавец, когда сталкиваются работодатель и рабочий, короче говоря, когда совершается какой-либо экономический процесс в окружающем нас обществе, то один человек противостоит другому не как объект, который требует объяснения, а как субъект который должен быть не объяснен, а понят(?). Это справедливо по отношению к нашему повседневному общению с людьми, к каждому разговору, к каждому непосредственному взаимоотношению между людьми" (Там же, стр. 24).

Мы знаем, что потребности, возникающие в результате привычки, т. е. повторного возбуждения одних и тех же сочетаний рефлексов обусловливаются установившимся вкусом, модой, подражанием; а разве это не сводится в конце концов опять таки к сочетательным рефлексам? И затем, если этим определяются потребности, то, очевидно, и предложение должно приноровливаться к этим потребностям. Вот, например, один американский строитель торговых судов заявлял Токвилю, что ему составляет полный расчет строить непрочные суда в виду того, что вкус покупателя по отношению к ним изменчив. Точно также, если обычай устанавливает для небольшой сравнительно местности с небольшим населением особый покрой платья, то очевидно, что машинное производство его оказалось бы неосуществимым. Опять таки и здесь обычай, этот упрочившийся коллективный рефлекс, является регулятором экономической жизни.

Вообще там, где цены впервые устанавливаются, играет большую роль установившийся обычай, ибо он определяет потребность. С другой стороны спрос и предложение являются основными факторами в деле установления цен, согласно мнения всех экономистов, но, как мы знаем, и спрос, и предложение сами по себе могутъ и должны быть рассматриваемы, как коллективные рефлексы.

Надо впрочем заметить, что экономика, как наука, мало считалась до сих пор с ролью факторов, лежащих в условиях соотносительной деятельности. Так, на рынке далеко не всегда цены определяются, как мы уже говорили, спросом и предложением или по крайней мере не исключительно ими, ибо многое еще зависит от так называемого „вкуса" публики, от так называемой „моды", основанной также на условиях соотносительной деятельности, и наконец от внушения и уменья продавца показать товар. Присмотритесь к умелому торговцу, как он расхваливает свой товар, как он старается его навязать покупателю, и он его навязывает в значительной мере путем внушения и убеждения в его доброкачественности, а то и другое в конце концов зависят от личных качеств самого торговца, т.-е. от его уменья и сметливости и вообще от развития его соотносительной деятельности. Этим путем и можно

объяснить то обстоятельство, что товар одного и того же качества одним торговцем может быть продан за одну цену, другим за другую цену.

Даже область рекламы не обходится без помощи того же самого элемента, и, как известно, эксперименты, поставленные для выяснения воздействия тех или иной формы рекламы на публику американским психологом Münsterberg'ом, привели к небезынтересным в этом отношении результатам, о которых распространяться здесь было бы излишне. Рефлексологический метод строго объективного исследования в свою очередь мог бы дать здесь не мало ценных результатов, если бы эта область исследования стоила вообще большого внимания.

Нечего говорить, что в биржевой игре и денежной спекуляции вообще моральный элемент представляется общеизвестным и здесь нет надобности с ним распространяться. Достаточно вспомнить здесь всем известные биржевые паники, составляющие обычное явление в периоды ажиотажа.

Другим примером таких моментов в экономике и финансовой сфере являются выигрышные займы. Их притягательная сила, как и всякие вообще потери, общеизвестна, хотя все признают в то же время и невыгодность помещения в них денежных средств.

Всем известно, как революционный процесс отразился в России на финансах страны. Восстановив права угнетаемых классов, революция первым делом должна была обставить их соответственным образом и с материальной стороны, со стороны их заработка, но осуществление этих прав на лучшее обеспечение трудовых элементов не сообразовалось с увеличением производительности труда, которая наоборот в начале революции даже резко упала, а это привело к глубокому нарушению в финансах страны. Откуда было государству покрывать необычайный рост расходов, обусловленный невероятным повышением заработной платы? Очевидно только бумажным станком, а это в свою очередь стало подрывать доверие к стоимости денежных знаков, откуда быстрое и неудержимое их обесценение.

Нечего говорить, что в отношении наказания и награды моральный элемент играет огромную роль. Институт смертной казни и суровых репрессий, признававшаяся необходимостью в прежнее время при недостаточной организованности общества, при меньшей возможности предупреждать преступления и при большей грубости нравов, с течением времени отменяется уголовными кодексами различных стран.

Однако в условиях военного времени введение смертной казни признается неизбежным, как мера устрашения против дезертирства и других тяжких преступлений в войсковых частях, находящихся на театре военных действий.

Вряд ли нужно говорить здесь о моральном значении поощрительных наград.

Из всего сказанного ясно значение морального элемента в общественной жизни.

Да иначе и быть не может. Жизнь общества есть ничто иное, как жизнь собрания или коллектива отдельных индивидов. И если в жизни каждого

индивида его соотносительная деятельность является главной, хотя и не единственной руководительницей его поведения, то очевидно и в жизни общества или коллектива вышеуказанный элемент должен играть первенствующую роль.

К сожалению изучение общества с точки зрения коллективной рефлексологии до настоящего времени еще не началось. Правда имеются очень почтенные трактаты по общественной психологии, но они большею частью посвящены изучению тех или иных сторон общественной жизни и, будучи проникнуты суб'ективизмом, не охватывают всего предмета. Вот почему мы вправе утверждать, что, не смотря на имеющийся ряд сочинений по тем или другим вопросам общественной психологии, коллективной рефлексологии, как об'ективной науки, как мы ее понимаем, пока еще не существует.

Спрашивается однако, как можно себе об'яснить это обстоятельство, особенно, если принять во внимание огромную и детальную разработку психологии отдельной личности. Казалось бы, что, если в психологии отдельной личности сделаны известные успехи, то их остается только перенести на собирательную личность, в силу чего развитие общественной науки такого же рода, казалось бы, должно идти шаг в шаг вслед за психологией отдельной личности. На самом же деле мы видим другое и это потому, что психологический метод, как чисто суб'ективный метод или метод самонаблюдения, с которым доныне оперирует психология отдельной личности, совершенно не пригоден для изучения собирательной личности.

Хотя мы и говорим по аналогии с самим собой об общественном сознании, общественном чувстве, общественной мысли, общественной воле, но, как мы уже упоминали, самонаблюдение, на котором основаны эти понятия, относящиеся к отдельной личности, к собирательной личности или к коллективу совершенно не применимы.

Да и в отношении отдельной сторонней личности я доказываю в своих „Основаниях рефлексологии" необходимость строго об'ективного изучения соотносительной деятельности, понимая эти отправления, как совокупность высших рефлексов. И надо признать, что, если об'ективное изучение соотносительной деятельности отдельной личности дает обоснование особой научной дисциплине, которую я обозначаю именем рефлексологии, то тем более это имеет силу в деле изучения высших отправлений собирательной личности или коллектива, где самонаблюдение совершенно не применимо, а потому не может быть и суб'ективной общественной психологии, на поминающей нам суб'ективную психологию отдельной личности.

Очевидно, что к делу изучения высших отправлений собирательной личности может и должен быть применен исключительно метод об'ективный, который был положен нами в основание рефлексологии. Поэтому, относясь строго об'ективно к проявлениям собирательной личности или коллектива, мы можем говорить только о ее соотносительной деятельности, проявления же ее в коллективе мы можем обозначать, аналогично проявлениям отдельной личности, высшими или сочетательными рефлексами. Вследствие этого и самое название науки, соста-

вляющей предмет наших изысканий в настоящее время, мы назовем коллективной или социальной рефлексологией.

Мы увидим ниже, что, идя по этому строго объективному пути, мы можем делать многие из тех обобщений, которые уже достигнуты в области рефлексологии отдельной личности и которые делают эту дисциплину стройным научным зданием.

Если рефлексология изучает проявления соотносительной деятельности отдельных индивидов, то коллективная рефлексология изучает ту же деятельность коллектива. Она показывает, следовательно, как проявляется эта деятельность в том случае, если образуется социальное объединение между несколькими (двумя, тремя и большим числом) индивидами и в какой мере особенности этой соотносительной деятельности зависят от характера социальной связи, устанавливаемой между отдельными индивидами.

Отсюда очевидно, что коллективная рефлексология кроме того и даже прежде всего должна выяснить механизм связи отдельных индивидов между собою при образовании коллектива.

Но каковы бы ни были результаты взаимоотношений отдельных индивидов, образующих коллектив, раньше всего этого происходит установка этих взаимоотношений. Эта установка взаимоотношений всегда происходит по принципу образования сочетательных рефлексов. Всякий индивидуальный акт, удовлетворяющий как свои личные интересы, так и интересы другого, вызывает ответный рефлекс такого же рода или, по крайней мере, рефлекс с аналогичными результатами, а это и приводит при повторении к возбуждению соответствующей реакции и установке отношений на почве взаимности (do ut des). Напротив того всякий индивидуальный акт, неблагоприятно действующий на соседа, вызывает с его стороны рефлекс оборонительного характера и приводит к установке взаимоотношений на почве раздора и возмездия, который впоследствии входит даже в писанный закон—„око за око, зуб за зуб“. Но, конечно, раньше всяких писаных законов действует неписанный закон, закон обычая, установленный самой жизнью или жизненным опытом коллектива. Этот то жизненный опыт и приводит к тому, что между сожительствующими устанавливаются в одном случае взаимно благоприятствующие отношения, в другом случае взаимно неблагоприятствующие или враждующие отношения. В конце концов эти отношения упрочиваются благодаря повторности самих актов, входящих в привычку, а затем и в обычай, традиционно передаваемый из поколения в поколение.

Так как установка благоприятствующих взаимоотношений находит в большей мере соответствующие условия среди своей семьи, а затем и среди сородичей, то естественно образование уже в первобытную эпоху существования человека племенных групп вообще на почве сотрудничества входящих в них единиц; установка же враждующих взаимоотношений естественно находит благоприятную почву между разными племенными группами. Отсюда постоянные войны и нападения одной племенной группы на другую в условиях первобытной культуры.

Так дело происходит в первоначальный доисторический период жизни человечества с установлением коллективов, при чем взаимная согласованность в действиях отдельных членов коллектива еще более закрепляется благодаря подражанию и рефлекторной заразе с одной стороны и необходимости применения коллективной обороны и коллективного же нападения, в целях обеспечения существования самого коллектива, с другой стороны.

Нет надобности говорить, что необходимость коллективной обороны и коллективного нападения, представляющих собой ничто иное, как коллективные оборонительные и наступательные рефлексы, в такой мере возбуждает общие интересы, что является скрепляющим звеном между членами коллектива; но эти же условия, возбуждая вражду между отдельными группами или коллективами, приводят в то же время и к раз'единению этих коллективов.

Помимо коллективных рефлексов оборонительного и наступательного характера мы можем иметь и другие формы коллективных рефлексов, как коллективное наблюдение, коллективные инстинкты, коллективные эмоции или мимико-соматические рефлексы, коллективное сосредоточение и т. п., а все это вместе взятое и составляет предмет изучения коллективной рефлексологии.

Обильный материал для последней дают те моменты в истории народов, которые, сопровождаясь бурными общественными движениями, приводят к государственным переворотам. Во время революции в один месяц страна переживает то, что в других условиях она переживает в течении целых столетий. В такие периоды истории все вообще проявления соотносительной деятельности общества представляются более яркими и более выпуклыми, давая тем самым обильный источник для изучения коллективной рефлексологии.

Вот почему многие из тех данных, которые послужили основой для положений, выставляемых в этой книге, почерпнуты мною из русской революции, которую мне со всеми другими русскими гражданами, пришлось переживать как в 1905, так и в 1917 и следующих годах.

В заключение скажем, что общественные явления, будучи очень сложными, не могут быть об'яснены какой-либо одной закономерностью, одной зависимостью, как это полагал известный социолог Тард, устанавливая законы подражания. Дело идет здесь несомненно о более сложных зависимостях, раскрыть которые можно лишь путем анализа общественных явлений в разных направлениях.

Если анализ такого физического явления, как вихрь, показывает, что движение частиц земляной пыли и воздуха подчинено целому ряду зависимостей, характеризующих определенную закономерность явлений, как то: закон противодействия равного действию, закон притяжения и отталкивания, закон инерции, закон ритма и т. п., то ясно, что и столь сложные явления, как общественные движения, должны быть также результатом целого ряда зависимостей, которые должны быть выяснены соответствующим анализом.

С тех пор, как человеческие действия мы стали выяснять не с точки зрения суб'ективной причинности, а с точки зрения строго об'ективной, при-

зная необходимым все действия человеческой личности рассматривать, как проявления высших или сочетательных рефлексов, в основе которых лежит энергия, как бы ее ни называли, нервной или нервно-психической, но во всяком случае энергией, уподобляющейся по своей природе другим видам энергии, явилась возможность установить закономерное развитие в проявлениях и действиях отдельных личностей [1]). Отсюда очевидно, что и в проявлениях народных масс, представляющих собою собирательную личность, должна быть определенная закономерность их развития.

При этом наблюдение и опыт приводят нас к выводу, что основные законы соотносительной деятельности собирательной личности те же, что и для всей вообще живой и неживой природы. Здесь путем анализа раскрываются те же общие космические законы, как закон сохранения энергии, тяготения, отталкивания, противодействия равного действию, подобия, ритма, энтропии, эволюции, дифференцировки, обобщения или синтеза, приспособляемости, отбора, инерции и т. п.

Мы увидим, что мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех вообще явлений как неорганических, так и органических и надорганических или социальных, о чем подробнее будет речь в последующем изложении [2]).

Иначе это и быть не может. Если мир живой природы является результатом превращения и осложнения неживой природы путем эволюции, а в этом естественно-научное мировоззрение не дает основания ни на минуту сомневаться, то спрашивается, почему должны быть одни законы для неорганического мира, другие для органического и третьи для надорганического мира.

Если бы это было иначе, то мы должны были бы признать существование двух или даже трех миров, не имеющих между собой ничего общего, или что какое то чудо разделило не только наш земной мир, но и вселенную на две или три несоизмеримые между собою части, что представлялось бы явным абсурдом.

[1]) См. В. Бехтерев. Общия основания рефлексологии. Петроград.

[2]) См. В. Бехтерев. Об основных законах мира в связи с об'ективным рассмотрением личности и социальной жизни с точки зрения рефлексологии. „Вопросы изучения и воспитания личности", вып. 2 и след.

II. Определение коллективной рефлексологии.

Понимаемая в вышеуказанном смысле коллективная рефлексология ничуть не может быть отождествляема с психологией народов в том виде, как понимает ее В. Вундт. От последней коллективная рефлексология вполне отграничивается, так как предметом ее не служат одни лишь мифы, обычаи и язык народов, но все, вообще, проявления коллективной соотносительной деятельности—и при том не только таких больших племенных общественных групп, как отдельные народы, но и более мелких социальных групп, на которые разделяются отдельные народы, а также и проявления соотносительной деятельности групп, выделяемых народами для установления совместной международной деятельности.

Не подлежит сомнению, что мифы, обычаи и язык отражают в себе в значительной мере особенные черты народа и потому составляют материал для характерологии каждого народа,—материал, хотя и ценный, но далеко еще не исчерпывающий предмета в указанном отношении.

Дело в том, что и другие проявления соотносительной деятельности народа, как наука, искусство, религия, литература и пр., поскольку они являются оригинальным продуктом деятельности данного народа, также могут служить в известной мере для характерологии народов. Хотя эти проявления творческой деятельности и отнесены Вундтом к продуктам индивидуального творчества или творчества отдельных личностей данного народа и как бы противополагаются тем продуктам безличного социального творчества, к каковым, по его взгляду, должны быть отнесены мифы, обычаи и язык, но несомненно, что и эти продукты творческой деятельности народов в той мере, в какой они отражают собою проявления коллективной деятельности представителей данного народа, их воззрений и взглядов, не могут быть исключены из характерологии последнего.

Как бы то ни было, изучение мифов, обычаев и языка народов, имея особое значение по отношению к их характерологии, ничуть не представляет собою не только единственного, но даже главного источника изучения коллективной деятельности. При том же коллективная рефлексология имеет своею целью не столько исследование племенных особенностей соотносительной деятельности, сложившихся под влиянием ряда исторических событий и условий

климата и местности, в которой данный народ живет и развивается, сколько определение общественных настроений, общественной же творческой работы и общественных действий. Поэтому в коллективной рефлексологии, как мы ее понимаем, результаты исследований относительно мифов, языка и обычаев могут занимать лишь особый отдел и не могут занимать в ней исключительного или даже первенствующего положения.

Прежде всего мифы и обычаи, идущие из старины и являющиеся перепевами давнего прошлого, не могут характеризовать современное общество. Равным образом и язык, сложившийся веками, сам по себе не дает полного материала для рефлексологического исследования современных общественных групп. В этом случае содержание и внешняя форма тех заявлений, которые делаются тем или другим народным собранием или представительством, имеет не меньшее значение для рефлексологической характеристики самого народа, равно как различные стороны его быта и проявления народных движений.

Коллективная рефлексология, как показывает и самое название, естественно соприкасается с общей рефлексологией отдельной личности, обособляясь от нее тем, что она исследует не соотносительные проявления отдельных индивидов, а соотносительные проявления социальных групп.

В этом смысле имеется известное соотношение между рефлексологией отдельной личности и коллективной рефлексологией, так как первая стремится выяснить особенности отдельной личности, найти различие между индивидуальным складом отдельных лиц и указать рефлексологическую основу этих различий, тогда как коллективная рефлексология, изучая массовые или коллективные проявления соотносительной деятельности, имеет в виду собственно выяснить, как путем взаимоотношения отдельных индивидов в общественных группах и сглаживания их индивидуальных различий достигаются социальные продукты их соотносительной деятельности.

Не подлежит никакому сомнению, что в проявлениях соотносительной деятельности социальных или общественных групп имеются известные особенности, проистекающие из того, что эта деятельность проявляется не в индивидах, взятых отдельно друг от друга, а в группах и собраниях лиц, сплоченных определенными интересами и действующих поэтому сообща, как одно собирательное целое.

Можно определенно сказать, что даже личности, входящие в состав того или другого собрания, нередко обнаруживают такие стороны своей соотносительной деятельности, которые обычно не проявляются в индивидуальной жизни.

Нередко, например, человек в толпе или собраниях преобразуется до такой степени, что даже перестает походить на самого себя, т. е. на человека, каким он является, будучи предоставлен самому себе.

Далее, случается, что человек, спокойный и даже несколько апатичный, возбуждаясь в толпе или собрании делаемыми здесь заявлениями, быстро заражается общим настроением и входит в такой пафос, какого он никогда в условиях индивидуальной жизни не проявил бы.

Благодаря известному под'ему настроения, находящему благоприятные условия в толпе, такого рода лица в своих страстных речах склоняют иногда массу других лиц к крайним решениям, которые являются, однако, несоответствующими их спокойному образу действий и поступков в индивидуальной жизни, где они бывают обыкновенно осторожными и осмотрительными.

Из всего вышеизложенного ясно, почему коллективная рефлексология, выясняющая особенности проявления соотносительной деятельности массы лиц, должна быть обособляема от той рефлексологии, которая имеет своей задачей исследование соотносительной деятельности отдельных лиц или общей рефлексологии.

С другой стороны коллективная рефлексология соприкасается с социологией, так как изучает основы совокупной деятельности социальных групп. В этом отношении мы должны сказать, что коллективная рефлексология является тем промежуточным звеном, которое соединяет между собою две науки: рефлексологию и социологию.

По С. Сигеле (Преступная толпа) „коллективная психология имеет совершенно особое поле исследования и идет противоположными путями в своем развитии, чем социология: она распространяется там, где социология отступает, и законно начинает царствовать там, где господство социологии прекращается. Чем более соединение единиц временно, случайно, неорганизованно, тем более оно удаляется от законов Спенсера и переходит в область исследования коллективной психологии".

Поэтому толпа, равно как присяжные, с'езды, театральная публика, являясь собраниями более или менее случайными, должны быть из'яты „из ведения законов социологии и подчинены законам коллективной психологии".

Вот почему толпа, как собрание наиболее неоднородное, является излюбленной темой авторов, посвящающих себя изучению законов коллективной психологии, в том числе и самого Сигеле.

Приблизительно такого же определения держится по отношению к коллективной психологии Де-ля Грассери [1]), по которому объектом коллективной психологии служат более или менее случайные и неорганизованные аггрегаты, не обнаруживающие ни дифференцирования, ни определенной координации, ни постоянства взаимоотношений, аггрегаты же организованные являются предметом изучения социологии. Равным образом и Росси [2]) по своим взглядам приближается к этому определению, ибо он отводит для коллективной психологии случайные аггрегаты в виде напр. толпы, для социальной психологии (то же, что психология или характерология народов) душу народа или расы, а для социологии взаимодействие первоначально бессознательно автоматическое, а затем постепенно становящееся сознательным.

Однако эти определения грешат прежде всего против социологии, которая, изучая взаимодействие между людьми, не ограничивает себя той или другой

---

[1]) Де-ля Грассери. De la psycho-sociologia. Revue de Sociologie. 1912. № 3.

[2]) P. Rossi. Psichologia collectiva. Milano. 1900, с. 213. См. также Sociologia e psychologia collectiva.

степенью органического единства, и в наименьшей степени грешат против коллективной психологии или рефлексологии по нашей терминологии, которой отводится небольшой, сравнительно говоря, угол в жизни людей, когда они образуют случайные и неорганизованные собрания.

Если только типовая рефлексология, как мы принимаем представляет собою тот объем значений, который изучает проявления деятельности объединенных общественных групп или коллективов с строго объективной точки зрения, то возникает вопрос, что остается на долю собственно социологии. Не подлежит сомнению, что имеется не только много точек соприкосновения, но и тесная внутренняя связь между этими научными дисциплинами, из которых одна изучает возникновение, развитие и установку коллективных проявлений или поведение общественных групп, тогда как другая—социология—изучает строение и жизнь самой собирательной личности и взаимодействие и соотношение общественных сил, главным образом в связи с разнообразными условиями, как напр. расовыми, экономическими, отчасти политическими, географическими, климатическими и другими. Нет надобности говорить, что эти факторы не остаются без значения и для коллективных проявлений собирательной личности, но тем не менее их руководящее влияние на строение и жизнь самой собирательной личности и на соотношение общественных сил—стоит вне всякого сомнения. А это все и составляет область социологии, как науки о строении и жизни общества в определенных условиях, как изучение жизни общества в условиях времени, следовательно того или другого периода развития цивилизации и культуры, составляет предмет исторических наук.

С нашей точки зрения социология изучает установление самой общественной жизни, причины социальных явлений, их следствия и взаимоотношение между индивидами, не задаваясь вовсе целью проникнуть в самый механизм развития социальных явлений, который относится всецело к задачам коллективной рефлексологии. Социология изучает общественные установления и общественные факты и явления, а также их взаимоотношение, прилагая к ним, где нужно, психологическое resp. рефлексологическое об'яснение. Но собственно исследование проявлений массовой или коллективной соотносительной деятельности не входит непосредственно в ее задачи. Она их только прилагает к об'яснению тех или иных общественных событий, из чего выясняется между прочим особое значение коллективной рефлексологии для социологии.

Далее одной из существенных задач социологии, без сомнения, является изучение сотрудничества и классовой борьбы, которая приводит постепенно к достижению прав, а затем и к достижению власти обездоленными классами народа и к ослаблению общественной роли господствующих до того классов. Если процесс сотрудничества и соглашения обычно приводит к усилению группы вступающих в сотрудничество сочленов, то процесс борьбы связывается с взаимным ослаблением участников борьбы, которая приводит в некоторых случаях к господству третьего элемента, иногда даже стороннего хищника. Последний в этом случае, пользуясь ослаблением данного общественного орга-

низма, легко им овладевает в собственных интересах. Так было с некоторыми из городских республик Апеннинского полуострова, напр. Флоренции. Так было и в позднейшие времена с Польшей. Все эти факты составляют материал социологии, как борьба за существование есть материал биологии. Но изучение самого процесса борьбы, ее поводов и развития ее в том или ином направлении, есть материал коллективной рефлексологии. Возникновение общественных рефлексов и поводы к ним, равно как их направление и проявление — это бесспорный предмет общественной или коллективной рефлексологии, тогда как результаты этой борьбы, как они проявляются в жизни общества, являются предметом ведения социологии. Равным образом и социально-экономические условия страны, приводящие к борьбе классов, составляют область социологии. Ясно, что обе научные дисциплины сливаются друг с другом в значительном числе, но задачи одной изучить возникновение, поводы к нему и самый процесс развития коллективных рефлексов, задачи другой учитывать результаты и условия соотношения общественных сил, их столкновения, борьбу и соглашения.

Из вышеуказанного ясно, что коллективная рефлексология должна быть обособлена от социологии, ибо последняя изучает жизнь общества, как она складывается под влиянием климата, местности, расовых, правовых и экономических условий, включая скрещивание в нем интересов более частных коллективов (борьба партий). Коллективная рефлексология, хотя и дает богатый материал для социологии и следовательно между обеими научными дисциплинами имеется много точек соприкосновения, но говорить о слиянии одного знания с другим, как допускают некоторые социологи особенно из позитивистов, все же нет достаточных оснований.

С другой стороны, если принять в соответствии с распространенным взглядом, что социология изучает явления человеческого взаимодействия, то коллективная рефлексология, как научная дисциплина, изучает явления отношения человеческих масс, об'единенных в коллективы, не только к другим человеческим коллективам или отдельным лицам, но и к животным и ко всей вообще окружающей среде. Помимо того, между социологией и коллективной рефлексологией имеется и другое различие. Если коллективная рефлексология имеет основной задачей изучать механизм образования рефлексов и поведения коллективов, то, очевидно, дело идет о деятельности социальных групп, в том или другом отношении об'единенных внутри себя, ибо коллектива не может быть без единения. Но социология не может ограничиваться изучением только тех явлений социального порядка, где устанавливается то или другое единение. Она простирает свое изучение и на изучение тех явлений, где наоборот обнаруживается раз'единение, борьба или открытая война, хотя бы она происходила между двумя лицами. Она занята вопросами социальных взаимоотношений безразлично, будет ли взаимоотношение устанавливаться между об'единенными группами или между индивидами. И несомненно не правы те социологи, которые к социальным явлениям относят лишь взаимоотношения сходных между собой индивидов об'единенных в одном общем действии (Гиддингс, Болдуин и др.); наоборот, более правы

те авторы, которые к социологии относят весь порядок явлений социального характера, независимо от содержания самого взаимоотношения между индивидами и группами, ими образуемыми. Ибо там, где существует разъединение и вражда, там имеется, конечно, взаимоотношение общественных групп или отдельных лиц, но в последнем случае коллектива уже нет.

С ма по себе социология, устанавливая связь между теми или другими социальными явлениями, не может дать и соответствующего объяснения во многих случаях без обращения к коллективной рефлексологии, так как только последняя дает возможность во многих случаях ближе определить существование внутренней связи между одними и другими социальными явлениями.

В то же время коллективная рефлексология не считает своею прямою целью изучать самые общественные факты и явления, она изучает лишь рефлексологические механизмы развития общественных явлений, их рефлексологическую подготовку и изучает условия, при которых развиваются сами явления в ряде индивидов в форме коллективных рефлексов.

Различие между коллективной рефлексологией и социологией лучше всего может быть выяснено таким образом. Для социолога не существенно знать, как образуется и какие изменения происходят в деятельности и реакциях коллектива по сравнению с реакциями и деятельностью отдельных индивидов. Он может, конечно, этим интересоваться, но это не его прямая задача, тогда как он естественно признает своей задачей выяснение взаимоотношений между социальными группами, как и самый факт установления социальных групп или коллективов. Таким образом изучение способа возникновения коллективных групп и особенностей проявления коллективной деятельности по сравнению с индивидуальной дело коллективной рефлексологии, тогда как выяснение количества коллективов, их особенностей и взаимоотношения между этими коллективами в среде того или другого народа есть дело социолога.

Ясно, что способ или механизм возникновения коллективов относится всецело к области коллективной рефлексологии, ибо изучать особенности проявления коллективной деятельности, не выяснив, какой механизм возникновения коллектива, нельзя. Это та именно область, которую еще Тард обозначил „интерментальной психологией“ и которая по его мысли должна лежать в основе социологии. „Я разумею, говорит Тард, не обычную психологию, к которой можно относиться с заслуженным ей пренебрежением (sic!), но то, что я позволяю себе назвать в дальнейшем изложении „взаимной психологией“ (Interpsychologie) . . . . . Междупсихология или междулогика являются в сущности элементарной социологией, которая одна только и может объяснить социологию сложную или социологию в тесном смысле слова“. (Тард. Психология и социология. Новые идеи в социологии. Сбор. № 2. Спб. 1914, стр. 70).

Отсюда ясно, что образование коллективов, как предмет изучения „интерментальной психологии“ точнее говоря, „коллективной рефлексологии“, в то же время является базой и для социологии.

Сказанного достаточно, чтобы очертить задачи коллективной рефлексологии. Она состоит таким образом в изучении механизма образования коллектива с одной стороны и с другой в изучении способов и проявления коллективных рефлексов, образующих в общей совокупности коллективную деятельность, по сравнению с индивидуальными рефлексами или индивидуальной деятельностью.

Словом, социология имеет дело с социальными фактами и явлениями и их взаимодействием, объясняя и то, и другое с рефлексологической или какой либо иной точки зрения; коллективная рефлексология имеет дело с механизмом обобщения или социализации индивидуальных рефлексологических явлений, объясняя, как этим путем образуются коллективные рефлексы и подготовляется то или иное общественное явление, и вместе с тем выясняет, как проявляется поведение общественных групп.

Следует иметь в виду, что социальные явления, служащие предметом изучения социологии, не замыкаются только в схему явления рефлексологически объясняемых, так как на развитие социальных явлений, как мы уже упоминали, оказывает влияние и целый ряд других факторов (экономических, правовых, географических, климатических и пр.), между тем как коллективная рефлексология говорит нам только о рефлексологическом механизме общественных явлений.

Заметим здесь же, что имеются взгляды, по которым коллективная психология и социальная психология, по нашей терминологии коллективная и социальная рефлексология, суть не вполне совпадающие вещи. Так Сигеле (Преступная толпа) и Де-ля Грассери (De la psycho-sociologie. Revue de sociologie, 1912. № 3, стр. 163 и след.) под первой понимает науку, изучающую явления человеческого взаимодействия, когда единицы являются „неоднородными", „случайными", образующими „слабосознательную связь, тогда как организованные аггрегаты являются предметом изучения социальной психологии.

К такому же взгляду примыкает и Росси (Psichologia collectiva. Milano 1900. Sociologia e psicologia collectiva). Мы не придаем этой тонкости особого значения, полагая, что коллектив есть коллектив и в том случае, когда мы имеем толпу, и в том случае, когда мы имеем организованное сообщество людей того или иного рода, как напр. научное, торговое или какое либо иное общество, кооператив, народ, государство и т. п. Некоторые из авторов, как Лебон (Псих. законы эволюции народов. 1906. См. „Душа рас") под названием социальной психологии понимают ни что иное, как расовую психологию. С нашей точки зрения правильнее было бы обозначить этот предмет исследования „коллективной характерологией" или характерологией социальных групп, ибо предмет изучения этой области знания тот же самый, который обнимается индивидуальной характерологией, но относится не к отдельным индивидам, а к целым коллективам того или иного рода.

В заключение заметим, что в зависимости от школ некоторые из авторов область ведения коллективной рефлексологии включают в социологию, другие же признают социологию как бы венцом вышеуказанных областей знания. Так Росси признает предметом социологии „социальное взаимодействие

сначала о сознательно-автоматическое, а потом все более и более сознательное"; Сорокин же (Система социологии, ч. 1, стр. 20) рассматривает тот же предмет или как часть социологии или же допускает возможность слияния обеих областей знания в одно. Целый ряд других авторов также смотрит на этот вопрос неодинаково. Очевидно, что дело в этом случае зависит исключительно от более ограничительного или более широкого толкования социологии, как науки, изучающей структуру общества и явления взаимодействия составляющих его единиц.

Как бы то ни было, но без коллективной рефлексологии, социология обойтись не может. „Попытки основать социологию непосредственно на биологии, минуя психологию, т. е. понять общество, как своеобразный организм, имеющий структуру, подобную строению индивидуального организма, или понять его, как коллектив, в котором все сводится к законам биологии вида, были порождением той эпохи в истории естествознания, когда биология доминировала над другими естественными и создавала тон и наукам о человеке. Истинною основою социологии может быть только психология, особенно в своей интерпретативной части, составляющей переход от психологии к социологии, если не прямо первую часть ее. Общественность относится к числу психических явлений, хотя бы на их основе вырастали известные об'ективные формы общественной структуры, дающие право смотреть на общество не только, как на простой коллектив, известным образом культурно-об'единенный, но и как на некоторое сверхличное существо, имеющее определенную структуру".

Приведенные слова мною заимствованы из недавно вышедшей книги Н. Кареева „Общие законы социологии" (Петр. 1919. стр. 11—12). Таким же точно образом Н. Кареев отвергает и построение социологии на основах одного экономического материализма, основывающегося на экономическом понятии производственных отношений с устранением „психического" элемента. „Если бы эта теория и была верна, говорит автор, все-таки производственные отношения общества, являющиеся в сущности только известными взаимоотношениями между отдельными людьми в области материальных отношений, сами возможны только вследствие способности отдельных членов общественного коллектива к психическому взаимодействию".

„При всем том (чтобы ни сказать более решительно) еще большой вопрос, можно ли свести всю общественную структуру и духовную культуру общества к значению простых надстроек над чисто хозяйственным („материальным") базисом". И тем не менее, как известно, еще Д. Ст. Милль в конце своей логики высказывает взгляд, что социология может быть рассматриваема, как прикладная психология. Но здесь не имелась в виду психология общественная или коллективная, а та психология, которая изучает внутренний мир отдельных лиц. Между тем ныне, когда социология является или, по крайней мере, должна быть строго об'ективным знанием, трудно находить соотношение между нею и индивидуальной психологией. Другое дело коллективная рефлексология, которая исследует строго об'ективно возникновение отдельных социальных групп или коллективов.

Хотя биологический взгляд на общество, как на организм, поддерживаемый Контом, Спенсером, и позднее Реше, Вормсом, Новиковым и др., ныне этжил свой век и все более и более выясняется, что объяснение данных лингвистики, мифологии и политической экономии, возможно только с помощью психологии, но все же общественная или коллективная рефлексология не есть социология в тесном смысле, хотя она и объясняет многие социальные явления. Вследствие этого между прочим, возникло психологическое направление поддерживаемое Тардом, Михайловским, Зиммелем, Де Говтом и др.

Ясно, что как имеется историко-философское направление, основанное Кондорсе и развитое Контом с его общественной статикой и динамикой, как имеется историко-экономическое направление, основанное К. Марксом и Ф. Энгельсом, как имеется эволюционное направление, начатое Спенсером и развитое целым рядом авторов: Лилиенфельдом, Вормасом, Летурно, Ломброзо, Перье и др., как имеется статистико-социологическое направление, основанное Кетле, как имеется социально биологическое направление Бенжамена Kidd'a и этно-географическое направление Монтескье и Бокля, так может быть, да и существует на самом деле, психологическое направление в социологии. Но сказать, что вся общественная жизнь исчерпывается психологическими resp. рефлексологическими взаимоотношениями общественных групп, это значит отрицать все экономические, брачные, этнографические и географические соотношения между отдельными людьми и группами лиц, а между тем что то соотношение и лежит прежде всего и ранее всего в основе борьбы классов и сотрудничества отдельных лиц и отдельных партии.

Правда Е. Де-Роберти в основу социологии кладет принцип биосоциальной основы, рассматривая ее, как науку об общественном поведении людей. И несомненно, что с точки зрения этого направления социология поглощает в значительной мере общественную или коллективную рефлексологию. Но биосоциальный принцип все же не устраняет и экономических и этно-географических соотношений между людьми, а следовательно он приложим только к части социальных явлений, правда значительной части, но во всяком случае не проникает ее всю целиком.

Так явления общения, как основа общественной жизни, взаимоотношение личности и общества, подражание и повторяемость, как явления, лежащие в основе общественной жизни—суть факторы психологические, но зато всё, что относится к „самодостаточности" общественных групп представляет собою несомненно уже явление не психологического и тем более не исключительно психологического характера.

С другой стороны и социальная связь, устанавливаемая при посредстве сотрудничества и разделения труда, представляет собою явление не столько психологического, сколько экономического свойства. Как бы не оценивать важность этих явлений, иначе говоря, безразлично, будем ли мы придавать главное значение, согласно Конту или Дюркейму, разделению труда, согласно Спенсеру—сотрудничеству, или, наконец, будем признавать одинаковую важность за тем и другим явлением, что ближе соответствует действительности, но одно

несомненно, что одним общением, как психическим фактором, ни того ни другого объяснить не представляется возможным. Во всяком случае расслоение общества на группы и классы, хотя и стоит в некотором соотношении с чисто психологическими свойствами входящих в них индивидов, является результатом разделения труда, т. е. явления экономического свойства. Наконец, и общественные слои, играющие столь важную роль в общественной жизни, не представляют собой одни общественно-психологические группы, а опять таки группы, часто заинтересованные вместе с тем и экономически.

„Совершенно бесполезно спорить, говорит К. М. Тахтарев, о том, какая сторона общественной жизни—экономическая, половая или психическая—должна считаться первичной. Не менее бесплодно стремиться выяснить, какие из основных потребностей человека или формы общения проявились ранее. На самых ранних ступенях развития человечества, какие только доступны современным научным исследованиям, мы видим человека общественным существом, чувствующим, мыслящим и действующим, живущим с самого начала и экономической, и половой, и психической жизнью, нравственною, умственною и чувственною, которые все можно считать одинаково первичными, как и соответствующие человеческие потребности."

Говоря далее о том, что одинаковая первичность различных общественных явлений жизни не обозначает их равнозначности, автор замечает: „Экономическая жизнь до сих пор почти всегда и всюду преобладала над психической и даже половой. Это можно наблюдать не только у народов, находящихся на низших ступенях развития, но и у более развитых народов, не только в среде необразованных и особенно значительных классов населения, но и в среде богатых и образованных, для которых стремление к материальным удобствам жизни заменяет стремление к обеспечению необходимейших средств существования неимущих классов. Половая жизнь даже в среде богатых классов, гораздо легче приносится в жертву материальным выгодам, чем наоборот, и то же самое происходит с умственной жизнью. Обыкновенно ей отдаются силы, остающиеся после удовлетворения других потребностей, которые считаются более необходимыми". Нужды нет, что удовлетворение всех вообще потребностей, а следовательно и экономической и половой, происходит при посредстве соотносительной (психической) деятельности. Первым импульсом все же и в том, и в другом случае служат органические потребности, лежащие в основе соответствующих инстинктов или наследственно-органических рефлексов, которые по этому самому и дают преобладание в развитии и удовлетворении этих потребностей пред удовлетворением запросов чисто соотносительной деятельности.

Таким образом нельзя ни согласиться с тем, что ни одно из существующих социологических направлений не обнимает собой всего того, что входит в содержание социологии, как науки об общественной жизни, об ее явлениях и их закономерности. Ни одно из социологических направлений не заключает в себе всей истины, т. е. истины во всей ее полноте, но с другой стороны ни одно из социалистических направлений, как бы односторонне оно ни

было, не лишено известной доли истины. Каждое социалистическое направление заключает в себе соответствующую часть истины и в этом отношении как бы служит некоторым дополнением" [1]).

На основании всего вышеизложенного мы не можем отождествлять социологию с общественной или коллективной рефлексологией и признаем, что последняя является одной из основ социологии, но не самой социологией.

Не мало сближений существует между коллективной рефлексологией и историей, ибо история, если откинуть вопросы влияния отдельных лиц на общественные события, есть главным образом история коллективных человеческих деяний. И если бы история ограничивалась только собиранием одного этого материала, то она представляла бы собой историю коллективных рефлексов и, следовательно, представляла бы собой или должна была бы представлять собой общественную или коллективную рефлексологию в историческом освещении.

И действительно, если мы взглянем на историю народов не с обычной точки зрения в виде отношения лиц и событий, а с точки зрения происходящих в народном коллективе движений, то мы встретимся с возникающими там, то здесь волнами оживления или возбуждения под влиянием определенных внешних воздействий и условий тех или других коллективных рефлексов, их распространением по коллективу, часто выходящему за пределы одной народности или государственного коллектива, целым рядом сопутствующих движений и реакций, гармонирующих с первыми и в то же время пересекающихся с другими движениями и реакциями, стоящими в противоречии с первыми и следовательно действующими наперекор, оказывающими тормозящее на них влияние и ограничивающими их распространение. В свою очередь эти тормозящие движения и реакции подобно лучам распространяются по коллективу, являясь возбудителями целого ряда движений и реакций: эти последние в свою очередь, хотя и противоречат первым, но сопутствуются гармоническими отзвуками в других сферах и служат возбудителями новых движений и реакций, для которых первые являются тормозящими условиями. Иначе говоря, в исторической перспективе социальных событий мы встречаемся со взаимно-сталкивающимися коллективными рефлексами, которые, являясь возбудителями целого ряда гармоничных с ними коллективных рефлексов, в то же время оказывают взаимно-тормозящее влияние, причем поступательный ход истории обусловливается тем, какие из двух рефлексов возьмут окончательный перевес и получат наибольшее распространение.

Между тем, что может представлять собою коллективная рефлексология в историческом освещении? Между нею и настоящей историей имеется тоже различие, какое существует между общественной рефлексологией и социологией, ибо история должна принять во внимание и особенности климатов, местности, расы, экономических и других влияний, определяющих историческую жизнь данного народа, что уже выходит за пределы задач коллективной рефлексологии.

---

[1]) Тахтарев. Социология, ее краткая история и пр., стр. 13.

Но есть и доисторический период деятельности человека, изучаемый археологией и при том по тем объектам и обломкам, которые сохранились в земле в течении большого количества столетий. При этом археология не ограничивает своей задачи исключительно доисторическим периодом, но и собирает материал, относящийся к периоду разных эпох истории человечества, пополняя этим существующие летописные и иные источники.

Особенность археологических изысканий сводится к тому, что при этом исследуются не действия и реакции древних людей, а результаты этих действий и реакций; но так как по результатам нетрудно судить о характере деятельности, условиях быта, экономической жизни и т. п., то археология и дает возможность воссоздавать коллективную рефлексологию древнего мира и доисторического мира и в той части, где археология воспроизводит деятельность отдельных лиц или целых обществ, она дает объективный материал для суждения об индивидуальной или коллективной рефлексологии доисторического человека или человека древних времен.

Нужно при этом иметь в виду, что археология захватывает разные стороны древнего человеческого коллектива, вследствие чего она опять таки выходит из рамок доисторической коллективной рефлексологии, ибо уже теперь мы можем говорить не только об археологии языка, археологии религий или мифологии, археологии художественной, но и археологии промышленной, политической, юридической и т. п. При этом, что особенно существенно, археология дает нам возможность проследить эволюцию коллективных человеческих реакций; ибо, что такое сравнительное языкознание, описывающее и объясняющее нам происхождение каждого корня и его судьбы, как не выяснение эволюции языка—этой важнейшей коллективной символической реакции? Что такое сравнительная мифология, поясняющая нам происхождение каждого мифа, его развитие и судьбу, как не выявление коллективной реакции первобытного и древнего человека на проявление таинственных для него сил природы? То же самое необходимо сказать и по отношению к вопросам поведения, политики, обмена, права, художественного творчества, выясняемым с помощью археологии. Словом ключ для выяснения эволюции коллективных рефлексов в человеческом мире доисторических времен мы находим в археологических исследованиях подобно тому, как ключ для биологического и анатомического развития органов тела мы имеем в палеонтологии.

В этом отношении интересно сопоставить развитие детского языка, превращающегося постепенно в язык взрослых людей, первоначальное развитие детского рисунка, дающего начало художественному творчеству взрослого человека, и первоначальное установление взаимоотношений между детьми, переходящее в правовые отношения взрослых, с тем, что показывает нам археология относительно жизни и деятельности первобытного человека. Из этих сопоставлений мы убеждаемся, что индивидуальная эволюция человеческих рефлексов как бы повторяет эволюцию рефлексов доисторического человека.

III. Предмет и метод коллективной рефлексологии.

Из вышесказанного очевидно, что предметом коллективной рефлексологии является изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ, проявляющих свою соборную соотносительную деятельность, как целое, благодаря взаимному общению друг с другом входящих в них индивидов.

Совершенно безразлично, будем ли мы иметь пред собой случайно собравшуюся толпу на улице, привлеченную каким-либо уличным событием, или мы имеем общественный митинг по поводу одного из событий, взволновавших общество, или имеется общественное или даже правительственное собрание лиц для определенной цели,—везде и всюду мы будем встречаться с проявлением общественных настроений, соборного умственного творчества и коллективных действий многих лиц, связанных друг с другом теми или другими интересами, а потому все эти проявления и должны быть предметом коллективной рефлексологии.

Таким образом, предметом коллективной рефлексологии должны быть проявления соотносительной деятельности общественных или социальных групп вообще, независимо от их характера и цели. Как общая рефлексология имеет своим предметом изучение соотносительной деятельности отдельных лиц в связи с теми прошлыми и настоящими влияниями, которые ее обусловливают [1]), так и предметом коллективной рефлексологии должны быть продукты деятельности тех или других социальных групп, как известного целого, об'единенного тем или другим цементом партийного, правового, религиозного, служебного, профессионального, школьного или семейного характера, в связи с внешними и внутренними текущими и прошедшими условиями, которые в них отражаются.

Очевидно, что предмет коллективной рефлексологии должен иметь в виду те же стороны соотносительной деятельности, какие имеет в виду и общая рефлексология, но она исследует при этом деятельность массы лиц, связанных между собою общностью условий. Таким образом, хотя коллективная рефлексология, казалось бы, имеет дело с проявлениями соотносительной деятельности массы отдельных лиц, но лиц, спаянных между собою общими инте-

---

[1]) В. Бехтерев. Об'ективная психология. «Вестник Психологии» 1908 г. и отдельное издание.—Он же. Общие основания рефлексологии. Петроград. Изд. Риккера. 1918.

реакции и, стало быть, в данных условиях общественной деятельности обнаруживающих проявления коллективной или собирательной соотносительной деятельности. Поэтому в коллективной рефлексологии мы должны иметь в виду проявления общественных настроений и мимико-соматических реакций вообще, общественной наблюдательности, общественного сосредоточения, общественного творчества, общественных постановлений и общественных действий.

Какими бы внешними причинами не устанавливалось об'единение тех или других социальных групп, но если между отдельными членами данной группы достигается известное взаимоотношение в смысле большого или меньшого согласования тех или иных сторон их соотносительной деятельности, коллективные проявления оказываются уже возможными. Особенности этих проявлений, условия и законы их развития и должны служить предметом специального изучения коллективной рефлексологии.

Таким образом предметом коллективной рефлексологии должны служить все проявления соотносительной деятельности в разнообразных общественных группах и собраниях, начиная с простой толпы, сходок, митингов и кончая собраниями в форме научных обществ и коллегиальных учреждений общественного и правительственного характера, в форме так называемых советов, комитетов и т. п.

Для коллективной рефлексологии не представляются существенными ни размеры той или другой группы, ни постоянный или временный ее характер, но она может и должна принимать во внимание условия, об'единяющие данную группу лиц в том или ином отношении и ее прошлое, так как от того и другого зависит как характер, так и особенности коллективной соотносительной деятельности.

Нужно при этом иметь в виду, что деятельность коллектива развивается теми же путями и по тем же законам, как и деятельность отдельной личности. Поэтому в деятельности каждого коллектива, как и в деятельности отдельной личности, мы можем различать наследственно-органические проявления, большую или меньшую возбудимость, коллективное настроение, наблюдательную способность, коллективное сосредоточение, коллективную творческую деятельность и, как одно из ее проявлений, суждение, приводящее к определенному результату в форме решения или постановления и, наконец, к выполнению этого решения или постановления в форме того или иного действия.

Коллективная рефлексология, рассматривая общественные явления в процессе их зарождения, развития и проявления с строго об'ективной стороны, а иначе она рассматривать их и не может, имеет предметом своего исследования возникновение, развитие и то или другое проявление общественной деятельности или общественное движение, как своего рода общественный рефлекс. Поэтому для коллективной рефлексологии не должно существовать и суб'ективной терминологии на подобие общественного сознания, общественных чувств, общественного внимания, воли и проч., а она должна быть заменена об'ективной терминологией.

Коллектив людей, соотносительную деятельность которого изучает коллективная рефлексология, в основе своей всегда имеет связующее нечто, как например, общее настроение, общее наблюдение, общее сосредоточение, общее обсуждение, общее решение или постановление и общность или единство цели и действий.

Примером коллектива, связываемого одним настроением, может служить толпа.

Примером коллектива, связываемого общим наблюдением и сосредоточением служат театры, концерты, вообще зрелища и представления всякого рода.

Примером коллектива, вызываемого необходимостью общего обсуждения вопросов, приводящего к тому или другому постановлению, являются советы, совещания, конференции, комитеты, общества, с'езды и т. п.

Для обсуждения задач, интересующих отдельные классы или определенный круг лиц, являются собрания партий, профессиональные общества, экономические общества, кооперативные организации и т. п.

Для осуществления физического развития масс и для организованного труда служат коллективы в виде гимнастических и спортивных обществ, рабочие артели и т. п.

Для организованной защиты и нападения служат коллективы в виде войсковых частей, те или другие патриотические организации и т. п.

Примером коллектива, связываемого задачей стяжания, могут служить ассоциаторы, игорные дома, банковые коллективы и т. п.

Наконец, примером коллектива, основанного на единстве определенных достижений, являются научные и иные организации.

Таким образом коллективы всегда имеют в виду общность интересов в том или другом отношении, предполагающую единство цели. Эта общность интересов может быть вполне естественной, вытекающей из самой жизни и рода занятий (земледельцы, скотоводы, рыбаки, торговцы и т. п.) и может быть оформленной и регулируемой определенным регламентом (союзы, кооперативы и т. п.). Наконец могут быть коллективы, устанавливаемые в целях осуществления тех или других задач, предустановленных законоположениями, как различного рода советы, комитеты, общества, комиссии и т. п.

Общий интерес и единство цели обусловливают связь отдельных членов коллектива, причем чем больше общих интересов, тем очевидно больше и сплоченность коллектива. Но кроме общего интереса коллектив предполагает и общность задачи. Иначе не было бы смысла существования коллектива. Очевидно, что только общность интересов и задачи является тем стимулом, который побуждает коллектив к единству действий и придает самый смысл существованию коллектива. В этом отношении на коллектив нужно смотреть, как на лучшее средство осуществления определенной задачи. То, что не осуществимо в полной мере для индивида, может быть осуществимо с помощью согласованной коллективной работы и это то обстоятельство и оправдывает необходимость создания коллективов.

Если бы не было вообще какого либо преимущества коллектива по сравнению с деятельностью отдельных индивидов, то коллектив, очевидно, и не существовал бы, как явление, не вносящее никакого плюса в условие человеческой деятельности, ибо всякое общественное явление должно иметь оправдание своего существования, а коллектив и находит свое оправдание в том, что он осуществляет задачи, невыполняемые отдельными индивидами, если они действуют в одиночку.

Каково бы ни было значение коллектива, последний может иметь разные поводы для своего возникновения и разные условия для своего сложения и развития.

Коллективы могут быть неорганизованные и организованные.

Коллективы, связующим звеном которых служит по преимуществу наблюдение или наблюдение, не нуждаются в особой внутренней организации, ибо они не имеют впереди предустановленной цели. Здесь нет ни заранее определенных устремлений, ни заранее определенного плана действий, а потому и внутренняя организация является излишней,—тем более, что такие коллективы бывают недолговременными. Сюда относятся: толпа, театральная публика и т. п. Такие коллективы нуждаются только во внешнем воздействии в целях регулирования внешнего порядка, дабы данный коллектив не осложнил жизнь других коллективов.

Все другие коллективы, которые имеют определенные задачи, обязательно должны иметь свою организацию, целью которой является планомерность и порядок коллективной работы, а также установление связи между собой отдельных индивидов коллектива. В видах согласованности совместных действий, организация этих действий в коллективах выполняется посредством исполнительного комитета, президиума, управлений, командного состава и т. п.

Вообще согласованность действий, планомерность устремлений коллектива и достижение его целей осуществляются путем предоставления полномочий одному лицу или выделяемому на этот случай небольшому коллективу—исполнительному бюро. Этим же путем достигается установление внутреннего порядка, в случае надобности даже посредством принуждения и репрессий.

Эти небольшие полномочные коллективные учреждения, обладающие на случай надобности соответственными средствами принуждения, представляют собою тот аппарат, при участии которого подготовляются и осуществляются коллективные рефлексы не только в отношении внутреннего порядка данного коллектива, но и в отношении осуществления определенных задач коллектива.

В виду важного значения внутренней организации в жизнедеятельности коллектива, зарождение каждой организованной общественной индивидуальности или коллектива начинается первоначально с внутренней организации или внутреннего упорядочения с известным распределением взаимоотношений между отдельными индивидами и их деятельностью, после чего в случае, если коллектив является жизнеспособным, он постепенно привлекает к себе все бо́льшее и бо́льшее количество сочленов, развиваясь таким образом и

ширьи в то же время все более и более об'единялась внутри. Одновременно с этим обыкновенно идет и внутренняя деятельность, приводящая к большой специализации отдельных частей данного коллектива, или его дифференцировка.

Со временем и в самом коллективе образуются частные единства, которые служат выражением той же дифференцировки, приводящей к дроблению разросшегося коллектива на более мелкие коллективы.

Каждый вновь возникший коллектив выясняет свою относительную позицию среди других, вырабатывает свой план осуществления заданий или программу и сообразует свои действия с условиями окружающей действительности.

Коллективы могут разнообразиться не только по составу входящих в них индивидов (определенной профессии и т. п.), но и по цели, а также и характеру взаимоотношений между входящими в коллектив индивидами. Так, мы можем различать, как мы уже говорили, толпу, театральную публику, уличный митинг, партийное или классовое собрание, законоустановленные собрания в виде советов, комитетов, совещаний, кооперативов, с'ездов, союзов, учредительных и др. собраний.

В одних из этих коллективов мы имеем случайное собрание индивидов, как напр. в толпе, в других дело идет о собраниях, возникающих благодаря определенной потребности, напр. в виду жажды зрелищ, удовлетворения экономических нужд и т. п.

Наконец, мы имеем коллективы, которые не представляют в сущности отдельных собраний, но тем не менее образуют собою значительные группы лиц, связанных теми или иными общими интересами. Коллективная деятельность здесь осуществляется через то или иное представительство или печать. Таковы: народ, класс, государственный коллектив, союз народов, все человечество.

Дело в том, что существует известный предел для непосредственного общения в целях коллективной деятельности. Чем элементарнее цель и задачи коллектива, тем больших размеров он может достигать. Так толпа может достигать сотен тысяч. Театральная публика может состоять из нескольких тысяч, коллективы, преследующие обмен мнений, могут состоять из сотен индивидов, редко более, а коллективы, преследующие осуществление каких либо конкретных заданий, напр. составление законоположения, не более как из нескольких десятков, а коллективы, преследующие еще более узкую задачу, напр. обработку редакции текста, не могут представлять собою более нескольких индивидов.

Поэтому коллективы, численность которых уже превосходит вышеозначенные размеры, должны работать при участии выборного представительства.

Отсюда понятно, что способы общения отдельных членов того или другого коллектива в зависимости от его размеров и характера не могут быть одинаковыми. В одних случаях дело идет о непосредственном общении отдельных членов коллектива, в других случаях общение осуществляется только

через представительство, в третьих случаях только путем письменного или печатного слова.

Но как бы общение не достигалось, коллектив всегда предполагает, как уже говорилось несколько ранее, известное об'единение, а потому те коллективы, где собственно общих собраний не существует, как народ, племя, человечество, на самом деле могут быть понимаемы, как коллективы только в той мере, в какой они представляют собою об'единение путем избранного или установленного представительства отдельных собраний и печатного слова.

Само собой разумеется, что продуктивность работы коллектива ничуть не стоит в соотношении с его размерами. В этом отношении нужно иметь в виду, что в коллективах, от которых требуется больше, чем простое выражение общего настроения, напр. коллективное мнение и суждение, работа идет тем медленнее, чем больше самый коллектив, но зато работа коллектива в этом случае тем более охватывает предмет, чем больше самый коллектив при условии, конечно, создания его из соответствующих индивидов. Однако, более узкие коллективные задачи, как напр. отшлифовка каких либо частностей, как мы уже говорили, идет быстрее и правильнее в небольшом собрании.

Целый ряд авторов, начиная с В. Оствальда [1]), в числе которых мы можем упомянуть Solvay [2]), Воронова [3]), Haret, Partuendo y Barcelo, сделали попытку применить к социальным явлениям энергетическое учение, рассматривая социальные явления, как явления физико-химические. „Что же из этого получилось, спрашивает П. Сорокин? Мы получили ряд формул в роде того, что „сознание есть течение энергетического процесса", что „война, преступление и наказание" суть явления „утечки энергии", что продажа-покупка—это реакция обмена (Оствальд), что „сотрудничество есть сложение сил [4]), социальная борьба—вычитание сил, социальная организация—равновесие сил", „вырождение—распадение сил", „право—соотношение сил" и т. д., и т. д. Все это пожалуй и верно. Но спрашивается, много ли мы приобретаем от таких аналогий в деле познания социальных явлений или явлений междучеловеческого взаимодействия? Во всяком случае не больше, чем от аналогий печальной памяти „органической школы" в социологии. Все эти формулы и аналогии представляют в лучшем случае трюизмы, в худшем неточные сравнения. Тот же вывод придется сделать и по адресу попыток создания „социальной механики", стремящихся все поведение людей и взаимоотношения между ними подвести под законы обычной механики и физических явлений. К таким попыткам должны быть отнесены попытки Haret и A. P. y Barcelo.[5])

Однако такое изучение социальных явлений представляет собою изучение людей, как всяких других физических тел. Но люди есть люди, т. е.

---

[1]) *Оствальд.* Философия природы. Die energetische Grundlagen d. Kulturw. Leipzig. 1909.

[2]) *Solvay* Notes sur les formules d'intraduction à l'energetique physio—et psychosocio-ique. Изд. Institut Solvay. 1906.

[3]) *Воронов.* Основания социологии.

[4]) *П. Сорокин.* Система социологии, т. I, стр. 5.

[5]) P. y Barcelo. Mecanique sociale. 1910.

должны быть рассматриваемы, как аккумуляторы энергий, являющиеся результатом их прошлого индивидуального опыта и наследственных влияний и след. их реакции на те или иные внешние раздражения не могут быть оцениваемы так же, как оцениваются реакции физических тел, ибо здесь ответная реакция часто вытекает не из влияния данного раздражения, а является в гораздо бо́льшей мере результатом воздействия прошлых раздражений, нежели данного раздражения, служащего в таком случае лишь поводом для выявления того, что составляет в сущности результат прошлых воздействий. То же мы имеем и в коллективах.

Следовательно, вопрос не в том, сводятся ли социальные явления к физико-химическим веществам или нет, а в том, представляют ли они какие либо особенности в своем поведении и как они реагируют на внешние раздражения. Иначе говоря, проявляют ли они в зависимости от сложившихся традиций и особенностей своей структуры какие либо особенности в этих реакциях или нет.

Отсюда ясно, что подходить к исследованию социальных явлений можно и должно установленными для естественных наук методами и целью этих исследований должно быть установление особенностей более сложных социальных явлений по сравнению с более простыми физическими или физико-химическими, а также выяснение того, в чем эти более сложные явления проявляют сходство с более простыми [1]).

Отсюда ясно, что, если общественные науки, и в частности та наука, которая изучает коллективную деятельность, по признанию многих должны бы развиваться, пользуясь методами естественных наук, то они не должны иметь суб'ективизма ни в своем существе, ни в своем названии.

Однако такая неустоявшаяся наука, как социология, еще не решила окончательно спора между об'ективистами и суб'ективистами.

У Дюркгейма мы постоянно читаем о коллективном сознании, о коллективных представлениях, чувствах и т. п.

Сравнительно недавно Boodin [2]) снова возвращается к созданию социальной души, основываясь на теории меж-мозговых явлений. „Вместо того, чтобы отправляться от постулата изолированного духа, как делала психология в прошлом, стараясь затем об'яснить возможность познания одной души другою путем аналогии, мы должны отправляться от междусуб'ективной духовной непрерывности, как элементарного факта". Другие социологи стремятся подойти к изучению социальных явлений, придерживаясь более об'ективного метода, но в большинстве не успевают в этом. Эти разногласия обстоятельно представлены между прочим в новом труде П. Сорокина (Система социологии, т. I, стр. 44—76). По существу он решается автором в положительном смысле в пользу об'ективизма, но к сожалению с некоторой по нашему мнению совершенно ненужной уступкой в пользу суб'ективизма.

---

[1]) Энергетическая точка зрения при этом вполне допустима, но не в вышеуказанном понимании.

[2]) Boodin. The existence of social minds. Amer. Journal of sociology. т. XIX.

Здесь существенно выяснить, действительно ли нужна эта уступка или она ненужна, и, так как этот вопрос методологического характера одинаково относится и к тому об'ему знаний, который нас здесь занимает, то представляется необходимым нам для себя его решить здесь окончательно в ту или другую сторону. Проследим же этот спор в связи с тенденциями, которые мы находим в труде П. Сорокина.

Определив социологию, как науку „о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия и о результатах такого поведения" автор несколькими строками выше определяет взаимодействие людей, которое „дано там, где поведение одного индивида, в одних случаях сопровождаемое сознанием, в других нет, является функцией поведения другого или других людей" (стр. 50). Переходя затем к анализу самых методов исследования и, задаваясь вопросом, следует ли изучать взаимодействие лишь во внешних актах или в отношении соответствующих психологических переживаний, автор прежде всего обращает внимание на неопределенность самого понятия „психического" и его синонимов (сознание, душевные явления и т. п.) и 2) недоступность психики предмету наблюдения.

Обращаясь к психологии для определения психического, автор находит своеобразный круг или самое понятие остается неопределенным. По В. Вундту обычное определение психологии, как науки „о состоянии сознания", делает круг, ибо если определить вслед за тем, что же такое сознание, состояние которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний" [1]). „Отношение или определение их (сознания и его элементов), говорит Гефдинг невозможно" [2]). Тоже или приблизительно тоже мы встречаем и у других авторов. Нередко сознание определяется, как процесс духовный или психический, а духовный заменяется термином сознательный [3]). Не меньший разброд мысли имеется у психологов и в отношении понятий „ума", „разума", „мысли" и т. п. и может быть еще в большей мере по отношению к вопросу, в каких явлениях можно признать психическое и в каких нет. Так одни авторы, стоя на точке зрения монизма (Геккель, Le Dantec, Perti и друг.) говорят о „клеточном сознании", об „атомной душе", а Геккель и Де-ля-Грассери говорят даже о психике атомов, молекул и даже о „психологии минералов". Это учение может быть названо панпсихизмом. Другие (Вундт, Роменс, Летурно, Эспинас, Дженнингс и др.) приписывают сознание лишь органической природе, а еще другие присутствие сознания признают только у тех организмов, которые обладают нервной системой, наконец, некоторая часть авторов признает его лишь у тех высших животных, которые имеют серое корковое вещество. Тогда как некоторые из новейших физиологов (Löeb, отчасти Bohn и др.) выбрасывают совершенно за борт понятие сознания, затемняя его, с моей точки зрения, неудачным термином — „ассоциативной памятью" (Löeb).

---

[1]) *Вундт.* Введение в психологию. Москва. 1912.

[2]) *Гефдинг.* Очерки психологии. Спб. 1918.

[3]) Dictionary of philosophy and psychology см. слова „Consciensnes" и „Mind".

В последнее время с ясностью стало проявляться в социологии стремление отрешиться от психологии и суб'ективизма вообще, как показывают труды Дюркгейма, Коста, Ваксвейлера и др., но всё же в этих трудах на каждом шагу мы встречаемся с психологическими, т. е. суб'ективными терминами и понятиями, а потому истинного об'ективизма и здесь мы не находим.—В своей „Рефлексологии" я пришел к выводу о необходимости изучать „соотносительную деятельность" у людей и животных, как она проявляется во внешних акциях и реакциях в связи с внешними же влияниями и воздействиями, данными как в настоящем, так и в прошлом. Последнему факту, т. е. зависимости внешних проявлений индивида от прошлых воздействий, я придаю особое значение и везде и всюду останавливаюсь на этом как в „Общих основаниях рефлексологии", так и в более раннем своем труде "Об'ективная психология", а между тем упущение этого обстоятельства приводит к некоторым недоразумениям, что будет видно из последующего.

При этом и изучение психического мира или процессов сознания не исключается, но для суб'ективной психологии много отмежевывается область исследования на себе самом путем самонаблюдения и экспериментов, производимых с подробным самоанализом своих суб'ективных состояний, из которых конечно возможны и те или другие обобщения по отношению к суб'ективному миру вообще и даже философствование на темы о панпсихизме, но научная мысль по отношению к этим расширениям суб'ективизма должна держаться строго ограничительного правила и на место т. наз. психики или сознания у других исследовать разнообразные соотношения организма с окружающей средой путем строго об'ективного наблюдения и опыта.

В последнее время в разрешение социальных проблем вошли физиологи, которые, исключив при своих исследованиях мозговых отправлений „суб'ективную" терминологию, стали распространять эту тенденцию и на взаимоотношения не только между животными, но и между людьми.

На такой же точке зрения, исключающей всю психологию из социальных наук, стоит и Bentley [1]).

К сожалению в этом споре за об'ективизм физиологи выдвинули свою чисто физиологическую точку зрения, распространив ее на ряд социальных явлений, которые никак не вмещаются в физиологию, как науку об отправлениях организма, и этот ложный шаг встретил резкий отпор со стороны социологов чистой воды. Я говорю о статье д-ра Зеленого (Павловской школы), по которому научное изучение социальных явлений должно ограничиваться об'ективным изучением их физиологической стороны на место психологической [2]). В самом деле нельзя забывать, что социология не есть социальная

---

[1]) Bentley, Process of Government. 1908.

[2]) Rassen – u. Geselischafts—Biologie. 1912. IX. — Недавно сделана новая попытка одним из Павловцев углубить этот вопрос в брошюре „18 тезисов о „Теории новой биологии" (Проект организации революционно-научного Совета республики и введения системы физиологических паспортов). Изд. Ин. К. О. Сев.-Кавк. револ. комитета. Уже заголовок брошюры говорит сам за себя.

физиология и не без основания органическая теория социальных явлений давно уже оставлена, не находя поддержки среди современных социологов. Вот почему вполне естественно, что один из солидных американских социологов Эллвуд дал решительный отпор этим физиологическим экскурсиям в область социологии, которые скорее ослабляют позицию объективизма в социологии, нежели ее укрепляют [1]). Так, осуждая неудавшуюся попытку Павловской школы применить объективный метод к изучению, Эллвуд между прочим замечает, что этот метод „быть может хорош для изучения поведения крысы или общества крыс или в лучшем случае поведения человеческой группы, жившей полмиллиона лет тому назад в первобытном хаосе. Цивилизованный же человек живет в мире идей. Для него мир реальных объектов в значительной степени закрыт миром идей, символов, ценностей. Эти идеи, символы и ценности постепенно развивались и накоплялись в течении всей человеческой истории. Самая история человечества таким образом представляется как бы развивающейся традицией или социальным духом, который не может быть понят вне его содержания. Человеческая культура сама по существу имеет психический характер и эта культура создала человеческое общество которое мы знаем". Если мы не будем согласны с автором в его субъективном понимании социологии, то все же нельзя не отдать должного его указанию, что нельзя упрощать сложные социальные факты до простых физиологических отправлений.

Еще более резкий отпор дан был И. Павлову со стороны В. Вагнера по поводу предложения первого совершенно упразднить зоопсихологию или правильнее сравнительную психологию, поставив на ее место настоящую физиологию мозга. По поводу одного из своих опытов И. Павлов между прочим замечает: „зоопсихолог тот, который хочет проникнуть в собачью душу, говорит так, что собака обратила внимание и запомнила, что как только почувствует, что ее кожа раздражается в известном месте, ей вливают кислоту, а потому когда ей раздражают только кожу, то она воображает как бы влитую кислоту и соответствующим образом реагирует, у нее течет слюна и т. д." [2]) По поводу этих сужденій академика И. Павлова профессор В. Вагнер в свою очередь замечает „вот как профессор Павлов излагает фразы представителей науки, привлекавших к себе на протяжении веков внимание выдающихся ученых и мыслителей. Вложив в уста зоопсихологов эту галиматью (sic!), профессор Павлов принимается за их суд и пр". „Что бы окончательно посрамить последнего (т. е. зоопсихолога) он (И. Павлов) ставит ему задачу, в случае неудовлетворительного решения которой грозит признать „их точку зрения вообще ненаучной и негодной для полезного научного исследования". „Экзаменационный вопрос этот заключается в следующем: проф. Павлов, установив обычным путем координацию деятельности слюнной железы с тремя участками кожи, выяснил, что, когда железа перестает реагировать на раздра-

---

[1]) Ellwood. Objectivisme in Sociology. The amer. Journ. of sociology, t. XXII.

[2]) Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности. „Психиатр. газета" 1917. № 6.

жение одного участка кожи, то в случае раздражения второго она начинает работать с прежней силой и т. д. Ответ на этот вопрос дан зоопсихологии гораздо раньше, чем проф. Павлов начал заниматься физиологией собачьей железы: он заключается в том, что зоопсихологи проводят определенную грань между явлениями (действиями) отправления организмов и явлениями (действиями) поведения животных. Первыми занимается физиология, вторыми зоопсихология. Факты профессора Павлова имеют в виду отправления животного, из чего само собой следует, что они лежат за пределами зоопсихологии и что проф. Павлов не имеет о современной об'ективной зоопсихологии решительно никакого понятия" [1]).

С моей точки зрения конечно всякий след суб'ективизма должен быть изгнан из зоопсихологии и сравнительной (как и всякой другой) психологии, которых должны сменить об'ективные науки—зоо- и сравнительная рефлексология, но разумеется, что физиология останется со своими особыми задачами и методами, как в свою очередь останутся зоо- и сравнительная рефлексология со своими особыми задачами и методами [2]). Да и разработка вопросов, связанных с отправлениями одной железы в виде условных и безусловных рефлексов (сочетательных и обыкновенных по нашей терминологии) не может обнять не только другие обширные области знания, как например сравнительную рефлексологию, но даже и самую физиологию мозга, ибо и для последней имеет значение ничуть не один только слюнной метод условных рефлексов, но еще в большей мере разработанный у нас метод сочетательных двигательных рефлексов [3]).

Что касается социологии, то П. Сорокин, проследивший весь этот спор между „об'ективистами" и „суб'ективистами", остался, как мы упоминали, в нерешительной позиции при всей его склонности к об'ективизму: „Пока будто бы слишком еще несовершенны и незначительны данные, добытые „об'ективизмом", говорит он, чтобы можно было социологу совершенно игнорировать суб'ективно-психологическую сторону человеческой деятельности. Остается по этому один путь: *свести до минимума пользование психологическими терминами, только в исключительных случаях обращаться к анализу суб'ективно-психических переживаний для об'яснения того или иного явления и ввести возможную точность в сферу изучения подобных явлений*" [4]).

Посмотрим, как же применяется автором к социологии это половинчатое решение.

Прежде всего он говорит о „сознательных" переживаниях и актах по собственному опыту каждого и признает что „частным и основным видом их являются акты целеполагательные, акты волевые и акты сознательные под влиянием идей".

---

[1]) В. Вагнер. «Вестн. психологии» 1917, вып. 3.

[2]) См. мой доклад в конференции по изучению мозга за 1920 г. О задачах зоорефлексологии. печ. в „Вопросах изучения и воспитания личности".

[3]) В. Бехтерев. Значение исследования двиг. сферы и пр. „Русск. Врач "1909. №№ 35—36.

[4]) П. Сорокин. Система социологии, т. I-й, стр. 63.

Признавая, согласно с В. Вагнером, три формы разряда психических явлений: рефлексы, инстинкты и разум, автор, в отличие от В. Вагнера, к психическим явлениям относит не инстинкт и разум, а только разум, ибо инстинкты и по определению В. Вагнера сближаются по общему характеру с рефлексами, представляясь лишь более сложными по сравнению с ними актами.

Другое разногласие с В. Вагнером у П. Сорокина заключается в непризнании тождества разума и сознания с „целеполагательностью". Дело идет о том, что имеются акты, хотя и разумные, т. е. сознательные, но не целеполагающие и притом не только привычные, как думает В. Вагнер. Напр. ребенок сознательно заявляет со слов отца „лгать нельзя" или „мучить кошку гадко, потому что так сказал папа", только и всего.

Занимаясь нашим вопросом, не следует ли совершенно игнорировать психические переживания, которые, как прямо нам недоступные, не могут вообще познаваться, причем всякая попытка их познания по внешним их проявлениям (слова, движения, мимика, жесты и т. п.) неизбежно ведет к ошибкам, автор решает его в отрицательном смысле. По мнению автора, если бы дело стояло иначе, то люди не могли бы понимать друг друга и не могли бы знать, что делается в душе каждого, между тем мы на каждом шагу ставим диагнозы вроде таких: „X не в духе", „У что-то загрустил", „L гневается", „А в восторге", „Х замышляет подлость" и т. д. и наши диагнозы оправдываются. На каждом шагу мы говорим с людьми о своих переживаниях и в большинстве случаев понимаем друг друга". (l. c. стр. 65).

Вопрос однако не в том, понимаем мы или нет, а в том, как и в какой мере мы их понимаем. На основании слов и мимики другого человека мы ничуть не воспроизводим его переживания, а воспроизводим свои аналогичные переживания, если они были в нашем опыте. Само собой разумеется, что, если человек чего либо подобного не имел в своем внутреннем опыте, он не может и воспроизвести его на основании слов другого. Глухой от рождения не может воспроизвести в своем воображении звуков, сколько бы ему о них не говорили и в каких бы красках их ни описывали. Ребенок, не испытавший вкуса бананов, также воспроизвести его не в состоянии, сколько бы ему о нем не говорили. Но бывшее в личном опыте воспроизводится при соответствующем описании другого человека, однако воспроизводится не так, как переживает данное состояние другой, а как сам слушающий переживал его когда-то. Таким образом можно и распознавать переживание другого человека, но именно в той мере, в какой воспроизводимые нами аналогичные состояния при данных внешних проявлениях совпадают с переживаниями другого лица. Когда мы говорим „X не в духе", „У что-то загрустил", „L гневается", „А в восторге" и т. п., то мы воспроизводим по соответствующим внешним признакам свое нерасположение, свою грусть, свой гнев, свой восторг и по скольку в общих чертах эти состояния сходны у меня и у другого индивида я в состоянии распознать их в другом, ничуть не более. Но уже такие более частные диагнозы, как „В обдумывает именно проблему сознания", „С хочет именно сладк-

ко б". „Д замышляет непременно подлость", а не что либо другое, быть может и возможны, но лишь по догадке, если эти состояния не выражены, т. е. не обозначены словами, а слова дают нам возможность воспроизвести опыты таких своих и не чужих обдумывания проблемы сознания, свое желание сладкого, свою подлость и т. п. О симуляции и говорить нечего. Я могу обдумывать подлость и не показать виду, что я злоумышляю что либо против другого, а если это так, то правильно ли пользоваться в научном деле „методами субъективной психологии (методы самонаблюдения и методы аналогии, соединенные методы внешнего и внутреннего наблюдения (по Петражицкому), методы „вчувствования", "интуиции" и „инстинктивного понимания выразительных движений" в качестве методов, дополняющих и вспомогательных к методам объективного изучения внешних актов"). Полагаю нет, неправильно. И неправильно именно потому, что изучение психических переживаний ничего не прибавляет к вниманию и уяснению внешних актов, вопреки взгляду П. Сорокина.

Свое отношение в этом случае уважаемый автор иллюстрирует между прочим следующим примером: начальник приносит индивиду А две телеграммы, А раскрывает первую и читает: выезжаю сегодня, встречай В". А улыбается, вскакивает, зовет прислугу и приказывает к пяти часам приготовить экипаж. Затем раскрывает вторую и читает: „Ваша жена попала под поезд. Приезжайте. Начальник станции Х". А умирает от разрыва сердца. Здесь пред нами два примера взаимодействия. Сходные раздражители (телеграммы). Один и тот же воздействуемый индивид А. И совершенно различные эффекты: в первом случае оживленная реакция на раздражение, во втором смерть... Спрашивается могут ли быть вполне понятными для нас эти два явления, если мы будем стоять на строго объективной точке зрения. Достаточно ли ясными и объясненными будут эти факты, если мы заранее исключим из нашего поля зрения всякие изречения субъективных переживаний вроде „любви, привязанности, ужаса и тяжести потерп, тяжелого горя, чувства одиночества" и т. д.? Ответ думается ясен сам собой" (l. c. стр. 71). Однако нельзя забывать, что слова телеграммы важны не сами по себе, как зрительные знаки или звуки. Они состоят из символов, которые при небольшом различии относятся к совершенно противоположным фактам. А это уже одно объясняет нам противоположный эффект в одном и в другом случае. Нельзя затем забывать, что эффект зависит, как я постоянно указываю в своих „Основаниях рефлексологии", не от самого только раздражения, как повода к действию, а еще и от ряда предшествующих или прошлых воздействий, стоящих в связи с данным раздражителем и реакцией на него. А, приняв это во внимание приходится последний эффект оценивать не только, как результат символических знаков телеграммы, говорящей о несчастии с женой, но еще и о прекращении, вследствие ее смерти, всей цепи условий совместной жизни, создавшей определенный жизненный уклад, с которым человек сжился, о потере навсегда близкого человека, с которым делил свои благоприятные и неблагоприятные жизненные условия, которому он так много обязан в своей жизни, к которому привязан и т. д., и

*

т. д. При этом надо принять во внимание, что человек, умерший при телеграфном известии о несчастии с женой от разрыва сердца, страдал очевидно тем или иным пороком сердца или во всяком случае болезненным его состоянием.

Таким образом с точки зрения об'ективного анализа эффект смерти от разрыва сердца при телеграфном известии о смерти жены становится совершенно ясным и понятным. Спрашивается, что к этому прибавит суб'ективный анализ. Он будет нам говорить о таких воображаемых состояниях, как воспроизведение и переживание в момент получения телеграммы чувства любви, ужаса и тяжести потери, тяжелого горя, сознаваемого чувства одиночества и т. п. Между тем все это „суб'ективное", которое мы хотели бы навязать человеку, погибшему при чтении второй телеграммы от разрыва сердца, может оказаться чистейшим вздором. Ибо человек, страдавший сердцем, в сущности мог умереть, ничего даже и не воспроизводя в своем сознании, а просто от тока, вызванного телеграммой с содержанием, указывающим на несчастье с его женой. Точно также и в другом примере, когда „один и тот же акт поднятия руки с протянутым указательным пальцем может означать и указание дороги, и приказ „итти туда", и повелительное „выйди вон"; для его понимания вовсе не требуется учета недоступных для нас психических переживаний указывающего лица, а лишь выяснения его тона, сопутствующей мимики и установившихся на основании предшествующих (прошлых) фактов отношений указывающего лица к другому. Далее, известно, что в случае произношения слов „ну, и свинья же ты", они обычно имеют ругательное значение, тогда как в других случаях они обозначают свою образную форму ласкового обращения; равным образом выражение „чорт побери" может обозначать досаду, злость или восторг, но в обоих этих примерах нам надо учитывать вовсе не суб'ективные недоступные для нас переживания человека, произносящего данное слово, как полагает П. Сорокин, а лишь тон, обстановку, характер и привычные способы обращения этого человека, а равно и отношение его как в прошлом, так и в настоящем к данному лицу или событию.

Суб'ективисты, как известно, цель понимают лишь с суб'ективной точки зрения, признавая, что цель может быть только сознательно поставлена тем или другим суб'ектом [1]), но биолог под целью понимает нечто об'ективное, иногда преднамеченное даже природой, напр. цель, осуществляемую инстинктами, как автоматическими актами. В актах личного характера под целью мы понимаем место устремлений человеческой личности или человеческого коллектива, проявляющегося в его поступках и действиях на основании прошлого индивидуального опыта или опыта других, как воспроизведение этих действий в форме определенно связанных сочетательных рефлексов. Таким образом, и в этом случае нет основания обращаться к суб'ективному методу,

[1]) См. по этому поводу замечание в „Системе социологии" П. Сорокина (т. I, стр. 111), с которым в этом пункте согласиться невозможно.

пользование которым дает почву для суждений, часто ничего не имеющих общего с научным мышлением.

Вот почему нет никакого основания дополнять изучение взаимодействия между людьми с помощью об'ективного метода, учитывающего внешние формы поведения людей в зависимости от разного рода внешних воздействий, еще выяснением суб'ективных или психических переживаний, для точного распознавания которых у нас средств не имеется и которые ничего вообще к об'ективным фактам прибавить не могут.

Итак метод коллективной рефлексологии, как и социологии, должен быть исключительно об'ективный. Коллективная рефлексология, изучая особенности соотносительной деятельности собраний или группы лиц, не может становиться на точку зрения того воображаемого собирательного „я" или сознания толпы, которое стало бы повествовать о всем пережитом толпой или собранием, так как это явилось бы простым отражением суб'ективной точки зрения индивидуального „я"; но рассказы отдельных личностей, бывших в толпе или собрании, могут быть использованы коллективной рефлексологией, поскольку они носят характер об'ективности, трактуют о внешних обстоятельствах и поскольку они характеризуют самое развитие общественного дела. Во всяком случае и эти рассказы должны быть предметом строго об'ективного, а не суб'ективного анализа.

В какой мере эта мысль еще не усвоена в соответствующей научной литературе, показывает пример Тарда, который все общественные явления, насколько они имеют в своей основе „психическую" деятельность человека, сводит к двум основным силам—желанию и вере или уверенности. Желание определяет стремление, а вера—достижимость желаемого. Путем сведения общественных явлений на эти простые силы по Тарду решается вопрос об измеримости социальных фактов.

С другой стороны Тард, признавая изобретение и подражание основным элементарным общественным процессом, спрашивает себя, что такое изобретаемое и чему такому подражают? То, что изобретается, то, чему подражают, представляет собою не что иное, как идею или желание, суждение или намерение, в которых проявляется в известной мере *верование* и хотение, составляющие истинную душу всякого слова в языке, всякой молитвы в религии, всякого мероприятия в государстве, всякой работы в промышленности, всякого действия в искусстве. Верование и хотение, вот стало быть сущность (субстанция) и сила, вот те две психологические величины, которые анализ находит в основании всех с ними скомбинированных *простейших* явлений, а когда изобретательность и за нею подражательность овладевают ими, воспользуются и организуются, то они же являются и двумя основными общественными величинами" [1]).

Собственно, коллективная рефлексология в отношении своего метода должна идти по стопам рефлексологии отдельной личности. Поэтому она

[1]) Тард. Законы подражания, стр. 149—150. Подчеркивание в тексте принадлежит автору.

должна наблюдать и регистрировать внешнюю сторону поведения массы лиц, устанавливая соотношение ее с теми предшествующими внешними влияниями, которые послужили причиной массовой деятельности лиц в каждом данном случае. При этом, конечно, должен быть принимаем во внимание как характер, так и состав собрания, так как само собрание представляет собою как бы общественную индивидуальность и подобно тому, как индивидуальность в рефлексологии отдельных лиц имеет значение в отношении проявлений их соотносительной деятельности, так и характер и состав собрания оказывают огромное влияние на характер и направление его деятельности.

Таким образом, коллективная рефлексология должна не только выяснять настроение или „эмоциональную" сторону, точнее—мимико-соматическую реакцию того или другого собрания и его известную чуткость или впечатлительность, но и его творческую деятельность, а также его решения и коллективные действия, но все эти проявления массы лиц она должна рассматривать в связи с одной стороны с характером собрания лиц и его прошлым, с другой стороны—с теми или иными внешними влияниями, которые послужили основной причиной и условиями деятельности данного собрания в том или ином случае.

Только этот метод и может правильно осветить нам особенности проявлений соотносительной деятельности массы лиц, спаянных между собою теми или иными общественными условиями.

Одним из важных методов изучения коллективной рефлексологии несомненно следует признать статистический метод, дающий возможность учитывать действия человеческих масс, но нужно уметь им пользоваться. Нужно ставить для статистики те самые задачи, которые отвечают определенной цели, и собирать материал там, где он может дать соответственные результаты. Так, если желательно определить общественный темперамент и настроение, собирайте данные о посещаемости театров, ресторанов, игорных домов, церквей и о количестве самоубийств; если хотите для себя выяснить направление общественного кругозора, берите статистику общественных библиотек и выясняйте, какие книги больше всего в спросе, собирайте данные о распространении различных периодических изданий и журналов, возьмите сведения у издателей насчет хода их дела по рубрикам изданий и т. п. Если хотите знать направление общественной деятельности, собирайте сведения о количестве молодежи, поступающей в высшие учебные заведения, о количестве членов различных профессиональных союзов, о распространении тех или других предприятий. Если хотите знать направление политических взглядов в данном обществе, считайте количество членов различных политических партий, количество участников различных политических и общественных собраний и митингов, количество голосов, поданных при выборах за членов тех или других партий и т. п. Если хотите знать о поведении общества с точки зрения его нравственности, собирайте сведения о количестве и характере совершенных за известный период времени преступлений и т. п. Если, наконец, хотите знать о потребностях и вкусах общества, собирайте сведения по раз-

личным фирмам, магазинам и лавкам о количестве и характере имеющихся в известное время товаров.

Отсюда ясно, что статистика только тогда будет полезна для коллективной рефлексологии, когда она отвечает на ее задания. Но, при этом, мы, имея данные, нужно еще выяснить причину происходящих перемен в общественной жизни, а это достигается путем сопоставления с целым рядом других данных, собираемых тем же статистическим методом. Если при этом устранить субъективное толкование в отношении получаемых результатов, то мы получаем строго объективный статистический материал, который позволяет к тому же установить соотношение человеческих действий с теми или другими внешними породами. В область статистики входится все виды человеческих деяний и происшествий в жизни людей, как то: рождение, бракосочетание, смерть естественная или искусственная (самоубийство, преступность, разного рода болезни, потребление алкоголя и наркотиков, почтовые и иные сообщения, развитие сухопутного, железнодорожного, подводного и воздушного передвижения, развитие земледелия, фабричного труда, различного рода промыслов, торговли и промышленности, распространение книг, развитие религиозных и политических учений, развитие сберегающих организаций в виде страхования и т. п. Статистика определяет число однородных деяний, производимых в том или ином коллективе, и этим самым делает учет, как та или другая деятельность или состояние коллектива развивается, какие она терпит отклонения или останавливается в своем развитии, или клонится к упадку. В то же время статистика учитывает и биологические (пол, возраст), индивидуальные (происхождение и темперамент), антропологические (раса, характер), теллурические и метеорологические влияния (характер местности, климат, время года и т. п.).

Одновременно с тем путем анализа кривых того или иного действия или состояния коллектива, статистика дает нам возможность при сопоставлении с другими явлениями и состояниями, изображаемыми также в кривых, устанавливать взаимные соотношения между ними, которые могут в то же время подлежать проверке и другими методами. Возьмем пример из медицины. Если мы определим количество поступлений больных, страдающих прогрессивным параличем в земские больницы, мы будем иметь цифры, выражающие степень заболеваемости этой болезнью по губернии. Сверх этого мы можем взять цифры, выражающие количество потребляемого населением спирта. И вот оказывается, что кривые прогрессивного паралича и кривые, выражающие потребление населением спиртных напитков, являются почти совпадающими (Д-р Виноградов, Дисс Спб.). Это дает полное основание признавать, что между потреблением спиртных напитков населением и развитием прогрессивного паралича имеется прямое соотношение, как производящей причины к следствию. Тем не менее это не исключает и другие моменты, напр. влияние сифилиса на развитие паралича, что доказывается иным путем. Статистический метод имеет еще то ценное качество, что он дает возможность определять не только состояние коллектива в смысле состава его членов, их здо-

робья, роста, рождаемости, трудоспособности и пр., но и политические и религиозные воззрения его членов, а также их моральные качества, экономическое положение, развитие грамотности и т. п., наконец различные потребности коллектива, их роста и понижения и, наконец, зависимость их от тех или других условий.

Так путем статистического метода мы выясняем состояние населения в отношении того или другого образования, определенных форм воспитания, потребности в книгах определенного характера, потребности в обережании себя от стихийных бедствий (пожаров и т. п.) путем страхования, потребности в переписке, в передвижении, в том или другом одеянии и определенных пищевых и иных продуктах потребления, в употреблении возбуждающих средств, наркотиков и т. п. и многое другое в том же роде. Между прочим вся торговая и промышленная статистика дает указания на целый ряд потребностей, вызываемых бытом, укладом жизни и обиходом жителей страны. Можно определенно сказать, что статистика является одним из важнейших методов коллективной рефлексологии. Не представляя собою самостоятельной науки, она важна тем, что уточняет выводы коллективной рефлексологии.

В какой мере статистика является методом, дающим возможность разрешения задач коллективной рефлексологии, видно между прочим из того, что, как мы знаем, та или другая потребность человека представляет собою его привычный сочетательный рефлекс, общественная же потребность представляет собою коллективный сочетательный рефлекс. Развитие этого коллективного сочетательного рефлекса, как и индивидуального сочетательного рефлекса подлежит определенной закономерности, сводящейся к тому, что сначала отмечается медленный рост данной потребности, затем относительно быстрый под'ем, достигающий определенного уровня, вслед затем снова начинается замедление роста, переходящее в горизонтальную линию, после чего рост приостанавливается на то или другое время и, наконец, наступает более или менее медленное понижение этой потребности, благодаря вытеснению ее другими потребностями.

Надо впрочем заметить, что это развитие потребности может нарушаться теми или иными привходящими условиями и конкуррирующими событиями, вследствие которых в кривой всякой данной потребности могут обнаруживаться те или иные колебания или пертурбации.

Так дальнейший ход общественной потребности вслед за ее развитием зависит от многих условий, как напр. соперничества и вытеснения ее при посредстве других изобретений с одной стороны, а с другой поощряющих ее условий того или иного рода и т. п.

Из сказанного очевидно, что путем статистики нетрудно проследить между прочим и действие тормозящих влияний по отношению к той или иной общественной потребности или общественному движению и смену этого действия противоположными, так сказать, поощряющими влияниями при других социальных условиях.

Одним из условий тормозящих и в то же время возбуждающих (в зависимости от силы) является в коллективе конкурренция, обязанная инициативе тех или других лиц, выдвигающих новое изобретение или делающих новое открытие. Эти-то явления конкурренции, как мы видели, служат нарушителями правильного течения кривых, изображающих ту или другую потребность коллектива. Чтобы пояснить это примером, возьмем статистику преступности, которая регистрирует потребность отрицательного характера в человеческом обществе жить насчет других и в ущерб другим. Благодаря ненормальным условиям жизни современного общества, эта своеобразная потребность части общества во всем мире находится в периоде возрастания. Но вот в Англии на почве борьбы с детской безпризорностью явилось „изобретение" в виде реформаторий, которое еще не достаточно распространилось по другим странам, и в результате кривая преступности в Англии начала падать. Другой пример представляют цифры, отпускаемые русским правительством на образование. Крайне медленно возрастая из года в год, они особенно резко стали подниматься в гору, начиная с 1906 года, сначала более медленно, затем быстрее. Нетрудно догадаться, что это увеличение отпускаемых сумм на образование в России стоит в зависимости от введения законодательных учреждений.

С начала октябрьской революции мы имеем новый огромный скачек в расходах на образование (независимо от курса), об'ясняемый новым строем. Возьмем расходы Франции на общественные работы. В срок с 1843—1849 гг. эти цифры сразу возросли, что об'ясняется введением нового изобретения в форме железнодорожного строительства.

Тард говорит, что „единственно подражание, а отнюдь не изобретение подчиняется законам в действительном смысле слова" (Тард, Закон подражания, стр. 147). Но спрашивается, может ли быть подражание без изобретения, да и изобретение не есть ли в известной мере подражание, переносимое лишь на другую область? Во всяком случае и изобретения подлежат закономерности.

Необходимо затем иметь в виду, что статистика устанавливает прежде всего количественные отношения, между тем как в сущности каждое общественное явление имеет не только количественную, но и качественную сторону. Так число посетителей школ может оставаться более или менее одинаковым, но качество образованности может понижаться или повышаться в зависимости от подготовки педагогов. Точно также число приверженцев правительства может быть более или менее одинаковым по цифрам, тогда как их привязанность к правительственной форме может прогрессивно падать и наоборот.

Такого рода условия никогда не следует забывать при анализе статистических данных. Это, конечно, не обозначает, что эти данные не могут быть учитываемы цифровым образом, но, очевидно, для этой цели должен быть собран материал иного рода, где бы выяснилась именно эта сторона дела.

Необычайно ценны указания статистики на те или иные соотношения между общественными явлениями, ибо с выяснением этих соотношений между

тем или другим общественным явлением оказывается возможным и предупреждение этих явлений. Возьмем медицинскую статистику. С помощью ее нетрудно ответить на вопрос, при каких условиях та или другая эпидемическая болезнь развивается и при каких ослабляется и с другой стороны, в какой степени та или другая мера оказывается полезной: напр. в какой мере прививка против бешенства гарантирует общество от этой болезни и т. п. Точно также с помощью статистики мы узнаем, в какой мере брак влияет на уменьшение смертности или в каких размерах увеличивается число самоубийств, преступлений и болезней личности в городских условиях жизни по сравнению с деревенским, в какой мере забота о беспризорном детстве ограничивает развитие преступлений или как влияет запрет алкогольных напитков на уменьшение преступлений, самоубийств и болезней личности. Эти и многие другие статистические данные не оставляют сомнения в том, что статистика дает возможность не только уяснять соотношения, но и указывает, как возможно изменять эти соотношения на пользу человечества.

В конце концов статистика является в сущности массовым наблюдением, дающим материал для коллективной рефлексологии. Последняя, однако, нуждается и в эксперименте для уточнения и проверки наблюдения. Простейшая форма коллективного эксперимента, между прочим, может осуществляться при посредстве так наз. анкет или опросников, рассылаемых в большом количестве экземпляров. Недостаток этих анкет заключается в том, что количество получаемых ответов много меньше, нежели рассылаемых анкет и тем не менее с помощью анкет можно иметь достаточно материала для соответствующих выводов; притом же постановка вопросов в них зависит исключительно от организатора анкеты, что дает возможность анкете придать проверочный характер. Конечно, успешность анкеты много зависит еще и от характера вопросов, от их постановки и даже собирателей данных по анкете, что ни в коем случае не следует упускать из виду.

Другой способ коллективного эксперимента—это метод прямого эксперимента над целым коллективом, что может быть осуществляемо более удачно в школах и в аудиториях. Этот метод, однако, имеет недостаток в том отношении, что таким образом можно производить эксперимент только над сравнительно ограниченными коллективами, причем отдельные члены его находятся в неодинаковых пространственных условиях, а это приводит к неодинаковому на них воздействию со стороны экспериментатора. Кроме того и то обстоятельство, что, если испытуемые знают, что над ними производится эксперимент, то это создает некоторую искусственность обстановки, отражающуюся на участниках коллектива. Этих условий избегает естественный эксперимент, разработанный трудами нашей школы. Сущность этого метода, применявшегося (д-р Лазурский и др.). в школах и ранее мною на младенцах (см. работу д-ра Бражас в „Вестн. Псих.“), сводится к тому, что воспитанникам дается урок, который они выполняют, как всякий другой урок, не зная, что они служат предметом эксперимента, а между тем урок дается с таким расчетом, чтобы он мог выявить в результате индивидуальные особенности

соотносительной деятельности лиц, входящих в школьный коллектив. С таким же успехом можно применять соответственным образом подобранные игры для детей дошкольного возраста и занятия для взрослых.

В обоих случаях, однако, оценка результатов с точки зрения их значения по отношению к коллективу, может быть осуществляема лишь при сравнении их с результатом такого же эксперимента, производимого над отдельными лицами того же самого коллектива. Наконец, могут быть организованы игры и занятия таким образом, чтобы коллектив в них участвовал, как целое собрание лиц.

До сих пор эксперимент в целях коллективной рефлексологии в сущности почти не был осуществляем, а между тем и в этом случае эксперимент должен сыграть ту же роль, как и в других областях знания. Правда, до сих пор делались опыты и над коллективом, но не с целью изучать роль самого коллектива в определенном процессе и не для выяснения того, как личность изменяется в коллективе, а с побочными целями, напр. для выяснения точности свидетельских показаний. Таковы работы Binet, Stern'a, Claparède'a и др.

Разработаной у нас т. наз. естественный эксперимент, применяемый в школьных классах, опять таки приводит к тому, чтобы из массы лиц, т. е. из коллектива выделить те или другие единицы по их индивидуальным особенностям и таким образом здесь дело идет в сущности об анализе коллектива в отношении его состава.

Но для коллективной рефлексологии наиболее существенным вопросом является как раз вопрос иного рода: как именно проявления личности меняются в коллективе или, точнее, что делается с личностью, когда она становится участником деятельности целого коллектива. В этом отношении уже наблюдение дает много данных, но несомненно, что и эксперимент может дать здесь ценные результаты, как показали наши опыты над дошкольниками детского сада. Другой задачей эксперимента представляется выяснить, чем вообще реакция коллективной личности на то или иное событие или явление отличается от реакции, свойственной отдельной личности при тех же самых или приблизительно одинаковых условиях. В этом направлении применение коллективного эксперимента является еще предметом будущих исследований.

Можно однако найти лишь довольно общие указания относительно данных эксперимента или скорее наблюдения для выяснения роли коллективной соотносительной деятельности. Так еще Карл Маркс заявил в главе о комбинированной работе следующее: „сумма механических сил отдельных работников отлична от механической силы, развивающейся в то время, когда множество рук участвуют сообща и одновременно в одной и той же операции. То действие, которое развивается при этом комбинированном труде, либо вовсе бы не могло быть достигнуто одиночными усилиями отдельных работников, либо могло бы быть исполнено ими в гораздо более продолжительный период времени или только в самом ничтожном размере. Здесь дело идет не только об увеличении посредством кооперации индивидуальной производительной

силы, но о создании особенной производительной силы массы". С другой стороны мы имеем заслуживающее внимания динамометрическое наблюдение Féré. Этот автор прежде всего убедился относительно ощущений, что возбуждение, дошедшее или недошедшее до сознания, всегда отражается приращением динамического эквивалента, иначе говоря, повышением мышечной силы при измерении ее динамометром. Производя свои опыты на отдельных индивидах и в толпе, автор убедился, что уже простое пребывание в толпе сильно поднимает динамические силы. То же можно наблюдать и на ходьбе.

Ясно, что в толпе имеются условия для возбуждения не одного настроения, но и развития энергии в такой мере, что это сказывается на усилении двигательных импульсов.

Других указаний в литературе о применении эксперимента к коллективу с вышеуказанными целями я не нашел и таким образом ясно, что экспериментальную коллективную рефлексологию необходимо еще создавать.

Спрашивается, где и как вести коллективный эксперимент? В области коллективной рефлексологии нельзя рекомендовать пользоваться обычной лабораторной обстановкой. Нецелесообразно пригласить в лабораторию большое количество лиц, чтобы над ними производить эксперимент, как над коллективом, ибо это будет все же несколько лиц, а не коллектив или сообщество, об'единенное теми или иными целями и общими условиями. Лучшим местом для экспериментов по коллективной рефлексологии пока нужно признавать школу, где мы имеем сообщество сверстников за работой.

Другим подходящим местом обследования коллективной личности могут служить детские площадки, где в сущности мы имеем настоящую толпу, состоящую правда из детей, но все же толпу в истинном смысле слова, над которой может быть проделан настоящий коллективный эксперимент. Притом результаты этого эксперимента могут быть сравниваемы с результатами исследований, произведенных при других условиях над теми же или такими же детьми в одиночку. Подходящим местом исследования могут служить также гимнастические и спортивные общества специально для выяснения всех вопросов, связанных с коллективными физическими упражнениями, мышечным трудом и т. п.

Кроме того здесь легко выяснить, как поднимается энергия личности в связи с заинтересованностью входящих в коллектив индивидов, напр. при играх или при упражнениях на призы. Для специальных исследований могут быть использованы хоровые и оркестровые общества.

Нечего говорить, что можно иметь в виду и многие другие условья экспериментального изучения коллективной личности, как например лекционные и иные собрания, некоторые из заводских и фабричных предприятий и т. п.

Из вышеуказанного ясно, что эксперимент в коллективной рефлексологии должен исходить из сравнения с данными эксперимента над отдельной личностью, и иного пути нет, ибо какая же может быть мера для учета влияния сообщества на деятельность входящей в него личности, как не деятельность отдельной личности в ее обычной индивидуальной работе. Только исходя из

этой индивидуальной деятельности каждой личности можно определить, как эта деятельность изменяется, коль скоро личность будет находиться во время этой деятельности в сообществе с себе подобными, образующем тот или другой коллектив.

В числе вопросов коллективной рефлексологии, подлежащей экспериментальному разрешению, должен быть поставлен вопрос, как силы отдельных лиц складываются при общей работе в одном и том же направлении и в случае одновременности их применения в производстве. Будет ли результат работы соответствовать сумме затрачиваемой силы каждым из соучаствующих в работе лиц или же будет меньше общей суммы или, наоборот, будет больше этой суммы. Все эти вопросы подлежат соответствующему выяснению в деталях. Для этой цели может быть устроен прибор, основанный на принципе тяги с динамометром, лежащем на пути тяги. При этом приложение силы каждого по одиночке или многих лиц зараз должно быть обставлено таким образом, что бы тяга многими людьми производилась безусловно в одном направлении в ту или иную сторону. При соответственном видоизменении для этой цели может быть использован принцип, на котором основан прибор A. Mosso.

Не менее важны вопросы торможения коллективной работы и при том как внутреннего торможения в виде утомления или усталости, так и внешнего торможения, зависящего от внешних тормозящих условий, приводящих к подавлению мышечных усилий. И эти вопросы могут быть разрешены экспериментально в коллективном труде, осуществляемом на соответственных аппаратах при тех или других условиях. Эти опыты, как легко понять, должны иметь огромное значение для разрешения вопросов, связанных с научной организацией труда.

Какую роль в этом отношении играет сама коллективная работа в смысле торможения или оживления энергии трудящихся, покажут все вообще опыты при сравнении коллективной работы с одиночной. Но особые опыты могут быть поставлены для выяснения внешних условий торможения и растормаживания, которые должны выявить роль тех или других внешних воздействий в работе коллектива. Можно ожидать здесь неодинакового влияния тех или иных внешних воздействий на работу коллектива в зависимости от самого характера воздействия и в зависимости от характера работы. Например, одна музыка содействует физической работе, другая противодействует ей. Но та же музыка, которая содействует физической работе, являясь как бы ободряющим стимулом, может оказывать неблагоприятное влияние на умственную коллективную деятельность, вызывая отвлечение сосредоточения.

Другим важным вопросом в коллективной рефлексологии, который может быть разрешаем экспериментально, является вопрос о влиянии индукции и внушении. Для этой цели можно пользоваться, например, предъявлением все более и более удлиняющихся линий с прекращением такого удлинения на предельном пункте, при чем испытуемые целой группой должны отмечать в своих тетрадях знаками, сколько раз был сделан опыт с предъявлением удлиняющихся линий и на которой по порядку линии произошла остановка в удли-

нении линий. Другой способ может состоять в словесном внушении о предъявлении постепенно удлиняющихся линий, которые будут показываться одинаковыми. Число записей, отмечаемых удлиненье линий знаком +, покажет действие реализируемого внушения. В обоих случаях должна быть произведена работа в виде сравнения тех же внушений в одиночку с каждым лицом порознь. Чтобы проследить роль взаимовнушения в толпе, тот же опыт может быть проделан так, что вся группа только смотрит с тем, что каждый, заметивший остановку удлинения линий в первом случае и прекращения удлинения линий во втором случае, будет заявлять устно, а экспериментатор будет сам отмечать число лиц, установивших тот же самый факт.

Подобные же опыты могут быть сделаны с определением цветных оттенков. Далее может быть произведен опыт с внушением коллективных иллюзий и галлюцинаций. Один из простых экспериментов этого рода состоит в том, что экспериментатор делает внушение, что в помещении, где находятся испытуемые, чувствуется запах гари или какой либо другой запах и т. п.

Подобные заявления могут быть сделаны совершенно неожиданно в одном случае во время умственных занятий, например, когда школьники заняты разрешением какой либо задачи, в другом случае после некоторого отдыха от занятий. В таком случае мы получим разницу в результате, зависящую от большего или меньшего утомления. Очень важно также выяснить между прочим роль выжидательного сосредоточения в отношении реализации внушения. Нельзя не придавать также особо важного значения вопросам подражания в толпе. Для этой цели ряд лиц может быть обследован в отношении среднего темпа мышечных движений, например деланием штрихов на бумаге, после чего эти лица могут быть усажены так, чтобы движения рук всех лиц находились в поле зрения каждого из участников опыта.

Если тот же опыт проделать после предварительного индивидуального обследования в одном случае вдвоем, а в другом случае с несколькими лицами, то мы будем иметь возможность выяснить, какую роль играет в подражании большее или меньшее их число.

Далее такого же рода опыты могут быть поставлены с отвлеченьем сосредоточения на каком либо стороннем раздражении и без такого сосредоточения. Этим путем может быть выяснена роль последнего в подобных случаях. Затем в этих опытах может быть применен сторонний раздражитель с определенным темпом, например звуковой или световой, дабы выяснить, как этот темп отражается на индивидуальных кривых каждого лица, работающего ли порознь или работающего сообща.

Та или другая сила стороннего раздражения и разница в его темпе могут дать указание и на то, как действует интенсивность и темп стороннего раздражения в отношении подражания.

В дальнейшем мне представляется чрезвычайно существенным для целей коллективной рефлексологии выяснить значение соревнования, играющего столь важную роль во всяком вообще коллективе. Вряд ли можно сомневаться, что соревнование должно поднимать интенсивность работы в той или другой сте-

мени, но спрашивается, как оно должно отражаться на качестве той или иной работы.

Для вышеуказанной цели должна быть создана та или иная заинтересованность в выполнении работы, которая может заключаться в отметке о первенстве, в выигрыше какого либо приза и т. д., и т. д. Предмет же работы может быть взят самый разнообразный. Например, опыт делается с выбором, путем сосчитывания определенной буквы в тексте, выставленном перед коллективом, или со счетом цифр или с воспроизведением слов, восполнением пропусков в тексте, выполнением задачи, показанием силы на динамометре, осуществлением какой либо игры и т. п.

Само собой разумеется, что и эти опыты должны быть проделаны как в коллективе, так и в одиночку и притом с тем же самым заданием.

В дальнейшем чрезвычайный интерес должны представить работы с творчеством путем обмена мнений в коллективе при выяснении того или иного задания. Для этой цели должно быть даваемо задание такого рода, которое может быть подвергнуто коллективному выполнению и по поводу которого должно быть дано соответствующее решение. Эта работа коллектива с возможно полной записью отдельных мнений и указаний опять таки должна быть сопоставлена с индивидуальной работой такого рода для того, чтобы могли быть выявлены особенности работы коллектива по сравнению с индивидуальной работой.

В последнем случае эксперимент должен показать, как работает вообще коллективный ум по сравнению с индивидуальным умом и с количественной и с качественной стороны. Из ежедневного опыта в заседаниях мы знаем, что жизнь требует коллегиальных решений, но целый ряд авторов, как известно, утверждает, что творчество толпы или коллектива всегда ниже творчества отдельных индивидов и что даже способные люди в толпе не могут проявить себя должным образом. Это и должно быть проверено на опыте.

Возможны, конечно, и другие способы осуществления коллективной деятельности в экспериментальной постановке и все они должны дать ценный материал для более точного выяснения различных вопросов, входящих в область ведения коллективной рефлексологии.

Кроме того могут быть использованы те или другие методы специально для характерологии общественных групп. Здесь необходимо иметь в виду главным образом выяснение отношений той или другой группы к определенным явлениям и фактам, имеющим то или иное жизненное или общественное значение, а также выяснение профессиональных навыков и т. п.

IV. Взаимоотношение личности и общества.

Развитие личности, как социальной особи, коренится прежде всего в тех особых условиях, которые складываются вокруг нее при ее рождении, вследствие неодинаковой с другими наследственности и обусловленного этим различия в темпераменте и в развитии и характере наклонностей, а это обусловливает различные способности в приобретении навыков, что в свою очередь, в связи с внешними условиями, окружающими личность, приводит к различному ее положению в обществе. Самая обстановка со дня рождения представляется неодинаковой для различных личностей, откуда возникает большое разнообразие во внутреннем богатстве каждой личности, состоящем в приобретении навыков или т.-наз. сочетательных рефлексов и обеспечивающем различные условия ее существования.

Неопозитивисты, как мы уже говорили, признают, что не общество есть продукт личности, а наоборот личность есть продукт общества. В этом отношении особенно много содействовал укреплению этого взгляда Э. Дюркгейм, по которому личность без общества не доросла бы до категорий и общих понятий, а следовательно не могла бы достичь до состояния рассуждающей личности [1]). Драгическо же, другой представитель той же школы, уже всю индивидуальную психику сводит к социальной жизни. Даже развитие сознания он не представляет без общественности. Признавая фиктическими условиями появления сознания два процесса—интеграцию и дифференциацию или суммирование и относительность и задаваясь вопросом, каков источник этих двух законов, он находит, что физическая среда, как среда неизменяемая в течении истории, не могла быть источником изменчивых контрастов, новизны и сложности, а следовательно она не могла быть и источником появления сознания, ибо „относительное однообразие космической среды не могло быть тем возбудительным условием или стимулом, которое вызвало появление сознания". Наоборот, социальная среда с ее расширением социальных групп приводит к специализации и разделению труда. „Простой факт слияния множества мелких социальных кругов и групп в одно общество до бесконечности усложняет вну-

[1]) См. его Representation individuelle et representation collective. Revue metaphisique 1898 и les formes elementaires de la vie religieuse etc. Paris, Alcan 1913.

треннюю общественную жизнь: в ней пускаются в оборот разнообразнейшие способы работы, поведения, мышления и верования и все они накопляются, усложняются и испытывают непрерывные колебания и перемены, представляющие полный контраст с неподвижностью и относительным однообразием космической среды". Таким образом „развитие общественной среды необходимо обусловливает и вызывает дифференциацию личности, подвижность и неустойчивость междуличных отношений, оригинальный характер деятельности и т. д., а главное возникает живая борьба, неукротимая конкуренция между членами групп и все это в свою очередь пробуждает и укрепляет сознание" [1]. В другом месте той же работы автор формулирует свою мысль следующим образом: „сознание обнаруживается там, где жизненные явления, подчиненные также влиянию физико-химической среды, подвергаются воздействию социальных условий" (стр. 114). „Сознание, говорит в заключении автор, есть явление общественное и в основу его можно поставить доказанную опытным путем реальность общества. Его можно представить себе, как общественное явление, воплотившееся в организме и нашедшее себе соответственное выражение на психологическом языке". Это крайнее воззрение однако встретило в литературе возражение, которое в особенности развил в своей книге Г. Паланг [2]). Выдвигая роль физиологии, наследственности и расы, он указывает на животных с социальной организацией, которые не обнаруживают превосходства ума по сравнению с животными, живущими уединенною жизнью. Пчелы и муравьи, например, развили коллективный инстинкт, но не имеют индивидуального ума, не проявляют никакого новшества, никакой инициативы. Общественная дифференциация есть плод изобретений, изобретения же „прежде всего факт биологический и психологический, а затем уже общественный". Не наблюдается и параллелизма между общественной эволюцией и степенью совершенствования умов. Роль наследственности не регрессирует, как полагает Драгическо, и, если расы благодаря смешению теперь утрачивают свое значение в отношении развития ума, то все же желтая, черная и белая расы не исключают и умственного различия.

Всё вышеизложенное приводит автора к выводу, что, если роль общества в развитии личности огромна, то все же индивидуальный факт, содержащийся в биологической природе личности, не может быть окончательно стерт влиянием общества и таким образом личность представляет и будет всегда представлять био-социальное явление. Таким образом автор снова приходит к выводу, установленному, благодаря исследованиям и проникновенному анализу нашего соотечественника проф. Психо-Неврологическаго Института в Петрограде Е. В. Де-Роберти, которому мы обязаны созданием био-социальной теории, принятой в настоящее время большинством видных социологов. Согласно этой теории, человеческий ум или разум является результатом сочетания органи-

[1]) Драгическо. Отношение между психологией и социологией. Новые идеи в социологии. Сборник 2, 1914 г.

[2]) Les Antionmies entre l'individu et la société. Paris. Alkan. 1914.

ческих свойств материи, составляющих предмет изучения биологии, с сверхорганическими свойствами, изучаемыми социологией. Таким образом можно считать установленным, что личность есть явление био-социальное. При этом биологическим элементом в ней являются темперамент, инстинкты, наклонности и способности.

Нельзя при этом забывать, что подготовка личности к социальной деятельности и приспособление ее к социальной среде начинается уже в самом раннем возрасте, вместе с развитием и регуляцией ее действий. Этими регуляторами являются с одной стороны противодействия, запрещения и осуждения, ограничивающие свободу движений и действующие в виде тормозящих условий, с другой стороны похвала, поощрения и награды, побуждающие к деятельности и оживляющие последнюю. Путем непосредственного наблюдения можно доказать, что и то, и другое начинает воздействовать на ребенка уже с первых дней его жизни соответственным обращением с ним родной матери или няни. Со временем ребенок знакомится путем опыта с общими социальными установлениями в окружающей среде и усваивает тем же путем, а равно и путем подражания, что позволено и что не позволено, что допустимо и что недопустимо. Наконец, знакомство с законами, определяющими известные репрессии за нарушение минимума требований относительно поведения индивида в определенной среде, окончательно завершают регуляцию его действий.

Те или другие ограничительные мероприятия, устанавливаемые законом, являются с одной стороны оборонительным актом со стороны коллектива, с другой—тормозом для стремлений отдельных личностей, выходящих за пределы социальных установлений. В свою очередь все поощрительные меры являются побудителями работы отдельных лиц на общую пользу. Мало-помалу этим путем поведение отдельных лиц направляется в сторону соответствия с интересами коллектива и из человека постепенно вырабатывается социальная личность. В этом случае ребенок как бы повторяет историю создания общественности, ибо и развитие общественности шло не иначе, как путем постепенного подчинения интересов отдельного лица общим интересам коллектива.

На высшей ступени развития человеческого общества с сложной организацией поведение регулируется уже не мерами действительной или возможной репрессии, но просто оценкой близких, особенно же оценкой со стороны общественного мнения, причем слова осуждения, даже только допускаемые, уже достаточны для торможения действий, слова же поощрения действуют, как импульс, побуждающий к деятельности. Очевидно, дело идет здесь о такой ступени развития личности, где социальные навыки представляются уже готовыми и только нуждаются в тех или других отдельных случаях в направляющем влиянии одобрения или осуждения со стороны близких или со стороны общественного мнения, или со стороны созданного личностью принципа.

Для развитой социальной личности даже не требуется похвалы или осуждения со стороны близких или общества. Она действует по сложившимся навыкам,

либо приобретенные с воспитанием и жизнью сочетательные рефлексы, ставшие привычными, уже сами по себе определяют поведение человека в различных случаях. Доброволец, записавшийся в роды армии и рискующий своей жизнью, вовсе не руководится соображением или неодобрением. Он неизбежно действует так, ибо его жизненные условия складывают и таким образом, что поступить иначе при данных обстоятельствах он не может. Если кто идет на политическую арену, подвергаясь такому известному риску, он опять так и идет по пути, который подготовлен всей его прошедшей жизнью в определенной социальной среде. Так или иначе социальная кооперация приводит в согласование с своими установлениями действия отдельных лиц во всех случаях, где дело идет о пути жизни и коллективных целей, а это втягивает отдельную личность в общественную или коллективную жизнь в такой мере, что личность не может поступать иначе, как сообразуясь со своими навыками и традициями, которые складываются вокруг интересов коллектива, как целого.

Известно, что дети в коллективе представляются гораздо более жестокими, нежели взрослые люди, и это потому, что они еще не отражают в себе социальности в такой мере, чтобы сдерживать свои индивидуальные стремления и сообразовать свои поступки с общими интересами. Благодаря этому и в коллективных действиях дети не проявляют достаточной сдержанности и всегда склонны к более тяжкому осуждению отдельного индивида из своей среды, нежели взрослые люди. Возможно, что и женские коллективы в этом отношении окажутся чем-то средним между детскими и мужскими до тех пор по крайней мере, пока женщина еще не вполне вошла в общественную жизнь наравне с мужчинами.

Надо к этому прибавить, что различные личности находятся в различных условиях в смысле общения их с окружающими лицами, а равно и в неодинаковых условиях воспитания, что также не лишено громадного значения в отношении будущего развития каждой данной личности. Поэтому, индивидуальный облик личности определяется в значительной мере обществом, его интересами, обычаями и другими общественными установлениями. Иначе говоря, личность есть в значительной мере продукт данного общества, представляющего собой миллионы подобных же единиц в ряде сменяющих друг друга поколений. Благодаря совокупности всех условий, неодинаковых для различных личностей, и происходит характерологическое отличие одной личности, как социальной особи, от других.

Само собой разумеется, что огромную роль в этом отношении должны играть профессия и занятия, которые естественно отражаются на общем развитии соответственной деятельности каждой личности. В особенности здесь должно быть принято во внимание разделение труда, иногда чрезвычайно мелочное, которое не может не оказывать огромного влияния на развитие отдельных личностей. Точно так же и различные условия материального благосостояния должны известным образом отражаться на складе отдельных личностей.

*

Таким образом ясно, что окружающие условия оказывают существенное влияние на развитие личности и закрепляют и поддерживают в ней те или иные особенности, благодаря своеобразным особенностям той или другой профессии или различным условиям существования.

Равным образом, и условия местности и климата своими внешними влияниями не могут не отражаться известным образом на развитии личности. В связи с этим и состояние физического здоровья, перенесенные болезни и другие органические условия, влияющие на живость и характер движений, должны быть также приняты во внимание при оценке развития личности.

При всем том, хотя каждая личность кажется чем-то обособленным от всех других личностей и характеризуется своим комплексом навыков, ибо она и живет, как индивидуальная особь, обнаруживая себя сообразно своему кругозору, образованию, общественному положению и т. п., но на самом деле деятельность личности в значительной мере является не индивидуальной, а социальной [1]). Так, прежде всего язык, которым пользуется личность, составляет принадлежность целого народа, а не индивидуальности. Вместе с тем и поведение личности подчинено законам общественности. Каждая личность является до известной степени рабом обычая и формы, выработанных обществом, и даже предрассудков и суеверий, в нем господствующих. Личность не только пользуется общим для всех языком, но и носит общественный покрой платья, следует за модой, имеет в той или иной мере национальные воззрения, придерживается общепринятых правил, живет общей со всеми культурой, имеет общие всем правовые и этические понятия, более или менее общее мировоззрение, общие идеалы и приблизительно одинаково оценивает те или другие события, как прошлые, так и настоящие.

Все это обусловливается тем, что личность, благодаря подражанию, внушению и убеждению, приобретает с воспитанием господствующие навыки и взгляды, становясь шаблонным выразителем своей среды.

Равным образом, человек имеет общие всем верования и повторяет суждения об окружающем, о создании вселенной, выработанные не им, а другими, и принятые всем обществом. Он живет идеалами, которые общи и другим, и, наконец, он обнаруживает стремления, также общие многим.

Словом, вместо того, чтобы проявлять себя особым образом, личность оказывается в большинстве своих действий и поступков, а равно и в своих заявлениях, представителем общества, а не самого себя. Отсюда очевидно, что личность является больше повторителем, нежели индивидуальным созидателем. Иначе говоря, она является, как мы сказали уже, в значительной мере социальным продуктом, а не самобытной особью.

Таким образом, личность, входящая в общество, перестает быть сама собой, она становится одной частью самого общества и в этом смысле она утрачивает значительную долю своего независимого существования, становясь

---

[1]) В. Бехтерев. Личность и общественные условия ее развития и здоровья. Отд. изд. СПБ.

исполнительницей общественных установлений. Отсюда ясно, что общество есть не что такое, что властвует над личностью, так как оно является, в значительной мере, руководителем сложных соотношений, в которых отдельные личности являются только исполнительными органами. Иначе говоря, объединенная соотносительная деятельность общества является как бы равнодействующей деятельности входящих в общество личностей и имеет свои законы развития, основанные на взаимодействии его членов.

Коллектив обезличивает отдельные индивиды, давая преобладание количеству, тогда как личность представляет качественные особенности, выявляя любою творческую энергию отдельного лица. Поэтому поведение личности в одиночку и в толпе не могут быть одинаковыми. „Кажется, однако, говорит Г. Лебон (Психология социализма, стр. 54), и этот пункт самый главный, что существует полная противоположность между поведением отдельной личности и личности в толпе. Отдельная личность занята лишь личными интересами. Личность в толпе руководится общими интересами". В толпе всплывают наверх все национальные черты характера, а если толпа состоит из отдельных слоев населения, всплывают все присущие этим слоям особенности. По Тарду (l. c. стр. 132) „национальная жизнь всегда будет требовать от индивидуума пожертвования самыми дорогими ему привычками, пожертвования его частными выгодами для интересов общественных".

Даже личности, принадлежащие к разным народам, хотя и говорят на разных языках, но подчиняются общечеловеческим обычаям в обращении, имеют одинаковые или приблизительно одинаковые этические и эстетические понятия, высказывают одинаковые воззрения общего характера, провозглашают более или менее одинаковые общечеловеческие идеалы и т. п.

Правда, в современном обществе мы встречаемся с различными слоями, с классовым разделением, с профессиональными группами, с различными кружками и пр., как будто бы разделяющими человечество на отдельные части: однако, эти подразделения не так глубоки, чтобы уничтожать общность многих форм внешних проявлений соотносительной деятельности различных личностей.

Нужно, впрочем, заметить, что и эти подразделения, играя роль меньших обществ, также точно властвуют над отдельными входящими в них личностями, которые в силу этого во всех своих поступках сообразуются с общепринятыми в данном сообществе обычаями, взглядами и установлениями.

Следовательно, и в этом случае личность является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия и т. п.

Все действия личности в этом случае как бы вперед предопределены. Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям. Его платье определено заранее, его обращение с другими подчинено известным условностям, его образ действий связан общественной формой.

Словом, человек, находящийся в общественном месте, является как бы автоматом, подчиняющимся общим правилам и выполняющим общепринятые обычаи. Лишь в некоторой степени личность может проявить свою особенность в поступках и в речи и при том главным образом в их содержании и лишь отчасти в форме, так как и характер поступков, и содержание речи, а тем более форма, также в значительной мере предопределяются составом собрания.

Под общественным давлением, под всеподавляющим влиянием общественных установлений личность в общественных условиях деятельности почти не имеет возможности свободно проявлять свои жизненные потребности: свободно двигаться, нестесненно сидеть, предаваться, когда нужно, отдыху, свободно спать и т. п., так как все это строго регулируется общественными обычаями, правилами, приличием, теми или другими установленными заранее формами и т. п. При этом, как только личность пожелает сделать попытку выйти из обычно установленных обществом правил, так тотчас же на нее обрушивается вся сила общественных тисков и снова вводит ее в свои границы или же, в случае более резких отступлений, сдавливает ее почти до полного уничтожения в социальном смысле, как бы мстя ей за смелое выступление из установленных обществом норм.

Говоря о роли общества и власти его над личностью, нельзя забывать об иге общественного мнения, против которого бессильны бороться иногда самые сильные натуры. Вот например, как Г. Лебон характеризует в этом отношении древний мир: „Греки, которые, по мнению невежественных краснобаев, наслаждались такой свободой, в действительности были подчинены игу общественного мнения и обычая. Каждый гражданин был окружен сетью безусловно неприкосновенных верований; никто не смел и думать об оспаривании общепринятых идей и подчинялся им без протеста. Греческий мир не знал ни религиозной свободы, ни свободы частной жизни, ни какой бы то ни было свободы вообще“ (Психология народов, стр. 119).

Нужно при этом иметь в виду, что социальные проявления личности удерживаются и в преемственной передаче из поколения в поколение. В этом случае, конечно, действует закон эволюции, причем общие или социальные проявления того или другого сообщества подвергаются непрерывным изменениям, что случается то быстрее, то медленнее; но несмотря на это, личность каждый раз подчиняется постоянно видоизменяющимся, вследствие преемственного развития, социальным проявлениям данного сообщества.

Известно, что моды, взгляды и теории меняются иногда с необычайной быстротой, представляясь таким образом далеко непостоянным явлением, и тем не менее личность следует всем этим изменениям, подчиняясь таким образом непрерывно изменяющимся проявлениям общественной жизни.

Из предыдущего ясно, что самая организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью. Обычаи и законы общества категоричны и требуют почти безусловного подчинения. При развитии общества

все его установления еще более дифференцируются, стесняя индивидуальные проявления по всем пунктам, ограничивая личные стремления и уничтожая права отдельных лиц. Вместе с тем, с ростом общества, его установления становятся более сложными и в то же время более императивными в отношении общих нужд коллектива, а потому еще более стесняют личность.

В конце концов ход и развитие общественной жизни проявляется установлением определенного взаимоотношения личности и общества. Другими самоопределение личности, регулируемое развитием гражданственности и шествование различных ее проявлений, представляются крайне сложными процессами, равнодействующая которых постоянно смещается то в одном, то в другом направлении. Личная свобода и общественная необходимость, индивидуализм и социализм, вот две стороны общественного процесса, идущего по пути социальной эволюции. При всем том личность и общество не являются противоположностями, ибо наиболее совершенное общество может состоять только из наиболее совершенных личностей. Поэтому, в интересах общества не подавлять личность, а наоборот ее развивать, лишь бы это развитие шло не к ущербу общества. Таким образом, обществу надлежит содействовать всестороннему развитию личности, ограждая лишь себя от распада путем укрепления солидарности между его сочленами. В этом и только в этом должна быть задача организованного общества, именуемого государством. Но эта форма соотношения общества и личности есть дело будущего, ибо до настоящего времени общество подавляло личность своими традициями, обычаями, обрядностями, этикетами и другими условностями и установлениями.

Если доныне общество и подавляло личность, то это ничуть не значит, что это наиболее правильная форма соотношения между личностью и обществом. Совершенствование и упорядоченная свобода, высшее развитие творческой деятельности и вместе с тем создание общественно развитой личности, при равенстве всех вообще прав и при устранении порабощения и эксплуатации одной личности другою, есть задача будущего общества, пока еще неосуществленная на земле. В этом случае задача создания совершенной личности совпадает с осуществлением наиболее совершенного общества. Личность здесь является высшей общественной ценностью и подавление ее лишних индивидуальных сторон социальной средой должно быть признано явлением в полной мере антисоциальным.

Тем не менее нельзя упускать из виду, что личность всегда останется продуктом социальной жизни. В современном обществе первоначально семья, а затем школа или фабрика и вся общественная среда создает личность. Последняя таким образом является прямым продуктом общества, в свою очередь развившегося на почве данной биологической организации личностей, в него входящих. При этом все то, чем личность стеснена, и что представляет собою „общественные шаблоны", является продуктом социальной деятельности самой личности; но в этом случае дело идет о низших сторонах деятельности личности, уподобляющихся привычным действиям, переходящим в автоматизм.

Как активные действия отдельного лица, благодаря частому упражнению и привычке, становятся автоматичными и шаблонными, так и вышеуказанные общественные установления упрочились, благодаря обычаю и повторению из рода в род, и сделались таким образом общепринятыми и шаблонными.

Касаясь условий общественных отношений, надо сказать, что обычаи и „общественные шаблоны" в сущности ограничивают личность в той ее деятельности, которая является более или менее автоматичною. Они не затрогивают ее индивидуальных проявлений и вместе с тем тех ее сторон, какие делают личность самобытной единицей с принадлежащими только ей одной взглядами и стремлениями, насколько, конечно, эти последние не приводят к нарушению прав других.

Эта индивидуальная сторона личности должна иметь особое значение и в жизни общественной, так как ею главным образом и определяется прогресс общества.

Дело в том, что лишь благодаря своим индивидуальным способностям личность поднимается выше уровня массы и может осуществлять созидательную работу, обеспечивающую поступательный ход умственного развития человечества.

Можно сказать, что самобытное развитие личности есть основа социального прогресса народов, который лучше всего обеспечивается полной свободой личности в ее взглядах и стремлениях, насколько последние не могут нарушать интересы других и, в особенности, интересы общества, как целого.

Несправедливо, поэтому, придерживаться довольно распространенного взгляда на взаимоотношение личности и общества, по которому личность и общество уподобляются двум чашкам весов, колеблющихся в двух противоположных направлениях, благодаря чему будто бы интересы общества выигрывают при подавлении личности—и наоборот.

Необходимо, напротив того, признать, что хорошая общественная организация, обеспечивая должным образом общественные интересы, предоставляет самобытному развитию личности возможно большую свободу, ибо лишь в развитии самобытных особенностей личности лежит залог прогресса народов.

Доказательством могут служить все великие люди, значение которых в истории неоспоримо. Роль великих людей сводится к синтезу стремлений, проявленных данной расой. По Г. Лебону (Психология народов, стр. 130), „их открытия всегда являются результатом длинного ряда предшествующих открытий. Они строят здания из камней, которые медленно обтесывали их предки".

Несомненно, что великие люди, являясь частицами отражений своего народа, в известной мере нарушают равномерный ход эволюционного процесса, не будучи в состоянии изменить или остановить его течение, но и то, чем проявляют себя великие люди, является обусловленным внешними поводами, отсутствие которых устранило бы и самое действие.

„В политике по Г. Лебону (там же, стр. 132) настоящие великие люди те, которые предвидятъ рождающиеся потребности, события, подготовленные пред-

лы, и указывают путь, которого следует держаться". „Они также, как и великие изобретатели, синтезируют результаты долгого предшествующего труда".

„Нельзя быть вождем народа, не воплощая его мечтаний. Моисей олицетворял собою в глазах евреев жажду освобождения, которая таилась годами в их душах рабов, истерзанных египетскими бичами. Будда сумел понять бесконечные бедствия своего времени и выразить в религии потребность любви и жалости, которые в эпохи всеобщего страдания начинали проявляться в мире. Магомет осуществил об'единением религий политическое об'единение народа, разделенного на тысячи враждебных племен. Артиллерист Наполеон воплотил идеалы великой славы, блеска и революционной пропаганды, составлявших тогда основные черты народа, который он в продолжении пятнадцати лет водил через всю Европу, преследуя самые безумные приключения".

Всякий вождь только тогда вождь, когда он сливается в смысле своих устремлений с войском. Точно также правитель только тогда правитель, когда он, являясь выразителем народных устремлений, отождествляет себя с народом. L'état c'est moi—известная формула одного из видных государей Франции.

С другой стороны, и народ олицетворяет себя в своем правителе. Он гордится его славой и живет его счастьем. Тэн прав, когда говорит про феодальную вотчину, как своего рода отечество, которое „смешивается в мысли с сеньером" и его семейством; при таком понятии о сеньере, его подданные гордятся им, рассказывают друг другу о его военных подвигах, приветствуют его громкими восклицаниями, когда он проезжает по улице со своею свитою, и наслаждаются по сочувствию окружающей его пышностью" [1]).

Что хорошая общественная организация не враг личности, доказывает также выявление в коллективе отдельных личностей, обособляющихся благодаря своим выдающимся индивидуальным качествам, и эти то индивидуальные качества не только не подавляются коллективом, а наоборот являются предметом обоготворения, как и самые личности.

Обоготворение народных кумиров достигает иногда крайних размеров. Достаточно указать в этом отношении на Робеспьера, являвшегося настоящим богом демократии во Франции времен великой революции, на Марата, которого в надгробных речах сравнивали с Христом. „Сердце Иисуса и сердце Марата—у вас равные права на наше почитание"—вот подлинные слова одного из ораторов. „Как Иисус, продолжал другой оратор, Марат также страстно любил народ; как Иисус он также ненавидел аристократов, священников, богатых и бесчестных и так же, как Иисус, вел воздержанный простой образ жизни" (Д-р Кабанис. Marat inconnu).

Наконец, примером обоготворения является великий Бонапарт, которому, как при его жизни, так и после смерти, вся Франция оказывала слепое и благоговейное поклонение. Какое обояние производил Бонапарт, показывает рассказ современника при первоначальном представлении Бонапарту дивизи-

---

[1]) Тэн. Происхождение общ. строя современной Франции. СПБ., 1880, стр. 19.

ственных генералов и в том числе Ожеро, после назначения первого командующим итальянской армией. Надо заметить, что Ожеро, будучи старым воякой, грубым, героичным, гордившимся и своим ростом, и своею храбростью, был заранее предубежден против присланного из Парижа „выскочки“ и уже заранее возмущался его назначением. Их ввели. Бонапарт заставил себя ждать. Наконец, он вышел спокойный и, надев шляпу, объяснил генералам свои намерения, отдал приказания и отпустил их.

Ожеро безмолвствовал и только, когда они уже вышли на улицу, он схватился и разразился обычными проклятиями, соглашаясь вместе с Массеной, что этот маленький генерал внушил ему страх, и он решительно не может понять, почему с первого взгляда он почувствовал себя уничтоженным перед его превосходительством (Г. Лебон. Психология народов и масс, стр. 252).

Нечего говорить, что обаяние Наполеона росло с каждым новым его успехом и достигло такой степени, что представлялось равным обаянию божества. Самые храбрые лица пред ним стушевывались и при приближении к нему дрожали на подобие ребенка.

Свидетельством этого обаяния является и беспримерная история с высадкой его с острова Эльбы, когда он в несколько недель без кровопролития ниспровергает всю тогдашнюю власть и становится вновь безграничным повелителем всей страны. Обаяние его личности следует и за его смертью, ибо его жизнь и слава о нем сделались легендарными. Вообще великие полководцы, как Наполеон, Суворов и др., пользовались и после смерти обаянием, которое граничит с обаянием божества. Вот еще пример: Генерал Вандамы, сам бывавший многократно в боях, так описал свое чувство Норману д'Органо, поднимаясь в Тюльерийский дворец в 1815 году, когда в сущности звезда Наполеона уже не могла блистать прежним светом. „Мой милый, этот человек производит на меня такое обаяние, в котором я не могу отдать себе отчета, и при том до такой степени, что я, не боящийся ни бога, ни черта, приближаясь к нему, дрожу, как ребенок, и он бы мог заставить меня пройти через игольное ушко, чтобы затем бросить меня в огонь“. А как действует это обаяние на массы показывает мастерское описание гр. Л. Н. Толстым переправы эскадрона поляков через Вислу на глазах того же Наполеона. „Вива!.. восторженно кричали поляки, расстраивая фронт и давя друг друга для того, чтобы увидеть его... Было приказано, отыскав брод, перейти на ту сторону“. Командир улан пожелал спросить разрешения переплыть через Вислу, не отыскивая брода, и, получив это разрешение, тотчас же старый усатый офицер со счастливым лицом и блестящими глазами с криком „Виват“ бросился в реку. „Сотни улан поскакали за ним. Было холодно и жутко на середине и на быстрине течения. Уланы цеплялись друг за друга, сваливались с лошадей. Лошади тонули, тонули и люди, остальные старались плыть кто на седле, кто, держась за гриву. Они старались плыть... и гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшаго на бревне и даже не смотревшего на то, что они делали. Переплыв они закричали „Виват“, восторженно глядя на то место, где стоял Наполеон“.

То же обояние окружало и нашего полководца Суворова. Известен факт, как его солдаты при переходе через Альпы были лишены возможности от истощения двигаться дальше. Когда об этом доложили Суворову, последний приказал рыть могилу в горах, чтобы лечь в нее самому. Это подействовало на войско таким образом, что об истощении перестали и думать. Поход закончился и закончился полной победой.

Тард вполне прав, говоря: „Когда толпа любуется своим вождем или когда армия восхищается своими генералами, она любуется сама собою, усиливает себе то высокое мнение, какое этот человек получает о самом себе и которое сияет в виде гордости своим происхождением или своим гением в лице Людовика XIV или Кромвеля, Александра или Сципиона или даже какого нибудь народного вождя". Нечего говорить, что обоянию полководца создает благоприятную почву для внушения, и это внушение в свою очередь делает чудеса и спасает положение. Вот как напр. Наполеон в бою при Лоди (6 авг. 1796 г.) магически воздействовал на австрийского офицера, имевшего за собой силу целого отряда. Передаем эпизод со слов Драгомирова (цит. по А. С. Резанову): „Бонапарт со своею свитою и небольшим конвоем наткнулся на 4-х тысячную колонну австрийцев, от которой к нему подъехал офицер с требованием сдачи. „Знаете ли вы с кем говорите? Я—главнокомандующий, за мной вся армия! Как вы смеете!.. Доложите начальнику вашей колонны, что я требую от него немедленной сдачи! Если оружие не будет положено через 5 мин., я прикажу расстрелять всех до единого!" И оружие кладут и сдаются".

Причина обояния лежит, как в личных качествах, так, конечно, и в успехе, но личные качества в приведенном примере повидимому имели преобладание, ибо и по исчезновении успеха, когда обычно прекращается и обояние, оно тем не менее осталось за Наполеоном, как оно осталось и за другим легендарным героем Карлом XII. Я намеренно привел здесь примеры исторических деятелей, имя которых пользовалось обоянием и после их смерти, не смотря на постигшую их в конце концов неудачу и не смотря на то, что дело, за которое они ратовали, не было истинно народным делом, каковы например борьба за независимость польского народа, связанная с памятью о великом Костюшке, или борьба за свободу и за об'единение итальянского народа, связанная с памятью другой замечательной личности—Гарибальди. В последних случаях вполне естественно, что пока жива идея или жив руководящий принцип, за который боролся народ, до тех пор герои, связавший свое имя с этим принципом, как бы олицетворяющий его персонально, будет пользоваться обоянием в памяти народа, окруженный ореолом славы, доходящей до обоготворения.

Сказанное выше приводит нас к вопросу об искусстве руководить собирательной личностью. Это искусство очевидно должно сообразоваться с характером этой последней. Поэтому одни приемы могут быть для толпы, другие для организованных масс, третьи для театральной публики и, наконец, особые приемы могут быть для коллективов, задачи которых сводятся к суждению.

Рассмотрим сначала способы руководства или управления толпой. Прежде всего сила толпы заключается в ее об'единении и однородности, характеризующейся моноидеизмом или одноцельностью. Раскол в этом отношении в полной мере губителен. Поэтому искусство в управлении толпой заключается в том, чтобы поддержать моноидеизм во что бы то ни стало и устранить возможный раскол всеми возможными средствами. Для этого пользуются разными способами, которые сводятся к изолированию толпы от посторонних воздействий и к усилению однородности коллектива всеми данными, поддерживающими и оправдывающими стремления толпы.

Некоторые из авторов (Тард. Г. Лебон, Сигеле и др.) признают, что толпа отличается безнадежною тупостью. Однако на самом деле это большое преувеличение. Гиддингс прав, утверждая что „социальный разум вовсе не так уже отличается от индивидуального в своих проявлениях. Но несомненно, что толпа не может рассуждать и рассуждения для толпы почти не имеют значения и цены. Толпа связывается в одно целое, главным образом, настроением. а потому с толпой говорить надо. не столько убеждая, сколько рассчитывая возбудить ее горячими словами. А когда это достигнуто, остается только повелевать, приказывать, и давать всем пример, ибо последний действует подобно внушению, чем обычно и пользуются все знаменитые военноначальники.

Вообще, надо иметь в виду, что, чем более сплочена масса и в особенности чем более она однородна, тем легче происходит умственная передача. тем скорее осуществляется социальная зараза и тем склоннее масса к взрывам энтузиазма под влиянием фанатической проповеди. Всякий индивид, поглощаемый толпой, теряет в тормозящих влияниях и выигрывает в оживлении сочетательных рефлексов подражательного характера.

В толпе индивид утрачивает, благодаря действию внушения, значительную долю критики. при ослаблении и притуплении нравственных начал. при повышенной впечатлительности и поразительной внушаемости.

Нечего говорить, что толпа не всегда способна оценивать правильно даже и своих героев, окружая рабским поклонением нередко тех, которые на самом деле являются злым гением народа и его судьбы.

Другим средством управления толпой является ее организация. Лишь случайные толпы лишены своей организации, но именно потому, что они случайны и лишены организации, они способны на порыв. Но они не могут проявить выдержки во всяком более или менее сложном действии сколоь. На это способны только организованные толпы народа, каковые мы видим в войсках. Организация толпы должна состоять в правильной дифференциации толпы на отдельные части, долженствующие выполнять каждая свои функции, а с другой стороны в сплочении всех частей общностью действий, принципом солидарности, единства и взаимной поддержки.

Наконец, и преследование задач в борьбе должно быть доступно разумению толпы и должно ее воодушевлять. „Совершенство внешней организации регулярной армии без одухотворяющей ее нравственной силы, говорит А. С. Резанов (Армия и толпа, стр. 71), не принесет всех ожидаемых выгод, ибо

подобный организм представляет из себя дряхлеющую развалину, напоминая умирающего льва". Примером могут служить поражение итальянцев в Абиссинии и долгие малоуспешные действия англичан в Трансваале. Но мало организации и одушевления. Нужна вера в своего вождя, в свое дело, в свою силу. Вера эта должна быть полною и непоколебимою. Она и составляет то, что носит название нравственной силы в войсках, без которой и лучшая организация остается бессильной. С тех пор, как вера в вождя и в свое дело поколеблена, начинается быстрое разложение толпы. Так было с Наполеоновской армией после достижения Москвы. То же мы видим в русской армии, в период мировой войны, когда недостаток вооружения, неумелое командование царя и слухи об измене бездарного, грубого и невежественного военного министра приводили к разочарованию войсковые массы в возможности победы, а это неизбежно вело к разложению армии, которое пропаганда лишь окончательно довершила.

Вера в победу несомненно великое дело для толпы, и нужна особенная предусмотрительность и осторожность, чтобы эта вера не подверглась излишнему искушению, как было напр в Японскую кампанию. По словам Г. Мартынова „в Манджурской армии почему-то смотрели на обман, как на одно из средств для под'ема духа. Напр., перед сражениями постоянно об'являли, что отступления не будет, затем сами же отдавали приказ об отходе, сообщали об одержанных нами победах, которые потом оказывались поражениями, пускали слухи о смерти Куроки и Ойямы (первый из них умирал 3 раза), о невозможных потерях и повальных болезнях в японской армии, о потоплении неприятельского флота, о голоде и бунтах в Японии". Нечего говорить, что всегда обман обнаружится так или иначе и не может не привести к подрыву нравственного авторитета командного состава и к разочарованию вообще, за которыми следует упадок энергии. Ясно, что вера в победу должна быть поддерживаема всемерно, и особенно важно это сделать во время. „Дивизия идет на помощь, крикнул один из героев Севастополя, и защитники кургана с новой энергией отбросили безумные атаки врага, будучи подкреплены в действительности жалкими остатками нескольких рот". (А. С. Резанов l. c., стр. 82).

При этом нельзя не принять во внимание необычайное легковерие толпы и склонность к преувеличению. Вот почему, как легко получить со стороны руководителя народных масс обояние не по заслугам, так же легко уронить и всякое к себе доверие.

Возвращаясь к вопросу о коллективах, можно заметить далее, что коллективы проявляют обыкновенно меньше инициативы, чем отдельные личности, но зато последние могут лучше осуществлять свои намерения чрез коллектив.

Как мы уже говорили, одновременно с общностью интересов всякий коллектив предполагает и определенное самоограничение индивидов в общих интересах, иначе говоря, известное торможение стремлений отдельных индивидов, идущих в разрез с общими интересами, но с другой стороны коллектив

оказывает и поддержку всем индивидуальным стремлениям, согласующимся с общим благом.

Но если развитие коллективной жизни в ходе истории первоначально приводило к подавлению личности семейным началом, родом и затем государством, то вся позднейшая история народов до великой войны приводит к постепенному устранению тех учреждений, которые излишне стесняют личность, что ведет к освобождению личности от навязанных ей пут. Личность постепенно вместе с ходом истории освобождается от уз семейного, племенного и государственного начала и становится на путь самоопределения.

Это без сомнения стоит в прямой связи с развитием и прогрессом личности. Дело в том, что личность человека представляет собою не только нечто индивидуальное, но и не повторяемое, и притом чем выше развитие отдельной личности, тем более ценным представляется вклад ее в человеческий коллектив. Вот почему, когда личность представляла собою ограниченное развитие, ее ценность в коллективе сводилась, главным образом, к увеличению самого коллектива в численном отношении, качества же личности не находили должной оценки в интересах коллектива в виду их малой ценности вообще.

Самое большее, что отдельный индивид из посредственностей заявляет себя при голосовании поднятием или неподнятием руки или выходом в ту или другую дверь, ибо меньшинство все равно должно подчиниться большинству и лишь в особо исключительных случаях меньшинство заявляет свой протест. При том же этот протест часто имеет только теоретическое значение, иначе говоря, оно не выражается в каком либо действии. Меньшинство лишь сохраняет свою политическую или общественную физиономию, но оно как бы отпадает от большинства, которое осуществляет свое дело, беспрепятственно. Случаи противодействия и столкновений, конечно, возможны в известные периоды, но лишь тогда, когда меньшинство может опереться на реальные силы, достаточные для противодействия большинству.

С постепенным развитием личности, само собою разумеется, и ее качества, как единицы, вносящей свою инициативу и специальные способности своего ума в деятельность всего коллектива, получают особое значение в интересах последнего.

В силу этого и роль современного государства сводится к возможному облегчению развития личности и к возможно полному удовлетворению ее интересов и в тоже время к облегчению всех путей к об'единению и сплочению отдельных индивидов в мощный государственный коллектив.

Но и самые партии в обществе, а равно и другие коллективы, в том числе и государство, опять таки стремятся к самоопределению, но это самоопределение имеет целью установление нормальных взаимоотношений между такими же коллективами и в сущности не должно бы нарушать основ самоопределения личности, т. е. ее неприкосновенности, неприкосновенности очага, свободы собраний, слова и союзов, свободы совести и национального равенства и свободного избрания управляющего органа.

Нелинек, как известно, признавал неограниченное всемогущество государства над личностью, устанавливающего само границы своих прав в отношении личности.

Бенжамен Констан и наш М. М. Ковалевский (Общее конституционное право II) однако опровергают это учение: „я полагаю, говорит М. Ковалевский, что господствующее ныне учение, разделяемое большинством немецких публицистов, о том, что всякая конституция является не более, как добровольным самоограничением государственной власти, не может служить оплотом против той опасности, какую для свободы представляет доктрина, допускающая неограниченность государственного суверенитета" (стр. 102). В другом месте того же сочинения автор говорит: „с развиваемой здесь точки зрения нет никакой надобности признавать за государством то полновластие, которое позволяло бы ему упразднить свободу самоопределения личности в интересах какой то государственной необходимости. Такой необходимости нет и быть не может, так как человеческая солидарность требует наоборот сохранения и развития свободы личного самоопределения". И далее: „Государство должно быть наделено только такими правами, при которых вместо того, чтобы быть тормозом, оно наоборот является стражем и охранителем личной самодеятельности, как необходимого условия общественной солидарности" (стр. 103—106).

Отсюда очевидно, что правительственный гнет в современных государствах должен был бы парализоваться децентрализацией управления, полным народовластием, ответственностью всех должностных лиц перед судом и неотъемлемыми правами личности в отношении свободы собраний, союзов, совести, национального равенства и прав на избрание своих управителей. Поэтому современный государственный коллектив в нормальных условиях предполагает правильно конструированный на основах представительства орган управления, национальное самоопределение и создание местного самоуправления, избираемого путем голосования.

Качество того или иного коллектива зависит всегда от входящих в него единиц. Сигеле, входя в обсуждение этого вопроса, высказывается в том смысле, что „аналогия между свойствами единиц и аггрегатом возможна лишь при некотором сходстве его частей", при однородности составляющих его отделов. Космополитическое действие не отражает национальных задач того или другого народа, как и группа лиц из этого народа: в числе присяжных лавочник и ученый не выразят столь правильно свое мнение, как собрание экспертов и т. п. Но одного подобия входящих элементов недостаточно для установления аналогии между свойствами элементов и свойствами составляемого ими аггрегата. Необходима еще связь между входящими в аггрегат элементами. Поэтому случайные и неорганизованные собрания людей, как присяжные, театральная публика и толпа, „не могут воспроизводить в своих проявлениях свойств составляющих их единиц", ибо нет между ними постоянной органической связи, как напр. между членами одной семьи или между членами одного сословия. По Сигеле вывод, что свойства аггрегата определя-

ются свойствами составляющих его единиц, точен, когда дело идет об аггрегатах, состоящих из однородных и органически связанных единиц; но он не точен, когда дело идет о невполне однородных и мало организованных частях, и он ошибочен, коль скоро дело идет об аггрегате, состоящем из неоднородных и неорганизованных частей.

При однородности коллектива большое различие в деятельности коллектива определится тем, будет ли коллектив состоять из лиц образованных или необразованных, из лиц с определенными техническими познаниями и опытом или из лиц, не имеющих таковых, из лиц определенных профессий или не принадлежащих к таковым, из лиц, принадлежащих к определенному классу общества, или же из лиц, не принадлежащих к тому или иному общественному классу. Все это несомненно так или иначе проявляется в деятельности коллектива, сообщает его проявлениям тот или иной отпечаток и придает определенный характер его выступлениям по тому или иному поводу.

Что касается проявления деятельности коллектива, то это зависит главнейшим образом от его сплоченности и организованности. Чем слабее сплоченность и организованность коллектива, тем меньше имеет коллектив возможности достигнуть тех целей, ради которых он возник. Так толпа оказывается страшной своею сплоченностью. Разъедините толпу в отношении предмета, который ее в данную пору занимает, и она становится бессильным сбродом.

Всякое войско держится только своею сплоченностью и организацией. Разъедините части войск, дезорганизуйте их путем ослабления дисциплины, основанной на безусловном повиновении, и вы превратите войско в безпорядочный сброд людей, который не способен не только к наступлению и обороне, но даже к достойному поведению.

В зависимости от своего об'единяющего начала коллективы представляются неодинаковыми и по характеру своих действий. Так толпу об'единяет настроение, и она руководится в своих действиях только настроением, под влиянием которого ее действия представляются как бы автоматичными.

Наоборот, собрания, занятые умственной работой, осуществляя собой коллективную деятельность, обнаруживают почти всегда большую осторожность и предусмотрительность в своих действиях.

Но и в собраниях такого рода под влиянием определенных условий может подняться настроение до определенной высоты, и тогда на решениях и действиях собрания может сказываться влияние определенного настроения.

Какой бы сложностью коллективы не отличались, их деятельность определяется равнодействующей всех входящих в них единиц. В сложных коллективах, составленных из ряда меньших коллективов, где имеется представительство от последних, мы имеем то же самое с тем лишь различием, что здесь раньше была дана равнодействующая линия поведения в отдельных коллективах и затем она осуществляется точно таким же образом в сложных коллективах.

Коллективная рефлексология должна освещать деятельность коллективов не только с точки зрения факторов настоящего момента, но и факторов прошлого

времени. Как в развитии отдельной личности, ее прошлые условия и ее прошлый опыт отражаются на характере самой личности и ее стремлениях, так и общественный коллектив не может быть исследуем без исторического освещения.

Так напр., коллективную деятельность народов Европы, вовлеченных в великую войну, нельзя рассматривать, не обращаясь к прошлым временам, к давней борьбе за национальность, под которой в сущности протекла вся история прошлого столетия. Испанская война за независимость, Священный Союз 15-го года, восстановление Греции, об'единение Италии и Германии, федеративное государственное устройство Австро-Венгрии, Русско-Турецкая война, Русско-Японская война и позднейшая Балканская война представляют в сущности разные этапы узко националистических стремлений разных народов. Но одновременно с тем происшедшие революции в разных странах и сдвиг общественных сил в пользу народоправства говорят о завоеваниях социализма. Бывшая великая война возникла на почве будто бы борьбы за право против силы, но и в ней скрыты националистические стремления как Германии, так и союзников.

Великая война разделила народы и социалистические тенденции всюду уступили место националистическим стремлениям; вместе с тем идея интернационала, казалось, совершенно заглохла в первый период войны; но чем более определялся ее затяжной характер, тем более начинала пробиваться вновь идея интернационализма и стали раздаваться призывы к об'единению социалистических партий всего мира. Раньше и прежде всего это выразилось в особо резкой форме в русской революции, которая с одной стороны устраняла борьбу за национальность, выдвинув своим лозунгом самоопределение народов, и с другой стороны сделала решительный сдвиг в сторону интернационализма.

V. О коллективе, как собирательной личности.

Спенсер в своем введении в социологию, руководясь тем, что свойство целого зависит от состава его частей, высказал, как положение, что важнейшие цели человеческих обществ стоят в соответствии с главными свойствами отдельного человека, причем самое общество по Спенсеру является ничем иным, как организмом.

По О. Конту (Systeme de politique positive. Paris) человеческое общество представляет собою „личность всегда существующую“, и в этом смысле имеется известное соответствие взглядов О. Конта и Спенсера. Затем целый ряд других авторов, в том числе и позднейших, поддерживает сравнение общества с организмом. Но эта аналогия имеет скорее чисто внешний характер и ныне она по существу уже оставлена и никто не согласится с тем, что социология должна быть сведена на биологию.

Но и отрешаясь от взглядов на общество, как на организм, все же определить, что такое общество или коллектив или, как я бы предложил назвать, собирательная личность, не так просто, как кажется с самого начала.

По одним авторам здесь дело идет о группе индивидов, оказывающих друг другу те или иные услуги и вообще взаимно друг другу полезных. Этим самым вводится утилитаристический принцип в основу определения. Но Тард, признавая это определение, хотя и ясным, но ошибочным, считал бы более предпочтительным юридическое обоснование общества, в котором сообщественники суть те, которые имеют друг на друга известные права, установленные обычаем, законом или известными приличиями. Наконец возможно было бы по Тарду установить понятие о социальной связи чисто политическое и чисто религиозное, ибо все те, которые об'единены созиданием одного политического плана и которые об'единяются в одно политическое тело, а также те, у которых одна и та же религия, имели бы истинное право считаться сообщественниками. Сходство политических задач и верований в этом случае по Тарду об'ясняется подражанием. Поэтому он определяет социальную группу, как „собрание существ, поскольку они готовы подражать друг другу или поскольку они, не подражая друг другу теперь, походят друг на друга, поскольку общие их черты являются старинными копиями с одного и того же образца“.

Как на наиболее характерную особенность общества многие социологи указывают на взаимодействие его членов. „Длительное непрерывное многостороннее и необходимое взаимодействие, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной аггрегации живых существ", вот что по Де-Роберти [1]) является характерным для „общественности". Такого же мнения держится Зиммель. Новиков, П. Сорокин, отчасти Гумплович (взаимодействие групп), Гиддингс, Драгическо, Буглэ, Фулье, Грассери, Уорд и др. [2]).

Но недостаточно говорить о взаимодействии, нужно определить еще, какое взаимодействие здесь имеется ввиду. Большинство социологов имеет ввиду в социальном явлении „психическую" природу взаимодействия. Но и „психическое" взаимодействие может быть различным. Так напр. оно может определяться взаимной пользой, общей задачей, общим интересом, общим происхождением, общей связью их на почве подражания (Тард) или взаимной борьбой и преследованием.

В этом отношении мы встречаемся с большим разноречием между авторами. Но мы не войдем в подробности этих взглядов. С моей точки зрения обществом следует признавать всякое единение людей, взаимодействующих друг с другом, обусловленное какими бы то ни было общими интересами—политическими, экономическими, религиозными, деловыми или какими либо иными. Мнение Тарда, что обществом следует признавать то, где предполагается сходство, обусловленное подражанием, я признаю и слишком общим, и в то же время слишком односторонним: ибо, хотя подражание и может создавать общество, но ведь подражают друг другу все, даже и лица, не образующие общества в настоящем смысле; с другой стороны не одно подражание лежит в основе общества, но еще и разделение труда, которое тоже создает общество, ибо разделение труда предполагает общество, как равно и подражание, и в сущности без разделения труда нет общества, как нет его и без подражания.

Собирательной личностью, обществом или коллективом не может быть названо случайное скопление множества лиц в данный период времени в определенном месте. Такое скопление народа есть сборище без всякого об'единяющего начала и, так как каждый индивид здесь является обособленным от других, самим собой, то понятно, что о каком либо коллективе в этом случае не может быть и речи. Дело обстоит иначе, коль скоро такая же масса лиц собирается в каком либо месте не случайно, а привлекаемая определенной целью или определенным настроением. Здесь мы имеем уже известное об'единение массы лиц одним стимулом, который и приводит к возникновению коллектива или собирательной личности. Однако нельзя забывать, что всякое случайное сборище лиц при соответствующих условиях может легко превратиться в собирательную личность или коллектив. Доста-

[1]) Де-Роберти. Новая постановка вопросов социологии. Изд. Сытина.

[2]) См. П. Сорокин. „Границы и предмет социологии". Новые идеи в социологии. Сборник № 1.

точно, чтобы кто нибудь обратился с речью к случайному сборищу или и, возбудив в нем одно отношение к тому или другому общественному делу или факту, привил одно настроение или одно стремление, как случайное сборище становится собирательной личностью или коллективом, способным проявлять себя, как целое.

Так возникает толпа, служившая об'ектом исследования многих авторов, на Западе и у нас, в особенности же Тарда, Лебона, Сигеле, Михайловского и мн. др.

Если простое скопление людей не образует собой общества, то и взаимодействие между людьми ничуть не обеспечивает непременно единения между ними. Напротив того взаимодействие может повести к вражде, к раз'единению и даже к полному разрыву всякой связи, как это мы имеем, например во время войн. К коллективному единству таким образом приводят такие формы взаимодействия, которые сближают индивиды друг с другом, а не раз'единяют их.

Когда устанавливается коллективное единство при образовании общества, то для нас возникает вопрос, идет ли здесь дело о чем-либо реальном или дело идет об одном лишь названии. Целый ряд авторов (не считая старых представителей органической школы), как Дюркгейм, Гумплович, Де-Роберти, Эспинас, Фулье, Гирке и многие другие отвечают на этот вопрос вполне утвердительно. „Над индивидом есть общество, говорит Дюркгейм. Оно не есть воображаемое и номинальное существо, а система действительных сил“ (Метод социологии).

Тард, наоборот, является противником реальности общества.

„Признаюсь, говорит этот автор, мне очень трудно понять, как может случиться, что, „отбросив индивидуумов, получим в остатке общество“. Если отбросить профессоров, не представляю себе ясно, что останется от университета, кроме одного названия, которое не выражает ничего, если оно никому неизвестно со всей совокупностью традиций, с ним связанных. Уже не возвращаемся ли мы к реализму средних веков“. (Соц. логика. Спб. 1901, стр. 2). Близки к этому взгляду и некоторые другие авторы, напр. Dupraf. Из русских авторов к этому взгляду до некоторой степени примыкают П. Лавров, Н. Михайловский и Н. Кареев. Эта русская школа, стоя на суб'ективной точке зрения, выдвинула значение личности, как высшей этической ценности, признавая ее, согласно Михайловскому, истинной социальной индивидуальностью. П. Сорокин этот вопрос подробно разбирает в своей книге „Система социологии“ (т. I, стр. 243 и след.). Он прежде всего опровергает реализм, заявляя, „что конкретная вещь не может существовать *вне и независимо от ее элементов*“. С другой стороны „выражения: „душа общества“, „душа народа“, „народный дух“ и т. д. фигурируют постоянно. Но значит ли это, что есть какое то „сознание общества“ или „душа общества“, *независимые* от сознания составляющих общество индивидов или имеющие свое собственное существование, вне существования индивидуальных душ? Ответ дает метод вычитания. Отнимите от этой коллективной „души общества“ „души“ всех составляющих его индивидов, вычтите из „социального сознания“ сознание всех его членов, бывших и сущих, и получите пустое место.

Против „самосознания" общества, приписывающего ему процесс мышления, отличный от мышления отдельных индивидов, высказывается и Гиддингс (Giddings, The elemente, 119).

Но, с другой стороны, П. Сорокин восстает против Тарда и не признает его тезиса, что в обществе нет ничего, чтобы не содержалось в индивидах. Понимая „общество, как совокупность взаимодействующих индивидов", автор находит, что взаимодействие и есть то новое условие, которое превращает сумму индивидов в коллективное единство. В этом случае и создается „ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов". Но общество существует не „вне" и „независимо" от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц. Мы уже говорили ранее, что взаимодействие не есть единство и при взаимодействии путем вражды мы получаем не единение, а раз'единение. О взаимодействии можно говорить, как о сущности социального процесса, но не как об обязательном условии создания единства, лежащего в основе общества. Правда, в каждом обществе происходит борьба, но пока эта борьба не приводит одну сторону к разрыву с другой, единение еще поддерживается в том или ином отношении, и следовательно мы мыслим общество борющихся партий в одном общем коллективе, но немыслимо представить себе такое единство, где одна сторона вполне оторвана от другой и в тоже время обе взаимодействуют борьбой не на живот, а на смерть.

Некоторые (Тард, Лебон, Сигеле, Михайловский, Резанов и др.) склонны понятие толпы или „психологической толпы" распространять на все виды скопа людей, так или иначе об'единяемых между собою.

Но обозначение различных коллективов одним общим названием—„толпа", как это делают вышеуказанные авторы, нельзя признать удачным, ибо это противоречит установившимся терминам и связанным с ними понятиям. Так напр., А. С. Резанов, автор статьи „Армия и толпа", говорит: „представителями психологической толпы могут служить стадо, митинг, полк, театр, конгресс, парламент и т. п., и т. п.".

Замечу здесь, что деление Тардом толпы на мужскую, женскую, юношескую, старческую, а также по ее отношению к окружающему—на ожидающую, любопытствующую, внимательную, очарованную, манифестирующую, любящую, ненавидящую, праздную, печальную и т. п. также не выдерживает никакой критики, ибо, за исключением пола и возраста, один и тот же коллектив может испытывать поочередно превращения во все эти виды толпы в течение каких-нибудь нескольких часов времени, не утрачивая главных основ своей организации.

В результате такого общего обозначения толпой всякого коллектива получается такая путаница, из которой трудно вообще выбраться. Так напр., тот же Тард парламентским собраниям уделяет совершенно особое место, признавая их за „сложные и противоречивые толпы, толпы так сказать двухголовые, как бывают уроды с двумя головами". С другой стороны академии, по взгляду автора, „суть коллективы взаимно влияющих индивидов, а не корпорации, основанные на сотрудничестве". Далее театральная толпа, по взгляду

Тарда, представляет собою „не постоянную толпу, а толпу на половину, в виду сидячего положения отдельных личностей, ее составляющих".

Вообще Тард при всех его заслугах большой путаник в определениях и было бы ошибкой в этом отношении за ним следовать.

Мы не войдем здесь в суждение по поводу разделения коллективов, признаваемых другими авторами. Скажу лишь, что я по существу не согласен в этом отношении ни с Тардом, ни с Г. Лебоном, ни с Сигеле, ни с другими авторами, да и критика их разделения имеется в некоторых работах последующих авторов (см. напр. А. С. Резанов „Армия и толпа"). Я думаю, что было бы правильнее обозначить отдельные коллективы определенными названиями, которые уже в себе содержали бы указания на различие отдельных коллективов.

В этом отношении собственно толпой мы можем называть скопление лиц, вызываемое каким либо временно возникающим поводом.

Эта толпа может быть недостаточно организованной, если в ней не устанавливается какого либо порядка для целей об'единения ее действий, и толпа может быть организованной, когда в ней возникает условие более или менее строгой подчиненности одному лицу, как ее вожаку, или даже нескольким индивидам в лице президиума, как бывает на сходках, митингах и т. п. Вожаки уличной толпы конечно являются руководителями лишь на то или другое время, ибо даже при осуществлении какого либо действия толпы вожаки могут сменяться и иногда то, что толпа выполняла под влиянием одного вожака, она оканчивает под влиянием другого вожака. Дело в том, что каждый вожак выдвигается в толпе, пользуясь об'единением ее под тем или иным лозунгом.

Ясно, что в самом принятии толпой вожака уже проявляется активная роль толпы, как бы утверждающей выбор своего руководителя.

В других случаях скопление лиц происходит с определенной целью; но эта цель предопределяет пассивную роль самого собрания, которое может слушать или смотреть и самое бо́льшее знаками одобрения или неодобрения определять свое отношение к тому, что ему показывают или что заставляют его слушать. Такое скопление, неорганизованное внутри себя, но организованное в своей цели, мы называем публикой, которую мы видим в театре, концертах, на лекциях, на литературных вечерах, в молитвенных храмах и т. п.

В третьих случаях мы имеем скопления лиц также с определенной целью, но эти скопления не проявляют пассивного отношения к той цели, которая их привлекает в одно место, а выявляют свое отношение к предмету их об'единения в форме заключения, решения или резолюции, в форме приговора или постановления, благодаря чему в таких скоплениях каждый член может заявлять свой индивидуальный взгляд, для чего устанавливается в таком скоплении определенный порядок обсуждения через выборных лиц. Такие скопления мы называем собраниями. К этим собраниям должны быть причислены парламенты, соборы, конгрессы или с'езды, различные общества, присутствия, советы, комитеты, комиссии, кружки, суды и т. п., из которых каждое собрание имеет те или иные особенности внешнего и внутреннего

характера. Далее необходимо выделить коллективы с согласованной деятельностью, как рабочие артели, кооперативы, фабрики, монастыри, банковые общества и т. п.

Таким образом, мы можем различать неорганизованный коллектив—уличную толпу—и организованные коллективы в виде публики и организованные же рабочие кооперативы, как три различных по внутреннему содержанию формы собирательной личности.

Но имеются еще особые формы коллективов, которые не вмещаются в вышеуказанные рамки. Один из этих коллективов основан на обучении старшими младших, это—детские сады, учебные заведения, мастерские и т. п., которые могут быть обозначаемы общим именем школы.

Другой коллектив является уже в результате обучения к действованию целым коллективом. Сюда следует причислить войска, гимнастические общества, танцующее общество, оркестры, хоры, общественные игры, воровские шайки и т. п. Так им скоплениям можно дать общее название организованных орд.

Дальнейшей формой коллектива является собственно об'единение лиц, связанных между собой кровным родством или в других случаях духовным родством, хотя бы они были пространственно и раз'единены. Сюда должны быть причислены семья, род, племя, народ, сословие, каста, секта, партия, класс, профессия, круг читателей, церковь и т. п. Такие коллективы могут быть названы в первом случае родовыми или племенными, а во втором случае—корпоративными, союзами.

Наконец имеются коллективы, связанные лишь более или менее общими взглядами, хотя бы они и не находились в более или менее тесном общении друг с другом. Такие коллективы могут быть названы миром или средою. Дело идет здесь о коллективах, имеющих лишь свои более или менее общие воззрения и даже свои обычаи, представляя тем самым реальный, хотя физически и неуловимый коллектив, создающий т. наз. общественное мнение. Таким коллективом, напр., является литературный мир, военный мир, врачебный мир, педагогический мир и об'единяющий их всех обще-человеческий мир. Наконец, большие и сложные коллективы, связанные одним общим высшим исторически сложившимся установлением с определенными прерогативами власти и определенной организацией получают название государства.

Таким образом необходимо различать по характеру следующие коллективы: толпа, публика, собрания, рабочие кооперативы, школа, организованные орды, родовые и корпоративные союзы, мир и государственный коллектив. Более детальная характеристика всех этих коллективов здесь излишня, ибо и сказанного достаточно для уяснения различия их друг от друга.

Сущностью всякого коллектива является его об'единение, которое, как видно из предыдущего, может быть, независимо от степени этого об'единения, неодинаковым и по характеру. Так об'единение может выражаться общим настроением, общим наблюдением, общим обсуждением и общим решением, общими взглядами и общим действием. Одним из важных об'единяющих условий является организация коллектива. Я не согласен с теми авторами, как Эспинас,

которые под организацией понимают подчинение. Несомненно, что подчинение предполагает организацию, но оно, как понятие, не отождествляется с последней. Подчинение есть отношение к власти, а организация есть установление связи и порядка.

Благодаря установлению связи и порядка всякий коллектив, есть как бы своего рода собирательный организм, который имеет свою историю, ибо при известных условиях он зачинается, растет и развивается и затем, после более или менее долгой или недолгой жизни, распадается и умирает, часто превращаясь в другие формы коллектива.

Как собирательный организм, коллектив имеет свое настроение, свою наблюдательность и восприимчивость, свои взгляды, свое суждение и свои действия, которые часто не совпадают во всех частях по своему характеру с такими же проявлениями отдельных личностей, входящих в коллектив.

В заключение заметим, что коллектив, как собирательный организм, живет и существует за счет индивидуального организма, ибо личность всегда в той или иной мере подавляется толпой, собранием, корпорацией, всякого рода общественной и государственной организацией, и чем теснее сплочение коллектива, тем меньше места проявлению отдельной личности. Так в дисциплинированных войсках подавление личности достигает наибольшей степени, наименьше это подавление личности обнаруживается, повидимому, в научных собраниях, ибо научные вопросы не подлежат даже коллективному решению путем голосования.

Общество, подобно живому организму, не есть нечто недвижимое, а представляет собой подвижное равновесие; оно постоянно движется медленно или быстро в том или ином направлении. И Тард не без основания оттеняет, что „общества живут до тех пор, пока они прогрессируют“ (Тард. Соц. логика, стр. 171).

Вместе с тем общество является созидателем социальных фактов, таких как язык, общия понятия, религия, обычаи, кодекс и т. п.

Однако, понятие об обществе, как об организме, скорее представляет собой не что иное, как метафору, ибо учение об обществе-организме ныне, как мы говорили выше, не разделяется большинством авторов.

По словам Тарда (Соц. логика, стр. 153) „метафора органического общества, столь подробно изложенная во 2 томе сочинений Герберта Спенсера, которая была принята только условно и кажется потом была отвергнута, была снова взята, выяснена и как будто подтверждена Рене Вормсом в его докторской диссертации под заглавием „Организм и общество“. Доводя до крайних пределов это предложение, до его summum ясности и точности, он, как и Новиков, в своей столь интересной книге „Социальное сознание и воля“, способствует тому, что избавляет от него науку, не замалчивая ни одного из возражений, каким оно подвергалось.“

Всякое, вообще, общество, как собирательная личность, имеет свою индивидуальность в зависимости от умственного уровня его сочленов, от их профессии, от их служебного положения, далее от того цемента, который связы-

дает отдельных членов в одно сообщество, и, наконец, от включенных особенностей.

Отсюда очевидно, что собирательная личность в различных общественных и народных собраниях представляется неодинаковой также и в зависимости от общей об'единяющей их цели.

Какой бы формы и какого бы состава не были те или другие собрания, являющиеся предметом исследования коллективной рефлексологии, они всегда обнаруживают совместную деятельность, без каковой они являются сборищем отдельных лиц, не имеющих между собою ничего общего.

Таким образом собирательную личность представляет собою всякая вообще толпа, общественное собрание, заседание советов, театральная публика и т. п., иначе говоря, все виды собраний, об'единенных тем или другим настроением, той или другой целью или действием и т. п., безразлично—будет ли все это определяться каким-либо случайным событием, предписаны ли цель или действие уставом или установлены обычаем, или каким-либо иным образом.

Один из ярких примеров собирательной личности представляет собою уличная толпа, об'единяющаяся по какому-либо случайному поводу.

Всякая вообще толпа представляет собою сборище лиц, прежде не имевших друг с другом ничего общего и об'единившихся по какому-либо внешнему поводу, возбуждающему одно и то же отношение у многих лиц. Благодаря об'единению своих членов, толпа представляет собою всегда нечто целое, одну собирательную личность, в которой составляющие ее отдельные лица как бы ступевываются. Это об'единение толпы происходит, конечно, не сразу, но почти всегда с необычайной быстротой.

На митингах об'единяющим фактором, кроме внешних поводов, возбуждающих определенное отношение, является и самый предмет обсуждения. Поэтому, хотя на митингах могут раздаваться речи различного содержания, но тем не менее предмет обсуждения является общим для всех, благодаря чему на митингах создаются об'единяющие многих одинаковые лозунги, а передко поддерживается этим и одно общее настроение. Лица, не об'единяющиеся в этих собраниях и стоящие к ним в резкой оппозиции, обыкновенно остаются пассивными или оставляют заседание и, следовательно, не мешают общему ходу дел в подобных собраниях.

В общественных, научных и служебных собраниях общая умственная работа определяется известною целью, например выяснением положения, исканием истины или регулированием государственной жизни. В общественных и политических союзах дело идет о собраниях, цель которых определена заранее и указывается писаным уставом, налагающим требования на лиц, входящих в союз или сообщество. В коммерческих собраниях целью является успех того предприятия, которое дает почву для собрания, и т. п.

Границы собирательной личности могут, конечно, расширяться до целых городов и стран, население которых сплачивается одними общими интересами. Поэтому, мы можем говорить о московском обществе, о кавказском обществе,

о польском обществе, о русском обществе или русских общественных кругах. В таких крупных общественных единицах дело идет, конечно, об об'единении главным образом путем печати и взаимоотношения отдельных групп, но сущность дела от этого мало меняется, так как везде и всюду дело идет о больших или малых общественных группах, спаянных теми или другими общими интересами, той или другой целью.

Еще более обширную общественную группу представляет собою народ. Казалось бы, что народ представляет собою нечто столь нестрое, что об единстве его трудно и говорить, а между тем не подлежит сомнению, что тот или другой народ живет в каждый данный момент общими интересами, переживает более или менее общее всем настроение, волнуется одними и теми же чувствами, возбуждается более или менее одинаковыми общественными идеалами и живет одними и теми же общественными стремлениями, создавая одну общую культуру. Эта общность духовной жизни в каждом данном народе слагается исторически, благодаря целому ряду условий экономических, политических и этнографических, и обусловливается единством культуры, единством общественно-экономических интересов и единством исторических судеб в период совместной жизни.

Наконец, наиболее обширную группу представляет собою всё цивилизованное человечество, имеющее общие интересы населения земного шара и руководимое общечеловеческими руководящими принципами.

Без сомнения, может быть поставлен вопрос, составляют ли такие большие группы, как население тех или других стран или государств или даже всего цивилизованного человечества, предмет коллективной рефлексологии. Здесь мы имеем сообщества, хотя и связанные одними интересами, но почти лишенные возможности иного общения друг с другом, кроме печати.

Очевидно, что здесь не может быть тех условий, как в обыкновенных собраниях, и, следовательно, здесь не всё применимо из того, что относится к сообществам и собраниям, где господствует устная речь. Тем не менее, не подлежит сомнению, что и в таких больших сообществах дело идет о группах, обнаруживающих известное общественное настроение, выливающееся в печати и в отдельных собраниях. Равным образом, этими большими группами путем печати и отдельных собраний обсуждаются и критикуются события и создаются резолюции, которые являются собирательными решениями многих групп или отдельных обществ данной страны или государства. Таким образом и здесь мы имеем дело с материалом коллективной рефлексологии, но материалом несколько иного рода, нежели в случаях обыкновенных собраний.

Если государство есть собрание людей, связанных известными установлениями, то, следовательно, к нему применимы те же законы, что и к малым собраниям. Это легко может быть прослежено на малых государствах с одним сплошным населением, где не имеется племенной розни. В тех же случаях, где государство составляет целый конгломерат народов, там собственно коллективу уподобляются племенные группы, живущие одними и теми же интересами; но независимо от того и в решениях вопросов общего характера,

касающихся всего разноплеменного населения такого государства, содержится материал, служащий предметом изучения коллективной рефлексологии.

Особенностью больших групп является между прочим то, что все процессы соотносительной деятельности здесь протекают медленнее, ибо огромные массы лиц вообще более косны; к тому же и способы об'единения их деятельности (печать, отдельные собрания и пр.) более сложны, хотя при развитых формах самоуправления и при свободе собраний об'единение таких масс происходит много быстрее, чем при иных условиях.

Тем не менее и здесь мы встречаемся и с массовым под'емом настроения активных элементов общества, и с их угнетением, и с общественным возмущением, негодованием и протестами, и с коллективным умом целых народностей, как он отражается в повседневной печати и в литературе, а также в решениях общественных вопросов, и наконец с активными проявлениями, выражающимися в тех или других заявлениях или требованиях отдельных групп, поддерживаемых или неподдерживаемых представительством всего народа.

Итак, здесь имеются все элементы коллективной соотносительной деятельности, а потому они должны также служить материалом для коллективной рефлексологии.

Но, как мы знаем, есть формы социальной деятельности, где дело идет о слуховых и зрительных воздействиях, возбуждающих живую реакцию со стороны слушателей и зрителей, не призванных однако к активному участию в собраниях. Это—публичные чтения, концерты, театры, зрелища и т. п.

Здесь дело идет собственно о коллективном впечатлении и о развитии настроения в массе лиц, подобно тому, как в индивидуальной жизни чтение книги дает известный ряд впечатлений и создает настроение читающему или слушающему лицу. Естественно поэтому возникает вопрос, относятся ли эти явления к предмету коллективной рефлексологии?

В вышеуказанных собраниях мы имеем публику, которую об'единяет зрелище, и, хотя здесь взаимообщение между членами является лишь косвенным, тем не менее нетрудно убедиться, что об'единение в театральной публике, созерцающей то или другое зрелище, или в публике, слушающей концерт, устанавливается благодаря общему воздействию зрелища или концерта и возбуждению одних и тех же реакций. Поэтому, хотя слушатели и зрители в этих случаях являются пассивными участниками собрания, но, в сущности, они здесь об'единены одним общим интересом, обнаруживают сходственные реакции и возбуждаются более или менее одинаковыми воздействиями и, наконец, совместно заявляют одно и тоже отношение к действиям на сцене или на эстраде знаками одобрения или неодобрения. В виду этого не может быть никакого сомнения, что эти собрания также являются материалом для коллективной рефлексологии.

Если дело идет о чтениях с прениями, то мы имеем уже собрание, не только воспринимающее, но и рассуждающее, следовательно, проявляющее не только свое общее настроение, но и свой коллективный ум.

В собраниях же, где принимаются по поводу прочитанного и сделанных обсуждений еще и решения, мы имеем проявления не только коллективного сосредоточения и коллективного настроения, но и коллективного ума в форме коллективных постановлений.

В собирательной личности каждый отдельный индивид, как мы знаем, более или менее ступевывается в массе, поскольку он не проявляет себя выразителем мнений отдельной группы лиц или не является вожаком всего собрания.

Однако общество или коллектив, действуя всегда, как целое собирательное, не уничтожает роли каждой составляющей его единицы, ибо последняя влияет на общую равнодействующую, по которой движется коллектив. Чем сильнее в социальном отношении личность, тем более она направляет равнодействующую в определенную сторону. Это может продолжаться до тех пор, пока не произойдет конфликт между личностью и коллективом, который может привести либо к взаимным уступкам и примирению, либо к разрыву. Так между прочим в период революции происходит смена общественных деятелей в силу того, что коллектив направляется как бы стихийно в известном направлении, которое не соответствует уже стремлениям их руководителей, в силу чего последние мало по малу теряют почву под ногами и должны отойти в сторону. Впрочем, это явление наблюдается не в революционное только время, но и в самое обычное, причем конфликт в этих случаях происходит не только от самого коллектива, но и от каких либо обстоятельств, связанных с самою личностью в качестве руководящего деятеля. Такая точка зрения примиряет существующие по этому поводу невполне согласные взгляды в литературе.

Из вышесказанного ясно, что для того, чтобы влиять на толпу или коллектив, нужно иметь дело прежде всего с ее вожаками и только в случае сговора с ними можно при их участии воздействовать на толпу в желаемом направлении.

Каждый коллектив, как мы уже говорили, имеет свою индивидуальность, проявляющуюся в особом характере его стремлений, меняющихся впрочем с течением времени.

По Тарду „некоторые народы, проникнутые нравственными и религиозными стремлениями, по существу своему миролюбивы и только с сожалением пускают в дело оружие; другие же в интересах своего религиозного или морального прозелитизма проявляют настоящий военный фанатизм или, лучше сказать, что одно и то же общество, оставаясь все время верным своему стремлению по одному и тому же направлению, бывает поочередно воюющим или работающим, воинственным или промышленным. Египет, обыкновенно мистический или промышленный, становился время от времени, как при Рамзеях, воинственным и завоевательным, нисколько не теряя при этом своего мистицизма; ислам теперь миролюбивый, был когда то глубоко воинственным. Афиняне, нация по преимуществу эстетическая, долгое время любили войну, так сказать, с художественной точки зрения; позднее все же оставаясь художниками, они, к сожалению, слишком возлюбили мир во что бы то ни стало. Никогда не существовало нации более торговой и в настоящее время более миролю-

бирей, нежели Голландия в XVII веке небыло наших [illegible] (Соц. логика. стр. 246).

Если мы задались теперь вопросом, что собственно приводит к развитию и установлению коллектива, то должны будем иметь в виду прежде всего социальный инстинкт, приводящий даже животных одного и того же вида к совместной жизни стадами.

Люди более или менее одинаковых взглядов естественно сближаются между собою, точно также люди сходственных характеров и темпераментов имеют взаимное влечение друг к другу. Само собой разумеется, что и принадлежность к одной и той же профессии создает достаточно общих интересов, сближающих людей друг с другом.

Другим стимулом к образованию коллективов является взаимная нуждаемость индивидов, хотя бы и несхожих между собой, и дарвиновский естественный отбор, который обусловливает необходимость об'единения сил для целей нападения и защиты, ибо выигрывают те из индивидов, которые обнаруживают склонность к сообществу с указанными целями, все же остальные должны подлежать вымиранию. Третьим стимулом является устанавливаемым мною социальный отбор, состоящий в социальной поддержке соответствующих интересам коллектива сочленов, хотя бы и физически слабых. Это приводит к развитию и воспитанию социальных склонностей в отдельных индивидах, что и поддерживает социальную связь коллектива, передаваемую преемственно потомству путем социальной наследственности [1]).

Заметим при этом, что всякое общество существует до тех пор, пока оно оправдывается жизненными условиями. В этом отношении нельзя не иметь в виду закона самодостаточности всякого политического сообщества, установленного еще Аристотелем [2]).

В отношении своей соотносительной деятельности коллектив, как мы уже говорили, не может быть отождествляем с простым сколом отдельных лиц: он всегда имеет свою цельную физиономию, которая представляет коллектив, как целое. Лучше всего это может быть показано на уличной толпе.

„Психология толпы, говорит Г. Лебон (Психология социализма, стр. 51—52), совершенно не то, что психология индивидуальных элементов, ее составляющих"... „в душе толпы зарождаются побуждения, как идеи, исшедшие из высших слоев народа путем целого ряда произвольных эволюций, прививаются, в конце-концов к душе толпы и живут в ней скрытой, растительной и могучей жизнью". „Тогда и только тогда, они делаются ходячими мнениями и почти непоколебимыми убеждениями, основными факторами религии, перевоpo-

---

[1]) В. Бехтерев. Социальный отбор и его биологическое значение, „Вестник Психологии" 1912.—Он же. Значение гармонизма и социального отбора в эволюции организмов „Природа" окт. 1916.

[2]) Сущность этого закона, известного под именем автархии, состоит в том, что всякое политическое сообщество проявляет свою жизнеспособность лишь до тех пор, пока оно удовлетворяет потребности своих сочленов, ради которых оно создалось (подробное об этом в другом месте).

тов, реформ и цивилизации. Толпа, это—наследная почва, в которой коренятся все наши метафизические, религиозные, политические и социальные миросозерцания, и ее нужно хорошо знать".

Толпа, как коллектив, отличается „моноидеизмом" особою впечатлительностью, необычайной возбудимостью, переходящей часто в жестокость, легковерностью, крайним безрассудством, рефлективностью в действиях, недостатком стойкости, поразительной изменчивостью, относительно малой дифференцированностью и стадной подчиненностью своему вожаку, обусловленной ее повышенной внушаемостью и склонностью к подражанию.

В числе специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем например такие: „импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность и т. п., которые наблюдаются у существ, принадлежащих к низшим формам эволюции, как то у женщин, дикарей, детей" (Г. Лебон, Психология народов и масс, стр. 173).

„Толпа легко становится палачом, но также легко идет и на мученичество. Из ее недр лились те потоки крови, которые нужны были для того, чтобы восторжествовала какая нибудь вера" (там же, стр. 175).

Численность толпы является причиной уверенности в своем могуществе и в своей безответственности.

Податливость внушению и легковерие об'ясняется по Лебону выжидательным вниманием и отсутствием критики.

В связи с этим, обычными искажениями, которые свойственны воображению людей, об'ясняются легенды; в распространении же их играет роль и зараза.

Легковерие толпы иллюстрируется следующим примером, заимствованным из Г. Лебона (Психол. народов и масс, стр. 181): одно время были „все газеты переполнены разсказами о двух маленьких утопленницах, вытащенных из Сены. По крайней мере около дюжины свидетелей признали личность этих детей самым категорическим образом. Все их показания были так согласны, что в уме следователя не могло возникнуть никакого сомнения и он написал уже свидетельство о смерти, но в тот момент, когда хотели хоронить утопленниц, обнаружилось, что предполагаемые жертвы живы и только чуть чуть похожи на утонувших". Уверение первого свидетеля очевидно создало иллюзию и в других, которая таким образом распространилась на целый ряд свидетелей.

В другом случае в числе прочих даже мать ребенка поддалась такому же внушению. Вот как об этом случае передает Eclair 25 апреля 1895 г. Ребенок узнал в мертвом своего товарища, но это была ошибка, вызвавшая тотчас же целый ряд подобных же ошибок, причем произошла следующая удивительная вещь: одна женщина, увидев труп ребенка, воскликнула: „ах боже мой, это мой ребенок!" Посмотрев ближе, она заметила шрам на лбу и сказала: „Да, это мой бедный сынок", пропавший в июле месяце. „У меня его похитили и убили!" Женщина эта была привратницей в улице Дюфур и назы-

валась Шавордэ. При появлении ее зятя, который без всякого колебания об'явил: „вот маленький Филибер", несколько обитателей этой улицы также признали в мертвом ребенке Филибера Шавордэ и даже его собственный учитель, заметив медаль, признал в мертвеце своего прежнего ученика. И что же! Соседи, зять, школьный учитель и мать—все ошиблись. Шесть недель спустя личность ребенка была окончательно установлена: оказалось, что это был ребенок из Бордо, „там убитый и привезенный дилижансом в Париж".

Повышенную внушаемость толпы пояснит след. пример:

В одном народном театре, где всегда игралась серьезная драма, „актер, изображавший изменника, подвергался постоянной опасности при выходе из театра и его должны были охранять, так как зрители, возмущенные его воображаемыми преступлениями, готовы были растерзать его (Г. Лебон, Психология народов и масс, стр. 202).

В своей „Психологии народов и масс" Г. Лебон последовательно рассматривает следующие стороны толпы: 1. Импульсивность, изменчивость и раздражительность. 2. Податливость, внушение и легковерие. 3. Преувеличение и односторонность чувств. 4. Нетерпимость, авторитетность и консерватизм идей, рассуждение, воображение, влияние рас, традиций, степени образования и воспитания. Но нам нет надобности увеличивать выдержки из сочинения этого очень тонкого наблюдателя, ибо можно опасаться внушающего влияния его мыслей на читателя, не всегда однако заслуживающих полного признания.

Многие авторы отмечают жестокость толпы и признают ее характерной особенностью толпы, являющейся, будто бы всегда в форме опасного многоголового зверя. Так например, Сигеле определенно говорит, что „героизм, доблесть, доброта могут быть качествами одного индивида; но они никогда или почти никогда не являются отличительными признаками большого собрания... Толпа это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не находя подходящих условий жизни".

Подобного же взгляда держится и Тард, по которому душою толпы является: „убийство, грабеж или поджог".

Далее Тэн в известном сочинении: „Происхождение современной Франции" (т. 2, Анархия), по поводу толпы во время французской революции говорит, что образ действия толпы—насилие, что вполне соответствует ее природе: „все, что оказывает ей сопротивление, побивается ею".

Толпа, образованная из собравшихся случайно по зову, по тревоге, является грозной и разрушительной силой. Вошедший в толпу вдруг преображается в варвара, хуже—в первобытное животное, в кривляющуюся обезьяну, кровожадную и похотливую.

Близкого к этому взгляду держится и Случевский, когда говорит о „легкой возбудимости и проявляемой в действиях жестокости", как общем свойстве толпы [1]).

---

[1]) Случевский. Толпа и ее психология. „Книжки Недели" за 1893 г. №№ 4 и 5.

К особенному ожесточению толпы приводит повидимому жажда мщения, если оказанное ей сопротивление приводит к жертвам со стороны толпы. Когда толпа возымеет верх, тогда нельзя уже сказать, где будут границы ее слепого, ничем не удержимого неистовства.

Для примера можно указать на разгром юнкеров в Петрограде во время второй революции 28/X 1917 г., которые были на стороне Временного правительства. Описания газет об этом событии были настолько кричащего характера, что мы не решаемся их здесь привести.

Не отрицая фактов, на которых построена указанная характеристика толпы, нельзя не признать все же ее односторонности, ибо отношение толпы определяется тем, что соответствует ее настроению. В одном случае толпа является жестоким зверем, в другом случае толпа способна боготворить и защищать своего кумира до последней крайности и ради него готова идти на смерть.

В этом отношении Г. Лебон стоит ближе других авторов к истине, когда он говорит, что „есть преступная толпа, но что есть также толпа добродетельная, героическая и много других". Говоря далее о разрушительной силе толпы, он замечает, что только толпа способна к проявлению „величайшего бескорыстия и величайшей преданности".

И на самом деле, сколько можно было бы отметить этой преданности до принесения себя в жертву со стороны многих из толпы в минуту смертельной опасности, угрожающей их вожаку, чтобы не останавливаться долго на этом предмете. Да разве все революции не делались толпами, которые иногда шли на верную смерть, чтобы отстоять права народа?

По словам Г. Лебона (Ц. с., стр. 52), психологи видели в толпе всегда лишь дикое животное, никогда не сытое грабежом и кровью". По разобравшись немного в этом вопросе, мы скоро найдем, что наихудшие выходки толпы часто имели своей исходной точкой совершенно благородные и безкорыстные идеи и в конце-концов толпа скорее жертва, чем палач.

Книга под заглавием „добродетельная толпа" была-бы несравненно более доказательна, чем книга под заглавием: „преступная толпа". По словам автора основным коренным отличием индивида от толпы является то, что первый почти всегда руководится своими личными интересами, тогда как толпа никогда не повинуется непостоянным, эгоистическим, но всегда общим интересам. „Героизм, самоотвержение являются гораздо чаще двигателями толпы, чем отдельного человека, за коллективной жестокостью чаще всего кроется убеждение, идея справедливости, потребность в нравственном удовлетворении, совершенное забвение личных интересов, жертва интересам общим—одним словом совершенная противоположность эгоизму.

Однако, толпе самой по себе не присущи ни преступность, ни благодетельность, но и то и другое может в ней возникнуть, смотря по тому, по каким поводам она собирается и какое направление придадут ее стремлениям ее вожаки; голодная толпа столь же эгоистична, как и всякий индивид, требующий себе куска хлеба, политическая же толпа разит все, что стоит на дороге привитых ей общественных начал нового строя, и возвеличивает своих

...рый. Поэтому неправ Г. Лебон, когда он говорит (...., стр. 58), что толпа, ...ль укоренившийся в отдельной личности,—чувство совершенно чуждое толпе, ...менно потому, что она неспособна ни обдумывать, ни разсуждать".

Толпа не лишена инстинкта самосохранения и следовательно она не лишена и эгоистических стремлений. Одно верно, что, когда мы имеем дело с преступной толпой, то часто совершаемое преступление имеет своими мотивами правильно или ложно понятое общественное благо: тогда как преступление индивида сравнительно редко имеет общественные мотивы: гораздо чаще здесь побудителями являются своекорыстные стремления.

В этом отношении толпа имеет как бы нивелирующее влияние на отдельных индивидов, которые, не будучи в состоянии быть вожаками толпы, не имеют возможности проявить в толпе свою индивидуальность никаким способом кроме быть-может известной нумерации при подсчете голосов.

Каждый отдельный человек может быть разумен, но в толпе он часто лишен возможности протестовать, в худшем же случае он поддается влиянию толпы и сам соучаствует в ее действиях и даже в преступлении.

Нечего говорить, что высокие качества отдельной личности в толпе, не исключая ее вожаков, не могут найти благоприятных условий для своего проявления, вследствие чего толпа обычно представляет уровень значительно низший, нежели многие из составляющих ее лиц.

Кроме того надо иметь в виду, что отдельная личность в толпе непременно поддается в той или иной мере общему взгляду, прививаемому толпе гематогическими приемами ее вожаков.

Те лица из офицерской среды, хорошо знающие свои части, пережившие русскую революцию, с которыми мне пришлось беседовать, единогласно утверждают, что, говоря в отдельности с тем или другим солдатом, нетрудно его убедить в разумном отношении к делу, но, как только тот же солдат находится в толпе на митинге, он подчиняется общему лозунгу при заранее подготовленной резолюции и заявляет свое согласие с ней возгласом: „правильно! правильно!"

Здесь коллектив подавляет личность и не только путем внушения со стороны вожаков, но и тем, что коллектив сильнее и значительнее каждой отдельной личности. Один человек никогда не дерзает на то, на что дерзает коллектив. В народной рефлексологии это отношение выражается известной поговоркой: „на людях и смерть красна".

Но независимо от того всякий вообще коллектив подавляет проявление отдельной личности своей массой.

Если установилось настроение большинства или отношение его к какому-либо факту, много ли найдется достаточно смелых, чтобы идти против общего течения. Даже в собраниях, которые специально предназначены для обсуждения какого либо предмета и где обсуждение является целью собрания, после того, как мнение большинства определилось, отдельному лицу бывает трудно выступать против. Тем более это трудно сделать в уличной толпе, где обсуждения нет, а имеются лишь вожаки, которым толпа подчиняется почти

беспрекословно, особенно, если вожак уже ранее снискал к себе расположение толпы.

Чем сплоченнее и однороднее коллектив, тем он больше имеет моральной силы и тем он деятельнее, и наоборот. Примером первого могут служить коммунистические партии, всегда отличавшиеся строгой дисциплиной.

Примером второго может служить партия эс-эров, которая приняла чрезвычайно видное участие в февральском перевороте в России. Но затем, когда вслед за переворотом в эту партию вошла масса новых членов, даже по существу мало имевших общего с социализмом, эта партия, не смотря на огромное число членов, уже не могла играть соответствующей роли ни в Демократическом совещании, ни в Предпарламенте и даже произошел совершенно естественный раскол в этой партии, причем одна часть заняла более правую позицию, другая—более левую.

Другой пример—Московское совещание, которое оказалось бесплодным именно потому, что, будучи собрано в момент наиболее критический для русской революции, встретилось с двумя общественным течениями—цензовой и демократической группой. Последовавшее за ним и собранное в противовес ему Демократическое совещание в Петрограде, став на гораздо более радикальную точку зрения, снова кончилось неудачей, вследствие разнородности своего состава. Оно кончилось, как известно, неопределенным голосованием в отношении состава власти—коалиционного с цензовыми элементами или без цензовых элементов. Ясно, что ни то, ни другое собрание не имело моральной силы, и Временное правительство не могло руководствоваться его постановлениями.

Такою же бесплодною оказалась во время русской революции и роль Предпарламента, от которой сразу откололся большевизм. Ясно, что бывают моменты, когда коллектив не может остановиться ни на каком решении, когда партийные предложения отвергаются одно за другим и не создается одного общего решения, иначе говоря, не вырабатывается ни одной общей формулы. Это состояние может получаться преимущественно в периоды тяжелых общественных кризисов и общественного разброда.

Так было между прочим в Совете Республики, в котором прения по делу государственной обороны привели к такому разброду партий, что ни одна из предложенных резолюций не собрала большинства голосов в собрании.

В этом случае сами собрания переживают кризис из-за разделения голосов и перестают быть деятельными. Они либо срываются одной стороной с тем, чтобы привести их к уничтожению, либо принимают самоубийственные решения, как это было с Конвентом во время великой французской революции. Для иллюстрации мы приведем здесь кризис Конвента в описании известного историка Тэна: „Они одобряют и предписывают то, к чему сами питают отвращение, не только глупости и безумия, но и преступления, убийства невинных. Единогласно и при громе самых бурных аплодисментов левые, соединившись с правыми, посылают на эшафот Дантона, своего естественного главу, великого организатора и руководителя революции. Единогласно и также под шум аплодисментов правая, соединившись с левой, вотирует наихудшие

декреты революционного правительства. Единогласно и при восторженных криках энтузиазма и выражениях прямого сочувствия Колло д'Эрбуа, Кутону и Робеспьеру, Конвент посредством произвольных и множественных избраний удерживает на своем месте человекоубийственное правительство, которое ненавидится одними за свои убийства и другими за то, что оно стремится к их истреблению. Равнина и гора, большинство и меньшинство кончили тем, что согласились вместе содействовать собственному самоубийству".

Само собой разумеется, что большая однородность собрания приводит к более определенным решениям и имеет более моральной силы, как для лиц, примыкающих к группе большинства, так и для противников, ибо первые находят в нем наиболее яркое отражение своих стремлений, вторые должны с ним считаться, как с решением более ярким и определенным, ставящим точку над i.

Половинчатые же решения в более острые периоды человеческой истории не получают моральной силы, а нейтральность в действиях вызывает недовольство и осуждение, а иногда и озлобленность не в одной какой либо стороне, а во всех, и обыкновенно половинчатость в действиях пагубна для самих лиц, выступающих с ними.

Примером может служить роль жирондистов во время великой французской революции, роль кадетов в первой русской революции и роль меньшевиков во время второй октябрьской революции, ибо нейтральность последнего сыграла в руку большевикам, а в результате этой ролью остались недовольны как большевики, так и более умеренные элементы.

В конце концов действия коллектива определяются его составом, уровнем развития и господствующим настроением.

Что касается состава коллектива, то в это понятие должны входить с одной стороны национальные особенности, характеризующиеся не столько природными особенностями организации, составляющих его индивидов, сколько условиями социальной наследственности, усвоенной от предков, путем воспитания общественных традиций, взглядов, обычаев и, наконец, моральных условий среды, из которой образован коллектив. Но сверх всего прочего определителем действий коллектива является господствующее в нем настроение, обусловленное данными обстоятельствами. Наконец, последним определителем действия коллектива является тот или другой повод, действующий на подобие вызова.

Таким образом поведение коллектива, выражающееся его действиями, жестами и заявлениями, зависит от совокупности вышеуказанных условий и в этом отношении должно быть признано столь же закономерным, как и поведение отдельного индивида.

VII. О коллективном об'единении.

Общественность животного мира или склонность образовывать коллективы до сих пор еще не получила соответственного естественно-научного об'яснения. Наибольшей известностью в этом отношении пользуется теория естественного отбора, по которой индивиды, живущие обществами, имеют преимущество пред теми, которые не живут обществами, а потому первые выживают, вторые же вымирают.

Эта теория однако недостаточна, ибо она удовлетворительно может нам об'яснить лишь существование животных, постоянно живущих социальной жизнью как бы по врожденному инстинкту, напр. пчел, муравьев, термитов и т. п., но она не может нам об'яснить непостоянных социальных групп; а между тем в животном царстве мы видим, что социальные группы часто образуются в известные времена года и в зависимости от тех или иных жизненных условий, напр. в целях нападения и защиты, с изменением же этих условий и социальные группы прекращают свое существование до наступления новых жизненных условий, вынуждающих снова образовывать сообщества.

Указанную теорию с моей точки зрения следует дополнить теорией социального отбора [1]), который обеспечивает существование сообщества, когда оно образовалось, тем, что в нем поддерживаются наиболее социальные особи, хотя бы и наболее слабые в физическом смысле, предоставлением им соответствующих условий существования и лучшей защиты, чем в большей мере обезпечивается их выживание наперекор действию естественного отбора.

Надо однако заметить, что, не довольствуясь естественным отбором, некоторые авторы (напр. Даугола и др.) выдвигают теорию социального инстинкта, как фактора, побуждающего к жизни сообществами. Если мы примем во внимание уже ранее указанный факт, что жизнь сообществами часто у животных связывается с определенным временем года и с особыми жизненными ловиями, то станет ясно, что и одним инстинктом об'яснить социальности нельзя, как нельзя им об'яснить и некоторых явлений симбиоза.

---

[1]) См. В. Бехтерев, Социальный отбор и его биологическое значение. „Вестн. Знания" 1912.—Он же, Гомонизм и социальный отбор. „Природа" 1914.

Вообще говоря, понятием инстинкта несомненно злоупотребляют, ибо к нему прибегают там, где не находят соответствующего об'яснения иным путем. По всяком случае, если социальный инстинкт и существует, его необходимо расшифровать. Между тем теория сочетательного рефлекса может дать вполне удовлетворительное об'яснение для жизни сообществами.

Мы знаем, что многие условия приводят к скоплению индивидов в одном месте, как напр. защитные места от стужи и непогоды, места, предоставляющие обильное питание и т. п., что естественно приводит их к сближению и взаимодействию. Но многократно повторяющееся сближение и взаимодействие, сопровождающееся мимико-соматической (эмоциональной) реакцией с положительным характером, становится вскоре потребностью в силу воспроизведения соответственной реакции при одной встрече с себе подобными при всяких других условиях, а это и создает взаимную тягу друг к другу существ себе подобных. Даже разнородные, сожительствующие друг с другом, индивиды несомненно привлекаются друг к другу благодаря вышеуказанному условию. Взгляните на собаку, ласкающуюся при встрече с своим хозяином. Разве ее оживление и ласкание не являются воспроизведением имевшей ранее место мимико-соматической реакции? А между тем эта реакция, несомненно оживляющая жизненные процессы, является безусловно благоприятной для животного, что и заставляет его искать встречи с своим хозяином, развивая и поддерживая все более и более свою привязанность к нему.

Таким образом ясно, что социальность или склонность к образованию сообществ является результатом опыта отдельных индивидов, будучи основана на развитии положительных мимико-соматических рефлексов, неизбежно связанных с наступательной реакцией, приводящей к сближению

Тоже мы имеем и в обществе людей.

Давно замечено, что сходные индивиды взаимно сближаются. „Люди однородные с нами по языку, по мировоззрению, по идеалам, по внешнему виду, говоря коротко, сходные с нами и по внешнему облику и по внутренним свойствам, близки нам. Это сходство служит как бы притягательной силой, взаимно влекущей друг к другу социально сходные индивиды. Дети ищут общества себе подобных детей. Люди ищут общества себе подобных людей; между двумя европейцами взаимно притягательная сила гораздо больше, чем между европейцем и азиатом или африканцем. Люди одного социального положения понимают друг друга лучше, чем индивиды различных социальных классов, групп, сословий, профессий и т. п.“ (П. Сорокин Система социологии, ч. 1, стр. 777).

Этот тезис выдвигается вообще целым рядом авторов. М. Даугол, как мы уже говорили, об'ясняет этот факт проявлением стадного инстинкта. По его словам „стадный инстинкт животного получает удовлетворение только в присутствии сходных ему существ и чем более подобия, тем полнее удовлетворение. Совершенно тоже наблюдается у людей: соединение сходных элементов в общество происходит именно потому, что мы чувствуем неодинаковое влечение ко всем социальным аггрегатам, но получаем наивысшее

удовлетворение стадного импульса в обществе наиболее сходных с нами людей. У некультурных народов мы обыкновенно встречаемся с общинами одного и того же племени и с племенами, плотно связанными кровной связью, которые живут на смежных землях... Таже тенденция обнаружилась и в создании (в Соед. Штатах) обширных, ограниченных известной местностью, общин из выходцев европейских государств. В наших больших городах она проявляется выделением населения сходной расы, сходных занятий и социального уклада". (М. Даугл. Основн. проблемы социальн. психологии. М. 1916, стр. 220 и след.).

Тоже явление отмечается Дюркгейм'ом (Разделение общ. труда. стр. 83 и след.), Waxweiler'ом (Esquisse стр 16—57), Parettato (Frato di sociologia generale, т. I, §§ 1115—1133), Гиддингсом (Основы социологии. 1898, стр. 19—20) и др.

Другим об'единяющим условием, является различие индивидов („противоположности сходятся"), но такое, при котором свойства и особенности одного индивида являются дополнением другого индивида. Здесь импульсом, об'единяющим людей, является, как сказано выше, взаимная нуждаемость. То, чем владеет один индивид, полезно для другого и наоборот то, что представляет собою другой индивид, полезно для первого. Здесь связью служит принцип разделения труда, который дает себя знать не только в общественном деле, но, как известно, и в техническом производстве. Недостаточность личности в каком либо отношении является как бы импульсом, побуждающим искать восполнения ее в другой личности.

Как легко усмотреть, в обоих случаях решающим моментом для установления связи является полезность этой связи в общественном смысле. В первом случае эта полезность является результатом усиления плодотворности труда путем сложения сходственных сил, в другом случае та же, полезность достигается путем взаимного пополнения недостаточности двух или многих личностей в том или другом отношении на почве разделения труда.

Но полезность в данном случае является окончательным результатом сближения, первоначальным же импульсом к сближению может быть только развитие благоприятной мимико-соматической реакции при взаимных встречах, о чем речь была выше.

Как известно П. Кропоткин (Взаимопомощь, как фактор эволюции) полагал основу образования соединений во взаимопомощи индивидов. Однако П. Сорокин признает последнюю за один из факторов об'единения, ничуть не более, но, развивая свои возражения, он говорит, что, как животные, так и люди входят в соприкосновение, не только для взаимной помощи, но и „для взаимной или односторонней борьбы и причинения вреда". Лев ищет добычи и входит с ней в соприкосновение, паразиты взаимодействуют с организмом, которым они живут, и взаимодействуют с ним временами весьма длительно. Люди общаются друг с другом и взаимодействуют опять таки не только на почве взаимопомощи, но и взаимоистребления и взаимоугнетения (войны, драки, взаимодействие капиталиста и рабочего, рабовладельца и раба,

угнетенного и угнетателя и т. д.)". (Система социологии, т. I, стр. 283). Всё это верно в отношении соприкосновения и взаимодействия, но об единстве или сообществе в случаях драки, войн и т. п. в сущности не может быть и речи. Ибо необходимо подчеркнуть, что взаимодействие и единение далеко не тождественные понятия.

„Нередко на почве антагонизма идей, говорит П. Сорокин (1. с., стр. 311), возникают и более острые формы антагонистического взаимодействия, об'единяющие индивидов в продолжительное антагонистическое коллективное единство. Простейший пример такого рода явлений—спор двух противников, доходящий до драки, свалка в парламенте между членами различных партий. Далее широкими и продолжительными видами коллективных единств, организуемых и поддерживаемых антагонизмом идей и убеждений могут служить: коллективное антагонистическое единство (взаимодействие) никониан и раскольников, многолетняя борьба между ними, сопровождавшаяся заточением раскольников в тюрьмы, их ссылкой и заточением. Вторым еще более широким и весьма длительным взаимодействием, вызванным и поддерживаемым антагонизмом идей и верований, служит коллективное единство католиков и еретиков, преследовавшихся первыми (взаимодействие „святой инквизиции" и ее жертв с вальденстами, альбигойцами, катаррами и др., выражавшееся в войнах, преследованиях, сожжениях еретиков и т. д.), религиозные споры и войны, об'единявшие надолго противников в коллективное единство (напр. борьба католицизма с протестанством) и т. п." (1. с., стр. 311—312). В примечании к этому тексту П. Сорокин поясняет: „Подчеркиваю, что с моей ненормативной точки зрения группа взаимодействующих раскольников и никониан суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация".

Из этого ясно, что П. Сорокин с одной стороны термин единство заменяет термином взаимодействия, признавая их как бы однородными понятиями в данном условном смысле, с другой стороны под коллективным единством он понимает реальную совокупность индивидов, ассоциацию антагонистического характера, следовательно нечто такое, что не имеет ничего общего с тем „духовным" единством, которое мы понимаем, напр. в случае об'единения толпы или какого либо иного собрания.

Само собой разумеется, что в таком антагонистическом взаимодействии, имеется причинная зависимость поведения индивидов, и нельзя не согласиться с П. Сорокиным, что они должны быть таким же об'ектом изучения социологии, как и предметом изучения общественной или социальной рефлексологии.

Но мы все же будем различать коллективное единство от антагонизма двух или многих взаимодействующих индивидов, ибо существо и последствия этих взаимоотношений и там, и здесь коренным образом различны друг от друга в одном случае взаимопомощь, в другом случае борьба и взаимное истребление. Безусловно верно положение, что „индивиды могут притягиваться к индивидам" не только „благожелательными" отношениями, но и враждой. Но из этого все же не следует, чтобы согласие и антагонизм вмещались в понятие „единства". Устранение этого смешивания избавит нас от тех неясностей

которые естественно вытекают из него в различных случаях обсуждения коллективных проявлений.

Несомненно далее, что антагонистические и абсолютно враждебные друг другу группы могут образовывать одно солидарное единство, но это может быть достигаемо путем насильственного подчинения одной группы другой и путем насильственного введения мер наказания за сепаратизм и мер поощрения при исполнении соответствующих мероприятий. Вообще нередко устанавливается единство на основе соподчинения индивидов, которое затем становится уже привычным, не возбуждая протеста со стороны подчиненных, как бывает обыкновенно в начале. В другом случае долговременная борьба приводит к истощению энергии борющихся, которые поэтому мирятся друг с другом и затем солидаризируются. Здесь дело идет о естественном внутреннем торможении, тогда как в первом случае для одной группы мы имеем торможение внешнего характера. Но тем не менее и там, и здесь имеется социальная связь между двумя группами, которая с течением времени может привести и к единству более или менее реальному или внутреннему, возникающему на почве единства кажущегося, фиктивного или единства по принуждению.

Итак, единство может быть двух родов: единство внутреннее или единство в истинном смысле слова, и единство внешнее по принуждению или вынужденное.

Первое может возникнуть на почве солидарности интересов и социального сходства и на почве разделения труда в случае, если группы, входящие в единство, представляются сами по себе не самодостаточными, второе—в силу борьбы и порабощения слабого сильным.

Если толпа предполагает непосредственное об'единение преимущественно мотивного или, об'ективно выражаясь, мимико-соматического характера, в силу чего, чем однороднее индивиды по роду своей соотносительной деятельности, тем скорее происходит об'единение и достигается переход толпы в действие, то собрание, от которого требуется решение того или другого сложного вопроса, будучи об'единено одной общей задачей, часто даже выигрывает от присутствия разнородных индивидов, ибо здесь дело заключается не столько в скорости, сколько в отшлифовке самого решения, обычно многогранного содержания. Вот почему прения идут оживленнее в том собрании, в котором имеются представители разных школ и течений, где имеется более или менее разногласие в мнениях, нежели в том обществе, где все более или менее солидарны друг с другом.

Как бы то ни было, всякий коллектив предполагает общность интересов в том или ином отношении, которая и поддерживает единение между членами коллектива [1]). Одни коллективы связываются общим настроением, развившимся на почве какого либо события, как например толпа; другие же

[1]) По словам Токвиля „нет общества, которое могло бы процветать, даже просто существовать без одинаковых верований, потому что без общих идей нет и общего действия, а без общего действия могут существовать люди, но не общественное тело".

коллективы связываются одним общим зрелищем, возбуждающим те или другие эмоции, как театральная публика; третьи коллективы связываются между собою общими занятиями, как профессиональные союзы; четвертые коллективы связываются между собою теми или иными экономическими интересами, каковы например банковские и другие кооперативы, синдикаты, тресты и т. п.; пятые коллективы об'единены религиозными целями, как религиозные общины; шестые коллективы связаны одними и теми же политическими взглядами, как политические партии, или общей опасностью, как военные коллективы. Словом, без об'единения группы людей в том или ином отношении немыслим и самый коллектив.

Какие же условия содействуют об'единению в коллективы?

Наиболее важным и наиболее удобным способом общения или обмена мнений в человеческом обществе, без сомнения, является речь в широком смысле слова, т. е. устное и печатное или писаное слово.

Бесспорно, что устная речь, дающая возможность личного обмена мнений, сопутствуемого к тому же таким могущественным возбудителем эмоций, как жесты и выразительные движения, является наиболее важным средством обмена и общения между людьми. Но ее влияние сильно ограничивается известными пространственными условиями. Тем не менее устная речь в известных случаях может быть связующим звеном не только при личном общении отдельных единиц данной большой группы, но и при общении друг с другом отдельных общественных групп, так как, благодаря посредникам, послам или делегатам, с помощью устной речи может устанавливаться общение даже между пространственно-раз'единенными группами лиц.

Этот способ посредственного устного общения, бывший в обычае в старину, применяемый впрочем в известных случаях и ныне (напр. при посылке представителей одной группы к другой), в значительной мере уступает место в отношении своей практичности писаному или печатному слову, которое, правда, лишено таких важных сопровождающих элементов, как жесты и выразительные движения, но которое, имея возможность вызывать их в читателе, обладает удобствами передачи на громадные расстояния.

Но не одно слово может служить посредником для об'единения социальных групп. Выразительные движения и жесты, несомненно, в этом отношении имеют немаловажное значение. Действуя непосредственно на человека и возбуждая подражание, язык жестов в смысле общения иногда оказывается даже сильнее самого слова, как это можно видеть, напр. в возбужденной толпе.

Несомненно также, что имеются формы об'единения социальных групп, где средством об'единения является не столько слово, сколько действие, возбуждающее аффективное состояние, как это мы имеем, например в публике, созерцающей театральное зрелище. Аналогичное явление мы имеем в молитвенных местах, а иногда и в толпе, где действие нередко является стимулом для подражания.

Равным образом, и в профессиональных группах об'единяющим условием до известной степени является однородная деятельность большинства членов одной и той же группы.

Сложные согласованные формы движения, как гимнастика, выполняемая множеством индивидов, или хоровое пение, дающее согласованный голосовой эффект, как известно, уже служат важными средствами социального об'единения. Не менее важную об'единяющую роль имеют те сложные формы движений, где разделение различных двигательных ролей, как при игре в театре, или разделение труда в производстве преследует определенную цель— выявить цельное содержание в первом случае и достичь общего результата труда во втором случае.

Нет надобности говорить, что имеются тысячи других форм движений, как раздражителей, с помощью которых устанавливается взаимодействие двух и более лиц. Когда это взаимодействие оказывается полезным, оно, само собой разумеется, взаимно об'единяет взаимодействующих лиц, тогда как взаимодействие, оказывающееся для одной стороны, а тем более для обеих сторон, вредным, приводит к раз'единению или отталкиванию и, если то или другое из этих взаимодействий удерживается в течении того или другого времени, то этим оно обязано той или иной форме принуждения. Вследствие этого с устранением последнего естественно распадается и об'единение. Пример из государственных отношений: Россия и Финляндия, или Россия и Польша, Англия и Ирландия и т. п.

К числу раздражителей, устанавливающих взаимодействие между людьми, а часто и об'единение, относятся также предметы, которые могут иметь эмблематическое, а нередко и символическое значение. Сюда относятся, напр. мундир, знаменующий принадлежность к определенной чиновной касте, тот или другой знак, обозначающий принадлежность к определенному кругу лиц и т. п. Но и другие предметы материальной культуры, как памятники, дворцы, храмы, даже предметы домашнего быта и обстановки, короче все предметы материальной культуры, всё, что является результатом творческой деятельности человека, служат посредниками взаимодействия и об'единения людей. Они „являются настоящими посредниками между людьми: одним они дают возможность запечатлеть, закрепить результаты своей работы, своих актов, другим, для которых они являются раздражителями, воспринять эти результаты и реагировать на них. С этой точки зрения к предметным посредникам могут быть причислены и люди посредники, передающие раздражение одних людей другим. Отличие их от других предметов то, что они являются самодвижущимися предметами. Поэтому их можно называть двигательно-предметными проводниками“ [1]). Вряд ли нужно говорить здесь, что посредническая роль людей является много бо́льшей, нежели просто „двигательно-предметных проводников“. Не говоря о неподходящей терминологии проводника для раздражителя несомненно, что человеческий язык в отношении посредни-

---

[1]) П. Сорокин. Система социологии. т. I, стр. 139.

чества между людьми делает гораздо больше, нежели роль самого человека, как самодвижущегося предмета. П. Сорокин (l. c. стр. 142 и след.), говоря о людях, как контактных звеньях цепи проводников, дает яркие примеры посреднической роли людей в отношении взаимодействия. Раздражение, исходящее от одного индивида, сначала передает один проводник, в дальнейшем это раздражение переходит к другому проводнику, от этого к третьему и т. д., пока не дойдет до человека адресата".

Нельзя при этом не принять во внимание, что самое действие раздражителя в этих случаях в значительной мере зависит от личности, служащей посредником, от личного опыта в прошлом, от его воззрений и склонностей, благодаря чему и восприимание и отношение к предметным раздражителям у каждого посредника может оказаться совершенно особым „своим". Отсюда являются всевозможные искажения первоначального факта раздражителя до неузнаваемости. Эти искажения об'ясняют нам генеалогию слухов и легенд, приобретающих нередко поистине фантастический и даже чудовищный характер.

Из всех предметов обихода наиболее деятельными раздражителями, приводящими к взаимодействию и об'единению между людьми без всякого сомнения являются деньги, как установленная мера ценности различных предметов и, когда нужно, замещающая их, а, когда нужно, их вновь востановляющая путем покупки. Но П. Сорокин прав, когда он подчеркивает особую рельефность семейных, религиозных и государственных реликвий: „семейная реликвия, напр. локон матери, это священный предмет: передавая его из поколения в поколение, тем самым передают раздражитель, который будет говорить и о славе семьи и о ее чести, будет вызывать упреки в душе недостойного потомка, гордость в душе достойного; короче, этот локон является подлинным проводником, соединяющим прошлое с настоящим, настоящее с будущим. Тоже mutato mutandum, можно применить и ко всем остальным предметным проводникам" [1]).

Взаимодействие и общение между людьми может быть непосредственное и посредственное. Когда люди взаимодействуют без какого либо посредника при участии своих органов движения, с одной стороны, и воспринимающих органов, с другой стороны, мы можем говорить о непосредственном взаимодействии и общении. Во всех других случаях мы имеем взаимодействие и общение посредственное. Последнее может осуществляться при посредстве писем, телеграмм и каких либо других знаков, пальцевой азбуки глухонемых, напр. при посредстве передачи цветов, тех или других предметов и т. п. Не менее важным посредником взаимодействия и общения являются звуковые аппараты в виде напр. телефона, музыкальных инструментов и т. п. Осязательными посредниками являются: азбука слепых, разные формы прикосновения, поцелуи и другие формы ласки, половое общение, побои и другие механические воздействия, тепловые и электрические раздра-

[1]) П. Сорокин. Система социологии, т. I, стр. 140—141.

жения и т. п. Обонятельными посредниками являются разного рода душистые вещества, вкусовыми—пищевые продукты и другие вкусовые вещества.

Заслуживает внимания, что посредники могут об'единять людей, не только находящихся на огромном расстоянии друг от друга, но и живущих в разные эпохи. Папирусы, памятники древности, археологические находки разве не об'единяют нас с людьми, жившими в древние века и даже в доисторическое время? Точно также памятники искусства и даже всякого рода сооружения могут быть посредниками взаимодействия и общения между людьми, принадлежащими разным народам и разным эпохам.

Вообще пределы взаимодействия между людьми и об'единения их при участии посредников раздвигаются до необычайных пределов: „я взаимодействую с моим другом, живущим в Америке, говорит П. Сорокин (Система социологии, т. I, стр. 116—117). Сегодня я получил от него письмо: этот „раздражитель заставил меня выполнить ряд актов: написать ответ, сходить в магазин и купить для него нужную книгу, идти на почту: письмо его кроме того меня страшно обрадовало: короче, мой друг, живущий в Америке, определенным образом обусловил мои переживания и поступки. Таких фактов, как известно, ежечасно совершается бесконечное множество. Ученые, журналисты, газетчики, промышленники, правители и т. д., сплошь и рядом разделенные громадным пространством, общаются и взаимодействуют друг с другом. Из тех же фактов обыденной жизни известно, что люди могут находиться в процессе взаимодействия, несмотря на время, лежащее между ними. Вчера ко мне приходил дворник, не застав меня дома, передал прислуге, чтоб я представил карточку об явке на учет. Сегодня мне пришлось почти целый день провести в хлопотах по этому делу. Это значит дворник обусловил мое поведение и переживания несмотря на то, что я его не видел и пришел к себе несколько часов спустя после его посещения.

Больше того, может быть взаимодействие между живыми и мертвыми. Спенсера и Маркса уже нет в живых, между тем они продолжают влиять на множество людей нашего времени и влияние их едва ли скоро прекратится и в дальнейшем. Своими работами, дошедшими до нас в виде книг, они вызывают ряд переживаний и действий у многих лиц. Умерший г. Х. своим завещанием обусловливает ряд переживаний и действий у многих индивидов: наследников, душеприказчиков, нотариусов, судей, членов университета, которому он завещал свою библиотеку, членов приюта, в пользу которого он сделал отказ и т. д. Из этих фактов ясно, что *фактически ни пространство, ни время не являются препятствием для взаимодействия для людей*" и все это благодаря участию тех или других посредников, которые П. Сорокин с нашей точки зрения, как упомянуто, не совсем удачно называет проводниками. Письмо, книга, телеграммы, завещательный акт, древняя статуя, как передатчик жизни древних, те или иные символические знаки и т. п.—всё это суть посредники взаимодействия, а не проводники его, к каковым можно относить среду вообще и ту или иную энергию в частности, напр. звуковую, электрическую и т. п.

В процессе об'единения народных масс в одну социальную группу играют роль три главные воспринимающие органы: осязание, зрение и слух.

По словам Гюйо [1]) „прикосновение есть самое первобытное и самое верное средство, чтобы привести в общение, в гармонию и социализировать две нервные системы, два сознания, две жизни".

Точно также Тард признает в толпе большое значение взаимности прикосновения или трению (сталкиванию по Сидису), которое действует взаимно электризующим образом. Об'единяющее значение прикосновения известно и из состояний взаимной любви, которая неизбежно требует при своем проявлении взаимного прикосновения. Точно также взаимное прикосновение действует ободряюще при нападении, связанном с опасностью, поощряет к обороне в случаях нерешительности и действует успокаивающе в случаях несчастия или бедствия. С другой стороны взаимное соприкосновение содействует однородным движениям, в чем легко убедиться при ходьбе или беге, при держании друг друга за руку, а также в танцах и акробатических упражнениях. Отсюда ясно, что чем теснее толпа, тем легче она об'единяется, что проявляется в однородных движениях и криках. Даже стоячее положение, дающее возможность более тесного сплочения и бо́льшего соприкосновения, при относительной свободе движения способствует бо́льшему об'единению народных масс.

Зрение также является верным пособником об'единения народных масс. По Гюйо восприятие „движения или чувства у других вызывает отзвук в нас самих. Здесь выдвигается принцип подражания во всей силе. Мимика аффекта одного вызывает такой же аффект в другом. Жест вожака в известных случаях может иметь магическое влияние". Наконец всем известно заражающее влияние движений. Многие ли из танцоров в состоянии воздержаться при виде увлекающего танца кого либо из толпы?

Всякому известно, как мерные маршевые движения войск увлекают за собою часть зевак и мальчишек, идущих вслед за ними с тем же темпом движений. Наконец движения капельмейстера, как известно, имеют руководящее значение для всего оркестра или хора.

Даже в мире животных проявляется руководящая роль движения для всего стада, ибо те или другие движения вожака вызывают путем подражания подобные же движения в других представителях стада. Общеизвестна также семейная передача друг другу характера речи, жестов, почерка, привычек и т. п.

Наконец движение привлекает сосредоточение, а это обостряет впечатлительность. Возьмите молодого котенка и посмотрите, как он сосредотачивается и следит за каждым движением свернутой бумажки и как безразлично он относится к той же бумажке, коль скоро она остается неподвижной.

По словам Моргана и новорожденные птенцы „инстинктивно хватают червя не потому, что это червь, а потому, что это маленький движущийся предмет".

---

[1]) Гюйо. Искусство с точки зрения социологии.

ибо по словам того же автора, „если двигать пищу перед новорожденными птенцами, то они скорее обратят на нее внимание".

Отсюда ясно, какая роль в толпе выпадает на роль движения, жестов, мимики и действий ее вожаков и героев, возбуждающих сосредоточение и тем обостряющих впечатлительность с одной стороны, а с другой побуждающих в других случаях к слепому подражанию.

Заразительная сила действий в толпе общеизвестна. Человек, возбуждающий против себя злобу толпы, мог бы спастись, если бы стоящий вблизи его сосед не ударил его. Это служит сигналом, на него тотчас же набрасываются и самосуд толпы имеет свою жертву.

Еще большую роль в об'единении народных масс играет орган слуха. Прежде всего при посредстве слуха устанавливается однородность движения массы лиц. Достаточно указать на роль музыки в маршах, танцах и массовых гимнастических упражнениях. Такое же значение имеет пение в рабочих артелях.

Значение музыки в об'единении индивидов сказывается и там, где толпа в ней активно не участвует, а только ее слушает. Когда артист играет Мусоргского или Скрябина, с физической стороны дело сводится к тому, что его пальцы, двигая смычком по разным струнам скрипки, вызывают в них колебание, которое, чрез посредство колебаний воздуха достигает органа слуха и возбуждает здесь колебания в форме нервной волны, направляющейся к слуховым областям коры. Последние же посылают обратные волны к периферии и внутренним органам, приводящие к определенной мимико-соматической реакции и возбуждают ряд других умственных сочетаний. Эти то нервные волны у слушателей, будучи вызываемы одинаковым посредником, и об'единяют массу лиц, слушающих артиста. Они получают один и тот же заряд физической энергии и, хотя эффекты этого заряда в виду различия индивидуальностей не вполне одинаковы, но то обстоятельство, что имеется нечто общее в мимико-соматической реакции у всех индивидов, служит к общему об'единению и приводит к взаимодействию при помощи того же посредника как между собою, так и с давно умершими композиторами.

С другой стороны голос имеет значение средства, возбуждающего сосредоточение в наибольшей мере. Достаточно, чтобы во время полной тишины раздался шорох, чтобы глаза всех были направлены в его сторону.

Также и крик или возглас среди массы даже шумно говорящих людей привлекает общее сосредоточение и тем самым обостряет впечатлительность толпы.

С другой стороны голос возбуждает подражание, действуя на подобие заразы. Всем известно, как трудно удержаться человеку от присоединения к общей хоровой песне. Также и в толпе при нарастающем настроении выкрики или лозунги действуют на подобие заразы и их начинают произносить все или многие из присутствующих.

Особенно важным нам представляется заражающее влияние голоса на толпу, способствующее ее об'единению. Даже интонация в голосе вожака играет большую роль в смысле влияния на толпу.

Но гораздо более важное влияние в смысле об'единяющего фактора имеет все же слово, внушающая роль которого подробно оценена мною в книге „Внушение и его роль в общественной жизни" (СПБ. 3-е издание[1]). Всем известно, что в человеческом обществе главным образом путем слова и организуются собрания. С другой стороны в самих собраниях т. наз. зажигательные речи вожаков действуют не только возбуждающе на состояние толпы, но и об'единяюще, ибо в общем настроении и заключается об'единяющий фактор. О роли слова в этом отношении речь будет еще впереди.

Помимо того и организация народных масс, приводящая к сплочению и правильной организации их деятельности, происходит опять таки при посредстве словесной или письменной речи.

В связи с вышеизложенным становится понятным, почему общая жизнь общая работа, общая деятельность и совместно перенесенные невзгоды или радости жизни всем своим существом служат к об'единению коллектива. Так известно, какое огромное значение имеют в этом отношении школы, учреждения, общежития и пр.

Нельзя не отметить также, что пережитые совместно события имеют особо важное об'единяющее значение для коллектива. Особенно могущественно действие в этом отношении имеют совместно пережитые невзгоды.

Вообще говоря, общее неблагополучие об'единяет людей сильнее, чем общее благополучие.

Из предыдущего ясно, что коллектив только тогда является настоящим коллективом, т. е. об'единенным целым, когда благодаря воздействиям одних его членов на других устанавливается их единение в том или другом отношении.

---

[1]) Имеется немецкий перевод этого сочинения Suggestion und seine Rolle im Socialleben. Wiessbaden.

VIII. Взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция, как об'единяющие факторы.

В числе факторов об'единяющего характера должны быть более подробно выяснены такие как, взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция. По отношению к взаимовнушению, все необходимое содержится в моей специальной работе [1]) и потому я не считаю нужным здесь вновь останавливаться на этом предмете. Ниже однако мы еще к нему вернемся.

Что касается подражания, то по этому предмету имеется уже довольно обширная литература, которая представлена работами Михайловского, Тарда, Росси, Лебона, Гарднера, Сигеле, Сидиса, моими, Вигуру и Жукелье, и др.

Общий результат этих исследований сводится к тому, что уже собрание лиц в толпу располагает к развитию взаимной заразы, что и приводит к об'единению их деятельности.

По Binet, производившему опыты над детьми, оказывается, что уже „в силу одного факта собрания детей в одну группу они становятся более подверженными внушению". (La suggestibilité. Paris, 1900, стр. 209 и след).

По Вигуру и Жукелье (La contagion mentale. Paris, 1905, стр. 27) уже „одно восприятие зевания вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный... „Мы присутствовали при подлинной эпидемии зевания, вызванной в омнибусе одним фактом восприятия зевания одного из пассажиров".

Но возможно, помимо заразы, и непосредственное индуцирование одной личности другою, как то доказывают наши опыты с так наз. мысленным внушением [2]).

Дело идет в таком случае о таких формах воздействия в толпе, где отдельные лица становятся как бы взаимными резонаторами одни по отношению к другим.

---

[1]) См. В. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни, СПБ., 3 изд. К. Риккер.

[2]) См. доклады в конференции Института по изучению мозга за 1919 и 20 г.г. Вопросы изучения и воспитания личности, вып. II. 1920.

Как известно, всякое движение, не возбуждающее прямых и явных в целях обороны, побуждает к подражанию, а это уже само по себе приводит к объединению масс. Есть что-то непосредственно заражающее в тех движениях, которые являются для нас более или менее привычными, и выполнение которых не вызывает труда. Таковы напр. движения зевания, смеха, танцев и т. п.

Тард много посвящает в своих трудах вопросам подражания, понимая под этим термином не одно только индивидуальное подражание в форме так называемой „психической" заразы, но и расширяя его до степени межклассового и международного подражания. В сущности дело сводится к объединяющему значению взаимоотношений, устанавливающихся в каждом коллективе, ибо коллектив не будет чем-то целым, коль скоро личность не воспримет общие свойства коллектива, и с другой стороны достижения одной личности, будучи признаны общеполезными, не сделаются общими достижениями.

В этом именно заключается нивелирующее начало всякого более или менее организованного коллектива, будет ли он представлять собою профессиональное общество, народ или государство. Дело идет здесь вообще о распространении индивидуальных достижений на весь коллектив путем заимствования и усвоения их другими членами того же коллектива, а это заимствование и усвоение происходит путем простой индукции, подражания, внушения и убеждения.

Таким образом роль указанных факторов в социальных условиях огромна, ибо благодаря им устанавливается взаимоотношение между людьми и достигается коллективное объединение, иначе говоря, благодаря им становится возможным образование коллектива людей или собирательной личности. Из этих факторов наиболее ранним по развитию, если исключить индукцию, является подражательность, свойственная, как мы знаем, и обширному классу животных. Ее можно наблюдать у детей вскоре после их рождения, и очевидно с помощью ее устанавливаются первые социальные отношения детей. Когда ребенок произносит первый подражательный звук, тогда он улыбается в ответ на улыбку матери, когда он повторяет виденное движение—это начало его социальности, а все это может быть обнаружено уже в первые недели и месяцы жизни ребенка.

Подражание следует понимать вообще шире, нежели это принято думать. Подражание может зависеть и от воспроизведения и в этом случае оно может быть рассматриваемо между прочим с точки зрения исторической перспективы. „Манускрипт о республике Цицерона находит 2.000 лет спустя после того, как он был написан, его отпечатывают, им вдохновляются; мы получаем посмертное подражание, которое не имело бы места, если бы молекулы пергамента перестали существовать и вибрировать и если бы кроме того размножение не шло своим порядком, начиная с Цицерона до наших дней". „Воспроизведение есть свободное волнообразное колебание, волны которого составляют отдельные миры. Подражание идет еще дальше: оно действует не только на весьма больших расстояниях, но и через громадные промежутки времени. Оно устанавливает

богатое последствиями соотношение между изобретателем и подражателем, отделенными друг от друга тысячами лет: между Ликургом и членом народного конвента, между римским живописцем, нарисовавшим фреску на стенах Помпеи, и современными художниками, вдохновляющимися ею. Подражание есть, воспроизведение на расстоянии" (Тард. Законы подражания, стр. 34-35).

Отсюда понятно, что подражание может быть причиной эпидемии или восстания, когда революционное движение перебрасывается из одного города в другой, или может быть причиной воспроизведения исторических событий. Не воскресли ли вновь, благодаря подражанию, древние олимпийские игры, некоторые состязания в виде метания копья или марафонского бега, и не оживляются ли вновь, благодаря подражанию, старинные созвучия в виде гекзаметра, а также ритмическая гимнастика и другие формы древнего искусства?

Тард, об'ясняющий всю социальную жизнь законами подражания, между прочим по поводу их значения, высказывается следующим образом (Законы подражания, стр. 16): „Известны законы Мальтуса и Дарвина относительно тенденции индивидов данного вида, размножающихся в геометрической прогрессии — истинные законы лучистого воспроизведения живых индивидов. Таким же образом, местное наречие, употребляемое несколькими семействами, мало по малу, благодаря подражанию, превращается в национальный язык. При возникновении первобытных обществ искусство тесать камни, приручать собак, делать луки, а несколько позже—печь хлебы, работать бронзу, извлекать железо и т. д. должно было распространиться путем заразного подражания, причем каждая стрела, каждый кусок хлеба, каждый бронзовый крючок, каждый отесанный камень составляли одновременно и копию, и модель. Так и в наше время совершается лучеобразное распространение разных полезных сведений с тою лишь разницею, что увеличившаяся плотность населения и вообще совершившийся за это время прогресс поразительным образом ускоряют это распространение подобно тому, как скорость распространения звука находится в прямой зависимости от плотности среды".

Нет основания сомневаться в особом значении подражания, как выдающегося фактора социальной жизни, столь талантливо раз'ясненного Тардом в его книге, но нельзя забывать, что общество состоит не только из подражателей, но и созидателей, а это обусловливает существование конкурирующих друг другу индивидов, в силу чего подражание не всегда достигает своей цели в виду конкуренции, обнаруживающейся со стороны других соперничающих индивидов. Таким образом, жизнь общественного организма состоит из подражания и конкуренции или соперничества, между которыми устанавливается своего рода взаимодействие, приводящее к подвижному равновесию.

Уже ранее было говорено, что подражание осуществляется в большей мере по отношению к руководящим лицам. Таким образом дети подражают родителям, ученики учителям, младшие старшим и т. п. То же имеет значение по отношению к коллективной среде, где мода начинается всегда с руководящих слоев населения и передается к низшим слоям. Обратное заимствование конечно не исключается, но оно происходит всегда в меньшей

мере и лишь в известные периоды и не иначе, как по особым условиям достигает значительной степени выраженности. Такова распространяющаяся время от времени проповедь опрощения, заставляющая рядиться в простой покрой платья, есть простую пищу, трудиться на подобие простого народа и т. п.

Обычно же „плебс" подражает „патрициям" в бо́льшей мере, чем наоборот; деревня подражает городу больше, чем наоборот; сельские жители городским больше, чем городские сельским; побежденные—победителям, любящие подражают в бо́льшей мере любимым существам, нежели наоборот; аристократия подражает монарху или президенту и придворным больше, чем обратно и т. п. Язык, обладающий литературными достоинствами, язык более богатый оборотами, особенно если он является еще и языком народа—победителя, распространяется среди некультурного народа путем подражания в большей мере, нежели язык мало культурного народа среди народов высокообразованных.

По Тарду (Законы подражания, стр. 13) „всякие сходства социального происхождения, замечаемые в мире общественном, представляют прямое или косвенное следствие подражания во всевозможных его видах: подражания—обычая, подражания—моды, подражания—симпатии или подражания повиновения, подражания—обучения или подражания воспитания, подражания слепого или подражания сознательного и т. д." „Великим проводником" всех этих подражаний Тард признает конечно язык.

Сам язык есть подражание. Происхождение европейских языков из санскритского говорит о бесконечном подражании, где каждое отступление или изменение представляет собою своего рода открытие или изобретение неизвестного автора, в свою очередь вызывающее подражание.

„Необычайное развитие всякого рода моды, моды по отношению к одежде, пище, жилищу, потребностям, идеям, учреждениям, искусствам ведет к превращению всего населения Европы в людей, представляющих издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров". (Тард, там-же, стр. 15).

Нельзя однако упускать из виду, что подражание и в коллективах встречается с тормозящими условиями, стоящими на его пути и являющимися в результате жизненного опыта отдельных индивидов того или другого коллектива. В самом деле, если русские подражают немцам, англичанам и французам, то ясно, что они подражают в том, что не противоречит их укладу жизни и что соответствует в данное время их интересам и их пользе; все же, что признается несоответствующим их укладу жизни и их интересам, встречает естественные тормазы и отвергается. То же мы имеем и со стороны японцев, подражающих западно-европейским странам и нам, русским. Таким образом подражание встречает известное ограничение, которое сводится к коллективным тормазам, вырабатываемым жизненным опытом и определенным укладом жизни, и к противодействию всему тому, что не соответствует вкусу, привычкам, установившимся обычаям народа, и т. п.

Как мы знаем, подражание встречает тормаз и в личном опыте, благодаря чему подражание всегда обнаруживается в бо́льшей мере в детском воз-

ранее по сравнению со взрослыми. То же явление, как мы знаем, обнаруживается и в коллективах. Более молодые коллективы берут пример с более старых, и молодые нации подражают более старым нациям в большей мере, нежели наоборот. Таким образом, русские подражают во многом более старым в культурном отношении западным державам, которые если кое-что и заимствуют от русских, то в гораздо меньшей мере, нежели сами русские от них.

Японцы же, как нация, выступившая на арену общественной жизни позднее русских, подражают в значительной мере западной Европе и русским, тогда как им подражают менее всего как европейцы, так и мы, русские.

Нельзя при этом упускать из виду, что подражание есть важный фактор прогресса, ибо всякое поступательное движение общества, как и отдельных индивидов, основано на подражании всякому усовершенствованию, где бы оно ни оказалось, а достигнутое усовершенствование, приобретенное коллективом или отдельным лицом, обязательно приводит, благодаря особенностям индивида, к дальнейшему усовершенствованию, которое, передаваясь путем подражания к третьему коллективу или индивиду, вновь приводит к дальнейшему усовершенствованию.

Помимо этого, подражание сокращает и облегчает работу подражающего. Когда один объект достигает усовершенствования путем личного опыта, другой, подражающий ему, ничуть не нуждается в производстве того же опыта, но воспринимает лишь результат, достигнутый опытом другого, опуская всю предварительную работу. К тому же подражание действует на всех стадиях развития и совершенствования, благодаря чему оно дает возможность начатое одним дело передавать другому еще в начальном его периоде формирования, а это дает возможность продолжать его далее, внося в него свои индивидуальные особенности, что опять-таки может оказаться продуктивным.

В социальной жизни закон подражания проявляется в том, что ни одно изобретение не остается принадлежностью одного индивида, а непременно становится общим достоянием коллектива через то или другое время. Вот почему, наряду с дифференциацией, идет, хотя и постепенно, нивелировка всех народов, как залог их объединения, ибо ни один народ не создал полностью своей культуры, а заимствовал различные стороны культуры от других народов. Это заимствование путем подражания прямого или косвенного является неизбежным для всякого вообще коллектива и для всякого народа, каким бы оригинальным творчеством он не обладал. Можно лишь сказать, что народ, которому больше подражают другие народы, обладает более оригинальным творчеством по сравнению с народами, возбуждающими подражание в меньшей степени. С другой стороны можно считать установленным, что народ, который умеет заимствовать хорошее у других народов, всегда выигрывает перед остальными народами. Само собой понятно, что всё то, что представляется оригинальным в ком либо, так или иначе воздействует на других, возбуждая в них стремление к заимствованию и подражанию. Собственно уже распространение мифов, сказок, легенд, определенных форм искусства, научных открытий и изобретений основано на заимство-

вании и подражании. Особенно замечательно заимствование народами один от другого мифов, приобретающих вследствие этого обширное распространение.

Точно также формы национального искусства в сущности заимствованы от других, более старых форм искусства, и составляют в свою очередь предмет заимствования другими нациями.

Наука подвержена тому же закону социального уравнения. Как не высоко развивается наука у тех или других народов, ее завоевания неизбежно получают тенденцию к распространению всюду, где существуют благоприятные условия для ее развития. При этом, само собою разумеется, дело идет часто лишь о простом заимствовании, но тем не менее научное творчество не остается обособленным и имеет тенденцию к распространению путем заимствования же, в результате чего происходит и в этом отношении социальное уравнение в той или другой мере.

Тоже самое необходимо сказать о технике и индустрии.

Если один народ достигает известной высоты в развитии своей техники и индустрии, плоды этого развития непременно получают распространение и среди других народов, уравнивая их в бо́льшей или меньшей степени в пользовании достигнутыми усовершенствованиями.

Само собою разумеется, что эта тенденция к уравниванию идет то быстрее, то медленнее, в зависимости от условий социальной среды и других обстоятельств, но ни один коллектив не остается в обособленном положении среди других, ибо все народы, все общества и кружки находятся в общении друг с другом. Конечно, местные условия, бо́льшая или меньшая географическая обособленность и свойственная обществам рутина, как выражение закона инерции, оказывают противодействие такому уравниванию в той или другой степени, но всё же это уравнивание проявляется везде и всюду, где лишь создаются к тому подходящие условия.

Так в древней истории римляне заимствовали высшие проявления культуры от греков, а побеждаемые ими варвары заимствовали культуру от римлян, причем впоследствии они даже и в отношении военного искусства достигли такой степени, что могли сломить упорство римских когорт.

В новейшее время японцы, как морская держава, быстро восприняли плоды европейской культуры и сделались в короткое время одной из цивилизованных стран востока.

Каждое вообще изобретение, способное улучшить условия человеческого существования и оказывающее человечеству те или другие материальные блага, как земледелие, приручение животных, изобретение пороха, книгопечатание, открытие силы пара, знание электричества и т. п., а равно и все завоевания человеческого гения в области литературы, искусства и науки, явившись первоначально в том или другом месте, быстро становятся достоянием широких масс населения и получают почти всеобщее распространение.

В результате всякая цивилизация является продуктом приобретений, сделанных человеческим гением где бы то ни было и лишь воспринятых

данным народом, который впрочем и сам вносит в цивилизацию те или другие результаты своего творчества.

Заслуживает внимания, что заимствование только тогда дает прочные результаты, когда оно идет от общего к частному, ибо ранее всего заимствуются одним народом от другого установленные принципы, а затем только учреждения, являющиеся выразителями этих принципов. Так возрождение в западной Европе было подготовлено предварительным изучением греческой литературы, а ознакомление с трудами английских мыслителей подготовило заимствование английских учреждений другими странами; знакомство с французскими политическими учениями дало почву для развития революций в других странах.

С другой стороны, если к тем или другим учреждениям умы окажутся недостаточно подготовленными, то в конце концов и вводимые вместе с ними или вслед за ними учреждения окажутся непрочными. Этим объясняется, напр. гибель парламентаризма в Турции до периода великой войны. Этим же объясняется неустойчивость парламентского строя в республиках Южной Америки. По той же самой причине и заимствования обыкновенно распространяются в каждом народе от высших или интеллигентных слоев, постепенно передаваясь к низшим, ибо первые скорее усваивают общие принципы и новые мысли, установившиеся в других странах, и переносят их на родную почву. К тому же, благодаря особым условиям, заимствование облегчается в силу более легкой возможности ознакомиться высшим слоям общества с новыми особенностями в жизни других стран.

Возьмем моды. Они раньше всего воспринимаются высшими слоями населения и затем постепенно переходят к низшим слоям, после чего они оставляются первыми для того, чтобы заимствовать и ввести у себя новую моду. Здесь, конечно, сказывается в то же время влияние господствующего класса, пользующегося известным престижем и авторитетностью в населении и возбуждающего подражание в других классах населения.

В больших коллективах национализм является выразителем единства его, и все, что поддерживает национальные особенности и традиции в жизни данного народа, поддерживает и единство. Даже классовые элементы, эти хранители кастовых особенностей, поддерживают национализм, олицетворяющий единство данного народа, не смотря на то, что в самом своем существе они отгораживают себя от других коллективных групп того же народа.

Когда мы говорим о подражании, то вопрос наиболее существенный заключается не в том, что социальность обусловливает подражание и что социальный динамизм есть подражательный динамизм, а в том, почему именно он является таковым. В чем заключается причина того, что два существа или две группы существ начинают подражать друг другу.

По словам Бордье каждый человек предрасположен к подражательности, но эта способность достигает своего апогея в собраниях людей; доказательством служат общественные собрания, где достаточно аплодисмента или свистка,

чтобы возбудить зависть в том или другом направлении (G. Bordier. La vie des sociétés. Paris. 1888).

Сигеле, признавая подражание врожденной способностью, замечает, что эта способность у человека не только увеличивается в силе, удваивается, но делается во сто крат интенсивнее в среде толпы, где у всякого возбуждается воображение и где единство времени и места удивительным образом, почти с быстротой молнии способствует обмену впечатлениями и чувствами. (Сигеле, l. c. стр. 31).

О предрасположении к подражанию говорит и Solly (см. Union médec. т. VIII, стр. 369, 1869). Но вопрос, в чем заключается сущность предрасположения, остается невыясненным.

Тард, а за ним и целый ряд других авторов, сводит общественную заразу на явления гипнотического внушения.

Говоря о воздействии одной личности на другую, лежащем в основе социальной жизни и обусловливающем подражание, что было известно еще Эспинасу и даже Cabanis'y, Тард очень много распространяется на счет гипнотического влияния и целым рядом примеров и сопоставлений пытается убедить читателя, что это воздействие вообще ничем по существу не отличается от воздействия гипнотического и уподобляется состоянию сомнамбулизма вследствие гипноза. „Представьте себе сомнамбула, говорит автор на стр. 86, производящего подражание своему медиуму до такой степени, что сам он становится медиумом для третьего, подражающего в свою очередь ему и т. д... Не в этом ли состоит социальная жизнь? Такой каскад последовательных, сцепляющихся взаимно магнетизаций есть общее правило, а взаимная магнетизация, о которой я сейчас говорил, только исключение. Обыкновенно какой-либо обаятельно действующий человек дает импульс, отражающийся тотчас же на тысячах людей, копирующих его во всем и заимствующих у него его обаятельность, благодаря которой они сами действуют на миллионы дальше стоящих людей. И только тогда, когда это действие, направленное сверху вниз, истощится, можно будет заметить в демократические времена возникновение новых действий: миллионы людей начинают обморочивать своих старых медиумов, заставляя их слушаться“... „Вовсе не страх, не насилие победителя, а удивление, блеск ощущаемого властного превосходства производят социальный сомнамбулизм, а общество это подражание, а подражание род гипнотизма“,—так окончательно выражает свои мысли автор.

Если бы дело шло о фигуральном сравнении, то можно было бы не возражать против этого. Но если принять во внимание, что внушение в бодрственном состоянии есть явление более распространенное и более широкое, нежели гипнотическое, нужно ли доказывать, что воздействие одного человека на другого в обществе не может быть равносильным гипнотическому воздействию. Можно ли согласиться с тем, что „социальный человек есть настоящий сомнамбул“ и что „социальное состояние, как и состояние гипнотическое, есть ни что иное, как сон, сон по приказу и сон в деятельном состоянии?“ В этом мы

видим лишь дань увлечению, свойственному вообще этому писателю, проявлявшему вообще не мало увлечения и при обосновании его „законов подражания". Однако за Тардом и Сиджи признает, что „я" толпы образуется из подбодрствующих, т. е. подсознательных „я", чем и об'ясняется повышенная внушаемость толпы. Еще ранее того и другого автора говорят о том же предмете и в том же духе наш Михайловский, которому без сомнения принадлежит первенство этой гипотезы.

Вслед за упомянутыми авторами и целый ряд других трактует этот вопрос с чисто суб'ективной точки зрения, признавая основным условием внушаемости в толпе на ряду с ограничением произвольных движений сужение сознания и моноидеизм или заполнение сознания одной идеей. Мы не последуем за суб'ективистами и попробуем выяснить об'ективные условия внушаемости в толпе. Условия эти сводятся к трем основным: продолжительное пребывание в одном и том же положении, что, помимо ограничения активных движений, приводит к физическому утомлению: продолжительное же сосредоточение на одном и том же предмете (обычно на самом вожаке и его речи) приводит к утомлению сосредоточения. С другой стороны подготовка, обусловленная демагогическими приемами вожака, сопровождаясь соответствующими жестами и мимикой, обусловливает однородный характер настроения, что в свою очередь определяет направление активного отношения толпы, ибо под'ем настроения обязательно сопряжен с готовностью к действованию. Как известно, при таких условиях бывает достаточно одного слова или даже жеста, действующего на подобие приказа, чтобы толпа совершила известное деяние. Наоборот, упадок настроения есть благоприятная почва для паники, которая наступает иногда в одно мгновение под влиянием какого-либо, иногда даже вздорного, заявления или крика.

Не следует, однако, забывать, что подражание наблюдается и не в толпе только, а везде, где имеется то или иное общение людей, где о гипнозе не может быть и речи. И так как мы знаем, что внушение действует и в бодрственном состоянии [1]), то это обстоятельство, без сомнения, должно быть здесь принято во внимание, вследствие чего гипнотическая теория должна быть признана по меньшей мере односторонней. Но нельзя упускать из вида, что и словесное внушение не может об'яснять явлений подражательности полностью, ибо во многих случаях о словесном внушении не может быть и речи. Да и у животных примеры подражательности общеизвестны.

Еще Эспинас пришел к выводу, что, если осы стерегут и оберегают подходы к гнезду и в случае опасности предупреждают о том других, то это происходит единственно, вследствие вида раз'яренного индивида, ибо существует „общий закон в области интеллектуальной жизни, что вид возбужденного состояния вызывает проявление того же самого состояния у его свиде-

---

[1]) См. В. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. Спб. 3-е изд. (К. Риккера).

теля". Этот закон однако не новый. Указания на него можно найти у Cabanis'a (Oeuvres complètes, Paris, 1824, t. III. См. Введение. стр. 14), а по Сигеле он известен был даже Горацию.

Здесь дело идет, таким образом, о непосредственном подражании или о заразе в настоящем смысле слова, о котором говорит также Жубеле и Тигуру в сочинении под заглавием „Le contagion mentale".

По теории Rambasson'a (Phénomènes nerveux intellectuels et mentaux, leur transmission par contagion) подражание основывается на том, что каждому „психическому" явлению соответствует движение мозгового характера, выражающееся внешним образом в изменении физиономии, в жестах и осанке. Это движение распространяется и в пространстве, передаваясь другому лицу, и возбуждает в нем те же движения. В силу этого распространения движения через расстояние осуществляется смех, зевота, печаль и другие явления, как простые, так и более сложные (Сигеле, l. c. стр. 50). И здесь дело идет таким образом ни о чем ином, как о непосредственной заразе, но ее причина все же остается невыясненной.

Первоисточник подражания с нашей точки зрения в филогенетическом процессе развития лежит в соперничестве и борьбе в социальных условиях жизни. Когда найден источник питания каким-либо одним из ряда совместно живущих животных и оно бросается на пищу, все другие бросаются к тому же источнику пищи, воспроизводя тот же наступательный рефлекс, животные же, не вырабатывающие этого рефлекса непосредственного подражания, проигрывают в питании и борьбе и должны по закону естественного отбора вымирать. В данном случае дело идет таким образом о подражательном рефлексе наступательного характера. В других случаях животное, встречаясь со своим естественным врагом, отвечает на нападение с его стороны аналогичным ему актом нападения или же актом пассивной и активной обороны опять таки потому, что всякое животное, не проделывающее этого акта, погибло бы, вследствие чего акт оборонительного подражания является для всякого живого существа в условиях соперничества и борьбы жизненно необходимым. Таково же происхождение и других оборонительных подражательных реакций в животном царстве, ибо, когда средства нападения истощены и остается только спасаться бегством, всякое животное, отстающее в этом от своих соседей, неизбежно погибает. Что это так, показывают и примеры миметизма низших животных, где подражательный акт производится по отношению к неодушевленным предметам. Здесь, в свою очередь, выявляется жизненная необходимость подражательной реакции вообще.

Сверх того должно быть принято во внимание то обстоятельство, что всякий подражательный акт облегчается тем, что он по существу воспроизводящий акт и потому сравнительно легко осуществим, как всякая копия легче осуществима, нежели самый творческий акт. При этом лишь с помощью подражания оказывается возможным коллективное действие, всегда требующее известной согласованности, а следовательно коллективный опыт без под-

ражения был бы вообще невозможен. Отсюда также становится ясным биологическое значение способности подражать.

Возможна ли, спрашивается, непосредственная передача энергии нервных центров от одного индивида другому? До сих пор это представлялось фактом вчуже не доказанным, ибо все известные мне попытки найти научное подтверждение телепатической передачи на расстоянии, так художественно представленной еще Лермонтовым в его известном стихотворении „Сон", пока не дали вполне убедительных результатов.

Необходимо иметь в виду, что целый ряд ученых и в том числе математиков, физиков, физиологов, психологов, невропатологов и психиатров, между которыми мы можем назвать имена Цельнера, Крукса, Фере, Грассе, Рише, Жане, Дюрвея, Молля, Флюрнуа, Фогта, Вагнера (старшего) и некоторых других, старался подойти с той или другой стороны к выяснению этого вопроса. Но все имевшиеся в этом отношении данные не дали окончательного разрешения проблемы. Предпринимавшиеся в этом направлении опыты сводились, главным образом, к отгадыванию задуманных предметов или указанию их местоположения, к выполнению того или иного действия и т. п. При этом выяснилось, что эта способность отгадывания, если и может обнаруживаться, то обыкновенно у лиц нервных, особенно впечатлительных и, между прочим, легче всего в гипноидном состоянии, как напр. у медиумов, способных впадать в т. наз. транс или особое гипноидное состояние, развивающееся путем самовнушения.

Но такое непосредственное воздействие одного индивида на другого не исключено и у людей с нервным темпераментом в бодрственном состоянии и проявляющих способность т. наз. непосредственного восприятия.

Между прочим делались и специальные опыты в этом отношении за границей Ch. Richet, Lehmann'ом и мн. др., у нас д-ром Ховриным, Жуком, Котиком и др. Не все из этих опытов одинаковой ценности и во всяком случае они не дали вполне убедительных результатов в отношении передачи мыслей на расстоянии. Опыты Richet, как известно, не оказались вполне убедительными, по крайней мере для других. Опыты д-ра Жука быть может еще могли бы лучше быть использованы в смысле положительного решения вопроса. Что же касается опытов д-ра Котика, то, несмотря на его убежденность и защиту непосредственной передачи мыслей на расстоянии, его исследования, произведенные с Софьей Штаркер, несомненно явились плодом недостаточной осмотрительности в отношении профессиональных проделок испытуемой и ее отца, как я показал это в одной из своих работ [1]). Другие опыты автора намечают выводы, которые могут удовлетворить самое пылкое воображение. Но о них можно будет говорить лишь тогда, когда они получат подтверждение со стороны других авторов.

В данном случае нас собственно интересует простой факт: возможно ли непосредственное индуцирование одного индивида другим, т. е. влияния одного

---

[1]) В. Бехтерев. Как производятся опыты т. наз. „ясновидения" на подмостках театров? „Русск. Врач" 1914.

лица на другое без посредства каких либо знаков или других посредников в этом деле. Вопрос, поставленный таким образом, как мне кажется, удалось разрешить в положительном смысле и притом как путем особых экспериментов на собаках, так и на основании экспериментов на человеке.

Первые опыты производились мною на дрессированных В. Дуровым собаках как в Петербурге в моей квартире в 1914 г., так и позднее в Москве в квартире Д. и в так наз. его „Уголке", и притом производились мною лично в присутствии и совместно с Д. и в отсутствии Д., с участием или в присутствии целого ряда ассистентов: Воробьевой, Никоновой-Бехтеревой, Щелованова, Флексор, Трипродова-Казаченко, проф. Фельдберга, И. Лева и др.

Опыты эти затем были в разное время продолжены моими учениками д-рами Перепелем и Кармановым, затем д-ром Флексором, совместно с д-ром Эйнгорн, и д-ром Ивановым-Смоленским, совместно с д-ром Флексором; причем они осуществлялись с известной планомерностью каждый раз согласно устанавливаемому мною плану. Затем они были повторяемы и мною самим в разных условиях.

Общее число сделанных таким образом в разное время опытов над собаками достигает от 50 до 75. Они были произведены над тремя собаками: „Лордом", „Ники" и „Дэзи". Все эти собаки предварительно путем дрессировки приучались Д. к „обезволиванию" или послушанию („доместикации"), благодаря чему, когда собака взята на опыт, она остается спокойной и сосредоточивается в готовности осуществить то задание, которое ей предстоит выполнить. Так „Лорд", из сен-бернаров, под влиянием мысленного внушения экспериментатора лаял столько раз, сколько задумывал экспериментатор. Число однако не должно было быть большим (не свыше 9), ибо иначе собака начинала путать, вследствие развивающегося автоматизма в лае. Эту же способность лаять определенное число раз, согласно задуманному количеству, я открыл и у бульдога „Дэзи", с которым проделывались удачные опыты с „мысленным" внушением или индуцированием даже из другой комнаты при закрытых дверях. „Ники" из фокс-терьеров выполняла задуманные действия, отличавшиеся иногда довольно значительной сложностью, напр., вскочить на стул, стоящий у стены, со стула на столик, со столика подняться на задние лапы и поцарапать своей лапой висящий у стены портрет, или вскочить на стоящий у рояля стул и ударить лапой в правую сторону клавиш рояля, или напр. побежать в другую комнату и направиться к одному из многих бумажных шаров, разложенных в разных местах комнаты, и т. п.

Опыты эти подробно описаны мною и моими учениками (д-ром Ивановым-Смоленским и д-ром Флексором) и представлены конференции Института по изучению мозга и психической деятельности в ряде докладов за 1920 год [1]). Здесь же я хотел бы сказать кратко, что в части опытов с „Ники" и „Дэзи" было сделано все, чтобы устранить возможность предположения, что животное при выпол-

[1]) См. „Вопросы изучения и воспитания личности", вып. 2. 1920.

нении задания руководится какими-либо знаками, производимыми хотя бы невольно экспериментатором при этих опытах. Позднейшие опыты делались так, что задание было известно только самому экспериментатору (из врачей), который был разобщен с собакой, т.-е. к ней не прикасался, а лишь на расстоянии фиксировал ее взор, думая про себя задание, которое собака должна выполнить, после чего он закрывался дверьми от собаки; за действиями же последней следил ассистент, не знавший самого задания. В результате мысленное внушение и при этих условиях выполнялось с достаточной степенью точности.

С бульдогом „Дэзи", опыты делались в отношении воспроизведения того или другого количества ударов путем „мысленного" внушения. Эти опыты производились даже таким образом, что самое внушение или индуцирование производилось из другой комнаты при закрытых дверях и несмотря на то опыты дали положительные результаты.

Что касается опытов над человеком, то объектом их была на первое время избрана 18-летняя девушка, никогда раньше такими опытами не занимавшаяся, но отличавшаяся нервною впечатлительностью, необычайно обостренной зрительной памятью (может повторить до 75 прочитанных слов, воспроизвести 25 двузначных цифр и т. п.) и, повидимому, также двигательной памятью (она прекрасная танцовщица). Самые опыты с нею производились следующим образом: на столе, перед которым она сидела, раскладывались в один ряд самые обыкновенные предметы, напр. спичка, коробочка, папироса, гребенка, раковина и т. п.; причем в одних опытах таких предметов было 7, в других 12, в третьих 8. Экспериментаторы—я и Д.—сидели на двух рядом стоящих креслах сзади от нее, обращенные к ней задом на расстоянии около 5 саженей и, за исключением первых шести опытов, были отделены от нее еще высокими плотными ширмами.

Предметы, которые были расположены на столе, были переписаны на билетики, сложенные в свернутом виде в шляпу, из которой их вынимал затем один из врачей, следивший в то же время за всеми условиями опытов, и, не раскрывая, передавал их мне. Развернув билет и увидев написанное на нем обозначение предмета, я либо сам брал на себя осуществление опыта, никому не говоря о задании, либо передавал билетик для осуществления опыта своему соседу. Самый опыт заключался в том, что каждый из нас усиленно представлял себе лежавший на столе предмет, соответствующий обозначению в полученном билетике; девушка же должна была обозначать, какой предмет был задуман. Вот результаты опытов: на столе разложены 7 простых предметов. Задумывает Д. Последовательно сделано 6 опытов, из них все были вполне удачны, т.-е. предмет каждый раз отгадывался девушкой безошибочно и только в одном случае он был отгадан не сразу, а после первого неверного отгадывания было предложено тотчас же повторить опыт, который и привел на этот раз к положительному результату.

В другой серии опытов мы взяли 12 предметов столь же простых, как и в первом случае (спичка, карандаш, крючек, зубная щетка, бумажка,

пепельница, ключ, раковина, папироса, коробка, электрическая лампочка пепельница). Шесть новых опытов произведены Д.: из них в первых трех он был отделен от испытуемой ширмами на том же расстоянии, а в трех других опытах он был отделен большим металлическим экраном (1½ арш. высоты и 1 арш ширины), причем в обоих случаях я сидел непосредственно рядом с ним. Закрытые бумажки с названиями предметов, как и ранее, складывались в кляпу и затем каждый раз непосредственно перед опытом вынимались научным сотрудником А. Левом и непрочитанными передавались предварительно мне. После того, как я проглядел данную мне записку, она молча передовалась мною Д., который сосредоточивался на ней, усиленно представляя соответствующий предмет и намерение взять его со стороны девушки. Результаты на этот раз оказались следующие. В трех первых опытах было дано 3 задания: коробка, бумажка и щетка: из них коробка и бумажка были отгаданы сразу, а щетка тоже была отгадана, но после первого неудачного обозначения и предложения повторить опыт. Из других 3 опытов с заданием раковина, щетка, ключ—все три последовательно были отгаданы с первого же разу.

Следующие мои 5 опытов были во всяком случае также достаточно убедительны. Постановка опытов с той же изоляцией ширмами, на том же расстоянии около 3 сажень и с лицом, обращенным в обратную сторону. Подаваемые мне билетики я развертывал, чтобы сосредоточиться мысленно на предмете; после же опыта я передавал записку для контроля третьему лицу. Из упомянутых 5 опытов 2 были неудачны, остальные 3 удачны, т. е. были отгаданы девушкой, причем в 2 случаях со второго раза, а в одном с 1-го раза.

При удалении на 10 шагов в другую комнату, при закрытых дверях были сделаны опыты при 8 предметах, разложенных на столе, с тою же девушкой: причем из 4 опытов, сделанных Д., удачных было два при задании —лампочка и окурок,—причем окурок был отгадан не совсем сразу, а после того, как девушка спросила—„не лампочка ли“?: когда же ей сказали „нет“, то она тотчас же определенно ответила: „тогда—окурок“. Из моих же 2 опытов один опыт оказался удачным, другой же неудачным. Надо заметить, что в этих опытах избегалось их повторение при неудаче. Таким образом, и в этих опытах с внушением из другой комнаты при закрытых дверях, приблизительно на половину результаты оказались положительными, что без сомнения не может быть объяснено ни теорией вероятности, ни чем либо иным.

Интересно отметить, что на вопрос, почему отгадчица берет при опытах тот или другой предмет, она пояснила, что ей предмет представляется со всей ясностью; в другой раз она заявила, что ей представляется ясной одна половина всех разложенных пред ней предметов и из нее один особенно ясно и что ее как будто толкает его взять.

Обращает при этом внимание тот факт, что, если экспериментатор первоначально остановился на одном предмете, а затем перешел на другой, то ей часто представляется первый предмет.

Аналогичные опыты были производимы затем и над другими объектами при одинаковой обстановке и дали также положительные результаты. Они будут опубликованы в другом месте.

Всё вышесказанное приводит к выводу, что опыты с так наз. „мысленным" внушением или—точнее—с непосредственным индуцированием удаются как на нервных людях, так и на животных. А это убеждает нас в том, что и в толпе кроме взаимовнушения и т. наз. заразы, вызывающей непосредственное подражание, должен действовать еще особый фактор в виде прямого воздействия путем непосредственной передачи возбуждения центров одного индивида соответствующим центрам другого индивида. Входить в выяснение самого способа передачи мы здесь не будем, ибо это выходит за пределы нашей задачи, но все же ныне намечаются уже и пути, по которым надо идти, чтобы найти правильное об'яснение возможности упомянутой передачи в форме непосредственного воздействия [1]).

Итак убеждение словом, взаимовнушение, зараза путем подражания и прямая индукция—вот факторы, которые действуют в каждом собрании, как в едином коллективе, об'единенном одним общим настроением или одним лозунгом.

В заключение мы остановимся еще на некоторых факторах, имеющих особое значение при образовании коллективов

Общеизвестно, что биологические факторы, как напр. потребность питания, приводят к социализации в интересах добывания пищи. Такую же цементирующую роль представляет собою потребность самосохранения, которая сплачивает разных людей и разные группы в целях сотрудничества и в интересах самообороны и нападения. Половая функция равным образом приводит на почве телесной связи к связи „духовной", которая обычно даже предшествует физической связи. За союзом брачным может последовать семья, которая образует естественное единство в силу и материальной, и „духовной" зависимости членов семьи друг от друга, являясь для детей до полного их возраста по преимуществу односторонней. В дальнейшем дело идет о кровной или племенной связи, поддерживающей „духовное" родство и образующей родственный или племенной коллектив.

Не следует забывать, что привычка к общению с людьми, создаваемая условиями самой жизни, переходит в органическую потребность, которая, время от времени, влечет нас в общество для взаимообмена рефлексами. „Идея, как бы примитивна она ни была, говорит П. Сорокин, повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку. Переживания радости, горя, печали,

---

[1]) Я имею здесь в виду новейшее исследование акад. Е. Лазарева (Recherches sur la theorie ionique de l'excitation) относительно ионической теории возбуждения, а также относительно доказанного еще ранее у нас колебания токов действия мозговой коры при ее функционировании (см. диссертационную работу д-ра Тривуса и работу д-ра Ларионова, вышедшие из моей лаборатории). При этом колебания электрической энергии, которыми сопровождается возбуждение коры и проводников, должны неизбежно сопровождаться развитием Герцовских лучей, которые, как известно, передаются в разных направлениях.

страха требуют отклика со стороны других. Радость заставляет человека „излить" ее другому, горе требует утешения, страх, колебание требуют успокоения и одобрения, ненависть толкает к отмщению. Желание что либо сделать толкает к другому, чтобы привлечь его к работе по осуществлению поставленной цели. Все эти переживания стремятся „выйти" за пределы индивидуальной души и делают необходимым обмен с другими индивидами, и, чем они острее, чем интенсивнее, тем сильнее тяга к сочеловеку, возбуждаемая ими. Невидимыми, но действенными связями, эти потребности объединяют людей и притягивают их взаимно, подобно невидимой, но действенной силе магнита, притягивающего железо" [1]).

Следует иметь в виду, что все члены каждого коллектива взаимодействуют между собою либо непосредственно, либо посредственно. Это значит что индивид *а* действует, как раздражитель, на индивид *б*, а индивид *б*, в свою очередь, является раздражителем для *а*. Само собой разумеется, что это взаимодействие может оказаться, и действительно нередко оказывается неравносильным, ибо один индивид может оказывать бо́льшее воздействие на другого, нежели этот другой на первого.

Взаимодействие устанавливается также между вожаком и толпой, между актером или актерами и публикой, между руководителем митинга и собравшимися на митинге и между председателем собрания и самим собранием. И здесь это взаимодействие может быть непосредственное и посредственное.

Благодаря посредникам, коллективное объединение может осуществляться независимо даже от пространственных и временных условий: то или другое общество может быть разбросано по разным частям света и даже по всему земному шару, не теряя известного единства между своими членами. Равным образом „духовное" единство путем традиций и других посредников, напр. писаний и устной передачи, может существовать в коллективе индивидов, живущих в разные периоды времени. Таковы религиозные общины, государственные и иные коллективы.

Вообще, благоприятствующим условием для развития взаимодействий и образования единств является, таким образом, не одна пространственная близость, которая сближает людей как бы механически, т. е. вынуждает их к взаимному обмену между собою, но и существование посредников, к каковым относятся все предметы, которые могут интересовать многих индивидов, будут ли то памятники старины, литературные или научные произведения, технические сооружения, различного рода изобретения, методы обучения и воспитания, даваемые школой, события того или другого рода и т. п. и, наконец, общие интересы, возбуждаемые тем или другим явлением,—вот что собственно является главным посредником к образованию единства между людьми.

---

[1]) П. Сорокин. Система социологии, т. I. стр. 310—311. См. также Ross, Soc. control, стр. 14.

IX. Об языке, как об'единяющем факторе.

Чем более мы углубляемся в изучение социального мира, тем более мы убеждаемся, что однородность больших коллективов есть только кажущаяся, что любой коллектив, раз образовавшись, делится на группы, что, надо заметить, ускользнуло от внимания первых социологов (Конт и др.). Ross прав, что современный „социолог, пытающийся об'яснить социальные явления, поражается разнообразием реакций, несходных ответов на сходные стимулы, данные в группе. Здесь существуют контрасты набожные с ненабожным, смотрящий назад традиционалист с смотрящим вперед, любитель риска с человеком, боящимся риска и т. д. Народонаселение может казаться серым лишь издали, вблизи же оно оказывается многоцветным; группируя сходных с несходными, мы получаем самые различные виды контрастов и эффектов" [1]). Но Ross не прав, когда он об'ясняет те или другие социальные группировки „прирожденными различиями индивидов". Эти прирожденные различия, конечно, не без значения (можно иметь в виду, напр., значение пола, рас и т. п.), но гораздо большее значение в этом случае имеет среда, воспитывающая лиц с определенными взглядами, верованиями и тенденциями, которые ими зачастую передко уже с молоком матери. Если самый язык не представляется, как мы знаем, прирожденным явлением, то тем более таковыми не могут быть взгляды и тенденции социального характера.

Само собой разумеется, что коллективное единение устанавливается значительно легче при более однородных группах, нежели при разнородных, но здесь всё зависит от об'единяющего стимула. Когда об'единяющий стимул для всех получает особое значение, то самые разнородные индивиды, даже оппозиционные друг другу, сходятся в отношении своей реактивной деятельности. Так случается, напр., во время какой либо национальной катастрофы: войны, общенародного бедствия и т. п. Примером может служить бывшая великая мировая война, которая об'единила первоначально все парламентские партии внутри борющихся стран и которая сблизила между собою разнородные по племенным и культурным особенностям расы: напр. Болгарию, Турцию, Австрию

[1]) Ross. Fondations of sociology, стр. 293.

я Германию с одной стороны,—Англию, Францию, Италию и Россию с другой.

Одним из важнейших условий, приводящих к коллективному об'единению и его поддерживающих, без сомнения, является, как мы уже говорили, общность символических рефлексов в виде одного общего языка, который и сам вырабатывается в результате коллективного единения. На этом предмете мы еще должны здесь остановиться в виду его особой важности.

Об'единяющее значение языка настолько общеизвестно, что мы можем быть особенно краткими в этом вопросе. Уже мимический язык играет в этом отношении огромную роль, служа важным об'единяющим фактором во всем животном царстве. В мире человека мимика также не лишена об'единяющего значения, ибо она, как мы знаем, нередко является важнейшим об'единяющим фактором, например в толпе, производящей одни и те же возгласы, одни и те же жесты и другие выразительные движения. Равным образом, мимика и жесты являются важными вспомогательными средствами в руках оратора, стремящегося об'единить слушателей в одной общей цели, слить их в одном устремлении. Но несравненно более значительную роль в этом отношении играет звуковой язык или слово, которое действует на расстоянии, доколе может слышаться звук, и следовательно может играть об'единяющую роль и тогда, когда люди лишены возможности видеть друг друга.

П. Сорокин (Система социологии, т. I. стр. 227) по поводу языка пишет: „Лица, говорящие одним языком, абоненты одной—самой удобной, самой дешевой и самой распространенной в мире телефонной сети. В каждую минуту, без всяких усилий и без телефонной барышни, они могут соединяться друг с другом. Лица, не знающие языка, в эту сеть не входят: для соединения с другими, говорящими на иных языках, им нужны заказаны".

Если принять во внимание еще и письменную речь, допускающую почтовые и телеграфные сношения между людьми, то ясно, что слово способно проявлять свое об'единяющее значение, не ограничиваясь какими-либо пространственными условиями.

По сравнению с примитивным языком жестов, звуковой язык имеет то преимущество, что дело идет здесь о способе общения, дающем возможность не быть столь тесно связанным с пространственными условиями, как в языке жестов, который вообще является в этом отношении примитивным приемом общения.

С развитием общественности язык всё более и более удаляется от примитивной реакции, пополняющей язык жестов, становясь более разнообразной формой общения, в которой жест и интонация становятся только дополнительной частью; письменный язык, как условный, уже является дальнейшим следствием общественности, будучи совершенно лишен жестов и интонации, этих важнейших орудий социального проявления личности, послуживших первоначальной основой для развития устного языка.

Роль языка, как символического рефлекса, среди людей, огромна. „Наши слова похожи на электрический ток, возникающий между людьми, дающий им

возможность влиять друг на друга и обусловливать взаимное поведение. Их эффекты бывают временами поразительны. „Слово может убить человека". Недаром в ряде религий, как напр. в браманизме, слово превратилось в магическую силу, управляющую миром и даже волей богов. Не даром в евангелии апостол говорит: „в начале было слово, и слово было к Богу, и Бог был словом" [1]).

В каждом коллективе об'единение происходит не без участия языка. После многих споров и столкновений в результате устанавливается в коллективах относительное согласие умов, в установлении которого, таким образом, язык играет первенствующую роль. Социальный человек естественно подчиняется убеждению со стороны своих сотоварищей, а это и дает в результате коллективное согласие.

Убеждение является обычным способом воздействия на лиц, входящих в состав коллективных собраний. В сущности всякое обсуждение собранием того или другого вопроса имеет целью убеждение собрания со стороны отдельных лиц, выступающих в роли ораторов, в правильности того или иного положения, благодаря чему собрание в конце концов и приходит к определенному решению.

Подобным же образом печать действует на коллектив путем убеждения.

Во всяком случае одним из наиболее действительных средств об'единения коллектива путем убеждения является речь на собраниях и печать. Устная речь действует сильнее печатного слова, ибо она дает слушателю все эмоциональные оттенки самой личности, произносящей речь, и тем самым возбуждает соответственную реакцию в слушателях, усиливающуюся еще более, благодаря общности настроения собрания. Печать никогда не может возвеличествовать так сильно на членов коллектива, но зато ее действие много шире по своему распространению, ибо она воздействует так или иначе почти на весь грамотный человеческий коллектив, говорящий на одном языке, а благодаря переводам и на образованную часть всего человечества.

Одним из примеров того, как может действовать убеждение на массу лиц, которые находятся в разброде мысли, показывает пример Керенского, которому, после принятия поста военного министра в ответственный момент военной русской истории последнего времени, когда нужно было показать союзникам в период братания наших войск с немецкими, идем ли мы с немцами или против них, силою одного убеждения удалось на время вывести войска из пассивного состояния и повести их в наступление 18 июля 1917 г., увенчавшееся большим успехом. Правда, это была уже последняя вспышка энергии разлагавшегося коллектива нашей огромной армии.

С другой стороны роль словесного внушения, выполняемая также с помощью языка, для об'единения масс огромна. Дело идет здесь, само собой разу-

[1]) П. Сорокин. Система социологии, т. I, стр. 127.

меется, о так называемом внушении в бодрственном состоянии или о том, что известно под названием личного воздействия на человека.

«Личное влияние одного человека на другого, как мы знаем, представляет собою элементарное социальное явление и ничем, кроме своих размеров, не отличается от влияния гипнотизера или гипнотизируемого“ [1]).

Подробнее об этом влиянии я говорю в своем сочинении: „Внушение и его роль в общественной жизни“ [2]), и потому здесь нет надобности особенно распространяться по существу этого предмета.

Мы укажем лишь на роль внушения в происхождении коллективных иллюзий и галлюцинаций, на роль его в развитии общего настроения народных масс, на роль его в отношении коллективных действий и т. п.

Примеры коллективных иллюзий и галлюцинаций, основанных на взаимовнушении были приведены в цитированной выше моей книге. Подобно иллюзиям и галлюцинациям в воспринимающих органах, внушение может образовать миражи и в высших областях соотносительной деятельности. Это составляет известный минус в об'единяющей роли внушения в коллективах по сравнению с убеждением, несмотря на преимущество его в отношении быстроты действия.

Всякому известно, что достаточно одной прочувствованной речи в собрании, чтобы все собрание воодушевилось одной и той же эмоцией, причем самые слова и жесты произнесенной речи как бы непосредственно прививаются от оратора к слушателям.

Известно также, что достаточно в толпе, находящейся в помещении, крикнуть „пожар“, чтобы развилась паника. Таким же точно образом самосуд толпы часто начинается неосмысленным подстрекательством кого-либо из толпы. В другом случае одного призыва: „бей его!“ достаточно, чтобы толпа, как по мановению невидимой руки, устремилась на свою жертву.

На роли внушения в значительной мере основано и эпидемическое распространение некоторых из общественных явлений.

Внушение всегда играло в общественной жизни огромную роль. Между прочим характерно в этом отношении мнение Г. Лебона. „Если бы, говорит он (Психология социализма, стр. 44), при усвоении какого-либо политического, социального или религиозного убеждения, мы руководились бы хотя небольшой долей ясных, последовательных размышлений, как это делает последний лавочник, обсуждая свои торговые дела, то в вопросах политических и религиозных мы не находились бы, как находимся теперь, в зависимости от моды, окружающей среды, чувств, и потому не носились бы по воле событий и современных мнений“.

Всякая вообще пропаганда в обществе расчитана скорее на внушение, нежели на убеждение. Вот один из примеров организованной пропаганды, которая даже специально ограничивает оратора определенным 4-минутным сроком, заимствованный нами из газет.

---

[1]) См. Тард, Социальная логика, стр. 93.

[2]) Петербург. Изд. 3-е. К. Риккера.

„Находящимися в Петрограде американцами получены вполне определенные сведения, что Соединенные Штаты Северной Америки намерены продолжать войну в тесном единении с Англией, Францией и Италией при условии однако тесного единства планов военных операций и строгого действительного взаимного контроля над всеми мерами и мероприятиями, связанными с вопросами войны и мира.

Нельзя скрывать, что в Соединенных Штатах Америки имеется в некоторых кругах своеобразное „пораженческое" течение. Именно, некоторым группам кажется, что не в интересах Америки способствовать победе Англии над Германией.

Эти „пораженцы" придумывают всякие способы, как окончить войну таким образом, чтобы победительницею осталась одна Америка, а не Западная Европа.

Президент Вильсон обратил внимание на подобную пораженческую пропаганду, и по его мысли в Соединенных Штатах были организованы отряды контрпропаганды.

Самым любопытным является требование, чтобы каждый из этих ораторов говорил не более четырех минут.

— „Люди четырех минут", так зовутся эти 15 тысяч пропагандистов.

Подобные ораторы не посещают больших митингов, куда, как известно, собираются люди уже определенно партийных воззрений.

Нет, они ежедневно посещают театры, кинематографы, рестораны, вокзалы и т. д. и там обращаются к случайной публике со своими „четырехминутными" речами.

Ездят они также в трамваях, в поездах, на пароходах и там тоже держат короткие речи к пассажирам.

Любопытен тот метод „сравнения", которым преимущественно пользуются ораторы отряда „четырех минут", чтобы быстро создавать у слушателей требуемое настроение.

— Вот некоторые говорят, что желательна победа Америки над Германией, но не желательна победа Англии над тою же Германией,—так начинает оратор,—но какой же разумный человек может желать, чтобы воры, забравшиеся в его дом, унесли все имущество его жены, при условии неприкосновенности его личного имущества. Или кто может желать, чтобы его магазин хорошо торговал, но чтобы кассир магазина ежедневно бросал в печку все вырученные от торговли деньги.

Такой наглядный способ пропаганды имел соответствующий успех у американцев.

Однако роль языка в коллективе, само собой разумеется, не ограничивается его об'единяющим значением, ибо благодаря языку достигается и развитие мировоззрения данного коллектива. Языку мы обязаны совершенствованием религии и морали, науки и искусств и даже техники. Ибо в конце концов и религия, и наука, и литература, в том числе и художественная, и наконец техника являются результатом развития и богатства самого языка.

Всем понятно, что без языка не было бы ни того, ни другого, ни третьего и не была бы возможна даже культура в современном смысле слова.

В культурной жизни народов язык представляет то орудие, которое отвечает различным потребностям в эволюции собирательной личности и в том числе успехам ее литературы, отражающей собою сводку умственных ее приобретений.

Благодаря именно языку оказалось возможным развитие знаний в человеческом обществе.

Колдун, представляющий собою того первобытного ученого, который на заре культуры стремится разгадать тайны природы и заставить ее таинственные силы действовать согласно своей воле, пользуется для своего ремесла прежде всего языком. Все равно, будет ли целью устранение несчастия, или наказание похитителя, или отыскание потерянного, дело идет о словесной символизации или символизации иного рода, связанной с событием, или с участвующим в нем лицом, и здесь играет роль примитивное суждение по аналогии.

Когда бросаются в огонь с определенным заговором стружки, то это символизирует такую же гибель и корчи врага или похитителя. Когда колдун прокалывает сердце изображения врага, это символизирует страдание и грядущую смерть того лица, которое представлено изображением. Эти приемы рассчитаны в то же время на силу внушения в том случае, когда заклинания колдуна достигнут уха того, которого колдун намеревается поразить.

Колдуна со временем сменяет знахарь, который является на той стадии развития общества, когда вера в силу уподобления и символов уже ослабевает, но сохраняется еще вера в таинственные силы природы, пользование которыми доступно лишь лицам, специально себя посвятившим их изучению.

Знахаря сменяют первобытные натурфилософы в роде астрологов и алхимиков, стремящихся сразу понять сущность вещей и достичь универсальных научных ценностей в роде отыскания философского камня.

Лишь за этими первобытными натурфилософами следует настоящий ученый с его аналитическими методами исследования.

Но и ученый первоначально отдает большую дань схоластической натурфилософии, признавая создаваемые путем диалектики и спекулятивного мышления таинственные силы природы в целях об'яснения различных неясных для него явлений.

Лишь мало-по-малу наука начинает отрешаться от этих ненужных фетишей и выдвигает вместе с этим значение и роль положительного знания, основанного на строгой логике, вытекающей из фактов наблюдения над окружающей природой. Роль языка с развитием логического мышления таким образом в развитии знаний неоценима.

Языку мы обязаны и тем, что относится к эволюции и развитию общественного мнения.

С тех пор, как установился семейный очаг, когда образовался клан и возникло племя, начали устанавливаться и соответственные должности общественного характера. Если раньше, до образования этих союзов, действиями

человека руководил исключительно эгоизм, который, самое большее, допускал милость и пощаду врагу, то с этих пор начинается впервые регуляризация действий человека с точки зрения интересов союза. Руководством такого регулирования везде и всюду является так называемое общественное мнение, определяющее добро и зло с точки зрения интересов общества, а не с точки зрения одних личных стремлений. Помимо того, со временем был разработан и специальный аппарат суда и назначены кары за противообщественные действия и награды за действия полезные в общественном смысле. Но суд не устранил силы и значения общественного мнения, играющего роль как в самых примитивных обществах, так и в позднейших более развитых социальных организациях.

При этом общественное мнение всегда является более тонким ценителем человеческих деяний, квалифицируя моральные действия человека, не подлежащие даже оценке суда вообще, о которых однако общественное мнение выносит свой совершенно определенный вердикт. С этим общественным мнением связывается и то общественное явление, которое известно под названием популярности, известности и славы и которое является для многих побудителем к действиям, имеющим общественный характер и общественный интерес.

„Когда спартанский или афинский герой так легко жертвовал своей жизнью, чтобы завоевать быструю известность в небольшой стране, то делал это тоже в уверенности, что весь мир со всеми его невидимыми силами устремляет на него взоры, что эти великие зрители всего мира аплодируют ему и эхо этих аплодисментов продолжается до бесконечности времен и пространств“ (Тард. Социальная логика, стр. 303).

Во всех этих случаях роль языка неоспорима, ибо только язык создает возможность существования общественного мнения и он же является его выразителем. Только язык дает возможность сделать человека популярным, известным или создать ему славу.

Но язык, этот великий об'единитель, служит также и к раз'единению народных масс, говорящих на разных языках.

По Г. Лебону с этим „приходится считаться даже в политике, когда напр. гений языка покоренного народа содействует проникновению идей, законов, религии, верований, литературы, учреждений, которые намереваются ему навязать и которые он принял бы вероятно без психологического отпора, порождаемого его наречием.

Нижнебретанское наречие гораздо больше сделало для того, чтобы воспрепятствовать слиянию Бретании с Францией, нежели христианство для того, чтобы этому помочь; точно также арабский язык представляет собой препятствие на пути к офранцужению Алжира далеко не меньше самого османлизма“.

Вот почему стремление всех правительств направлено к тому, чтобы государственный язык был один для всех, чтобы команда в войсках велась на одном и том же языке, иначе государство перестало бы быть единым, а армия распалась бы на отдельные свои части. Скажем более—без языка нет

общественности и не может быть речи о политических сообществах или коллективах в настоящем смысле слова.

Однако Тард не прав, когда говорит в своей „Социальной логике" (стр. 120), что дитя вступает в жизнь социальную только с того момента, когда оно начинает говорить.

Еще до развития словесного языка ребенок пользуется мимикой и жестами для установления своего общения с окружающей средой.

Точно также животные, будучи лишены языка в человеческом смысле, образуют сообщества и достигают согласия, благодаря своей мимике. Язык в форме членораздельной речи является таким образом лишь усовершенствованным орудием единения человеческого коллектива.

По словам Друммонда, если исследовать содержание языка, оно уносит нас назад не только к тому, что работали люди своими руками, но также к тому, что они говорили друг другу во время работы и что они думали, говоря. „Слово это—счеты для мозга, осязательное выражение умственного состояния, наследственное имение культурного богатства расы. Старинное слово, подобно старинной монете, говорит нам о прежнем обращении мысли и своим изображением и надписью раскрывает умственную жизнь и замыслы тех, кто ее чеканил".

Как возникает первичный язык, мы имели случай говорить в другом месте [1]); но представим себе, что язык образовался,—что́ за этим следует? Он развивается, дифференцируясь прибавками членов, удвоениями корней, приставками, флексиями и т. п. и путем обобщения и сложения разных корней образует собою сложные и составные слова. Но кроме всего прочего, мы имеем раздробление языка на отдельные наречия или даже одного языка на несколько языков, что зависит от географического и экономического обособления населения с одной стороны и различных влияний местного характера с другой стороны, влияний соседей, говорящих на другом языке, иммиграции, смешения народностей и пр. с другой.

Независимо от того, эволюция языка, явление вполне законное, но эволюция при одинаковых внешних условиях не должна быть везде одинаковой. Одно население переживает период политических бурь, другое занимается бойкой торговлей, третье спокойно занимается земледелием. Можно ли думать, что эти условия не отразятся на языке народов. Этими и рядом других условий об ясняется, как в исторические времена с распадом Римской империи латинский язык явился родоначальником нескольких романских языков и многочисленных наречий, как с другой стороны славянский язык раздробился на целый ряд отдельных языков и наречий, как ранее того санскрит положил основу для целого ряда позднейших языков. Но раздробление языков идет рядом с их об'единением, приводящим в свою очередь к смешению языков, что еще более их отделяет от основного языка прародителя.

---

[1]) См. В. Бехтерев. Об'ективная психология. СПБ. 1912. —Его же. Общие основания рефлексологии. 1918.

Сколько языков уже стерлось с лица земли. Если язык культурных народов—такой, как латинский или греческий, сохранился до наших дней, исчезнув из употребления, то это лишь благодаря оставшейся на этих языках литературе, а многое множество языков давно кануло в лету и почему? Да потому, что они не выдержали конкуренции с другими языками, получившими распространение в их стране, благодаря ли завоеванию и господству победителей, говорящих на другом языке, благодаря ли культурному об'единению одного народа с другими. Факт однако тот, что это уничтожение языка не проходит бесследно. Язык уничтожаемый все же вносит в язык его поглощающий некоторые особенности, например, местные слова, выражения, акцент и т. п., что дает основание говорить собственно не об уничтожении, а о слиянии или смешении и обобщении одного и другого языка. Наконец обобщение языков выражается и тем, что народы стремятся к пользованию в международных сношениях одним общим языком, создавая для этой цели искусственные языки. Так после неудачного волапюка в последнее время начал входить в употребление эсперанто, и можно предвидеть, что в отдаленном будущем наступит тот день, когда все народы земного шара об'единятся, пользуясь для этого одним общим для всего человечества языком.

Так как язык, вообще говоря, есть самое могущественное и самое необходимое средство общения между людьми, то можно сказать без преувеличения, что социальные изменения в смысле ассимиляции личности и сословий, совершившиеся в данной территории после замены колесных экипажей локомотивом, ничто в сравнении с такого же рода преобразованиями, совершившимися в результате победы крупного наречия над мелким жаргоном или языка над наречиями.

Лингвистическое сходство есть условие sine qua non всех остальных социальных сходств и следовательно всех великих и славных форм человеческой деятельности, которые предполагают существование этих сходств, служащих канвою для их работы.

Согласно Тарду (Законы подражания, стр. 121), „благодаря языку устанавливается порядок, и порядок удивительно строиный, в том сумбуре противоречивых видений и галлюцинаций, которые слушают уши первобытного человека".

„Язык представляет собою заранее данную социальному человеку логическую аранжировку подобно тому, как пространство и время даны человеку взятому индивидуально".

Нет надобности останавливаться на том, что это положение ошибочно в корне, ибо язык эволюционирует вместе с обществом, а не общество обязано своей эволюцией языку, подобно тому, как пространство и время не заранее даны каждому отдельному человеку, а выработаны коллективным опытом социального человека (см. ниже).

Крайне своеобразно также представление Тарда о происхождении языка. По его словам, языки рождаются из религий, хотя они и оказывают впоследствии большие услуги развитию последних. „Я охотно готов был бы думать, что слова

представляют собою логическое последствие расцвета наследственной передачи мифов. В самом деле, говорить —значит в сущности олицетворять божественным образом, одушевлять всякую вещь, свойства или действие которых становятся существующими сами по себе и одаренными волшебным могуществом" (стр. 118). „Я могу понимать первобытное слово только, как особого рода звуковой фетиш, самопроизвольно зародившийся под влиянием обожествления предметов природы и наиболее поразительных человеческих поступков, число которых увеличивалось по мере того, как религиозное изумление или смущение начинало относиться к новым предметам и новым деятелям, переставая быть связанным с природой" (l. c. стр. 120).

„Итак всякий корень в языке есть не что иное, как идол, всё еще употребляемый и сохраняемый, а язык не что иное, как вековой остаток доисторического фетишизма, наивных последовательно угасавших религий, в некотором роде пепел древних священных огней".

Я привожу эти выдержки только для того, чтобы убедиться в том сумбуре понятий, какой господствует по этому предмету вообще.

Как уже ранее было выяснено, мы понимаем иначе эволюцию языка: он возник в результате коллективного опыта первоначально, как дополнение к мимике в форме звукоподражания и звуковых рефлексов, обусловленных внешними и внутренними раздражениями, напр. при уколах, колотьи и напряжении, каковы: ах, ой. ну! и т. п., превратившихся позднее по закону сочетательных рефлексов в междометия, из которых язык затем развивался, путем удвоения, дифференцировки и обобщения, приставок, осложнений флексий и т. п. Первоначальные звуки, легшие в основу будущего языка человека, берут начало даже в биологическом ряду животных, и в настоящее время после работ проф. Гарнера в этом отношении мы имеем уже более или менее определенные представления. По крайней мере ясно, что обезьяны обладают несомненно рядом звуковых знаков для обозначения предметов несложного обезьиньего обихода.

Позднее общие обозначения развиваются из частных. Так для примера, слово „deva", обозначавшее ранее ель, хвойное дерево, сделалось затем, как наичаще встречающееся, родовым обозначением. Между тем в Исландии, где деревьев вообще нет, словом „eik"—дуб—обозначается общее или родовое название дерева. Бог первоначально отождествлялся с небом, солнцем или солнечным блеском (санскритское deva) или молнией и лишь постепенно человек дошел до бога, творца вселенной, путем исчезновения из об'екта, обозначаемого этим символом, физических признаков, благодаря чему осталось под именем бога сверхчеловеческое существо.

Как слова утрачивают свое первоначальное значение, показывают напр. наше „спасибо" и французское „adieu", которые ныне уже совершенно лишены всякого религиозного значения. Вообще же все религиозные обозначения берут начало из обыденного мира, что как раз стоит в противоречии с вышеуказанным взглядом Тарда.

О коллективных рефлексах вообще.

Если нельзя сомневаться в том, что известный ряд коллективных рефлексов относится именно к порядку наследственно-органических (инстинктивных), другой к порядку высших сочетательных рефлексов, приобретаемых путем жизненного опыта, примеры чего будут даны в последующем изложении, то спрашивается, может ли коллектив проявлять рефлексы более простого характера — рефлексы, называемые нами обыкновенными в общей рефлексологии личности, которые, как известно, протекают вполне машинообразно. Повидимому и коллектив не лишен возможности проявления при известных условиях рефлексов обыкновенного типа. К таким именно коллективным рефлексам обыкновенного типа, по моему мнению, следует отнести коллективные рефлексы в виде паники толпы и безмотивного нападения т.-е. коллективных рефлексов оборонительного и наступательного характера, развивающихся путем заразы.

Паника представляет собою безотчетный оборонительный рефлекс бегства, проявляемый целым коллективом без всякого соответствия с внешними обстоятельствами и часто даже без достаточного повода или же при каком-либо незначительном поводе. Такие паники известны и среди животных (т.-наз. стампеды), напр. в стадах лошадей, свиней и т. п. Уже в евангелии говорится о вхождении злого духа в стадо свиней, которое бросается в море и погибает.

Имеются также и позднейшие наблюдения относительно того, как напр. стада овец гибли, падая в пропасть под влиянием развившейся среди них паники.

Всем известно, как легко среди людей, собравшихся в толпу, разыгрываются чрезвычайно опасные паники при каком-либо неожиданном происшествии. Достаточно в тесной толпе, сосредоточенной на слушании увлекательной речи оратора, крикнуть „пожар, спасайся кто может“, чтобы развилась гибельная паника, часто стоющая многих жертв.

Бывали примеры, что этим приемом пользовались даже злонамеренные лица, чтобы во время паники поживиться на счет других.

Распространяться о развитии паник здесь нет надобности, ибо читатель может ознакомиться с этим явлением по моей книге: «Внушение и его роли в общественной жизни», где приведено подробное описание паник отчасти и по личным наблюдениям. Характерной особенностью всех такого рода паник, помимо их шаблонного чисто автоматического проявления в форме безудержного бегства, служит безотчетный характер самого рефлекса бегства, ибо после паники обыкновенно никто не может сказать, почему он побежал и как случилось все происшедшее.

Что касается автоматического рефлекса коллективного нападения, развивающегося путем заразы, то опять таки эти явления известны и среди животного мира, и среди людей. Так, когда мы встречаемся со сворой собак, достаточно бывает неосторожно вызвать нападение какой либо одной собаки, чтобы вслед за ней напала вся свора. Нет надобности говорить об опасности таких случаев нападения. Точно также и в озлобленной толпе людей достаточно, чтобы кто либо из толпы по самому незначительному поводу напал на кого либо, чтобы затем вся толпа набросилась на то же лицо, не зная даже в чем дело.

Наследственно-органические рефлексы имеют одинаковую основу с такими же рефлексами отдельной личности с тем различием, что здесь дело идет об обобщении тех проявлений, которыми характеризуются вообще эти рефлексы у отдельных лиц. Так погромы лавок или рынков с продуктами во время голода и разнузданные половые оргии могут служить примерами таких рефлексов, в первом случае наследственно-органических рефлексов самосохранения, во втором случае рефлексов полового характера.

Что касается коллективных рефлексов высшего порядка, то они также могут быть наблюдаемы при тех или иных условиях. Так коллективные рефлексы сосредоточения нетрудно наблюдать в любом концерте, в любом театре, в любой аудитории.

Коллективные символические и в частности речевые рефлексы мы наблюдаем в жестах и возгласах толпы, в хоровом пении и т. п.

Большого пояснения требует собственно развитие личных или целевых коллективных рефлексов, которые, как и другие сочетательные рефлексы, возникают на основе опыта. Когда речь идет о личном рефлексе отдельной личности, то дело происходит так: раздражитель А действует на индивид В, вызывая с его стороны определенную реакцию сосредоточения, нападения или обороны, а в известных случаях и подавления реакции, и все это в зависимости от того, благоприятно ли действует А на данный индивид или неблагоприятно. Благоприятное действие сопровождается со стороны индивида положительной мимико-соматической реакцией, неблагоприятное — отрицательной, но и то и другое стоит в зависимости не от одного раздражения, но и от состояния индивида. Повторное воздействие того же самого раздражения вызывает уже привычку испытывать данное раздражение и под влиянием его реагировать определенным образом, привычка же создает потребность в виде внутреннего раздражения от недостатка той мимико-соматической

реакции, которая следовала за внешним раздражением. Под влиянием этого внутреннее раздражение современем возникает уже самостоятельно, т. е. без внешнего раздражителя, приближение которого всегда усиливает эту потребность в наивысшей степени.

В случае неблагоприятного воздействия внешнего раздражителя дело идет о том же процессе образования внутреннего раздражения, но с обратным результатом, т. е. оборонительной реакцией или даже подавлением реакции. Иначе говоря, создается внутренняя потребность оборонительного действия или воздержания от данного воздействия.

Одинаковый результат получается и по отношению к посредствующим раздражителям. Так определенный раздражитель может не непосредственно действовать на индивид, а лишь после воздействия другого предшествующего или сопутствующего раздражителя.

Напр. пищевой продукт может быть скрыт за несъедобной скорлупой или находиться скрытым под листьями определенного растения или храниться под почвой в определенных местах и т. п. С другой стороны и вредный раздражитель может быть скрыт теми или другими внешними заграждениями, по устранении которых раздражитель начинает проявлять свое неблагоприятное или вредное воздействие на организм. В этих случаях действующий раздражитель имеет своего спутника, причем влияние последнего предшествуется воздействием первого.

Но по закону сочетательных рефлексов сопутствующий раздражитель после повторного воздействия настоящего раздражителя действует и сам, подобно последнему. В силу этого и раздражители, не оказывающие непосредственно того или другого благоприятного или неблагоприятного воздействия на организм, становятся неиндифферентными, а возбуждающими определенную реакцию, привлекающую или отталкивающую индивид в зависимости от того, в сопутствии каких действительных раздражителей эти первоначально индифферентные раздражители находятся.

То, что мы имеем по отношению к отдельным индивидам, имеет силу и по отношению к той или иной общественной группе, как коллективному целому, в силу чего группа относится к внешним воздействиям в соответствующих случаях совершенно так же, как и отдельный индивид с тем различием, что рефлексы отдельных личностей здесь об'единяются благодаря взаимообщению и взаимовнушению.

Так напр., развитие восстания, как коллективного сочетательного рефлекса, надо представить себе таким образом, что личный опыт каждого индивида сделал привычным для него развитие протеста, как сочетательного оборонительного рефлекса, возникающего на почве обыкновенного оборонительного рефлекса при неблагоприятных физических воздействиях. Когда накопляется достаточно внешних поводов для этого протеста со стороны многих индивидов, проявления протеста быстро обобщаются в коллективе, причем развивается в этом смысле, благодаря взаимовоздействию и заразе, определенное коллективное единство, еще более усиливающее проявление протеста.

Когда такое протестующее единство в коллективе образовалось, достаточно малейшего повода, как раздражителя, чтобы коллективный протест достиг степени народного волнения, которое, нарастая всё больше и больше, доходит до коллективного взрыва в форме восстания.

Аналогичный процесс представляет собою развитие коллективного рефлекса нападения в форме напр. погромов, войн и т. п.

Согласно вышеприведенному закону сочетательных рефлексов не только сама цель, но и средство достижения цели в качестве предшествующего раздражителя должно явиться достаточным для возбуждения рефлекса. Так предметы питания являются раздражителем не только для всякого индивида, но и для коллектива. Но так как приобретение денег обеспечивает получение необходимых для жизненного обихода предметов и продуктов питания, а часто и сопровождается непосредственно затем приобретением того или другого и во всяком случае ему предшествует, то ясно, что, благодаря опыту, по закону сочетательных рефлексов и деньги становятся раздражителем, возбуждающим ту же реакцию, что и основная цель, т. е. необходимые предметы и продукты питания, вследствие чего деньги становятся и сами по себе ближайшею целью действия. На этом процессе развития сочетательных рефлексов, в котором не только сама цель, как бывшая в опыте, является раздражителем, но и все средства, ведущие к этой цели, становятся такими же раздражителями, основаны все процессы обмена в коллективах, а также все банковские и другие организации.

Не следует затем упускать из виду, что то или иное общественное движение обязано в значительной мере особой пропаганде, которая и служит нередко к об'единению и в то же время к возбуждению действий коллектива. Пропаганду же ведут обыкновенно агитаторы, которые редко вообще стесняются в средствах, чтобы наэлектризовать толпу.

Одним из классических примеров агитационной речи такого рода может служить речь Антония после смерти Юлия Цезаря в шекспировском изображении.

Как бы то ни было, дело агитаторов на опыте знать, когда и где произносить пред толпой зажигательные речи и тем достигать нужного эффекта соответствующими средствами, но без агитаторов действие скопом обыкновенно не обходится.

Сами агитаторы, эти временные руководители толпы, часто далеко не отличаются даже стойким характером, а иногда даже представляют собой тех лиц, которые умело скрываются за толпой. При их аресте они не обнаруживают обычно раскаяния, но зато иногда обнаруживают паразительную трусость.

Так, один из агитаторов, который во время восстания в Кронштадте 4 и 5 июля без содрогания призывал к расстрелу на улицах безоружных женщин и детей, во время ареста проявил, если верить газетным сообщениям, самую позорную трусость.

Он „дрожал, как лист, от страха, что его казнят и с плачем умолял военные власти везти его в Петроград не под командою кронштадтских солдат и матросов.

— „Они злы на меня и расстреляют меня"...—лепетал этот агитатор и вожак толпы".

Само по себе общественное движение является результатом совокупной деятельности, борьбы и сотрудничества отдельных личностей, групп и целых обществ или союзов. Как и всякий общественный процесс оно должно иметь своим последствием либо заимствование, основанное на подражании, либо творческий акт. В последнем случае в коллективной жизни общества получается явление новое и оригинальное в той или иной мере, хотя бы и сходственное с явлением, однажды уже пережитым в его прошлой жизни.

Всякое общественное движение развивается обыкновенно до тех пор, пока оно не исчерпает весь запас сил, вызванный к деятельному состоянию соответственным раздражением в данной среде или пока не встретит соответствующего противодействия в другом общественном движении или какой либо внешней силы, иначе говоря, коллективный рефлекс, как и всякий сочетательный рефлекс, прекращается вследствие внутреннего или внешнего торможения. Общественное движение, развиваясь в форме коллективного рефлекса, достигает в известный момент своего максимума напряжения, после которого волна этого движения начинает понижаться и наконец спадает точь в точь, как в сочетательном рефлексе отдельной личности. В этом случае говорят об общественном сдвиге, когда начинается общественное движение, о переломе настроения в народных массах, когда общественное движение достигает своей высоты, и о понижении его, когда движение начинает ослабевать, сменяясь другим общественным движением.

Само собою разумеется, что самый сдвиг, как и перелом, обусловливается какими либо особыми причинами, заставляющими массы повернуть свой фронт в другом направлении.

Так во время великой русской революции, когда время проходило в бесконечных митингах на улицах и в общественных помещениях, где раздавались голоса с призывом уничтожить буржуазию и грабить банки, немногие из властей и даже буржуазных слоев населения отдавали себе отчет об опасности этой пропаганды. Идейная проповедь убийства и открытого грабежа имела в их глазах такое же законное право на существование, как и всякая другая проповедь, и потому во имя провозглашенной свободы слова она не должна была встречать законного противодействия.

Точно также казалось, что и газеты, и листовки, распространяемые в войсках с призывом к неповиновению начальству, не встречали противодействия во имя той же свободы печатного слова.

Но вот появились вооруженные массы рабочих на улицах Петрограда, начались выстрелы, выросло на глазах всех июльское восстание, потребовавшее применения воинской силы. Для власть имущих открылись глаза, и вместе с

тем со времени подавления восстания происходит резкий перелом в широких кругах, ознаменовавшийся поворотом их против большевизма.

В результате значительная часть общества и власть стали праветь, свобода собраний и свобода слова были ограничены. Стали применяться административные меры против личности. „Окопная Правда“ и др. газеты были воспрещены и большевистское движение было временно подавлено.

По крайней мере некоторое время вожаки из большевиков почти не смели выступать в собраниях, где их обыкновенно осмеивали, и можно было говорить о подавлении развивавшегося общественного движения внешней силой на то или другое время или о временном его заторможении.

Однако не смотря на всё, пропаганда среди рабочих и солдат делала свое дело, и 25 октября того же года произошел большевистский переворот, когда Временное правительство было арестовано, Керенский—глава тогдашнего правительства—бежал, а сопротивлявшиеся юнкерские части и женские ударные батальоны были обезоружены, частью же, как было с юнкерами, расстреляны. Таким образом волна большевистского движения достигла своего апогея.

Первые месяцы после 25 октября были периодом, когда общественное движение в смысле большевизма еще возрастало и, наконец, достигло вершины своей волны, но эта волна не может всё время оставаться на своем гребне и постепенно должна спадать. Она уже и спадает, ибо большевизм позднейшего времени уже во многом не тот, что был в первые месяцы после 25 октября.

Также дело происходит и во всех других коллективных рефлексах. Начавшись с едва заметных проявлений, новое общественное движение растет, развивается. достигает своего наибольшего развития и затем постепенно ослабевает, входя в спокойное русло общественной жизни.

X. Развитие коллективных движений по типу сочетательных рефлексов.

Из рефлексологии мы знаем, что сочетательный рефлекс развивается на почве обыкновенного рефлекса и является в сущности его воспроизведением. То же мы имеем и в отношении коллективных рефлексов. Представим себе усмиряемую полицейским нарядом толпу, которая устремляется в паническое бегство под влиянием расстрела, это—обыкновенный коллективный рефлекс. Когда коллектив подвергается избиению и можно слышать раздающиеся из его среды проклятия, стоны и раздирающие крики, это тоже обыкновенный рефлекс. Но когда раздаются те же проклятия, стоны и крики, со стороны коллектива в то время, когда он взволнован прочувствованной речью об истязаниях, совершенных над близкими ему людьми, это уже сочетательный коллективный рефлекс. Когда толпа разбегается в стороны под влиянием простой угрозы, это тоже сочетательный коллективный рефлекс.

Отсюда очевидно, что в отношении развития коллективного сочетательного рефлекса мы имеем постоянную аналогию с развитием индивидуального сочетательного рефлекса, ибо ясно, что и там, и здесь сочетательный рефлекс, будет ли он индивидуальный или коллективный развивается на почве обыкновенного рефлекса, являясь его воспроизведением при действии раздражителя, бывшего совместным с рефлексогенным основным раздражением.

Нужно впрочем заметить, что самое раздражение, приводящее к обыкновенному рефлексу, может быть заменено его символом, т. е. словом или другим знаком, и в результате получится сочетательный рефлекс такого же рода. Человек, напр., никогда не испытавший на себе действия огнестрельного оружия и даже не видевший никогда его применения на деле, тем не менее отворачивается от него в испуге исключительно под влиянием рассказов о его смертоносном действии. В этом случае уже одного вида огнестрельного оружия и даже одного названия оказывается достаточно для возбуждения оборонительного сочетательного рефлекса. Дело в том, что с символом неизбежно связывается его значение, как оружия, спасение от которого заключается только в возможном отстранении от его действия.

То же самое мы имеем и в коллективе. Не нужно непременно даже и самого факта избивания толпы в предшествующем примере усмирения. Всякое лицо, если не по собственному опыту, то по опыту близких ему лиц, переданному на словах, знает про смертоносное действие огнестрельного или холодного оружия. Следовательно, у каждого уже имеется воспитанный в течение жизни рефлекс обороны при виде оружия и при угрозе им, и этого достаточно, чтобы толпа, угрожаемая оружием, начала разбегаться.

Если этого не происходит, достаточно бывает одного залпа даже холостыми зарядами, чтобы привести толпу в бегство.

Опять таки и в этом случае дело идет о сочетательном коллективном рефлексе, который развивается под влиянием символического раздражителя в виде простой угрозы, воспроизводя рефлекс, вызываемый в других случаях действительным раздражением. Из вышеизложенного очевидно, что для образования коллективного сочетательного рефлекса ничуть не требуется, чтобы сам коллектив в его целом был непременно подвергнут предварительно такому внешнему воздействию, которое приводит к развитию обыкновенного рефлекса. Дело в том, что сочетательный рефлекс может проявиться и без такого коллективного опыта исключительно под влиянием заявления других о последствиях вышеупомянутого воздействия, а равно и предшествовавшего опыта отдельных индивидов, входящих в данный коллектив. В последнем случае опыт отдельных индивидов при посредстве такого орудия, как речь, распространяется на весь коллектив, становясь его общим достоянием. Это является для нас понятным из того соображения, что качество коллектива и его отношения к окружающему миру зависят от состава входящих в него индивидов, которые могут подвергаться соответственному обучению. Поэтому естественно, что опыт отдельных индивидов не остается без влияния на деятельность всего коллектива.

В каждом общественном движении имеется повод в качестве раздражителя. Швейцарское восстание развилось на подготовленной уже почве после известного издевательства с требованием стрелять по яблоку на голове сына. Русская революция 1905 года началась с расстрела народных толп 9 января. Революция 1917 года началась с роспуска Государственной Думы на место требуемого общественным мнением установления ответственного министерства. Берлинское восстание „спартаковцев“ 5 янв. 1919 года началось с увольнения избранного рабочими берлинского префекта Эйхгорна, который решил не покидать своего поста, как предоставленного ему рабочими.

Ясно, что всякое общественное движение, как массовый сочетательный рефлекс, возникает под влиянием того или иного раздражения, играющего роль чаще всего последнего толчка на подготовленной ранее почве.

Чтобы установить в дальнейшем аналогию между проявлениями общественной или коллективной деятельности и сочетательными рефлексами отдельной личности, необходимо обратиться к анализу того или иного общественного движения.

В этом отношении нет лучше примера, как войсковые движения, где путем обучения и дисциплины на подобие дрессировки воспитываются настоящие коллективные сочетательные рефлексы. При одном слове: „стройся“ масса лиц выстраивается в ряды. При слове: „вольно“ войско освобождается от требований команды. При команде: „равнение на право“ все, как одно целое, поворачиваются вправо; при команде: „равнение на лево“, все поворачиваются влево При команде: „готовься“, ружья всех поднимаются на прицел; при слове: „пли!“ все одновременно дают залп из ружей. Здесь слова команды являются сочетательным раздражителем в то время, как основным раздражителем является обязательность строевого обучения.

Если мы возьмем массовые гимнастические упражнения, мы встретимся с тем же заученным сочетательным коллективным движением, когда по приказу руководителя целая масса лиц проделывает зараз, как одно целое, одни и те же движения. Команда в этом, как и в других случаях, может быть заменена при соответственной дрессировке любым знаком: мановением руки, взмахом платка, флажком, выстрелом, звуком рожка или барабана и т. п., и в результате происходят те же движения. Наконец после соответствующего упражнения сложные гимнастические движения, состоящие в смене одних движений другими в последовательном порядке, могут выполняться под музыку.

Кто бывал на так называемых сокольских слётах, тот мог убедиться, как огромная масса лиц, состоящая из десятков тысяч человек, производит сложные гимнастические упражнения под звуки музыки. Все, как один человек, с определенным звуком музыки поднимают руки, с другим звуком их опускают, с третьим звуком все опускаются на колени, затем точно также под темп музыки поднимаются, поворачиваются в сторону и т. п.

То же мы имеем и в танцах. Здесь опять таки музыка является сочетательным раздражителем, а потребность движения, как и в предыдущем случае, основным раздражителем. И здесь масса лиц движется под такт музыки, являющейся привычным сочетательным раздражителем, а слова руководителя танцев определенным сигналом.

Другой пример представляет большой оркестр. Каждый участник оркестра имеет перед собой тетрадь нот, по которой он выучил заблаговременно разыгрываемую пьесу. Теперь сигнал капельмейстера заставляет всех обратить взор на него и затем под его дирижерскую палочку начинается уже заученная, ранее согласованная игра на целом ряде инструментов, из которых одни должны выступать в определенный момент, другие в другой и т. д. Наконец последний взмах дирижерской палочки, и вся игра останавливается в один момент. Разве это не воспитанный сочетательный коллективный рефлекс?

То же самое мы имеем и в хоровом пении, а равно и в театральном представлении, где роль дирижерской палочки отчасти играет суфлер.

Далее действия пожарных по определенному заданию и согласованные действия в коллективном труде рабочих—разве это не примеры искусственно воспитанных коллективных сочетательных рефлексов, совершенно уподобляющихся сочетательным рефлексам отдельной личности?

Само собою разумеется, что и в жизни вполне естественным путем воспитываются такого-же рода коллективные сочетательные рефлексы.

Так толпа при крике: „пожар“, или „спасайся, кто может“, стремглав устремляется в бегство, чтобы избегнуть несчастья; при крике: „бей вора“ она его избивает. При первых звуках выстрела толпа обращается в беспорядочное бегство и т. п.

Всё это примеры естественных сочетательных коллективных рефлексов, которые вырабатывает или воспитывает сама жизнь.

Каждое вообще сопутствующее обстоятельство при известном раздражении коллектива теми или другими воздействиями, приводящими к определенной реакции, приводит к тому, что это сопутствующее обстоятельство само по себе становится способным вызывать ту же самую реакцию.

Допустим, что один народ находится в войне с другим. Всем известно, что оборонительные и наступательные действия войск определяются действиями противника. Эти действия противник старается скрывать. Но вот неоднократно его наступление сопровождается тем или другим сигнальным знаком и вполне естественно, что в обороняющихся этот же сигнальный знак, хотя бы он в данном случае и не обозначал собою наступления неприятеля вызовет тревогу. Если толпа неоднократно подвергалась расстрелу со стороны конных патрулей, то достаточно появления в том или другом числе конных всадников, хотя бы и невооруженных, а в известных случаях даже одного звука лошадиного топота, чтобы толпа тотчас же разбежалась.

Даже искусственно воспитанные коллективные сочетательные рефлексы прививаются к различным жизненным условиям. Так толпа при звуках марша начинает идти в такт музыки, при звуках песни во время общей работы движения рабочих соразмеряются с песней.

Когда театральная публика рукоплещет артисту и выражает другие знаки одобрения, она воспроизводит обычные жестикуляторные рефлексы и мимику, выполняя это целым коллективом сообща. Когда толпа смеется вместе с тем как смеется артист на сцене, она заражается его смехом, воспроизводя тот же самый мимический рефлекс. Когда она слушает оркестр, она проявляет коллективное сосредоточение, как и всякий человек в отдельности взятый.

Когда толпа бежит под угрозами расстрела или нападает на кого либо, учиняя расправу, она производит коллективный оборонительный или наступательный сочетательный рефлекс.

Когда она неистовствует, разбивая хлебные или мясные лавки во время голода, она подчиняется инстинкту самосохранения. Когда хор поет или толпа кричит, мы имеем дело с коллективным символическим или речевым рефлексом и т. п.

Ясно, что во всех вышеприведенных случаях мы имеем полное основание сравнивать деятельность коллектива с деятельностью отдельной личности.

Дело однако представляется много сложнее, когда мы встречаемся не с толпой, выполняющей то или другое движение или действие, а с массой лиц в собраниях, когда эти лица приходят после долгих обсуждений к опреде-

ленному решению. Здесь, как будто мало аналогии с индивидуальной деятельностью человека. Но возьмем случай, когда человеку дана определенная задача, которую он должен так или иначе разрешить. В этом случае основным раздражителем является цель под влиянием необходимости или потребности дать определенное решение; выполнение же задачи происходит при посредстве сложных установленных ранее путем воспитания форм суждения, доводов за и против, оценки всех, имевшихся в запасе сведений и различных, встречавшихся в жизни событий.

Нетрудно видеть в выполнении этой задачи известную аналогию и с коллективной работой в собраниях.

В собраниях дело идет в сущности о такой же деятельности, какую мы имеем и в деятельности отдельной личности, но работа здесь проявляется сообща целым коллективом, вследствие чего запас опыта одного лица заменяется опытом целого коллектива. При этом искусственно привитая потребность в разрешении задачи, исполнение долга или ответственность, являющиеся в подобных случаях руководителями действий коллектива, как и отдельной личности, могут и должны быть рассматриваемы, как основные раздражители, с которыми сочетается вся коллективная умственная работа, выполняемая в собрании и приводящая к определенным решениям.

Итак во всех различных формах проявления деятельности коллектива, мы имеем полную аналогию с соотносительной деятельностью отдельной личности и, как последнюю мы признаем состоящею из отдельных сочетательных рефлексов, так и в коллективе мы встречаемся с сочетательными же рефлексами коллективного характера, т. е. выполняемыми сообща целым коллективом.

Всякое общественное движение всегда идет по пути, образующему линию поведения всего коллектива, как целого.

Но всякий большой коллектив состоит из целого ряда малых коллективов, которые, в свою очередь, делятся на коллективы меньших размеров и т. д., и каждый коллектив, какого бы размера он не был, имеет свою линию поведения, представляющую равнодействующую всех устремлений отдельных индивидов, входящих в данный коллектив. Таким образом линия поведения всякого большого коллектива является равнодействующей из равнодействующих целого ряда входящих в состав его меньших коллективов.

Так как самый меньший коллектив состоит из двух отдельных индивидов различного характера и содержания соотносительной деятельности, а все вообще коллективы опять таки представляют собою неодинаковый состав и следовательно, обнаруживают различное направление своей линии поведения, то очевидно, что каждый коллектив либо поддерживается другими при согласованности их интересов, либо противодействуется ими или тормозится в своих действиях при разноречии и несогласии. Полного же согласования всех коллективов, как и полного согласования отдельных индивидов в каждом коллективе, быть не может.

Необходимо вообще иметь в виду, что всякий коллектив подобно организму живет, т. е. движется, развиваясь и эволюционируя, причем его движение обусловливается либо потребностями, либо внешними раздражениями. Первые составляют неотъемлемую часть всякого вообще живого коллектива, ибо только умирающий и распадающийся коллектив лишается своих потребностей. Но потребность возникает либо в результате биологических условий, как наследственно-органические рефлексы, либо на почве сложившейся привычки, вызванной многократными повторениями определенных сочетательных рефлексов.

В первом случае потребности коллектива рождаются в связи с основанным на опыте удовлетворением нужд, вытекающих из существа самой организации, подобно тому, как в индивидуальном организме часть потребностей, в виде так наз. инстинктов, определяется природой организации. Так сюда в коллективах должны быть отнесены брачные потребности, экономические потребности, потребности передвижения и т. п. Во втором случае потребности возникают в результате жизненного опыта, напр. потребность в образовании, потребность в играх, развлечениях и т. п. Эти последние потребности являются результатом жизненного опыта при условиях, приводящих к потреблению или использованию коллективом того или другого материала и вызываемой в связи с этим стенической реакцией, характеризующейся соответствующими мимико-соматическими рефлексами и рефлексами наступательного характера, направленными к возможному продлению стенической реакции [1]). Последняя при повторном воспроизведении становится привычной в такой мере, что недостаточное ее воспроизведение само становится раздражителем, вызывая вновь необходимость использования того же материала. Наоборот, пресыщение известной потребности вызывает астеническую реакцию, сопровождающуюся защитными или оборонительными рефлексами, устраняющими дальнейшее удовлетворение потребности.

В коллективах мы имеем разнообразные, сложившиеся благодаря жизненному опыту, потребности, которые влекут к тем же последствиям и которые удовлетворяются соответственным образом.

Так потребность сбыта изготовляемых продуктов в стране вызывает поощрительные меры к вывозу, а избыток иностранного товара, выбрасываемого на рынок, вызывает заграждение собственного рынка защитительными пошлинами, усиленная иммиграция иностранцами вызывает против себя защитительные мероприятия и т. п.

Потребности, как побуждающие к активности и наступательным рефлексам, являются важнейшими стимулами прогресса, ибо благодаря им выдвигается на сцену изобретательность, в области которой всякий успех сопровождается положительной стенической реакцией, побуждающей к дальнейшим завоеваниям в области открытий и изобретений, при чем потребность в изобретениях именно и приводит в движение человеческий гений. Последний осу-

---

[1]) О стенической реакции—см. В. Бехтерев. Об'ективная психология, вып. II.

ществляет эту потребность при наступлении подходящих условий и соответствующих предпосылок. Вот почему можно утверждать с полным основанием, что гений проявляется в жизни народов лишь в то время, когда настает его день.

Даже то, что мы относим к вопросам экономического характера, как например: обмен в виде купли и продажи, сервитуты, пользование, имущественная собственность, залоги, передача по наследству, аренда, права давности и. т. п. в конце концов являются ничем иным, как результатом упрочившихся общественных потребностей, закрепленных законодательством следовательно первично они также являются сочетательными рефлексами в экономической области, как области, удовлетворяющей сложившиеся потребности коллектива. Самый рынок с его обменом и денежными знаками является с одной стороны в результате потребности или нуждаемости, с другой стороны предложения, как потребности сбыта продуктов своего труда при их избытке в целях замены другими, в которых испытывается недостаток; потребность же, как мы видили, есть ничто иное, как сочетательный рефлекс. Ясно таким образом, что вся экономическая сторона общественной жизни развивается по типу сочетательных рефлексов, имея в виду, что общество, как живой организм, находится в постоянном движении, вследствие чего соотношение общественных групп в нем находится непрерывно в состоянии подвижного равновесия.

Раздражителем для той или другой потребности коллектива является внешнее воздействие того или другого рода, благодаря чему, при условии соревнования один коллектив входит в столкновение с другим, осуществляя право сильного. Так бесправное некогда еврейство, освободившись от бывшего социального рабства во время февральской русской революции, оказалось на верху революционной волны в лице многих из видных деятелей революции; но, несмотря на об'явленные свободы и равенство национальностей, после первых же месяцев революции начались снова местами еврейские погромы, хотя в это время страна переживала самый разгар разных свобод и готовилась впервые к выборам на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Другой пример: ужасающий деспотизм царского режима привел к самой бурной из всех революций мира, имевших место в истории вслед за великой французской революцией, и выдвинул на первое место пролетариат, ранее безуспешно боровшийся с капитализмом.

Третий пример: возвышение пролетариата в период переворота 25 октября привело к корниловщине и вызывало в разных слоях общества, особенно в его буржуазных элементах, стремление к монархизму, что заставляло прибегать правящие классы к тяжким репрессивным мерам. То же столкновение общественных стремлений выступает в реакции так называемых демократических элементов страны на большевизм, стремящийся к углублению революции. Вот что мы читаем по этому поводу в одной из газет от 19 окт. 1917 года.

„Чем яростней и размашистей становится большевизм, тем плотнее сжимаются ряды государственно мыслящих элементов страны. Медленно, но упорно

совершается эволюция настроения в широких массах населения: левеют демократические сегеты р. и с. д. и правеет страна.

Этот процесс начался давно, чуть-ли не с первых дней упоения демократическим творчеством революции. Резко обнаружилось начало расслоения государственной и классовой мысли в апрельские дни, на первом опыте свержения „буржуазного“ правительства лево-фланговой демократией. То было началом общественного правения“.

Этот процесс реакции, как результат столкновения интересов, идет более или менее равномерно лишь в том случае, если не встречает на своем пути каких либо новых привходящих обстоятельств. Напр. в том же поправении демократических элементов страны в связи с ростом большевизма таким новым обстоятельством, задержавшим ход этого поправения, явилась корниловская история. В той же газете мы читаем по этому поводу следующее в связи с вышеуказанной эволюцией общественного движения.

„Корниловские дни разорвали нить этой эволюции. Демократия снова отшатнулась от „буржуазии“, слишком поспешно квалифицировав самую корниловскую историю и роль цензовых элементов в ней. „Контр-революционность“ буржуазии снова стала пугалом даже для ответственной и государственномыслящей демократии, которая накануне только шла на уступки ради сплочения национальных сил в обороне страны и свободы. Пропасть между классами снова углубилась и расширилась, стороны вновь оказались дальше друг от друга, чем были до августовских дней, и обе дальше от общей цели. Пожали всходы этой ложной бури большевики.

Большевики стали захватывать власть в стране демократии, и государственно-мыслящая демократия стала терять влияние в массах, развращенных и обманутых демагогией“.

Когда два исключающих друг друга процесса общественной эволюции достигают своего наивысшего развития, происходит общественный кризис, сводящийся к взаимному торможению, за которым следует поворот общественного движения в том или другом направлении.

В русской революции таким кризисом можно считать момент Демократического Совещания, закончившегося совершенно противоречивым и бесплодным голосованием.

Как всякий кризис, так и общественный кризис, должен конечно подлежать разрешению, и это разрешение может происходить быстро путем открытого столкновения, в котором более мощное общественное течение подавляет силой более слабое течение. В других случаях кризис разрешается медленно, причем мало по малу слабеющая волна общественного движения постепенно изживает самое себя.

Условия, при которых разрешение кризиса происходит более бурно, „критически“ или более медленно и мягко, „литически“, заключаются в более активном или менее активном характере общественного движения и от некоторых других условий (напр. быстроты нарастания того или другого движения и т. п.).

В каждом отдельном социальном коллективе в известное время может наступить свой кризис.

Так в каждой партии разноречие двух лагерей и двух течений может приводить к таким кризисам, за которыми следует победа одного или другого направления.

Кризисом завершались между прочим и прения по обороне в Совете республики, которые закончились непринятием ни одной из предложенных формул резолюции.

Что касается формы коллективного рефлекса, то соответственно характеру собрания или коллектива рефлекс может представляться неодинаковым. Так в парламентских собраниях протесты чаще всего ограничиваются горячей отповедью и самое большее какой либо выходкой, бранью, выходом из собрания во время речи оратора и т. п., редко вообще бо́льшими эксцессами; тогда как в толпе дело идет обыкновенно о более резких проявлениях, напр. о расправе самосудом, нередко приводящим к роковым последствиям.

С точки зрения сочетательных рефлексов [1]) об'ясняется между прочим и то поразительное явление, когда средство становится самоцелью, как бы замещая ее. Средство, как известно, предшествует и даже сопутствует цели и, хотя первоначально цель, как раздражитель, служит возбудителем рефлекса, но со временем средство, как явление предшествующее и сопутствующее цели, является раздражителем, возбуждающим сочетательный рефлекс. Так во время великих революций проповедь свободы и равенства, как средства к общественному благополучию, в конце концов, становится самоцелью, приводя на первых порах к разрушению социального благополучия.

Выше была речь о том, что инстинкт самосохранения приводит к стремлению достичь возможного благополучия при всевозможных условиях жизни. Следовательно, всё, что связано с добычей соответствующего пропитания и лучшей обстановкой в жизни, является раздражением особой потребности, связанной с этим инстинктом. Так как денежные знаки и вообще нажива являются средством удовлетворения этих потребностей, то приобретение денег связывается с последним, как неизбежно ему предшествующее раздражение, а это приводит к тому, что сами деньги, как средство удовлетворения потребностей, способны возбуждать те же реакции, которые вызывают и удовлетворение соответственных потребностей. Таким образом и здесь средство само по себе становится целью.

У людей, у которых потребности, вытекающие из инстинкта самосохранения, не затормаживаются другими условиями, они естественно поддерживаются и развиваются разнообразными жизненными условиями, приводя к развитию стремления к наживе и стяжанию, которые и выражаются соответствующими рефлексами.

Но страсть к стяжанию в известных случаях удовлетворяется лучше всего совместными усилиями, откуда естественно возникновение всякого рода экономи-

ческих организаций в человеческом обществе, которые отвечают инстинкту самосохранения в коллективной жизни.

Можно установить, что наиболее старые жизненные привычки в коллективах держатся прочнее позднее приобретаемых, в чем опять таки нельзя не видеть аналогии с индивидуальными рефлексами. Установившийся обряд, этикет, обычай, вот примеры старых социальных привычек, которые переживают века без малейших изменений, тогда как мода, не перехода в привычку, сменяется по времени новой модой, имеющей также недолговременное существование.

Заметим еще, что в период развития отношения индивида к коллективу происходит процесс социального обобщения в такой мере, что не только индивидуальные стремления подчиняются общественным интересам, но и интересы коллектива становятся для индивида как бы своими, иначе говоря, отождествляются с личными или индивидуальными. Отсюда происходит то направление стремлений отдельных индивидов, которое именуется патриотизмом. Даже интересы коллектива, как напр. благосостояние государства, составляет предмет отождествления с собственными интересами в такой мере, что все, что благоприятствует этому благосостоянию, возбуждает в каждом из индивидов положительную стеническую реакцию и наоборот.

В индивидуальной жизни, как мы знаем, не только удовлетворение физической потребности сопутствуется стенической реакцией, но и деятельность аппарата отношения или т. наз. мозговая работа, если она не приводит к утомлению. И здесь то, что называется творческой умственной деятельностью и даже самое приобретение знаний обычно сопутствуется стенической реакцией, что вошло и в самый язык в виде обозначения стремления к знанию „любознательностью“ и „любопытством“. Таким образом стеническая реакция, сопровождающая умственную деятельность до тех пор, пока она не является утомительной, представляется верным побудительным условием, приводящим человека к умственному развитию и совершенствованию, которое происходит по законам эволюции. На этом основана и роль почина или инициативы в соотносительной деятельности человека.

То же мы имеем и в коллективе, где любопытство и любознательность еще усиливаются путем примера и подражания. Толпа любопытных на улице, собирающаяся около какого либо зеваки, может служить тому примером. Достаточно, чтобы кто нибудь на улице стал присматриваться в небо, чтобы многие из проходящих людей занялись тем же самым. Пусть кто нибудь в большом городе остановится на мосту и станет пристально смотреть на воду протекающей под мостом реки, и можно быть уверенным, что около него соберется в короткое время толпа любопытных.

Коллективная любознательность лежит в основе всех вообще новых общественных движений, ибо как бы ни была велика слепая вера в авторитеты, каково бы ни было обояние славного прошлого и подчинение заветам предков, благодаря любознательности в коллектив постепенно проникает новая струя, то или иное нововведение, которое постепенно распространяется путем подражания

на значительную часть лиц, а затем и на весь коллектив. Таким образом происходит то, что может быть названо общественным сдвигом, то более быстрым, то более медленным, смотря по обстоятельствам.

Но тут необходимо отметить, что, чем дольше длился общественный застой, основанный также на подражании старине, тем больше развивается стремление к новизне, к нововведениям, и потому вслед за эпохами застоя в обществах обычно следуют эпохи возрождения и переворотов и при этом последние протекают тем бурнее, чем дольше держался застой и чем более прежний порядок являлся пережитком старины.

Во всяком общественном явлении действует привычка и механизация явлений, связанная с ускорением их продолжительности так же, как и во всяком индивидуальном действии. Так многие производства, напр. выделка тканей, часов, всякого рода предметов обихода, сельско-хозяйственных машин и т. п. осуществляется ныне во много раз скорее, нежели в прежнее время. Но помимо того всякое повторно происходящее общественное явление упрочивается, становясь как бы привычным сочетательным рефлексом.

Таким образом напр. чуждый язык, занявший место родного языка, становится со временем привычным языком, замещающим собою родной язык, и даже чуждая структура такого языка становится, благодаря привычке, как бы национальной. Известно напр. с какой быстротой особенности греческого языка с его периодами, метрами и другими оборотами вошли в плоть и кровь латинского языка, сделавшись прочным достоянием римской культуры. То же самое мы имеем и в отношении других общественных явлений. Так введение всякой новой общественной реформы, будет ли то школьная, судебная или административная реформа, первоначально прививается с трудом, преодолевая разные трения и препятствия, со временем же эти реформы входят в обычай и становятся прочным достоянием культуры, как бы механизируясь благодаря привычке.

Таким же точно образом общепринятые подарки на Востоке, будучи первоначально добровольными, сделались современем обычаем и затем, приобрев форму обязательной любезности, явились своего рода повинностью. Далее на место подаяний, собиравшихся в пользу погорельцев, современем возникли страховые общества. Исполнение священниками треб производилось первоначально бесплатно, причем население вознаграждало их добровольными приношениями, со временем же эти добровольные приношения превратились в своего рода повинность, сделавшись обязательными. Из почестей для сильных мира сего возникла лесть и вежливость, причем первая сделалась как бы обязательной всюду на Востоке, а последняя сделалась обязательной в светских кругах Европы. Прежде практиковавшееся падение ниц перед повелителем сделалось современем обязательным в форме поклона и снимания шляпы при встрече со всеми вообще лицами, которым хотят оказать знак внимания, и прежде всего сюда принадлежат все знакомые. По словам Тарда (Законы подражания, стр. 359) «распространенная потребность слышать лесть, получать визиты и принимать поклоны по примеру сановников и вельмож послужило во Франции

и в других странах скрытою причиною постепенного общего распространения вежливости».

Благодаря тем же условиям долговременное предоставление зрелищ в древнем Риме народным массам, создало своего рода потребность в этом отношении, наряду с хлебом. Отсюда понятно, что народные толпы в Риме стали требовать того и другого, оглашая воздух криками: «panem et circenses».

Всякое изобретение или открытие порождается общественною потребностью, т. е. сочетательным коллективным раздражителем, который в свою очередь возник из повторно действующих соответствующих условий. Возьмем пример: потребность в общении людей основана на развитии культуры, а эта потребность приводит к изобретениям усовершенствованных путей сообщения. Создание же этих путей приводит к усилению обмена, который со временем становится новою общественною потребностью и т. д. Ретроспективно оглядывая весь процесс культурного развития человечества с его изобретениями и потребностями, мы дойдем до первоначальных основ общественности, где потребностью отдельных лиц является образование коллектива, благодаря подражанию, которое в свою очередь само является потребностью, вследствие его неизбежной повторности в условиях сожительства отдельных индивидов.

Но подражание, столь неизбежное в общественной жизни, связано с утратой новизны. В то же время оно связано с сокращением самого процесса, которому подражают. Отсюда необходимость «новых изобретений, свежих источников подражания, которые могли бы оживить исслякающую социальную энергию» (Тард, Законы подражания, стр. 216). Таким образом напр. искусство постепенно вырождается, религиозные верования утрачивают свою силу и яркость, слова сокращаются, выражения обесцвечиваются. «Почетные титулы (seigneur, превратившееся в seur), приветствия (феодальное коленопреклонение, заменившееся легким наклонением головы), комплименты, манеры все более и более сокращаются, ослабляются, упрощаются по мере распространения». Еще ранее то же самое было доказываемо Спенсером.

С другой стороны, ни одно общественное движение не начинается сразу: оно зарождается постепенно, причем в начале проходит стадию скрытого состояния, когда в силу общественной косности или инерции оно лишь мало по малу, иногда, в течение большого числа лет, пробивает себе дорогу, выявляясь на общественную арену. Прежде, чем стало вырождаться искусство, оно должно было расцвесть. Всякое религиозное учение проходит первоначальную стадию своего развития, лишь постепенно получая широкое распространение. Всякий титул прежде, чем потерять свое значение, должен был вылиться в определенную форму в силу общественной потребности. Всякий термин и всякое выражение раньше, чем обесцветиться, должны были появиться и занять свое положение в общественном словаре, действуя на умы своей новизной и характерностью; всякая манера приветствий и прощаний является пережитком общественных отношений, имевших ранее гораздо более значительный и реальный смысл.

Словом коллективный рефлекс и в этом отношении развивается по типу индивидуальных сочетательных рефлексов. Сначала он после скрытого периода нарастает более или менее быстро; нарастая, он упрочивается, дифференцируясь при своем распространении путем подражания, а затем, становясь привычным, утрачивает свою новизну, ослабляется и обесцвечивается, т. е. утрачивает свою роль, как общественный процесс; но он оживляется вновь при каждом новом толчке. Таким образом и здесь, в коллективном рефлексе, мы можем различать свои стадии развития, совершенно аналогичные тем, которые мы встречаем в индивидуальном сочетательном рефлексе. Скрытый период, более или менее быстрое нарастание в начале и затем достижение наибольшей высоты, после чего постепенное ослабление и окончательное падение при сохранении, однако, способности к проявлению при всех условиях, его оживляющих и поддерживающих — вот стадии, через которые проходит общественное движение, как коллективный рефлекс.

Мы знаем далее, что стеническая реакция, сопутствующая тому или иному раздражению, подчиняется общему закону сочетательных рефлексов. Поэтому, если первично эта реакция сопутствует удовлетворению непосредственных потребностей организма, то с течением жизненного опыта она начинает сопутствовать и тем средствам, которые стоят в менее непосредственной связи с удовлетворением жизненных потребностей. Так мы уже упоминали, что напр. деньги сами по себе, как бумажки, не могли бы возбуждать стенической реакции, но, как средство возможного приобретения жизненно необходимых предметов, они вызывают стеническую реакцию у всякого, нуждающегося в этих последних. С другой стороны достижение цели, при добывании напр. пищевых продуктов в собственном опыте или в опыте других, возбуждает стеническую реакцию под влиянием удовлетворения жизненных потребностей, со временем же достижение какой бы то ни было цели становится вообще средством возбуждения стенической реакции, хотя бы сама цель при других условиях и не вела непосредственно к удовлетворению жизненных потребностей.

То же самое, что мы имеем в этом отношении для отдельных индивидов, имеет значение и для коллектива. Таково напр. развитие коллективной стенической реакции при удовлетворении патриотических целей государственным коллективом, а также и при достижении средств, которые создают возможность в будущем удовлетворения патриотических целей. Победа, обеспечивающая благоприятное для одной страны завершение военных действий, или союз, который дает возможность расчитывать в более или менее отдаленном будущем на удовлетворение жизненных потребностей страны, уже возбуждают стеническую реакцию коллектива.

В числе коллективных сочетательных рефлексов следует, как мы видели, иметь в виду и подражание. Последнее является рефлексом, который обеспечивает приобретение коллективом успехов, достигаемых отдельными индивидами. Если на низших ступенях животного царства подражание в форме мимекрии служит главным образом целям сохранения вида, то на высших

ступенях развития животного царства подражание служит одновременно социальным целям и лежит в основе общественности. В конце концов вся культура, как мы знаем, основывается на подражании, которое проникает как жизнь всякого вообще существа с первых его ступеней до той или иной степени развития организма, так и социальную жизнь, начиная от примитивных народов, народов-детей, до народов с высшей культурой.

Подражание не только способствует приобретению рефлексов, но оно же облегчает и выполнение рефлексов, что вытекает из опытов Féré и других данных. В коллективном труде, как известно, подражание, имея стимулирующее значение, содействует облегчению работы.

Мы уже говорили в другом месте, что человек при виде пляски другого человека и сам начинает плясать, человек смеющийся вызывает смех в другом, человек зевающий вызывает зевок у своего соседа и т. п. Отсюда очевидно, что подражание уже по самой своей природе, будучи облегченной реакцией, легко при повторении становится потребностью организма, побуждающей к общению его с другими индивидами.

Вот почему подражание является с одной стороны стимулом к социальной жизни, с другой является неизбежным следствием общения двух и более социально живущих индивидов.

Можно определенно сказать, что общественность возникает не из одного только принципа полезности ее для вида, но и из непосредственной, т. е. биологической полезности для индивидов самого подражания, которое приобретает особое значение тем, что при его посредстве достигается заимствование одним индивидом от другого всякого нового успеха и изобретения.

Если, как мы убеждаемся, подражание при повторении легко становится потребностью, то и общение с себе подобными, как условие, вызывающее подражание, становится потребностью, а это разрешает нам вопрос всей вообще социальной проблемы. Мы понимаем, почему возникает в органическом мире общение с себе подобными. Оно вызывается стремлением к подражанию, которое, становясь потребностью, при удовлетворении неизбежно сопровождается стенической реакцией. В этом и заключается коренное условие социального инстинкта.

На подражании и связанной с ним стенической реакции основана и всякая вообще игра.

Посмотрите, как встреча друг с другом двух щенков их возбуждает, вследствие чего они тотчас же начинают игру между собою, взаимно подражая один другому. Что послужило причиной для возбуждения в каждом из них до сего времени дремавшей энергии? Возможность общения и осуществимость подражания, как стимулирующего начала, сопровождаемого стенической реакцией, вследствие и возникает между ними игра, которая сама по себе неизбежно связана с подражанием. В самом деле, если мы присмотримся к любой игре, то мы убедимся, что она состоит из взаимного подражания и в особенности подражания менее опытных более опытным, и в этом заключается социальное значение игры, как метода естественного обучения в период развития организма.

Из сказанного становится понятным, что в числе жизненно полезных для организма условий является и общение, как неизбежный результат подражания, являющегося естественным стимулирующим средством, необходимым организму во всех случаях, когда он находится в полноте своих сил и не испытывает утомления. Эта потребность представляется столь же органической, как потребность в свете, в тепле, в питании и т. п.

Заслуживает внимания, что повторность коллективного действия приводит массы к определенной установке в смысле согласованности действий отдельных индивидов, причем в этой установке немаловажную роль играет опять таки подражание. Всем известно, сколько тренировки требуется для осуществления хорошо согласованных действий войсковых частей, в скольких репетициях нуждаются актеры для того, чтобы достичь согласованности в действиях на сцене, или сколько спевок должны провести люди, участвующие в хоре, который намерен выступать пред публикой, или сколько требуется репетиций в оркестре, готовящемся осуществить свою программу на эстраде. Тем не менее эта согласованность всегда достигается в результате упражнения.

Ясно таким образом, что в собирательной личности опыт и подражание имеют огромное значение не только в отношении воспроизведения однажды выполненного действия, но и в отношении коллективной согласованности самих действий, выполняемых массой лиц в определенном порядке и последовательности.

XI. Коллективные наследственно-органические рефлексы.

Как упомянуто выше, все проявления коллективной деятельности мы в праве назвать коллективными рефлексами или реакциями, что всё равно.

Но проявления этих коллективных рефлексов представляются в различных случаях неодинаковыми. С целью ближе познакомиться с различными проявлениями коллективных рефлексов мы рассмотрим в последовательном порядке коллективные наследственно-органические рефлексы (инстинкты), коллективное настроение и коллективные мимико-соматические рефлексы, коллективное сосредоточение, коллективное наблюдение, коллективное суждение и коллективные действия.

Начнем с коллективных наследственно-органических рефлексов.

Как в индивидуальной жизни мы различаем наследственно-органические рефлексы, так и в общественной жизни необходимо иметь в виду проявления такого же рода коллективных рефлексов, имеющих своею прямою целью самосохранение и в частности питание, удовлетворение брачных потребностей, влечение к сообществу и т. п. [1]).

Удовлетворение естественных потребностей в отношении еды, питья, защиты от непогоды и холода обычно сопутствуется соответствующей положительной или стенической мимико-соматической реакцией не только со стороны растительных функций, что выражается между прочим под'емом деятельности сердца и оживлением дыхательных движений, но и движениями и действиями наступательного характера, которые приводят или должны приводить к достижению возможно полного удовлетворения соответствующих потребностей (процесс еды связан с захватыванием пищевых продуктов, соответственной их обработкой и поеданием в целях насыщения и т. п., защита от непогоды связана с пользованием одеждой, с устройством жилища и т. п.).

---

[1]) В литературе мы имеем большие разноречия по вопросу о количестве „инстинктов“ или биологических потребностей у человека. Джемс, напр., как и Эллвуд и Дауггол, различают большое количество инстинктов, тогда как Дарвин признает у человека лишь ограниченное количество инстинктов. По Вагнеру их всего три: питание, размножение, самосохранение. Питание мы признаем частным видом инстинкта самосохранения. Но к категории инстинктов должно быть отнесено и влечение к сообществу.

Допустим, что в стране или в определенной местности существует голод, как это имеет место, напр., во время революции в России и особенно в столицах Москве и Петербурге. И в результате вопросы продовольствия в общественных условиях жизни выдвигаются на первый план. Или пестрят страницы газет и журналов, о хлебе насущном говорят везде и всюду, куда бы вы не пришли. У знакомых, при встречах на улице разговор в конце концов сводится к пайку, к пищевым продуктам, к еде. Нечего говорить, что хвосты при хлебных лавках занимаются не только разговорами о хлебе, но и перебранкой на счет предполагаемых виновников голода. Также и в действиях отдельных лиц или групп дело идет о преобладающем влиянии неудовлетворенной потребности питания, что выражается бесчисленными случаями воровства и грабежей на этой почве. Словом, всё общество, прежде занятое самыми разнообразными интересами, теперь уже преобразилось: нет более важных интересов в нем, как интересы продовольствия и питания. Всё как бы отступает на второй план перед интересами желудка, которые доминируют над всеми.

Собственно возбудителем наступательной реакции во всех случаях является потребность, возникающая с особою силою при неудовлетворении, тогда как полное удовлетворение, особенно же пресыщение сопутствуется оборонительным рефлексом.

Характер самой реакции определяется воздействиями, которые внешние влияния производят на коллектив. Если дело идет о внешних влияниях, благоприятно действующих на коллектив, они, возбуждая стеническую реакцию, приводят к действиям наступательным, направленным к возможному усилению и продлению этих влияний, тогда как неблагоприятно действующие влияния сопровождаются реакцией астенического характера, возбуждающей стремление к освобождению от них, иначе говоря, создающей импульс к движениям и действиям оборонительного же характера.

Так как естественные потребности или влечения лежат в основе самой организации индивидов и вызываются органическими условиями, приобретаемыми по наследству, а не являются приобретенными подобно другим потребностям, то они и подводятся нами под понятие наследственно-органических рефлексов, приводящих к действиям, осуществляющим удовлетворение естественных потребностей.

Благодаря тому, что удовлетворение тех или других наследственно-органических влечений, как напр. защита от неблагоприятных условий, достигается во многих случаях лучше коллективными, а не индивидуальными усилиями, то это обстоятельство нередко служит руководящим импульсом для действия скопом. Каждый социально воспитанный индивид, входящий в сообщество, в сущности тем самым усиливает сообщество, поскольку каждое сообщество является защитой и охраной индивидов, в него входящих. Обобществление этого наследственно-органического рефлекса и привело к развитию норм общежития и установлению власти, как организующего начала, служащего к обеспечению внутренней и внешней охраны самого сообщества.

Наследственно-органические рефлексы подвергаются соответствующему регулированию, благодаря сопутствующей им той же стенической реакции, о которой мы уже говорили выше. Когда наследственно-органические рефлексы, будет ли это у животных или у людей, приводят к результатам, отвечающим нуждам коллектива, в последнем, как мы уже знаем, развивается стеническая реакция, поддерживающая осуществление рефлекса и его дальнейшее развитие до его выполнения, в противном случае, т. е. когда осуществление рефлекса не соответствует в данное время нуждам коллектива, не возбуждается и стенической реакции, и самый рефлекс задерживается. В конце концов цель, достигаемая рефлексом при ее осуществлении, как бывшая уже в прежнем опыте, становится более или менее постоянным раздражителем, а потому возбуждает наряду с наследственно-органическими и личные рефлексы, приходящие в этом случае на помощь наследственно-органическим рефлексам и развивающиеся в том же направлении. Таким путем благодаря опыту приобретается в конце концов навык, содействующий достижению цели даже еще ранее, чем достигнет соответственного напряжения импульс, развивающийся под влиянием органических раздражений. Мало того, для достижения цели в коллективном опыте могут вырабатываться средства, которые, вне зависимости от достижения цели, соответствующей осуществлению рефлекса, для всякого индивида были бы совершенно индифферентными, но с развитием коллективного опыта путем сочетательного рефлекса становятся возбудителями стенической реакции, а следовательно и соответствующих действий. Таковы упоминавшиеся ранее деньги и другие знаки и документы, как договоры и пр., явившиеся в результате коллективного опыта при обмене товаров и приводящие к удовлетворению влечения к пище, к приобретению одежды и других предметов, улучшающих благосостояние.

Надо при этом иметь в виду, что в коллективном организме на помощь приходит нередко и индивидуальный опыт отдельных личностей, который при известных условиях обобществляется путем подражания. Допустим, что в данной местности голод. Он возбуждает население к активным действиям, которые могут вылиться при остроте голода и неудовлетворительном питании масс в форму погромов. При этом осуществление погромных действий, а нередко и инициатива самых действий в погромах, происходит, благодаря инициативе отдельных лиц, входящих в состав толпы. Когда собравшаяся толпа, руководимая недостатком питания, проявляет себя аггрессивно, достаточно кому-нибудь указать на виновника народного бедствия, как толпа, не справляясь, действительно ли дело идет о виновнике, производит над ним свою расправу путем самосуда. При тех же условиях толпа, подошедшая к хлебной лавке, останавливается в своих действиях, встретившись с препятствием, казавшимся неодолимым. Но вот кто-то принес лом или топор и занес первый удар в дверь, и толпа принимает участие в взламывании двери, чтобы проникнуть во внутрь лавки и разгромить ее. В этом случае инициатива и действие одного, встречая коллективную поддержку, приводит к соучастию путем подражания и другие элементы собирательной личности, что и приводит к об-

ществлению. Вот почему в коллективных действиях личный опыт, а за ним, и личный почин того или другого индивида имеет колоссальное значение. Благодаря ему, данная личность обычно становится руководителем толпы, которая за ним следует слепо.

Для всей массы лиц, входящих в толпу, таким образом не требуется предварительного опыта к достижению определенной цели. Достаточно, чтобы этот опыт был хотя бы у одного индивида из всей толпы, и она уже способна осуществить под его руководством коллективное действие, если дело идет, по крайней мере, о способах выполнения, доступных всем и каждому. Это не значит, конечно, что собирательная личность вовсе не нуждается в опыте, или опыт, однажды выполненный, для нее остается бесследным. Напротив того и в массе лиц опыт всегда имеет свое значение, создавая коллективный навык. Удавшийся грабеж поощряет шайку грабителей к осуществлению такого же грабежа и впредь. Удавшийся погром поощряет толпу к осуществлению погромов и на будущее время. Создаются таким образом коллективные навыки, которые содействуют развитию коллективных действий в будущем в виде уже репродуктивных рефлексов коллективного характера.

Коллективное влечение к самосохранению является основой и партийной тактики и государственной политики. Только оно руководит действиями толпы, когда она устремляется в бегство под влиянием угрозы о расстреле. То же влечение руководит и действием организованных масс, напр. войск, когда им угрожает та или иная опасность. Наконец то же влечение руководит и действиями государственной власти в отстаивании своих международных прав, а равно и в отстаивании своего положения в стране. Вот почему всякая власть под влиянием влечения к самосохранению защищает свое собственное существование, хотя бы даже в ущерб интересам народных масс. Лучшим, хотя и несовершенным, средством против этого являются перевыборы власти через определенные сроки, как только выяснится оппозиция большинства выборных представителей в каком-либо важном государственном вопросе. Однако не следует забывать, что частая смена власти не представляет выгоды в других отношениях, а в периоды таких народных кризисов, как напр. война, она вообще признается далеко нежелательной, ибо нелегко наладить механизм власти, обладающей достаточной опытностью и распорядительностью в то время, когда страна в опасности, и дом, что называется, горит.

То же влечение к самосохранению приводит в коллективном организме к подготовительным работам по обороне в виде постройки крепостей, изготовления орудий обороны и нападения и т. п., к эксплоатации богатств природы в виде горючего материала и, наконец, к обмену продуктами и к институту торговли.

Во всех этих случаях сотрудничество облегчает удовлетворение коллективного влечения к самосохранению, вследствие чего вполне естественно, что это влечение, приводя к определенному виду кооперации, поддерживает общественное начало. Но оно же лежит в основе всех вообще войн и хищни-

ческих набегов, раз'единяющих народные коллективы на враждебные лагери, стоящие один против другого. Влечением к самосохранению следует об'яснить и развитие религиозных учений, поскольку они выявляют потребность в защите человека от неизвестных и таинственных сил природы и окружающих врагов.

Надо, впрочем, заметить, что влечение к самосохранению проявляет себя и противообщественным образом во всех тех случаях, когда дело идет о смертельной опасности для всего или бо́льшей части коллектива, о чем речь будет ниже.

Влечение к питанию в общественной жизни лежит в основе охотничьих и рыбацких кооперацій: оно привело к приручению домашнего скота, к птицеводству, к эксплоатации растительных и животных продуктов питания, к развитию земледелия и культивированию злаков и овощей, плодовых деревьев и кормовых трав и к фабричному изготовлению пищевых продуктов. Поскольку добывание питательных продуктов и эксплоатация с этой целью окружающей природы требуют кооперации, постольку это влечение поддерживает и развивает общественность.

В этом отношении не несущественную роль оказывает и кооперативная охрана продуктов труда, связанного с добыванием пищи.

Всем известно, что земледелие стало возможным только с того времени, когда явилась возможность организовать прочную охрану от хищников.

Само собой разумеется, что влечение к питанию при неудовлетворении является нередко причиной общественных движений против хищников или даже против власти, неспособной организовать правильную доставку пищевых продуктов. Поэтому-то недостаток пищевых продуктов является главным организатором т. наз. голодных бунтов.

Коллективное влечение к самосохранению привело, между прочим, и к установлению права собственности на землю в целях обеспечения продуктами питания, к сооружению домов, являющихся защитой от непогоды и т. п. И то, и другое требует обычно коллективного труда, который и осуществляется путем соотношений экономического характера, лежащих в основе жизненных условий коллектива. Эти же соотношения привели к установлению гражданского права.

С течением времени, вследствие преувеличенного использования права собственности отдельными индивидами и обусловленной этим эксплоатации других в свою личную пользу, это право эволюционирует в сторону социалистических тенденций, но и в этом случае существо дела в смысле необходимости обеспечения каждого индивида данного коллектива остается неизменным, а дело идет только о более равномерном распределении имуществ, обеспечивающих жизненные условия населения.

Из наследственно-органических рефлексов, сводящихся к ограждению себя от нападения и врагов, возник в коллективе институт уголовного права, в котором защита жизни отдельного сочлена в обществе вверяется особо избранному органу в форме судебного трибунала и исполнительной власти.

Так как продолжительность существования семейного коллектива не измеряется жизнью отдельных его составляющих лиц, а распространяется и на потомство, переходя от старших поколений к младшим, то отсюда, естественно, в капиталистических странах возникает право наследования имущества потомством.

Это право наследования предполагает продолжение личности, как единицы коллектива, в своем потомстве или в близких родственниках, и потому наследование приняло форму собственности потомства или ближайших родственников. Но это не мешает с изменением взглядов на соотношение отдельных членов коллектива и право передачи по наследству своего имущества изменить в социалистическом направлении, т. е. сделать наследственное имущество общим достоянием коллектива, признав его государственной или общественной собственностью, что в данном случае все равно.

Из проявлений тех же наследственно-органических рефлексов самосохранения вытекают и другие экономические установления в коллективах, как например, процессы обмена и торговых отношений, создание денежных знаков, как товарной компенсации и т. п., а также развитие воровства.

Что касается другого наследственно-органического рефлекса, характеризующегося половым влечением, то в цивилизованных обществах он является основой семьи—этой мелкой ячейки мирного сожития, которая легла в основу семейного уклада, семейных обычаев и семейных установлений, лежащих в основе семейного права. Благодаря семье первоначально стали культивироваться злаки и производиться эксплоатация домашних животных. Семья же привела к развитию родов и племен, откуда возникает развитие и защита национальных начал, приводящих к племенным и национальным распрям и войнам.

Значение полового влечения, обусловливающего размножение, особенно выяснилось со времени труда Мальтуса. Ему мы обязаны указанием на то, что, если это влечение не встречает противодействия к своему развитию в общественной среде, то размножение населения возрастает с особой быстротой; в цивилизованных же странах размножение стоит много ниже максимального его развития, а это предполагает в этих странах особый коррективъ по отношению к данному влечению, что в конце концов сводится к его тормажению, путем ли его естественного ограничения или путем искусственно принимаемых мер против размножения. В указанном отношении особое значение получает сравнительно медленный рост пищевых продуктов. Благодаря этому население большей части европейских стран развивалось в течение многих столетий крайне медленно, исключая однако позднейшего исторического периода, начиная с XIX века, когда необходимые средства к жизни стали возрастать вместе с изобретением машин, столь важных в каждом производстве. На состояние этого инстинкта, между прочими факторами, оказывают, без сомнения, особое влияние экономические причины. Так статистика устанавливает с положительностью, что число браков и рождений в разных странах находится в прямой зависимости от цен на жизненные продукты и от

условий земледелия и торговли. Благодаря этим же условиям, как известно, население современной Франции остановилось в своем росте, если не считать иммиграции.

Ограничение полового влечения у цивилизованных народов выражается установлением «двухдетной системы», осуществляемой при посредстве выкидышей и «неправильных» половых отношений, добровольным самоограничением, детоубийством и т. п., что в конечном итоге сказывается количественным уменьшением прироста населения и падением роли семьи в общественной жизни. У нецивилизованных народов при громадном развитии детоубийства последнее не признается даже преступлением.

Тесно связанный с половым влечением родительский „инстинкт" является другой основой семейного сообщества. Семья встречается у всех высших животных, где самцы и самки заботятся о воспитании потомства на основах кооперации родительского труда.

Обращаясь к современному человечеству, необходимо иметь в виду, что этнография не знает какого либо племени, где бы не существовало семьи в той или иной форме. Только у негритянских племен совместная забота о потомстве ограничивается временем, пока ребенок продолжает сосать грудь и не может ходить. Но и здесь дело идет о семье, хотя бы и в более ограниченном виде.

В цивилизованных же странах европейского и азиатского материка устойчивость семьи признается условием здорового состояния общества и государства.

Семья, являясь следствием полового и родительского «инстинкта», служит родоначальницей материнства, обеспечивающего воспитание малолетних детей, и поскольку и то, и другое является существенным в жизни современного общества, постольку последнее поддерживает и всемерно оберегает семейное начало соответствующими законоположениями.

В виду особой важности семьи в целях обеспечения пополнением населения институт семьи поддерживается всяким государственным коллективом, как и связанный с ним институт семейного права.

Вот почему как институт брака, так и обязанности родителей во всех цивилизованных странах охраняются гражданской и религиозной санкцией путем особого установления, вошедшего в обычаи, в религиозный ритуал и в государственные законы. И эта охрана и поддержка брака тем вообще строже, чем консервативнее государственное устройство и состав общества.

Можно думать, что те общества, которые не поддерживали и не развивали эту охрану в должной мере, осуждены на вырождение и вымирание. Немалую роль ослабление этой социальной охраны в форме родительского «инстинкта» сыграло и в разрушении высоко цивилизованных обществ древней Греции и Рима.

Между прочим огромную поддержку семейному укладу оказывает почитание предков, приводящее к устойчивости нации. Культ предков содействовал много устойчивости древнего Рима, как ныне тот же культ почитания предков содействует устойчивости и силе Японии и Китая.

Нечего говорить, что половое влечение, приводящее к размножению, имеет своим вторичным последствием развитие более тесных социальных связей между членами одного рода и племени с одной стороны и поднятие нравственных начал в социальной среде с другой, ибо материнское воспитание создает нормы общественного уклада, устраняя грубое обращение с подчиненными. Уничтожение рабства и крепостного права, независимо от экономических и политических причин, обязано в значительной мере также и смягчению условий самого воспитания. С другой стороны развитие благотворительности в обществе и вообще гуманитарное регулирование самых жестоких проявлений государственного эгоизма, таких напр. как война, также в значительной мере обязаны родительскому «инстинкту» и связанному с ним смягчению условий воспитания. Даже требование прав со стороны народных масс встречает бо́льшую отзывчивость в правящих классах общества, благодаря тому же родительскому «инстинкту» и более мягкому воспитанию.

Однако не следует забывать, что общество развилось не из семьи, как допускают некоторые, да и общественность в животном царстве возникла гораздо раньше семьи. Общество возникло прежде всего из естественных кооперации, слагавшихся в целях добывания пищи путем охоты, защиты от врагов и преследования хищников. В основе же этих кооперации лежит склонность к подражанию, а вместе с этим и склонность к социальности, что является основой сближения индивидов, имеющих средства к общению и об'единению в соответствующей мимике и звуковом языке. Мало по малу общение друг с другом становится потребностью, благодаря взаимному обмену индивидуальным опытом и благодаря способности подражать, что полезно также и в смысле навыка. Это главным образом и лежит в основе социальной жизни, поддерживаемой естественным и социальным отбором [1]).

Данные биологии не оставляют сомнения в том, что социальные влечения присущи всем животным и даже растениям, живущим сообществами. Но в мире человека сообщества принимают форму политических сообществ.

Правда, не всеми биологами признается «социальный инстинкт», как таковой, однако вопрос не в слове, а в фактах; между тем мы знаем, что напр. цыплята, выведенные искусственно из яиц, следовательно отдельно от своей семьи, уже с самого начала держатся вместе и следуют друг за другом без всякого предварительного обучения.

«Социальный инстинкт» лег в основу и человеческого языка —этого важного орудия общественности, сплачивающего народы в бо́льшей мере, чем даже религиозные или экономические условия.

---

[1]) В. Бехтерев. Социальный отбор и его биологическое значение. „Вестник Знания“ 1912 г.—Индивидуальные и социальные факторы прогресса и социальность, как условие прогресса. „Вестн. Психологии“ 1913 г.—Значение гормонизма и социального отбора в эволюции организмов. „Природа“ 1916.

Если наследственно-органические рефлексы отдельных лиц, проистекая из повелительных внутренних раздражений (голода, половых потребностей и т. п.), подчиняют себе в известных случаях все другие стремления, то до очевидности ясно, что коллективные наследственно-органические рефлексы могут проявляться еще с большею силою благодаря тому, что в толпе ко всем другим условиям присоединяется еще элемент заразы, и в то же время нет достаточно условий для сдерживания стремлений, вследствие чего эти рефлексы, раз проявившись, не находят никакого удержу, никаких тормазов. Примеров этого более, чем достаточно, как из области влечения к самосохранению и, в частности, питанию, так и из области полового влечения.

Особенно резко влечение к самосохранению проявляется в условиях, когда массе лиц приходится считаться с вопросом жизни и смерти, как это случается напр. при бедствиях, которые постигают большие скопления народа.

На ряду с тем, что должно быть отнесено к героизму сравнительно немногих лиц, жертвующих собою ради спасения других, мы видим в этих случаях у большинства проявление влечения к самосохранению во всей его грубости и наготе, когда люди ради собственного спасения губят многих. Так бывает при всех крупных пожарах, когда горят общественные здания, наполненные народом. Так бывает при гибели кораблей. Так бывает и при всех других народных бедствиях. Кто читал, напр. описание пожара, случившагося в одном из летних театров Парижа, кто читал подробности гибели океанского парохода „Титаника", тот легко припомнит, в каких ярких и в то же время отталкивающих проявлениях обнаруживается рефлекс самосохранения в коллективной среде при вышеуказанных условиях.

Проявления другого рода коллективных влечений к самосохранению мы имеем в случаях недостатка питания. Здесь дело идет обыкновенно о голодных бунтах и погромах, сопровождающихся часто невероятными насилиями. Как возникают подобного рода беспорядки на почве недостатка в жизненных продуктах, показывает приводимое ниже описание бунта, происшедшего в Апраксином рынке в Петрограде в период революции.

„В мануфактурный магазин Ягодкина, в Апраксином пер., вносили с ломовика бочонки с товаром, только что полученным и привезенным с железной дороги. Некоторые из прохожих обратили внимание на то, что мануфактурный товар запакован в бочонки, а не в парусиновые мешки, как это делается обыкновенно.

Собралось человек десять любопытных, которые подошли к ломовику и спросили, что лежит в бочонках. Вопрос услышал один из приказчиков, раздраженно крикнувший:

— Какое вам до этого дело. Мануфактурный товар тут—и кончено.

В это время совершенно неожиданно один из бочонков выскользнул из рук ломового извозчика и, упав на землю, разбился. Из бочки посыпалось бисквитное печенье.

Через минуту у магазина выросла толпа простолюдинов, разразившихся бранью и криками:

— Мародеры проклятые! Провизию прячут! Бей их!

Толпа с каждой минутой увеличивалась. Настроение ее было крайне возбужденное.

Несколько человек бросились вскрывать остальные боченки, из которых посыпались конфеты, галеты, а также различные металлические предметы: подковы, скобы, напильники.

Под влиянием возбуждающих призывов отдельных лиц к расправе толпа ворвалась в магазин. Испуганные служащие разбежались. Сам владелец магазина Ягодкин спасся от самосуда толпы тем, что укрылся в комиссариате.

Зато сильно пострадал один ни в чем неповинный еврей, случайно оказавшийся в толпе.

Не зная, что произошло, он обратился к кому-то с вопросом:

— По какому случаю толпа собралась? Вора поймали?

Вместо ответа, какой-то хулиган с криком: „бей жидов", —ударил его по голове, после чего на беднягу посыпались удары градом.

Еле живого его спасли от дальнейшей расправы подоспевшие милиционеры. В виду крайне воинственного настроения толпы, были вызваны в помощь милиции военные силы. Прибыли солдаты Павловского, Семеновского и I-го пулеметного полка, а также военный отряд.

Часть солдат, услышав крики толпы: „Мародеры прячут продовольствие. надо обыскать все склады", присоединилась к этому требованию.

Моментально был оцеплен склад Соколовского и магазин Гинзбурга. Толпа и солдаты произвели обыски и нашли изрядное количество сахара, бисквит, конфект, а также тюки различных материй.

Все обнаруженные товары были взвалены на ломовиков и отправлены в комиссариат.

На другой день беспорядки повторились в еще более широком масштабе.

Владелец мануфактурного магазина Антер должен был вывести несколько тюков товара на станцию для отправки в Псков, Юрьев и Ревель.

В это время к нему подошел какой-то солдат и со словами: „Ага, продовольствие вывозить хочешь?"—ударил его кулаком по лицу. Собравшаяся моментально толпа с угрожающими криками бросилась в целый ряд магазинов производить обыски припрятанной якобы провизии.

Полетели на земь тюки, взламывались ящики, из которых сыпались различные товары: калоши, башмаки и проч. Всего было за день таким образом обыскано 15 складов и магазинов—Иванова, Елисеева, Понизовского, Тюкова и друг. Остальные избегли обыска тем, что поспешили закрыть магазины.

В магазине Тюкова были обнаружены, как передают, такие несовместимые товары, как ботинки и.... миндаль. Из магазина Елисеева, по настоянию толпы, пришлось милиции вывести 5 возов мануфактуры.

Целый день тянулись с Апраксина рынка возы с реквизированным товаром и продуктами.

Толпа бросалась к каждому магазину, из которого владельцы или покупатели выносили товар, требуя, чтобы оптовики продавали только в розницу.

Вывозить товар в Финляндию и другие города толпа и солдаты запретили, угрожая:—кто будет вывозить, тех разгромим».

Многие перепуганные владельцы прибежали в комиссариат, бросили ключи от своих магазинов и заявили.—„Делайте, что хотите, а мы при таких условиях торговать не рискуем".

Другой случай, который мы приведем здесь, представляет собою буйство толпы в мясном хвосте:

„На почве продовольственной разрухи, на углу Дегтярной и Рождественской улиц, у городской мясной лавки произошло столкновение между обывателями, милицией и воинским караулом.

В этот день из городской лавки отпускали обычные пайки мяса.

Через некоторое время продажа мяса была приостановлена и прикащики лавки заявили, что весь товар продан.

Толпа не поверила и стала напирать на лавку. Раздались крики: „Врут... Обманывают... Бей мазуриков".

Милиционер пытался было успокоить публику и объяснил, что мясо действительно продано. Толпа не унималась и приступила к разгрому лавки.

На помощь были вызваны милиционер и воинский патруль Павловского полка. Попытки удержать публику от буйства оказались напрасными.

Рассвирепевшие обыватели схватили одного из милиционеров Гринберга, который пытался прекратить погром лавки, и подвергли жестокому избиению.

Видя бесполезность словесных увещаний, патрульные-павловцы открыли стрельбу в воздух. Ружейные выстрелы до некоторой степени остановили разбушевавшуюся толпу. Явившиеся вскоре воинские наряды рассеяли скопившуюся массу народа.

Избитого и окровавленного милиционера Гринберга пришлось для оказания помощи отправить в больницу".

А вот, хотя и краткие телеграфные сведения из немецкого города Штеттина о голодном бунте, но дающие все же яркую картину тех кровавых последствий, к которым такого рода бунты могут приводить:

„Стокгольм. 13-го (26-го) июня (ПТА). Прибывший из Гетеборга швед, находившийся в Штеттине во время последних беспорядков, сообщил сотрудникам датских газет следующие подробности:

Беспорядки начались в понедельник 5-го июня. Поводом к ним послужил слух, что из города вывозятся съестные припасы, несмотря на то, что в городе ощущается их недостаток. Толпа разгромила и разграбила ряд лавок, выбив стекла. Полиция действовала с чрезвычайной жестокостью. Одна девушка получила сабельные удары. У моста Ганзе было убито 7 человек. В центре города поставлены пулеметы, и солдаты действовали, как на поле битвы. Пулеметный огонь продолжался всю ночь. Кареты скорой помощи непрерывно раз'езжали по городу, подвозили раненых в больницы. На следующий день на многих перекрестках были поставлены солдаты с пулеметами. Город казался вымершим. Только перед лавкой комиссии по снабжению продоволь-

ствием собралась толпа, несмотря на то, что продажа должна была начаться на следующий день. В среду работы на фабриках возобновились".

Можно привести здесь еще для характеристики проявления озлобления толпы под влиянием недостатка жизненных продуктов беспорядки, недавно бывшие на Сенной площади в Петрограде.

„Утром. толпа женщин, стоявших в очереди за хлебом, около городской лавки на Забалканском пр. д. 6, обратила внимание, что из соседней рыбной лавки Г. Е. Долгова выносятся ящики с мылом. Женщины полюбопытствовали у извозчика, куда он должен отвести это мыло. Извозчик заявил, что повезет на Балтийский вокзал.

Женщины подняли шум и пригласили дежурного милиционера. Владелец торговли пред'явил разрешение на право вывоза из Петрограда мыла, но это не убедило женщин и они настояли на том, чтобы подвода с мылом была отправлена в городской лабаз на угол Садовой и Таирова переулка, администрации которого толпа приказала продавать его по 52 коп. за фунт.

В это же самое время к мясной А. П. Знесина, Садовая № 42, под'ехали две подводы и на них стали нагружать кожу для выделки перчаток. Прохожие были крайне удивлены, почему это из мясной лавки выносятся такой товар.'

Было сообщено в милицию, и оттуда прибыл помощник комиссара 3-го Спасского подрайона Шариков и шесть милиционеров. Когда Шариков стал заступаться за владельца мясной и об'яснять толпе, что у Знесина имеются все документы на право вывоза кож в Новгородскую губернию, толпа еще более взволновалась.

— Это кожа самих комиссаров, они ее здесь скрывали, сказал кто-то в толпе, и началось избиение помощника комиссара Шарикова. Он был сбит с ног и его беспощадно стали бить по чему попало. Когда помощник комиссара потерял сознание, то его обвязали кожами и на грудь повесили плакат с надписью: „это—мародер комиссар".—Один из прохожих хотел заступиться за избиваемого, но толпа напала и на него; спасаясь, он забежал в камеру мирового судьи 46 участка, но толпа ворвалась в эту камеру, вытащила на улицу защитника милиции и так его избила, что пострадавшего пришлось отправить в Обуховскую больницу.

Проезжавший в это время мимо легковой извозчик был остановлен толпой и на него был посажен под конвоем трех солдат избитый помощник комиссара.

На ломовую подводу было втащено несколько ящиков и устроен помост, на который затем поставили избитого приказчика, и его также всего обвесили кожами и повесили плакат с надписью—„купец-мародер".

Извозчик и ломовой, в сопровождении части толпы, направились по Садовой улице к Невскому проспекту, а другая часть отправилась за об'яснениями в комиссариат.

Появление двух-тысячной толпы вызвало переполох на Горсткиной ул., где помещается комиссариат 3-го Спасского подрайона. Комиссар Озоль, узнав о воинственном настроении толпы, решил для защиты комиссариата вызвать

воинскую часть или пожарную команду, но ни те, ни другие не явились. Часть толпы ворвалась в комиссариат. Раздались угрозы по адресу комиссара и всей милиции. За последнее время почти все милиционеры разоружены, но на счастье у двух из милиционеров оказались при себе револьверы, и они, по приказанию комиссара, выстрелили в воздух. Эти два выстрела так магически подействовали на толпу, что она постепенно стала оставлять комиссариат. Только около 2-х часов дня, когда уже на Горсткиной улице жизнь вступила в обычный порядок, прибыл воинский отряд".

В других случаях влечение к самосохранению выливается в форму коллективных действий, направленных к обереганию имущества и охраны национальных богатств от чуждого на них посягательства и к защите религиозных верований. Сюда относятся самосуды толпы по отношению к ворам и грабителям, суды Линча в Америке, национальные столкновения и войны.

Вообще всякое общество, как и отдельная личность, стремится к собственным выгодам под влиянием влечения к самосохранению, ей свойственного. Все то, что поддерживает благосостояние общества, возбуждая в нем стеническую реакцию, вызывает стремление к обладанию, тогда как все, что действует неблагоприятно, вызывая астеническую реакцию, возбуждает отпор и противодействие. Стремление к свободе и защите своих прав возникает также на почве влечения к самосохранению, ибо ущерб, наносимый свободе, подавляет жизнедеятельность собирательной личности.

Народ вообще не мирится с тяжелыми путами, которыми связывает напр. капиталистическое государство трудящийся люд, и в этих цепях экономического рабства всегда тлеет то более, то менее явное стремление их разорвать и избавиться от кабалы. Когда правительственный режим и гнет капитала усиливается до определенной степени, не переносимой народным коллективом, возникает государственный перевороть, именуемый революцией.

Правительственный режим может постепенно усиливать меры репрессии до значительной степени, но наступает известный предел, за которым следует взрыв народного недовольства, проявляющийся бунтом или восстанием. Взрыв негодования и мести возникает ранее или позднее в зависимости от условий жизни самого народного коллектива, от того, в какой мере народ дисциплинирован, воспитан, трудолюбив, богат или беден и пр., но он проявляется непременно при известных условиях, как необходимое следствие определенных причин.

Коллективное влечение к самосохранению и свободе проявляется и в том, что, когда народ завоевывает свои права путем революционного переворота, он первым делом стремится к освобождению своих заключенных братьев в тюрьмах и арестных домах. Это повторяется во всех революциях, как правило, как закон. Мы видим то же самое во время последней русской революции, причем этот натиск освобожденного народа на тюрьмы произошел не только в главных центрах русской революции—в Петрограде и Москве, но и во всех городах России. Самые места судилищ, пресловутые храмы Фемиды, подвергались разрушению и сожжению, как мы видим на примере хотя-бы Петроградского Окружного Суда, сожженного толпой.

Гнусные проявления коллективного полового влечения мы имеем в некоторых сектантских собраниях, в особых собраниях в форме афинских вечеров и даже в организованных обществах молодежи (огарочных и др.) [1]), которые проявлялись, между прочим, у нас в период первой революции. Но мы встречаемся с этими же явлениями даже в диких странах. Вот что мы читаем, напр., у Ш. Летурно [2]). На Общественных островах и во многих других архипелагах существовало даже знаменитое религиозное братство—ассоциация *Аэроев*, ставившее себе целью разнузданное удовлетворение половых потребностей. Это религиозное сообщество. Оно находилось под покровительством бога Оро. Все члены этого полинезийского франкмассонства без различия пола считались высшими существами. Особенное божественное покровительство их охраняло, а после смерти их тени отправлялись в особый рай. Общество признавало полную равноправность своих членов; конечно, большинство их принадлежало к аристократии, но и люди из народа могли быть также приняты в него. Для знатных лиц только сокращались формальности. Этот факт крайне любопытен среди племен, у которых благородные смотрели на себя, как на сотворенных из несравненно более высокого материала, чем прочие смертные. Условия приема в братство были очень строги. Прежде всего нужно было припадком религиозного экстаза обнаружить в себе присутствие божественного духа; после этого они становились послушниками. Спустя месяцы, а иногда и годы, послушник подвергался второму испытанию, причем он давал великий обет умерщвлять всех детей, которые от него родятся с этого дня. Таким образом он вступал в седьмой и последний разряд Аэроев; его посвящали в священные обряды, песни, пляски и особые мимические движения. Прохождение всех ступеней этой лестницы совершалось крайне медленно; ценой новых испытаний и соответственно обнаруженных способностей в ораторском искусстве, в пении или в поэзии. Наконец, особой татуировкой отмечалось достижение каждой новой степени посвящения.

Общество ставило себе целью возбуждение и необузданное удовлетворение эротических страстей. Все женщины—члены общества принадлежали сообща мужчинам, причем пары соединялись не более как на два, на три дня. Жизнь Аэроев представляла вечный праздник. Это были бесконечные пиры, песни и состязания. Они совершали даже совместные путешествия с одного острова на другой и повсюду их встречали с почетом. Женщины исполняли в присутствии членов общества танец, к которому питают большую слабость в Полинезии, именно *Тиморадию*, чрезвычайно сладострастный и сопровождаемый соответственным пением. Пробужденные при этом половые вожделения удовлетворялись немедленно и публично, но дети не допускались и детоубийство вменялось в строгую обязанность. Чтобы сохранить своего ново-

---

[1]) См. В. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. 3-е изд. К. Риккер.

[2]) Летурно. Нравственность. Р. П., стр. 128—129.

рожденного ребенка женщина у Асроев должна была найти ему в среде членов общества восприемного отца, но тогда она вместе с ним изгонялась из общества".

„Принадлежать к братству Асроев считалось великой честью. Один таитянин, привезенный Куком в Англию, об'явил, что считает себя равным английскому королю, так как он носит титул Асроя".

Надо впрочем заметить, что дело идет в этом случае о стране, где целомудрие вообще неизвестно, но тем не менее характерно, что в этом случае дело шло о сообществе, которое установило у себя религиозный культ эроса на подобие наших сект хлыстов и др.

Половое влечение в толпе проявляется обычно в грубой и безобразной форме, иногда превосходящей всякое вероятие. При занятии австрийскими войсками Лотарингии в период великой французской революции кроаты сожгли монастырь св. Николая, причем многие из монахинь бежали в Шалон. Большая из них часть подверглась изнасилованию со стороны неприятельских солдат. На их языке это называлось принятием мучения. Некоторые из монахинь, по их словам, подверглись таким мучениям два, три и даже четыре раза, а одна из монахинь приняла восемь мучений.

А вот, что мы читаем в рассказе, заимствованном из „Саратовского Листка" под заглавием „Беззащитные".

„Под шум событий—торжественных и тревожных—в нашем городе совершаются кошмарные явления.

Я говорю о несчастных обитательницах . . . Петиной улицы.

Здесь происходят вещи, от которых леденеет сердце, ум мутится. . .

Вот несколько слов из доклада доктора І. В. Вяземского, прочитанного недавно в Саратовском обществе врачей: „По имеющимся сведениям от командира . . . дивизиона . . . запасной артиллерийской бригады в домах терпимости на Петиной ул. наблюдается с раннего утра большое скопление солдат, стоящих на очереди: очередь достигает 40 человек на женщину; были случаи, когда девушки вырывались из домов на улицу с криками „Спасите, больше работать не могу".

Комитет врачей, рассмотрев заявление по существу и придя к заключению, что в данном случае следует признать наличность истязания женщин, совершающегося в центре города, на глазах у всех, сделал принципиальное постановление о необходимости закрытия домов терпимости".

К этому описанию А. Кальманович прибавляет:

„Пока дома терпимости еще не закрыты и там продолжают совершаться поистине ужасные вещи: третьего дня пьяная толпа буйствовала, била стекла, ломала мебель, избивала женщин, а „истязания", о которых говорится в постановлении комитета врачей, в отдельных случаях принимали невероятные размеры и неоднократно в этих отдельных случаях число разнузданных мужчин достигало 100 на одну женщину.

Медлить с закрытием домов терпимости невозможно. Не помогают ничуть и меры охраны. Петина улица заперта караульной цепью с обоих

концов, но мужчины пробираются через один из домов с соседней улицы, причем взбираются на крышу и оттуда спускаются в Петину ул. по водосточным трубам".

Можно было бы привести и другие примеры поразительной половой разнузданности именно в толпе, где люди не стесняются производить на глазах всех непотребства, которые отдельными личностями из приличия скрываются от взоров сторонней публики.

Нечего говорить, что толпа не знает и не хочет знать никакого удержу и часто кончает тем, что на месте ее насилия остаются одни трупы, как это было напр. в Калуще во время войны в период уже начавшейся революции, и что мы встречаем часто и в других случаях, когда дело идет о насилиях толпы над несчастными девушками.

Здесь нет надобности подробно касаться проявлений „социального инстинкта" в коллективах, но несомненно, что он также выражается повелительным образом. Об этом говорит более, чем жестокое отношение со стороны коллектива к ябедникам, доносчикам, шпионам, провокаторам, штрейбрехерам и всем вообще лицам, так или иначе нарушающим условия коллективной жизни.

Нечего говорить, что и в условиях боевой жизни „социальный инстинкт" выражается чрезвычайно яркими чертами, причем нарушение его часто ведет к тяжелым кровавым событиям; закон же, как известно, карает смертною казнью даже попытку на измену в войсках.

XII. Коллективное настроение и коллективные мимико-соматические рефлексы [1]).

Если у отдельной личности мы можем оценивать настроение с чисто суб'ективной точки зрения, как делает это психолог, пользуясь показаниями лица, переживающего данное настроение, и руководясь аналогией с самим собою, то рефлексология, как мы знаем, не нуждается в этой суб'ективной оценке;—тем более не нуждается в суб'ективной оценке таких состояний коллективная рефлексология, которая, если и говорит о настроениях коллектива, то оценивает это настроение или тонус исключительно с строго об'ективной стороны, принимая во внимание мимику участников коллектива, их жесты, характер возгласов, интонацию, знаки одобрения или неодобрения, известное отношение к определенному факту и т. п., словом то, что мы обозначаем названием мимико-соматических рефлексов.

Как и в рефлексологии отдельной личности, настроение коллектива может быть оживленным в одном случае, и вялым и угнетенным в другом случае, а затем—дружественным, недружественным или гневным, патриотическим, религиозным и т. п.

Дружественное настроение, как всем известно, характеризуется доброжелательным отношением коллектива к тем или другим лицам и явлениям, но все это протекает бо́льшей частью в спокойных тонах, без каких либо особо резких проявлений.

Но иногда оно характеризуется бурным проявлением дружеского расположения и ласки в виде об'ятий, поцелуев и т. п. и притом часто проявлениями с предоставлением всего в пользу другого.

Недружественное настроение коллектива характеризуется недоброжелательным отношением, выражающимся в менее резкой степени осторожностью в действиях, стремлением уклониться от общения и т. п.; в более же резкой

---

[1]) В суб'ективной психологии термином „настроение“ пользуются для характеристики состояния чувств или расположения духа, но слово „настроение“ представляет собою в тоже время термин об'ективный, и мы пользуемся им для обозначения положительного, отрицательного или безразличного тонуса высших нервных центров.

степени это настроение характеризуется мимикой ненависти и угрозами, стремлением к брани и драке.

Патриотическое настроение коллектива, свойственное большинству людей, живущих в организованном обществе, характеризуется проявлениями привязанности к своему коллективу, стремлением поддержать и защищать его, когда нужно, всеми зависящими средствами. Патриотическое же возбуждение представляет собою, как бы апогей патриотизма, характеризующийся соответствующими выкриками и жестами, угрозами по отношению к врагам и т. п.

Религиозное настроение коллектива можно наблюдать в любом храме, где оно характеризуется спокойным, молчаливым сосредоточением на словах молитвы и внешними знаками поклонения божеству. Более высшая степень религиозного настроения характеризуется, кроме соответствующей мимики, бурными заявлениями глубокого раскаяния в грехах, ломанием рук, ударами в собственную грудь и т. п. проявлениями самобичевания (сектанские радения).

В известные периоды настроение или тонус коллектива может достигнуть необычайной степени развития и перейти в резкий мимико-соматический рефлекс того или иного рода, напр. в виде гнева или же угнетения и испуга.

Не следует забывать, что оживленное настроение и соответствующие ему мимико-соматические рефлексы всегда сопутствуются еще стенической реакцией коллектива, характеризующейся определенной готовностью к наступательным действиям: тогда как угнетенное настроение и соответствующие ему мимико-соматические рефлексы сопутствуются астенической реакцией, приводящей к оборонительным действиям и к религиозности, а в более резких проявлениях совершенной растерянностью.

Таким образом настроение играет роль той или иной подготовки к определенным коллективным решениям и действиям соответственно тому, как мы имеем это и в рефлексологии отдельной личности.

При этом оживленное настроение вместе с стенической реакцией всегда поднимает энергию коллектива, тогда как угнетенное настроение приводит к ослаблению его энергии.

Вот почему во всех собраниях с целью побудить массу лиц к действию, сначала произносятся зажигательные или возбуждающие речи, которые наэлектризовывают собрание, поднимая настроение и тем самым содействуют принятию определенного решения, приводящего к соответственному действию.

Чтобы иметь наглядный пример зажигательной речи, остановимся на минуту на описании концерта митинга „Займа Свободы", бывшего в период февральской русской революции в г. Павловске.

«Организовавший «три дня Займа Свободы» Комитет служащих государственных и частных кредитных учреждений на вчерашний вечер перенес центр своей энергичной деятельности в Павловский вокзал...

«Купите заем Свободы», — слышится повсюду. «Исполните ваш долг перед родиной». „Обменяйте ваши рубли на облигации". «Родина ждет, что каждый исполнит свой долг».

Чудный летний вечер способствовал успеху концерта-митинга. Как на открытых концертных сезонов публики видимо невидимо.

Наибольший интерес вызвало на этом митинге выступление матроса Федора Баткина, приветствуемого громом рукоплесканий всего зала.

— „Мы переживаем самый трагический, самый ужасный, но вместе с тем самый славный период нашей истории,—так начинает оратор.—Вчера—рабы, сегодня—свободные граждане. Вчера—люди, не имевшие права мыслить, сегодня—народ, получивший право требовать.

Что может быть счастливее, величественнее этого. Но что вместе с тем, может быть ужаснее того, что благородный, великий народ, который всегда великодушно отзывался на нужды всех своих соседей, теперь стал жалким, отверженным и может быть потерявшим право называться государством.

— О причинах этого падения говорилось много,—продолжает оратор.—Но где искать спасения, вот насущный вопрос. Для этого надо смотреть в корень грозящей нам опасности. И вот, спросим себя, где эта опасность? Она—не в том, что кучка одетых в защитные шинели изменников бежала с фронта, позорно сдавая позиции наступающему врагу; она и не в том, что на время в сердцевине государственного организма завелся разъедающий червь,—его нетрудно устранить в народном порыве самообновления и самоочищения. Опасность—в равнодушии и пассивности русского общества, всё могущественнее и настойчивее охватывающем широкие его круги.

Стыдно—энергически восклицает оратор — стыдно великой стране, которая не может сплотиться даже в ответственнейший, поворотный момент ее истории. Стыдно всем, которые виноваты в современной разрухе. Стыдно всем тем, которые не задумываются над судьбой родины и которым нужно указывать на пример прохотного шестимиллионного героического бельгийского народа, показавшего, как он умеет умирать за честь страны.

Знает ли русский народ, что такое честь родины? Нет он этого не знает, а если найдутся те, кто это знает, то и они, эти немногие, сумеют об этом говорить.

— Мы—резолюционеры,—говорит оратор,—а не революционеры. Ужели действительно мы не умеем творить, не умеем выполнить и часть того, что нам надо—смертельно надо—выполнить?

Теперь, именно пред нами та часть, та малая толика из того, что надо спешно выполнить. Это—обязанность дать взаймы государству деньги на спасение родины. Если русским гражданам непонятен святой долг пред отечеством, повелевающий, не задумываясь, приносить жертвы для его блага, то пусть они, совесть которых спит убийственным, непробудным сном летаргии, поймут, что из эгоизма они должны сделать то же самое.

Если они не хотят быть зодчими священного храма свободы, то пусть поймут, что своими собственными руками они строят себе и своим детям мрачное здание тюрьмы.

— Родина в опасности,—заканчивает оратор,—наша мать умирает. И неужели найдется такой ее сын, который откажет ей в средствах для исцеления!“

После речи Баткина, покрытой долго несмолкавшими аплодисментами, был открыт сбор по подписке на заем, продолжавшийся в течение целого вечера и давший результаты, превзошедшие ожидания устроителей.

Настроение определяет и отношение собрания к речам, поступкам и действиям отдельных лиц или вообще к тем или иным явлениям общественной жизни. Вот почему искусный оратор всегда учитывает в своей речи общее настроение, если хочет вести собрание за собой; при условии же своего несогласия с общим направлением собрания он должен делать это с известной осторожностью и постепенностью.

Всем известно, как вообще трудно говорить в собрании против общего настроения и как относительно легко говорить в тон общему настроению.

Беру в доказательство пример из истории нашей революции. Один из делегатов, выступавших в ночном заседании с'езда партии народной свободы в прениях по докладу П. Н. Милюкова, протестуя против вхождения членов партии в состав правительства, обрушивается упреками по адресу А. Ф. Керенского, когда звезда его еще горела ярким огнем:

— Нам изображают здесь этого человека, как какую-то жертву Совета Р. и С. Д. И эту жертву мы, партия народной свободы, должны спасать во что бы то ни стало, и вот мы пришли и пытаемся спасти, за что и великодушно хвалит нас Некрасов. Но точно ли А. Ф. Керенский является жертвой? Разве он протестовал против той разрухи, которую вносили в жизнь Советы?

Далее оратор неожиданно заявляет:

— Автором приказа № 1 был Н. Д. Соколов, но упорно говорят, что в составлении его принимал участие и сам А. Ф. Керенский...

— Вздор,—раздается громкий голос с места, поднимается невообразимый шум.—Замолчите! Долой! Чепуха...

Кое-где раздаются робкие аплодисменты.

Оратор пытается продолжать свою речь, но в зале снова поднимается буря".

На почве определенно создавшегося настроения в собрании могут происходить и характерные инциденты. Вот этому пример. В дни русского „Займа Свободы", когда распродавались его билеты при общем под'еме настроения в пользу этого займа, в театре „Луна-Парк", во время призыва артиста Кошевского подписаться на „Заем Свободы" разыгрался крупный скандал. Едва только артист Кошевский стал говорить о целях «Займа Свободы», как некто, сидевший в ложе, крикнул:

— Убирайся к черту, врешь.

Поднялся невообразимый шум. Толпа бросилась, как один человек, к ложе и намерена была учинить самосуд над наглецом. Однако скоро удалось водворить порядок, и безобразник был отправлен в комиссариат в сопровождении нескольких лиц из публики.

Иногда для под'ема настроения пользуются и пением, хотя последнее не менее часто служит выражением самого настроения. В те же дни „Займа Свободы", в „Летнем Буффе", во время первого антракта, с открытой сцены раздались звуки Марсельезы.

— «Allons enfants de la patrie»... пел Каченовский.

Могучий бас певца привлек всю публику, которой было предложено подписаться на „Заем Свободы".

Публика, как один человек, бросилась к столикам и почти все имевшиеся облигации были раскуплены.

В других случаях настроению помогает даже внешняя обстановка. Так в дни „Займа Свободы" в Зоологический Сад приехал разукрашенный мотор, на котором находились импровизированные банковые киоски.

В'езд автомобиля произвел фурор: подписка прошла с большим успехом.

Без соответствующего настроения не может осуществиться в сущности ни одно общественное движение.

С другой стороны характер настроения определяет не только соответствующую энергию действия, но и его направление.

В каждом собрании мы можем наблюдать то или иное настроение, которое может даже во время самого собрания меняться в зависимости от выяснения тех или иных обстоятельств и речей ораторов, т. е. подниматься или ослабевать и переходить в угнетение. Как всегда, оно характеризуется преобладающей мимикой, жестами, возгласами, знаками одобрения по отношению к определенным выражениям и тезисам, наконец, преобладающим содержанием речей и относительной нетерпимостью к речам, несоответствующим по содержанию общему настроению.

Вот один из многочисленных тому примеров. Во время общего развала в первый период русской революции происходит собрание совета офицеров, носящее страстный характер.

«Первым говорил председатель генерал Амосов. Он дал жуткую картину развала фронта и тыла.

Другие ораторы, большинство из них прибывшие с передовых позиций, подтвердили опасность положения армии.

Офицер Малеванов заявил, что у нас нет власти и употребил крайне неуместное выражение в отношении правительства.

В зале поднялся шум.

Крики: «Вон, долой, это неуважение власти, это недопустимо!»

Председатель лишает слова оратора».

Коллективное настроение зависит в значительной степени также от состава самого собрания, бо́льшей или меньшей его однородности, от самого предмета обсуждения, в бо́льшей или меньшей мере задевающего интересы входящих в собрание лиц, данными внешними условиями, т. е. окружающей социальной обстановкой, и даже бо́льшей или меньшей ответственностью ожидаемого з собрании решения. Наконец, на настроении собрания отражаются и существующие разногласия в самом собрании, ибо они обостряют страсти отдельных ораторов, благодаря чему эта страстность, путем заразы переносится и на все собрание.

Вот почему, чем меньше разноречий в собрании, тем деятельность его протекает спокойнее. Наоборот, чем более разношерстно собрание, тем оно протекает бурнее.

Иногда в собраниях бывает не один, а два или несколько вопросов обсуждение которых доводит настроение собрания до наивысшей степени

Это происходит в особенности в тех случаях, когда собрание занято сложным предметом при существовании на собрании расходящихся партий. Так на бывшем Государственном Совещании в Москве первый и наиболее сильный под'ем настроения проявился на второй день заседания, когда столкнулись два противоположных взгляда на способы оздоровления государства: взгляд социалистических партий и партии народной свободы, и второй меньшей остроты под'ем настроения обнаружился на третий день заседания при выяснении вопроса о поднятии боеспособности русской армии.

В каждом собрании настроение редко определяется сразу, если оно не подготовлялось заранее какими либо событиями. Обыкновенно лишь после того, как выскажется несколько ораторов, характер коллективного настроения начинает обозначаться и затем последнее наростает до определенной высоты, когда пред окончательным решением происходит наиболее резкое столкновение взглядов. Поэтому особый под'ем настроения в собрании совпадает обыкновенно с моментом наиболее резко обозначившегося разногласия. В этот момент можно всегда опасаться развития эксцессов между отдельными членами собрания.

Когда настроение в собрании достигло своего апогея, оно обыкновенно затем более или менее быстро падает и постепенно собрание приходит к успокоению.

Чем больше коллектив по своим размерам, тем труднее в нем создается общее настроение. Естественно напр., что при разношерстности индивидов, входящих в тот или другой государственный коллектив, общее настроение в стране не может быть одинаковым, ибо в конце концов оно является настроением отдельных кружков, партий, обществ, классов и населяющих ее народов и в зависимости от того, в какой мере те или иные события или мероприятия соответствуют или не соответствуют целям и вожделениям отдельных коллективов, они вызывают в одних угнетенное, в других наоборот повышенное настроение. Таким образом под наименованием общего настроения в стране в сущности следует понимать преобладающее настроение или настроение большинства отдельных коллективов страны, которое в различных коллективах может быть и неодинаковым и даже прямо противоположным, но в общей массе коллективов все же обозначается уклон настроения большинства их в определенном направлении.

Между прочим общее настроение отражается всегда на результатах выборов, хотя здесь многое зависит еще и от активности той или другой партии. Как бы то ни было, настроение, которое выражается на предвыборных митингах и собраниях, находит для себя исход в тех бюллетенях, которые подаются в избирательные урны. Таким образом, результат выборов как бы определяет в цифровом отношении характер и направление общественных симпатий по отношению к определенным партиям и лицам; окончательный же выбор представляет как бы общую равнодействующую симпатий и стремлений данного общества.

Само собою разумеется, что настроение коллектива не продолжается, вообще говоря, столь долго, как и настроение отдельных индивидов. Каков бы ни был подъем настроения, вызванный тем или другим событием, он неизбежно с течением времени падает.

В какой мере общественное настроение определяет отношение коллектива к событиям, показывают примеры, когда одинаковая по содержанию речь может встретить различное отношение в зависимости от характера общественного настроения. Так воинственные речи Керенского некогда встречались восторженно населением; но могли ли бы они встретить подобное же отношение в последующий период русской революции, когда обозначилось вполне определенное, безусловно-отрицательное отношение в войсках к внешней войне? Конечно нет.

Устанавливая главные принципы, на которых должен быть утвержден мир, президент Вильсон сказал следующее: „Мы столь искренно верим в необходимость торжества этих идей, что я убежден, что выражаю настроение и желание американского народа, заявляя о готовности Соединенных Штатов принять участие во всякой осуществимой коалиции народов, направленной к достижению этих идеалов и обеспечению их против всякого насилия". Эта воинственная речь вызвала шумное одобрение слушателей. Это было в мае 1916 года, когда великая война уже тянулась около двух лет, когда мировая война грозила существенно нарушить интересы Соединенных Штатов и когда общественное мнение американского народа многому научилось за эту долгую мировую войну. Но скажи эту речь президент Вильсон перед началом великой войны, можно не сомневаться в том, что она вызвала бы бурю протестов. Нечего говорить, что настроение представляется неодинаковым в различных общественных кругах страны, вследствие чего, например, в то время, когда Керенский произносил свои речи, вызывавшие бурные знаки одобрения на фронте перед наступлением 18 июля 1917 года, в Петрограде повсюду раздававшиеся речи против войны находили не меньшее одобрение народных масс на митингах.

Как меняется настроение народных масс, показывает история Людовика Возлюбленного: „Название Bien-aimé (возлюбленный), говорит Карлейль со слов Гено, присвоено Людовику XV по следующему поводу. В 1744 году монарх этот, поспешая из одного конца своего королевства в другой и приостановив свои завоевания во Фландрии, чтобы поспеть на помощь к Эльзасу, был задержан в Меце болезнью, грозившей пресечь его дни. Когда весть об этом дошла до Парижа, город этот, объятый ужасом, походил на взятый неприятельским штурмом. Церкви оглашались молебствиями и воплями, молитвы священников и народа ежеминутно прерывались рыданиями, и из этого столь любовного и нежного участия само собой вылилось название Bien-aimé — почетный титул, превосходящий все остальные, приобретенные этим великим государем".

Вот что написано в вечное напоминание об этом 1744 году. „Миновало еще 30 лет и „великий государь" снова прикован к одру болезни, но как

изменились обстоятельства: церкви не оглашаются громким плачем; Париж героически спокоен; рыдания не прерывают молитв, потому что молитв и не возносится, кроме казенных молебнов, по установленной таксе за час, а такие моления обыкновенно ничем не нарушаются. Пастырь народа, сердце которого отягчено горем, переведен из малого Трианона домой в Версальский замок и уложен в постель. Пасомое стадо знает об этом, но остается равнодушным. Самое большее, если в безбрежном потоке французских разговоров (не прерывающемся изо дня в день и только смолкающем на короткие ночные часы) изредка промелькнет сообщение о болезни короля, наряду с другими новостями. Нельзя же не держать пари по этому поводу... Более того: Иные осмеливаются громко говорить на улицах; и над зеленым полем и над колокольнями города майское солнце сияет, майский вечер гаснет, и люди занимаются своими полезными или бесполезными делами, как будто никакому Людовику не грозит смерть" [1]).

Так изменилось настроение народа к своему королю за 30 лет во Франции, но в периоды революционных движений, когда народные массы переживают в течение недель и месяцев целые годы, эта перемена в отношениях к своим героям и в настроениях не ждет столько времени и сменяется с гораздо большей быстротой. Поучительный пример в этом отношении представляет Керенский, герой февральской революции в России. Судьба выдвинула этого человека, бывшего помощника присяжного поверенного и затем руководителя партии трудовиков в Государственной Думе, в первые ряды революционных деятелей, тотчас же после свержения царской власти. Сначала он был в роли министра юстиции, затем в роли министра-председателя и военного и морского министра, затем в качестве неограниченного главы Временного Правительства в роли министра-председателя и верховного главнокомандующего.

Войдя в первое революционное министерство в качестве министра юстиции от партии эс-эров, Керенский сразу занял в новом министерстве положение лица, на котором сосредоточивалось внимание и надежда всей революционной демократии. С этих пор его популярность росла не по дням, а по часам, его каждый шаг предавался гласности. Подача руки сторожу и снисходительное отношение к высшим чинам министерства при вступлении в последнее, привлекают к нему общие симпатии революционного народа. Его недюжинный талант красноречия быстро упрочивает его популярность, ибо во время революции нужно было народу говорить, еще говорить и еще говорить.

Вместе с тем, будучи товарищем председателя в Совете солдатских и рабочих депутатов, он и в этой среде являлся лицом, популярности которого мог бы позавидовать всякий из вожаков. Вот почему, когда первый председатель Совета министров Львов оставил пост председателя, место его по праву, неписанному, но признаваемому всеми, занял никто иной, как Керенский.

---

[1]) Т. Карлейль. Французская революция, русск. перевод стр. 4—5.

В критический момент власти, при развале дисциплины в войсках, вслед за декларацией прав солдата, опубликованной во время занятия поста военного министра Гучковым, когда последний отказался от своего поста с безнадежным заявлением, что только чудо может спасти Россию, взоры всех были обращены на Керенского. В нем именно видели единственное лицо, которое может вывести Россию из тупика и спасти страну. Тогда все министры признали, что пост военного министра, как важнейший для того времени, должен перейти к Керенскому. С занятием этого поста при сохранении звания министра-председателя Керенский явился фактическим владыкой не только в министерстве, где пред ним преклоняются до такой степени, что при всяком правительственном кризисе ему вручались портфели всех министров, но и во всей России. Его отъезд в войска и проповедь среди них о революционной дисциплине были в русской демократии связаны с жгучими надеждами, что революционная армия, подобно армии времена французской революции, с энтузиазмом пойдет в наступление и покажет миру, на какие подвиги способен русский революционный народ. Действительно русская армия, которая в то время больше занималась уже митингами („армия митингует" по тогдашнему выражению), чем боевым делом, и которая отказывалась слушаться своего начальства и даже смещала его по своему усмотрению, как будто на некоторое время образумилась и на юго-западном фронте начала успешно наступать 18 июня, подвигаясь к г. Львову в Галиции. Войска неприятеля стали терпеть поражение за поражением. День 18 июня явился торжеством никого иного, как Керенского. Хотя он и не участвовал в оперативных распоряжениях, но слава за ним, и ему подносят полки георгиевский крест. В этот момент слава его достигает своего зенита. Его имя стало производить магическое действие на толпу. Так во время одного выступления на митинге-концерте в одном из больших театров, мне достаточно было лишь упомянуть имя Керенского по случаю назначения ему георгиевского креста, как тотчас же весь театр, точно под влиянием электрической искры, поднимается с мест и устраивает в честь его шумную и продолжительную овацию.

Нечего говорить, что министры были совершенными пешками в его руках. Некоторые из них в полном смысле слова пресмыкались перед ним, другие же с трудом удерживались в пределах приличного подчинения. Всеми другими лицами он ворочал, как хотел, и увольнял по мановению руки наиболее заслуженных и видных генералов. Так им были последовательно смещены видные полководцы нашей армии: Алексеев, Брусилов, Корнилов и Юденич. Генерал Рузский незаслуженно был уволен еще раньше во время пребывания на посту военного министра Гучкова при руководительстве Советом министров того же Керенского. Наконец, в первый период революции все газеты переполнялись сообщениями о Керенском. Каждое его слово ловилось на лету и предавалось гласности. Газеты не скупились на похвалы и возвеличение Керенского, которого иногда называли „жемчужиной революции". Но прошло всего несколько месяцев и его нерешительная и лавирующая политика сделала свое

дело. Уже после позорного отступления наших войск в Галиции, его звезда начала закатываться. Все поняли, что речами, хотя бы и Керенского, разруху на фронте не остановить. Что роль „главноуговаривающего" армии помочь в беде не может. Его постоянную склонность держаться линии поведения между Советом рабочих и солдатских депутатов и так наз. демократическими слоями отвращала от него все буржуазные элементы, а уклонение Советов в большевизм привело к разрыву с ним левого крыла демократических партий.

Но более всего корниловская история с „мятежом", в которой, по утверждению буржуазных элементов, он сыграл роль провокатора, резко обострила к нему отношение всей буржуазии, а введение смертной казни и всегдашние колебания и нерешительность подорвали доверие к нему и в среде ранее державшихся его демократов.

Нечего говорить, что среди большевиков он уже с самого начала не пользовался доверием, а после первого восстания большевиков, 3—5 июля, он сделался прямым их врагом.

В результате всего вышесказанного, в самый критический момент его истории, в период переворота 25 октября, возглавляемое им Временное правительство не нашло себе защитников во всем многочисленном петроградском гарнизоне, кроме нескольких сот юнкеров и одной роты женского ударного батальона. Нечего говорить, что эти силы были сломлены, правительство было арестовано, и с юнкерами была учинена кровавая расправа. После этого о Керенском, который успел бежать, никто не говорил уже с сожалением. Правда, о нем вспоминали, как о предводителе контр-революционных войск, которые он вел к Петрограду. Но штаб сосредоточивал внимание собственно уже не на нем, а на войсках и на исходе предстоящих событий.

Здесь Керенский еще раз показал свою нерешительность, и его военная авантюра закончилась сдачею войск и его бегством. Теперь его называли преступником уже те самые лица, которые перед ним ранее благоговели. Вскоре о нем просто перестали говорить. Никто уже не интересовался—где он и что он. Он просто был забыт и забыт навсегда [1]). Так на протяжении нескольких месяцев настроение народных масс менялось с ходом исторических событий.

Также и великая мировая война вызвала во всех странах в самом начале высокое патриотическое настроение; но проходят годы в войне, и настроение постепенно падает даже у тех, кто имел возможность подогревать его победами. В конце концов правым оказался Гинденбург, заявивший, что победителем останется тот, у кого крепче нервы.

Но, независимо от естественного падения или внутреннего торможения коллективного настроения, последнее под влиянием событий может меняться и

---

[1]) Правда 22 ноября 1917 г. он сам напомнил о себе, поместив в газетах письмо за своей подписью, но само это письмо уже похоже на вопль отчаяния. Нет надобности говорить, что оно не произвело и тени впечатления на общество. Его прежние друзья могли только пожалеть, что оно появилось в печати.

в другую сторону. Такое изменение настроения принято называть его переломом.

При переломе настроение масс, имевшее одно направление вначале, благодаря сложившимся условиям, совершенно другое направление. Так в течение русской революции вслед за июльским восстанием большевиков произошел перелом в настроении демократических слоев русского общества, выразившийся резко отрицательным характером по отношению к крайним левым течениям, находившим ранее много сочувствовавших элементов, но ненадолго, ибо после корниловской истории 27 августа общественное настроение вновь сделало уклон в сторону большевизма.

Во время 1905 года народ явно сочувствовал революционному движению, но с постепенным наступлением эксцессов революционного характера и развитием т. наз. экспроприаций настроение начало быстро меняться, окончательный перелом его в другую сторону произошел со времени „бомбистского" движения.

Яркий пример такого перелома в настроении народных масс мы имеем также в смене боевых стремлений русской армии „братанием" с бывшими врагами в период начала русской революции.

Вот еще пример, как после подавления восстания большевиков в Петрограде 3—5 июля изменилось настроение в самих бунтовавших частях. Подавивший восстание генерал Половцов, не мало поработавший в эти дни, хвалебным гимном рассказывает о том, как его благодарило ныне отрешенное начальство и которых военных установлений и при оригинальной формулировке благодарности:—За то, что показал власть! Скажут, что за кару, за обиду, за отстранение от отдела кланяются и благодарят только вымуштрованные и воспитанные в послушании и субординации люди. Но ведь благодарят и солдаты, и матросы, вчера еще бунтовавшие".

Рассказывают, что, когда К—в посетил главнокомандующего, пред'явленные ультиматумы и требовали, чтобы К—в был им выдан; Половцеву пришлось уговариваться с солдатами, что без их согласия К—в не будет взят,— только тов. Рощ упросил солдат, и К—ва увели по черной лестнице.

А после, солдаты, отмякнув, отошли от злобы, благодарили окружающих за то, что не допустили их до безумного шага.

Другой пример быстрой перемены в настроении коллектива. По словам газет, после расстрела офицеров на корабле «Севастополь» некоторое время спустя солдаты стали справлять по ним панихиды.

Под влиянием перелома в общественном настроении совершенно изменяется и отношение к прежним кумирам и к прежним учреждениям, представлявшим собою ранее народную гордость. Это мы видели на примере Людовика Возлюбленного и Керенского, но возьмем еще один пример: генерал Корнилов, герой успешного наступления 18 июля 1917 г., впоследствии верховный главнокомандующий русской армией, пользовался необычайным ореолом славы и почета. Но достаточно было ему повести так наз. „мятеж" против Временного правительства и все или почти все от него отвернулись, и прежние его хвалители явились наиболее яростными хулителями.

Еще пример: бывший председатель Государственной Думы Родзянко был окружен немеиьшим ореолом почета и уважения не только в период существования самой Государственной Думы, но и в первые дни революции, в которой он сам принимал известное участие. Но что последовало затем? Когда революция дала господство пролетариату, на его голову посыпались разного рода обвинения и выносились отовсюду протестующие резолюции. А сколько таких же примеров можно иметь во время великой французской революции, во всех вообще революциях и даже во всех вообще значительных общественных движениях.

Еще пример: во время суда Мальяка, когда происходило избиение аристократов, которому придали лишь внешнюю законность трибунала, немногие освобождались от гильотины. Но вот аристократ Журньяк де С. Меар представил суду доказательства своих гражданских добродетелей и сослался на любовь своих солдат. Его помиловали и вслед за этим приговором толпа мгновенно разразилась приветствием—„да здравствует нация!“, причем подсудимый был восторженно провожаем из залы суда той самой толпой, которая готова была злорадствовать по поводу каждого из выполненных судом смертных приговоров.

А вот как описывает изменчивость настроения толпы молочный брат Марии-Антуанетты, оказавшийся в числе счастливцев, избегнувших обычной для большинства участи быть гильотинированным: «Лишь только гвардейцы подняли свои шляпы на острия сабель и воскликнули „да здравствует нация“, раздались неистовые рукоплескания; женщины, заметив, что я был в белых шелковых чулках, грубо остановили двух солдат, которые вели меня под руки, и сказали им: „берегитесь, вы ведете господина по сточной канаве“. Они были правы, канава была полна крови. Такое внимание со стороны этих мегер меня тем более удивило, что они только что яростно аплодировали избиению моих сотоварищей по заключению“ [1]).

В нормальных условиях чем быстрее и выше поднимается волна настроения, тем быстрее и глубже она затем падает и, наоборот, чем медленнее она поднимается, тем медленнее она и опускается. Но не следует забывать, что самый под'ем настроения может быть вызван какими-нибудь внешними толчками, которые находятся вне условий данного общества, и тогда вышеуказанное правило не может иметь места. Так напр. об'явление войны сторонней державой может вызвать сразу огромный под'ем патриотического настроения, который затем ослабевает лишь постепенно с ходом событий. Равным образом неожиданная военная катастрофа может повести к взрыву патриотизма в стране, как это случилось напр. в Италии в октябре 1917 г., где было уже утомление войной и началось было разложение армии подобное нашему. Но случившаяся военная катастрофа, вследствие наступления немцев, привела к тому, что и социалисты превратились в так наз. социал-патриотов и общее патриотическое настроение, выразившееся в лозунге спасения отечества, сде-

[1]) Кабанис и Насс l. c., стр. 29.

лалось господствующим. К тому же на помощь Италии быстро были подведены иностранные войска, а колеблющиеся части войск были уведены в тыл, и это спасло положение.

Как быстро изменяется настроение общества, может служить также пример с саботажем буржуазии после октябрьского переворота в России в 1917 г. Первоначально буржуазия в лице союза союзов объявила полный бойкот большевикам и отвергла всякое сотрудничество с ними, заняв по отношению к ним непримиримую позицию. Но прошло несколько месяцев, и тот же союз союзов вынужден был заявить свой отказ от саботажа. То же сделали и представители высших учебных заведений, а за этим и вообще настроение определилось для большинства в смысле возможности сотрудничества, которое постепенно и стало налаживаться. Одни с этим примирились из-за куска хлеба, другие нашли, что саботаж был крупной тактической ошибкой, третьи, что вообще нужна деловая работа для страны, а политика должна отойти в сторону и т. д., но суть в том, что саботаж стал осуждаться почти всеми.

Разразившаяся вместе с русской революцией гражданская война также дает многочисленные примеры изменения настроения народных масс. Пока господствуют красные, народные массы, подавленные общей разрухой, проявляют недовольство, устраивая торжественные встречи войскам белых, но режим белых уже в течение нескольких месяцев или даже недель вызывает общее недовольство, и народ вновь ожидает красных, как своих избавителей. Такая смена во время гражданской войны происходит иногда многократно в ту и другую сторону.

Другим образчиком того, как меняется настроение масс, особенно в периоды бурных политических переворотов, может служить также пример, что после огромных побед, достигнутых Германией в период великой войны, когда население обнаруживало максимум военного напряжения, вместе с развитием революции оказалось невозможным произвести даже какой-либо обязательный набор военнообязанных. Так в газетной телеграмме из Берлина от 25 февр. мы читаем, что *при обсуждении об обороне* государства соц.-демократ Шефлин сделал следующее заявление: «В настоящий момент нет возможности создать военную силу путем призыва военнообязанных; государство, которое еще недавно было крупнейшей военной державой в мире, вынуждено теперь вербовать добровольцев путем газетных об'явлений. Необходимо, чтобы армия народной обороны уважала конституцию, подчинялась правительству и стояла на страже законов государства. Необходимо также, чтобы добровольцы подчинялись своим начальникам и соблюдали строгую дисциплину".

Проявлением того или другого настроения служат, как известно, соответствующие мимико-соматические рефлексы. Так более резкое проявление угнетения, вызванное теми или другими условиями, выражается в индивидуальной жизни, кроме других явлений, вздохами, стоном, плачем, рыданиями, причитаниями, заунывными звуками и жалобами.

Путем последовательной эволюции угнетенное настроение выливается в заунывную песню, напоминающую и стоны, и вздохи, и плач.

С другой стороны оживленное настроение характеризуется смехом, хохотом, восторженными восклицаниями, оживленной речью и радостными звуками и заявлениями, а затем путем последовательной эволюции выливается в оживленную песню с бодрым оттенком.

И в том, и в другом случае песня для усиления эффекта сопровождается соответствующими ей звуками музыки, причем и сама музыка явилась выражением тех или иных настроений, а путем заражения, и возбудительницей соответствующего настроения в других.

Как известно, не один голос служит проявлением настроения, но и телодвижения, и, если угнетенный тонус подавляет движения, то оживленный тонус их возбуждает, вызывая целый ряд разнообразных телодвижений в форме как бы разряда нервной энергии. Отсюда оживленный тонус на высоте своего развития приводит к пляске.

Естественно, что и все коллективные настроения сопутствуются такого же рода явлениями. Так угнетение по случаю похорон характеризуется заунывным пением, похоронным маршем, молчаливым вставанием в собраниях в память умерших и т. п.; с другой стороны торжество коллектива в случаях дружественной встречи, победы и т. п. сопровождается коллективными пиршествами, веселой торжественной музыкой, бодрым маршем, оживленными речами, приветствиями, торжественными церемониями, балами и т. п.

Коллективные настроения путем заразы получают склонность к распространению и могут в известных случаях даже захватывать ряд коллективов.

Символизм дополняет развитие коллективных настроений, усиливая их в большей мере. Например, черные флаги в случае национального горя, национальные флаги в торжественных случаях патриотического характера, соответственные случаю спичи, тосты и т. п. действуют несомненно усиливающим образом на общее настроение коллектива, служа в то же время дальнейшими проявлениями мимико-соматических рефлексов.

Когда бодрое коллективное настроение, сопровождающееся стремлением к осуществлению соответствующих действий, достигает высокой степени своего развития, мы говорим об энтузиазме народных масс.

Но этот энтузиазм проявляется обыкновенно под влиянием более или менее сильных внешних поводов. Мы его встречаем обычно вместе с общим подъемом настроения, обусловленным каким-либо поводом.

Так подобно тому, как в индивидуальной жизни оскорбление или какой-либо иной повод может вызвать раздражение, так и в коллективах под влиянием каких-либо событий, задевающих честь коллектива и его независимость, развивается враждебное настроение, взрыв энтузиазма и боевой энергии против виновников этих событий. Примеров этому много; особенно их много в период войн. Между прочим один из ярких примеров этого представили американцы в настоящую войну, когда немецкие субмарины стали топить американские суда у побережья Атлантического океана. Этот факт явился, конечно, неизбежным в ходе войны, но в то же время сообщение об этом факте, свидетельствовавшее о перенесении войны в Америку, тотчас же отразилось большим притоком лиц,

записывающихся в ряды армии, и вместе с тем сильно содействовало развитию и усилению патриотизма и подъема боевой энергии среди американцев, что видно из целого ряда газетных сообщений. Мы приведем здесь выдержки из американских бюллетеней, заслуживающие нашего внимания. „Нью-Йорк Таймс" замечает по этому поводу следующее: „Немцы не могли бы избрать более верный путь для того, чтобы усилить воинственные стремления в сердцах всех американцев и чтобы довести патриотический пыл до лихорадочной температуры". „Нью-Йорк Герольд", касаясь роста рекрутирования, между прочим замечает: „Вскоре после появления на улицах экстренных выпусков вечерних газет, люди толпами стали устремляться к рекрутировочным станциям и стали требовать, чтобы их приняли в ряды армии. И по мере приближения сумерек, всё бо́льшее число желающих стать рекрутами стекалось в конторы и изводило их заявлениями о желании войти в состав той или другой из боевых сил дяди Сама.

На морской рекрутировочной станции около 500 молодых людей в три часа пополудни добивались возможности поступить во флот, и ежеминутно прибывало еще больше. Чиновник станции сказал: „контора была залита толпой и было невозможно удовлетворять рекрутов немедленно по их появлении, несмотря на то, что многочисленный штат работает интенсивно".

То же самое рассказывали на всех рекрутировочных станциях. Везде в них толпились массами люди с целью поступить в армию, их патриотизм и боевой дух еще больше окрепли под влиянием сообщения о пиратских набегах гуннов. С того времени, как Соединенные Штаты приняли участие в мировой войне, еще не было такого порыва к вступлению в ряды армии и к участию в конфликте".

Равным образом, и со стороны женщин проявился рост патриотизма, что выразилось наплывом их в Красный Крест с целью поступить на работу в американские военные и морские госпитали. „Ивнинг Мэйль" по этому поводу пишет: «В шесть часов утра желающие поступить во флот явились в таком большом количестве на морскую рекрутировочную станцию, что очередь растянулась с третьего этажа, где находится рекрутировочная станция, на улицу и достигла следующего квартала». У всех других рекрутировочных станций люди ждали утром, пока откроются двери".

Ко всему следует добавить, что из донесений, приходивших из прибрежных городов, видно, что действия субмарин не производили паники. „Свет нигде не гасится, за исключением двух городов, которые по распоряжению мэров вечером погружаются в темноту".

Только что сказанное показывает нам, что настроение коллектива может быть регистрировано определенными цифрами. И действительно, если вопрос идет о точном регистрировании коллективного настроения, то в сущности вряд ли имеется более правильный метод, как подсчет голосов при выборах. Подобно тому, как подсчет голосов при спорных вопросах дает перевес тому или другому решению, так и при выборах подсчет голосов определяет всегда с возможной точностью политическое настроение страны. Но подача голосов

никогда не может быть полной, она сопровождается тем или другим количеством недостающих голосов. Последнее, если необъяснимо какими-либо причинами, затрудняющими подачу голосов, должно быть отнесено насчет бо́льшей или меньшей степени безразличного отношения к политическим вопросам и в частности того отношения, которое проявляет население к вопросу, решающемуся этими выборами. Отсюда ясно, что правильно поставленная статистика является, вообще говоря, лучшим и наиболее точным показателем коллективного настроения страны и его перемен, происходящих с течением времени. Заслуживает внимания, что как и в жизни отдельной личности, вместе с изменением настроения группы или народа, изменяется соответственным образом и весь характер общественных воззрений.

Я могу привести пример из жизни Франции, как изменился вместе с общественным настроением общий кругозор целого народа: «Четверть века назад незадолго до великой войны напоминание о прошедшей военной славе считалось преступлением против Франции». Известный проф. философ Жакоб, преподававший этику в женской национальной школе в Севре, высказался в то время следующим образом: „Если нашей родине суждено сыграть блестящую роль в мире, то это может совершиться посредством науки, искусств, изящных промыслов, избранного вкуса, великодушия в обращении, словом в силу нашего гостеприимного характера; но я не вижу ничего в будущем, помимо средств миролюбивых". Высшими выразителями интеллектуального направления во Франции второй половины прошлого столетия, проповедовавшими настоящий культ разума и науки, явились Ренан и Тэн.

Реакция против этого направления развивалась исподволь и постепенно. Возможность опоры на союзников приободрила многих. Успехи техники, автомобилизма и особенно воздухоплавания дали новый толчек для пробуждения французского военного темперамента. Почва была подготовлена, когда грубые выходки восточных соседей вызвали громкий протест. Экспедиция военного судна в Агадир переполнила чашу, и вся Франция заговорила о войне".

В сфере мысли это проявление национализма нашло себе очень резкое выражение. По свидетельству известного литературного критика Эмиля Фагэ „реакция против Канта, Тэна и Ренана проявилась в гораздо бо́льшей силе, чем можно было думать. Когда о них упоминают, то делают это не иначе, как с величайшим презрением... Общее направление есть вполне выраженный анти-интеллектуализм" [1]).

При таких условиях неудивительно, что всё, что содействует расширению кругозора, что побуждает к миролюбивому состоянию, считается теперь многими французами унизительным и непристойным..... Одна английская писательница, смущенная воинственным настроением французского юношества, выразилась следующим образом: „Те самые мои друзья, которых я прежде знала, как поклонников мира, как врагов милитаризма и узкого национализма, как приверженцев Гете, Ницше и Вагнера, теперь поразительно изменились.

[1]) И. Мечников. 40 лет и пр., стр. 30.

Они лишь шопотом произносят прежние слова мира и прогресса, но каждым словом, каждым ударением голоса, каждым взглядом дают почувствовать их желание войны".

Подобно тому, как изменился вместе с общественным настроением кругозор мыслящих людей во Франции, мы пережили такое же изменение мировоззрения, начиная с эпохи 60-х годов до конца 70-х годов, когда разразилась русско-турецкая война. Статистика книжного рынка и взятых из библиотек книг дала бы в этом отношении особенно поучительные данныя.

XIII. Коллективное сосредоточение и коллективное наблюдение.

С образованием коллектива, его сосредоточение, направлено ли оно в сторону защиты, или в сторону нападения, или на что либо привлекающее его любознательность, усиливается прямо пропорционально числу единиц, входящих в коллектив.

Естественно, что коллектив всегда выигрывает в отношении наблюдения и в способности примечать перед отдельным индивидом, чему мы имеем многочисленные примеры прежде всего из жизни животных.

Для иллюстрации достаточно привести пример из Г. Друммонда[1]).

Вот оленье стадо, растянувшееся, как они любят это делать, на четверть мили длиной: каждое животное в стаде не только участвует в физической силе всех остальных, но и в наблюдательных способностях; его осторожность в виду возможной опасности, есть осторожность всего стада: у него столько глаз, ушей, органов обоняния, сколько у всего стада; его нервная система простирается на все пространство, занятое линией; одним словом его среду составляет не только то, что слышит, видит, обоняет, осязает, чувствует на вкус один, но что слышит, видит, обоняет, осязает, чувствует на вкус каждый отдельный член стада».

Сосредоточение, как вид коллективного рефлекса, ничем по существу не отличается от индивидуального рефлекса сосредоточения в форме зрительного сосредоточения или смотрения, слухового—слушания и др., с тем однако различием, что здесь акт смотрения и слушания выполняется тысячами глаз, устремленных на один и тот же предмет, и тысячами настороженных ушей. Здесь те же формы мышечных сокращений, которые наблюдаются и при индивидуальном смотрении и слушании, но эти формы мышечных сокращений выполняются множеством лиц одновременно. Однако есть большое различие в результате смотрения, т. е. наблюдательной способности или собственно способности примечать.

Тысячи глаз смотрят лучше, чем пара глаз. Малейший недочет в игре тотчас же улавливается смотрящим коллективом, между тем как один зритель мог бы не обратить на это внимания. Можно сказать, что способность при-

---

[1]) Г. Друммонд. Прогресс и эволюция человека, стр. 177.

мечать в коллективе во столько раз сильнее, во сколько коллектив численно больше одного индивида.

Если мы находимся в концертном зале, мы имеем слушающий коллектив с теми особенностями в позах, которые характеризуют известное напряжение слухового аппарата. И опять такой слушающий коллектив обнаруживает part pro toto paribus более острое наблюдение в отношении звуковых эффектов, нежели каждый индивид в отдельности, ибо малейший недочет в выполнении непременно будет замечен в коллективе известным числом лиц, тогда как отдельный индивид, каким бы слухом он не обладал, может оставить его незамеченным, хотя бы вследствие временной рассеянности.

Коллективное сосредоточение мы имеем в каждой толпе, внимающей своему оратору: в каждой театральной публике, следящей за ходом представления или за выполнением трудных акробатических упражнений: в каждом концерте, где собрание слушает музыкальные пьесы или пение: в каждой школе, где ученики сосредоточиваются на словах своего учителя: в каждой трудной по выполнению коллективной работе, где люди сообща выполняют одно общее дело и сосредоточенно следят за руководителем в целях согласованности своих движений, от которой зависит правильность самой работы.

В определенную эпоху времени коллектив сосредоточивается на каком-либо определенном событии и проявляет к этому событию особую впечатлительность. Так в период войны коллективное сосредоточение устремляется на известия, получаемые с театра военных действий. В период голода коллективное сосредоточение устремляется на вопросы, связанные с доставкой съестных продуктов. В период громкого процесса коллективное сосредоточение устремляется на ход судебного следствия и разбирательство дела. В случае тяжелого общественного бедствия коллективное сосредоточение устремляется на различные детали этого события и т. п.

Таким образом общественное сосредоточение привлекается в общежитии жизни всякой сенсационной новостью: объявлением войны, каким-либо грандиозным предприятием, новым открытием или изобретением, даже какой-нибудь замечательной книгой, вообще всем, выходящим из ряда заурядных вещей.

Упомянутые выше бо́льший эффект коллективной сосредоточенности и бо́льший результат коллективной наблюдательности достигаются в коллективе животных и человека ни чем иным, как обобщающим началом коллектива, благодаря которому замеченная кем-либо особенность тотчас же сообщается, при посредстве знаков или языка, другим. Этого достаточно, чтобы она сделалась уже общим достоянием и послужила предметом дальнейшего совместного обсуждения и общего выявления, которое, благодаря усиленному сосредоточению на том же предмете многих, приводит еще к бо́льшему углублению наблюдательности в указанном направлении.

В результате всего этого оценка того или иного предмета сосредоточения, будет ли то картина, театральное представление, музыкальная пьеса и т. п., оказывается со стороны коллектива более верной, нежели со стороны каждого из его отдельных индивидов.

Возьмем пример из жизни. С наступлением февральской революции, П. М— ов, один из популярнейших вождей того времени, избранных народной волей в члены Временного правительства, во время своей речи вслед за переворотом упомянул вскользь имя возможного будущего монарха России. Этого было достаточно, чтобы эта речь подверглась почти всеобщему осуждению, и сам оратор сразу же потерял доверие среди более левых политических кругов страны, тогда как отдельный индивид, слушая ту же речь, мог бы не обратить на это место своего внимания, или же при обмене мнений оратор мог бы так или иначе исправить впечатление от речи.

Из вышеизложенного ясно, почему коллективный или общественный надзор имеет преимущество перед надзором со стороны отдельного лица.

В этом и заключается значение общественного контроля, который, вообще говоря, отличается значительно бо́льшею внимательностью и строгостью, нежели контроль отдельных лиц.

Однако всё вышеуказанное справедливо по отношению к тому случаю, когда для наблюдающего коллектива представляется возможность проявить обобщающее начало путем гласной критики и обмена мнений. В другом случае, когда дело сводится лишь к одному коллективному наблюдению, и коллектив самое бо́льшее может выражать лишь свое одобрение или неодобрение, как это имеет место в отношении театральной публики, то коллектив тем самым лишается в значительной мере остроты своей наблюдательности, и окончательный результат ее сводится к тому, какое впечатление данное представление производит на большинство наблюдателей. Но, так как и здесь обобщающий элемент в коллективе осуществляется при посредстве знаков одобрения или неодобрения, то этим путем коллективная наблюдательность подчиняется в той или иной мере закону подражания или заразе. Всякому ясно, что когда то или другое место пьесы вызывает аплодисменты одной группы лиц, эти аплодисменты подхватываются и другими и нередко всей залой. Этим, как известно, пользуются клакеры в театрах, нанимаемые специально для поддержки той или другой пьесы.

То же условие подражательности и внушения играет роль и в отношении происхождения коллективных иллюзий и галлюцинаций, о которых речь будет ниже.

Не входя в подробности по этому предмету, я только хотел бы обратить здесь внимание на тот факт, что всякая коллективная галлюцинация начинается с коллективной иллюзии или даже представляет собою иллюзию, в основе которой лежит коллективное сосредоточение, направленное в определенную сторону соответствующим настроением и связанным с ним ожиданием. Так, когда та или другая семья бывает поражена горем, вследствие смерти кого либо из семьи, случается, что несколько лиц видят умершего при той или иной обстановке или при условиях, дающих повод к развитию массовой иллюзии. Когда войска находятся в постоянной тревоге, они часто поражаются коллективными иллюзиями и галлюцинациями в форме видения приближающегося неприятеля. Особенно часто такие иллюзии развиваются в сумерки или

з ночное время. И опять здесь поводом к развитию коллективных видений служит тот или другой внешний повод, создающий первоначально иллюзию в глазах одного, но затем эта иллюзия путем заразы передается другим и, обобщаясь, превращается в коллективную иллюзию, а иногда и галлюцинацию [1]).

Как и при сосредоточении со стороны отдельного индивида, коллективное сосредоточение характеризуется тем, что каждая мелочь в событии, привлекшем коллективное сосредоточение, возбуждает коллективную мимико-соматическую реакцию и вызывает многочисленные пересуды со стороны общества. Само событие становится предметом общего суждения, предметом модного разговора везде и всюду.

Нечего говорить, что коллективное сосредоточение отличается теми же свойствами, как и сосредоточение отдельного индивида.

Так при однообразии предмета оно подвержено утомлению; напротив того разнообразие внешних впечатлений, особенно при условии некоторого перерыва, его оживляет.

Одно и то же событие, какой бы важности оно не было, не может долго привлекать к себе коллективное сосредоточение. Последнее мало по малу притупляется или тормозится, направляясь затем на другое событие.

Вообще чрезвычайно важным фактором поддержки коллективного сосредоточения, как и при сосредоточении отдельных лиц, является смена событий, служащих предметом сосредоточения.

Последнее особенно обостряется по отношению к какому либо событию, если коллективное сосредоточение в течение некоторого времени представлялось совершенно незанятым, иначе говоря, бездействовало и следовательно находилось как бы в периоде отдыха. Но само собою разумеется, что напряжение сосредоточения обусловливается общественною важностью того или иного события, что, в свою очередь, находится в зависимости от того, в какой мере это событие задевает интересы индивидов, входящих в данное общество или коллектив.

Обращает на себя внимание специфическое отношение толпы, определенным образом настроенной, к внешним влияниям того или иного рода. Оказывается, что толпа, подобно отдельным индивидам, безразлично относится ко всем воздействиям, которые не соответствуют ее настроению, и, наоборот, она очень чутка к воздействиям, так или иначе отвечающим по своему характеру ее общему настроению. Ее наблюдательность и сосредоточение в этом отношении обостряется. Это совершенно аналогично тому, что мы имеем и в настроении отдельной личности. При пониженном или угнетенном настроении человек, мало или даже вовсе, не доступен всему, что противоречит его настроению, и даже тому, что может его развлечь и поднять настроение. Наоборот, при повышенном настроении человек не доступен к горю других.

---

[1]) Подробности и многочисленные примеры коллективных иллюзий и галлюцинаций см. в моей книге: Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. 3-е изд. 1908 г.

С другой стороны в периоды политических переворотов, смут и восстаний под влиянием обостренных политических отношений более или менее обычными должны считаться коллективные опасения и коллективная подозрительность. Как во время великой французской революции, так и во время русской революции опасения возможности контр-революции не оставляли общество в течение почти всего времени революции, и на этой почве развивалась коллективная подозрительность, благодаря чему видели контр-революционера почти во всяком человеке, не принадлежащем к правящим партиям, и привлевали к ответу по самому малейшему поводу. Также и во время войны развивается усиленная подозрительность коллектива по отношению к шпионам. Особенно это проявляется в странах, в которых, как напр. в Германии, военный шпионаж поставлен на необычайную высоту. Можно сказать, что в зависимости от развития шпионажа естественно стоит и развитие «шпиономании», ибо чем выше поставлен шпионаж в своей стране, тем более возникает опасность, что в такой же приблизительно мере шпионаж существует и в неприятельской стране, а потому вполне естественно подозревать неприятельский шпионаж кругом себя. Вот почему напр. в Германии, в период бывшей войны больше, чем в какой либо другой стране, поражало обилие плакатов на улицах, площадях, вокзалах, в магазинах, ресторанах, кафе и других общественных местах, предупреждавших об опасности шпионажа.

Нечего говорить, что германская „шпиономания" направилась прежде всего против тех иностранцев, и между прочим против русских, которые не успели выехать из Германии до периода об'явления войны. Затем всё острие этой шпиономании обрушилось на пленных. Нам ближе известны в этом отношении данные, которые относятся к русским военно-пленным. Наибольшую ценность в этом случае, без сомнения, имеют собственные свидетельства самих пленных, которые мы здесь и приводим со слов Н. Вавулина [1]). „В каждом пленном германцы способны были видеть шпиона. Обыски в лагерях военно-пленных были обычным явлением. Обыскам подвергались наши врачи, офицеры, солдаты и гражданские пленные. Почти всегда неожиданно в лагерях или лазаретах военно-пленных появлялся караул, который оцеплял бараки и занимал все входы и выходы. Приезжало лагерное начальство, появлялись сыщики, иногда и полицейские собаки. Тотчас же поднималась суета, и германские офицеры и фельдфебеля, гремя своим оружием, красные от натуги, орали на своих и на наших. Эта брань по нашему адресу и крикливые приказания вместе с угрозами нервировали нас до крайности. Врачи и офицеры подвергались более унизительному обыску, чем солдаты. Обыкновенно их выводили из своих помещений в пустой барак, где и предлагали раздеваться до гола. И в то время, когда врачи и офицеры раздевались, а германские офицеры рылись в белье, т.т. майоры или гауптманы направлялись в помещения обыскиваемых, где с усердием кладоискателей копались в грязном белье и лазали под койки, ощупывали стены, вскрывали столы.

[1]) Н. Вавулин, „Вестник Знания", вып. 6—Германские приемы и обеспечение победы. Отд. оттиск.

Солдат осматривали проще, но чаще обыкновенно блок-фельдфебель, как ответственный хозяин своего блока, отдавал приказание выстроиться пленным на плацу вместе со своими вещами. И когда серая ободранная масса выстраивалась со своими такими же рваными мешками, появлялся фельдфебель с переводчиками, а иногда и со сворою полицейских собак, искали всегда что либо сугубо криминальное, но находили рваное тряпье, изредка заплатки, дневники, книги, газеты, которые тотчас же забирались и отсылались в комендатуру".

„Шпиономания" терроризировала не только германское население, но и их армию. Было вполне понятно жестокое к нам отношение германцев, ибо в корне его таилась боязнь, как бы их человеческое отношение к пленным не дало бы повода к обвинению в незаконном с нами сношении, угрожающем якобы безопасности германской империи.

В деле охранения своих военных тайн Германия необычайно ревнива. Обыски, цензура, допросы—все это были вспомогательные средства для определения „благонадежности" подозреваемого лица. Неодобрительно отозвавшийся о германской империи подвергался суровому наказанию. Военно-пленные, по состоянию своего здоровья, подлежащие обмену, но вызвавшие какое либо подозрение, оставались в лагерях навсегда".

Говоря про партию военно-пленных, вернувшихся с фортификационных работ в лазарет лагеря Альтдамма, автор замечает: „Это были полуживые высохшие мертвецы, в прямом смысле—скелеты, обтянутые, ссохшейся желтевшей кожей. Большинство из них страдало туберкулезом в последней степени, были среди них и калеки. И вот только потому, что эти люди были замучены на казенных работах, германское военное министерство издало приказ—не подвергать этих лиц обмену, так как они могут выдать военные тайны. И таких пленных безжалостно оставляют умирать.

В целях обезвреживания шпионажа вся корреспонденция военно-пленных прежде, чем попасть в цензуру, выдерживает карантин от 10 дней и более, большею же частью совсем уничтожается. В тех же целях ни одно постороннее лицо не имеет права посещать лагеря военно-пленных, а военнопленным запрещается не только проживать на частных квартирах, но и ходить из одного лагерного блока в другой".

Автор еще не касается особых охранительных мер, которые применялись ко всем вообще выбывающим из пределов Германии лицам, а между тем описание этих мероприятий в немалой степени восполнило бы картину германской шпиономании.

По описанию д-ра Креслина, лично осматривавшего лагери русских военнопленных в Германии картина представлялась еще более мрачною, но мы не будем останавливаться на этом предмете, чтобы не бередить раны прошлого, хотя и столь недавнего времени.

Заметим в заключение, что в коллективе, как и у отдельной личности, в зависимости от настроения, особенно в периоды тревоги и ожидания того или иного события, развивается обострение воспринимающих органов до степени развития коллективных иллюзий и галлюцинаций.

Я ограничусь здесь для иллюстрации сказанного одним из примеров коллективной галлюцинации, случившейся по описанию „Разведчика“ в ночь со 2 на 3 июня в Андижанском гарнизоне, вскоре после известного восстания, разразившегося в Андижане 18 мая.

„Андижанский гарнизон изнемогал под бременем все возраставших трудностей караульной службы. Арестованные росли в числе с каждым часом; конвойная служба и дальние разведки поглощали ежедневно всю андижанскую конницу; справедливо опасались возможной вспышки фанатизма к близившемуся моменту казни: бродили слухи, что туземцы готовы ринуться выручать своих святых коноводов и вожаков, причем многочисленным толпам головорезов, казалось, легко было бы стереть с лица земли горсточку русских людей, среди которых находился также временно командующий войсками со свитой и высшие военно-судебные лица.

Если тем, кто знал полностью андижанские обстоятельства, положение рисовалось далеко не в розовом свете, представьте же себе тех, до которых все это достигало в раздутых до химеричности формах, и вы себе легко представите состояние темной солдатской среды. Особенно усердными поставщиками разных нелепостей в солдатскую среду были денщики.

Ночь, когда случилась в Андижане тревога, была темная-претемная южная ночь, пасмурная. Ей предшествовал дождь, кажется с грозой.

Вновь прибывшие стрелки были расположены в казармах и в лагерях. Казармы тогда еще слабо освещались внутри, а бараки почти так же, как в роковую ночь 18 мая, т. е. весьма скудно. Все остальное пространство и города, и окрестностей тонуло в густейшем мраке. Фонари в городе Андижане не зажигались на эту ночь по славному русскому обычаю не зажигать их, если по росписанию полагается луна, хотя бы ее скрывали тучи.

Было за полночь. Солдаты и в казармах, и в лагерях спали в повалку, крепко держа ружья и ощупывая в подсонках патроны. Тишина царствовала по истине узручающая и томящая.

Вдруг откуда-то издалека долетел какой-то неясный шум, заставивший всех нас вздрогнуть, а через секунду ужаснуться, а потом ахнуть, ибо шум все рос, рос...; вот уже это гомон толпы, вот вырываются отдельные дикие крики, потом целые снопы криков, визгов, воплей.

Потом ко всему этому присоединилось „ура“, сперва редкое, потом громкое, потом громовое... победное „ура“, и „ура“ все росло, охватывая лагерь, казармы.

Вдруг затрещала ружейная пальба. Свидетель пришел в лагерь, когда еще один дневальный, приложившись, пускал последний заряд в догонку убегавшему врагу. В эту минуту все остальные люди стояли, уже построившись в своих бараках—навесах, старательно оглядываемые и успокаиваемые своими начальниками. Каждый откровенно говорил, куда он палил и сколько раз, но откуда пошла стрельба и тревога никто толком не знал ни в лагерях, ни на постах.

Между тем причиной ложной тревоги было то, что раненый в бреду вскочил и с воплями пустился бежать; после того повскакали также и все остальные раненые.

Охотничья команда, ближайшая к лазарету, моментально разбуженная, схватила ружья и с криками „ура"! бросилась на выручку своих раненых.

Это всколыхнуло лагерь! Люди стали вскакивать, напяливать на себя, что попало, загалдели, заорали. Гаркнули „ура", которое, разрастаясь и перекатываясь, докатилось до отдаленнейших уголков гарнизона.

Потом кто-то бухнул в темноту из винтовки, и массовая галлюцинация выросла во всей своей красе—все видели, слышали и стреляли врага. Люди сделались глухи на секунду к голосу начальников, к сигналам".

XIV. Коллективное творчество.

За последний период времени взгляд на коллективную творческую деятельность существенно изменился. В то время, как еще недавно признавалось, что творчество есть результат по преимуществу отдельных индивидов, выделяющихся силою своего ума, коллектив же не может дать в процессах суждения и творчества ничего, кроме посредственности, ныне напротив того приходится признать, как положение, что коллективная творческая деятельность в человечестве играет преобладающую роль, и что даже само суждение обязано ничему иному, как коллективной деятельности. Эту точку зрения между прочим разделяет и выдающийся социолог современности Э. Дюркгейм. Но, не останавливаясь пока на этом факте, заметим, что, когда дело идет о суждении отдельной личности, то в этом случае все, или по крайней мере многое, определяется предшествующим опытом личности, в зависимости от которого и выявляется ценность того или иного суждения. Приложение этого опыта к новой задаче в конце концов сводится к приведению доказательств за и против и к взаимному взвешиванию их с целью подвести окончательный итог этому взвешиванию в виде определенного вывода.

Подобное же мы в сущности имеем и при суждении коллектива с тем различием, что здесь к делу привлекается не опыт отдельной личности, но опыт многих личностей, входящих в данный коллектив, вследствие чего и суждение коллектива представляется обыкновенно более многосторонним по сравнению с суждением отдельной личности в той мере, в какой опыт многих личностей многостороннее опыта каждой отдельной личности. Вот почему критика того или другого предмета и его частностей в коллективе оказывается всегда полнее и разностороннее критики отдельной личности, а самые суждения и решения оказываются более осторожными.

Но за то работа коллектива, вследствие участия в суждении многих отдельных личностей, для подведения итогов оказывается гораздо более медленной, нежели работа отдельной личности.

Поэтому там, где нужна спешность и быстрота решения, там работа коллектива не уместна, хотя бы она была и совершеннее работы отдельной личности; где, наоборот, нужна бо́льшая предусмотрительность и осторожность

и в то же время нет спешности, там работа коллектива предпочтительнее работы отдельной личности.

На характере суждения коллектива однако сказывается его состав, определяющий взгляды и интересы большинства входящих в него отдельных личностей.

Отсюда очевидно, что, в зависимости от состава коллектива, суждения и решения его в отдельных случаях могут иметь тенденциозный характер и могут даже носить отпечаток своеобразной заинтересованности. Тем не менее, как общее правило, суждения и решения коллектива представляются более беспристрастными, нежели индивидуальные суждения и решения. Для того же, чтобы обеспечить вполне беспристрастное коллективное суждение, самый коллектив должен быть составлен из разнородных по характеру элементов.

Индивидуальная умственная деятельность, углубляясь в тот или другой вопрос и руководясь своим опытом и эрудицией, в сущности пользуется опытом коллектива, его синтезирует и из соответствующего материала делает те или другие выводы. В то же время она знаменуется творчеством в зависимости от своего опыта, эрудиции и таланта. Но на этой деятельности, как она ни плодотворна, всегда лежит отпечаток индивидуальности в тон или иной мере, а при недостаточной эрудиции и широте взглядов—даже и отпечаток односторонности. Вот почему наилучшие результаты получаются в том случае, если индивидуальная творческая работа подвергается обсуждению в коллективе, где под перекрестной критикой со стороны людей, работающих в других направлениях, выводы и решения, достигнутые в тишине кабинетов отдельной личностью, шлифуются, пополняются, расширяются или обобщаются. Нечего говорить, что в собраниях же они пропагандируются и популяризируются.

Однако вместе с этим из самой работы устраняются нередко особо характерные индивидуальные особенности. Чтобы они были сохранены, необходимо автору предоставить лишь воспользоваться приемлемыми для него замечаниями коллектива и только.

Содержание речей в собрании, обычно отражает в себе индивидуальность отдельных членов собрания, но не следует забывать, что ораторы, выступающие в собраниях, невольно принимают во внимание как характер самого собрания, так и взгляды других ораторов; следовательно, уже на этих речах отражается влияние коллектива, но окончательное коллективное суждение получается лишь из взаимно скрещивающихся и взаимно критикующих друг друга мнений и выливается в конце концов в определенное постановление, решение или резолюцию.

Всякое собрание, как известно, протекает более вяло или более оживленно в зависимости от важности предмета, состава собрания и заинтересованности в нем лиц, участвующих в собрании.

Если полного расхождения взглядов на собрании не обнаруживается и может быть найдена точка примирения, то решение идет по равнодействующей двух или многих скрещивающихся мнений, но чем более расхождение взглядов, тем обыкновенно медленнее достигается каждый результат обсуждения, т. е. решение.

Само собою разумеется, что умелое регулирование прений содействует бо́льшей успешности и бо́льшей сдержанности собрания и направления его по определенному руслу. Недостаток же правильной регуляции прений может быстро осложниться каким либо инцидентом, а неуменье во́ время ликвидировать инцидент иногда срывает самое собрание. Дело в том, что всякий инцидент, возникающий на почве разногласий в собрании, резко подчеркивает и обостряет это разногласие и тем вредит правильной работе коллектива, если не сводит ее окончательно на нет при полном расхождении во взглядах отдельных частей собрания.

Продуктивность работы коллектива зависит в известной мере и от размера самого коллектива. Обыкновенно, чем больше коллектив, тем медленнее идет его работа, но зато она представляет бо́льшую гарантию в отношении удовлетворения интересов возможно бо́льшей массы лиц. Однако размеры собрания для успешности коллективного обсуждения предмета имеют свои пределы, и собрания свыше 500—1000 чел. уже сильно затрудняют правильное руководительство обсуждением предмета.

Когда предмет становится ясным для большинства лиц, когда путем коллективной работы и скрещивания взглядов выясняется сущность дела, можно говорить о коллективном выяснении предмета.

Когда мы говорим о коллективном рассмотрении предмета, о коллективной критике, о коллективном взгляде на вещи и т. п., все это в сущности только отдельные этапы коллективной соотносительной деятельности, выливающиеся окончательно в форму коллективного суждения.

Результатом последнего является, как уже сказано, резолюция или решение, постановление или приговор при одобрении большинством собрания. Эти решения, постановления или приговоры являются, в сущности, сводкой всего обсуждения и последним выводом, к которому приходит коллектив в результате своей работы и формулу которого предлагает та или другая сторона или вообще кто либо из участвующих в прениях.

Что касается коллективных словесных заявлений, в собственном смысле слова, то в сущности имеется почти единственный случай, когда тот или иной коллектив произносит вполне согласованную во всех частях речь. Это в хоровом пении, но здесь согласованность имеет целью дать наряду с словесной символизацией гармонию звуков.

С другой стороны коллективные заявления могут быть более или менее согласованными в виде возгласов и выкриков в толпе; в других же случаях, эти заявления, хотя и могут иметь со стороны отдельных индивидов коллектива более или менее согласованное содержание, но каждым отдельным лицом выражаются индивидуально. Так бывает при заявлениях и требованиях массы лиц, собравшихся по какому либо определенному поводу и связанных одними и теми же интересами.

В других случаях и даже чаще всего коллектив заявляет себя одной общей формулой—письменной или устной все равно, передаваемой через выборное лицо. Эта общая формула—приговор, резолюция или решение—

может быть очень кратким, но она всегда требует до своего выявления предварительной работы в виде коллективного обсуждения вопроса.

Печать есть одна из форм коллективного обсуждения, являющегося всенародным, а следовательно и более широким в смысле бо́льшего круга лиц, которые привлекаются к обсуждению, причем в последнем участвуют люди, уже владеющие в той или иной мере пером, и к тому же самое обсуждение по условиям печати лишено конкретной экспрессивности живого слова.

Само собой разумеется, что, хотя это обсуждение может быть особенно ценным в смысле освещения разных сторон вопроса, но по самому условию своего выполнения оно является еще более медлительным в отношении затрачиваемого времени и не дает возможности получить определенное решение путем непосредственного голосования, если не иметь в виду форму анкеты.

Мы уже упоминали, что многие из авторов утверждали, будто только индивидуальная деятельность является творческой, коллективная же деятельность будто бы к творчеству неспособна или во всяком случае не может быть сравниваема по качеству с творчеством индивидуальным.

Так многие авторы признают толпу тупою и в отношении своих умственных процессов стоящею вообще ниже отдельных индивидов, ибо решение толпы обыкновенно не выходит будто бы из порядка посредственности.

Между прочим Габелли дает другую иллюстрацию той же самой мысли по отношению к выборам кого либо, напр. ректора в университетах. „Выбирают того, чей выбор наименее задевает самолюбие, кто не выдается, наиболее невзрачного. Часто желают иметь таковым наиболее терпимого, снисходительного, сговорчивого, имеющего наименьшее значение, одним словом человека, наименее энергичного и решительного, который будет иметь меньше влияния. Таким образом выбранный не пользуется доверием ни сторонников, ни противников, каждый из которых прекрасно сознает, почему подал свой голос. Иногда даже случалось, что после выбора сторонники избранника менее склоняются в его пользу, чем его противники".

Вышеуказанные взгляды ничуть не исключительны. Они разделяются и другими авторами, писавшими о том же предмете. Очень выразительно по этому предмету высказывается Макс Нордау: „Соедините двадцать или тридцать Гете, Кантов, Гельмгольцев, Шекспиров, Ньютонов и т. д. и предложите их решению или суждению практические вопросы минуты. Разсуждения их, может быть, будут совершенно разнится от суждений обыкновенного собрания (хотя я не поручусь за это), но, что касается выводов, они ни в чем не будут отличаться от выводов обыкновенного собрания. Почему же? Потому что каждый из 20 или 30 выбранных, помимо свойственной ему оригинальности, делающей его особенной личностью, носит в себе унаследованные свойства рода; это последнее делает его похожим не только на соседа по собранию, но на каждого неизвестного прохожего, которого он встречал на улице. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными свойствами, которые составляют определенную однородную величину, предположим, равную X,—величину, к которой у личностей, стоящих выше средней нормы, при-

бавили еще другую величину, различную сообразно индивидуальности, которую в силу этого нужно определить различно; напр. равной b, c, d и т. д. Раз установив это положение, мы получим в собрании из 20 человек, положим, всё гениев—20 X и только 1 b, 1 c, 1 d и т. д. Несомненно 20 X превысят отдельные b, c, d и т. д. Это значит, что свойства человеческого рода превысят индивидуальную личность, и картуз работника вполне покроет шляпу доктора и философа" (М. Нордау, гл. VII, цит. по С. Сигеле).

Г. Ферри туже мысль выражает иначе, но не менее образно: „От соединения здравомыслящих людей мы получить в результате собрание, не обладающее здравыми понятиями точно так же, как в химии от соединения двух газов можно получить жидкость" (E. Ferri, Nouveaux Horizons 2 edition, стр. 484).

По словам Сигеле (l. c., стр. 54), „коллективная психология обильна неожиданностями: сотни, тысячи людей сообща способны совершить поступки, которые ни один из сотни или тысячи, будучи одинок, не совершил бы никогда. Эти неожиданности впрочем почти всегда прискорбного свойства. Соединение хороших людей почти никогда не дает превосходного результата, иногда получается посредственный, а в иных случаях даже очень плохой".

Чтобы ответить на последний вопрос, автор приходит к выводу, что „в толпе хорошие свойства некоторых вместо того, чтобы суммироваться, вычитываются друг из друга". Это значит, что лучшие качества одних затеняются более низшими качествами большинства людей, входящих в толпу. Отсюда ясно, что последние должны брать верх над первыми. Кроме того и действие взаимовнушения в толпе должно сказываться аналогичным образом. Наконец, в толпе мы имеем известный невысокий относительно уровень нравственности. Тоже наблюдается и в собраниях в отношении интеллектуальных сил, которые в конечном счете ниже самого умеренного таланта, несмотря на то, что толпа, будучи чаще всего кровожадным зверем, способна в известных случаях возвышаться до степени благородства и героизма.

Единство толпы, как социальной личности, есть, как известно, первое условие проявления массовых действий. Это единство устанавливается часто независимо от состава индивидов, исключительно под влиянием эмоциональных состояний, вызванных тем или другим фактом.

Но, когда установляется такое единение, толпа, как социальная личность, является уже не средним элементом входящих в нее индивидов, а обладающим совершенно особыми свойствами. Это вызывается будто бы тем, что высшие продукты соотносительной деятельности различных индивидов как бы вычитаются друг из друга и выливаются в форму средней линии, и все ценное и разнородное изглаживается. Наоборот, все то, что относится к более низшим формам соотносительной деятельности,—импульсивность, эгоизм напр., подавляемые в индивидах, здесь как бы слагаются, затемняя собою более высокие проявления соотносительной деятельности. Вот почему по словам Г. Лебона (l. c., стр. 168) „в толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. „Весь мир", как это принято говорить, никак не может быть умнее

Вольтера, а, наоборот, Вольтер умнее, нежели „весь мир", если под этим словом понимать толпу".

С другой стороны, благодаря известной численности толпы в составляющих ее элементах появляется бо́льшая уверенность в силе и авторитетность, чем не обладает в такой мере каждый индивид в отдельности. Вместе с этим связана вера в безнаказанность и непогрешимость общего решения. Далее в толпе развивается необычайно повышенная восприимчивость к внушениям и склонность к заразе.

Благодаря всему этому получается склонность к импульсивности и неспособность к критической оценке своих поступков.

Отсюда, как общее явление, можно признать понижение интеллекта в толпе и с другой стороны повышение мимико-соматических рефлексов. Все это, конечно относится к уличной толпе и ничуть не может быть применимо ко всем собраниям и в особенности к собраниям специального характера.

Согласно Г. Лебону (l. c., стр. 322) „деятельность толпы всегда и везде бывает ниже деятельности изолированного индивида". Но это положение опять-таки подлежит оспариванию, ибо толпа даже неорганизованная, но объединенная известным настроением способна на геройские поступки и действия, украшающие страницы истории до настоящего времени. С другой стороны, собрания, слушая подготовленные заранее доклады специалистов, сглаживают в них именно те или иные односторонности и увлечения, а что это служит пользе дела можно видеть из того, как часто сами специалисты-докладчики соглашаются с правильностью внесенных поправок или даже отказываются от своих положений.

Вообще же, что касается большей глупости коллектива, по сравнению с отдельными индивидами, то в этом отношении многое было высказано без достаточного взвешивания всех обстоятельств. Прежде всего нельзя смешивать, как уже сказано, уличные толпы, связанные одним лишь настроением, с другими коллективами. С другой стороны то, что делает отдельный индивид, есть плод часто долговременных поисков и стараний, основанных к тому же на синтезе коллективной работы, тогда как толпа бо́льшею частью принуждена принимать решения, которые не могут быть откладываемы на более или менее долгое время. Вместе с тем решение толпы является равнодействующей или, вернее, средней арифметической из мнений целого ряда лиц, составляющих толпу, и следовательно характер решения определяется самим составом толпы, а потому при преобладании в ней посредственностей и мнение ее окажется посредственным, но вовсе не доказано, что толпа умных людей будет давать коллективное мнение, которое окажется глупее, нежели в том случае, если бы оно при тех же самых условиях было высказываемо каждым в одиночку.

Бентам между прочим обращает внимание на различие между постановлениями политических обществ, имеющих постоянный характер, и такими же

обществами, имеющими случайный и кратковременный характер, в том смысле, что первые дают легче решения, отвечающие истинным интересам их членов.

По Г. Лебону будто бы даже парламентские собрания представляют опасность в двух направлениях—„в отношении непроизводительной растраты финансов и в отношении прогрессивного ограничения индивидуальной свободы". Однако и это положение требует поправки. Не может подлежать оспариванию, что парламенты лучше регулируют финансы, нежели единоличная власть министра. Уже один общественный контроль сразу отсекает из народного бюджета статьи расхода, которые не могут быть оправданы с точки зрения общественного интереса. Правда, парламенты не жалеют средств на те потребности, которые игнорируются короною, но парламенты же указывают и источник покрытия новых расходов, признаваемых продуктивными.

Что касается прав личной свободы, то опять-таки большой вопрос, кто больше издает ограничивающих личную свободу постановлений—парламент ли или администратор, который в бурные дни так и сыплет, как из рога изобилия, обязательными постановлениями, бо́льшею частью одно другого бессмысленнее.

Также и положение об односторонности мнений, выставляемых Лебоном, как одного из свойств толпы, даже парламентской, не может быть принято безусловно. Если партия, взвешивая интересы своих избранников, высказывается при голосованиях, как один человек в силу партийной дисциплины, то не следует забывать, что предварительно голосования в самом парламенте вопрос всесторонне обсуждался в партийных собраниях, где скрещивались доводы многих ораторов и где решение явилось той средней линией поведения, которая оказалась наиболее целесообразной при данной кон'юнктуре партийных соотношений. Этой заранее условленной подачей голосов об'ясняется и безразличное отношение слушателей к речам малоизвестных ораторов, тогда как речи главных вожаков партии представляются всегда показательными и выслушиваются с должным вниманием.

Надо при этом заметить, что до сих пор характеризовали толпу, как более или менее самостоятельное сообщество лиц, тогда как действующей толпы нет без ее вожаков; толпа и вожаки взаимно дополняют друг друга и влияют друг на друга. Вожак руководится настроением толпы и эффектом, производимым его речью на толпу, тогда как толпа слушает своего вожака и подчиняется ему в своих действиях.

Любое вообще собрание представляет собою сочетание индивидуального и соборного ума. Не подлежит сомнению, что не всякий может быть вожаком толпы, и опять толпа толпе рознь. Не всякий из лидеров парламентских партий может быть вожаком уличной толпы и наоборот.

Поэтому и характеристика толпы со стороны различных психологов страдала той или иной односторонностью, благодаря тому, что не принималось во внимание в той мере, в какой это необходимо, тесное взаимоотношение между вожаком и толпой, чему между прочим были посвящены интересные

страницы еще со стороны нашего Михайловского и о чем позднее говорили видные западные социологи, как напр., Тард и др.

Что касается коллективного творчества в тесном смысле этого слова, то мы не разделяем общепринятой точки зрения, будто бы коллективный труд не может быть сравниваем по качеству с индивидуальным трудом. Собрание или толпа будто бы никогда не могут достичь в отношении качества труда даже средней степени индивидуальной работы (Сигеле, Г. Лебон и др.). Это мнение, однако, следует признать крайне односторонним. Правда, индивиду чаще, чем группе, мы обязаны инициативой и изобретениями, но нельзя упускать из виду, что индивидуальный гений есть сам по себе продукт общества, олицетворяющий собою синтез коллективной работы, что он вдохновляется толпой, что инициатива требует осуществления при участии толпы, что изобретения делаются для толпы и без нее они утрачивают всякий смысл, и что индивидуальный порыв нередко совершенно бессилен, если он не поддерживается и не будет подхвачен толпой. Ясно, что индивид без толпы или собирательной личности ничто, как ничто и толпа без индивида. Только совместная работа индивида и толпы или собирательной личности обеспечивает прогресс. При этом каждой стороне выпадает своя доля участия в человеческом прогрессе.

Индивидуальному уму, чтобы проявить себя, нужна помощь коллектива, потому что он творит для него, он изобретает то, что полезно и нужно коллективу, он собирает материал, который ранее его подготовил коллектив, он синтезирует факты, уже подготовленные коллективом, он осуществляет то или другое дело в интересах коллектива и пользуется всеми указаниями, которые черпает из коллектива. С другой стороны коллективный ум пользуется продуктами индивидуального ума, но он сглаживает все острые углы в его творческой работе, он устраняет излишние частности и шероховатости, имеющие то или иное значение в глазах индивида, но лишенные общего значения, он обобществляет работу индивидуального ума, делает ее общеприемлемой и общезначимой. Таким образом совершенно неверна точка зрения, будто бы только индивидуальный ум может творить хорошо, а ум толпы или собрания не способен проявлять творческую деятельность или, по крайней мере, неспособен в той мере, как ум индивидуальный, и что последний в этом отношении должен быть поставлен выше коллективного ума. Я больше склонен к мысли, что лучшая творческая деятельность достигается путем совместного труда, выполняемого при участии индивидуального и коллективного ума, из которых первый принимает на себя подготовку и обработку материала, второй же его критику, пополнение и обобществление. И разве мы не знаем примеров, когда даже гениальные творения были исправляемы под влиянием критики и оценки коллектива, на суд которого представлялось произведение. А если это так, то очевидно, что за коллективным умом всегда останется принадлежащая ему роль в соответственном исправлении и сглаживании недостатков и односторонностей индивидуальной работы.

Уже коллективное или общественное мнение есть результат обсуждения того или другого факта или события отдельными членами коллектива, его

отдельными кружками, а в больших коллективах отдельными партиями и обществами — обсуждения, распространяемого передачей из уст в уста, а в образованном обществе еще и печатью, играющей вообще огромную объединяющую роль во всех вообще коллективах. В случаях же особой значимости самого события известную роль в установлении общественного мнения, в странах, пользующихся политическою свободою, играют также роль народные митинги, а отчасти театры, кинематографы, балаганы и проч.

Да и всякая вообще работа, поручаемая любому собранию, выполняется так или иначе путем коллективного обмена мнений, которые затем синтезируются в форме того или другого вывода или коллективным же умом, или, что бывает чаще, индивидуальным умом, выражающим в этом случае работу коллективного ума.

Не следует вообще упускать из виду, как я уже упоминал, что индивидуальное творчество пользуется накопленным богатством коллектива, что любое открытие является плодом накопленных фактов и даже обобщение этих фактов, необходимое для нового открытия, бывает нередко подготовлено в такой мере, что остается подвести лишь итог всему сделанному, причем само открытие как бы носится в воздухе, индивидуальный же ум является только ярким выразителем этого обобщения.

Задаваясь вопросом, как происходит процесс в тех или других достижениях, Тард (Законы подражания, стр. 153), между прочим говорит: „сперва мы замечаем возникновение всевозможного рода изобретений, взаимно противоречащих идей и фантазий, то появляющихся, то исчезающих, покуда установление ясных формул, построение некоторых пригодных машин не заставит позабыть все остальное, чтобы служить основанием для надстройки дальнейших усовершенствований для последующего развития. Процесс является следовательно чем-то вроде коллективного мышления без коллективного мозга, но возможного благодаря солидарности (как последствие подражательности) многих мозгов изобретателей и ученых, обменивающихся своими открытиями".

Тем не менее мы знаем и формы настоящего коллективного творчества. Сюда относится язык, обычное право, верования, мифы и, в некоторой степени, народный эпос. Даже и художественное творчество может осуществляться коллективом, чему свидетельством может служить расписание древних русских храмов, производившееся рядом лиц по соглашению, напр. „Рублевым со товарищи"; да и некоторые литературные произведения осуществлялись коллективно. Сюда, напр., относится известное в русской литературе произведение—„Кузьма Прутков". Таким образом неоспоримо, что отрицать роль коллектива в творческой деятельности значит впадать в другую крайность.

В конце концов творчество в человеческой истории достигается совокупными усилиями коллектива и отдельных единиц. На долю первого выпадает главным образом накопление опыта и фактов и общее согласование результатов индивидуального опыта в интересах целого, а на долю вторых— синтез этих фактов с личной точки зрения. Ясно, что как без первого процесса

не может осуществиться творческий акт, так и без последнего завершение творческого акта не может быть достигнуто. Но и то, и другое, взаимно пополняя друг друга, приводит к творчеству, прогрессу и совершенствованию.

Здесь мы остановимся лишь на самом важном коллективном изобретении— на человеческом языке. Происхождение языка, говорит П. Коллэ, необходимо предполагает уже предварительное существование какого-либо общественного союза и оно об'ясняется следовательно, как факт исключительно социальный.

„Современное языкознание... об'ясняет образование языка из жестов, криков, восклицаний, с помощью которых дикий человек выражал и сообщал другим свои ощущения и чувства; а затем из созвучий (ономатопей), с помощью которых он старался подражать крикам животных и звукам природы, как то делают до сих пор наиболее отсталые дикари и наши собственные дети в первые месяцы их жизни... Ренан и Макс Мюллер выводят корни языков из этих подражательных созвучий—первобытных, односложных звуков, которые, присоединяясь друг к другу в различных сочетаниях, и образовали первые слова. Таким образом язык мог быть только самопроизвольным и бессознательным продуктом коллективного, а не индивидуального ума". И в то же время „мысль не могла возникнуть, а тем более развиться, без этого необходимого орудия".

„Происхождение письма было точно также исключительно общественное. Письмо сначала идеографическое, затем фонетическое, обозначает собою переход от животной жизни к жизни разумной, вследствие чего и составился вместе с языком самый основной фактор цивилизации, то условие, которое позволило развиться традиции и воспитанию, которое дало возможность последующим поколениям воспользоваться прогрессом, уже осуществленным предшествующими поколениями" [1]).

В статье „Социология и теория познания" (Новые идеи в социологии вып. 2) Э. Дюркгейм сводит происхождение логического суждения, а следовательно и самой мысли, к социальной жизни. Он прежде всего указывает, что содержание логической мысли состоит из общих понятий (концептов), и вот автор задается вопросом— „в силу чего общество может принимать участие в образовании концептов".

Он заявляет, что, рассматривая концепт, как общую идею, вопрос остается неразрешимым, ибо индивид свои восприятия и образы может сравнивать, выделяя из них нечто общее. Но концептам автор дает другое определение. Чувственные представления являются чем-то текучим, они приходят и уходят и притом каждый раз изменяются, если не от изменения самой воспринятой вещи, то от изменения самих себя; тогда как общее понятие остается «вне времени и вне становления», будучи как бы из'ятым из таких колебаний. Общее понятие является способом мышления, „который в каждый момент вре-

---

[1]) И. Коллэ. Отношение социологии к психологии. Новые идеи в социологии, вып. 2, стр. 84—85. Elements de sociologie. Paris. Rivicre 1903.

мени фиксирован и кристаллизован". Система понятий дана уже в материнском языке, ибо каждое слово выражает концепт, язык же является более или менее фиксированным и, если меняется, то лишь медленно.

Всякое логическое понятие, если и «не общезначимо, то по меньшей мере способно стать таковым». Понятие не есть только мне принадлежащее понятие, оно может быть обобщаемо, чего не может быть с „ощущениями", ибо «всякое умственное общение между людьми состоит именно в обмене концептами». Таким образом концепт по самой природе своей не есть нечто индивидуальное, а является по своему происхождению результатом коллективности, как самый язык, состоящий из концептов, является результатом той же коллективности. В конце концов понятия суть ни что иное, как об'екты коллективного опыта, являясь «коллективными представлениями» в форме, установленной языком, и будучи общими для целой группы.

Таким образом логическое суждение в сущности становится возможным с тех пор, когда индивид приобретает сверх индивидуальных представлений еще концепты общие для многих умов и имеющие безличный и устойчивый характер. В конце концов безличная мысль возникла из коллективной мысли.

Мало того, новейшая неопозитивная школа социологов признает, что не только концепты или понятия, но и основные категории ума являются ни чем иным, как продуктом общества, которое мыслится не как „воображаемое и номинальное существо, а как система действительных сил". Такие категории разума, как понятия времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности и т. д., соответствующие наиболее общим свойствам вещей, являются, в конце концов, продуктом общества. По Э. Дюркгейму уже при анализе религиозных верований встречаешься с основными из этих категорий. «Религия есть явление существенно социальное». С другой стороны, время нельзя представить, «не принимая в расчет приемов, посредством которых мы его делим, измеряем и выражаем известными знаками». Время понимается «только под условием различения в нем разнородных элементов». И вот, по Э. Дюркгейму, частного, т. е. индивидуального опыта недостаточно, чтобы „создать понятие или категорию времени, ибо время есть отвлеченная, безличная рамка, которая обрамляет не только наше индивидуальное существование, но и бытие всего человечества". Но если время не есть только мое время, а время общее для всех людей, как нечто об'ективно мыслимое, то очевидно оно может быть только результатом коллективного опыта. На самом деле порядок распределения явлений во времени создается социальной жизнью. Дни, недели, месяцы, годы и т. д. отвечают периодичности обрядов, праздников и публичных церемоний. По автору, ощущения и представления последовательности событий—результат индивидуального опыта, тогда как категория времени, как одинаковая для всей группы, является делом национальности. То же имеет силу и по отношению к пространству и причинности. По отношению к пространству необходимо отрешиться прежде всего от кантовского взгляда, как на чистое и абсолютно однородное, которое не служило бы ни к чему. Пространственное представление в результате индивидуального опыта состоит из первичного

распределения получаемых при этом опыте данных, из которых одни относятся направо, другие налево, одни кверху, другие книзу, к северу, к югу, западу, востоку и т. п., подобно распределению времени по срокам. Но одинаковость разделения пространства и доказывает социальное происхождение этих различий. Имеются и более прямые указания социального происхождения пространственных разделений. Некоторые напр. австралийские и американские общества имеют форму круга, и пространство у них разделено подобно становищу племени. Так народ Зуни (Пуэбло) состоит из семи частей, и пространство их состоит из семи стран, тесно связанных с соответствующей частью. И так как каждая часть племени имеет свой цвет в виде символа, то и каждая страна света имеет тот же цвет. Отсюда ясно, что пространственная организация стоит в прямой зависимости от социальной организации, причем даже деление на правую и левую сторону стоит в связи с религиозными воззрениями.

Понятие рода, силы, личности и действенности имеют такое же социальное происхождение.

Даже логика с ее понятием тождественности и противоречия, повидимому, имеет социальное происхождение, ибо мы знаем, что в мифологии бывает так, что часть равна целому или при небытии чего бы ни было оказывается возможным существование какого либо предмета, иначе говоря мы встречаемся с неустранимыми логическими противоречиями, причем „здесь постоянно ставится проблема бытия, облекающего самыми противоречивыми атрибутами: единством и множественностью, материальностью и духовностью, способностью подразделяться до бесконечности, ничего не теряя из своего состава и т. д.“. Таким образом начало тождественности является далеко не извечным, зависит, по крайней мере, отчасти, от фактов исторических, а следовательно социальных. Ясно, что как утверждение, что категории не выводимы из опыта, а ему предшествовали и являлись условием его возможности, так и происхождение их из индивидуального опыта, согласно теории Спенсера, одинаково встречает возражение. Если бы эмпиризм имел основание, то от категорий, этих наиболее общих понятий, пришлось бы отнять их общие характеристические свойства, что определяет их приложимость ко всему реальному и в то же время устанавляет их независимость от каждого отдельного опыта, тогда как ощущение и образные представления и „индивидуальны, и субъективны“. „Таковы два вида знаний, представляющих собою как бы два полюса ума. В подобных условиях вывесть разум из опыта значит заставить его исчезнуть, ибо такой вывод равносилен сведению всеобщности и необходимости, характеризующих разум, к простым видимостям, к иллюзиям, которые могут быть практически удобны, но которые не имеют под собой никакой реальной почвы; это значит также признать объективную реальность логической жизни, упорядочение и организация которой и являются

---

[1]) Э. Дюркгейм. Социология и теория познания. Новые идеи в социологии, 1914, вып. 2, стр. 33. См. также Виндельбанд. Zeitschr. f Volkerspsychologie VIII, стр. 166 и сл.— Steinthal, ibid стр. 178 и след.

главной функцией категорий". Признавать же категории результатом особого разума, являющегося как бы „эманацией" высшего или божественного разума, значит прибегать к гипотезе научно недоказуемой. К тому же „категории человеческой мысли никогда не закреплялись в одной неизменной форме. Они создавались, уничтожались и пересоздавались беспрестанно; они изменялись в зависимости от времени и места. Божественный же разум одарен противоположным свойством".

Словом, „знание состоит из двоякого рода элементов, несводимых друг к другу". Знания эмпирические происходят под прямым действием об'ектов и след. дело идет здесь об индивидуальных состояниях и только о них одних, тогда как категории являются продуктом коллективного опыта.

Мы полагаем, что вопрос представляется далеко менее ясным, когда рассматриваемый предмет обсуждается с суб'ективной точки зрения, ибо в таком случае приходится говорить о коллективных представлениях, безличной мысли и т. п. Дело упрощается в значительной степени, коль скоро мы будем обсуждать вопрос с об'ективной точки зрения, говоря о языке, как орудии логической мысли. В самом деле, мы определенно можем сказать, что без языка не может быть никакого суждения, ибо в суб'ективном мире представлений в форме суждений нет и быть не может. Там имеется только ассоциативная связь представлений по смежности, по сходству, по принадлежности и т. п.; та же связь, которую мы называем суждением, возможна только при существовании словесных и иных символических сочетаний, не иначе. Но слово, жест или письменный знак, как мы знаем, представляют собою символы, которые являются результатом коллективного опыта, откуда ясно, что и суждение может быть ни чем иным, как таким же результатом коллективного опыта. Отсюда ясно, что логика развилась вместе с языком, и когда язык находится еще на примитивной стадии развития, тогда и логическое мышление оказывается невозможным в полной мере, что нам и доказывает первобытная мифология.

В логическом мышлении человек отрешается от чувственного опыта, входя в область отвлечения и подходя к пониманию истинной сущности внешнего мира, но это он мог сделать лишь с помощью символа, как продукта коллективности, являющегося первым шагом отвлечения, характеризуясь безличностью. Лишь при посредстве коллективного опыта придается определенная устойчивость данному символу, как безличному обозначению определенных об'ектов, представляющему в то же время первое обобщение всех аналогичных об'ектов опыта многих людей. Очевидно, что только путем этого обобщения и достиг человек умственного взаимоотношения, являющегося таким образом результатом коллективности.

Можно ли сомневаться в том, что без коллективного опыта, приведшего к символическому обозначению различных явлений внешнего и внутреннего мира, человек оставался бы на положении низшего существа, ограничиваясь в своем внутреннем мире лишь образами и чувственными переживаниями, которые не только не давали бы возможности общения с другими людьми,

но и не могли бы давать ему возможности создавать обобщение в форме концептов. Лишь при посредстве языка, человек получил возможность иметь концепты, являющиеся общим достоянием всех и проверяемые в отношении их значения всеми же, а вместе с этим и каждый индивид получал возможность дальнейшего сопоставления концептов и новых обобщений и выводов, что и должно было привести к возникновению логической речи. Только в условиях коллективности создается общезначимость тех или других символов—концептов, ибо каждый ум. в той или иной мере, проверяет на собственном опыте данные символы—концепты. Вместе с тем в коллективе же достигается согласованность данного символа со всеми другими путем взаимообмена этими символами, благодаря чему в горне общей коллективной работы символы вообще и концепты в частности приобретают определенную значимость, безличность и устойчивость, ибо эти символы, как и символы и концепты, становятся творением всего общества, а не отдельного какого-либо индивида Отсюда ясно, что и наша логика является результатом коллективности и вместе с развитием последней имела свою эволюцию, которая продолжается и поныне: это не значит однако, что индивид здесь не при чем.

Как известно, категории признавались и признаются за абсолютно значимые и неизменные формы всякого суждения. Это очевидно указывает, что в отношении их от начала умственного обмена между людьми в условиях жизни и деятельности человеческого коллектива было достигнуто полное и безусловное согласие, которое вошло, так сказать, в природу каждого индивида, выросшего и воспитавшегося в коллективе. И Дюркгейм прав, признавая за ними не только общественное происхождение, но и выражение ими различных сторон общественного бытия. „Так категория рода первоначально была неотделима от понятий о человеческой душе; в основании категории времени лежит ритм совместной жизни; категория пространства образовалась по образцу пространства, занятого группой: коллективная сила послужила прототипом для понятия о действенной силе—этого существенного элемента категории причинности". Мы думаем однако, что категории, как и концепты, суть продукты деятельности, одновременно, и индивидуальной, и коллективной. Здесь именно нашли полную согласованность между собою результаты личного и коллективного опыта, который развил и закрепил их, как незыблемые формы междучеловеческого обмена. Индивид живет в пространстве и уже в связи с устройством своих органов (полукружные каналы и др.) имеет возможность ориентироваться в нем. Он живет во времени, имея возможность воспринимать последовательность раздражений (звуковых и иных), и в то же время может даже измерять последовательность внешних явлений с помощью меры своего дыхания, количества сделанных движений, напр. шагов и пр. Он действует, являясь причиной изменения вещей в мире, пользуясь своими конечностями, как орудиями, на подобие рычагов; он имеет перед собой сходные предметы, воспроизводимые с особенною легкостью при встрече с другими сходными предметами, и путем сопоставления устанавливает родство между ними; он улавливает группу предметов, связанных между собою и образующих собою

нечто целое и т. п. Но все эти продукты индивидуального опыта, хотя бы и основанные на органической основе воспринимающих аппаратов, оставались бы недоразвитыми и несогласованными в различных своих частях без коллективного опыта. Индивид. имея органические данныя в устройстве своих воспринимающих органов к образованию самих категорий, не мог бы их создать, как общезначимые явления, без взаимообмена в этом отношении с другими индивидами, без коллективного опыта, который только и может установить категории, как непреложную основу всякого суждения, являющегося в свою очередь в результате взаимообмена личным опытом отдельных индивидов.

В категориях отразился коллективный ум, но он вошел в них на основе деятельности индивидуального ума. В сущности последний отсчитывает последовательность времен года, дня и ночи, дыхательных движений и т. п. Но сделать эту последовательность общезначимой мог только коллективный ум, установив и дальнейшие необходимые подразделения этой последовательности в форме тех или иных сроков. Равным образом, индивидуальный ум путем опыта определяет при посредстве своих движений пространственные размеры, для которых он пользуется даже частными размерами своего тела или произведенных им передвижений, как напр. толщина пальцев, вершок, четверть, фут, аршин (шаг), „косая" сажень и пр., а также повороты в одну и в другую сторону, движение вперед, вспять и т. п. Но эти определения опять таки получают общезначимость только при посредстве коллективного опыта, который согласует необходимые для всех результаты индивидуального опыта, восполняет их необходимыми деталями и таким образом создает общие категории, как бы выделяя их в силу их общезначимости из области индивидуального опыта. Являясь результатом индивидуально-коллективного опыта, общие категории в то же время не лишаются своей теоретической ценности, ибо они не могут не быть отражением самой природы вещей.

Мы уже знаем, что отвлеченное мышление возможно только при посредстве языка, а язык есть произведение коллективное, откуда ясно, что и категории, как и все вообще общие понятия, не могли бы быть созданы без коллективного опыта. Но это однако ничуть не исключает того, что с образованием языка были созданы первоначально символы для общих понятий каким-либо одним или несколькими индивидами сообразно выяснившейся на практике потребности, после чего эти символы получили всеобщее распространение путем их обобществления. Можно по этому вопросу представить доказательства, равносильные эксперименту, в области напр. изобретательности жестикуляторного языка глухонемых, что может быть проверено любым наблюдателем.

Пред нами группа глухонемых детей в возрасте до 10—12 лет. Вечером 27 июня я вошел вместе с др-ом Ш. в их спальню. Дети лежали на своих кроватях, но еще не спали. Они живо жестикулировали между собою, как все вообще глухонемые дети данного возраста. Между прочим, каждый из взрослых людей на их языке обозначается жестом, указывающим на какой-либо характерный признак. Напр. полнощекая дама обозначается указательным пальцем, направленным в щеку, усатый господин обозначается двумя

руками при посредстве отведения их кистей из под носа, на подобие разглаживания усов в стороны, доктор в очках обозначается приставлением к глазу пальцев правой руки, сложенных в виде кольца и т. п. Меня предупредили, что будет крайне любопытно, какой жест дети придумают специально для меня, как для нового лица, которое они видят впервые. И что же оказалось? Не прошло и нескольких секунд, как один ребенок сделал жест своей правой рукой, показывая, как спускается у меня борода, указывая тем на характерный для них внешний признак моего лица, и этого было достаточно, чтобы тотчас же этот жест вошел в общее между детьми употребление для обозначения в их среде моей личности.

Здесь таким образом удачный жест, проделанный одним ребенком, быстро перенятый другими детьми, обобществляется путем коллективного облена, становясь таким образом общепринятым жестом, сделавшимся общим достоянием, понятным для всех и каждого. Не видим ли мы того же самого и в устном языке слышащих. Кто нибудь даст соответствующее обозначение какому-либо новому предмету, и это обозначение принимается другими, входя во всеобщее употребление. Так, не очень давно вошли во всеобщее употребление, слова: хулиган, отсебятина и др.; благодаря печатной пропаганде еще позднее вошли во всеобщее употребление новые научные термины в виде Х—лучей, с легкой руки Рентгена, в виде рефлексологии, предложенного мною названия для разрабатываемой мною же дисциплины, сводящейся к об'ективному изучению человеческой личности и т. п.

Отсюда ясно, что уже в образовании символов нельзя исключать участие творчества отдельной личности. Тем более это должно быть признано в отношении образования категорий, которые зависимы, в известной мере, от органических условий деятельности воспринимающих органов каждого индивида.

Все сказанное однако не умаляет творческой роли общества, и тысячу раз прав Э. Дюркгейм, говоря: „именно общество располагает созидающею мощью, которой не имеет никакое другое существо. Всякое творчество в действительности, помимо той мистической операции, которая ускользает от разума и науки, есть продукт синтеза, и, если уже синтезы отдельных учреждений, совершающиеся в глубине каждого индивидуального сознания, могут быть творцами нового, то насколько же действенны те обширные синтезы множества индивидуальных сознаний, какими являются общества. Общество—это наиболее могущественный фокус физических и моральных сил, какой только существует в мире“ [1]).

---

[1]) Э. Дюркгейм. Социология и теория познания. Новые идеи в социологии. Сборник 2, стр. 65—66.

XV. Согласованные коллективные действия.

Относительно действий толпы многое было сказано уже ранее при характеристике толпы и при коллективных наследственных органических рефлексах. Но там характеризовалась в отношении своих действий, главным образом, уличная толпа, как случайное сообщество лиц, связанное одним настроением. Отсюда естественно, что такая толпа будет всегда импульсивной и в одних случаях крайне жестокой, в других случаях, наоборот, благородной, в зависимости от своих вожаков и повода, приведшего к собранию толпы.

В настоящее время мы хотели бы обратить внимание на другую сторону коллективных действий, когда они, благодаря согласованности действий многих индивидов, достигают нередко результатов, неосуществимых для отдельных лиц. В этом случае общий результат коллективных действий зависит от бо́льшей или меньшей согласованности действий и движений лиц, входящих в данный коллектив.

Примером таких согласованных коллективных действий могут служить оркестр, театр, общая коллективная работа в составлении резолюций, танцы, акробатические и гимнастические упражнения, войсковые движения, руководимые кем либо действия толпы и т. п.

Благодаря коллективной дятельности в современном цивилизованном обществе осуществляется созидательная работа, с помощью которой соответственно направленным коллективным трудом создались дивные творения зодчества, которая осуществляет на наших глазах чудеса современной техники в виде тех или иных сооружений общественного и частного характера и которая привлекает коллективный труд в шахты, на фабрики и заводы и на всякое вообще дело, непосильное одному человеку.

Давно известно, что всякий вообще труд находится в прямой зависимости от настроения. Это доказано точными цифрами при выполнении работы отдельными лицами.

Не менее бесспорна эта истина и по отношению к коллективному труду. Общее настроение и здесь влияет на интенсивность труда самым резким образом.

Есть основание думать, что и музыкальные звуки могут действовать на коллективный труд в смысле его повышения или понижения, как это известно

по отношению к индивидуальному труду. На этом основано значение песни и музыки при выполнении некоторых форм коллективного труда.

Если мы будем говорить об успешности самого труда в зависимости от его побуждающих условий, то можно напр. задаваться вопросом о сравнительной продуктивности коллективного труда в интересах общего дела и такого же труда в собственных интересах. Опыт показывает, что вопрос должен быть решен в пользу последнего и потому именно, что удовлетворение собственных интересов сильнее возбуждает мимико-соматические (эмотивные) рефлексы и поднимает в бо́льшей мере энергию, нежели раздражение синтетическим комплексом общих интересов, если, впрочем, человек недостаточно проникнут социальностью. Работа в общих интересах часто ослабляет стремление сделать больше, чем сосед, и потому ослабляет индивидуальное усилие к работе. Равномерная оценка работы и равномерное распределение продуктов работы между всеми нередко устраняет соревнование, этот важный стимул к работе вообще. Нечего говорить, что установление общего контроля за распределением не только отвлекает массу лиц от производительного труда, но и, требуя особой опеки над личностью, подавляет ее, затормаживая в то же время ее энергию.

Вместе с этим нельзя не отметить, что усовершенствование производства встречает тормазы вместе с установлением обязательности общественных условий труда в определенной форме. Устранение индивидуальных способов производства и добывания ослабляет личную инициативу и личную заинтересованность в совершенствовании труда. Ограничение потребности соответственно установленной для всех нормы приводит, с другой стороны, к подавлению импульсов к деятельности и изобретательности. Наконец, невозможность самому использовать продукты своего труда по личному усмотрению подавляет импульс к бережливости, экономии и накоплению продуктов труда в интересах будущего. Отсюда ясно, что, признавая особо важную в общественном смысле ценность труда на коллективных началах, необходимо иметь ввиду, что в целях бо́льшей успешности в отношении быстроты и лучшего качества производства, как и бо́льшей экономии в трате продуктов, индивиды не должны быть лишаемы поощрительных мероприятий, в виде напр. премий или других форм удовлетворения личных интересов.

Но действия коллектива выражаются не одним физическим трудом в истинном смысле этого слова.

Так создание духовно-культурных учреждений также должно быть отнесено к коллективным действиям, преследующим определенную цель.

Не следует забывать, что устойчивость проявления энергии коллективом зависит и от условий ее выявления. Так, когда дело идет о борьбе, пассивная оборона всегда обессиливает, ибо она не развивает энергии, не дает упражнения и навыка, не закаляет борющиеся элементы в борьбе и, приводя к неожиданным ударам со стороны противника, заставляет испытывать на себе подавляющее влияние тревоги и постоянной опасности, приводя к бесплодному растрачиванию своей энергии в ожиданиях этой опасности. Совершенно иначе

дело обстоит при так наз. активной обороне или при нападении, где не только закаляются борцы, но где в то же время развивается максимальная энергия вместе с каждым успехом, возбуждающим всегда стеническую реакцию.

Следует, однако, иметь в виду, что коллективные мероприятия не только активного характера, могут иметь успех, но и меры пассивные, в известных случаях могут оказаться не менее действительными, нежели какое-либо активное действие. Возьмем напр. забастовку, как пример коллективного прекращения работы. Она часто более действительна в определенном смысле, нежели какие-либо другие активные действия.

Планомерность коллективной работы предполагает существование организованности в самом коллективе, которая осуществляется с помощью исполнительного бюро или власти, избранной коллективом.

Очевидно, что планомерность коллективной деятельности стоит в прямом соотношении с организованностью самого коллектива, а эта последняя стоит, в свою очередь, в прямом соотношении с тем, что представляет собою исполнительное бюро или власть, и в какой мере эти органы в состоянии осуществить свои права и свои задачи.

Нечего говорить, что согласованность движений обусловливает не только продуктивность коллективных действий, но и придает им силу, какой не могут достигнуть отдельные личности. Отнимите эту согласованность и вы получите бессистемные действия, которые не могут претендовать на преодоление больших препятствий.

Так всякое войско основано на согласованности его движений и действий, к которой оно приучается всей своей предварительной школой дисциплинирования.

Можно сказать, что энергия коллектива прямо пропорциональна согласованности входящих в нее индивидов, устанавливаемой путем организации, и обратно пропорциональна их разъединенности.

С другой стороны, в коллективах, лишенных правильной организации, мы имеем дело чаще всего уже не с созидательной, а скорее с разрушительной силой, какую можно видеть, напр. в разнузданных действиях толпы. И это, главным образом, потому, что здесь получает особое значение демагогический элемент вожаков.

Общественные стремления и общественные мероприятия, как и коллективный труд, находятся в прямом соотношении с настроением сообщества, а характер действий данного сообщества зависит от морального качества и высоты развития народных масс, его составляющих. Так приподнятое настроение связано с оживлением общественной деятельности, иногда с экспансивностью ее проявлений и даже агрессивным характером; тогда как упадок настроения связан с его пассивностью, недостатком живости и ограничением розмаха в действиях.

Также и в литературе, этом зеркале общественных настроений, мы имеем яркое выражение этого правила. В одних случаях при упадке на-

строения поражает общественное нытье и бездействие: при других условиях преобладает широкий розмах в стремлениях народных героев и самого общества.

В условиях русской действительности приподнятость настроения можно видеть в 60 годы, тогда как упадок настроения связан с периодом реакции в 70 и 80 годах, когда общественное нытье и мировая скорбь, особенно среди молодежи, вошли даже в моду, вынуждая к борьбе против нее здоровые общественные силы.

Как настроение отдельных индивидов отражается на всей их деятельности, выражаясь ее подавлением и реакциями с отрицательным или оборонительным характером, так и настроение коллектива отражается на его деятельности. Разве напр. пониженное общественное настроение не отражается на искусстве и на его тонах, на литературе, наконец на коллективной деятельности, на вялости внешней реакции, на отрицательном направлении внешней политики. Словом сообразно настроению все приобретает соответствующий колорит.

Известно с другой стороны, что победа, поднимая в войсках настроение, усиливает их боевую энергию; поражение, наоборот, ее парализует. Вот почему с однажды разбитыми войсками выступать в бой и побеждать много труднее, нежели с победоносными войсками.

Но ни в чем другом, повидимому, не отражается лучше всего характер настроения народа, как в его творчестве и, между прочим, в мифологии и верованиях.

В периоды подавления народного духа религия и мистицизм всегда приобретали особое развитие в народных массах. Так было в до-революционном периоде во Франции, так было и у нас в России, когда даже первый открытый революционный шаг—9 января—произошел под предводительством священника Гапона с крестом в руках, причем впереди отряда несли хоругви и иконы.

Вполне естественно, что, когда подавляются все политические движения, в народе обнаруживается наличность мистицизма, что составляет благоприятную почву для религиозного возбуждения. Так в течение XVIII столетия во Франции это проявилось теософизмом Сведенборга, сен-мадарскими явлениями и мистическим шарлатанством Калиостро.

В России это проявлялось сектантством, открытием целого ряда мощей с прославлениями новых святых, а в последнее время быстрым распространением оккультизма и „распутинством“, которое питалось одновременно и религиозным мистицизмом и сексуальной неудовлетворенностью аристократок.

Революция не сразу сметает мистицизм, да и к тому же часть общества в революционный период, подавленная событиями, ищет для себя выхода в религиозных воззрениях. К тому же вместе с тем, как понижается рассудочная способность в периоды народных движений, впечатлительность толпы, наоборот, повышается, а это поддерживает склонность к мистицизму, проявляющуюся в повышенном стремлении ко всему сверхъестественному и чудесному.

Даже в самый разгар французской революции мистицизм народных масс не исчез, он только преобразился. Вот что мы читаем по этому поводу в книге Кабаниса и Л. Насса (Революционный невроз, стр. 328): «под влиянием народных празднеств, заменивших церковные церемонии, в массе стал особенно распространяться мистицизм. В памятные дни, когда всенародно прославлялась добродетель какого-нибудь героя или торжество какого-нибудь отвлеченного принципа, какая-то пророческая экзальтация преображала этих людей. стремящихся всеми силами души к новым идеалам. Только вновь нарождающиеся религии способны вызывать подобные возвышенные порывы».

«Переходя к церемониям культа разума, а затем верховного существа. мы должны признать. что терроризованное общество было в это время одержимо настоящим религиозным, весьма близким к безумию, бредом. который всё возрастал по мере успехов диктатуры Робеспьера».

В России во время революции мы встречаемся с громадными толпами молящихся в храмах и еще больше с толпами. наполняющими улицы во время религиозных процессий, и это одновременно с тем, когда некоторые из усердствующих революционеров с кафедры проповедывали самым грубым образом осуждение религии и публично доказывали отрицание божества. подвергая осмеянию народные верования.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вступление.

После того, как мы рассмотрели различные стороны соотносительной деятельности коллектива, нам необходимо еще выяснить те законы, которые открываются в отношении деятельности коллектива, ибо всякая наука не должна довольствоваться одним описанием подлежащих ее рассмотрению явлений, но и обязана выяснять зависимость этих явлений от тех или других условий. Эта часть научной дисциплины представляется особенно важной, ибо с тем вместе, как выясняется известное постоянство в соотношениях двух явлений и законосообразная зависимость одних явлений от других, мы получаем возможность предсказывать ход явлений или предвидеть будущее, в чем собственно и заключается ценность научного знания.

Если математик предсказывает делимость или неделимость числа, то он руководится в этом определенной, ранее установленной зависимостью. Если астроном предсказывает солнечные и лунные затмения, то это лишь благодаря выясненной зависимости движений планет по законам тяготения, установленных Ньютоном.

Если химик может предсказать вперед атомный вес существующего, но еще неоткрытого тела и, до известной степени, его свойства, то он опять таки осуществляет это благодаря выясненной законосообразной зависимости, содержащейся в периодической системе Менделеева. Если механик строит новую машину, вперед предвидя ее действие, то он достигает этого уяснением определенной зависимости явлений при соотношении одних рычагов с другими. Точно также физик может определенно высчитать количество калорий, потребных для согревания определенного тела при данном его об'еме, опять таки руководясь выясненной раньше зависимостью. То же самое мы имеем, в известной мере, и в биологических знаниях, хотя развитие их далеко не достигает совершенства астрономии, химии, механики и физики.

Тем не менее законы Менделизма дают возможность предвидеть качество потомства, учение Дарвина делает понятным развитие живых организмов и предвидит возможные породы, которые открываются, как вымершие, в геологических пластах.

Палеонтолог имеет возможность, руководясь той же зависимостью, по одной или нескольким частям скелета воспроизводить в целом виде ту или иную вымершую породу. К тому же очевидно должны стремиться и гуманитарные науки и некоторые из них уже установили определенную зависимость явлений, достаточную для уяснения хода явлений в будущем.

Но они установили ее исключительно благодаря строго об'ективному методу, как это мы видим напр. в политической экономии, и чего нет в социологии. Известный в социологии закон исторического иллюзионизма показывает, между прочим, как суб'ективное понимание явлений расходится с об'ективной действительностью. Доказано напр., что деятелям французской революции казалось, что они борются за свободу, равенство и братство всех граждан, а между тем на самом деле борьба шла за освобождение буржуазии от опеки феодализма, иначе говоря, борьба происходила в пользу интересов капитализма. Тоже произошло и с христианством. За что боролось христианство: за чистое ли учение Христа, как полагали его апологеты, или за схоластику, за иерархическое начало церковнослужительского персонала, за господство христианского материализма, как он проявляется в нынешних условиях? Расхождение между идеями, руководившими поборниками христианства, и об'ективными данными исторического движения христианства полное и оно не замечалось самими руководителями христианского учения. Достаточно вспомнить хотя бы инквизицию. Еще пример: недавно пережитая мировая война, в основе которой лежало экономическое соперничество Германии и Англии. К сокрушению одной стороны в этой бойне стремились несомненно обе эти воюющие державы, у которых другие скорее были только сотрудниками, а кончилось тем, что капитализм вообще подорвал свое бытие, и война привела к необычайному росту социализма.

Вот почему и из социологии и вообще из понимания движения народных масс должен быть также исключен всякий суб'ективизм, и только строго об'ективное отношение к делу даст возможность установить определенную в этом отношении законосообразность.

Поэтому и в коллективной рефлексологии мы должны стремиться к тому же самому. И то обстоятельство, что в индивидуальной соотносительной деятельности нам удалось установить известные зависимости, вселяет надежду, что и в коллективной соотносительной деятельности, эти зависимости могут быть обнаружены.

Даже более того, анализ соотносительных явлений, обнаруживаемых коллективом, приводит к выводу, что здесь имеются, в общем, те же зависимости, которые мы выяснили и в отношении проявлений соотносительной деятельности отдельной личности [1]).

Оба эти знания, таким образом, в указанном отношении служат как-бы подтверждением и проверкой одно другого.

В конце концов необходимо признать, что, если рефлексология отдельной личности основывается на энергетическом учении, признающем все внешние проявления отдельного индивида результатом приобретенной им энергии с процессом рождения, питания и воздействия со стороны внешних влияний, то и коллективная рефлексология только тогда может сделаться наукой, способной устанавливать законы общественной жизни, когда она встанет на энер-

---

[1]) См. В. Бехтерев. Общие основания рефлексологии. Петроград. 1918.

гетическую точку зрения и будет выяснять жизненные проявления каждого коллектива в связи с условиями и поводами, приведшими к его возникновению в связи с характером входящих в состав его индивидов и, наконец, в связи с влияниями, воздействовавшими на коллектив извне, как в настоящем, так и в прошлом. Это даст возможность учитывать результаты коллективной деятельности в связи со всеми внешними условиями, их определяющими, и выяснить соотношения или законы, которым подчиняется деятельность коллективов.

В нижеследующем изложении мы рассмотрим эти соотношения по отдельным категориям, обозначаемым именем законов. Как уже ранее упоминалось, основные принципы или законы надорганического мира, в об'ективном его изучении, суть те же, что и законы органического и неорганического мира [1]), а это служит лучшим доказательством того, что рефлексология, как строго об'ективная наука, изучая индивидуальную и коллективную соотносительную деятельность, сближает в полной мере этот отдел знания с естествоведением, чего не может сделать ни общая, ни экспериментальная психология, как науки суб'ективные, применяющие метод самонаблюдения, совершенно неприменимый к наукам о мертвой и живой природе.

I. Закон сохранения энергии.

Закон сохранения энергии, открытый Р. Майером, подкрепленный работами английского физика и техника Джоуля и окончательно установленный Гельмгольцом, ныне не требует каких либо пояснений в виду его общепризнанности и общеизвестности. Сущность этого закона заключается в том, что количество энергии в замкнутой системе не убывает и не прибавляется, что все виды энергии в природе состоят по отношению друг к другу в определенном отношении эквивалентности (равноценности). Что касается принципа сохранения вещества, то его нельзя рассматривать иначе, как частный принцип сохранения энергии, так как вещество, в конце концов, есть ни что иное, как связанная энергия. К тому же, в настоящее время мы не можем уже говорить о сохранении вещества, без оговорок, после открытия радиоактивных тел.

В своей книге „Общие основания рефлексологии“ я доказываю, что, так как наши воспринимающие органы суть трансформаторы внешних энергий, что было высказано мной, как положение, еще в 1896 г. в особой работе [2]), то вся вообще деятельность человеческой личности подлежит закону сохранения энергии.

---

[1]) См. по этому предмету мое исследование „Об основных законах мира“ и пр. в „Вопросах изучения и воспитания личности“, вып. 2, 3 и 4 1920 и 1921.

[2]) В. Бехтерев. „Обозр. Псих.“ 1896 и „Neur. Centr.“ 1896.

Общественный процесс есть процесс, обусловленный коллективной энергией отдельных лиц, и всегда проявляется той или иной деятельностью или работой, что всё равно, а это является только в результате затрачиваемой энергии.

Нет надобности говорить, что далеко не всегда коллектив выполняет работу совместно всеми своими сочленами более или менее равномерно или одновременно: чаще, повидимому, первоначальная работа выполняется одними или несколькими лицами, другие же в это время являются только лишь созерцателями, слушателями или, в лучшем случае, подражателями; но, тем не менее, и здесь дело идет о коллективной работе только неравномерно распределенной, ибо одни освобождают накопленную энергию, другие перерабатывают получающиеся результаты в форме внешних раздражений в запасную энергию, на что затрачивается всегда та или другая часть имеющейся уже энергии, или же освобождают свою энергию под влиянием подражательного стимула, т. е. с сравнительно малой затратой сил, но, так или иначе, участие и тех и других, т. е. целого коллектива, в одной общей работе несомненно.

Общественная или коллективная энергия, таким образом, составляется из совокупности запасных энергий всех участвующих в общей работе лиц. Но необходимо иметь в виду, что проявляемая участвующими лицами энергия, как и во всякой механической системе, далеко не вся переходит в полезную или действительную работу; часть ее тратится на преодоление инерции коллектива, на внутреннее трение между участниками работы, на преодолевание внешних препятствий к работе, в чем бы они не проявлялись, и т. п.

Таким образом, только остальная часть затрачиваемой энергии переходит в действительную работу, как это имеет место и при выполнении всякой вообще механической работы.

При осуществлении той или иной коллективной работы приложим также известный в механике параллелограмм сил, причем результат действия проявляется в определенном направлении, являющимся равнодействующим всех усилий, производимых отдельными индивидами, участвующими в данной коллективной работе.

К общественной энергии одинаково применимы и процессы подавления ее или торможения, и процессы ее усиления, обусловленные приложением новой силы или бо́льшим освобождением, имевшейся запасной энергии участвующих индивидов, о чем подробнее речь будет в другом месте. Воспрепятствованное же общественное движение выливается всегда в движение другого направления или временно затормаживается, но не исчезает.

Уже эти данныя говорят за то, что закон сохранения энергии, являясь общим мировым законом, имеет непосредственное приложение к деятельности коллектива, как и к отдельной человеческой личности. Однако, до сих пор понятие об энергии и принцип ее сохранения в приложении к человеку встречали препятствие в суб'ективистических воззрениях на человеческую личность, вследствие чего это понятие не могло даже прочно и установиться.

Строго об'ективная точка зрения, принятая рефлексологией, устраняя вопрос о суб'ективных явлениях, признает, что каждая личность является в сущности аккумулятором энергии, которая приобретается частью уже вместе с зачатием и плодоношением, впоследствие же при посредстве вводимой пищи и воспринимающих органов, как трансформаторов внешних энергий. В свою очередь, запасная энергия переходит в кинетическую и молекулярную работу при сокращениях мышц и отделении желез. При таком взгляде на дело не может быть сомнения в том, что к человеческой личности, как и ко всякому живому существу, вполне приложим закон сохранения энергии, ибо если бы в этом отношении существовало какое то отступление от закона сохранения энергии, то он перестал бы быть всеобщим и, следовательно, утратил бы свое значение мирового закона.

В настоящее время мы даже знаем, что запасная энергия наших центров, содержится, главным образом, в зернистой части нервных клеток (Niel'евские тельца), ибо зерна клеток распыляются вместе с их работой и наступающим утомлением. Нам таким образом известен самый субстрат нервной энергии.

В последнее время явилась возможность даже высчитать процент полезной работы, который осуществляет человеческий организм по отношению к энергии, получаемой извне вместе с пищей. Специальными исследованиями выяснено, при посредстве учета потребляемой пищи и производимой механической работы, что коэффициент полезной работы мышц человека достигает в общем до 21% потребляемой им энергии, тогда как паровая машина, как известно, дает не более 13% полезной работы, хотя дизеля дают уже много больше.

У людей с бо́льшей физической силой % полезной работы поднимается до 36%. Само собой разумеется, что здесь не принята во внимание трата энергии, которая расходуется на внутреннюю работу желез и других соматических органов (потоотделение, оживленное кровообращение и т. п.). Большее количество полезной работы человека, по сравнению с паровой машиной, об'ясняется тем, что человеческая машина совершеннее паровой уже тем, что она сама пополняет, в известной мере, свои недочеты во время работы за счет запаса энергии, постоянно имеющегося в центрах, благодаря не одному только притоку питательного материала, но и благодаря трансформации разнообразных форм энергии внешнего мира, действующих на воспринимающие приборы наших поверхностей.

В своем сочинении „Бессмертие человеческой личности с научной точки зрения“ („Вестн. Знания“ 1918 и отд. изд.) я подробно касаюсь вопроса о том, что творчество соотносительной деятельности человека никогда не утрачивается, оставаясь вечным. „Духовная“ личность человека, говорю я в этом сочинении, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно, и, таким образом, каждая человеческая личность, вмещающая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней, хотя бы косвенно, соприкасались

во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитою, но за то живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле. Можно сказать, что в течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и не близких ему лиц, которые, в свою очередь, передают приобретенное других, а те третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причем в претворенном виде это влияние личности на других себе подобных, в свою очередь, будет воздействовать на самую личность, первоначально давшую толчек к воздействию на других. В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествия, которое не отразилось бы, в той или иной мере, всюду. Один подвиг вызывает преемственно другой подвиг, и одно преступление влечет за собою другое преступление".

Но если ни одно проявление человеческой личности в мире не исчезает бесследно, то с другой стороны и нет ничего такого, что давало бы откуда бы то ни было нарастание энергии без соответствующих внешних условий, иначе говоря, нельзя признать существование какой либо свободной энергии человека, возникающей вне определенных взаимных соотношений. В этом отношении нельзя не припомнить вполне верных замечаний, высказанных еще Л. Толстым в его знаменитом сочинении „Война и мир" (стр. 272) и приведенных уже в моей рефлексологии: „Для истории признание свободы людей, как силы, могущей влиять на исторические события, т. е. не подчиненной законам, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел".

„Признание это уничтожает возможность существования законов, т. е. какого бы то ни было знания. Если существует хоть одно свободно движущееся тело, то не существует более законов Кеплера и Ньютона и не существует более представления о движении небесных тел. Если существует один свободный поступок человека, то не существует ни одного исторического закона и никакого представления об исторических событиях". Естественный вывод отсюда, что человеческая энергия, как и всякая энергия, не увеличивается и не уничтожается, а лишь переходит в другие формы энергии или в работу.

Ясно, что и по отношению к собирательной личности или коллективу необходимо иметь в виду тот же закон сохранения энергии. Очевидно, что и здесь он должен иметь одинаковое значение, ибо, если он приложим к отдельной личности, то он одинаково приложим и для целого ряда личностей, входящих в коллектив и об'единенных между собою теми или иными условиями, чем бы не обусловливалось это единение. Толпа сама по себе так же, как и отдельная личность, получает извне раздражение при посредстве воспринимающих приборов—слуха и зрения; она так же, как и отдельная личность, является аккумулятором запасной энергии и приводит ее при известных условиях в кинетическую энергию или работу, производя эти разряды энергии в зависимости от тех или других внешних раздражений.

Конечно, мы не можем сделать никаких расчетов для выявления этого закона на практике, ибо нельзя учесть количество запасной энергии каждой

личности в отдельности: далее мы не можем учесть, как складывается для энергия отдельных личностей при об'единении их в толпу, но, признав за тем и другим определенную величину, мы должны сказать, что энергия собирательной личности дает те или другие разряды в зависимости от количества запасной энергии, в ней содержащейся, и в зависимости от силы раздражителей, приводящих к разряду, а что эти разряды, осуществляясь в работе, подлежат в отношении направления и силы определенной закономерности, нам доказывает статистика. Последняя не оставляет более ни в ком сомнения, что все явления общественной жизни представляют правильное соотношение между определенными причинами и соответствующими им следствиями.

Во всяком случае, совершенно ошибочно думать, что индивидуальный ум человека господствует над событиями. Ничто иное, как последние выдвигают ту или другую личность, которая и является выразителем общественных настроений и коллективных действий, но нельзя забывать, что в делах общественных роль большинства или численность, в той или иной мере, ограничивается личными качествами, и потому та или другая личность, будучи выразительницей определенного круга лиц, может воздействовать на толпу соответственным образом и даже подавлять большинство. Этим и определяется роль личности в народных движениях.

В периоды бурных общественных событий роль толпы выдвигается в такой мере, что можно говорить о преобладающем значении ее т. наз. инстинктов или наследственно-органических рефлексов и о понижении умственного контроля отдельных лиц, являющихся руководителями толпы: тогда как в более спокойные периоды общественной жизни, роль личности, как руководителя действий толпы, получает бо́льшее значение.

Во всяком случае, не только действие толпы или собирательной личности, но и ее творчество, как всякая работа, не исчезает бесследно, но сохраняется, претворяясь со временем в те или другие формы энергии.

В самом деле, тот или другой народный коллектив, создав культуру, разве когда нибудь „духовно" умирает? Он может распасться, раз'единиться или подпасть под чужое владычество. Но в том и другом случае результатами его творчества, как наследием, воспользуются другие народы и претворят его в новые формы творчества, как это было с народами, унаследовавшими „духовные" богатства древней Греции и Рима.

Во всяком случае, для представителей науки, стоящих на строго об'ективной точке зрения по отношению к человеческой личности согласно тому, как то учит рефлексология,—наука, отрешившаяся от суб'ективизма современной нам психологии и рассматривающая в человеке лишь соотносительную деятельность, не может быть сомнения в том, что к человеческой личности и ее действиям в полной мере должен иметь приложение закон сохранения энергии. В заключение должен упомянуть, что рефлексология человека мною и создавалась и мыслилась не иначе, как стоя на энергетической точке зрения [1]),

[1]) См. В. Бехтерев. Общие основания рефлексологии. Петроград. 1918.

которая первоначально мною высказана еще в книге „Психика и жизнь“ [1]), причем подробнее эта точка зрения развита в немецком и французском издании того же сочинения [2]).

II. Закон пропорционального соотношения скорости движения с движущей силой.

В механике давно известен закон, по которому всякое ускорение движения обусловливается движущей силой, ей пропорциональной и одинаковой с ней по направлению. Этот закон является законом общего значения, приложимого не к одному только неорганическому миру, но также и к миру органическому и надорганическому. В органическом мире всякая функция может подвергаться ускорению в зависимости от особых возбудителей и пропорционально их силе, и соответственно направлению их действия. Но в организмах мы имеем свого рода замкнутые системы, в которых бо́льшею частью предопределено направление действия той или иной функции, а равно и пределы ее развития, чем и ограничивается применение этого закона.

В соотносительной деятельности, как мы знаем, возбуждение идет пропорционально силе возбуждения до известного предела, когда наступает истощение функции, которое представляет уже начало разрушения системы. Что касается направления возбуждения, то оно обусловливается строением движущих органов и, следовательно, может происходить только в определенном направлении. Но и возбудитель, в таком случае, только тогда является возбудителем, если он имеет ту же сторонность, вследствие чего и здесь этот закон не терпит какого либо нарушения.

В социальном мире мы имеем подтверждение того же самого закона в самых разнообразных случаях.

В каждый данный момент общество, находясь в подвижном равновесии, является результатом взаимодействия возбуждающих и тормазящих условий, причем всякое общественное движение протекает в направлении равнодействующей тех и других условий, выливаясь опять таки в такую форму, которая определяется соответственным преобладанием возбуждающих сил над тормазящими влияниями. В силу этого нам необходимо рассматривать те и другие условия в последовательном порядке.

Когда возникает то или другое общественное движение, то оно обусловливается преобладанием возбуждающих, поощряющих или оживляющих условий. Эти оживляющие условия могут быть естественными и искусственными.

---

[1]) В. Бехтерев. Психика и жизнь. СПБ.

[2]) W. Bechterew, Psyche und Leben. Wiesbaden.—Он же, L'activité psychique et la vie. Paris.

К естественным оживляющим условиям относятся прежде всего воздействия, стоящие в прямом соответствии с тем основным раздражением, на почве которого возникло данное общественное движение. Допустим, что мы имеем дело с патриотическим движением, возникшим под влиянием условий военного времени. Вполне естественно, что все события с характером военных успехов, так или иначе, подогревают и усиливают патриотическое движение в стране.

Развитие религиозного движения усиливается при осуществлении всяких религиозных церемоний. С другой стороны, развитие общественного движения против правительства оживляется при всех случаях, подкрепляющих успех этого движения, и т. п. Далее, к естественным оживляющим условиям общественного движения относятся и все те условия, которые, хотя и не находятся с ним в прямом соотношении, но, так или иначе, стоят с ним в определенной гармонии.

Так, движения нравственного характера поощряются религиозными кругами, движение спорта и гимнастики встречают поддержку в военных сферах, поскольку физические упражнения содействуют военной подготовке населения, и т. п. Этим же об'ясняется тот факт, что в периоды революционного брожения встречают общую поддержку наиболее крайние партии с революционным направлением, тогда как более спокойная общественная жизнь выдвигает на первый план умеренные партии.

Если мы имеем боевой коллектив в виде войска, то ясно, что, при прочих равных условиях, всякий прибавок силы дает в результате более скорое достижение цели пропорционально приданной войску силе. Если мы имеем трудящийся коллектив, равным образом, всякое прибавление новой силы ускорит осуществляемую работу пропорционально прибавочной силе.

Но жизнь общественная проявляется не одной физической силой. Оживление общественной деятельности происходит, в сущности, при каждом новом открытии или изобретении, которое является своего рода силой в форме толчка для общественной деятельности в той мере, в какой оно поднимает настроение, возбуждая интерес в обществе, в результате чего возникает общественное движение или ускоряется начавшееся движение пропорционально возбуждаемому интересу.

На основании сказанного становится понятным, что если мы имеем устремление общества в сторону какой либо профессии, это верный показатель того, что имеется какой то стимул, который привлекает людей к избранию этой профессии, и можно определенно сказать, что это привлечение к данной профессии будет прямо пропорционально размерам самого стимула.

Если мы имеем иммиграционный процесс, то опять таки он обусловливается тем или другим стимулом, привлекающим население в данную страну, и, чем значительнее этот стимул, тем больше развивается иммиграция. С другой стороны, эмиграция из той или другой страны стимулируется теми или иными неблагоприятными условиями, создавшимися в данной стране, и эта эмиграция опять таки происходит с тем бо́льшею силою, чем менее благоприятны условия жизни в данной стране по сравнению с другими условиями.

Если какой либо коллектив, разрастаясь, постепенно распространяет свои действия в определенном направлении, то можно с уверенностью сказать, что

туда влечет его какой-то интерес и он влечет с тем большею скоростью, чем этот интерес оказывается больше.

Движение наук, равным образом, руководится тем же самым законом. Любое открытие, как своего рода обновляющая сила заставляет умы работать в этом направлении с тем бо́льшей интенсивностью, чем более значительно открытие. Новое в искусстве приводит к аналогичным результатам, привлекая ряд художников к работе соответственно тому художественному интересу, который содержит в себе новое в искусстве.

Наконец, с теми же самыми явлениями мы встречаемся и в экономической области. Всякая промышленность развивается в том направлении и с тою силою, в каком направлении и с какою силою имеется спрос, являющийся своего рода возбудителем или стимулом. Точно то же мы имеем и по отношению к торговле. Она всегда идет в связи со спросом по путям сообщения, и, чем они более облегчены, тем больше развивается и торговля.

Надо при этом заметить, что торговля стимулируется и условиями фабричного производства, и обилием денег в стране, что нарушает простоту отношений. Однако сущности дела это не изменяет, ибо в этом случае мы имеем условие роста капитала и конкуренции, которые, в свою очередь, подчинены тому же самому закону ускорения движения пропорционально двигущей силе и в направлении одинаковом с действием этой силы.

Когда происходит более или менее напряженная борьба партий и равновесие сил оказывается недостаточно устойчивым, представляется крайне рискованным делать резкий уклон одной партии в свою сторону, не оценив в достаточной мере свои силы, которые должны преодолеть возможное сопротивление противной стороны, иначе дело сведется к провоцированию событий, к возбуждению оборонительной реакции со стороны противоположных борющихся партий, и дело может кончиться неблагоприятно для зарвавшейся стороны. Между прочим, так именно произошло в России с указом о роспуске 4-й Государственной Думы, вслед за которым тотчас же начало открыто формироваться революционное движение как в самой Думе, так и в стране, и также произошло во время второй мартовской (1920 г.) революции в Германии с захватом власти военной партией с Людендорфом во главе.

Вообще, в моменты неуравновешенного состояния общественных сил, всякий неосторожный шаг с той или другой стороны может оказаться вызовом, провокационным актом или возбудителем для обширного народного движения. Примеров история дает много, очень много. Но ближе для нас могут быть события 9 января 1905 г., давшие сильный толчек революционному движению в России и существенно содействовавшие ускорению первой русской революции, уже подготовленной режимом Александра III и неудачною русско-японской войной. Другим примером могут быть ленские расстрелы 1912 года. События эти, происшедшие в далекой тайге Восточной Сибири, казалось, могли пройти бесследно для народных масс внутренней России. Однако, они явились первым набатным ударом, послужившим к пробуждению пролетариата в России. Мучe-

ническая смерть ленских рабочих отразилась новой вспышкой революционного движения.

Волна стачек пронеслась по всей России, рабочий люд стал внимательнее прислушиваться к революционным лозунгам и стал теснее сплачиваться во имя борьбы за свои права. Благодаря этому, к началу войны 1914 года рабочее движение в Петербурге достигло развития баррикадного восстания, и лишь внезапно вспыхнувшая война временно затормазила революционное движение, которое с тем бо́льшею силою разразилось два с половиной года спустя в связи с нашими неудачами на фронте и упрямством царя, возбудившим против себя распутинской историей все слои населения, кроме приближенных любимцев.

Но буржуазия, ставшая на сторону революции, не учла того, что она сама всегда служила опорой капитализма. Рабочее движение, ничем не останавливаемое, естественно должно было повести свою борьбу до конца, и буржуазия погибла в огне революции, а примыкающая к ней интеллигенция была в начале отметена вслед за об'явленным ею бессмысленным саботажем при большевизме, подвергаясь всевозможным преследованиям.

Одним из оживляющих общественное движение условий является временный отдых или приостановка этого движения.

Ни одно, в сущности, общественное движение не может идти с достаточной энергией непрерывно. Оно непременно будет затихать само собой под влиянием внутренних тормазящих условий, заключающихся в утомлении его приверженцев. Но некоторый отдых или перерыв этого движения уже вновь его оживляет, давая новый импульс к движению.

К искусственным оживляющим условиям относятся все те, которые создаются для этого теми или иными установлениями коллектива. Сюда могут быть отнесены такие стимулирующие условия, как похвала, награды и другие поощряющие меры общественных и сословных установлений, религиозных общин и т. п. Тогда как меры репрессии, как наказание, изоляция, тюрьмы, и пр. являются искусственными тормазами, устанавляемыми коллективом по отношению к лицам, которые нарушают условия жизни и деятельности коллектива.

Когда общественное движение возникло, достаточно бывает обыкновенно ничтожной искры, чтобы его оживить, тогда как в начале его возникновения оно пробивалось с большими усилиями.

Вот почему при соответствующих условиях, т. е. при подготовленной почве, достаточно даже минимального толчка, чтобы разразилось самое движение в целую бурю.

Как мы уже упоминали, современная русская революция началась с указа о роспуске Государственной Думы, ибо почва для нее была уже давно готова.

Швейцарская революция началась с издевательства над одним из видных швейцарцев также при существовании давно подготовленной почвы. В каждом вообще общественном собрании или толпе, когда настроение достигает своего

апогея, достаточно бросить один лозунг, сказать одно слово, чтобы толпа или собрание перешли к действию.

Описываемая Л. Толстым в „Войне и мире" сцена убийства, производимого самосудом мало значущего преступника на крыльце гр. Растопчина, может служить примером таких случаев. Само собою разумеется, что в толпе переход к действию осуществляется легче, нежели в собраниях, ибо толпа всегда действует более импульсивно, более автоматично, нежели любое организованное собрание.

В заключение следует иметь в виду, что оживление общественного движения может происходить и в виде реакции на другое, противодействующее ему общественное движение или государственную меру.

Так преследование христиан в первые века ничуть не ослабляло христианского учения, а, наоборот, оказывало ему сильную поддержку, окружая первых христиан ореолом мученичества.

То же самое мы имеем с преследованием религиозных отщепенцев, как напр. раскольников, в России, а равно и с преследованием революционеров. Вообще, можно сказать, что всякое новое общественное движение, долженствующее изменить существующий уклад жизни и не отвечающее в данный момент взглядам большинства, пролагая свой путь, обыкновенно требует жертв и должно быть вымучено.

Так освобождение высших проявлений человеческой личности от подчинения их телу или животным интересам в форме христианского учения потребовало множество жертв в виде христианских мучеников. Прекращение человеческого рабства было вымучено восстаниями рабов и войнами против рабовладельческих стран.

Борьба с людоедством стоила множества человеческих жертв при экспедициях в дикие страны и покорения их европейцами. Борьба за международную помощь раненым в войнах вызвана мучениями многих тысяч раненых на полях сражений, оставляемых в прежнее время без помощи. Борьба за политическую свободу человеческой личности требовала огромного количества жертв в виде так называемых политических преступников. Борьба за свободу того или другого народа была искуплена его восстаниями нередко, подавляемыми силой.

Борьба за равноправие наций сопровождалась целым рядом войн против империализма, приводя к неисчислимым жертвам. Достаточно вспомнить о наполеоновских войнах, о севастопольской войне и о великой европейской войне последнего времени, чтобы уяснить себе, чего стоила человечеству до сих пор борьба за равноправие народов, еще далеко не законченная.

Борьба за вечный мир и за разоружение народов также требует своих жертв, и будущая победа Интернационала повлечет за собой еще не мало искупительных жертв, которые, тем не менее, приведут к осуществлению этой великой задачи, которая к стыду человечества еще до сих пор остается неразрешенной.

Огромное оживляющее значение в деле развития общественных дви-

жений представляет собою конкуренция, являющаяся результатом соревнования двух, трех или более общественных движений, более или менее близких по своему характеру и задачам. Здесь соревнование дает импульс для напряжения внутренних сил коллектива, содействуя усилению общественного движения, и, если оно проявляет свою жизнеспособность, путем соревнования оно непременно оживится и получит мощный толчек к своему развитию. Сколько важных общественных движений обязано своим существованием, именно, конкуренции и сколько из них достигли, благодаря этому, своего мощного развития. Было бы трудно перечислять здесь примеры, доказывающие это положение, ибо они у всех на глазах. Однако не следует забывать, что конкуренция только тогда является оживляющим фактором, когда она не является подавляющей, ибо в последнем случае конкуренция оказывает прямо противоположное действие, тормозя развитие общественного движения, не выдерживающего конкуренции. Между прочим, поощряющими условиями, поддерживающими распространение по коллективу нововведения, служат, с одной стороны, все вспомогательные открытия, стоящие в согласии с данным нововведением, и, с другой стороны, очевидное облегчение жизненных условий в коллективе, окружающее такое нововведение известной долей обаяния, обусловленного его жизненной ценностью.

Необходимо заметить, что частое оживление всякой вообще реакции обязательно связывается с ее ускорением, благодаря привычному ее выполнению и механизации. То же самое мы наблюдаем и в общественных движениях. Во всяком вообще коллективе общественные движения, повторяющиеся неоднократно, становясь привычными, развиваются всегда с бо́льшей быстротой, нежели общественные движения, не имевшие себе примера в прошлом. Так, революционным вожакам хорошо известно, что народ необходимо приучать к революционным выступлениям, чтобы могло быть организовано восстание. Любой военноначальник знает, что обстрелянные войска держатся в бою с бо́льшей стойкостью, нежели свежие и необстрелянные.

Достойно внимания, что, если факторы, содействующие тому или другому явлению, повторяются один за другим, то они как бы наслаиваются друг на друга и, суммируясь, действуют с бо́льшею силою в определенном направлении. Легче всего это проследить на каком либо большом социальном явлении. Вот напр. социальный факт огромной важности, вовлечение Соединенных Штатов Америки в великую европейскую войну, где интересы Америки, казалось бы, не были существенным образом задеты. Между тем Америка, которая незадолго перед тем проводила в жизнь идею международного арбитража, не могла вмешаться в войну иначе, как под влиянием общественного и народного движения. Разберемся в этом деле и выясним, как, в конце концов, случилось это, казалось бы, невероятное событие.

По этому поводу нужно прежде всего сказать, что накануне войны международная позиция Соединенных Штатов Америки сводилась к защите следующих принципов: 1) учение Монрое, по которому американское правительство взяло на себя защиту Нового Света от нападения со стороны

европейских государств и в то же время устраняло себя от вмешательства в европейские дела, 2) отстаивание свободы морей и 3) всемерная забота о международном арбитраже, который бы давал возможность предотвращать повторение войн.

Взрыв обще-европейской войны 1914 года для Америки потому казался неожиданным, что никаких признаков надвигавшихся событий там нельзя было ощущать. К тому же каждая из воюющих европейских стран имела в Америке достаточное число своих соплеменников, и взаимные их обвинения естественно спутывали все карты, не давая возможности разобраться, в чем дело и на чьей стороне правда. С самого начала Америка об'являет нейтралитет и это, конечно, было принято, как нечто неизбежное и необходимое. Затем, в виду разделения мнений в Америке президенту пришлось выступить в особом воззвании с предупреждением, что расхождения взглядов в Америке могли бы препятствовать исполнению обязанности великой миролюбивой нации в смысле подания советов мира, успокоения и посредничества „не в качестве приверженца той или другой из воюющих стран, но в качестве друга". Вот как выражал свои мысли по этому поводу президент в своей декларации 20 апрѣля 1915 года: „мы для всего мира народ посредник. народ наш образовался из смешения всех наций мира, мы естественно посредники между их кровью, их традициями, их наклонностями, вкусами и страстями. Поэтому мы в состоянии понять их в их смешении, всех сообща, а не каждую в отдельности, ибо мы не сторонники той или другой нации, но мы понимаем, об'единяем и воплощаем в себе все нации. В этом смысле я называю американский народ—народом посредником". Американский нейтралитет, таким образом, имел все основания быть полным и безупречным. Он таковым и был в начале, но дальше события развивались не в пользу одной стороны, ибо уже вторжение немцев в Бельгию и совершенные там насилия и бесчинства глубоко возмутили общественное мнение граждан Американских Штатов. Комиссия бельгийского правительства, явившаяся в Америку в сентябре 1914 г. с жалобами на поведение германцев, правда не привела прямо к цели, но президент в ответной речи, дабы избавить Штаты от вмешательства в европейский конфликт, оставил за собой право высказать впоследствии свое решение по данному случаю. Это был, конечно, только выход из затруднительного положения, причем симпатии большинства граждан Америки уже стали решительно склоняться в одну сторону, ибо в пользу бельгийцев пошли пожертвования в виде денег, съестных припасов и одежды. Несмотря на это, мысль о необходимости держать нейтралитет в Америке была всеобщей и политика президента в этом отношении признавалась единственно разумной.

Дело начало принимать другой оборот лишь с тех пор, как стала выясняться серьезная опасность Соединенным Штатам из за морской войны. Уже в августе 1914 г. министр иностранных дел в Америке разослал ноту всем воюющим странам с обращением внимания на серьезную опасность, грозящую нейтральным странам, вследствие их неуверенности относительно

гарантии их прав на море. Англия согласилась держаться с некоторыми оговорками постановлений Лондонской конференции, декларация которой была отвергнута в свое время Великобританией. Дипломатическая полемика, возгоревшаяся на этой почве между Америкой и Англией, показала, что Англия не склонна держаться взгляда Америки, что будто бы моря не входят в состав старого света. Сущность английской точки зрения сводилась к тому, что она не может согласиться на сокращение своего боевого флота, пока ее соседи не будут согласны сократить свои боевые армии.

В дальнейшем начинаются старания Америки добиваться всемерно скорейшего окончания войны. 27 мая 1916 г. президент обращается к лиге мира и устанавливает принципы, на которых должен быть заключен будущий мир. С этого времени становится ясным, что Америке небезразличны условия будущего мира, и это ясно вытекает из следующих слов обращения: „мы столь искренно верим в необходимость торжества этих идей, что я убежден, что выражаю настроение и желание американского народа, заявляя о готовности Соединенных Штатов принять участие во всякой осуществимой коалиции народов, направленной к достижению этих идеалов и к обеспечению их против всякого насилия".

Нечего говорить, что эта речь вызвала восторженное одобрение со стороны американского народа, в котором под влиянием событий, выяснивших ему, что без участия в сухопутной войне нельзя добиться защиты жизненных интересов Америки на море, произошел крупный сдвиг в сторону защиты этих интересов вооруженными силами, но острие американского меча обратилось не в сторону Великобритании, как можно было бы думать, руководясь вышеуказанной дипломатической полемикой между Штатами и Великобританией, а против Германии и вот почему: между Германией и Соединенными Штатами не существовало соглашений об арбитраже, но по вине самой Германии, державшейся в этом вопросе вполне уклончиво подобно тому, как в свое время она отвергла предложения Гаагской конференции о соглашениях для мирного улажения международных споров. Собственно конфликты с Германией начались со времени протестов Германии о ввозе Америкой, как нейтральной державой, оружия в воюющие страны, хотя сама Германия снабжала незадолго перед тем оружием воюющие балканские страны. Право Америки в этом отношении не могло быть оспариваемо не только потому, что страны, менее готовящиеся к войне, оказывались бы при таких условиях в наихудших условиях, но и потому, что в таком случае и сама Америка в случае войны была бы лишена оружия. В конце концов, такое положение дел предоставляло бы мировое владычество государству, обладающему бо́льшим числом заводов для вооружения.

В дальнейшем вызывающим условием со стороны Германии по отношению к Америке явилось установление зоны, в пределах которой Германия, в нарушение принципов международного права, признала свое право топить без предупреждения коммерческие суда. Когда бесжалостно была потоплена „Лузитания" с массой человеческих жертв, негодованию американцев не было

предела. И этот тяжелый инцидент прошел фактически благополучно для Германии, но затем насмешливое и пренебрежительное отношение правительства Германии и всем известные заговоры и недобросовестное отношение германских дипломатических агентов в самой Америке, интриги Германии в Японии и Южной Америке для возбуждения враждебных отношений к Соединенным Штатам и даже попытки вызвать восстание на Кубе, Гаити и Сан-Доминго и другие действия имели явно вызывающий характер и не могли не сыграть роль стимулов, подвергших тяжкому испытанию долготерпение Соединенных Штатов.

На представления по поводу действий австро-венгерского и германского военных и морского атташе ни извинений со стороны германского правительства, ни мер взыскания с этих лиц не производилось, тогда как командир подводной лодки, потопившей „Лузитанию", получил со стороны коронованного дегенерата Вильгельма даже высокий орден „pour le merite". Между тем действия подводных лодок против американских граждан в дальнем провоцировали назревавшие события, и вот выразитель американского народа—президент Соединенных Штатов 2 февраля 1916 г. в речи, сказанной в Топене говорит уже о возможности при нарушении прав американского народа прибегнуть к силе оружия [1]). Переговоры из-за потопления парохода „Суссек" дали частичное удовлетворение Соединенным Штатам, и война была временно отвращена.

В конце 1916 г. президент Вильсон приступил было уже к подготовлению ноты, в которой требовалось от воюющих стран определение целей войны. Узнав об этом, Германия и ее верные союзники Австро-Венгрия, Болгария и Турция еще ранее опубликования ноты Вильсона обратились через нейтральные страны к союзникам с предложением начать мирные переговоры. Однако, эта нота в действительности была далеко не миролюбивой, ибо в ней слышался голос победителя по отношению к противной стороне. Даже нейтральные страны оказались под угрозой Германии, ибо неучастие их в содействии заключению мира должно было иметь последствия, что Германия с союзниками будет признавать себя свободными от всяких обязательств по отношению к защите интересов нейтральных стран, что обозначало, что подводные германские лодки не будут считаться ни с чем и не будут щадить суда нейтральных держав. Посылка ноты президента Вильсона об определении целей войны привела в ясность положение вещей. Со стороны Германии получился уклончивый ответ: напротив того ответы держав согласия дышали искренностью и во многом совпадали с предложениями американского правительства, ибо здесь не было и тени создания условий будущей агрессивной политики, тогда как Германия стремилась к миру победителя над побежденными.

Затем следовало знаменитое обращение Вильсона к сенату, одновременно относившееся к американскому народу и вообще к народам всего мира,

---

[1]) См. брошюру „Как война захватила Америку?". Июнь 1918.

в котором он изложил условия будущего мира, за которые Соединенные Штаты стали бы ратовать. Существенная часть этого воззвания гласила следующее: „никакой мир не может и не должен быть прочным, если он не согласован с принципом, гласящим, что правительства получают свои полномочия от своих управляемых и выражают их волю, и что передача народов от одного государя к другому, вроде частной собственности, есть бесправие".

Что за этим последовало? Печать, отражающая общественное мнение европейских стран, оказалась в Великобритании и Франции в общем на стороне тех пунктов, которые высказаны в этой речи Вильсоном, за некоторыми лишь оговорками. Между тем как в Германии лиц, сочувствовавших Вильсону в его обращении, оказалось вообще мало или им не оказалось возможности заявлять свое сочувствие. К тому же 16 января 1917 г. германский министр иностранных дел дает предписание германскому посланнику в Мексике, в котором заявляется о намерении отказаться от исполнения обязательств со стороны Германии по отношению к делу с потоплением „Сассекса" и предлагается мексиканскому правительству Новую Мексику и Аризону, если оно нападет вместе с Японией на Соединенные Штаты.

Можно ли сомневаться в том, что вместе с этими новыми стимулами настроение американского народа все более и более обращалось против Германии и находилась почва для взаимоотношений и сотрудничества между Америкой и державами согласия. Естественно, что в Соединенных Штатах постепенно нарастало негодование против морского разбойничества Германии и против жестокостей, проявленных германцами в занятых областях. Все могло, быть может, еще обойтись без войны, но случилось так, что в последние дни января 1917 граф Бернсторф передал американскому министру иностранных дел ноту с заявлением, что германское правительство намерено еще более расширить сферу действий своих подводных лодок, вопреки протесту по этому поводу со стороны Америки. Последовал разрыв дипломатических сношений между Америкой и Германией. И тут еще не было сказано последнее слово пред войной, ибо президент Вильсон очевидно надеялся на возможность мирного разрешения конфликта, когда говорил сенату: „мы искренние друзья германского народа и настойчиво желаем остаться в мире с правительством, которое говорит от его имени". Это заявление однако не возымело своего воздействия. Главные требования Америки не были удовлетворены. В начале марта уже выяснилось, что германское правительство намерено привести в действие свою угрозу, и вот президент испрашивает при этих обстоятельствах у конгресса одобрения на вооруженный нейтралитет, причем 500 членов из 531 члена обоих палат высказались в пользу политики Вильсона, а 12 марта последовало распоряжение о вооружении американских торговых судов. Но Германия не успокоилась, проявляя свою разбойничью политику по отношению к торговым судам всех наций. Вследствие этого дело приняло роковой оборот, и 2 апреля 1917 г. Вильсон прочел речь вновь собранному конгрессу с предложением об'явить о состоянии войны с Германией, а 6 апреля

нижняя палата огромным большинством голосов вотировала решение, принятое уже ранее сенатом и гласившее следующее:

„Принимая во внимание, что германское имперское правительство совершало неоднократно враждебные военные выступления против правительства и народа Соединенных Штатов Америки, посему: постановляется советом и палатою представителей Соединенных Штатов Америки, собравшимся на общем заседании конгресса, что война между германским правительством и правительством Соединенных Штатов, навязанная ему Германией, формально об'является, и президент вместе с сим уполномачивается использовать все морские и сухопутные силы Соединенных Штатов и все рессурсы правительства для ведения войны против германского имперского правительства. Конгресс Соединенных Штатов этим самым ручается, что все силы страны будут направлены к победоносному разрешению настоящего конфликта“ [1]).

Ясно, что для того, чтобы произошел сдвиг в настроении и во взглядах миролюбивого американского народа и чтобы отношения между ними и автократической Германией разрешились коллективным воинственным рефлексом со стороны народа американской республики, нужно было систематически усиливать это настроение все новыми и новыми раздражениями, обострявшими отношения американского народа к Германии, что и привело к воинственным действиям одного огромного государственного коллектива против другого могущественного государственного коллектива, каковым являлась Германия с ее союзниками.

Таким образом, на этом примере доказывается с ясностью, как общественное движение поддерживается и развивается в определенном направлении под влиянием постоянных толчков и воздействий, помогающих и содействующих ему, вследствие чего рушатся все тормазы сложившегося многими десятками лет народного мировоззрения, преодолевается закон инерции и миролюбивая нация, взбудораженная воинственным настроением, высылает своих сынов на кровавую борьбу, разразившуюся на отдаленном для нее европейском материке.

III. Закон тяготения.

В особой работе «Об основных законах мира» [2]) я доказываю, что такие законы, как тяготения, имеют силу не для одной только механики небесных тел и неживой природы вообще, но и для мира растений и животных, а также и для социальной среды.

В живой природе мы встречаемся с законом тяготения в явлениях т. наз. положительного таксиса и положительного тропизма. Эти явления

[1]) „Как война захватила Америку?“. Июль 1918.

[2]) См. „Вопросы изучения и воспитания личности“ вып. 2 и 3, 1920—21.

настолько хорошо известны в биологии, что здесь нет надобности входить в подробности по этому предмету. Но тяготение в биологическом смысле не следует понимать шире чисто механического тяготения, ибо всякое необходимое сотрудничество и симбиоз являются особыми видами биологического тяготения.

Что касается симбиоза, то это явление ныне настолько известно, как в мире растений, так и в мире животных, что опять-таки нет надобности входить здесь в излишние по этому поводу подробности. Но некоторые данные в целях пояснения должны быть приведены. На основании опытных исследований доказано, что ассимиляция азота бобовыми облегчается клубеньковыми бактериями. С другой стороны, существуют уже многочисленные исследования, указывающие на взаимно-полезное сожительство, точнее было бы сказать жизненное сотрудничество, различных видов грибов с лесными древесными растениями. Так, грибницы, оплетая собою ответвления корней древесных пород, тем самым защищают их от высыхания, от влияния низкой температуры и от нападения тех или других вредителей. Сверх того, они еще помогают корневой системе тем, что, располагаясь много дальше последней, они усиливают всасывающую деятельность корневой системы. Срастаясь с тонкими корешками или проникая в их ткань, нити грибницы играют в этом случае роль придаточных волосков, которые собирают с большей поверхности влагу с заключающимися в ней веществами, пополняя тем самым питательный материал, извлекаемый из почвы самим деревом при посредстве его корней.

Бернардом доказан в этом отношении еще один важный факт, а именно, что грибницы грибов, сожительствующих с тем или иным растением, необходимы ему и для прорастания его семян. Последние не прорастают даже при самых благоприятных условиях почвы в отсутствии грибницы тех грибов, которые паразитируют на растениях и после прорастания. Особенно показательные исследования в этом отношении могут быть получены на орхидных. Подобные же явления известны относительно плауновых растений, размножающихся спорами (Трауб). Наблюдения Биткинсона, Метениуса и Гревилиуса то же самое подтверждают и относительно терновников, причисляемых некоторыми из ботаников к папоротниковым.

С другой стороны, все эти грибы суть паразитирующие растения. Они живут и размножаются на теле того или другого растения потому, что лишь с помощью их могут обеспечивать свое жизненное существование. Отсюда естественно взаимное тяготение тех и других растений друг к другу. Они взаимно связаны в своих жизненных условиях, на подобие того, как взаимно связаны между собою двойные звезды или планеты с солнечной системой.

Не менее известны явления симбиоза среди животного царства. Но здесь мы имеем еще и другие условия для взаимного тяготения. Это сотрудничество и взаимопомощь, которые оказывают друг другу различные особи одного и того же вида. Интересные подробности в этом отношении могут быть почерпнуты в труде Кропоткина „Взаимопомощь, как фактор эволюции". Так или иначе, но животный мир немыслимо представить себе без сотрудни-

чества и взаимопомощи, а это и обусловливает собою явления взаимного тяготения индивидов друг к другу.

Таким образом, всемирный закон тяготения имеет силу и по отношению к социальному миру.

Инстинкт самосохранения приводит к развитию социальности, сближая индивидов друг с другом не только механически, но и образуя между ними коллективное единство, в котором проявляется как бы взаимное тяготение одних индивидов к другим. Некоторые, как Вакселейлер, обозначают это взаимное тяготение одних индивидов к другим именем „социального сродства" (L'affinité sociale). Но, как бы не относиться к этому „социальному сродству", несомненно, что общение между людьми, вынуждаемое самою природою вещей при воспитании детей, приводит к развитию влечения к себе подобным и склонности реагировать на их воздействия соответственным образом. А так как воздействия от себе подобных в жизненных условиях чаще всего выражаются взаимной нуждаемостью, то ясно, почему везде, где имеются какие-либо взаимные интересы, легко образовываются социальные единства. Помимо того, к сближению приводит и защита от сторонних неблагоприятных воздействий совокупными усилиями. „Группа путешественников, подвергшаяся нападению, сближается, соединяется и совокупными силами отбивается от нападающих; в случае той или иной опасности многие чуждые друг другу люди соединяются в одно целое и образуют единую группу. Об'единение людей в постоянные и длительные, оборонительные и наступательные союзы, начиная с соглашения двух-трех лиц, решающихся совместно нападать или защищаться, и кончая соглашениями городов, областей, государств, все эти процессы взаимодействия представляют явления, возникшие на почве этих биологических условий. Они не только сталкивали людей друг с другом, но и вызывали определенный порядок и организацию в их взаимоотношениях" [1]).

Вообще говоря, индивиды, сходные друг с другом по внутренним и внешним качествам, взаимно тяготеют друг к другу, но, с другой стороны, и люди, несходные между собою, но взаимно дополняющие друг друга также тяготеют друг к другу. К этой категории явлений относят и взаимное тяготение друг к другу различных типов. И в том, и в другом случае как бы инстинктивно чувствуется полезный результат—в первом случае от соединения однородных сил, во втором случае от сочетания взаимно дополняющих друг друга сил.

Таким образом, возникновение коллективов обязано закону тяготения, причем об'единение в коллективы происходит в одном случае благодаря сходству индивидов в отношении настроения, характеров, убеждений или устремлений, в другом случае, благодаря об'единению несходных, но взаимно дополняющих друг друга индивидов, образующих благодаря этому нечто цельное. Но в чем бы ни заключались основные условия образования коллекти-

---

[1]) П. Сорокин, Система социологии. Т. I, стр. 269.

вов, несомненно, что и там, и здесь в основе всего лежит взаимное тяготение индивидов друг к другу.

Приложение закона тяготения к собирательной личности характеризуется тем, что в социальной жизни мы встречаемся с особыми центрами тяготения, то более значительными, то менее значительными. Последние, в свою очередь, находятся в условиях взаимного тяготения друг к другу, и притом сила тяготения стоит в определенных соотношениях с размерами этих центров, подобно тяготеющим друг к другу небесным телам. Но здесь эти размеры должны определяться не столько пространственными размерами самих центров, сколько социальной значимостью этих центров. Ясно также, что явления тяготения между этими центрами стоят в зависимости от расстояния между ними и удобств сообщения, как бы сокращающих эти расстояния, и при том здесь приложима как раз та же формула тяготения, обратно пропорциональная квадратам расстояний, которую мы имеем по отношению к небесным телам.

Спрашивается, чем же обусловливается сила тяготения тех или других центров в социальной среде? На это не может быть одинакового ответа для всех случаев, ибо и самое тяготение может быть обусловлено географическими, экономическими или торговыми, политическими или научно-литературными условиями.

Более чем очевидно, что географические условия тяготения состоят в удобстве путей сообщения, привлекающих жителей к данному центру, соседство с местностями бо́льшего развития добывающей промышленности, создающими условия лучшего обеспечения и т. п. Экономические условия тяготения заключаются в положении того или другого пункта на торговых путях, вблизи мест обрабатывающей промышленности. Политические условия тяготения состоят в местоположении органов внутреннего управления, в местожительстве лиц, олицетворяющих мощь того или другого государства, и т. п. Наконец, научно-литературное тяготение заключается в собраниях научно-литературных ценностей в определенных местах, а также в научных открытиях и изобретениях.

Собственно, каждое открытие или изобретение непременно привлекает к себе отдельных индивидов как для ознакомления с ним, так и для его обслуживания, причем чем важнее и значительнее роль этого открытия или изобретения, тем бо́льшей силой тяготения оно обладает. Если дело идет о научном открытии лабораторного характера, к нему тяготеют сторонние работники, едущие отовсюду, чтобы иметь возможность самим видеть и изучить новое открытие, слушать лекции, к нему относящиеся, и т. п. Если это открытие технического свойства, тотчас же организуется предприятие для его эксплоатации, которое, в свою очередь, собирает вокруг себя целый ряд лиц, желающих посвятить себя новому делу. Если дело идет о новых теоретических воззрениях, преподаваемых в высшей школе, к этой школе начинает тяготеть все бо́льшее и бо́льшее число слушателей. Если дело идет о новом торговом предприятии, которое, в свою очередь, является своего рода открытием, хотя бы

по своему замыслу и задачам, оно также концентрирует около себя участников и сотрудников. Далее, к любой фабрике или заводу, представляющим собою опять-таки своего рода открытие, хотя и подражательного характера, тяготеет ряд лиц, участвующих в организации самого предприятия с одной стороны, и то или другое число рабочих с другой. Затем, любая школа, представляющая собою опять-таки открытие подражательного характера и сообщающая приобретенные открытия и изобретения молодым развивающимся умам, в свою очередь, является центром тяготения для учащейся молодежи. Поэтому и большой город, содержащий и то, и другое, и третье, в свою очередь, является сильным притягательным центром для всех вообще заинтересованных лиц.

Благодаря этому, центрами тяготения являются те пункты земного шара, которые собирают около себя возможно бо́льшее число учреждений, культивирующих открытия и изобретения в различных областях человеческой деятельности от экономической до литературно-научной и художественной включительно. Благодаря этому закону тяготения и возникают мировые центры цивилизации.

В зависимости от творческой деятельности народа, условий государственной жизни и уровня цивилизации, различные эпохи выдвигают свои центры цивилизации. Так, в оное время мировым центром цивилизации являлись Вавилон и Ниневия, в другое время таким центром была Александрия, позднее Афины, еще позднее Рим.

В средние века играл роль таких центров целый ряд городов, а в новейшее время мировым центром цивилизации должен быть признан Париж. Но и каждая страна имеет свои центры цивилизации, к которым тяготеет ее население.

IV. Закон отталкивания.

Наряду с законом тяготения и сотрудничества общественная жизнь подчиняется и закону отталкивания и борьбы. Дело в том, что каждое общество уже при самом своем возникновении начинает дифференцироваться или расчленяться на отдельные части, причем одно расчленение происходит в целях разделения труда и следовательно осуществляет форму сотрудничества и сближения, тогда как другая форма расчленения характеризуется и различными устремлениями составляющих ее индивидов. В результате последнего расчленения и является взаимное отталкивание и раз'единение, а затем неизбежно следует конкуренция, соперничество и борьба. Вот почему, каждое общество не может избегнуть ни конкуренции, ни соперничества и борьбы, но в этом заключается его залог будущих успехов и совершенствований. В развитом обществе прежде всего само строительство общественной жизни вызывает борьбу партий, из которых каждая стремится достигнуть господствующего положения и власти в лице своих представителей.

Но и помимо того, каждое общественное дело имеет многих претендентов, из которых каждый оспаривает право на руководительство, и тем самым, оспаривающий, с одной стороны, сам стремится выявить свою личность в смысле лучших качеств на выполнение оспариваемой роли, и с другой стороны побуждает к более энергичной деятельности других претендентов на ту же роль.

Точно то же мы наблюдаем и во всех вообще областях производительного труда. В любом производстве на ряду с сближением определенного ряда лиц, мы встречаем и отталкивание и разъединение, приводящие к конкуренции и соперничеству. Благодаря этому, каждый из соперников стремится по своему улучшить качество производства или, по крайней мере, распространить в большей мере продукты этого производства, привлекая к себе и своему товару внимание потребителей. Далее конкуренция и соперничество в области труда в промышленных странах приводят не только к интенсификации производства, но и к развитию пролетариата, благодаря усиленному предложению рабочих рук, а вследствие того к их обесценению и беззастенчивой эксплуатации.

Точно такое же взаимное разъединение и отталкивание, а следовательно, конкуренция и соперничество, проявляются во всех вообще отраслях труда, не исключая педагогического и научного. Везде дело идет о соперничестве и конкурренции, ибо каждый ученый или педагог стремится стать выше другого и достичь лучших результатов сравнительно со всеми другими. Точно также, наряду с обнаруживаемыми открытиями и изобретениями, они проявляют соответственно закону отталкивания, и эксцентрическое влияние на собирательную личность, которое обусловливается необходимостью пропаганды и распространения каждого открытия и каждого изобретения. Эта пропаганда сама по себе отвлекает население от больших центров, распределяя его по окружающим областям. При этом, распространение изобретений в целях общедоступности его населению, более удаленному от больших центров и областей, вынуждает к образованию малых или второстепенных центров в других местах, выбор которых зависит от тех или иных местных условий, скрещивания путей сообщений и т. д.

Таким образом, наряду с силой тяготения сами изобретения и открытия обладают и силой отвлечения или отталкивания, благодаря чему, в конце концов, устанавливается в каждой собирательной личности особое равновесие между обоими силами, которое и определяет соответствующее расселение населения по земной поверхности и разгруппирование его в той или другой местности.

„Всё, что мы ныне в общественной жизни видим общепринятым, утвердившимся, вошедшим в обычай, превратившимся в верование, всё это составляло предмет горячего спора. Нет самого мирного учреждения, которое не родилось из раздора. Грамматика, кодекс, конституция (подразумеваемая так же, как и писанная), господствующая промышленность, преобладающая поэзия, катехизис, всё это, составляющее *категорическую* основу обществ, является

произведением, медленно и постепенно созданным общественною *диалектикою* Каждое грамматическое правило представляет собою выражение восторжествовавшей некогда привычки речи, распространившейся в ущерб другим привычкам речи, с ней несходным. Каждая статья кодекса является соглашением, мирным трактатом после кровавых битв на улице, после ожесточенной полемики в прессе, после ораторских бурь в парламенте. Каждый принцип, воплотившийся в конституции, восторжествовал после многих революций и т. д." (Тард, Законы подражания, стр. 173—174).

Раз'единение и соперничество, основанные на узко-политических интересах личности, проходят чрез всю историю человечества. Борьба родов и племен между собою, борьба новых молодых элементов против власти отца семейства и родоначальника в первоначальную эпоху общественной жизни, борьба личности против кастового, сословного и классового господства, беспрерывная экономическая борьба народов и племен, борьба личности против подавления ее массой-обществом, за высвобождение ее первоначально из-под рабства, а позднее из-под экономической кабалы, освобождение ее из религиозных пут, борьба партий в каждой касте, в каждом сословии, в каждом классе, в каждом организованном обществе, внутренняя борьба между отдельными членами семьи, общины, артели, кооператива, партии, церковного прихода и вообще той или иной социальной группы — вот многочисленные, но далеко еще не все виды взаимного отталкивания, соперничества и борьбы, которые развиваются неизбежно с железною силою непреложного закона в условиях социальной жизни. В то же время этот закон отталкивания и раз'единения, являясь стимулом к соревнованию и борьбе, служит одним из важных факторов прогресса человеческой личности на пути ее развития и совершенствования.

Таким образом, несмотря на стремление народов к об'единению и слиянию, благодаря подражанию и заимствованиям, обусловливающим увеличение сходства, этого основного условия для взаимного тяготения и слияния, на пути к этому об'единению встречаются и препятствия в виде раз'единения народов, при неодинаковых условиях существования, в виде соперничества, национальных предрассудков, исторических традиций, национальной, классовой или партийной гордости и т. п., что соответствует в механике силам отталкивания. Основной причиной этого отталкивания и раз'единения является природное и социальное неравенство между людьми, из которых последнее может быть устраняемо культурой.

По словам Ш. Летурно „человека можно назвать иерархическим животным. За исключением, может быть, совершенно первобытных орд Огненной Земли, неравенство царит во всех человеческих обществах. Всюду слабый подчиняется сильному; но в обществах со сложной организацией, опирающихся на наследственную передачу привилегий, право сильного под конец заменяется правом наиболее богатого. Таким образом, свободная игра жизненной конкуренции, какой она является во всем остальном органическом мире, извращается, и нередко бывает, что слабейший, бронированный привилегией,

побеждает сильнейшего и более интеллигентного соперника. Это злоупотребление особенно резко проявляется в обществах со строгим разделением на касты, но и современные наши государства, в значительной степени, еще причастны ему, даже и наиболее демократические из них" (Ш. Летурно, Нравственность, стр. 347).

Уже из сказанного видно, что в лице человека интеллект или высшие формы соотносительной деятельности, создающие богатства, благодаря изобретениям, представляют собою лучшее орудие в борьбе за существование, заменяющее собою крепкие зубы, острые когти, мощные мышцы. Но развитие интеллекта, обязанное не индивидуальной жизни, вырабатывающей другие органы борьбы, а социальной жизни, ибо только путем взаимообщения и обмена личным или индивидуальным опытом и является возможным развитие интеллекта, не исключает, однако, в мире человека и борьбы физической в настоящем смысле слова, что доказывается бесчисленными войнами, которые велись человечеством на протяжении всей истории и к сожалению до сих пор не могут быть изжиты. К стыду человечества оно не создало еще самого важного изобретения, которое раз навсегда прекратило бы войны между народами и драки между отдельными людьми.

Но конкуренция и соперничество происходят не только между людьми, но и между различными учреждениями. Каждое правительственное учреждение соперничает и конкурирует с другими аналогичными правительственными учреждениями. Каждая промышленная или торговая фирма, каждое предприятие, каждая фабрика являются, в той или иной мере, конкурентами и соперниками таких же учреждений в стране. Равным образом, и учреждения, занятые умственным трудом, конкурируют и соперничают друг с другом и стремятся проявить себя в том или ином отношении лучше других.

Так конкурируют и соперничают друг с другом разного рода школы, как напр., Академии, Университеты, Институты и т. п., а также и другие ученые и учебные учреждения от высших до низших, как конкурируют и соперничают между собою и сами ученые и педагоги.

Словом, какую бы отрасль труда мы ни взяли, везде и всюду мы встречаемся с конкуренцией и соперничеством соответствующих учреждений и их представителей. Но в этом соперничестве, в этой борьбе, акте, казалось бы, антисоциальном, мы имеем залог высокого социального совершенствования.

Дело в том, что благодаря этой борьбе осуществляется тот социальный отбор, который охраняет и дает развиваться социально-полезным учреждениям и предоставляет вымирать учреждениям, не отвечающим социальным нуждам и нежизнеспособным. Этот социальный отбор, в отличие от естественного дарвиновского отбора, не пользуется какими-либо небольшими уклонениями в организации и не основывается на приспособлении к естественным условиям жизненного существования, а имеет в виду лишь один принцип—социальной полезности, который и определяет дальнейшую судьбу всех вообще общественных установлений, которые сохраняются для потомства опять-таки не в силу биологической наследственности, столь важной в естественном отборе

Дарвина, а в силу социальной наследственности, как это мною развито в другом месте [1]).

Все вышеуказанное показывает, что закон отталкивания, вызывающийся конкуренцией, соперничеством и борьбой, является одним из основных законов социального совершенствования, и, если без социального сближения и сотрудничества неосуществима никакая социальная задача и никакое вообще социальное строительство, то без конкуренции, соперничества и борьбы, лежащих в основе закона отталкивания, нет совершенствования социального мира.

V. Закон противодействия равного действию.

Дело идет здесь о законе, по которому общественные движения, проявляемые различными социальными группами при условиях взаимоотношения последних друг с другом, противодействуют одно другому таким образом, что наростание одного общественного движения вызывает стремление к противодействованию со стороны другого общественного движения, ему противоположного. Так, сильное развитие национализма дает толчек к развитию социализма, и наоборот, с другой стороны, сильная власть приводит к усилению оппозиции. При развитии анархии в стране возникает стремление в других группах поддержать власть и установить единение.

Во всех подобного рода случаях противодействие наростает по мере того, как развивается данное общественное движение.

Общественно-политическая жизнь складывается из стремлений различных партий или кружков и двигается обыкновенно зигзагами то с перевесом влияния со стороны одной из партий, то с перевесом влияния со стороны других партий в зависимости от их силы. Но бывают моменты в истории, когда наступает междупартийный конфликт, приводящий к общественному кризису.

Всякое новое общественное движение встречает ту или другую оппозицию со стороны определенных общественных кругов. Но, когда одно из общественных движений получает преобладающее значение, против него начинают действовать объединенные силы различных партий. Так, деспотическое управление подготовляет революцию, революция, в свою очередь, подготовляет контр-революцию.

Всякое вообще открытие или изобретение, будучи осуществлено, стремится получить распространение в окружающей среде, и затем это распространение идет все дальше и дальше, встречая сопротивление, с одной стороны в косности среды и в противодействии со стороны тех изобретений, которые

[1]) В. Бехтерев. Социальный отбор и его биологическое значение. „Вестник Знания“ 1912.—„Nord u. Sud“ 1912.

В. Бехтерев. Значение гормонизма в эволюции организмов и социального отбора. „Природа“ 1916.

сталкиваются с новым изобретением. Допустим, что дело идет об изобретении электрического освещения. Известно, что распространению его препятствовала, и до сих пор препятствует, с одной стороны косность широких масс, а с другой стороны противодействия со стороны представителей газового и ауеровского освещения. В конце концов, во всех таких и аналогичных случаях придется путем подробного анализа признать, что противодействие равно действию, будучи противоположным ему по направлению.

С другой стороны, если мы имеем давление со стороны власти на те или иные общественные слои, то и в этом случае возникает оппозиция со стороны борющихся кругов общества, которая нарастает с тем бо́льшей энергией, чем бо́льшую реакцию проявляет правительственная власть, и в результате инертность массы и оппозиция достигает той степени, которая уравновешена реакцией. Всякая революция, кроме инертности в массах, встречает сопротивление в контр-революционных, более умеренно настроенных элементах, вследствие чего и здесь summa summarum противодействия должно быть равно действию и противоположно по направлению.

В борьбе партий сила одной партии встречает сопротивление со стороны других, и первая будет распространять свое влияние до тех пор, пока противодействие со стороны других партий не окажется равным ее силе, будучи противоположным по направлению. Также и в войнах действие одной силы будет преодолевать противодействие противоположных ей сил до тех пор, пока это противодействие не достигнет равенства, действию, будучи противоположно ему по направлению.

В виде реакции против стремлений буржуазных классов развиваются в обществе социалистические тенденции, в виде реакции против войн развивается пацифизм и интернационализм.

Если с течением времени патриотизм в одних слоях населения слабеет под влиянием интернационалистических взглядов, он непременно усиливается в других слоях. Так, в России при большевистском движении во время революции, когда солдаты под влиянием интернационалистической пропаганды отказывались сражаться, стали возникать батальоны смерти, офицерские батальоны чести и женские батальоны, явившиеся реакцией против большевизма.

Вообще, при всяком усилении того или другого общественного движения, как бы в противовес ему, начинает развиваться другое общественное движение, ему противодействующее. Таким образом, каждый раз, при нарушении равновесия между отдельными слоями, в обществе возникает, в свою очередь, стремление в нем к выравниванию нарушенного равновесия путем противодействия.

Борьба партий также руководится данным законом, и каждый раз, когда одна партия берет перевес, против нее надвигаются другие партии, которые в случае надобности образуют блок. На том же основании правительство в конституционных странах вынуждено линию своего поведения сообразовать с большинством парламента, которое образуется либо одной более сильной

правительственной партией, либо блоком нескольких партий, против которого борется, в свою очередь, оппозиция.

В этом направлении все стремления оппозиции направлены к противодействию большинству и к достижению в тех или других вопросах соответствующей компенсации.

Но наступают моменты в истории, когда всему государству, как целому, грозит величайшая опасность или бедствие, как это случается, например, в период войн, и в таком случае в целях устранения этой опасности происходит как бы слияние всех партий, причем даже партии, при других условиях составлявшие оппозицию правительству, стараются в этих случаях оказать ему поддержку.

Иначе говоря, в целях возможного предотвращения грозящей опасности, все силы в государстве сливаются воедино, и обыкновенно нет разномыслия в отношении достижения обороны государства не только между партиями, но и между народными представителями и самими правительствами. При этом обычно и правящие сферы реорганизуются в так называемое коалиционное министерство, дабы достигнуть еще бо́льшего единения сил в целях противодействия внешней опасности.

В силу означенного закона, при недостаточности сил одной группы, в помощь возникают коалиции и блоки. Тот же закон имеет значение и по отношению к столь крупным коллективам, как народы и государства. Когда Франция сделалась сильною и воинственною в период Наполеона, против нее составлялись коалиции других держав. Когда в первой половине 19 века усилилась Россия, против нее составилась коалиция держав из Англии, Франции, Сардинии и Турции.

Когда затем выдвинулась своей мощью Германия, в противовес ей и ее союзу с Австрией и Италией образовался двойственный союз России и Франции, а когда возникла великая война, то против четверного союза Германии, Австрии, Болгарии и Турции возникла коалиция союзников: России, Франции, Англии, Италии и Японии, к которым затем присоединилась Америка и некоторые другие страны из малых держав. И все это в удовлетворение закона противодействия равного действию.

Как на один из примеров проявление этого закона можно привести современное общественное движение в России в период 1919 и 1920 г.г., известное под названием „субботников“. Вот что по этому поводу было написано мною еще в самом начале этого движения, когда оно еще только что зарождалось, в журнале „Жел.-дор. Техника и Экономика“.

„Субботники“, или правильное „субботничество“, представляет собою общественное явление, которое не может быть обойдено молчанием. В самом деле, не удивительно ли, что в то время, как с наступившей разрухой в России, когда недоедание стало обычным явлением, когда все жалуются и на недостачу хлеба, и средств, и всего вообще необходимого, и на слабосилие, вызванное систематическим недоеданием, массы лиц, руководимые известной идеей, выходят на тяжелую работу в тот день и час, когда, казалось бы, нужен

был трудящимся отдых после шестидневной работы. и притом выходят на работу не для своей пользы, что было бы легко об'яснить необходимостью дополнительного заработка, а совершенно бескорыстно. отдавая свои силы и свой труд на пользу других. на пользу общества. До сих пор такие примеры, если и бывали, то лишь в виде единичных случаев по тем или иным особым обстоятельствам, например в случаях неожиданно надвинувшегося какого-либо бедствия, которое нужно смягчить, и где нужно помочь общественными силами. Это так наз. мирская помощь, сохранившаяся с древних времен в „общинной" России. Но здесь дело идет не о единичном явлении, вызванном по случаю внезапно разразившегося над кем-либо бедствия, а о явлении, принимающем систематическую форму и распространяющемся по разным районам Советской России. Чем спрашивается оно вызвано? Несомненно, это есть реакция со стороны здоровых сил общества на ту разруху и недостаток созидательной работы, которые мы переживаем.

Это общественное движение проявилось первоначально в той среде, которая ближе чувствует необходимость показать на деле своим собственным примером, как должна вестись работа в созидаемой на новых началах России, но оно разливается по всему обществу независимо от каких-либо партий и взглядов. Вековое рабство и темнота русского народа, обусловленные прежним режимом, явились причиной того, что, когда трудящийся народ получил свободу, и не только свободу, но и господствующее положение. произошло нечто такое, что не всеми учитывалось и во всяком случае не могло быть предвидено. Дело в том, что, осознав свою свободу и права, трудящийся люд, раньше работавший из под ярма, исполнявший подневольный труд. всегда и всякому противный и невыносимый, стал освобождать себя от труда вообще, прибавив к общей разрухе, неизбежной вообще при коренном перевороте общественной жизни еще самую тяжелую разруху—отсутствие дисциплины или «разгильдяйство» с одной стороны, и бегство от труда или „озорничество" с другой. Эта разруха живой силы, которая одна обеспечивает прогресс и творчество народных масс и которая в состоянии преодолевать всевозможные препятствия, представляла собою самое тяжелое явление нашей общественности, обусловленное грехами прошлого и условиями еще не сложившегося настоящего. Оно влекло нас к гибели, и, казалось, в этом положении не было никакого исхода, не было никакого просвета, ибо там, где должна была начаться новая бьющая ключем жизнь на место старой жизни застоя и подневольного труда, там начинала зиять зловещая пропасть, которая готова была поглотить все самые широкие начинания, омрачить самые радужные надежды новой общественной жизни.

Но последняя подчинена определенным законам или зависимостям, столь же непреложным, как и движения небесных тел, хотя и мало нам известным. И вот, как неизбежной в мире общественных явлений оказалась наша общая разруха, так же неизбежно на смену ее является и реакция против нее виде своеобразного и поражающего общественного явления „субботничества" В механике неживой природы, как мы знаем, известен закон, формулируемый в виде противодействия равного действию, но противоположного ему по

направлению. Тот же самый закон осуществляется и в „социальной" механике человечества. И вот, на место отсутствия дисциплины уже давно стала намечаться соответственная координация общественных сил, которая постепенно должна эволюционировать в стройные общественные формы. Ныне же на местах прежнего бегства от труда начинает пробиваться здоровый созидательный коллективный труд субботничества. И что замечательно: как велико было в начале революции бегство от труда, того труда, который был подневольным и потому для всех тяжелым, вынуждаемым необходимостью, ныне в строительстве новой жизни мы видим на первых порах шествие труда свободного, коллективного, бескорыстного, почти геройского и, во всяком случае, труда благородного не в старом опошленном смысле, а в истинном значении этого слова. Этот коллективный труд в форме субботничества развивается ныне по всему лицу Советской России, заражая собою все здоровые элементы страны. Это есть ни что иное, как почин, „великий почин", как назвал его Ленин, в созидательной работе новой жизни. Пусть даже это есть временное общественное явление, ибо демократический принцип всякого труда его—полная оплата. Здесь же оплаты никакой нет. Здесь безкорыстное служение обществу, но тем более выдвигается его значение в новой жизни. „Субботничество" есть общественный порыв и в то же время показатель того, как надо служить обществу".

Интересно, как развивалась эта своего рода „трудовая" эпидемия. Об этом говорят газетные сообщения, которые приведены в выдержках в статье наблюдателя („Жел.-дор. Техника и Экономика", август 1919). Дело началось с железнодорожников коммунистов московского узла Казанской ж. д. Сперва было проведено в жизнь постановление, чтобы каждый коммунист прорабатывал сверх нормы по два часа без какого либо вознаграждения. Но вот 10 мая 182 человека на той дороге проработали сверх нормы в течение шести часов и проработали с такой успешностью, что иначе потребовалась бы для выполнения работы целая неделя. Производительность труда, благодаря под'ему, достигла 270%, причем некоторые группы рабочих продолжали свой труд даже и в воскресенье.

За Казанской жел. дорогой последовала Московско-Александровская ж. д., где субботники для коммунистов и сочувствующих были введены постановлением общего собрания коммунистов и сочувствующих, и уже 17 мая осуществленный субботник с большим под'емом повысил производительность труда в три раза. За этим последовало постановление от 22 мая иметь сверхурочный четырех часовой рабочий день для коммунистов, затем движение в пользу субботничества распространилось на провинцию, первоначально обнаружившись в Саратовских жел. дор. мастерских, затем на Рузаевской организации, после того в Туле в мастерских жел. дор., затем в Сормове, в Воронеже (8 и 15 июня), на ст. Малоярославец (13 и 15 июня) и т. д., и т. д.

Таким образом, в течении одного месяца эта трудовая эпидемия распространилась на целый ряд московских организаций и распространилась на многие провинциальные города, сделавшись в настоящее время почти все-

общим явлением. Нельзя не отметить здесь и тот подъем настроения, который не только поднимает до необычайной высоты производительность труда, но и заставляет в иных случаях переносить начатую работу на воскресенье. Очевидно, что во всей работе проявляется благородный порыв. И, как всюду, так и здесь, благородный порыв оказывается заразительным, он увлекает за собой многих, он сплачивает во имя труда всех тех, кто не потерял веру в жизнь. Скажу более: с каждым субботним днем, читая реляции о прошедшем субботнике, об увеличении числа выходящих на работу, об участии в работе не одних починщиков-коммунистов, но и беспартийных, о подъеме в количественном отношении самой работы, приходишь к выводу, что закладываются первые устои новой трудовой жизни, жизни для всех и выявляются первые проблески новой зари, зари будущего.

Так представляется нам все это явление с бытовой стороны. Но с точки зрения общественной жизни субботничество является, как упомянуто, реакцией на разруху, как возможный ей противовес, и очевидно и субботничество, и ряд других мероприятий, противодействующих разрухе, со стороны власть имущих будут развиваться в той степени и до того времени, пока разруха не будет изжита окончательно и пока противодействие не окажется, в конце концов, равным действию.

Закон противодействия равного действию находит подтверждение и в явлениях коллективного тормажения, уподобляющегося явлениям трения в механике и физике.

Говоря о явлениях тормажения общественных движений, необходимо иметь в виду, что они в общественной жизни столь же неизбежны, как и оживление, причем акты тормажения являются как бы регуляторами всякого общественного движения, вводят его в свои берега. Что было бы, например, если бы большой коллектив остался без власти—этого важнейшего тормаза во всяком государственном и общественном коллективе? Получилась бы та абсолютная свобода, которая граничит с анархией и неорганизованностью и которая обязательно должна привести к переходу в состояние той или иной организованности, ограничивающей свободу. Вот почему погоня человечества за идеальной и абсолютной свободой является той синей птицей, которая грезится человечеству во сне, но которая для него неуловима и самое бо́льшее является мимолетной ступенью в период глубоких общественных переворотов, как было, например, во времена Керенского в период великой русской социальной революции. Как нет абсолютно свободной „воли“ отдельных индивидов, так не может быть и абсолютно свободной „воли“ в коллективах, которая, в свою очередь, ограничивается давлением со стороны соседей, ограничивается внутри организацией и ограничивается окружающими условиями жизни вообще.

К тормажению в индивидуальной жизни относятся все так наз. акты воздержания, акты терпения и акты молчания, иначе говоря, все акты пассивного и активного неделания, акты, лишенные внешнего двигательного эффекта или проявляющие его в самом незначительном размере. Сюда отно-

ятся сдержанность при нанесении оскорбления, акты воздержания от участия в каком либо деле, акты воздержания от зрелищ, от удовлетворения инстинктов, акты терпения при нанесении обид или ударов, акты терпения при отнятии имущества, акты молчания при вызове на разговор во время брани, личных оскорблений, прекращение начатого действия и т. п. В коллективах мы имеем дело с теми же самыми явлениями, проявляющимися лишь в коллективной форме.

В последующем изложении нас будет интересовать собственно условие развития актов тормажения в коллективной среде, как проявление закона противодействия равного действию.

Во всяком обществе мы имеем, с одной стороны, согласие, содействие и сотрудничество, к которому относится и та форма, при которой дело идет о разделении труда, и, с другой стороны, разногласие, противодействия и разлад. Первые условия являются условиями, поддерживающими и оживляющими всякий общественный прогресс, вторые условия являются условиями, тормазящими общественный прогресс или его задерживающими. Равновесие тех и других условий приводит к застою, преобладание тормазящих условий к упадку, а преобладание содействующих условий — к прогрессу. И, так как в каждый данный момент одни формы, как более совершенные, встречают содействие, а менее совершенные — противодействие, то прогресс и характеризуется совершенствованием общественных форм и накоплением социальных навыков.

Самое развитие общественных движений не обходится без актов тормажения.

По Тарду (Законы подражания, стр. 130) «всякому зарождающемуся верованию, всякой потребности всегда необходимо сначала с большим трудом пробиться на свет сквозь сеть привычек и противоположных верований, затем, победив это препятствие, распространяться после своей победы до тех пор, пока новый враг, вызванный ее триумфом, не преградит ей пути и не противопоставит ее распространению непреоборимого препятствия. Этими новыми врагами для данной потребности будут, бо́льшею частью, привычки, вызванные прямо или косвенно ею же самою. Так, для данного верования, всегда отчасти, как известно, ложного, врагами будут противоречащие ему в известном отношении идеи, которые будут выведены из него или открыты с его помощью в другом месте: или это будут ереси или учения, возникшие из догмата, но противоположные догмату и стремящиеся остановить его победоносное движение в мире, или это будут научные теории или промышленные приложения, внушенные предшествующими теориями, применение или верность которых они ограничивают и тем мешают их успеху".

Известно всем, с какими усилиями христианство пробивало себе дорогу в древних странах. Но мало по малу, новое религиозное учение получило преобладание над старым и затем оно достигает своего апогея, как это было, например, в средние века, после чего постепенно христианская религия в Европе идет к упадку, вытесняемая, главным образом, научно-философскими воззрениями в интеллигентных массах населения.

Как на один из эпизодов борьбы религиозного воззрения с научным, можно указать, что во времена Галилея религиозное воззрение столкнулось с новым научным движением о вращении земли, причем последнее встретило сильный отпор со стороны первого, пока оно не вытеснило религиозное воззрение полностью, возымев над ним преобладание.

То же самое можно видеть на развитии революционных течений в старых монархиях. Первоначально всякое революционное движение встречает резкий отпор со стороны огромного большинства населения, но мало по малу приобретает все больше и больше приверженцев, пока оно не восторжествует. В России, например, можно проследить полный переворот в воззрениях умов в течение какого нибудь одного—двух поколении. Еще во время казни убийц Александра II народ в Петербурге бросал комья грязи в судорожно корчившиеся на виселице тела Перовской, Желябова и др., тогда как в период революции 1917 года имена Перовской и Желябова обоготворялись, и народ проходил густыми толпами с красными знаменами по той самой площади, на которой они были повешены.

Можно сказать, как правило, что всякое новое общественное движение возбуждает реакцию противодействия, которая тем сильнее проявляется, чем резче отступление нового общественного движения от установленного общественного уклада, и, если мало по малу новое движение, когда оно представляется достаточно мощным, не смотря на создаваемые для него препятствия, пробивает себе дорогу, то это значит, как и при столкновении физических тел, что сила сопротивления равна действию, но сопротивляющаяся масса оказывается меньшей по сравнению с действующей массой, вследствие чего она и должна бывает уступать.

Старый общественный уклад представляет своего рода внутреннее тормазящее условие, которое постепенно преодолевается новым движением, как общественным рефлексом; но и здесь мы имеет опять таки тот же закон противодействия равного действию.

Таким образом, распространение всякого нововведения в социальной среде встречает противодействие во всяком другом нововведении, имеющем такую же тенденцию к распространению. В конце концов, дело может кончиться тем, что два нововведения взаимно уравновешивают друг друга и оба получают распространение, но конечно взаимно ограниченное, или же один из них берет перевес над другими и тогда он получает преобладающее распространение.

Тард обозначает столкновение нововведений их интерферренцию, а распространение путем подражания—лучами подражания. Эта интерферренция лучей подражания, однако, не всегда обусловливает взаимное противодействие распространению, но в известных случаях дело идет о взаимном соединении, приводящем к усилению и ускорению лучей. Когда противоположение оказывается одновременным, оно приводит к борьбе и взаимному ослаблению или уничтожению, но, если противоположение оказывается последовательным, оно дает ритмическое движение.

В науке одна теория сменяет другую. Так напр., система Коперника вытеснила систему Птоломея, причем последняя, как менее удачная, заторможена второй, ставшей на ее место. Но факты сохраняются и накопляются, ибо они составляют материал для оценки и не относятся к самой человеческой деятельности. То же и в других сферах человеческой деятельности—в литературе, в искусствах и в промышленности. Одно направление сменяет другое. Романтизм вытесняется реализмом, классическое искусство одной школы сменяется другой школой, наконец, вся классическая школа замещается модернизмом, в общем же все накопленные богатства, все школы образуют образцы искусства. В технике и промышленности тоже имеются свои стили, вкусы и воззрения, которые вытесняют один другого, не уничтожая постепенно накопляющихся открытий.

Таким образом, и здесь в эволюционном процессе мы имеем торможение одних явлений и возбуждение или оживление других.

„Принятая философская система выдерживает все удары критики, покуда рядом с критикою не выступит ее соперницею иная философская система. Как бы художественна не была известная школа в искусстве, она продолжает существовать, покуда не явится ей на смену другая. Готический стиль убил романский; нужен был стиль возрождения, чтобы устранить готический. Равным образом, вопреки критике, классическая драма продолжала бы жить, если бы не появилась драма романтическая (форма гибридная впрочем). Промышленный продукт исчезает из потребления только вследствие появления нового продукта, отвечающего той же потребности, или же вследствие исчезновения самой потребности с изменившеюся модою и обычаем, причиною чего может быть лишь распространение нового вкуса (а не одного лишь отвращения к старому или нового принципа (а не одного лишь возражения против прежнего“ (Тард. Законы подражания, стр. 167—168).

Всякое изобретение дается с большим трудом: но раз изобретение достигнуто, оно тотчас же вступает в конкуренцию со всеми теми орудиями, которые производили ту же самую работу, но менее успешно, постепенно их вытесняя, и в то же время встречая с их стороны, как и со стороны косной среды и рутины, соответствующее противодействие, равное по силе действию самого изобретения, но противоположное по направлению.

Почин, подражание и конкуренция, в сущности, и определяют таким образом ход и развитие всякого социального движения. При этом, подражание находится в прямой зависимости от бо́льшей или меньшей однородности среды и само служит к развитию однородности, тогда как конкуренция определяется ее разнородностью, а почин—активностью входящих в нее членов. Поэтому подражание так легко распространяется в условиях жизни замкнутых обществ, известной партии и т. п., тогда как конкуренция выдвигается с особенною силою, когда тот или иной социальный факт выходит за пределы данного общества, партии и вообще более или менее однородной среды.

Рассмотрение вопросов конкуренции не входит в нашу задачу, ибо этот предмет уже разработан трудами целого ряда видных социологов, начиная с

Маркса. Мы лишь выдвигаем здесь вопрос о конкуренции, как факторе соотносительного характера, действующего в противовес подражанию, факторе, являющемся не менее основным в социальной среде, как и подражание. Только благодаря конкуренции происходят видоизменения социальных форм, ибо при одном подражании дело свелось бы к одной форме, и это поставило бы вопрос о самом существовании общества, его жизни. С этим вопросом, видимо, встретился и Тард, но он его не разрешает, оставляя его открытым. На стр. 33 своего труда он указывает на трудности разрешения социального вопроса: „хорошо будет или худо, говорит он, если когда либо установится полное единогласие в умах, достигнутое изгнанием или более или менее насильственным обращением несогласного меньшинства, и установится ли когда нибудь такой порядок? Хорошо или худо, если конкуренции коммерческой, профессиональной, конкуренции честолюбий отдельных индивидов, а также конкуренции политической и военной отдельных народов будет положен конец организациею труда или государственным социализмом, обширной всемирной федерациею или новым европейским равновесием, первым шагом к европейским соединенным штатам, и готовит ли все это для нас будущее? Хорошо или худо, если, избавившись от всякого контроля и устранив всякое противодействие, выступит, наконец, на сцену сильная и свободная общественная власть, абсолютно самодержавная и способная на великие дела, власть всемогущая в лице какого либо цезаря или партии, или какого либо народа, власть самая человеколюбивая и самая разумная, какую только возможно вообразить, и следует ли нам иметь такую перспективу? Вот вопрос, и он страшен именно потому, что так стоит". Автор далее говорит, что человечество движется в направлении наибольшей истины и наибольшего могущества, но можно сомневаться в том, каким путем будет достигнут этот максимум—„путем ли развития противоречий, конкуренции и критики или, напротив, путем заглушения всего этого и безграничного подражательного распространения единой мысли, единой воли, которая, распространяясь, все более и более упрочится в массах" (Тард, Законы подражания, стр. 33 — 34). Можно ли сомневаться, что и тот, и другой путь одинаково не может привести к результату, да и не может быть осуществлен на практике, ибо каждый из них дополняет один другого и приводит к максимуму достижимого благополучия.

Ясно отсюда, что к числу тормозящих условий должна быть отнесена, в известных случаях, и конкуренция, которая действительно является нередко наиболее могущественным тормозом для распространения всякого неокрепшего социального явления. Поэтому Тард неправ, когда он сводит социальную жизнь к подражанию, ибо конкуренция играет в жизни обществ, в созидании общественных условий человеческой деятельности не менее важную роль, как и подражание, тем более, что конкуренция, как мы знаем, далеко не всегда является подавляющей силой, а часто и возбуждающей, о чем речь была в другом месте [1]).

[1]) Кроме подражания и конкуренции для всякого нового факта необходима инициатива или почин, без которого не может обойтись ни одно открытие, ни одно

Примером конкуренции в области культуры может служить факт вытеснения к началу нашей эры клинообразных письмен из передней Азии финикийским алфавитом, распространявшимся по берегам Средиземного моря. Несомненно, что это вытеснение произошло вслед за военными и политическими успехами народов, населявших берега Средиземного моря, но мы знаем, что и победители в культурном отношении иногда уступают побежденным народам, и, следовательно, вопрос этот должен рассматриваться в плоскости, главным образом, конкуренции двух культур, которые история привела в столкновение друг с другом.

То же самое мы имеем и в отношении языка. Языки менее культурных народов постепенно вытесняются языками более культурных народов, коль скоро эти последние вступают в более тесное единение с первыми на правах победителей.

Далее, в языках мы имеем также конкуренцию различных лингвистических форм и, следовательно, взаимное торможение, при котором одна форма выдерживает конкуренцию и затем упрочивается и распространяется путем подражания, тогда как другая под влиянием конкуренции тормозится и исчезает совершенно. При этом, конечно, результат борьбы или конкуренции стоит в связи с возможным упрощением языка и с его выразительностью.

Тормозящие условия в коллективе создаются властью. В конце концов, всякая власть есть насилие, и без насилия не может быть власти. Она является чаще всего результатом подавляющего господства одного класса над другими. Правда, в других случаях она может быть результатом соглашения двух или бо́льшего числа борющихся партий. Вне этих условий, более или менее прочной власти нет и быть не может. Однако, и в последнем случае она будет подавляющей для тех элементов, которые не участвуют в соглашении. Чтобы осуществлять свои задачи власть не может обходиться без особых орудий, которые, будучи тем самым с ней связанными, являются исполнителями ее велений.

Будет ли власть результатом соглашения партий и классов или же она будет результатом преобладания одного из них, она, во всяком случае, являясь олицетворением силы всего политического общества, имеет возможность действовать и выступать за все общество. Но достаточно, чтобы главное орудие власти—войско утратило преданность данной власти, как это случается почти во всех революциях, как власть лишается своей опоры и падает.

Всякое общественное движение, раз начавшись, имеет согласно закону инерции тенденцию развиваться в том же направлении. Если на самом деле так не происходит, то это обусловливается особыми препятствиями, его тормазящими, как внешними, так и внутренними. Торможение коллективной

изобретение, ни один новый лозунг, ни один призыв. Этим определяется роль личного почина в общественном процессе. Но почин только тогда окажется действительным, когда он встретит подражание со стороны других и выдержит конкуренцию. Таким образом, почин, подражание и конкуренция, вот что определяет в конечном итоге общественный прогресс или общественное движение.

работы может зависеть от всякого нового внешнего раздражения, привлекающего общественное сосредоточение. Вот, например, коллектив, который занят своей обычной работой. Приходит во время работы новое лицо, принося с собой какую-либо интересную новость, и работа коллектива приостанавливается на время его рассказа.

Представим себе собрание, которое занято определенной темой, и сосредоточение всего коллектива направлено на речь оратора, развивающего шаг за шагом самую тему. Но вот, послышался набатный колокол или необычайный шум на улице, и коллективное сосредоточение, устремленное на предмет речи оратора, тотчас же подавляется на то или другое время.

Допустим, что мы имеем со стороны уличной толпы проявление коллективного гнева против какого либо лица. Но достаточно, чтобы этот об'ект гневного настроения толпы был достаточно находчив и возбудил ее смех, чтобы толпа успокоилась, перейдя от гнева к веселому настроению. В другом случае, кто либо другой может отвлечь толпу своими увещеваниями, и гнев толпы принимает иное направление.

Вот раз'яренная толпа под влиянием каких либо поводов или нелепых слухов начинает бесчинствовать. Достаточно показаться воинской силе, чтобы толпа прекратила буйство.

Допустите, что голодная толпа начинает протестовать против торговца с'естными припасами. Достаточно бывает своевременно выяснить, что торговец не причем, ибо он сам не получил товаров и на самом деле их не имеет, и толпа, готовая к погрому, расходится.

Возьмем еще пример: толпа избивает человека. Достаточно вмешаться сторонней воинской силе, и человек, который был верной жертвой ярости толпы, спасен.

С другой стороны, тормозящим условием для общественного движения служит столкновение его с общественными течениями иного характера. Это опять таки внешние тормозы для общественного движения

Когда разривается какое либо общественное движение, оно обычно не встречает противодействия со стороны других общественных сил до тех пор, пока оно не достигнет такого развития, при котором оно столкнется с интересами других общественных движений.

С этих пор начинается подготовка в общественных кругах противного лагеря к определенному противодействию, которое постепенно и вводит общественное движение в определенные границы.

К более или менее постоянным или, точнее, длительно действующим тормозящим факторам в общественной жизни должны быть отнесены все условия общественного и государственного ограничения.

Сюда относятся подчинение законам, обычаям, нравам, традициям, сословным установлениям, даже так называемым предрассудкам, общепризнанным условиям общественной нравственности или порядочности, определенным требованиям религии, установленным приличиям в манере держать

себя, в речи, в одежде, требованиям моды, кружковым установлениям в форме определенных правил и т. п.

К временным тормозящим условиям должны быть отнесены все те, которые вытекают из событий текущего времени.

Общественное движение может быть затормажено искусственно путем отвлечения народного движения в ином направлении или путем прямого противодействия. Так, оппозиция прекращает свою борьбу с правительством вместе с наступлением войны, в виду грозящей всем опасности. и вместе с развитием общего патриотического настроения в стране. В этих видах правительства уже неоднократно прибегали к спасительным для них войнам, руководясь тем, что ожидаемыми победами можно отвлечь или временно подавить революционное движение.

Известно, что XIII век особенно богат гонениями против евреев, обвиняемых нередко в ритуальных убийствах, и это вследствие того, что в низших слоях общества начало проявляться брожение. и потому низшее духовенство. и отчасти дворянство, из боязни всякого самостоятельного шага самого народа. стали направлять мятущуюся мысль народа в сторону религиозных гонений против евреев, подогревая своими подстрекательствами религиозное направление умов и фанатизм народных масс. Легендарные басни об употреблении евреями крови христианских младенцев с ритуальными целями должны были служить отвлечением народного брожения в сторону, выгодную для духовенства и дворянства. Еврейство должно было служить козлищем отпущения за грехи управителей и пастырей. и вот начинается расправа с евреями по самому незначительному поводу, кончающаяся бо́льшею частью убийствами и грабежами. Другим средством подогревания религиозного настроения средневекового жителя служили процессы против ведьм и колдунов, кончавшиеся сожжением последних, а равно и религиозные гонения против еретиков. Аналогичное значение, в более широком, конечно, масштабе играли и известные всем крестовые походы.

Соответственно этому, тормозящим фактором для народных движений является всякое вообще новое значительное общественное событие, захватывающее все общество. Это может быть война, какое-нибудь необычайное открытие, заинтересовывающее общество и призывающее его к деятельности, и даже массовая организация общественных развлечений. Не даром голодная римская толпа. которую занимали в целях политических, цирковыми представлениями, впоследствии оглашала Рим криками: „хлеба и зрелищ“.

Мы заимствуем для иллюстрации нашего положения одну выдержку из сочинения Тарда (Социальная логика, стр. 233). рассматривающего вопрос достижения социального единодушия с своей особой точки зрения: „Когда в каком-нибудь округе умирающие с голоду партии и классы изо всех сил стараются уничтожить друг друга, открытие каменноугольных копей. обогащающее всех, устанавливает согласие между всеми. Когда страна раздирается внутренними неурядицами, открытие колонии или ее завоевание, для воинственного народа равносильное открытию, вызывает большой поток энергии, столь же умиротворяющей, сколько и обогащающей. Сколько европей-

ших войн и революций устранило или на несколько веков отдалило великое открытие Колумба. И какое значение представляют рядом с этим те мелкие колониальные столкновения, которые оно породило. Оно дало широкий исход вдаль для духа несогласия, алчности и бесчеловечности, которым, имея возможность удовлетвориться над дикарями и на невозделанных территориях, перестал потрясать Европу с прежнею силою".

К области торможения должны быть отнесены те ограничения, которые встречает мнение одной партии, сталкиваясь с другим противоположным мнением другой партии, а также та оппозиция, которая организуется против честолюбивых замыслов тех или других представителей власти; те конституции, которыми ограничивается та или иная власть, и, наконец, те законы, которые создают преграды различного рода вожделениям, противоречащим минимальным условиям общежития.

Подавление общественного движения путем прямого противодействия, например, запретом со стороны власти или даже воинской силой, представляет собою также пример внешнего торможения. В этих случаях дело сводится обыкновенно к временному торможению, ибо с ослаблением власти оно вновь находит почву для своего развития.

При этом, однако, не следует забывать, что применение крутых мер по отношению к тому или другому общественному движению может иметь значение лишь временного средства. За ним обязательно должны следовать другие более рациональные мероприятия, причем и в этом случае заторможение общественного движения далеко не всегда бывает прочным, ибо вместе с тем, как тормозящие условия будут устранены, прежнее общественное движение может вновь оживиться.

Не менее доказательны примеры насильственного, т.-е. внешнего торможения общественного настроения, которое легко было наблюдать во время последовавшей в России вслед за революцией гражданской войной. Те области, которые, находясь то или другое время под давлением „красного" режима, встречали с радостью приход белых, проявляя в этом случае даже род энтузиазма. Но проходило некоторое время, когда, испытав новый режим, еще более суровый по сравнению с первым, население пропитывалось ненавистью к белым и встречало опять с радостью приход красных. Некоторые местности, переходившие из рук в руки, испытывали эту перемену настроения в ту и другую сторону по многу раз.

Помимо внешнего торможения следует иметь в виду и внутреннее торможение, которое заключается в косности среды, в привычках, в обычаях, в рутине, мешающей проявиться всякому общественному новшеству с должной силой и препятствующей его распространению.

Всякий коллективный сочетательный рефлекс развивается на почве обыкновенного и, явившись, как результат побочного раздражения, легко подвергается внутреннему торможению.

Допустим, что под влиянием тех или других условий образовался сочетательный коллективный рефлекс, дающий лицам известного толка то или другое

удовлетворение. Представим его в форме тех правых организаций, которые были так сильны и так шумели у нас в период, предшествующий великой войне. С наступлением войны и призывом с высоты престола об'единиться всем партиям и забыть все распри, эти организации начали притихать, с развитием же революции они совсем исчезли, потеряв для себя всякий смысл и лишившись соответствующего удовлетворения.

Произошло то, что в значительной мере является внутренним торможением, в отличие от внешнего торможения, которое может быть, напр., последствием запрета со стороны закона или ограничивания тех или других организаций административным путем или путем насилия.

Внутренние тормозы в коллективах вообще не составляют редкости. Так напр., в истории мы встречаемся с необходимостью для народа, обусловленной теми или иными обстоятельствами и моментами, проявить энергию и энтузиазм и в то же время невозможность осуществления этого по причинам внутреннего порядка, классовым раздором и т. п. Сюда же относятся случаи, когда задерживается культурное движение народа, раздираемого междоусобицей, гражданской войной, двумя религиями и несогласием в верованиях, когда мы встречаем с одной стороны раз'едающий скептицизм, с другой—религиозный фанатизм, или беспрерывную борьбу между консерваторами и оппозицией. Благодаря этим условиям часто даже борьба народа за свое историческое бытие не может осуществляться, ибо результаты его воинственного порыва рушатся и утрачиваются по обстоятельствам, против которых было бы бессильно или невозможно вести борьбу. Все эти состояния приводят обыкновенно к подавлению и к ограничению или ослаблению народного порыва и, следовательно, к бездеятельности и параличу.

Вообще всюду, где мы встречаемся с действием противоречивых факторов, там мы имеем подавление общественных движений и состояние общественной косности. Даже простое разногласие с другим лицом в том или ином случае парализует стремления обоих в бо́льшей или меньшей мере.

Между прочим, и то, что известно под названием коллективного настроения, подвергается внутреннему торможению, сменяясь другим настроением. Возьмем пример из жизни русского общества. Как известно, в начале великой войны всё общество до самых низов включительно следило за малейшими событиями на войне: всякая удача на войне возбуждала всех и давала повод к торжественным речам в общественных собраниях, тогда как военная неудача оценивалась, как национальное горе, повергавшее всех в уныние. Но период сплошных военных неудач постепенно притупил общественную реакцию к этим событиям.

Еще в первое время революции, наступление 18-го июля дало резкий толчек к развитию патриотического настроения, ибо и сама революция первоначально прошла под флагом патриотизма, но это была последняя патриотическая вспышка. Последовавшие затем военные неудачи в корень подорвали всякую веру в успешное продолжение войны и дали благоприятную почву для интернационалистических учений. За этим началось безразличное отношение

к войне, а с захватом власти большевиками оно достигло такой степени, что отторжение от России не только Польши, но и Литвы, Курляндии, а затем и всего Прибалтийского края, Украины, Финляндии и Кавказских областей проходило в русском обществе без всякой особой реакции, как будто бы дело шло о расчленении не живого общественного тела, а бездыханного трупа.

Заслуживающим особого внимания явлением в коллективной рефлексологии может быть естественное торможение мимико-соматического рефлекса толпы, вызываемого казнями и расстрелами. Всякому известно, как действует на нервы убийство в мирной обстановке и как привыкают к убийству на войне. Привыкший к бою солдат перестает испытывать угнетение или страх, он скорее возбуждается в бою и как бы пьянеет, пренебрегая опасностью. Мимико-соматическая реакция, таким образом, постепенно все более и более притупляется вместе с частым повторением у каждого индивида и, в конце концов, реакция, возбуждаемая даже пред лицом собственной смерти, испытываемая каждым при соответствующих обстоятельствах, совершенно затормаживается. Постоянное ожидание смерти делает человека безразличным при действительной опасности.

Здесь дело идет о более или менее полном подавлении мимико-соматической реакции, являющемся в результате известного переутомления. В подтверждение сказанного, в мемуарах участника Парижской Коммуны, начальника уголовного розыска Кателена, мы можем прочесть, между прочим, следующее: „в конце концов, так как утомляешься от всего, то солдаты не истребляли больше пленных, но стреляли без гнева, без дикого завывания, но в полном порядке и с мудрой экономией патронов.

Два или три выстрела из шаспо, иногда даже один, сделанные без сомнения в упор, в череп, и все было кончено. Под конец и жертвы стали позволять себя приставлять к стене со спокойным отречением. Только несколько скромных жалоб:

„Мой бедный мальчик, что это вы хотите там делать, вы не дали даже мне времени попеловать моих детей“ [1]).

Большего безразличия пред лицом смерти как с той, так и с другой стороны трудно даже и представить.

Даже простые люди, видя кругом себя казни, привыкали к предстоящей своей смерти, как будто к самому обыкновенному акту. Так в Оранже крестьяне даже подплясывали на эшафоте, а 15-летний мальчик спрашивает палача: „ты очень больно мне сделаешь?“

Нечего говорить про стойкость руководителей революционных движений, которые обычно почти все умирают с героическим спокойствием, чему способствует их воодушевление и выработанная стойкость нрава. Известно, какое равнодушие проявил Дантон на эшафоте: „ты покажешь мою голову народу, она стоит этого“, были его последние слова. Случались даже шутники на

---

[1]) P. Cattelain. Mémoires inedites du chef de la Sureté sous la Commune Paris. 231—7.

эшафоте. Так один, шутя, желает зрителям бо́льшей удачи, чем он ее имел, другой вышучивает под гильотиной и народ, и самого палача.

С другой стороны известно, с какой стоической твердостью в большинстве случаев умирают заговорщики в период кровавых революций. Так жертвы заговора „Красных рубах" восходят один за другим на эшафот, не выдавая своих тайн. Еще более яркий пример в этом отношении представляют жирондисты. „Своей героической смертью жирондисты заслужили сразу переход в бессмертие", говорят Кабанис и Л. Насс (l. c., стр. 98). Были приняты все меры, чтобы они не могли выпить перед смертью чего-нибудь возбудительного. Это не мешало им хором запеть марсельезу, не как похоронный самим себе псалом, а как победный марш, как символ надежды на лучшие судьбы отечества. Они пели с увлечением, громко и внятно и на печальной колеснице, и сходя с нее на землю, и поднимаясь на ступень эшафота. Лишь тяжеловесный нож гильотины заставлял их голоса умолкнуть на веки".

Не меньше безразличия проявлялось и в толпе, наблюдавшей бесчисленные казни.

„Жертвоприношения гильотине прививались, читаем мы у Кабаниса и Л. Насса (l. c., стр. 101), все более и более; они стали входить в привычку, делались народной потребностью, и толпа, приучившаяся к виду крови, перестала испытывать чувство отвращения, а вскоре уже не могла обходиться без подобного возбудительного для нервов средства. Матери приводили на места казни детей, отцы поднимали их на плечи, „воспитывая в них таким образом ненависть к тиранам и чувство мужества".

Как известно, аналогичные явления наблюдаются и в нападающей толпе.

Еще в начале толпа как-будто испытывает к крови отрицательное и во всяком случае осторожное отношение, но достаточно, чтобы первая кровь пролилась, и ярость толпы не знает пределов; кровь перестает возбуждать отвращение; наоборот, она является совершенно безразличной для толпы и даже ее возбуждает, чем и об'ясняются издевательства толпы над трупами убитых.

Можно было бы привести многочисленные примеры, но они всем известны из истории. Из сказанного ясно, что привыкание к чему-либо, возбуждавшему ранее мимико-соматический рефлекс, есть уже акт внутреннего торможения этого рефлекса.

По той же самой причине преодолевание внутренних препятствий и всякое социальное нововведение прививаются не сразу, а входят в жизнь постепенно путем перевоспитания общества. Если нововведение коренным образом изменяет обычный уклад общественной жизни, то оно всегда встречает более или менее сильный отпор из-за привычек и рутины, являющейся выражением закона инерции. Поэтому, чем более предстоит резкая ломка общественных традиций, тем сильнее сопротивление со стороны общества, тем сильнее внутренне торможение, которое нередко может быть подавлено только силой. Примерами могут служить уже ранее упоминавшиеся сопротивления,

которыми сопровождалось введение паровой машины, устройство железных дорог и первоначальное возделывание картофеля, насильственное проведение реформ и т. п.

Народные волнения и бунты находят для себя благоприятную почву именно в этих столкновениях установившихся социальных условий с нововведениями, к которым общество не подготовлено.

Во избежание этого все более или менее радикально изменяющие жизненный уклад общественные нововведения легче всего проводятся через молодые поколения, еще не погрязшие в рутине старых условий и не сжившиеся с ними, вследствие чего в таких случаях особую роль должно всегда отводить перевоспитанию юношества.

Вообще, каждое нововведение в социальной среде, затрагивающее интересы большинства, встречает с его стороны сопротивление то более сильное, то менее сильное, в зависимости от того, как глубоко эти интересы затрагиваются. С течением же времени нововведение становится привычным, вследствие чего оно затем отстаивается, как нечто усвоенное и как бы принадлежащее обществу, хотя некогда и навязанное ему силой. Так римское законодательство некогда вводилось силою среди галло-романских народов, которые затем признавали своим священным долгом защищать римское право, как лучшее народное достояние.

Препятствиями к распространению того или другого нововведения в коллективе являются, без сомнения, противоречащие ему взгляды, укоренившиеся в обществе, а также различного рода предрассудки и даже национальная, племенная или сословная гордость, основанная на традициях прошлой жизни коллектива. В зависимости от этих условий один коллектив легче воспринимает нововведение, нежели другой, в котором распространение того же нововведения коллектива встречает уже значительно бо́льшее препятствие. Нечего говорить, что распространение нововведения по коллективу встречает бо́льшее препятствие, если оно возникло не в руководящей среде, и, наоборот, оно идет быстрее, когда оно исходит от руководящих и пользующихся общим доверием сфер, которые возбуждают подражание в окружающих в бо́льшей мере, нежели эти последние в первых. Точно также распространение нововведения от одного коллектива к другому происходит легче, коль скоро оно зарождается в высшем по значению коллективе, по сравнению с тем случаем, когда нововведение зародилось в низшем по своему значению коллективе, ибо первый коллектив в бо́льшей мере вызывает подражание со стороны других, нежели последний.

Вообще же, внутреннее торможение легко наступает при частом повторении социальных фактов. „Вследствие частого употребления, говорит Тард (Законы подражания, с. 216), слово сокращается, обесцвечивается, изнашивается, как голыш, окатанный волнами; религиозное верование теряет свою интенсивность, искусство вырождается и пр.“ Совершенно тоже мы наблюдаем и во всяком общественном движении, которое с течением времени тускнеет, утрачивая

новизну, и перестает не только привлекать к себе внимание других, но и возбуждать собственных сподвижников.

Поэтому нужен какой либо новый толчок, чтобы общественное движение вновь оживилось. Даже простой перерыв этого движения может оказаться для него выгодным, благодаря тому, что энергия его приверженцев с этим вместе возрастает, и оно вновь возбуждает к себе общественный интерес.

Упоминаемое выше коллективное сосредоточение, подобно индивидуальному, также подвергается через тот или другой срок утомлению или внутреннему торможению. В виду этого коллективная работа, требующая напряженного сосредоточения, должна сопровождаться определенными перерывами, после которыхъ она может продолжаться с новой энергией, благодаря последующему оживлению. Время наступления торможения в этом случае зависит от характера коллективной работы, а также от бо́льшего или меньшего ее однообразия.

В силу этого, оратор, который говорит вяло и однообразно, утомляет толпу уже в короткое время, тогда как оратор, обладающий способностью разнообразить свою речь и интонацией, и содержанием, может быть выслушиваем толпой без утомления в течение одного, двух и более часов. Поэтому для поддержки сосредоточения при более продолжительных умственных занятиях пользуются не только перерывами, но и сменой темы занятий. При правильной смене занятий и при соответствующих перерывах умственные коллективные занятия, как известно, могут длиться без большого переутомления около 5—6 часов, а коллективные занятия иного рода могут длиться значительно дольше. Условно признано, что 8-ми часовой физический труд, сопровождаемый правильными отдыхами, является тем наибольшим размером труда, который в большинстве случаев гарантирует при длительных физических занятиях от излишнего переутомления и истощения Однако, переутомление зависит не только от количества часов труда и времени перерывов, но и от напряжения в труде и даже интереса к труду [1]).

Если тормозом общественной жизни является то, что мешает естественному ходу развития общества, то не следует забывать, что и в коллективной рефлексивности, как и в индивидуальной, один и тот же раздражитель может быть тормозящим, но может быть и возбудителем, смотря по тому, в какой период народного движения он действует. Так, применение силы, связанное с расстрелами, нередко приводит к подавлению народного движения в самом начале движения, но в иных случаях, когда народное возбуждение уже достигло значительной степени развития, расстрелы могут вызвать только новый взрыв народного возмущения и усиливают тем самым народное движение. Так во время исторической забастовки 25 февраля, когда козаки отказывались стрелять в народ и часто кричали вместе с народом „долой самодержавие“,

[1]) См. В. Бехтерева. Основные задачи рефлексологии физического труда „Вопросы изучения и воспитания личности“ вып. I, 1920.—См. также мой доклад на конференции по научной организации труда в производстве, бывшей в Москве в феврале 1921, помещенный в трудах этой конференции.

в войска были влиты полицейские части, и производились расстрелы народа из пулеметов, расставленных на крышах домов в разных частях города. Но было уже поздно, и политическая забастовка тотчас-же превратилась в всеобщую. Каждый день новые расстрелы еще больше усиливали народное возмущение и укрепляли народное движение, которое, в конце концов, и взяло верх над старым режимом. Толпа народа на улицах, смешавшись с войсками, овладела положением, и переворот совершился с быстротою молнии.

Другой пример: конкуренция, как мы видели, нередко является тормозом для малоокрепших общественных движений, но в других случаях, как мы знаем, она является их возбудителем. Известно, что конкуренция служит нередко стимулирующим фактором в развитии того или другого общественного движения. Только недостаточно окрепшие и нежизнеспособные общественные движения, как упомянуто, она может подавить и затормозить, ибо они не в состоянии выдержать соперничества, на чем собственно и основывается система протекционизма. Во всех же остальных случаях конкуренция служит фактором оживляющим по отношению к общественным движениям, дающим повод и основание к усиленной деятельности коллектива, дабы превзойти соперничающие с ними другие общественные движения.

Во всех перечисленных случаях акты торможения в коллективной среде создают условия, благодаря которым создается противодействие всякому общественному движению, причем это противодействие, в конце концов, всегда окажется равным действию, представленному тем или иным общественным движением.

В заключение заметим, что к числу важных общественных коллективных актов торможения, имеющих в одних случаях политическое, в других случаях экономическое значение, принадлежат, без сомнения, так назыв. забастовки. Здесь мы имеем дело с актом общественного негативизма или с проявлением общественного торможения, при котором быстро, иногда сразу, прекращается общественная деятельность, только что бившая ключом. Это торможение выявляется обыкновенно под влиянием каких либо внешних условий и влияний, достаточно сильных, чтобы воздействовать на массы, в то время, как эти массы не могут иными способами дать соответствующий отпор этим влияниям, сводящимся к насилию. Иначе говоря, вследствие неосуществимости активного противодействия, вместо него выступает акт торможения. Однако, забастовка является актом большого общественного значения не в смысле только одной обороны, но и как действительное средство борьбы, нередко достигающее тех или других положительных результатов. Одной из крупнейших по размерам и достигнутым результатам является всеобщая политическая забастовка, разразившаяся в России в 1905 году, и для нас на этом примере не без'интересно проследить причину развития этой забастовки, приведшей, в конце концов, к созыву законодательных учреждений в России.

Всеобщая политическая забастовка 1905 г. в России имеет глубокие корни, начавшие свой рост задолго до ее начала. Еще бессмысленная Японская война, потребовавшая от России колоссальных жертв, вызвала недовольство

русского народа, проявлявшееся на каждом шагу. Пропаганда против царского правительства разлилась широкой волной по всей России. Правительство не сдавалось и поддерживало суровый режим в стране. Но начавшееся недовольство царским режимом, которое подготовлялось уже давно, росло все больше и больше. Чтобы парализовать агитацию противников царской власти, последняя организовала свою агитацию в рабочей среде, для чего были образуемы общества среди рабочих, на собраниях которых подкупленные правительством ораторы доказывали народу, что ему необходимо надеяться на царя, что он не должен верить противникам царя, что царь желает искренно помочь своему народу, что царь народ свой любит и желает ему благоденствия и что если существует на Руси недовольство царским режимом, то это происходит от не в меру усердных чиновников и т. п. Одно из таких обществ было основано в Москве, другое было организовано в Петербурге по почину полиции с участием священника Георгия Гапона в начале 1904 г., причем одной из задач Спбургского общества фабричных и заводских рабочих было отвлечение рабочих от преступной пропаганды.

Гапон, ставший во главе этого общества и пользовавшийся первоначально доверием некоторых членов правительства и духовенства, был прекрасным оратором, умевшим увлекать своих слушателей. Когда он изображал тяжелое положение рабочего, он вызывал слезы на глазах у слушателей и вызывал детские восторги, когда доказывал, что рабочим нужно надеяться только на царя. Нечего говорить, что имя царя тогда еще пользовалось ореолом, передаваемым как бы по наследству от отцов и дедов. Число членов общества и слушателей Гапона и других ораторов росло с необычайной быстротой. Слушатели в словах ораторов как бы находили свои собственные затаенные упования, и толпой рабочих овладевало волнение по причине лучших чаяний.

Эта пропаганда, одобряемая полицией, однако имела и оборотную сторону, ибо разжечь надежду значило превратить ее в пламя, и вполне понятно, что простым народом были сделаны в этом направлении свои выводы. Если царь является „отцом“ народа, то он должен выслушать своих „детей“, в виду чего созрела мысль непосредственно обратиться к царю, чтобы он выслушал „нужду“ народа и помог ему в столь тяжких обстоятельствах. Надо заметить, что народ и в прежние времена обращался изредка непосредственно к царю через ходоков. В этом случае, однако, было решено обратиться к царю не через отдельных ходоков, а самому народу идти ко дворцу с царскими портретами, иконами и хоругвями.

Это осуществилось 9 января. Столица провела в тревоге ночь, ожидая событий, ибо никто не мог поверить, что это непосредственное обращение толпы к царю может пройти безнаказанно для безоруженного народа. События развернулись так, как предсказывали многие, понимавшие положение дел. Зимний дворец был окружен войсками, которые остановили рабочих, последовали выстрелы, в результате явились жертвы, и земля вокруг дворца обагрилась кровью. Официальные бюллетени раненых считали сотнями, а убитых десятками, слухи передавали о гораздо бо́льшей цифре. По словам

очевидцев, дети, следившие за событиями и взлезшие на деревья Адмиралтейского сада, при выстрелах падали с деревьев на подобие подстреленных воробьев. Разочарование в среде рабочих и простого народа было полное. Последняя надежда на царя, основанная на вере в него, внушенной ораторами, закончилась горькими плодами. Ясно стало для всех, что обращением и просьбами помочь делу нельзя и что нужны иные способы воздействия на царя и его правительство. Почти вся страна была в волнении, которое все больше и больше нарастало, вследствие чего явилась необходимость сменить правительственный режим и выработать основы будущей конституции страны в виде законосовещательной Думы. Но то, что могло удовлетворить народ, в той или иной мере, весной 1905 г., когда оппозиция правительству не могла достигнуть соответственной высоты и напряжения, уже представлялось неподходящей мерой при бо́льшем под'еме общественных сил осенью 6 августа того же года, когда был опубликован неудачный законодательный акт о законосовещательной Думе. Так как права народа не получили надлежащего удовлетворения, а между тем неудачное ведение Японской войны показало всю неприглядную сторону царского управления, то народное движение развивалось все больше и больше, и вот, наконец, в оппозиционных к правительству кругах созрела мысль организовать акт обороны в виде всеобщей политической забастовки среди рабочего класса, к которому примкнули железнодорожные служащие, а 12 октября к забастовке примкнул и телеграф в лице почтово-телеграфных служащих. Пульс жизни в стране как бы замер. Поезда остановились там, где их застала забастовка. Почта и телеграф прекратили свою деятельность. Заводы и фабрики остановились. Трамваи в городах остановились, а стоявшие по улицам трамваи нередко опрокидывались на мостовую. Нечего говорить, что забастовка грозила неисчислимыми бедами всей стране, и правительство поняло ее грозное значение, вследствие чего спешно был изготовлен акт о правомощной законодательной Думе, и 17 октября был обнародован соответствующий манифест, окрыливший надежду на свободу забитого русского народа.

С этого момента забастовка прекращается. Поезда пришли в движение, на заводах и фабриках начали свое движение колеса, и на улицах города потянулись трамваи. Законодательный акт 17 октября, таким образом, явился тем смазочным маслом, которое устранило торможение в колесах общественной машины, остановившейся было по причине неудовлетворения общественных нужд.

Из всего вышесказанного ясно, что закон противодействия, равного действию, в общественной жизни является столь же непреложным, как и в механике. Он только встречает здесь более сложную обстановку и потому проявляется не в столь простых формах, как в механике, но это не изменяет его сущности и не умаляет ни его значения, ни его важности.

VI. Закон подобия.

В механике имеется теорема, по которой две геометрически подобные системы, но различные по своим размерам, будут всегда иметь геометрически подобные движения, вследствие чего при всевозможных смещениях они отстаются себе подобными.

Эта теорема естественно вытекает из закона подобия, который может быть прослежен также и через весь органический мир. Так мы знаем, что благодаря сходству основного состава живого вещества протоплазмы и все основные функции, как функции питания, дыхания и обмена, представляются подобными. Везде и всюду в органическом мире удерживается общее строение организмов в виде клеточных колоний с бо́льшей или меньшей централизацией частей тела. Химические и механические процессы, в свою очередь, представляются общими для всех вообще организмов. Даже такие внешние оборонительные средства, как основанные на выработке яда, представляются по своему составу подобными даже в столь отдаленных по развитию организмах, как пчела и змея. Наконец, и онтогенетическое развитие организмов происходит по одному общему плану, воспроизводя все формы филогенетического развития.

В общественной жизни этот закон подобия можно проследить в разных сторонах деятельности коллектива. Так, прежде всего общественная организация везде и всюду происходит по одному и тому же плану. Прежде всего при коллегиальной форме общественной деятельности мы имеем всегда выборный президиум с председателем во главе. При автократической форме управления мы имеем назначенного главу и избираемых им лиц, как исполнителей его велений и пр. В разных странах, у разных народов при самых разнообразных условиях жизни мы встречаемся с более или менее одинаковыми или сходственными формами поклонения божеству при всеобщем распространении самого понятия о боге. Известно, что в мифологии народов старого и нового света имеются общие черты, которые не могут быть об'яснены путем заимствования мифологии одного народа другим народом, ибо сходство мифов было обнаружено у народов Старого и Нового света еще при открытии Америки. Также оказалось не мало общих черт и в обычаях и нравах народов, не имевших между собою соприкосновения в исторической жизни.

Останавливаясь на сходстве религиозного культа мексиканцев с католическим, Ш. Летурно замечает: „не в первый раз приходится нам наталкиваться на тот факт, что во все времена и под всеми широтами люди, принадлежащие к разным расам, обнаруживали сходство, приходили к одинаковым мыслям, иногда даже крайне своеобразным, и всё это об'ясняется только тем, что они люди. Припомните древних египтян, африканских негров и краснокожих—все они одновременно и совершенно независимо пришли к одной и той же жестокой мысли отрезывать носы у своих неверных жен, или же вспомните губную

батоку батокудов, нутка-колумбийцев и негров средней Африки и т. п." (Ш. Летурно. Нравственность, стр. 227).

Далее исторический ход развития цивилизации всех народов выполняется как будто по одному общему плану. Охотничий быт народов на заре цивилизации сменяется кочующим, вместе с развитием скотоводства, а кочующий период сменяется, с развитием большей безопасности, земледельческим. В смысле социально-экономического устройства на смену прежнего рабовладельческого строя идет феодальный, феодальный строй сменяется буржуазно-капиталистическим, на смену же последнего идет социалистический строй.

Наблюдая революционное движение в России за 1905—1906 гг., особенно же за 1917 и след. годы, и сравнивая его с ходом последовавшей затем революции в Германии и с прежними революциями, особенно же с великой французской революцией конца 18 века, невольно каждому приходит мысль о безусловной закономерности сложных человеческих действий и о соответствии их с законом подобия. В самом деле, кто может отрицать, что русская революция 1917 г. и следующих лет явилась, в значительной мере, повторением революции конца 18 века, несмотря на то, что и та, и другая революция происходили в разные исторические эпохи, причем обе революции отделял период времени в одно столетие с четвертью, и всё это несмотря на то, что одна из этих революций развилась среди глубокого мира, другая среди гигантской мировой войны, и обе они были осуществлены народами, жившими в различных исторических условиях, народами различной расы и жившими в разных климатах.

Что же касается следовавшей за русской революцией германской революции, то последняя, хотя и не достигла того крайнего развития, какой приняла революция в России, но явилась как бы сколком с русской революции, надвигаясь в то же время более ускоренным темпом по сравнению с русской. Так в германской, как и в русской революции, мы имеем начало ее развития в войсковых частях, быстро распространившееся на весь западный фронт, преследование и убийство офицеров, образование солдатских и крестьянских советов, разделение нации по принципу самоопределения народов и первоначальное коалиционное министерство. Даже германская революция имела своего Корнилова в лице Гинденбурга, контр-революционное сопротивление некоторых войсковых частей, своих большевиков в лице спартаковцев, своего вождя большевизма в лице Либкнехта, свое июльское восстание в декабрские дни в Берлине и т. п., и т. п., причем всё это проходило в том же порядке, как и в России. Казалось, здесь было достаточно причин для того, чтобы революционные события шли по иному пути. Хотя германская революция развилась во время той же войны, но у народа—победителя, который мог гордиться достигнутыми военными успехами и громадным расширением своей территории, у народа, отличавшегося особенной дисциплинированностью в жизни, бо́льшей воспитанностью и образованностью, по сравнению с русским народом,— народа, жившего под ореолом блестящей военной истории недавнего времени, народа, управлявшегося много более благоразумно, нежели у нас в России,

с династией, не расшатанной распутинством, а, наоборот, пользовавшейся в лице Вильгельма II, как до войны, так и в период войны колоссальной популярностью в населении, все это, казалось бы, должно было обусловить другой ход революции в Германии. И тем не менее, несмотря на все это, развитие революции в Германии пошло теми же путями, как и в России, но не могло в силу особых условий своей страны выдержать натиска контр-революционной волны и потому остановилось на полдороге.

Очевидно, что это общее сходство событий может быть об'яснено только таким образом, что в развитии событий, и там и здесь, действуют одни и те же причины и одни и те же законы, которым следуют эти события, несмотря на громадное различие среды и условий. А если это так, то нельзя сомневаться, что такое же подобие явлений должно существовать и в общественных движениях, развивавшихся в периоды более спокойной общественной жизни, ибо в периоды революции оно проявляется лишь более выпуклым образом и выступает вообще ярче для нашего глаза, нежели в другие времена.

Не приводя многих других доказательств этого закона в проявлениях надорганического мира, укажем здесь и на сходство или подобие различных фаз онтогенетического развития соотносительной деятельности с различными фазами онтогенетического развития, ибо ребенок в своем умственном развитии, в сущности, проходит первоначальную стадию дикарского периода человечества, постепенно, вместе с развитием, восходя до культурного состояния в периоде возмужалости.

Так как аппарат соотношения или мозг имеет одинаковое в существенных чертах строение у отдельных индивидов одного и того же вида, то и так наз. соотносительные функции у всех индивидов развиваются по одним и тем же путям. Это условие лежит в основе того, что отдельные особи одного и того же вида в сообществе друг с другом легко об'единяются между собою для совокупной деятельности в соответствующих случаях. В бо́льшей мере, чем где бы то ни было, это наблюдается в сообществе людей. Спрашивается, какими же условиями об'ясняется это об'единение соотносительной деятельности в людском обществе?

В последнее время некоторыми из авторов [1]) выдвигается гипотеза о том, что в безсознательной деятельности, олицетворяющей будто бы опыт предшествующих генераций, все индивиды одинаковы, различия же между ними обнаруживаются лишь в сознательной области. Это положение, конечно, помогло бы уяснить нам общность действий массы лиц в известных случаях. Но дело в том, что наследственный опыт бесчисленного ряда предшествующих генераций обнаруживается, собственно, в простых рефлексах, но ничуть не в тех „бессознательных" процессах, которые, как и сознательные, относятся собственно к той соотносительной деятельности, которая предполагает прошлый индивидуальный опыт. Отсюда ясно, что как ни заманчива

[1]) Vierkandt, Naturvolker u. Kulturvolker.—Lamprecht, Moderne Geschichtwissensch, и др.

эта гипотеза, она не может быть полезной при объяснении общности соотносительной деятельности массы лиц.

По нашему мнению, объединяющими факторами соотносительной деятельности отдельных лиц в общественных группах являются следующие: непосредственное влияние или индукция, подражание, затем — словесное внушение и, наконец, убеждение.

Наименее изученную форму взаимовлияния в коллективе представляет индукция или непосредственное воздействие одних лиц на других. Бывшие до сего времени исследования давали, большею частью, неубедительные результаты. Но в последнее время мне удалось провести исследование, которое имело значение лабораторного опыта, как над животными, так и над людьми. Эти исследования, послужившие предметом моих докладов в конференции по изучению мозга и психической деятельности в 1920 г. (см. „Вопросы изучения и воспитания личности" за 1920 г. и след.), не оставляют сомнения, что возможна непосредственная индукция со стороны индивида другому, благодаря которой напряженное сосредоточение экспериментатора заставляет выполнять задуманное задание.

Но если это так, то очевидно, что в коллективе, особенно таком, как толпа, может существовать, и несомненно существует, непосредственное взаимовлияние или индуцирование, которое всегда должно иметь в виду.

Подражание, по существу, является естественным следствием и дальнейшим развитием процесса репродукции, ибо всякая репродукция есть самоподражание или подражание однажды произведенному акту, причем испытанные однажды мышечные раздражения оставляют известный след, который, оживляясь, дает толчек к новым действиям подобного же рода.

При подражании другим, дело идет о воспроизведении слышанного, виденного и ощупываемого, причем здесь импульсом служит внешний толчек, возбуждающий, благодаря уже имеющемуся индивидуальному опыту, по сочетанию аналогичные мышечные раздражения, обусловливающие одинаковые или сходственные движения. Подражание есть основной социальный рефлекс, как репродукция есть основной рефлекс индивидуальной соотносительной деятельности.

Не говоря о подражании, как способе биологической защиты в форме так называемой мимекрии, необходимо иметь в виду, что подражание есть первичная основа общения всех вообще живых существ.

Вот почему во всех низших существах только подражание служит основой социальных условий жизни.

Если масса гусениц движется по одному направлению целой кучей, цепляясь друг за друга и производя однообразные движения, как я мог наблюдать в одном случае, то это только благодаря осязательно-мышечному подражанию.

Если мы слышим в тихий летний вечер звон кузнечиков, то это опять таки происходит, в значительной мере, благодаря подражанию. Когда куча ко-

маров толпится над головой, производя однообразные движения вверх и вниз, то это может быть об'яснено только подражанием.

В пчелином и муравьином царстве с подражанием мы встречаемся всюду и всюду. Даже если на пчелиный улей нападут сторонние пчелы и начнут поедать пчелиную детвору, тоже начинают делать, благодаря подражанию, и пчелы улья, подвергающегося нападению.

Если в болоте раздается голос квакши, он непременно вызовет ответный голос со стороны ее подруг. Крик петуха вызывает ответный отклик со стороны его пернатых соседей.

В птичьем хоре в наших лесах и садах опять мы встречаемся с явлениями подражания. Достаточно сторожу птичьего стада взмахнуть крыльями и взлететь, как вся стая пернатых поднимается с места.

В мире млекопитающих животных подражание также развито в необычайной степени. Всем известно, как стадо подчиняется своему вожаку, как ржание осла или жеребца вызывает ответное ржание со стороны встреченных ими подруг и т. п. Как известно, имеется масса наблюдений в отношении способности к подражанию самых различных животных, а обезьяна в этом отношении вошла даже в пословицу.

Подражание, вообще, представляется крайне распространенным явлением у всех вообще высших животных. Сюда относятся стадное бегство животных от опасности и стадное же преследование добычи. Всем известно, что, когда одно из животных, живущих стадами, нападает на след добычи и начинает ее преследовать, как то же проделывают и все другие стадные животные. Известно, что в стаде баранов и других животных, вожак, проделывающий то или другое действие, вызывает подражание своему действию и со стороны других животных, входящих в стадо. Так, его остановка перед определенным предметом, заставляет остановиться и других его сотоварищей, его прыжок на определенном месте дает те же результаты. С другой стороны, всем известно, что, если под влиянием какого-либо шороха начинает лаять одна из собак, то за этим раздается лай и со стороны других собак, и, наконец, то же проделывает и вся свора собак, находящихся в одном месте. Крик одного из домашних гусей возбуждает тотчас же крик среди всего стада. Когда стая птиц садится на одно дерево или стая диких чаек устраивает себе отдых от рыбной ловли где-нибудь на песчаной отмели, можно слышать, как крик одной птицы быстро распространяется по всей стае, придавая характер какого-то своеобразного разговора между собою всех особей стаи.

Всё это примеры подражания в жизни животных, каковых можно было бы привести во много раз больше, еслиб в том была какая-либо надобность.

У животных подражание является как бы инстинктивным, данным от природы актом. В самом деле, вот перед вами цыпленок, почти только что вылупившийся из яйца. Будучи отделен от своей матери, он совершенно не может ориентироваться среди лежащих перед ним пищевых продуктов в виде личных крошек и он погибает с голоду, не будучи побуждаем к еде. Но как

же его к этому побудить? Для этого достаточно постучать пальцем, подражая клеванию матери, и тотчас же птенец начнет клевать, подражая движениям вашего пальца, и первый же попавший в его рот комочек яичка по рефлексу проглатывается; после нескольких таких подражательных опытов птенец начинает уже и сам проделывать клевательные движения, которые приводят к осуществлению питательного акта.

Подражание неизбежно при общении двух себе подобных индивидов на том основании, что оно всегда сопутствуется стенической реакцией, ибо прямой опыт показывает, что при смотрении на синхроничные движения физическая работа поднимается. Убедительным в этом отношении может считаться опыт Féré. Если испытуемый будет производить работу на эргографе и в то же время против него будут осуществляться те же движения на эргографе другим лицом, то количество работы поднимается. Это стеническое влияние подражания сопутствуется положительной эмотивной, resp. мимико-соматической, реакцией, побуждающей к более или менее длительному воспроизведению тех же движений. Вот почему подражание является всеобщим законом в животном царстве. Это же обстоятельство приводит к выводу, что в основе социальности лежит не только социальный отбор, но и чисто биологический или точнее биорефлексологический фактор, состоящий в стимулирующей роли подражания, возбуждающего в то же время мимико-соматическую реакцию положительного характера.

Что касается человека, то и здесь подражание проявляется на каждом шагу, несмотря на то, что у человека процессы торможения играют значительно бо́льшую роль, нежели в остальном животном царстве. Посмотрите на детей и вы убедитесь, как они подражают один другому и своим старшим. Крик одного вызывает крики и других. Если один сорвется и начнет шалить, за ним побегут и другие дети.

На подражании основано и всё развитие человеческой речи, жестов и отчасти мимики, ибо глухие от рождения остаются немыми, но зато имеют хорошо развитую мимику, а слепые имеют крайне ограниченную мимику при хорошем развитии других органов.

Всё воспитание человека, как впрочем и большинства животных, основано на подражании, благодаря которому опыт старших передается младшим, в значительной мере, в форме подражания. Да и в социальной жизни старших подражание проявляется на каждом шагу. Достаточно кому-нибудь зевнуть, особенно вечером в обществе, как все начинают зевать. Всем известно, какое оживление вносит в общество хотя бы один живой и веселый человек. Только что скучавшее общество под его влиянием начинает оживленную беседу. Заразительность смеха также общеизвестна. Некоторые не могут видеть плачущих без того, чтобы сами тотчас же начали плакать.

С другой стороны, подражательность в мимике долго живущих людей бывает так сильна, что дает сходственные черты, как это мы имеем относительно пары супругов.

Известно также, что путем подражания развивается заикание, истерические припадки и другие нервные состояния.

В некоторых болезненных состояниях способность подражания достигает наивысшей степени, благодаря чему всякое произносимое слово и всякое производимое ими действие неизбежно повторяется (так-наз. эхолялия и эхопраксия). Наконец, подражание проявляются и во всех сложных действиях и в работе; каждый учащийся повторяет своего учителя, ученик своего мастера, и только постепенно человек освобождается от подражания другим, производя что-нибудь более или менее оригинальное. Подражание в моде также общеизвестно. Но и сложные социальные явления опять-таки основаны, в некоторой мере, на подражании. Так, ход русской революции в значительной степени явился подражанием великой французской революции. Несомненно, что причиною этого сходства явилась и общая для обоих революций закономерность общественных явлений, но что и подражание здесь играло известную роль, показывает сходство и чисто внешних форм некоторых общественных явлений.

Не будем входить в обсуждение вопроса, еще далеко невыясненного,—на чем, собственно, основано подражание, составляющее один из основных рефлексов в биологическом ряду животных. Удовольствуемся тем, что воспринятые зрением и слухом импульсы, очевидно, облегчают воспроизведение виденного и слышанного, как однажды проделанное движение облегчает воспроизведение этого движения, проявляясь в виде самоподражания, а облегченное движение сопровождается стенической реакцией, побуждающей к движению.

Особую форму об'единения при посредстве слова представляет внушение и убеждение. Внушение есть, в настоящем смысле слова, посредственное подражание, ибо в простом подражании мы имеем воспроизведение того или другого акта под влиянием соответствующего зрительного, слухового или осязательного импульса, тогда как при внушении мы имеем исполнение того или другого акта посредством соответствующего словесного символа, отвечающего данному акту. Разница, следовательно, в том, что в одном случае внешнее впечатление возбуждает сходственный акт, во втором случае тот же акт воспроизводится путем соответствующего ему символа.

Спрашивается, может ли быть внушение среди животных. Повидимому, да; по крайней мере, у более высших из них. В то время, как стая дибих птиц занята едой где-нибудь на лугу или на болоте, она возлагает на одного из своих сотоварищей обязанности сторожа, и достаточно бывает этому сторожу высоко поднять голову, как вся стая настораживается, а первый тревожный крик со стороны сторожа побуждает всю стаю подняться с места и лететь прочь. Таким образом, проявление голоса в данном случае вызывает определенное действие всего стада. Что это такое, как не внушение? По крайней мере, нет ничего такого, что бы обособляло это явление от того, что мы знаем относительно явлений внушения у человека.

Можно признать таким образом, что в восходящем ряду животных в зависимости от условий существования и полезности в жизненной борьбе обна-

руживается раньше всего мимикрия и другие формы подражания, а позднее выступает внушение.

Что касается человека, то здесь мы встречаемся с явлениями индукции, подражания и внушения, причем последнее может осуществляться не одним криком или жестом, как у животных, но и словом и даже, главным образом, словом.

Механизм внушения, в свою очередь, сводится к тому, что слово, как символ, дает при известных условиях, связанных с отвлечением сосредоточения, толчек к воспроизведению уже имевшегося в жизненном опыте движения или состояния, воспроизведение которого в то же самое время облегчается в той или иной мере, чем и достигается реализация внушения со стороны другого лица.

Как известно, в настоящее время наукой выработан метод внушения, как в состоянии так наз. гипноза, так и на яву или в бодрственном состоянии. В жизни, однако, дело идет бо́льшей частью о непреднамеренном внушении в бодрственном состоянии, которое незаметно передается от одного лица другому, различаясь от подражания, как упомянуто, тем, что в последнем случае дело идет о воспроизведении виденного и слышанного, тогда как в первом случае мы имеем дело с вызыванием определенного действия или состояния с помощью слова, крика или жеста.

Значение внушения в общественной жизни огромно и проявляется везде и всюду подобно подражанию, часто переплетаясь с последним самыми неуловимыми нитями.

Подробнее излагать роль внушения в общественной жизни, я не считаю возможным, ибо этому предмету была посвящена мною особая книга под заглавием: „Внушение и его роль в общественной жизни“, к которой я и отсылаю читателя.

Здесь, однако, следует остановиться еще на том процессе, который обозначается термином усвоения, основанного на обучении и убеждении. Дело идет здесь о еще более сложном подражательном процессе, в котором в целях воспроизведения какого-либо стороннего акта, личность не подражает ему слепо и не побуждается непосредственно к действию путем слова, как символа, а предварительно оценивает его значение и полезность в целом и лишь затем, при положительном результате этой оценки, начинает воспроизводить этот акт, как явившийся результатом изучения, вследствие чего он признается в таком случае усвоенным, причем и самое усвоение имеет целью не одну лишь форму и даже не столько форму, сколько существо самого предмета.

Когда усвоение, как сложная форма подражения, осуществилось, и усвоенный акт может воспроизводиться благодаря выучке, тогда этот акт может выполняться с особенной быстротой и легкостью, по одному какому-нибудь словесному или письменному приказу, или даже какому-нибудь знаку, например жесту, играющему роль внушения.

Нечего говорить, что эта форма более сложного подражания, сводящаяся к усвоению, если и уступает подражанию в отношении скорости выполнения, то она выигрывает перед ним в виду предварительного выяснения целесообразности и полезности данного действия при соответствующих условиях.

О значении этой формы сложного подражания в социальной жизни распространяться нет особой надобности. Достаточно сказать, что на нем основана вся цивилизация и культура народов.

Некоторые из символов несомненно обязаны своим происхождением метафорическому уподоблению, основанному на сходстве и подражании. Этот факт нетрудно проследить на целом ряде случаев. Так, движения дирижерской палочки основаны на пространственном уподоблении высоте тонов и ширине регистра, цветные значки основаны, опять-таки, на уподоблении реальным формам действительности. Так, красный флаг есть знак крови и потому присвоен революционным проявлениям. Красным флажком обозначается и всякое предупреждение опасности.

Зеленый флаг или знамя заимствованы от цвета растущей зелени и связываются, поэтому, с надеждой на будущий расцвет.

Черный цвет уподобляется темноте могилы и представляет, таким образом, эмблему смерти и террора.

Белый цвет, наоборот, представляет собой эмблему блеска и присваивается монархической власти.

Голубой цвет, соответствующий цвету небесного свода, является символом чистоты и непорочности и потому является эмблемой в некоторых религиозных украшениях и обрядностях.

Во всех этих случаях символ является как бы реальным воспроизведением другого явления, имеющего то или иное значение в окружающей нас действительности.

К особому виду воздействия следует отнести те случаи, когда определенные действия окружающих непосредственно вызывают изменения состояния данного лица. Примером такого воздействия может служить случай, когда младенец при виде того, как один человек бьет другого, начинает плакать, или как взрослый человек, видя картину ужаса, впадает в состояние обморока. Здесь нет ни подражания, ни внушения, а есть ни что иное, как непосредственное влияние в форме сочетательного рефлекса.

Пример такого рода нам представляет также следующий случай. Когда знаменитый Менделеев представлял Петроградскую палату во время столетия Юрьевского университета, он, подходя к эстраде, пошатнулся. Вся публика, как один человек, встает в знак уважения к его личности. Это не была овация, которая сопровождается публичными аплодисментами. Это было молчаливое почтение к национальной гордости и славе.

Другой пример может представить собою встреча Керенского в войсках в его период славы. Вот одна из таких сцен: „Ровно в 9 часов оркестр заиграл „Марсельезу", казаки взяли „на караул", и в открытом автомобиле по-

казался Керенский. Многотысячная толпа загремела „ура". На лицах встречавших большое волнение и видимая любовь к своему революционному вождю и герою. Керенский встал во весь рост на автомобиле и, высоко держа фуражку, приветствовал народ. Его искренность, одухотворенное лицо привлекали внимание своей выразительностью и каким-то внутренним очарованием. Когда автомобиль Керенского пролетел сквозь толпу, то *все, словно загипнотизированные, побежали за автомобилем, все время крича „ура" и размахивая шляпами и фуражками*" (из газ. сообщений).

Понимаемое в вышеуказанном смысле воздействие выполняется при посредстве сочетательных рефлексов, подобно тому, как в других случаях дело идет о возбуждении сочетательных рефлексов с помощью символических наир речевых знаков, будет ли это вызываться непосредственно в форме внушения или же в форме логического убеждения.

Такого рода сочетательное воздействие приходит, повидимому, несколько позднее с усвоением определенных отношений между людьми. Так, если ребенок, увидев в окно драку людей, начинает плакать, это несомненно акт индукции, но она является в цикле развития позднее проявления подражательности, ибо требует уже известного опыта в отношении хотя бы столь простых актов, как побивание одного лица другим. Точно также, когда человек бросается помочь другому, когда последний неожиданно сваливается, или стремится помочь ему в поднятии упавшего из его рук предмета, это акты индукции, опять таки требующие соответственного жизненного опыта, вследствие чего они возникают в периоде развития позднее подражательности.

Что касается внушаемости, то она возникает с тех пор, как в достаточной мере усваивается ребенком значение речи и жестов, что происходит позднее усвоения значения простых актов, а потому и внушаемость является, во всяком случае, не раньше, а, большею частью, несколько позднее индукции.

Наконец, убеждаемость доводами требует уже хорошо развитой речи с вполне развитыми логическими посылками и потому проявляется в еще более позднем возрасте, когда путем опыта приобретается знание причинных соотношений между отдельными явлениями.

В данном случае нас может интересовать, главным образом, то, что как подражание и внушение, так и индукция, приводят к согласованным действиям всего коллектива или целой группы лиц в коллективе, что имеет особо важное значение в социальных условиях жизни. При этом надо иметь в виду, что как внушаемость и подражательность, так и индуктивность человека не представляются всегда в одной и той же степени. Они находятся в зависимости от его состояния в то или другое время, от бо́льшей или меньшей его сосредоточенности и, отчасти, в зависимости от источника воздействия. Так, состояние пассивности и отвлечение сосредоточения располагает к развитию подражания, индукции и внушаемости.

С другой стороны, человек развитой, со свежими силами, следовательно, не утомленный, может в бо́льшой мере противодействовать подражательности, индуктивности и внушаемости. Бодрящая реакция мимико-соматического ха-

рактера всегда содействует развитию подражательности, индуктивности и внушаемости в направлении, соответствующем характеру данной эмоции. Известно, что в толпе подражательность, индуктивность и внушаемость встречают особенно благоприятную почву, и это потому, что в толпе резко поднимается эмотивное состояние при условии пассивности и утомления.

С другой стороны, люди, мало развитые, и дети, как известно, отличаются бо́льшей индуктивностью, подражательностью и внушаемостью.

Но, независимо от всего прочего, и источник, от которого исходит воздействие, не представляется безразличным в смысле осуществимости воздействия в той или другой форме.

Так, совершенно неодинаковое влияние на школьника окажут жест или слова своего сотоварища и жест или слово своего учителя; точно также на необразованного человека окажут неодинаковое воздействие жесты и слова другого такого же неуча, как он сам, и жесты и слова образованного человека и т. д. Наконец, природные качества, в какой мере они сказываются в индивидуальных особенностях и характере того или другого лица, не безразличны в отношении силы воздействия.

Опыт, во всяком случае, дает основание к тому, чтобы признать, что одни лица уже по своей природе более склонны к подражанию, индукции и внушению, нежели другие лица.

Наконец, следует указать и на необходимые физические и ненормальные состояния, которые повышают склонность к подражательности, индуктивности и внушаемости.

Сюда относятся такие состояния, как сомнамбулические, и в том числе так наз. гипноз или искусственный сон и некоторые из общих неврозов, как например истерия, психастения, эмерячение и некоторые другие.

Под противовнушением понимают то состояние, когда об'ект реципиент противодействует влиянию на него стороннего внушения, что об'ясняется привычкой к обереганию себя от сторонних влияний. Это противодействие проявляется иногда и в отношении влияния доводами, когда человек на все то, в чем он мог бы без труда убедиться, заявляет безмотивное несогласие. Ему говорят, например, что ему было бы полезно пройтись, а он без достаточных оснований ответит: „нет я в этом не нуждаюсь“, и также в других случаях. Эта привычка к негативизму в ответах и действиях составляет результат, главным образом, воспитания, отчасти же известного настроения.

Следует однако иметь в виду, что как противовнушение, так и логическое несогласие, в конце концов, не составляют неодолимых преград для внушения и убеждения, но все-же, в той или иной мере, они могут ограничивать силу воздействия и того и другого

Что же касается подражательности и индуктивности, то здесь, склонность к противодействию, повидимому, не имеет места или, по крайней мере, не проявляется более или менее очевидным образом. Надо впрочем иметь в виду, что это замечание имеет силу, главным образом, по отношению к подражанию в том узком значении, когда дело идет о копировании действий или

слов, но не в том расширении этого понятия, которое допустил в своих социологических трактатах Тард, разумеющий под ними все вообще процессы симпатии, внушения и подражания всякого рода.

В нормальных условиях не всегда легко провести резкую грань между внушением и убеждением, ибо и тот, и другой процесс воздействия часто осуществляются в одном и том же случае одновременно. Можно лишь сказать что в одном случае дело идет о непосредственном прививании другому лицу и, следовательно, вызывании у него определенных состояний, действий или заявлений путем слова или жеста стороннего человека, тогда как в другом случае дело идет о вызывании в другом лице действий или заявлений посредством доводов или так наз. логических посылок, говорящих в пользу необходимости или полезности при данных обстоятельствах действий или заявлений; причем осуществление их достигается лишь в том случае, если и сам воздействуемый после соответствующей критики за или против усвоит соответствующие доводы, т. е. признает необходимость и полезность действий при данных обстоятельствах и сделает их руководящими линиями в отношении своего поведения.

В виду этого ясно, что логическое воздействие или убеждение доводами требует времени, ибо оно сопровождается критикой, тогда как внушение прививается непосредственно, а следовательно быстро, но зато первое всегда или почти всегда соответствует интересам данного лица, осуществляющего производимое на него внушение, во втором же случае вопрос о полезности или интересах реципиента совершенно исключается.

Подражание есть основа общественности, что было выдвинуто еще в работе Тарда. Уже при изучении речи, этого первого и основного орудия общественности, подражание играет столь важную роль, что без подражания развитие речи вообще оказалось бы немыслимым. Равным образом, и воспитание основано, в значительной мере, на подражании. Путем того же подражания человек перенимает, в значительной мере, и все общественные условности и обычаи. Лишь благодаря подражанию человек становится общественным существом в настоящем смысле слова.

С другой стороны, кроме непосредственного подражания в этом случае должно иметь в виду и внушаемость, т. е. склонность непосредственно подчиняться словесному влиянию. Дело идет здесь о взаимном влиянии путем слова одних лиц на других и о той форме внушения, которую можно бы назвать общественным внушением. Уже в школе во время обучения мы встречаемся с внушением на каждом шагу. С другой стороны, когда человек вступает в ту или другую группу лиц, в тот или другой кружок, он получает тотчас же со всех сторон внушение, касающееся внешних условий общежития, обычаев, традиций, и невольно им подчиняется.

Процесс убеждения, приводящий к усвоению, также действует в массах людей, как и у отдельных лиц. Когда вождь толпы раз'ясняет последней то или другое событие, это не значит, что он действует исключительно путем внушения. Известную долю в этом случае почти всегда занимает и убеждение,

которое, таким образом, является также не несущественным фактором об'единения нервно-психической деятельности массы лиц. В смысле значения убеждения, как об'единяющего фактора, имеет особую важность тот факт, что в школах все учатся одному и тому же и усваивают одни и те же вещи, что, естественно, приводит к известной нивелировке различных соучастников данного общества.

Собственно, везде и всюду в общественных группах об'единение членов достигается с помощью упомянутых факторов, основанных на индукции, подражательности, внушаемости и усвоении, основанного на убеждении. Но внешними импульсами к об'единению служат более всего классовые и профессиональные условия, втягивающие личность в свой круг жизненных привычек и обычаев. Эти условия, как мы уже говорили, собственно, и являются определителями многих внешних особенностей той или другой личности, обусловленных принадлежностью ее к определенной группе лиц или к известному классу общества.

В каждой общественной группе имеются свои условности и обычаи и свои традиции, которые, обыкновенно, каждым новым членом и перенимаются более или менее быстро, благодаря вышеуказанным факторам, действующим часто совершенно незаметно для отдельных лиц; однако, достаточно человеку по каким-либо обстоятельствам выйти из одной группы и перейти в другую, чтобы он сейчас почувствовал, в какой мере в нем вкоренились условности и обычаи прежней группы, и что нужно опять известное время, чтобы приспособиться к новым условиям той группы, в которую он вступает.

Таким образом, и в этом случае мы имеем действие закона подобия, ибо при об'единении людей соотносительная деятельность отдельных лиц приучается проявлять себя в соответствии со всеми остальными и следовательно, находясь в новых условиях, она должна вновь достигать подобия другим сочленам нового сообщества.

Но всеми вышеуказанными условиями не исчерпывается закон подобия, ибо мы знаем случаи, когда не имеется никаких данных, указывающих на возможность общения между народами, и следовательно об условиях подражания или заимствования не могло быть и речи, и тем не менее мы имеем сходство тех или других социальных явлений. Уже выше приводились этому примеры. Сюда относятся одни и те же формы богопочитания в Старом и Новом свете, выяснившиеся еще при открытии американского материка; сходство мифологии самых различных народов, не имевших никакой исторической связи друг с другом, и т. п.

Очевидно, что в этих случаях дело сводится к тому, что одинаковые причины приводят и к одинаковыми следствиям, удовлетворяя основному принципу закона подобия.

VII. Закон периодичности или ритма.

Из данных физики общеизвестна распространенность колебательного движения. В сущности, ни один вид энергии не обходится без колебательного движения. Движение небесных светил, как и движения атомов и молекул, имеют свои циклы; органическая природа также проявляет функции роста и размножения с циклическим характером. Система кровеобращения, дыхания и обмена, сон и бодрствование имеют свои фазы и свои циклы.

Периодичности же подвержены и все процессы соотносительной деятельности, то оживляющейся, то угнетаемой. Смена настроения, возбуждение и угнетение, вследствие усталости, и другие аналогичные явления характеризуют эту периодичность в проявлениях соотносительной деятельности отдельных лиц. Даже проявление таланта выдающихся деятелей имеет свои периоды развития, расцвета и упадка, следовательно имеет свой цикл, как выражение ритмической формы движения. Да и в самой деятельности талантливых лиц можно отметить известную периодичность, на что указывает подробный анализ их жизни.

Подобно этому, и политическая или социальная среда проявляет цикличность в своем развитии и движениях. Прежде всего, любой коллектив имеет свое зарождение, развитие, период расцвета и затем период последующего упадка. Даже такой коллектив, как народный организм, скрепляемый государственным устройством, имеет свои фазы развития, когда он возвышается в своем могуществе, достигает затем своего апогея в отношении силы могущества и процветания, после чего постепенно переходит в период упадка и разложения. Так, изживается веками форма государственного устройства, после чего народ может начать жить как бы новою государственною жизнью, которая будет проходить опять те же циклы с периодом своего зарождения, возвышения, расцвета и последующего упадка.

В сущности, всякое государство, подвергаясь закону ритма, проходит период первоначального развития, следующий за ним период расцвета, после чего следует период упадка, а затем в обновленной форме государство может вновь проявить свою энергию и мощь, достичь нового расцвета, за которым опять неизбежно последует его упадок, и т. д. В этом случае, и военное могущество государств подвержено тому же закону развития, достижения своего могущества и последовательного ослабления.

Даже политический режим во внутреннем управлении стран подвергается периодическим колебаниям, ибо правительственная реакция, обыкновенно, сменяется либеральными реформами, за которыми следует вновь правительственная реакция, которая впоследствии сменяется правительственным либерализмом. Можно сказать даже, что всякая политическая мера, доводимая до крайности, тем самым подготовляет и собственное падение, возбуждая в обществе оппозиционную реакцию.

Но не только государственный организм, но и всякая цивилизация имеет свой период развития, процветания и упадка. В этом отношении я воспользуюсь здесь выдержкой из сочинения Г. Лебона (Психология народов и масс. стр. 327—329), характеризующей циклы, прошедшие старыми цивилизациями: „На заре этих цивилизаций мы видим горсть людей разнообразного происхождения, соединившихся вместе, благодаря случайностям эмиграций, нашествий и побед. Общую связь между всеми этими людьми, отличавшимися друг от друга своим языком и религией и в жилах которых текла разная кровь, составляла полупризнаваемая власть одного вождя". „Затем время совершает свое дело. Тожественность среды, повторение скрещиваний, потребности общей жизни медленно действуют, и скопище разнородных единиц начинает сливаться и образует расу, т. е. аггрегат, обладающий общими чертами и чувствами, которые всё более и более фиксируются наследственностью. Толпа становится народом, и этот народ уже может выйти из состояния варварства. Обычно, он выйдет из него лишь тогда, когда, после долгих усилий, постоянной борьбы и бесчисленных начинаний, он приобретет идеал. Природа этого идеала имеет мало значения; он может представить культ Рима, Афин или поклонение Аллаху, всё равно, но этого идеала будет достаточно, чтобы создать единство чувств и мыслей у всех индивидов расы, находящейся на пути своего образования. Тогда то и может народиться новая цивилизация со всеми своими учреждениями, верованиями и искусствами. Увлекаемая своею мечтою раса последовательно приобретет всё, что дает блеск, силу и величие". „Совершив свое созидательное дело, время неизбежно переходит к делу разрушения, которого не избегают ни боги, ни люди. Достигнув известной степени могущества и сложности, цивилизация перестает расти и осуждается на упадок. Скоро должен пробить для нее час старости. Наступление его неизбежно отмечается ослаблением идеала, поддерживающего душу расы. По мере того, как бледнеет идеал, начинают колебаться здания политических, социальных и религиозных учреждений, опирающихся на этот идеал".

„С окончательной потерей идеала раса окончательно теряет свою душу: она превращается в горсть изолированных индивидов и становится тем, чем была в самом начале, толпою". „Цивилизация теряет свою прочность и оказывается во власти всех случайностей. Властвует чернь и выступают варвары. Цивилизация еще может казаться блестящей потому, что сохранился еще внешний фасад ее здания, созданный долгим прошлым, но в действительности здание уже подточено, его ничто не поддерживает и оно рушится с первой же грозой". „Переходить от варварства к цивилизации, преследуя мечту, и затем постепенно слабеть и умирать, как только мечта эта будет потеряна— вот в чем заключается цикл жизни каждого народа"—вернее было бы сказать— цикл каждой цивилизации. После же нее с новыми условиями политического характера начинается новая цивилизация, несущая новые идеалы и часто зарождающаяся в другом пункте земного шара, подчиняющая себе и народы старой цивилизации.

Цивилизацию, имевшую свой начальный период и период расцвета, но уже упадающую в одной части материка, принимают другие народы, и снова наступает под влиянием нового импульса оживление цивилизации, но уже с другим характером и на другой основе. Из сказанного ясно, что, как и в других случаях, могут быть, как содействующие или оживляющие влияния для коллективных проявлений, так и тормазящие влияния, задерживающие ход и развитие этих проявлений, причем преобладание тех и других сменяется чередующимся образом, что и обусловливает характер периодичности социальных явлений.

Даже энергия отдельных народов подчиняется тому же закону ритма. Проявляющаяся в одном направлении, она затем ослабевает, пробиваясь через некоторое время в другом направлении.

Ясно, что, как во всем физическом мире дело идет о волнообразных и колебательных движениях в форме ритма, также и в мире коллективных образований эволюция осуществляется путем волнообразного же движения. В самом деле, всякое общество переходит от застоя к деятельности и, наоборот, от деятельности к застою, от приниженного состояния к возвышению и, наоборот, от возвышения к падению. Посмотрите историю всех народов и вы убедитесь, что это так. Во всяком вообще коллективе происходит смена консервативного направления более либеральным и, наоборот, либерального направления консервативным, увлечение новшеством сменяется возвратом к старине, к обычаю, да и всякое новшество при долговременном его существовании переходит в обычай, в старину.

В этом процессе перехода от прогресса к регрессу и наоборот играет известную роль явление торможения. Проявившееся однажды направление со временем приводит к утрате интереса со стороны общества к данному направлению, что и доводит процесс дальнейшего развития общества к внутреннему тормажению данного направления, а это вынуждает общество к движению в противоположном направлении. С другой стороны, взятое однажды определенное направление в движении общества доводится по закону инерции до таких крайностей, которые возбуждают оппозицию и протест в значительных слоях населения, и, в конце концов, производя перелом в общественном мнении, побуждают к переходу общественного движения в противоположном направлении.

Как известно, социолог Тард подробно выяснил роль подражания, этого важного рефлексологического элемента в жизни обществ. Но подражание имеет своим об'ектом творческие акты, которые приписывают обыкновенно отдельным индивидам, хотя нельзя упускать из виду и существование творчества коллективного, народного. Таким образом, жизнь общества регулируется, с одной стороны, творчеством или открытиями и изобретениями и, с другой—подражанием; причем движение всей жизни обществ сопровождается каждый раз особым под'емом в период открытий и изобретений и относительным застоем в периоды, следующие за открытиями, когда развивается преимущественно подражательная общественная работа и когда собираются факты, требующие известного осве-

щения. С накоплением последних является какой-либо гигантский ум, который сделает соответствующие обобщения, и вновь возникает открытие, вызывающее общественный под'ем. Таким волнообразным путем движется научная и общественная мысль и также дело идет со всеми областями творческой деятельности человека.

Всякое более или менее значительное общественное движение развивается по восходящей линии, достигает затем своего апогея и, в конце концов, ослабевает, сходя на нет, после чего возникает новое общественное движение, чаще всего порождаемое старым, но приобретающим теперь новую форму, которая, в свою очередь, развивается по восходящей линии, достигает в известное время своего апогея и затем, ослабевая, сходит на нет, чем и характеризуется периодичность общественных движений. Итак, более чем очевидно, что общественные движения никогда не идут по прямой линии, а всегда волнообразно, сменяясь одно другим, ему противоположным. Под'ем энергии в начале какого либо общественного движения сменяется ее последовательным падением, после чего может вновь оживиться то же движение. Под'ем общественного настроения обычно сменяется его угнетением. Устремления общества в одном направлении, встречаясь с нежелательными явлениями, вызывают общественный перелом, за которым следуют устремления его в другом направлении.

Так революция в России достигла крайнего своего уклона в сторону большевизма в период восстания в Петрограде в начале июля 1917 го года, вызвав перелом в общественном движении, и подготовила контр-революцию, не достигнув цели; но контр-революция, в свою очередь, привела к уклону общественного движения в сторону большевизма.

При этом надо иметь в виду, что в периоды революционных движений волны общественных настроений протекают гораздо более бурным образом, нежели в обыкновенных условиях жизни народов. Обыкновенно, взрыв революции происходит в те периоды народной жизни, когда гнет народа достигает своего апогея, но тем бурнее происходит реакция в сторону сбрасывания этого гнета в период революции в целях освобождения народа от цепей рабства. Даже всё то, что, в той или иной мере, стоит в связи с прежним порядком вещей, подвергается разрушению и даже поруганию.

Возьмем, например, отношение к церкви и религии. Являясь прислужницей и оплотом монархического строя, религия в периоды революционных переворотов подвергается тем бо́льшему поруганию и унижению, чем более углубляется революционное движение, и опять в силу того же закона ритма и следования за высокими гребнями обратных волн. Чтобы осветить хотя бы частицу той ненависти, с которой народ в период великой французской революции относился к предметам католического культа, заимствуем здесь некоторые из характерных событий в период 1789 года, проявлявшихся в форме т. наз. иконоборства. Мы не будем говорить о чисто варварском разрушении колоколен, монументальных оград храмов, гробниц, священных сосудов и совершенно бесцельном сожжении церковных тканей и кружев. Но

остановимся на картинах еще более ярких в этом отношении: „С августа 1789 года по всей Франции вспыхнули костры среди пляски и диких воплей опьяневшей черни, на которых сжигались тысячи предметов неоцененной стоимости: мраморные столы, камины, зеркала, витрины, цветные стекла, статуи, резные церковные кресла и пр.

„Осветители“ замков не щадили даже вековые деревья, которые срубались и сжигались тут же.

Иконоборцы набрасывались не только на все изображения „бывших“ ангелов, „бывших“ христов, „бывших“ святых, но также и на балдахины, хоругви, подсвечники, светильники, чаши, сосуды, блюда и все украшения обихода, так наз. „бывшего“ католического культа. Местные рабочие привлекались насильно к „делу“: их заставляли бросать свою работу, чтобы идти на разгром церковных и господских владений“.

Таким образом, и здесь дело шло о настоящем надругательстве озлобленного народа над тем, что являлось продуктом человеческого труда и таланта, создаваемом веками.

Аналогичные явления в революционные периоды наблюдаются и в отношении искусства. Должно сказать, что одним из тяжелых явлений народных переворотов является тот вандализм, который проявляется по отношению к искусству, когда ценнейшие произведения искусства разрушаются без всякой, в сущности, надобности, и, таким образом, в революционном пожаре погибало то, что является драгоценным достоянием всего человечества. При этом нельзя признать, чтобы народные вожаки и деятели ополчались на искусство. Нет, совсем нет. Известно напр., какие Конвент делал усилия возродить искусство и вообще дать народу всё то, что до сих пор являлось привилегией богачей, устраивая для этого даже грандиозные публичные торжества, и однако народ в это именно время проявлял необычайный вандализм к предметам искусства. В период русской революции, большевики стремились дать пролетариату все то, что до сих пор было исключительной привилегией богатого класса, устанавливая фактическое и юридическое господство пролетарских классов и беднейших крестьян. Некоторые из их вожаков читали лекции о значении искусства, образовывали новые музеи искусства из дворцов, но разве не в их период дворцовые сокровища подверглись наибольшему расхищению и разрушению. Можно об'яснять этот поразительный вандализм неразвитостью народа, отсутствием воспитания и образованности. Без сомнения, это обстоятельство остается не без значения, но всё же им нельзя об'яснить прямого отношения к предметам искусства, когда оно разрушалось без всякой надобности там, где оно могло быть пощажено без всякого ущерба для дела революции. Очевидно, что причина здесь кроется еще и кое в чем другом. Здесь сказывается уже безразличное отношение и даже ненависть ко всему тому, что напоминает аристократизм, что является принадлежностью богачей. Когда народ держат в цепях рабства и затем эти цепи разрываются на части, то народ, предоставленный самому себе, дает полную волю своими инстинктам, и здесь, в народной ненависти ко всему тому, что напоминает прошлый уклад

и прошлый быт с господством аристократии, гибнет всё и хорошее, и дурное: чем тяжелее были цепи рабства, тем сильнее проявляется народный вандализм в период переворота.

К этому присоединяется еще и другое обстоятельство.

Во все периоды своей истории народ стремится олицетворять свои политические и религиозно-моральные верования в определенные символы, которые отражаются в искусстве. Но вместе с тем, как эти верования начинают ослабевать или даже исчезают, народ обращается против тех символов, которые он почитал ранее, с тем бо́льшей яростью, чем более противоположны его новые политические воззрения по отношению к старым. Вот почему, в слепой ненависти народа гибнет всё, что своим содержанием напоминает прошлый уклад жизни и что олицетворяет в символических образах прошлые варварские народы. И вот, французская революция периода Конвента ознаменовывает себя декретом об уничтожении всех оставшихся королевских памятников, гробниц и усыпальниц, а в русской революции 1918 года, в период большевизма, спустя два месяца, издается декрет о публичном снятии памятников, которые возмущают народное чувство. Последствие общеизвестны и о них нет надобности здесь распространяться. О них говорит сама история этих периодов общественных потрясений.

Словом, и в последовательности событий мы встречаемся с законом ритма в том смысле, что одно общественное движение сменяется другим, ему противоположным. При этом, до известной степени, существует и соотношение между силой того или другого общественного движения и следующего за ним уклона в другом направлении. При этом, чем сильнее бывает общественный под'ем в одном направлении, тем сильнее следует за ним падение. Соответствие проявляется даже и в отношении бо́льшей или меньшей остроты общественного движения. Иначе говоря, чем бурнее развивается под'ем, тем быстрее и резче проявляется и следующее за ним падение, и, наоборот, чем медленнее происходит под'ем, тем медленнее протекает и следующее за ним падение.

В политических движениях закон ритма проявляется тем, что чем сильнее политическое движение одного направления, тем сильнее затем следует реакция. Чрезмерный гнет царского режима в России последнего времени привел, в конце концов, к большевизму, который стал обозначаться уже в самом начале революции, ибо еще 20 и 21 февраля на улицах Петрограда раздавались в некоторых частях крики: „долой Милюкова“ и „долой Временное правительство“.

Между прочим, периоды возрождения, повторяющиеся время от времени в истории народа, являются классическими проявлениями периодичности социальных явлений. В то время как народы, создавшие культурные ценности, давно уже исчезли, когда, казалось, и наследники этой культуры сделались достоянием истории или даже археологии, когда они, казалось, для современного мира исчезли навсегда, тем не менее наступает время возрождения, когда они

вновь становятся центром общественного внимания и подражания путем воспроизведения в новых условиях жизни.

Надо заметить, что и в различных областях проявления народной жизни мы наблюдаем тоже самое. Так, общество переходит от вспышки национализма к безразличию в национальных вопросах и даже к сожжению националистической литературы, от периода материализма к идеализму и обратно, задерживаясь в то или другое время на средней линии. Каждая научная специальность подвергается такому же волнообразному движению в своем развитии, которое характеризуется различными направлениями в разные периоды времени.

Вообще, закону ритма подчинены все проявления соотносительной деятельности всякого вообще коллектива. Так, прежде всего необходимо установить, что настроение коллектива подвергается периодическим сменам в ту или другую сторону, что обуславливается не одними внешними условиями, которые могут быть в одно время благоприятными для коллектива, а в другое время неблагоприятными для него, но и неустойчивостью самого настроения, которое не может оставаться бессменно одним и тем же в течении долгих периодов времени. Обычно одно общественное настроение через то или другое время сменяется другим, более спокойным или даже ему противоположным, которое затем снова подвергается такой же смене, и т. д., примеры чему были уже приведены в первой части настоящего труда.

Таким образом, настроение народных масс не делает исключения из общего правила. Сегодняшний герой завтра делается кумиром толпы, но после завтра та же толпа становится к нему равнодушной, а иногда, при столкновении политических направлений, даже враждебной. Сколько народных кумиров в истории прошло через период народного энтузиазма и обаяния, проявляемых при одном их имени, и кончало народным равнодушием, забвением и даже полным пренебрежением и осуждением. Таковой была судьба Ганнибала, Юлия Цезаря, Наполеона I. Даже судьба новейшего героя первого периода русской революции, Керенского, может служить примером этой смены народных настроений. Лишь нелицеприятный суд истории отводит каждой личности, игравшей роль в судьбах народов, свое место, оценивая по достоинству ее заслуги и не утаивая ее отрицательных сторон.

Колебание общественного настроения происходят то более быстро, то более медленно, в зависимости от периода общественной жизни. В революционные периоды смена настроения происходит с калейдоскопической быстротой. Недовольство одним политическим режимом приводит к перевороту, условия нового режима обычно удовлетворяют народ не надолго, и уже вскоре поднимаются голоса недовольных, которые привлекают к себе всё бо́льшее и бо́льшее число адептов, подготовляя тем самым переворот в обратную сторону.

В эволюционном процессе, кроме смены, время от времени, противоположных общественных настроений, мы имеем переход от одного направления в творческом процессе к другому, ему противоположному. С другой стороны, всем известно, что вслед за бурным проявлением общественной жизни в

форме революции, обыкновенно, следует последовательный процесс общественной реакции.

Но и вне этих периодов народных возмущений каждый народ в своей жизни последовательно переходит от оживления к застою, после чего под влиянием какого либо толчка вновь происходит оживление народной жизни и шаги к прогрессу, за которыми снова наблюдается переход к застою.

С другой стороны, всякое вообще учение, развиваясь, достигает своего господства, после чего подвергается тому или другому преобразованию. Сменяющее его новое учение подвергается той-же участи: оно должно расцвесть, затем увянуть и подвергнуться преобразованию.

Далее, литература, как и философия, не избегает той же смены одного направления другим: романтизм сменяется натурализмом, за которым следует мистицизм, за мистицизмом следует вновь натурализм и т. д.

Да и всякий общественный прогресс в умственной жизни подвержен тем же колебаниям, протекая то более быстро, то более медленно и сменяясь временным даже застоем, за которым вновь следует оживление, и т. п.

Так движется наука и литература, но также движется и искусство, где одно направление сменяется другим, после чего новое направление, пройдя свой цикл развития, вновь сменяется другим, часто ему противоположным, уже ранее пережитым, но принявшим в себя новые черты соответственно времени и прогрессу, достигнутому в искусстве.

Даже религия не избегает подобной же участи.

Равным образом, всякое верование проходит свой цикл возникновения, полного расцвета и последовательного упадка, после чего могут вновь найти почву религиозные искания в другом направлении.

Первое христианство имело свой период, развития или возвышения и расцвета, достигнутого в III в. Но вместе с тем, когда христианство, приняв в свое лоно царя Константина, оставило ему всё имущество и все права привилегий, прежнее чистое христианство первых веков, подписало себе тем самым смертный приговор. Вслед за этим христианство преобразуется в государственную религию, вследствие чего получает свое особое значение в государственной жизни и сильнейший импульс к своему распространению. В этой новой форме христианство достигает своего высшего развития в Европе в эпоху средних веков, когда оно приобрело господство над жизнью государств, и когда даже великие короли должны были идти на поклонение в Каноссу. Позднее, однако, государственная власть восторжествовала над христианством, и постепенно с развитием политической жизни могущественных государств оно всё более и более занимает служебную роль в государстве, с развитием же наук постепенно утрачивает свое влияние и на умы народов.

Если мы обратимся к экономической области, то и здесь мы встретимся с теми же циклами. Любой народ по тем или другим условиям изживает свой период младенческого состояния индустрии, затем возвышается до апогея, после чего, благодаря конкуренции и новым условиям, утрачивает им достигнутое в период расцвета. Да и каждая промышленная отрасль, каждое пред-

приятие терпит ту же судьбу. Какое либо изобретение дает толчок известной промышленности, оно достигает своего полного развития, но затем появляется на свет новое изобретение, и прежняя промышленность постепенно начинает падать, уступая свое место новой промышленности.

Таким образом, везде и всюду проявление коллективной деятельности, как и проявление индивидуальной жизни, подчиняются закону ритма, имеющего, таким образом. всеобщее значение.

Из вышесказанного ясно, что общественный процесс движется волнообразной линией. После царского режима, после криков о войне до победы, русская революция, как реакция против царского режима и как реакция против криков о войне до победы, перешла очень быстро в большевизм, последний же при некоторой затяжке должен вызвать уклон вправо, который может выразиться диктатурой. Как царизм довел себя до крайних пределов деспотизма во время войны и тем самым изжил сам себя, вызвав реакцию, так и большевизм неумеренным и неосторожным проведением крайних реформ может изжить самого себя. Лишь постепенно взбаломученное общественное море успокаивается путем ослабления волн, пока оно не войдет в спокойные берега. Поэтому лица и партии, берущие среднюю линию, всегда проигрывают в бурные дни революции. Чтобы приспособиться к среде, они должны меняться, как калейдоскопические фигуры.

„Восстание толпы, говорит Г. Лебон (Психология социализма, стр. 133), это только минутные порывы ярости, но под возобновившимся влиянием своих консервативных наклонностей, толпа скоро возвращается к прошлому и сама же требует восстановления тех идеалов, которые она разбила в порыве ярости. Наша история вот уже целое столетие повторяет это нам на каждой своей странице. Едва революция закончила свое дело разрушения, как почти всё, что она ниспровергла, были ли это учреждения, политические или религиозные, всё это было восстановлено только под новым именем".

Хороший пример дает в этом отношении и русская революция. Как известно, революция в войсках началась с убийства офицеров, причем возбуждение против них, перекидываясь из части в часть, привело к огромному количеству жертв. Массе офицеров пришлось спасаться, их унижали, над ними издевались, даже в костюме их сравняли с простыми солдатами, а в некоторых частях заставляли их даже быть кашеварами; однако, с наступлением немцев после Брестского мира, в виду недостатка кадрового офицерства в рядах красной армии, офицеры снова призываются к боевой деятельности.

Вообще, в ходе общественной эволюции обычно бывает так, что, начавшись с какого либо явления, общественный процесс осложняется в дальнейшем новыми ингредиэнтами и затем вновь приходит к упрощению, аналогичному тому, что было в начале. Этот факт может быть иллюстрирован рядом примеров.

Но я остановлюсь на одном, на примере церкви. Первоначально церковь представляет свободное от государственного контроля учреждение в

виде небольшой общины, затем она тесно связывается с государством, являясь служебной частью его правительства, и, наконец, вновь отделяется от государства, получая свою независимость и становясь иерархически организованным учреждением, признанным правительством и государством в качестве свободного и самодавлеющего установления.

VIII. Закон инерции.

В числе других законов коллективной жизни необходимо признать существование закона инерции, общего для всей вообще природы. Под ним мы понимаем закон, которому подчиняются все вообще общественные движения. Благодаря этому закону всякое общественное движение, раз развившись имеет тенденцию распространяться в ширь по всему коллективу, увлекая за собой всё бо́льшее и бо́льшее количество индивидов. Это напоминает своего рода снежный ком, который растет беспредельно вместе с тем, как он движется в соответствующей среде.

„Общество не могло бы жить, не могло бы сделать шага вперед, измениться, не обладая сокровищем рутины, обезьянства и совершенно бараньей стадности, непрерывно возрастающих с каждым следующим поколением“ (Тард, Законы подражания, стр. 76).

То, что называется консерватизмом, относится к проявлению закона инерции, как и всякая вообще рутина.

Как известно, толпа отличается особенной консервативностью. По словам Лебона, очень авторитетного автора (Психология народов и масс, стр. 191): „изменчивость толпы выражается только поверхностным образом; в сущности же в толпе действуют консервативные инстинкты, столь же несокрушимые, как и у всех первобытных людей. Она питает самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас, очень глубокий, ко всякого рода новшествам, способным изменить реальные условия ее существования“.

Самые бурные революции часто в результате имеют ни что иное, как перемену в названиях учреждений, которые являются результатом вековых традиций.

Всякое общество в отношении идей всегда отстает от ученых и философов на несколько поколений.

Яркий пример закона инерции показывает, как был восстановлен отмененный во время французской революции католический культ, вследствие общих требований. Вот самый доклад бывшего члена Конвента Фуркруа, приводимый Тэном: „Повсеместное празднование воскресного дня и посещение церкви указывает, что масса французов желает возвращения к прежним обычаям, и теперь не время противиться этой национальной склонности... Огромная масса людей нуждается в религии, культе и священниках. Ошибка

нескольких современных философов, в которую я и был вовлечен, заключалась именно в том, что они полагали, будто образование, если оно достаточно распространено в народе, может уничтожить религиозные предрассудки. Эти предрассудки служат источником утешения для огромного числа несчастных и надо следовательно оставить народной массе ее священников, ее алтари и культ".

Попробуйте провести радикальную реформу в любом деле и вы увидите, как велика косность людей, ибо, в конце концов, эта реформа не может быть осуществлена именно по причине этой косности. Отчего великие революции не достигают своей конечной цели? опять таки от того, что косность народных масс не может быть преодолена.

С другой стороны, начавшееся общественное движение, получает тенденцию к дальнейшему развитию.

Даже искусственно воздвигаемые препятствия в виде преследований, если и задерживают общественное движение, то лишь не надолго, ибо общественное движение, имеющее глубокие корни во внешних или внутренних условиях жизни обществ, несмотря на все преследования, всё более и более укрепляется в умах, и даже жертвы ему идут на помощь, ибо окружают его ореолом мученичества. Если же оно по каким-либо условиям проявилось слишком рано, оно может быть временно преодолено действием тормазящих влияний, но с течением времени вновь оживает при более благоприятных условиях.

При этом, всякое общественное движение, раз развившись, при благоприятных условиях продолжает развиваться в том же направлении.

Если этого на самом деле не происходит, и то или другое общественное движение с течением времени прекращается или приостанавливается временно, то это зависит от каких либо внешних тормазящих условий или от внутренних тормазящих условий среды, в которой оно развивается. Если, с другой стороны, направление общественного движения изменяется, то это опять таки зависит от каких-либо сторонних влияний.

Закон инерции приводит к тому, что всё раз достигнутое, осуществляется при повторении того же раздражения, приводящем к развитию навыка и упражнения.

Дело идет, в конце концов, о коллективных репродуктивных рефлексах, которые всё с бо́льшей и бо́льшей легкостью осуществляются при повторении. Отсюда складываются общественные привычки и тенденции, которые основаны на подражании молодых старшим и новых элементов данной ассоциации более старым членам той же ассоциации. Отсюда каждое поколение в бо́льшей или меньшей степени идет по пути предшествующего поколения по раз проложенному пути, сохраняя его установления и обычаи, и только новые условия жизненной обстановки приводят к тем новшествам, которыми ознаменовывает свою жизнь новое поколение.

Само собой разумеется, что закон инерции сильнее действует там, где жизненные условия приводят к изолированности народа и к бо́льшему еди-

нению в его среде старших и младших, как это мы видим, например, в Китае, географически обособленном от других народов, и при пастушеском образе жизни всех вообще кочующих народов. Это и приводит к необычайной консервативности таких народов, сохраняющих в течение веков свой патриархальный образ жизни и соответственно ему свой жизненный уклад, причем он переходит до наших дней в том самом виде, в каком мы встречаем его на заре цивилизации.

Наоборот, воинственные народы, как часто сталкивающиеся с другими народами в периоды походов, отличаются всегда и бо́льшей прогрессивностью, хотя здесь имеют место и другие причины, как например, усиленное соперничество со своими соседями во всем, что относится к прогрессу, без чего и самая борьба не может оказаться успешной.

Причины и поводы многих обычаев и навыков теряются в тумане древности, и в настоящее время не может быть даже открыт их смысл; но тем не менее они обязательно воспроизводятся из поколения в поколение по традиции или рутине. Возьмите, напр. святочное гадание: кто может определенно сказать, почему оно приурочивается именно к рождественской ночи или к крещению, и почему оно не приурочивается к пасхальным дням?

С другой стороны, различные установления в настоящее время обставлены целым ря́дом бесцельных обрядностей, которых происхождение темно или неизвестно, и которые тем не менее неуклонно осуществляются народами в соответствующих случаях. Наконец, множество бесполезных социальных установлений, до различных форм этикета включительно, удерживаются по закону инерции, лежащему в основе общественного консерватизма.

Задержка того или иного общественного движения зависит не от того, что оно само беспричинно, так сказать, теряло-бы силу, а вследствие того, что по условиям времени и сцеплению обстоятельств прежние силы, его поддерживавшие, либо нашли себе иной исход, либо само движение, встретив противодействие в том или ином отношении, подверглось временному торможению.

Лучше всего это может быть доказано на примере.

Возьмем христианство. Явившись, как реакция на грубое материалистическое воззрение язычества, оно начало всё больше и больше завоевывать умы и достигло своего апогея в средние века, когда оно восторжествовало окончательно над язычеством. Если с течением времени христианство перестает играть прежнюю общественную роль, то это находит свое об'яснение в новом укладе общественной жизни европейских народов, наступившем вместе с развитием индустриализма и движения науки. То же самое мы имеем и в других общественных движениях.

Благодаря вышеуказанному закону, всякое общественное движение, раз развившись, обнаруживает тенденцию поддерживать раз принятое направление движения. Это своего рода рутина в общественной деятельности. При этом общественная среда отличается вообще большою косностью. Повидимому, чем меньше образована общественная среда, тем больше в ней косности.

Отсюда сохраняемость утративших свое значение обычаев, верований, традиций.

Всякое нововведение проводится в жизнь не иначе, как при существовании подготовленной почвы и когда старый уклад уже отжил или пережил себя в противном случае нововведение не осуществляется. Сколько законов остается на бумаге только потому, что они не подготовлены жизнью. С другой стороны, насильственное введение чего либо в общественную жизнь встречает всегда соответствующий отпор и сопротивление.

Достаточно вспомнить картофельные бунты в России, противодействие оспопрививанию, дезинфекцированию местностей во время холерных эпидемий и т. п., чтобы составить себе об этом ясное представление.

Даже введение стальных перьев на место гусиных некогда вызвало резкую оппозицию со стороны многих и лишь постепенно завоевало себе право гражданства.

Наконец, то, что может быть названо традицией и привычкой в общественном деле, может быть сведено к тому же закону инерции.

Далее то, что называется престижем и авторитетностью в глазах толпы, разве не дает, в свою очередь, примера закона инерции, ибо всем известно, что авторитет даже и после того, как он совершенно выдохся, еще способен подчинять себе массы, которые идут за ним по инерции, находясь под его обаянием.

С другой стороны, если происходит острый сдвиг общества в определенном направлении, то он обычно получает тенденцию идти дальше того, что признавалось бы достаточным по ходу дела, и, при том, чем бурнее происходит самый сдвиг, тем больше проявляется вышеуказанная тенденция.

Всякое общественное движение, раз начавшись и получив известные корни в общественной жизни, при благоприятных условиях продолжает развиваться, пока не исчерпает весь подходящий материал в обществе, и, если оно не воспрепятствовано какими либо мерами, оно развивается и далее, пока не потеряет свой общественный raison d'être.

Таким образом, в начале движение всегда наростает до известного предела, после чего ослабевает, постепенно замирая за недостатком материала. При этом, то или другое движение в периоде наростания, не будучи чем нибудь задержанным, достигает обычно своих крайних пределов.

Когда это случится, движение встречает противодействие со стороны групп, сплачивающихся между собою для отпора, и общественное движение переживает свой кризис. Так, революция, докатившись до своих крайних пределов, находит себе обычный отпор в контр-революции.

Но при волнообразном ходе общественных движений, при котором за апогеем движения следует общественный перелом, а за последним наступает вновь обратный уклон волны и т. д., благодаря вышеуказанному закону размах общественного движения, принявшего определенное направление, идет дальше тех пределов, где он должен был бы остановиться. Так, современная русская революция вместо того, чтобы быть всенародной, какой она и была в самом

начале, подверглась столь сильному уклону в сторону господства пролетариата, что сделалась в сущности партийной, отвечающей интересам одного пролетарского класса.

Революция 1905 г. также, как известно, перешла в экспроприации и бомбометание, что, в свою очередь, вызвало реакцию в широких слоях русского общества, резко отшатнувшихся от этих диких форм революционного движения. После революции 1905 г., в период реакции, достигшей своего апогея, уклон общества вправо опять таки достиг такой степени, что он далеко не соответствовал существующему соотношению общественных сил.

По вышеуказанной причине промежуточные оппозиционные группы, имеющие преобладающее влияние на умы во время общественного застоя, наоборот, теряют свое влияние во время народных движений. Первое объясняется тем, что массы, проявляющие недовольство, склонны прислушиваться к проповеди лучших условий жизни, но они не поддаются крайним течениям в такой мере, как умеренным, ибо первые кажутся им утопическими, да и пропаганда их сильно затрудняется в период общественного застоя и реакции. Поэтому, в период народных сдвигов и переворотов первыми делают историю умеренные партии, но, когда сдвиг уже обозначился и совершается переворот, когда, вместе с тем, и условия пропаганды сильно облегчаются, более крайние течения приобретают перевес благодаря тому, что они дают большее удовлетворение оппозиционным требованиям народа, ибо они действуют решительнее, и, благодаря этому, открывают более широкие горизонты на будущее. Наконец, они опять становятся оппозицией по отношению к умеренности и увлекают за собой тех, которые следовали ей.

Можно уподобить это движению воза. Чтобы сдвинуть его с места, нужны, главным образом, усилия коренника, пристяжки же здесь играют лишь вспомогательную роль. Но, когда воз сдвинут с места, дружное действие пристяжек приводит воз в такое движение, которое никогда не может развиться с помощью силы одного коренника.

Нельзя забывать, кроме того, что во время народных движений самые консервативные элементы, составлявшие до сего времени стоячую воду и общественное болото, пристают к движению и, стремясь воспользоваться событиями, чтобы вывести себя из ничтожества, зачисляют себя в группы самых передовых, т. е. более крайних течений.

Между тем, умеренные элементы, привыкшие слушать своих вожаков, остаются верными их лозунгам и отстают вместе с их вожаками в общественном движении. В конце концов, эти умеренные течения теряют почву в большой волнующейся массе, их перестают слушать, постепенно они утрачивают доверие у своих собственных слушателей, видящих успех других деятелей. Поэтому, стараясь спасти свое положение, они вступают в соглашение с более радикальными партиями и, наконец, сходят со сцены осмеянные и, будучи преследуемы торжествующими более крайними течениями, часто погибают. Такова судьба всех умеренных течений во время народных переворотов.

Примером может служить судьба жирондистов во время великой французской революции и судьба русских кадетов во время большевистского переворота.

Ясно, что законы инерции действует здесь в двояком направлении. Одни, благодаря ему отстают, оставаясь на прежнем месте: таковы умеренные; другие, увлекаемые потоком движения, стремятся всё дальше, достигая наиболее отдаленных уклонов общественного сдвига.

Благодаря тому же закону инерции, власть даже без достаточной опоры в населении держится еще долгое время после того, как она утрачивает общие симпатии и поддержку. Известно также, что начавшаяся паника продолжается некоторое время и после того, как для нее уже нет больше оснований. С другой стороны, под влиянием одержанного успеха войска идут дальше того, что им предоставлено взять по задуманному плану, и часто встречают непредвиденное сопротивление.

Когда разростается какое либо народное движение, оно с каждым своим успехом открывает всё новые и новые перспективы, вследствие чего требования его вожаков возрастают всё больше и больше. Борющаяся с этими движениями власть, напротив того, учитывает только достигнутые результаты и, в силу самозащиты, старается урезать в своих уступках как можно более, а в мероприятиях идет не столько в предвидении фактов, сколько за самими фактами. Отсюду всегдашнее явление, что власть запаздывает со своими уступками, что в сущности всегда служит на пользу прочно вкоренившемуся движению, которое и в этом запаздывании и в этом урезывании уступок находит новый предлог для своих нападок, агитируя в пользу справедливости своих требований. С другой стороны, когда победительницей является одна сторона или одна партия, то, обыкновенно, она не в меру пользуется своим положением, игнорируя, более или менее полно, интересы другой побежденной стороны, и тем самым дает повод для недовольства и возникновения в среде ее при благоприятных условиях резкого противодействия или даже открытого возмущения и мятежа.

Возьмем пример из русской революции. По справедливому заявлению центрального органа Рос. Соц.-Дем. Рабочей партии „Рабочей Газеты", так наз. „мятеж" главнокомандующего Корнилова был подготовлен собственно ошибками революции. Вот что мы читаем по этому поводу в „Дне" (за 31 августа 1917 г.): „центральный орган Рос. Соц.-Дем. Рабоч. партии обрел мужество в момент, когда еще не ликвидирован был вполне мятеж ген. Корнилова, открыто заявить, что этот мятеж подготовлен, в той или иной мере, ошибками революционной демократии. Пренебрежение к задачам обороны страны, уступчивость по отношению к анархистским лозунгам и анархистским группам в среде демократии, политика изоляции пролетариата от прогрессивных слоев имущих классов, отбрасывавшая эти классы от революции с быстротой, совершенно не соответствующей ни их интересам, ни интересам самой демократии,—всё это вместе взятое готовило почву для взрыва контр-революционных сил, принявшего на сей раз форму корниловского похода на Петроград.

Уступчивость в сторону революционного авантюризма и неуступчивость в сторону имущих классов одинаково питали почву контр-революции и со времени печальной памяти июльских дней мы неотвратимо шли к реакционному перевороту.

К счастью для России он принял форму плохо выполненной корниловской авантюры. Но было бы величайшей ошибкой думать, что ликвидация плохо выполненной реакционной авантюры есть вместе с тем и ликвидация самой контр-революции".

Нужно иметь в виду, что для развития недовольства против руководителей главенствующей партии достаточно ухудшения общих жизненных условий, хотя бы оно и не зависело собственно от руководящей партии.

Достаточно, чтобы развилось общее недовольство отчего-бы то не было, а затем оно так или иначе выливается в протест прежде всего против ответственных лиц или против тех, которые признаются ответственными в бедствиях народа. Так бывает напр. при всех голодных бунтах.

Вот почему в годину тяжелых народных испытаний развивается как бы инстинктивное стремление создать власть не партийную, а всенародную, чтобы в ней получили отражение, по возможности, все элементы страны для противодействия кризису.

Поэтому, во время великой мировой войны в таких парламентарных странах, как Франция и Англия, явилась уже в самом начале войны необходимость коалиционных министерств.

В России это вылилось в форму требований первоначально министерства доверия, а затем ответственного министерства.

Правда, это не было осуществлено, но зато царская власть и поплатилась революцией. В течение первого периода последней, опять таки голоса большинства людей своим лозунгом выставляют требование коалиционного министерства, состоящего из представителей социализма и буржуазии, ибо однопартийное правительство в столь ответственные моменты истории ответственным быть не может.

Наконец, закон инерции виден и в том, что, когда сплочение коллектива состоялось, оно удерживается путем одной внутренней дисциплины, как своего рода дрессировки, но оно удерживается лишь до тех пор, пока не произойдет какого-либо толчка, который может разом вывести коллектив из неустойчивого равновесия и тем привести его или к распаду, или к дезорганизации.

В зависимости от закона инерции стоит и то обстоятельство, что раз начавшееся движение никогда не прекращается сразу. Будучи подавлено силой, оно всё же ликвидируется не вдруг и притом подвергается чаще всего лишь временному тормажению, ибо с течением времени оно может осуществиться вновь с прежнею или еще с бо́льшею силою, если не будет отвлечено в каком либо ином направлении. Так, первая русская революция 1905 г., задавленная тяжелой пятой реакции, возгорелась еще с бо́льшею

силою в 1917 году и смела в один миг ту власть, которая ее распинала в течении первой революции 1905 г.

Но и в ином направлении проявляется закон инерции в общественной жизни. „Ряд актов общения, повторяясь много раз в силу тех или иных причин, в результате приобретает силу привычки, влекущей нас к продолжению взаимодействия в силу инерции, без всяких других причин и условий Коллективное единство, однажды возникшее и существующее определенное время, по истечении известного числа повторений взаимодействия, далее может существовать инертно, вплоть до того момента, когда какая либо сила не заставит к привычке присоединить новое условие для поддержания разрывающейся связи взаимодействующих единиц. Инертная сила повторения ряда актов известна. Достаточно сказать, что многочисленная и однообразная реакция человека на тот или иной раздражитель механически, спонтанно будет вызывать эту реакцию, как только будет дан соответственный раздражитель. Иными словами, повторение создает привычку, привычка создает шаблоны действия, спонтанно заставляющее нас поступать согласно этим шаблонам. В этом смысле привычку можно не в переносном, а в буквальном значении этого слова назвать биологической инерцией“ (П. Сорокин. Система социологии, т. I, стр. 301—302).

Имеется бесчисленное количество примеров в социальной жизни, где привычка—инерция играет главную роль. Продолжение брачных союзов, когда они утратили уже реальную основу, продолжение торговых связей с определенными лицами, когда существуют тысячи торговых соотношений с другими лицами, продолжающееся участие в том или другом кружке, партии, обществе и других организациях после того, как духовное согласие прекратилось, представляют явление общественной инерции. К явлениям общественной инерции следует отнести и привычку к смертным казням, к расстрелам и к чему угодно, ибо если первоначально всякая необычная кара вызывает резкую общественную реакцию, то со временем к ней уже относятся с полным равнодушием, как ко всякому заурядному явлению.

Согласно закону инерции и авторитет отдельных личностей, начав возвеличиваться в глазах толпы, прогрессивно растет нередко даже не в зависимости от обстоятельств и продолжает иногда долгое время еще удерживаться, когда заслуги давно уже миновались, а новых не существует и не предвидится.

Это нетрудно проследить на любом примере, но особенно бросается в глаза — это безудержное возвышение авторитета по инерции в войсковых частях, где тот или другой успех быстро возвышает в глазах толпы его виновника, который продолжает вырастать в глазах толпы всё более и более, достигая на известном уровне апогея своего величия: Caesare, Caesare, morituri te salutant, — вот возглас, олицетворяющий безграничный авторитет военноначальника перед толпой.

Закон инерции немало содействовал сплочению обществ и их однородности. Так, некоторые из небольших ассоциаций, благодаря особенностям

своего жизненного уклада, передаваемых согласно обычая из рода в род и из поколения в поколение, удержались от сторонних влияний, сохранив свою коллективную физиономию в течение ряда веков. Таким образом, и социальная наследственность является одним из проявлений закона инерции.

Во Франции, напр., давно разрешены браки и похороны без участия церкви, и рабочие вообще нередко подсмеиваются над всем, что относится к религии, а между тем, по свидетельству Г. Лебона (Психология социализма, стр. 40), браки без участия представителя церкви очень редки среди рабочих. Брачный договор, заключенный в мэрии, кажется им недостаточным. Дело сводится, очевидно, к известной устойчивости религиозных верований, несмотря на все усилия подорвать веру и религию. То же самое мы имеем и в России в период второй революции.

Несмотря на декрет об отделении церкви от государства и декрет о разрешении браков в комиссариате, оказалось очень мало желающих воспользоваться столь упрощенным способом бракосочетания.

Благодаря тому же закону инерции, формы правления, напр. старые монархии, переживают самих себя и почти при первом натиске революционных движений сметаются в один миг, как карточные дома.

В политической жизни стран можно указать на Англию, как на пример, где по инерции удержалась внешняя форма монархического образа правления, тогда как по самой сущности дело идет о республиканской форме правления.

Другим примером может служить пережиток царской власти в России за последний период власти дома Романовых. В конце концов, она явилась олицетворением не власти царя, а кучки проходимцев, которые пользовались органом царской власти в собственных выгодах, ибо истинной царской власти в России уже не было во всё время царствования Николая II.

В конце концов, инерция является той консервативной силой, которая является хранителем национальных и классовых особенностей и исторических черт в характере населения.

Тард подводит некоторые из явлений, об'ясняемых законом инерции, под понятие контр-подражания, но это контр-подражание, в конце концов, есть продукт его увлечения мнимой всеобщностью законов подражания в коллективной жизни общества, ибо, в конце концов, его контр-подражание и доказывает, что коллективная жизнь не подчиняется одному только закону подражания, ибо есть в ней и нечто такое, что противоречит закону подражания, что не может быть под него подведено ни под каким видом и что, как противоположность закону подражания, было совершенно ненаучным образом обозначено именем контр-подражания.

Вообще говоря, коллектив гораздо более консервативен, чем отдельный индивид. Первому труднее усвоить любое новшество, труднее заставить его отказаться от старого уклада жизни. Все обычаи, общественные традиции, пережитки старины и даже просто остатки прошлого быта должны быть отнесены насчет закона социальной инерции.

Посмотрите, как переживает современное общество самые тягчайшие испытания в период войн. Казалось бы, в связи с событиями последнего времени, вся жизнь его в известные периоды должна перевернуться вверх дном, а между тем продолжается прежнее посещение публикой театров, кафе-шантанов, кабаре и проч. увеселительных учреждений, как-будто ничто не изменилось, как-будто всё остается по старому. Со стороны это производит отвратительное впечатление пира во время чумы. Когда иностранцы выражали возмущение, наблюдая, как во время несчастной для нас Цусимы Петербург наполнял театры и кафе-шантаны, они были правы, ибо они были временные гости Петербурга и не вошли в его жизнь, а потому и не поддались закону инерции, но обыкновенному обывателю, какое дело до Цусимы. Он привык днем выезжать по гостям, вечером быть непременно в театре или кафе-шантане и он от этого не откажется, ибо в его действиях сильна сила традиции.

Еще в более тяжких условиях Россия переживала 1917 г., когда затянувшаяся война привела к полному расстройству внутреннюю жизнь страны и к сокращению продовольствия до голодного пайка, сведенного до минимума. Но что из этого. Казалось бы можно было ожидать народного восстания. Ничуть не бывало; в праздничные дни Рождества, несмотря на голодный хлебный паек и всю тяжесть переживаемого времени, предпраздничная суголока идет своим обычным порядком, ни в чем не отступая от обычной картины.

Вот, напр., как характерно описывают эту предпраздничную сутолоку в Москве, где хлебный паек ко времени рождественских праздников был сведен до $^1/_4$ фунта на человека с предупреждением, что может быть и эта $^1/_4$ фунта хлеба будет в дальнейшем убавлена. Московский корреспондент („Наш Век", 31 декабря 1917 г.) по этому поводу пишет: „могу констатировать: Москва оправдала возложенные на нее, на ее испытанные качества ожидания; она приняла и этот ущербленный хлебный паек и предупреждение о возможном его обращении в сладкую мечту с похвальным спокойствием и даже как-будто равнодушием. „Что такое паек, когда нужно хлопотать о гусе". Не так давно могли с пафосом восклицать: быт не умер, нет быт жив. Быт живуч и цепок, он держится крепко. В Москве, пожалуй, даже крепче, чем где-нибудь еще в пределах республики советов. И этот быт сумел вдвинуть в трагические рамки переживаемого всё грандиозное содержание праздников, все их исконные детали и аксессуары".

Со стороны, напр., русскому-военнопленному за границей кажется, что в России начался „всемирный потоп", и он не знает, где ковчег, на котором может спастись Россия. Но „удивлению его, во всяком случае, не было бы предела, потому что на фоне потопа он увидел бы почти обычные праздничные и предпраздничные узоры. Потому, что в „потоп" как-то вместились и суетящиеся в обычных покупках улицы, и битком набитые гастрономические и кондитерские лавки, изливающие потоки людей с кульками, коробками, пакетами, ласково мигающие огоньками елки и веселые вечеринки с просты-

нями-афишами несчетных театров, театриков, кабаре, кафе-шантанов, кинематографов с репертуарами дневных и вечерних спектаклей"...

То, что происходило в Москве, то приблизительно происходило и в Петрограде, да в последнем и вне праздников в самые тяжелые моменты политических событий мелькают афиши с заглавием „веселый бал", где поясняется, чтобы „дамы не забывали пригласить своих кавалеров, а кавалеры своих дам", где происходят „беспрерывные танцы" с участием артистов в публике, где будут происходить конфети, серпантин, почта, игра в снежки и тому-подобные благоглупости, причем даме, получившей наибольшее количество открыток, предоставляется приз в виде серебряного сюрприза. И это в то время, когда старая Россия государственно и экономически гибла, когда отделялась Финляндия, отторгались целые области на западе в пользу Германии, когда шли кругом грабежи, когда по улицам нельзя было ходить безопасно, ибо вы рисковали тем, что с вас снимут пальто, шубу и разденут до рубашки.

Далее, хотя в периоде борьбы с установившимся режимом не бывает недостатка во всевозможных обвинениях предержащих властей, но, когда оппозиция берет верх и является победительницей, она обыкновенно проявляет на первое время большую суровость по отношению к побежденным. Лишь мало по-малу это отношение сглаживается по мере того, как наступает общее успокоение, но если вслед затем наступает новый переворот, он опять сопровождается более суровыми репрессиями в первое время, нежели то было раньше.

Точно также и в битвах народов. Первоначально наступающий терпит значительные потери от сопротивления врага, но когда это сопротивление сломлено, то победитель всегда вознаграждает себя жестокой расправой с побежденным. Очевидно, здесь играет роль, в первое время, род мести, обусловленной необходимостью подавить сопротивление, и чем сильнее последнее, тем больше озлобление, которое и проявляется крайне бурно в тот период, когда победитель вступает в свои права после одержанной им победы. Здесь, очевидно, действует опять-таки закон инерции и действует в том отношении, что развивавшееся в периоде борьбы озлобление продолжает наростать и в дальнейшем с обозначившейся победой, когда, казалось бы, уже не должно быть места озлоблению и даже нет более подходящих для него условий.

Почему войны, не приносящие решительных побед, кончаются в большинстве случаев посредничеством. Это потому, что народный энтузиазм одной стороны не знает меры и не может остановить свои устремления и вожделения на известной границе. Но то же происходит и с другой стороной, ибо так велика сила инерции, что ограничить себя, остановить свое движение на определенном пункте народные массы не в состоянии.

С другой стороны, разве скоро утихает взбаломученное море народных движений: революционная война, однажды развившись, разве не докатится до своих пределов, если только она не встретит специально нарочитого противодействия.

Такое великое событие, как война, не прекращается без того, чтобы кинетическая энергия народа не вылилась в другую форму. В России после великой войны она и вылилась первоначально в революцию, а затем в гражданскую войну. Конечно, умелым управлением народным организмом можно достичь более целесообразного направления кинетической энергии народных масс. Но, во всяком случае, здесь дело идет ни о чем другом, как о подавлении кинетической энергии одного направления для того, чтобы направить ее по другому руслу.

С другой стороны, и революционные движения при своем развитии не знают никаких границ и никаких пределов, разрушая на своем пути всё, что им противится и что против них саботирует, и переворачивая без достаточного основания всё, что, казалось бы, могло оставаться нетронутым и пощаженным. Когда развивается то или другое движение в области художественного творчества, оно опять переходит за грань допустимого. Примером может служить всем известный футуризм в живописи и поэзии, кубизм и другие ответвления модернизма.

Новые религиозные учения также принимают такие формы, которые выходят за пределы допустимого. Каждая мода, постепенно развиваясь, быстро достигает такой степени, что становится для всех явно уродливой и только тогда сменяется новой модой, которая, в свою очередь, достигает своих нелепых форм, после чего снова сменяется другою модою. Даже наука, точная наука, где, казалось бы, не должно быть места увлечениям, и та по закону инерции доводит то или другое новое учение до крайних пределов допустимого. Этим об'ясняются всевозможные крайности в научно-практических областях знания, напр., в медицине, педагогике и др. Так, всем известно, до каких крайностей доходили в свое время гуморалисты, затем представители целлюлярной патологии, всевозможные увлечения туберкулином при лечении чахотки, препаратом Erlich'a при лечении прогрессивного паралича и т. д.

Очевидно, что формулы и положения, которые властвуют над умами людей, вырабатываясь и развиваясь медленно и постепенно путем долгой эволюции, вместе с тем также медленно и постепенно теряют и свое значение. И в то время, как для образованных людей они уже перестают быть истинами, среди необразованных масс они еще долгое время продолжают играть роль руководящих положений в жизни, как непреложных истин.

Влияние греческого и римского мира в науках и искусстве, как известно, длилось много веков еще после того, когда оба языка уже умерли и отошли в область преданий, и, в сущности, до сих пор еще мир Европы находится под влиянием греческого искусства, а различные учреждения под влиянием созданий римского ума.

Когда овладевает умами новая идея, нужно много времени и усилий, чтобы ее вытеснить полностью другою. „Прежде, чем окончательно умереть, она будет долгое время составлять часть старых наследственных идей, которые называют предразсудками, но которые мы, однако, уважаем. Старая идея

даже тогда, когда она не более, как слово, звук, мираж, обладает магической властью, способной еще подчинять нас своему влиянию. Так держится это старое наследие отживших идей, мнений, условностей, которые мы благоговейно принимаем, хотя они не выдержали бы малейшего прикосновения критики, если бы нам вздумалось исследовать их". (Г. Лебон. Психология народов, стр. 117).

Вообще, старые обветшавшие идеи еще долго влияют на умы, принимая форму предрассудка.

„Преклонимся пред силою идей, говорит Лебон (там же, стр. 122). Когда она уже достигла известного периода своего развития, то нет уже ни рассуждений, ни доказательств, которые могли бы ее победить. Чтобы народы могли освободиться из под ига какой нибудь идеи, нужны века или насильственные революции, а иногда и то, и другое. Человечеству остается только считать химеры, которые оно себе вымышляло и жертвой которых последовательно становилось".

Законом инерции об'ясняется также вера в авторитеты и всё, что относится к общественным условностям, привычке, заветам и влияниям предков, столь могущественно проявляющимся везде и всюду. Наконец, роль преданий и их главенство в жизни относится к этому же порядку явлений. По словам Тарда (Законы подражания, стр. 241), „обаяние преданий, завещанных предками, повсюду преобладает над стремлением к новизне. Не составляет исключения в этом отношении даже наше современное общество, столь обильное всевозможными заимствованиями в сфере языка, идей, учреждений, литературы. Сравним, напр., новые слова, заимствованные в последнее время французскою речью из языков английского, немецкого, русского с одной стороны, и, с другой,—весь старый французский словарь; или новейшие идеи эволюционизма и пессимизма со всем строем усвоенных традиционных воззрений; или новейшие законодательные реформы со всем французским кодексом, в основе своем современном римскому праву и т. д. Таким образом, подражание новой моде составляет лишь незначительный ручеек подле великой реки преданий и обычаев, и это вполне естественно". Вообще говоря, элемент традиции в коллективах всегда имеет преобладающую роль.

Обаяние древности переходит в нравы и даже в язык. Так, по словам Достоевского (Записки из мертвого дома), в Сибири из угождения к человеку говорят, что он имеет престарелый вид, собеседника же называют старшим братом, а обращаясь к двадцатилетнему юноше, говорят: „мое почтение дедушке такому-то". Эти обычаи, повидимому, занесены из Китая. Но и в древнем Египте, и в Риме, да и всюду старина почиталась высоко, как она почитается и ныне.

На этом основании национальная ориентировка (так наз. национальное сознание суб'ективной психологии) является результатом признания ценности истории своего народа, причем она обусловливает стремление увеличивать и множить эти ценности. Сохранение традиций поколений дает возможность удерживать известную определенность и преемственную последова-

тельность взглядов в этом отношении, которое, репродуцируя прошлое, как бы соблюдает ответственность перед умершими, оказывая им необходимый почет, и подготовляет почву будущим поколениям, которые придут на смену живущим. Этою живою преемственностью поколений сохраняются культурные ценности нации, которая сама себе довлеет; культурные же ценности нации обусловливаются, собственно, синтезом творчества личности с коллективным процессом, сплачивающим людей в одно целое.

Вполне естественно, поэтому, что в каждом общественном организме консервативные партии являются хранительницами заветов старины и обычаев народа. Эти партии, подразделяющиеся на более мелкие коллективы, как выразители общественной инерции, в то же время образуют тормозы, препятствующие всякому общественному прогрессу, ибо в то время, как прогрессивные партии стремятся к достижению новых прав и всякого рода новшеств, заимствуемых от иностранцев, консервативные партии отвергают и новые права, и всякого рода новшества, признавая унаследованные от предков обычаи и законы наиболее гарантирующими блага жизни.

Наконец, и в экономической жизни господство закона инерции более, чем очевидно.

Согласно этому закону, установившаяся цена на те или иные продукты отличается устойчивостью, независимо даже от условий спроса и предложения. Нужны, в самом деле, более или менее резкие влияния, чтобы цены сдвинулись с той высоты, на которую они однажды поднялись. При этом, однако же, цены легко вздуваются, но не легко опускаются, и это понятно потому, что в первом случае они получают толчок в виде выгод продавца, определяющего цены, сообразуясь с данными условиями, тогда как во втором случае, при отсутствии такого толчка, мы имеем чистые проявления закона инерции: с одной стороны, привычку населения к повышенной плате и, с другой, привычку продавца получать бо́льшую плату. С другой стороны, мы знаем, что народившиеся потребности не скоро исчезают в силу того же закона инерции. Можно доказать это положение убедительными примерами. Оказывается напр., что в Европе хлеб не мог быть вытеснен привозным рисом, как в Азии рис не был вытеснен привозным хлебом, именно благодаря сложившейся привычке: в первом случае, благодаря привычке населения есть хлеб, во втором случае, благодаря привычке есть рис.

Под закон инерции надлежит подвести и всё то, что относится к социальной наследственности. Правда, Тард подводит социальную наследственность к законам подражания, но от того или другого названия дело не изменяется. Во всяком случае, наследственность представляет собою консервативную силу, которая удерживает раз сложившуюся общественную форму на более долгое время, чем это вызывается необходимостью.

Всякий коллектив есть живой организм, существующий благодаря воспроизведению и сам осуществляющий воспроизведение самого себя в той же форме, в какой его создает история, каждый данный момент. Культ предков и почтение к ним, сохраняющееся из века в век, обусловливает передачу из поко-

ления в поколение общественных традиций и обычаев и даже суеверий, что и обеспечивает преемственность передачи в потомство приобретений и форм, достигнутых предшествующими поколениями.

„Припомним только, говорит Г. Лебон (Психология народов и масс, стр. 245), как упорно держались в течение долгих веков религиозные суеверия, противоречащие даже самой простой логике. В течение более, чем двух тысяч лет самые блестящие гении склонялись перед их властью, и лишь в современные эпохи явилась возможность оспаривать их достоверность".

По словам Тарда, „человек освобождается (и никогда вполне) из под ига обычая лишь для того, чтобы снова подпасть под него, другими словами, чтобы укротить и утвердить завоевания, совершенные в эпоху временного освобождения. Если в нем сохраняется достаточно жизненности и талант, то он снова затем сбрасывает это иго и делает новые завоевания, но затем снова отдыхает и так далее. Таковы исторические судьбы великих цивилизованных народов" (Тард, Законы подражания, стр. 245).

То же необходимо сказать и по отношению к обрядам. Известно, что язычники, приняв христианство, еще долго придерживаются своих языческих обрядов. Когда наступила эпоха Возрождения, то приверженцы новых взглядов еще долго продолжали удерживать привычки феодальной жизни. Вообще, известно, что формы сохраняются долго после того, как изменились самые основы правового порядка. Далее известно, что, когда материнство было уничтожено, обычай фиктивного материнства по отношению к отцу в виде кувады еще долго сохранялся. Пылающие костры в Иванов день до сих пор еще напоминают нам о поклонении языческим богам. Умыкание женщин давно уже вывелось из употребления, но еще память о нем сохранилась в брачных церемониях. Позднейшие религии, являющиеся на смену прежней, удерживают, в той или иной мере, церемонии последней. Наконец, и в языке мы встречаемся с сохранением прежних корней в том случае, когда слову придается уже другое значение в языке. Вообще, не трудно найти выражения, как бы освободившиеся от своего содержания и передающиеся из поколения в поколение, будучи лишенными своего основного смысла. Далее, мы видим те или иные особенности права, передающиеся из рода в род, несмотря на то, что они возникли при других условиях, в другое время и являются анахронизмом для данного периода времени. В искусстве и литературе не трудно указать много особенностей, которые представляют простые пережитки старины и составляют предмет рутины. Наконец, все так наз. церемониалы—эти „великие музеи истории" по выражению Поля Виолле, представляют собою проявление закона общественной инерции, выливающейся в столь своеобразные формы.

Наконец, придворный этикет и сохранение регалий, разве это не пережиток старины, удерживающейся до наших дней. Словом, закон инерции в общественной жизни господствует везде и всюду, и потому-то так трудно бывает сдвинуть общество с прежних устоев и дать ему новые формы.

Неизбежность революций, повидимому, хранится также в законе инерции, который доводит общество, сжившееся со старыми формами, при нарастании

новых потребностей до тупика, из которого выход один—насильственное сбрасывание старого, давно изжитого уклада жизни и радикальное ее обновление революционным путем.

IX. Закон непрерывного движения и изменчивости.

Один из древних греческих философов учил, что в мире всё движется, всё изменяется, всё течет. Эта мысль встречается и у позднейших авторов в более или менее определенной форме. Так например, у Ш. Т. Летурно (Нравственность, стр. 5) мы читаем: „мы теперь знаем и удивляемся, как мы не могли раньше заметить, что в мире всё непрерывно изменяется, что всё развивается в хорошую или в дурную сторону, что доктрина неподвижности есть только мечта метафизиков. Наши предки ненавидели перемены. Мы их жаждем". И тем не менее, принцип непрерывности движения почему то не введен до сих пор в число основных законов мира, может быть, потому, что его вытеснил всеми признаваемый закон эволюции. Однако, закон эволюции есть закон развития, а это не одно и то же с принципом беспрерывного течения и изменчивости.

Этот принцип гласит, что в мире нет ничего постоянного и неизменного. Каждая вещь, в конце концов, не вечна, она создается и затем разрушается, вследствие чего всякая неизменность должна быть признана только видимостью. В форме первоначального учения этот основной принцип был формулирован еще Гераклитом, в позднейшее же время этот принцип нашел отражение в метафизическом учении Гегеля. Уже в древности Левкиппом и тем же Демокритом было высказано атомистическое учение о вещах в мире, но эти атомы, как и молекулы, признавались, и признаются доныне, находящимися в вечном движении. Из соединения и раз'единения этих атомов и происходят разные формы вещества. Ныне атомы разложены на элементы энергии в виде электронов и положительных ядер или корпускул, которые могут раз'единяться, приводя к распаду вещества (так наз. радиактивные явления). Сами атомы образуют более или менее сложные движущиеся системы электронов вокруг центральных ядер с положительным зарядом. Так дело обстоит в неорганическом мире, который должен быть представляем в виде вечно движущейся энергии, превращающейся из свободной в запасную и обратно, причем и запасная энергия в форме вещества представляет собою нечто, не остающееся в покое, а пребывающее в вечном движении, но движении, так сказать, внутреннего порядка.

Если мы обратимся к органическому миру, то здесь опять-таки мы встречаемся повсюду с движением и только с движением. Растение прорастает из семени, оно вырастает благодаря процессам питания и дыхания, движения соков и химическим превращениям под влиянием солнечной энергии; с

течением времени растение обнаруживает цветение; с этим вместе происходит процесс оплодотворения, созревают семена, из которых вновь вырастает растение, и т. д. и т. д. Словом, дело идет о беспрерывно происходящем процессе или движении и изменчивости.

То же самое мы имеем в мире животных. Процессы зарождения, питания, дыхания, роста, размножения и беспрерывного превращения внешних энергий суть процессы движения и изменчивости и ничего более. Человеческая личность есть опять-таки не повторяющаяся и постоянно колеблющаяся величина, где каждый день дает ей новый опыт, восполняя ее знание и ее навыки. Но если всё вышесказанное справедливо по отношению к неорганническому и органическому миру, то оно также справедливо и по отношению к миру надорганическому или социальному. И здесь мы имеем дело везде и всюду с движением, а следовательно с изменчивостью или процессом.

Общество создается путем взаимодействия двух или нескольких индивидов, но в то же время общество растет и развивается, заимствуя опыт из ранее бывших коллективов и соседних обществ, с которыми ему приходится сталкиваться; общество с ростом дифференцируется и входит в соотношения и союзы с другими обществами. Общество заимствует и подражает и в то же время творит и само; изменяясь с течением времени, испытывает соответствующие превращения. Словом, дело идет о беспрерывном движении, о постоянных превращениях, и нигде нет остановки этого движения, нет покоя.

И затем, что бы мы ни взяли из явлений общественной жизни, мы повсюду встретимся опять-таки с одним лишь движением. Вместе с тем, и отношения личности к обществу и обратно не представляют собою постоянной величины, а меняются то в одном, то в другом отношении. Политические формы управления меняются вместе с тем, как прежние отживают свой век. Самая форма правления в государстве не остается постоянной и, хотя более медленно, но сменяет одна другую. Политические связи народов меняются в зависимости от международной кон'юнктуры: союзы и соглашения сменяются распрями и войнами.

Еще бо́льшей подвижностью отличается экономическая жизнь. Достаточно следить за котировкой биржевых бумаг, чтобы иметь понятие, как быстро меняется отношение публики к ценностям и как беспрерывно колеблется денежный рынок. Что касается торговли, то она вся состоит в оборотах и в движении.

Если мы обратимся к языку, то вряд ли нужно доказывать, что он не представляет чего либо неподвижного, а напротив того, всякий язык живет, постоянно развиваясь, причем одни слова стареют и отмирают, другие нарождаются вновь. Кроме того, слова меняются в своем значении, вследствие чего их смысл не стоит в соответствии с корнями и происхождением слов. Эта постоянная изменчивость языка сказывается в течение веков в такой степени, что с течением времени нарождаются путем смешения новые языки, происхождение которых от языка прародителя может быть выяснено только сравнением корней.

Даже самые понятия не остаются неизменными, а, наоборот, с течением времени одно и то же слово или обозначение приобретает совершенно иной смысл, иное содержание. Как на один из многочисленных примеров изменения смысла слова, можно указать на слово „самодержавный", которое в эпоху Ивана III обозначало державную самостоятельность, тогда как впоследствии то же слово стали связывать с понятием неограниченности власти царя.

Возьмем затем литературу: мы знаем, что это опять-таки живой организм, ибо всякая литература переживает младенческий период своего существования, период дальнейшего развития и возмужалости или зрелости и даже период дряхлости. Вместе с тем, в литературе мы имеем постоянную смену направлений и еще более частую смену настроений, являющихся отражением вечно меняющихся общественных настроений.

Не меньше изменений претерпевает и научная литература, где с накоплением фактов одна прежняя гипотеза сменяется новой, где идет безпрерывная лабораторная работа, дающая с каждым днем новое обоснование старым теориям или подводящая фундамент под новое здание, в виде ли новой научной теории или даже в виде новой научной дисциплины. То же необходимо иметь в виду и по отношению к искусствам, где художественное творчество выявляет всё новые и новые формы и где опять-таки мы встречаем беспрерывную смену школ, направлений и стилей.

Таким образом, всё в надорганическом мире, как и в мире органическом, подвергается изменению, всё течет, и можно согласиться с тем, что вся вселенная, в конце концов, представляет собою один процесс беспрерывного изменения, связанного с творчеством. Как мы уже говорили, это учение старое и берет начало еще со времен древней Греции, хотя следы его можно найти еще раньше.

Самая форма мирового движения представлялась различными представителями мысли неодинаково. По одним, куда должны быть отнесены Вико, Нитше, Лебон и Бланки, дело сводится к вечному и постоянному круговращению, возвращению прежних форм, к возобновлению одних и тех же изменений причем с достижением последней стадии наступает возврат к первоначальной стадии, вследствие чего мир представляет собою как бы циклическое течение. Еще в Экклезиасте (гл. I, ст. 4—10) мы читаем: „род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь". „Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться,—и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое", но это было уже в веках, бывших прежде нас". Если мы сравним эти стихи с позднейшим учением, напр., Г. Лебона, по которому: „эволюция мира в последнем анализе состоит из двух очень различных фазисов: из фазиса сгущения энергии в атомы и из фазиса расходования этой энергии", то мы,

в сущности, будет иметь ту же мысль, выраженную лишь другим языком, согласно новейшему учению об энергии.

Дело идет, таким образом, о кругообращении энергии из свободного состояния в связанное в форме атомов и освобождении ее в мировое пространство, после чего в течении миллионов лет энергия снова переходит в состояние атомов. По Г. Лебону: „начало возникновения вещей, без сомнения, только повторение старого. Ничто не позволяет думать, что вещи впервые существуют, так же как нельзя допустить, что они навсегда исчезают и больше не возникают". (Г. Лебон, Эволюция материи. СПБ, 1909).

В надорганическом или социальном мире эта теория была применена Вико, согласно которому народы в своем историческом развитии переходят от стадии богов через стадии героев к стадии людей, после чего снова начинается первая стадия с некоторым, однако, изменением и т. д. Это учение, как легко видеть, предполагает, что в мире имеется ограниченное число форм для осуществления неизбежных изменений.

Но, по другому взгляду, мы как раз имеем нечто обратное, ибо число форм для происходящих изменений может быть бесконечным, притом же процесс происходящих в мире изменений представляется не повторяющимся и, следовательно, необратимым. В этом случае процесс изменений может осуществляться в одном направлении, но при этом не предрешаются самые пути этого изменения.

Но имеется и средняя точка зрения, по которой процесс изменения, хотя и необратимый, но, в той или иной мере, приближается к первоначальному. В этом случае, фигурально можно представить себе процесс мировых изменений в форме спирали, таковы взгляды Гёте, Тарда, Мейера и др. Что мир непрерывно изменяется—это факт, но это изменение не представляет собою круговращения, как это красиво сказано еще Экклезиастом, ибо, на самом деле, даже круговращение миров есть только кажущееся явление. Если планеты обращаются вокруг солнца и своих осей, то и они, в сущности, не повторяют одного и того же движения, ибо и само солнце движется в определенном направлении, и эклиптика планет делает непрерывные отступления.

И в самом деле, имеется много данных за то, что, в сущности, везде и всюду дело именно идет не о кругообращении явлений; не говоря о неорганическом мире, можно определенно сказать, что органический и социальный мир дает этому множество примеров. Из органического мира можно было бы указать на зарождение растений и животных из семени, развитие, рост, плодоношение и новое развитие из семени, но уже другой индивидуальности. В социальном мире первоначальное государственное устройство зиждилось на основах народоправства в примитивных его формах. С течением времени дело свелось к выборному главе, с ограниченной формой власти, затем наступает переход к неограниченной наследственной монархии; после того мы имеем снова переход к ограниченной монархии, и, в конце концов, снова наступает период народоправства, но уже в форме парламентарных республик

или даже советов. Ясно, что здесь произошел кругооборот с изменением начальной формы, вследствие чего мы имеем движение непрерывное с необратимыми формами, но с их возвратом в измененной форме—нечто в роде спирального движения. Если мы обратимся к развитию религии, то мы имеем первоначальное почитание людей или животных, напр. своих предков (тотемизм), затем почитание героев, после того почитание богов, после чего, с ослаблением религиозных воззрений, снова почитание людей в форме общества или человечества (в социализме или интернационализме).

Если мы обратимся к изменению брака, то убедимся, что первоначально брак является учреждением, более или менее, свободным, затем семейные узы скрепляются прочно религией, и] нарушение семейной верности жестоко карается, затем брак освобождается от религиозных цепей, и дело сводится, по преимуществу, к гражданским брачным обязанностям, причем постепенно брак вновь становится учреждением более или менее свободным, когда для заключения брака и развода требуется лишь взаимное согласие и даже согласие одной только стороны, официально зарегистрированное.

Самые общества или племена переходят от разрозненного состояния к борьбы к союзам, затем сплачиваются в один большой государственный организм, после чего снова раз'единяются на основах самоопределения.

Литература первоначально является народной в форме народного эпоса; затем, удаляясь от народных интересов, становится как бы кастовым учреждением, удовлетворяя потребности более интеллигентного класса, и, наконец, снова становится народной литературой и обслуживает интересы не отдельной касты индивидов, а всего народа.

Даже в языке можно найти подобную же изменчивость. Не входя в филологические тонкости, заметим, что напр. обращение к другому лицу первоначально имеется одно: „ты"; затем оно выражается, смотря по случаю, двумя словами „ты" и „вы", а язык более развитых народов, как напр. французский, уже не пользуется словом „ты" в обращении к людям, а всегда имеет для этого только одно „вы".

Также и народные воззрения испытывают подобные же превращения. Первоначально добытые опытом данныя первобытных народов затемняются постепенно религиозными воззрениями, которые, с течением времени, почти вытесняют из воззрений народа данные опыта и наблюдения, лежащие в основе наук; но, с течением времени, наука, выдерживая вековую борьбу, берет верх над религией, тогда опыт и наблюдение в жизни человеческих обществ снова приобретают свои права.

Нет надобности умножать эти примеры. Они достаточно убедительны, чтобы установить, как положение, что мир непрерывно изменяется, что всё в мире течет, что формы, в которые всё вновь и вновь облекаются явления мира, необратимы, но что в то же время обнаруживается постоянный возврат к сходным положениям и сходным формам с теми, которые были уже изжиты ранее; однако эти положения и эти формы неизбежно содержат в себе нечто новое, ранее не бывшее, не повторявшееся и не имеющее повторяться впредь.

Отсюда ясно, что закон непрерывного движения и изменчивости сводится к необратимости вечно меняющихся форм.

X. Закон рассеивания энергии или энтропии.

Как известно, в физике установлено в форме непреложного закона, еще со времени Сади Карно в 1824 г., так наз. второе начало гидродинамики, по которому принимается, что энергия стремится к рассеиванию или к переходу от неравномерного сгущения к равномерному распределению. В более точном виде этот закон был представлен впоследствии Клаузиусом в Германии и В. Томсоном в Англии.

Такой переход энергии от неравномерного ее распределения к равномерному всегда происходит непосредственно, обратный же переход требует всегда предварительной работы, т. е. затраты других форм энергии. Иначе говоря, в превращении существует, как выражается проф. Хвольсон, „своего рода сторонность".

Пример: превращение работы в теплоту дает соответствующее количество тепла, но при превращении тепла обратно в работу лишь часть тепловой энергии перейдет в полезную работу, другая часть ее при данных условиях не может быть превращенной в работу. Так, камень при падении на землю утратит живую силу, но развивает теплоту, которую однако нельзя снова превратить в живую силу.

Этот основной закон физики, который может быть доказан и в области химии, напр. в случаях необратимости реакций, имеет безусловное приложение и к органической природе, ибо все организмы суть носители запасной энергии, которая стремится рассеяться, переходя непосредственно в ту или другую форму механической работы и превращаясь в тепло и другие более простые формы энергии во время процессов разложения. Поддержка же самой жизни, т. е. питание организма, не может происходить без затраты определенного количества работы. Наконец, и вся приспособляемость организмов основана на этом законе, ибо приспособляемость предполагает возможное ослабление механических воздействий и других действующих на организм влияний путем превращения механической энергии в форме толчка в другие формы энергии, менее вредные для организма (тепло, электричество и т. п.).

Но этот закон энтропии или рассеивания энергии имеет безусловное значение и по отношению к надорганическому миру. В сущности, каждый входящий в коллектив индивид в своей деятельности является носителем запасной энергии его сочленов, которую он рассеивает кругом себя в окружающей его среде непосредственно в виде той или иной формы движения, производящего действительную работу, или выполняя свою деятельность в форме

знаков или сигналов, играющих роль возбудителя работы в других; но восстановление запаса затрачиваемой при этом энергии всегда требует работы, связанной с отысканием и приобретением средств на восстановление затрачиваемой при этом энергии.

Если человеческий организм, выполняя физическую работу, может дать до 33% полезной работы из того запаса энергии, которую он приобретает, главным образом, вместе с пищей, то и при выполнении коллективной работы, выполняемой сообща, имеем мы также известный % полезной работы, которая сама по себе не в состоянии быть обращена на восстановление затраченной энергии в количестве, равном ее израсходованию.

Далее мы знаем, что развитие культуры общества осуществляется путем созидательной работы, затрачиваемой на открытия и изобретения. Эти открытия и изобретения, иначе говоря, затраченная на них энергия, становясь достоянием широких масс населения, рассеиваются среди них непосредственно путем усвоения и подражания без затраты с их стороны того количества энергии, которое было потрачено на самое открытие; для того же, чтобы добиться нового изобретения или открытия, опять потребуется затрата того или иного количества энергии или работы многих лиц, участвующих в подготовке открытия, которое, в свою очередь, постигнет та же участь. Под'ем каждого вообще коллектива, будет ли это класс, партия или народ, на соответствующую высоту предварительно требует затраты того или иного количества энергии со стороны входящих в его состав индивидов, но этот под'ем неизбежно сопровождается рассеиванием накопленной таким образом энергии путем прямой передачи результатов труда другим коллективам, достижение же каких либо результатов тем или другим коллективом, сообразно его заданиям, опять потребует затраты новой энергии со стороны входящих в состав коллектива индивидов, которая будет рассеиваться тем же порядком, и т. д.

Возьмем затем все случаи столкновения народов. Прежде чем осуществляются эти столкновения соперничествующими сторонами, производятся обширнейшие приготовления в форме вооружения, подготовки различного рода снаряжений, припасов, подготовки путей сообщения и пр. и пр., на что тратится огромная затрата коллективной энергии. Во время столкновения эта энергия, являющаяся запасной, переходит в действие или в работу, но эта работа не восстанавливает полностью затраченных запасов, на новое изготовление которых должна быть вновь затрачена соответствующая энергия.

То же мы наблюдаем и в экономической области. На производство того или другого продукта затрачивается определенная часть энергии; полностью полученные продукты однако не дают возможности полностью восстановить затраченную энергию человеческих рук. Для этой цели продукты должны быть обращены в товар и проданы, иначе говоря, на них должна быть произведена новая затрата труда, чтобы их затем обменять на полученные путем продажи деньги.

Ясно, таким образом, что коллективная человеческая энергия переходит в работу, которая не может быть обращена сама по себе вновь в человеческую энергию в количестве, равном исполненной работе, а это и служит выражением закона рассеивания энергии или энтропии в надорганическом мире [1]).

XI. Закон относительности.

Мы не будем здесь касаться принципа относительности в мире вообще, установленного в знаменитом мемуаре Эйнштейна [2]), а рассмотрим лишь проявление его в условиях коллективной деятельности.

Под названием закона или принципа относительности в общественной жизни мы понимаем тот принцип, по которому всякое общественное движение, как и всякое индивидуальное действие, имеет значение не само по себе, взятое в отдельности, а в соотношении с данными общественными условиями.

Так, в дни царизма в России уже требование министерства доверия признавалось крайне радикальной формой общественного движения, тогда как в дни революции, всего несколько месяцев спустя, уже и требования республиканского строя для России не считались радикальной мерой. И это потому, что многие общественные круги стояли уже на точке зрения демократической федеративной республики, а некоторые в этом отношении шли и еще далее, до большевистского социализма включительно.

С другой стороны, программа партии народной свободы почиталась в дни царизма для большинства населения России слишком радикальной, и от нее многие умеренные элементы отворачивались, а сама партия властью была загнана в подполье; тогда как в дни революции даже преобразованная кадетская партия с большим уклоном влево почиталась крайней правой партией, а большевистской властью она, в свою очередь, была загнана в подполье, как представительница крайних контр-революционных течений. В дни больших побед малые не возбуждают умы, тогда как при отсутствии побед уже и небольшой военный успех рассматривается, как событие большой государственной важности. В дни общественного затишья даже незначительное событие является предметом суждения всего общества и подвергается всесторонней общественной критике, тогда как в дни больших общественных сдвигов и кризисов нередко и большие события проходят мало или совсем незамеченными. Точно также во время спокойного периода общественной жизни даже обыкновенное, так сказать заурядное, убийство возбуждает сенсацию. В периоды

[1]) Вопрос всегда ли и всюду ли в мире дело идет о рассеивании энергии или же мы встречаемся и с фактом скопления энергии при известных условиях, напр. при образовании небесных светил—нашему рассмотрению в данное время не подлежит.

[2]) Annalen d. Physik 1905. 17 стр. 891.

народной смуты, когда кровь льется рекой вследствие гражданской войны, об отдельных убийствах нет и разговора ни в обществе, ни в печати. Даже загадочный кошмарный расстрел семи невинных студентов, произведенный в Петрограде в начале марта 1918 г. неизвестными людьми, не вызвал особой сенсации в обществе. О самосудах с расстрелом, убийством и растерзанием ни в чем неповинных лиц или мелких воришек, чем так пестрели все ежедневные газеты во время русской революции, и говорить нечего. Они проходили почти незамеченными.

Далее, закон относительности проявляется в том, что всякое общественное движение не только в отношении своей силы, но и в своем характере не может иметь одной постоянной оценки, ибо в одних условиях и в одно время может быть признано прогрессивным, а следовательно способствующим общественному развитию, то, что в другое время может быть признано ретроградным и, во всяком случае, препятствующим здоровому общественному развитию.

С другой стороны, одно и то же общественное движение или действие в зависимости от условий общественной кон'юнктуры оказывается в одном случае тормозом прогресса, а в другом случае его возбудителем. Так твердая власть является разрушительным началом, когда она применяется для ограничения здоровых общественных течений, и, наоборот, она необходима и полезна, как условие, соответствующее прогрессу, когда она применяется для ограничения анархии.

Патриотическое настроение полезно и необходимо для здоровой государственности в период войн, когда необходима сплоченность нации, тогда как то же патриотическое настроение, проявляемое в избытке, может быть прямо вредным в мирное время, ограничивая стремления к выявлению культурных стремлений отдельных входящих в состав государства народов, следовательно тормозя развитие их самобытной культуры.

В конце концов, можно сказать, что нет ни одного общественного тормазящего условия, которое при других условиях, и даже в одно и то же время, для различных общественных слоев не оказалось бы поощряющим и наоборот.

Возьмем более или менее постоянные общественные тормозы, как требования законов, религии, общественных традиций, условной нравственности, приличия и т. п.

Все они, в сущности, являются тормозами в одних случаях и возбудителями или поощрителями в других случаях. Так, требование закона ограничивает свободу действия в отношении так называемых преступлений, но оно же содействует общественной жизни, ограждая население от грабежей и безчинств. С другой стороны, требования религии с одной стороны, воспрещая безнравственные действия, как противоречащие служению божеству, тем самым содействует их ограничению в жизни и в то же время они побуждают других к высоконравственным поступкам.

Общественные традиции ограничивают свободу личности, но в то же время они содержат в себе и поощрительное действие в отношении всего, что со-

действует укреплению общественных начал. Таким образом, нет ни одного общественного явления, которое признавалось бы имеющим везде и всегда абсолютное значение, а, наоборот, каждое общественное явление должно быть рассматриваемо, как явление, имеющее относительное значение.

Наконец, одна и та же организация в зависимости от сложившихся условий в одно время так относится к данному событию, в другое время иначе.

Так, Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов в самом начале русской революции отрицательно относился к займу свободы, ибо этот заем поддерживал войну, а в конце июня, во время дней займа свободы, тот же Совет выпустил воззвание с призывом к населению подписываться на заем свободы.

Закон относительности применим ко всем вообще коллективным движениям.

Когда существует в стране голод, то инстинктивные рефлексы толпы проявляются многочисленными грабежами и насилиями без достаточного противодействия со стороны властей и общества, тогда как в другое время те же явления встречают естественное противодействие не только со стороны властей, но и во всех слоях населения, а потому, если и осуществляются, то лишь в виде исключения.

Когда толпа веселится, трудно заставить ее плакать, и, наоборот, при грустном настроении собрания нелегко его развеселить.

Когда масса людей воспитана на определенных взглядах, ей крайне трудно или почти невозможно привить противоположные взгляды и, наоборот, ей крайне легко привить взгляды, стоящие в соответствии с усвоенными путем воспитания.

Если коллективное сосредоточение направлено в определенную сторону, то опять таки крайне трудно его отвлечь другими событиями и, наоборот, сосредоточение легко устремляется на об'екты, стоящие в связи с теми, на которые оно уже направлено.

То же наблюдается и в коллективных действиях.

Тактика партий в их взаимной борьбе и в борьбе с правительством меняется соответственно условиям времени, ибо в одно время оказывается целесообразным одно поведение, тогда как в другое время оно может оказаться не только нецелесообразным, но даже вредным для интересов данной партии, вследствие чего она принуждена обращаться к другим тактическим приемам. С другой стороны, и меры репрессии, применяемые в стране в качестве общественных тормозов, могут оказаться неподходящими в одних условиях и целесообразными в других.

Надо заметить, что сила и значение всякого воздействия на коллектив стоит в зависимости от состояния коллектива в каждый данный момент, ибо иногда и сильные воздействия могут дать слабую реакцию и наоборот. Так, в начале войны всякое событие, имеющее отношение к войне, вызывает в обществе отклик в виде взрыва патриотизма, тогда как со временем, когда война затягивается, такое же событие уже не вызывает равносильного отклика

в общественных слоях. Это доказывает, что каждый раз при оценке общественных движений должны быть принимаемы во внимание разнообразные общественные условия, которые так или иначе отражаются на силе того или другого общественного движения, но от этого важное и всеобъемлющее значение закона относительности ничуть не умаляется.

Статистика говорит нам, что ежегодно гибнет в морях более тысячи паровых и парусных судов. Число жертв должно быть громадно, но это никого не поражает, ибо происходит в разное время гибель то одного, то другого маленького судна. Но вот дело идет о предполагаемой лишь гибели одного океанского большого пассажирского судна, и это поражает умы, вызывая бурю волнений в общественной среде.

То же проявляется и в отношении значения тех или других мероприятий. Так, при неповиновении военной части своему начальнику в период царского режима в России расформирование ее считалось крайней мерой, тогда как в условиях революционного времени, при ослаблении воинских традиций, эта мера была признана уже нецелесообразной и была заменена мерами реорганизации, перевоспитания и массовой репрессии.

Другой пример: во время великой русской революции была отменена смертная казнь, но спустя короткое время, когда стали появляться эксцессы и изменнические акты в армии, она была вновь восстановлена тем же самым лицом, министром Керенским, который ее первоначально и отменил.

Самое отношение общества к смертной казни изменяется в связи с условиями жизни. В мирное время казнь глубоко возмущает общественную совесть и служит обыкновенно предметом осуждения со стороны большинства населения, тогда как в военное время даже массовые расстрелы не вызывают особой реакции в обществе. Вообще, отношение к казни осужденных далеко неодинаковое в том случае, когда казнь случается, как исключительное явление, или же когда казни происходят целыми массами. Уже раньше была речь о том, что во время усиленной работы гильотины во время великой французской революции находились смельчаки, которые, всходя на эшафот, издевались над своими палачами или допускали по отношению к ним совершенно неуместные шутки. Это напоминает нам состояние, с каким относятся в странах, где царствует людоедство, те жертвы, которые попадают на обед другим.

Так относительно южно-американских Гварайосов известно, что они, охотясь на людей и захватывая последних, душили их по очереди. „Жертвы столь же кровожадные, как и их жертвоприносители, читаем мы у Ш. Летурно (Половая и др. нравственность, стр. 85), умирали на подобие красно-кожих, затягивая песнь смерти, в которой издевались над своими палачами, напоминая им, сколько их друзей и даже родных они сами хорошо с'ели.

Принцип относительности осуществляется и в проявлениях общественной жизни, когда дело идет о смене одного общественного явления другим.

Так, чем тяжелее тот гнет, от которого народ освободился, тем сильнее действует репрессия революционеров и победителей-повстанцев по адресу бывших угнетателей. Но при этом репрессии стоят в прямом соотношении

с тем, в какой мере народ освобождается из под опеки над ним. Этим об'ясняется многое из того, что мы имеем в развитии французской, русской и всяких других революций.

По Г. Лебону (Психология социализма, стр. 74) „конечными результатами (народных правительств) является сначала анархия, затем мрачный деспотизм господства одного из тех тиранов, которых всегда находит толпа, движимая рабским инстинктом самосохранения.

Так было часто в истории демократических неурядиц. После Суллы-Мария и гражданских войн явились: Цезарь, Тиверий, Нерон; после Конвента был Бонапарт; после 48-го года Наполеон III-й, и все эти деспоты были обожаемы толпой. Как могли бы они держаться, если бы чувства народа не были за них".

По словам того же автора „социализм может восторжествовать; но он не продержится долго, и режим, который ему наследует, будет режимом давления, которое надолго даст обратный ход цивилизации той страны, где он водворился". Можно не соглашаться с автором по существу его взглядов на социализм, но отрицать за ним знания общественных условий нельзя. Суть в том, что за крайним уклоном общественной жизни в одном направлении обычно следует уклон в другом направлении, ему противоположном.

Таким образом, чем сильнее и болезненнее идет разрушение прежних устоев в революционные периоды, тем яростнее проявляется реакция—таков закон истории. С другой стороны, чем больше развивается уличных грабежей, тем чаще и жесточе проявляется самозащита общества в виде самосудов и жестокой расправы.

Армия разбитая и униженная всегда морально падает, и это выливается в различного рода грабежах, пьянстве, насилиях, разврате. Это есть реакция отчаяния, уподобляющаяся тому, как человек с отчаяния или горя запивает и морально опускается.

Даже внешние знаки боевого характера подвергаются в этом случае пренебрежению и уничтожению. Оружие бросается, распродается или расхищается, погоны и знаки отличия снимаются, снаряжение уничтожается или безрассудно растрачивается и т. п. В этом отношении русская революция как нельзя более оправдывает это положение, и декреты о снятии погон и крестов явились лишь отражением общих взглядов в солдатской массе о ненужности и того, и другого, а декреты против расхищения казенного имущества были опубликованы, к сожалению, уже тогда, когда войскового снаряжения не осталось почти вовсе.

В период русской революции в целях защиты против контр-революции были выдвинуты два тарана—декларация прав солдата и земельный вопрос. Первый таран был направлен по командному составу прежней армии и отразился на дисциплине, второй, будучи направлен против помещиков, как представителей буржуазии в деревне, вызвал безудержную тягу к земле. Но оба эти условия оказались гибельными не для одной армии, ибо другой своей стороной они обратились против самого революционного правительства в вопросе

о демократическом мире с Германией. Лишь путем неимоверных усилий удалось революционному правительству вновь восстановить армию с прежними принципами управления.

Мы не перечислили еще многого из того порядка явлений, которые служат проявлением принципа относительности; но и приведенных примеров достаточно, чтобы оценить значение этого принципа в общественной жизни, в которой этот мировой принцип получает свое столь же яркое выражение, как и в других проявлениях органической и неорганической природы.

XII. Закон эволюции.

Беспрерывная изменяемость сама по себе не есть еще эволюция, ибо изменяемость есть результат беспрерывного движения, тогда как эволюция есть развитие одних форм из других и, следовательно, постепенная или быстрая смена одних форм другими. Правда, изменение, хотя и не есть формообразование, но обычно сопровождается изменением положения и формы, откуда следует, что закон эволюции как бы восполняет закон изменчивости, но тем не менее с эволюцией мы связываем не одно только изменение, с чем связано всякое вообще движение, но и преобразование или возникновение новое в отношении внешней или внутренней формы, что представляет собою известную степень накопления или убыли вещества на ряду с его перемещением. Словом, эволюция, представляя собою развитие новых форм, в сущности, являет собою творческий акт, и закон эволюции есть, в сущности, закон творчества.

Значение открытия этого мирового закона трудно вообще переоценить. По Геккелю впереди всех прочих завоеваний человеческого духа здесь стоит наше современное учение о развитии. Уже предчувствовавшееся 100 лет тому назад Гете, оно только в начале XIX столетия впервые было удовлетворительно выражено Ламарком и в законченной форме обосновано Дарвином в 1859 г. Теория естественного отбора Дарвина заполнила пробел, остававшийся в учении Ламарка относительно взаимодействия наследственности и приспособления. Мы теперь определенно знаем, что органический мир медленно и постепенно развивался на нашей земле по тем же „вечным неизменным законам“, которые в 1830 году Лайель доказал для неорганического тела земли; мы знаем теперь, что бесчисленные различные виды животных и растений, в течении миллионов лет населявших нашу планету, суть только ветви одного родословного дерева; мы знаем, что человеческий род представляет новейшие высшие и совершеннейшие побеги родословного дерева позвоночных [1]).

[1]) Геккель, Монизм, как связь между религией и наукой, стр. 45.

Первые исследования, твердо установившие закон эволюции (Ламарк, Спенсер, Дарвин и др.), приходили к выводу, что образование новых форм происходит лишь медленно, вследствие чего установилась формула, что природа не делает скачков, но впоследствии исследования показали, что образование новых форм далеко не всегда идет постепенно, но иногда и скачками (де Фрис), вследствие чего некоторые видели в этом отрицание закона эволюции, но по существу дело это является лишь расширением того же понятия об эволюции, как развитие новых форм или новообразовательного процесса, идущего лишь путем более резких и быстрых отклонений или скачков, а не путем малых и едва заметных изменений, что ранее признавалось как бы аксиомой для закона эволюции.

Закон эволюции представляет собою всеобщий закон, научно доказанный во всех областях физико-биологических знаний, вполне естественно, что он потому должен быть приложим и к общественной жизни, а следовательно, и к развитию коллективных реакций.

„Надо заметить что в процессе эволюции мы встречаемся с таким изменением явлений, которые должны считаться необратимыми явлениями. Процесс от фетишизма к идолопоклонству необратим так же, как и переход от богов—животных к богам — людям, от зооморфизма к антропоморфизму, или даже переход от богов—тварей к богам—домашним животным“ (Тард, l. c., с. 205—206).

Можно привести также примеры необратимости и из лингвистики, как напр. превращение твердого окончания глаголов в мягкое в целом ряде романских языков, имеющих корень в древнем латинском языке. Другие примеры приводить было бы излишне.

Закон эволюции может быть прослежен во всех общественных явлениях, начиная с языка, который, происходя из одного общего корня, путем постепенного дифференцирования и обобщения, видоизменяется в новые и новые формы. Каждый обычай имеет свою историю, в которой не трудно также найти проявление закона эволюции. Еще легче проследить эволюцию в мифах— будет ли это миф о Церере или о Геркулесе. И там, и здесь мы можем проследить его первоначальное развитие и все дальнейшие изменения, которым он подвергается в связи с воззрениями различных народов. С другой стороны, разве развитие религиозных учений, начиная с ведизма, переходя к брамаизму, и к Зороастру, от Моисея к Христу и Магомету, и затем в разветвлениях и сектах христианства и магометанства не дает возможности установить во всей полноте закон эволюции?

Далее, эволюцию мы можем проследить во всяком общественном процессе, даже в настроении народных масс, которое, начиная с едва заметного проблеска, постепенно усиливается, доходя до своего апогея. Наконец, и творчество народных масс подвергается соответствующей эволюции, и разве художественное литературное и научное творчество, преемственно передаваемое, не эволюционирует ли, в свою очередь, как и всё, что составляет результат творчества человеческого ума. Разве не отражается напр. Теокрит в Вир-

гилии, Менандр в Теренции, Платон в Цицероне, Байрон в Лермонтове и т. п.?

Так как закон эволюции является общим для всех вообще общественных движений, то отсюда понятно, что каждое общественное движение, где бы оно не проявлялось, проходит одни и те же стадии развития. Но, когда тот или иной коллектив воспроизводит общественное движение, уже пережитое другим коллективом и распространяющееся на него благодаря подражанию, то он не воспроизводит его полностью во всех промежуточных стадиях развития, а ограничивается тем, что пережитает различные стадии развития общественного движения, но переживает их в более или менее сокращенном виде, подобно тому, как в биологическом мире зародыш проходит различные стадии развития вида. Это дает возможность молодым нациям, которые должны проходить те же стадии развития общественных движений, которые пережиты в свое время более старыми нациями, переживать их в более короткий срок, причем многие промежуточные стадии общественных движений в этих случаях протекают как бы в сокращенном виде. Вот почему, наша русская революция, которая во многом явилась сколком с французской революции, прошла различные стадии своего развития с гораздо бо́льшей быстротой, нежели это было во времена французской революции. То же наблюдается и в отношении всех других общественных движений, развивающихся в различных частях земного шара. Благодаря этому, народы, достигшие степени развития, при котором культурные достижения становятся осуществимыми путем достижения и переимчивости, могут пройти ряд исторических ступеней культуры с гораздо бо́льшей быстротой, нежели это достигалось тем народом, который обеспечивал себе культурные успехи по преимуществу собственными усилиями. Примером этого может служить Россия XVIII и XIX века и Япония, недавно еще бывшая некультурной страной и ныне стоящая уже на высокой ступени культурного развития.

Принято думать, что социальная эволюция не делает скачков, хотя, казалось бы, противоречием этому служит принятие народом новой религии. Но это только кажущееся явление, будто то здесь происходит быстрый переворот. „Без сомнения всякому известно, говорит Лебон (Психология народов, стр. 79—80), что все великие религии,—брамминизм, буддизм, христианство, ислам—вызвали массовые обращения среди целых рас, которые повидимому сразу их приняли, но когда углубляешься немного в изучение этих обращений, то сейчас можно заметить, что, если что изменили народы, то только своей старой религии, а не самую религию; что в действительности принятые верования подверглись изменениям, необходимым для того, чтобы примкнуть к старым верованиям, которым они пришли на смену и по отношению к которым были только простым продолжением. Отсюда происходят изменения, испытываемые религией вместе с принятием ее тем или другим народом. Примером может служить буддизм Китая, ислам на Деканском полуострове и др.“

Однако мнение Г. Лебона не может быть принято безусловно. Как в биологическом мире имеются скачки в виде так наз. мутаций де Фриса, так и

в социальном мире, кроме эволюции, имеются и революции, которые представляют собою вполне законное явление в ходе исторического процесса.

Следует далее иметь в виду, что эволюция всегда и везде идет от общего к частному, напр. создание языка вообще предшествовало развитию отдельных форм и прежде всего предшествовало мифологии и развитию наук, а с другой стороны развитие наук опять таки шло от более общих к более частным, и так во всем.

Вообще, весь вид эволюционного процесса в обществе людей определяется целым рядом факторов географического, климатического, социально-экономического характера, которые, кстати сказать, отдельным личностям, хотя бы и гениальным, предоставляют в истории лишь скромное место. Всё дело сводится к эволюционному процессу самого общества, т. е. народных масс. Но отдельные личности тем не менее могут иметь огромную роль, если они своей умственной прозорливостью сумеют уловить пульс народной жизни и направление исторического процесса и тем самым приложить свою энергию на путь соответственного развития народных масс. Возможно конечно, что сильная личность, пользуясь своим высоким положением, может и воспрепятствовать, в той или иной мере, правильной эволюции общественного процесса. Но в каждом случае личность должна быть рассматриваема не сама по себе, а как личность, лучше воспринявшая наследие прошлых поколений и опирающаяся на тот или иной коллектив, олицетворяя собою надежды и устремления этого коллектива, вследствие чего роль личности определяется и общественной значимостью и социальной силой того коллектива, представителем которого она является. Таким образом, роль государя, главного военачальника, народного вождя, демагога, представителя определенного класса или партии сводится не столько к особенным качествам самого лица, что однако само собой разумеется не остается без значения, сколько к значению той массы людей, которая об'единяется с этим лицом.

В проявлении закона эволюции огромное значение имеет неравенство коллективных единиц и индивидов. Если бы природа снабдила всех одинаковыми качествами и одинаковыми способностями, то очевидно не могло бы быть и подражания—этого могучего фактора общественной жизни, ибо почему было бы и подражать. Вместе с тем, не было бы стремления к совершенствованию этого другого важнейшего фактора эволюции, не было бы борьбы и соперничества—этих важнейших импульсов общественного движения, точно также почти неосуществимо было бы общественное разделение труда, равно и специализация, и дифференциация общественных сил, столь содействующих успеху цивилизации. Словом, на место процесса мы имели бы более или менее полный застой в общественной жизни. Правильная организация общественной жизни предполагает равенство всех людей в отношении социальных прав, и только этот принцип гарантирует справедливое отношение к людям. Но природа не ко всем людям одинаково справедлива, и условия жизни отдельных индивидов, как и отдельных народов, не одинаковы, а это и лежит в основе индивидуальных национальных особенностей, имеющих огромное значение в эволюции человеческого общества.

Применим-ли рассматриваемый нами закон эволюции к отдельным общественным явлениям? Начнем с эволюции власти. Государственная власть или правительство возникло из семьи, образующей собою как бы самостоятельное государство. Эти государства, семьи, размножаясь и об'единяясь в роды, образуют собою родовое государство, которое достигает затем дальнейшего роста, образуя собою нацию. Помимо семьи, государства возникали путем образования коллективов, преследовавших другие цели, напр. разбойничество. К шайке или орде примыкали другие беглецы из ряда окрестных деревень, и, таким образом, получив достаточную силу, эта шайка или орда, громя соседние деревни, в конце концов, подчиняла их своей власти, которая и узаконялась путем известного соглашения между нападающими и нападаемыми. Так возник Рим с его могуществом и также в позднейшие времена возникали государства, обязанные своим существованием нашествию монголов.

Первоначально в развивающемся государстве устанавливается общинный строй, но затем общинный вечевой строй эволюционирует в монархическое государство, которое возникает не ранее развития частной собственности на землю, в результате чего развивается обезземеливание свободных земледельцев более сильными по сравнению съ ними соседями. „Развитие крупной собственности на землю и так называемый процесс феодализации и крепостничества, превращающий прежних свободных земледельцев в настоящих подданных господствующих землевладельцев, кладет предел всякому свободному общинному вечевому строю. На место прежнего народного веча становится собрание различных благородных и лучших мужей, государствующих в своих вотчинах и об'единяющихся обыкновенно вокруг самого могущественного землевладельца—князя, признаваемого всеми ими своим государем.“ (Тахтарев, l. c., стр. 12-13). Ясно, что с собственностью происходит деление на классы, а с этим вместе дается начало классовой борьбе. Надо заметить, что путь возникновения политических форм был указан еще Аристотелем, который на основании изучения 157 известных в то время народов вывел социологический закон возникновения и смены различных политических форм государственного бытия и властвования в связи с соотношением классов и условий классовой борьбы.

Вообще говоря, непрерывные преобразования в коллективах путем эволюции приводят обычно к полной перестройке их организаций либо в сторону централизации власти, либо в сторону децентрализации. Так напр., организация католической и православной церкви перешла от демократической общины в евангельском духе к иерархической организации с аристократией в лице епископов, затем к монархическому строю в виде патриарха и римского первосвященника, связанных соборными постановлениями. Но однажды папа об'явил себя непогрешимым, и тем самым католичество перешло к монархическому абсолютизму.

Точно таким же образом древняя Русь с ее удельными княжествами перешла путем эволюции на положение сначала ограниченной монархии, а затем и абсолютной монархии.

Но абсолютная монархия со временем вновь преобразуется в сторону развития народоправства, сначала в форме ограниченной монархии, а со временем и в форме республиканского строя съ децентрализацией местной власти и федеративной государственной организацией.

Эта смена одного состояния другим в организации общества обусловливается тем, что по закону инерции централизующая власть постепенно доходит до такого абсолютизма, который становится непереносимым для народа и вызывает реакцию в виде резкой оппозиции, приводящей к свержению абсолютной монархии, и, наоборот, демократическая организация власти, в свою очередь, доводит страну по закону инерции нередко до невозможных условий, вызывая иногда даже гражданские войны и возбуждая вследствие того оппозицию в обществе, и тем самым склоняет последнее снова в сторону монархии.

Археология и этнография восполняют еще в бо́льшой мере наши сведения об эволюции государств.

„Мы можем теперь, говорит Летурно (Нравственность, стр. 25), до известной степени составить эмбриологию всех наших общественных учреждений. Пред нашими глазами развертывается самое отдаленное прошлое наших обществ. Можно, напр., de visu изучать образование обществ. Это прежде всего первобытная и анархическая орда первых времен четвертичного периода в том самом виде, в каком она существует теперь на Огненной земле. Затем эти орды соединяются в классы и племена, последние выделяют из себя сословия, касты, затем подчиняются предводителям и, наконец, образуют деспотические монархии и т. д.“.

Вообще, закон эволюции общественных условий и развития цивилизации получает чрезвычайно ценный материал в этнографических изысканиях. Тот же Летурно, говоря об эволюции человеческого рода, замечает (Нравственность, стр. 23): „история даже при помощи легенд открывает нам всего только один момент в эволюции человеческого рода. При помощи же этнографии можно надеяться дойти до самых источников, все промежуточные звенья могут быть восстановлены, и конец связан с началом. Паровая машина приводится таким образом в связь с расколотыми кремнями, пароход с первобытной лодкой, дворец с пещерой, фиктивные (т. е. где одно слово имеет разное значение) языки с односложными, дифференциальные исчисления с первобытной нумерацией австралийца, тщетно пытающегося пересчитать свои пальцы, великие арийские религии с анимизмом африканского негра, щедро награждающего внешний мир сознательной жизнью, сходной с его собственной. Рафаэль становится тогда отдаленным потомком первобытных рисовальщиков департамента Лозер (во Франции)“.

В свою очередь, собственность на землю возникла путем расселения на земле, принадлежащей захватившим ее членам того или другого племени, как бы на правах общинного владения. С течением времени эти земли дробятся, образуя собственность классов, семей и в заключение переходят в собственность отдельных владельцев. Развитие языка предполагает, что в отдаленные от нас времена язык мог возникнуть, как звукоподражательный

знак и как сочетательный рефлекс из обыкновенных звуковых рефлексов: ой ай, ах, ну и т. п.[1]), причем, возникший таким образом речевой сочетательный рефлекс постепенно всё более и более дифференцировался путем приставок, флексий, удвоений и т. п. и обобщения путем переносных выражений и слов, выражающих общие понятия. При этом, благодаря подражанию, язык должен был распространиться между семьями одного и того же рода, класса или племени или в определенном коллективе, будет ли это община или орда. Таким образом, постепенно должна была возникнуть раса, говорящая на одном языке, который, однако, благодаря разделению населения на отдельные коллективы, уже с самого начала должен был иметь свои говоры и наречия, впоследствии опять сливающиеся, благодаря обединению коллективов.

Несомненно далее, что совершенствование языка и его развитие шли по ступеням от жестов к словам с конкретными обозначениями и от конкретных слов к абстрактным обозначениям. Язык современных нам дикарей или так наз. первобытных народов еще богат жестами. Но сверх того установлено, что в первобытных языках не имеется абстрактных и сравнительно мало общих названий, ибо слова и жесты у них являются выражением конкретных вещей Поэтому первобытные языки богаты существительными, глаголами и предлогами. (L. Bruhl. Les fonctions mentales, стр. 175 и след). Язык жестов у первобытных народов еще в бо́льшей мере служит обозначением конкретных явлений, как действий, положений и т. п. При этом язык жестов состоит опять таки не из отдельных жестов, а представляет сложный их комплекс, который характеризует определенное действие. Это как бы двигательные изображения или описания. Напр., для обозначения воды производят действие зачерпывания ее рукою и т. п.

И в дальнейшем эволюция языка прослежена сравнительно хорошо благодаря успехам сравнительного языкознания. Но мы не войдем в подробности по этому предмету. Мы ограничимся здесь указанием на то, что основной язык изменяется в смысле произношения даже от той общественной среды, в которой он распространяется. Так напр., „различные латинские слова, переходя из римской среды в среду испанскую или гальскую, претерпевали однообразные и характерные изменения, причем каждая буква заменялась другой определенной буквой, и эта известная согласная в немецком или английском языке эквивалентна известной другой согласной в языке санскритском или греческом, а это, в сущности, обозначает, что коренной язык, переходя из первобытной арийской среды в среду германскую, греческую или индусскую, менял свои согласные указанным образом, в одном случае получая вместо твердого звука придыхательный, в другом—наоборот". (Тард, Социальная логика, стр. 22—23).

Эволюция взглядов на причинность явлений представляет собою то, что известно под названием эволюции человеческой мысли. Как известно, Конт различал три стадии мышления: теологический, метафизический и позитивный.

Но Стюарт Гленни за основной закон интеллектуального развития признает

[1]) См. В. Бехтерев. Об ективная психология, вып. 3.

закон движения от количественно-неопределенной количественно-определенной концепции взаимодействия вещей, иначе говоря, эволюция идет от крайне несовершенных взглядов на причинность явления в направлении установления более точных взглядов.

На место контовских трех стадий автор различает следующие этапы в развитии человеческих взглядов на причинность: магический, сверхъестественный и научный.

Первая стадия является в тот период, когда человек, ничего не зная о причинах явлений природы и признавая в самом себе активность из непосредственного самонаблюдения, наивно допускает влияние этой активности на окружающие его явления. Это период народного младенчества, при котором человек верит, что для того, чтобы вызвать дождь, достаточно полить землю водой с какими то причитаниями, чтобы отмстить врагу, необходимо пронзить его тело на его изображении, чтобы освободить кого нибудь от болезни, достаточно фиктивно вытянуть из его тела определенный материальный предмет и т. п. Дело идет здесь об обобщении своего действия с особой магической силой, воздействующей на те или иные внешние явления и живые об'екты.

В дальнейшей стадии человек признает причину явлений окружающего мира в особой духовной невидимой силе. Эта стадия возникает с развитием понятия о духе, как особом существе, имеющем реальное бытие.

В этой стадии человек населяет природу невидимыми существами с качествами, свойственными человеческому духу, и об'ясняет их вмешательством все явления природы.

Здесь дело идет об анимизме в виде обобщения своей суб'ективно сознаваемой активности с явлениями природы, следовательно об обобщениях своих же собственных душевных состояний, оцениваемых с точки зрения духовной силы.

Третья стадия признает строгую механическую причинность для всех явлений природы, за исключением основной первопричины в виде Творца вселенной, управляющего миром по раз установленным законам, причем все в мире подчинено этой законности; о вмешательстве сверхъестественных сил в явления природы не может быть и речи.

Мы добавим к этому, что дальнейшей и последней стадией развития человеческого мышления должно быть совершенное исключение не только из явлений природы, но и из понятия о начале самой вселенной, какой либо сверхъестественной силы, что и завершает эволюцию в вопросе об оценке в окружающем нас мире.

Заметим также, что нельзя представлять себе дело таким, что одна стадия последовательно сменяет другую. Обычно в одном и том же периоде можно встретить в одних слоях населения проявления первой и второй или только второй стадии, а в других более интеллигентных слоях проявление третьей стадии, являющейся достоянием всех вообще или бо́льшей части научно-образованных людей. Вряд ли нужно говорить, что последняя стадия

является результатом применения опыта в жизни и в лаборатории, который воочию доказывает полную законосообразность всех вообще явлений природы.

Что касается эволюции научных знаний, то она, как и эволюция языка, идет от общего и неопределенного к частному и более определенному. Вместе с тем прогресс знания, открывая всё более и более глубокие соответствия, обнаруживает и множество глубоких несоответствий, ранее не замечаемых. Благодаря тому, что крупные обобщения достигаются гениальными умами, естественно, что эволюция знаний идет толчками. Таким образом, напр., человечество пришло к своим величайшим открытиям, начиная с учения Галилея, законов Ньютона и др., где проявился могучий синтез человеческой мысли. Подобным же образом осуществляется гигантская коллективная работа человеческого ума, выражающаяся энциклопедией научных знаний, сводом законов, общественной моралью, художественным творчеством и т. п.

В искусстве, как и в знании, эволюция идет опять таки толчками, благодаря новым идеям и новым знаниям, как бы оплодотворяющим прежние обветшалые идеи и отжившие знания. Так романский стиль преобразовался в готический благодаря новым влияниям, явившимся последствием крестовых походов. Позднее готическое искусство претерпело преобразование в исскустве ренесанса под влиянием изучения греко-римской жизни.

Отсюда понятно, что нет никакого основания ждать параллелизма между развитием наук и искусства, ибо каждая отрасль соотносительной деятельности ждет своего периода, чтобы быть оплодотворенной для нового успешного развития. Заметим еще, что идеалы, как символы прекрасного, изменяются вместе с расой и эпохой, и потому каждая раса создает свое искусство, как и каждая эпоха творит свои формы искусства.

Спрашивается, что является коренным импульсом эволюционного процесса? В биологии процесс эволюции обусловливается процессом борьбы за существование, основанным на потребностях организма с одной стороны и неравенстве средств к нападению и обороне с другой. Но кроме борьбы за существование в том же процессе эволюции с нашей точки зрения, солидарной с Кропоткиным, несомненно играет роль и сотрудничество, основанное на выгоде в достижении цели, т. е. удовлетворения потребности, и дающее лучшие условия для защиты и нападения в борьбе. Точно также и в основе эволюционного процесса в обществе лежит конкуренция и борьба, основанные опять таки на потребностях коллективов с одной стороны, на неравенстве средств к нападению и защите с другой, и вместе с тем здесь также приобретает значение и сотрудничество, основанное на выгоде в достижении цели в смысле удовлетворения потребностей и создании лучших условий для защиты и натиска в борьбе.

В самом деле, без потребностей может ли быть какое либо стремление к деятельности?—Очевидно нет. Но чем обусловливается конкуренция и борьба? Очевидно только неравенством сил и средств. Чем обусловливается сотрудничество? Стремлением усилить свои средства в конкуренции и борьбе.

Из предыдущего ясно, что социальное равенство возможно только в идеале, ибо с наступлением равенства не было бы импульса к новым социальным достижениям. Вот почему, если социализм ставит идеалом равенство, то оно мыслится, как мы уже упоминали, только, как равенство социальных прав, вытекающее из акта рождения на свет, но социализм не может стремиться к уравнению способностей отдельных индивидов. Ибо, если бы это когда нибудь и произошло, то привело бы к полной остановке всякого социального прогресса.

Нередко смешивают эволюционный процесс с прогрессом или даже совершенствованием, что неправильно уже в виду того, что эволюция есть прогресс развития без различия, идет ли это развитие в сторону поступательного хода, или прогресса, или в сторону попятного хода, или регресса.

Но сам по себе прогресс, как понятие, требует своего определения. Надо при этом заметить, что вопрос о том, что такое совершенствование и что такое прогресс, не может решаться без определенной предпосылки и выяснения того, с какой точки зрения рассматривать самый вопрос, ибо то, что мы назовем совершенствованием с одной точки зрения, может оказаться регрессом и ухудшением с другой точки зрения. Представим себе, что мы имеем машину, предназначенную для определенной цели, напр. летательный аппарат. Разобравшись в его составных частях, мы найдем, быть может, его более сложным по сравнению с существующими системами, но совершенство самого аппарата, независимо от его сложности, будет определяться его более или менее при особленностью к той цели, для которой предназначен аппарат, т. е. для авиации. Итак, во всех случаях, когда дело идет об орудиях или машинах, совершенство или несовершенство определяется тем, в какой мере лучше орудие или машина приспособлены для той цели, для которой они предназначены.

С другой стороны, понятие прогресса есть более общее понятие, говорящее о движении вперед, но не связанное непременно с совершенствованием, ибо прогресс может происходить и в сторону попятного развития. Поэтому, всякое совершенствование неотъемлемо связывается с прогрессом, но прогресс может сопровождаться не качественным улучшением или совершенствованием, а, наоборот, ухудшением. Тем не менее, часто словом прогресс пользуются для обозначения того же самого совершенствования, не разделяя оба эти понятия по существу.

Переходя к выяснению вопроса о совершенствовании живой природы, необходимо иметь в виду, что и здесь мы должны иметь неодинаковое разрешение вопроса, смотря по тому, будем ли мы рассматривать вопрос с точки зрения строго биологической, иначе говоря, в смысле совершенствования самой организации того или иного индивида, или же будем рассматривать с точки зрения социальной, т. е. жизни в целом. Обращаясь к первому вопросу, мы не имеем основания становиться на точку зрения каких либо преимуществ того или другого органа, той или иной части организации, ибо индивид есть целое и неделимое. Поэтому, рассуждения отдельных биологов, будто бы бо́льшее

развитие нервной системы и центральных ее органов, в частности, характеризует бо́льшее совершенствование, не могут иметь абсолютного значения в данном вопросе.

В конце концов, весь организм в целом является самодовлеющей машиной, сущность которой сводится с одной стороны к приспособлению организма к окружающей природе, с другой—к использованию внешних сил природы путем установления разнообразного соотношения самого организма, как целого, с окружающей средой. Отсюда ясно, что роль нервной системы, и в частности центральной, в установлении соотношения организма с окружающим миром огромная, но всё же не исключительная, ибо те или другие части тела являются орудиями, при посредстве которых нервная система выполняет свою роль, и следовательно качество орудий при этом всё же не может не быть принято во внимание. В конце концов, вопрос о более совершенной организации должен естественно решаться, опять таки, в смысле более или менее разнообразного установления соотношения организма с окружающей средой, а не в смысле размеров одного только мозга.

Далее, как приспособление к среде, так и использование среды обеспечивается ни чем иным, как дифференцированностью органов и согласованностью их функций, а потому мы могли бы сказать, что наиболее совершенный организм будет тот, который представляет наибольшую дифференциацию органов при наибольшей согласованности их функций; но внешним выражением того и другого процесса в деятельности организма и является установление разнообразного соотношения организма с окружающей средой, а потому это установление и должно быть наиболее верным показателем совершенства организма.

Некоторые полагают, что, по аналогии с искусственной машиной, мы имеем приспособление к среде и использование окружающих условий, совершаемое в целях поддержания жизни организма и являющееся проявлением совершенствования; но это значило бы придерживаться телеологического взгляда, тогда как природа сама по себе не знает целей. Вот почему мы остановились на другом строго об'ективном определении. Если бы остановиться на телеологическом определении, что по существу неправильно, то пришлось бы признать, что организм, лучше приспособленный в целях сохранения жизни, является и более совершенным, но, в таком случае, оказалось бы, что одноклеточные организмы, не знающие смерти, являлись бы и более совершенными. С другой стороны, дневки оказались бы менее совершенным организмом, нежели более низшие животные, а слон, попугай, ворон и некоторые другие, как более долго живущие, признавались бы более совершенными по сравнению с человеком, что опять таки неправильно.

Таким образом, наше определение и понимание совершенствования, как установления путем приспособления к среде и использования окружающей среды более разнообразных соотношений с окружающей средой, нам представляется единственно правильным.

То же самое определение можно применить и к виду. Можно определенно сказать, что каждый биологический вид является продуктом своей среды и своей

эпохи. Поэтому о бо́льшем или меньшем совершенстве видов нельзя говорить в смысле бо́льшей или меньшей способности их к самосохранению. В известную эпоху с изменением окружающих условий жизни может оказаться один вид, лучше или хуже приспособленным к достижению той цели, о которой речь была выше, нежели другой и наоборот. Но все виды могут быть сравниваемы друг с другом по тому, в какой мере разнообразны те соотношения, которые тот или другой вид устанавливает с окружающей средой, и в зависимости от этого и определится его бо́льшее или меньшее совершенство. Так как нервная система является тем аппаратом, который принимает на себя более сложные соотношения с окружающей средой, то ясно, почему бо́льшее развитие нервной системы и является вместе с тем показателем совершенствования того или другого вида, хотя дело и не в одной нервной системе, которой к тому же некоторые виды и не обладают.

Если мы обратимся к вопросу о социальном прогрессе в смысле совершествования, то и здесь давалось нередко телеологическое об'яснение. Так, по взгляду некоторых, прогрессом является лишь то изменение в обществе, которое является приближением к намеченному идеалу, а этот идеал, созданный на основании особых соображений, должен быть лучше современного состояния, хотя бы на опыте он оказался и худшим; иначе говоря, дело идет о таком эволюционном процессе, который ведет от худшего к лучшему, как бы это ни понималось лучшее. Иначе говоря, здесь вводится оценка лучшего на основании каких-то других теоретических соображений, а самый идеал признается наперед установленной нормой. Здесь нет надобности говорить, что это определение не выдерживает критики.

Другое определение социального прогресса совпадает с понятием социальной эволюции. Но в этом определении предполагается, что позднейшая форма есть и более лучшая, что по существу неправильно, ибо эволюция ничуть не предполагает непременно перемены к лучшему. Эволюция есть изменение, связанное с творчеством новых форм, но эти новые формы в действительности могут оказаться хуже старых, что случается вообще нередко, ибо общество может не только прогрессировать, но и регрессировать. Так напр., та или другая реформа есть проявление эволюционного процесса, но она может оказаться не прогрессивным, а регрессивным фактором и должна иметь вследствие этого соответствующие последствия.

К вышеуказанным основным взглядам, в сущности, относятся все имеющиеся теории социального прогресса. Так, к первой группе должны быть отнесены все те авторы, которые выставляли те или другие принципы, как идеальные нормы общественных условий существования.

История науки полна целым рядом таких норм, признаваемых идеалами. Сюда относятся: „принцип золотой середины (Аристотель), принцип счастья и пользы (гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм), принцип любви (христианство (Петражицкий), принцип императива (Кант), принцип жизни (Нитцше, Гюйо), принцип общности (Вундт), принцип единства (Наторп), принцип солидарности (М. Ковалевский, Л. Буржуа и почти все современные фран-

цузские социологии), принцип роста знания (Конт, Бокль, де-Роберти), принцип общего благополучия (Геффдинг), принцип сбережения сил и т. д." [1]). Этим перечислением конечно еще все принципы далеко не охвачены, да и далеко не исчерпывается список имен, разделяющих тот или другой принцип. Один утилитаризм („максимум счастья для максимума людей"), напр., имеет целый ряд представителей, как Милль, Бентам, Спенсер, Тард, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров и др.

Другое направление, рассматривающее прогресс, как эволюцию имеет, в свою очередь, своих представителей таких, как Кондорсе, Конт, Спенсер, Оствальд, Новиков и др.

Очевидная недостаточность такого толкования прогресса привела к пополнению этого учения со стороны Е. В. де-Роберти. По этому автору процесс изменения, происходящий в биологической среде, есть эволюция, а процесс изменения, происходящий в социальной среде, есть прогресс. Но так как целеполагание является основным условием социального бытия, то по Е. В. де-Роберти „прогресс есть эволюция, становящаяся для нас целью". (Qu'est-ce que le progres?, стр. 34—35).

Но эволюция есть закон, относящийся и к надорганическому миру, ибо нельзя ограничивать этот закон только биологической средой; в надорганической же среде эволюция может опять таки происходить в сторону улучшения или в сторону ухудшения, что не будет соответствовать прогрессу. Если же мы введем к понятию эволюции в надорганическом мире добавление в смысле целеполагания, то мы сведем этот взгляд к одному из принципов, о которых речь была выше. Таким образом, эта теория прогресса не дает нам никакого преимущества перед всеми теми, о которых сказано выше.

Мы полагаем, что и здесь, как и в других случаях, должны быть совершенно исключены, как телеологический взгляд, так и суб'ективная точка зрения. И потому, подобно тому, как в биологическом мире, социальный прогресс должен характеризоваться установлением более разнообразных соотношений с окружающей средой в смысле приспособления к ней и использования ее путем бо́льшей общественной дифференцировки (разделение труда) и бо́льшей согласованности отдельных частей, входящих в состав общества. Обратное будет характеризовать общественный регресс. Но общее понятие прогресса может разбиваться на частные. Так, частичной формой проявления прогресса следует признавать ту форму взаимоотношения между личностью и обществом, которая в данный период наилучше соответствует развертыванию творческой деятельности и личности, и общества, приводящей к подчинению окружающей природы стремлениям человека, как общественной личности и стремлениями самого коллектива. Это подчинение природы стремлениям человеческого коллектива сопутствуется ростом производительности данного общества в его труде, приводящей и к расширению его жизненных отношений.

Социальный регресс, между тем, характеризуется приостановкой поступательного хода общественной жизни и ее творчества, обусловливаемой ка-

[1]) П. Сорокин. Новые идеи в социологии. Что такое прогресс? Сборник 3, стр. 146.

кими либо, тормозящими условиями, как внешними, так и внутренними, причем дело может завершиться даже распадом самого коллектива.

Распад или разрушение коллектива приводит к окончательной его гибели или смерти, состоящей в его распылении, точнее в переходе из структурного и гармоничного состояния в бесструктурное и дисгармоничное, переходе из социальной жизни к жизни общественно—бесструктурной, как смерть организма есть переход от коллективной жизни его клеток к бесструктурному распаду на молекулы и на атомы.

Достойно внимания, что в коллективной рефлексологии, как и во всем вообще мире, общим правилом является то, что созидание в эволюционном процессе идет всегда более или менее медленно и последовательно, инволюция и распад, наоборот, почти всегда относительно быстро. Поэтому, и социальные строго организованные коллективы, на созидание которых требовались века, разрушаются в сравнительно короткое время, как показывает история Римской империи, история многих других государств и даже история царской России.

XIII. Закон дифференцирования.

В настоящее время закон дифференциации является установленной истиной как для органического, так и для неорганического мира, и на этой стороне вопроса мы здесь останавливаться не будем. Мы приведем лишь одну выдержку из речи известного естествоиспытателя Геккеля, которая покажет нам, как ныне мыслится постепенная дифференциация мира.

„В самом начале в бесконечном мировом пространстве нет ничего, кроме подвижного эластического эфира [1]) и бесчисленных однородных раздельных частиц, разбросанных среди него на подобие пыли в воздухе; это *первичные атомы*; возможно, что последние по своему происхождению суть только „точки сгущения" колеблющейся субстанции, остатки которой образуют эфир. Соединяясь в определенном числе в группы, эти первичные атомы или атомы массы образуют атомы элементов нашей химии. Согласно популярной гипотезе Канта-Лапласа, из подобного колеблющегося „первичного тумана" возникают вращающиеся мировые тела. Среди многих тысяч мировых тел наше солнце является одним; оно собирает вокруг себя планеты, которые оторвались от него благодаря действию центробежной силы. Наша маленькая *земля* только одна из планет солнечной системы; вся индивидуальная жизнь этого шара—результат действия солнечного света. Когда раскаленный земной шар охладевает до известного градуса, образовавшаяся капельно-жидкая вода, это первое условие органической жизни, осаждается на поверхности затвер-

[1]) Если он существует, скажем мы от себя. *В. Б.*

девшей земной коры. Атомы *углерода* начинают свою органическую деятельность и соединяются с другими элементами в способные разбухать соединения *плазмы*. Маленький комок этой плазмы переступает границы сцепления и индивидуального роста и делится на две одинаковые части.

С этой первой *монерой* начинается органическая жизнь со свойственной ее функцией последовательности. В однородной плазме монеры выделяется из мягкой внешней массы центральное твердое ядро; этой дифференциацией *ядра* и *протоплазмы* образуется первая органическая *клеточка*. Долгое время нашу планету населяют исключительно такие *протисты* или одноклеточные существа. Из *ценобий* или союзов этих протистов образуются позже низшие *гистоны*, *многоклеточные растения и животные*“ [2]).

Мы привели эту выдержку исключительно для иллюстрации мысли, как согласно закону дифференциации мыслится развитие всего разнообразия форм в мировом масштабе, ничуть не считая правильными некоторые положения автора. Так известно, что многие из физиков ныне уже обходятся без гипотезы об эфире; автор затем вовсе не касается строения, а следовательно, и возникновения атомов из электронов, о вращающихся туманностях и т. п. Но суть не в том, всё ли в этой схеме соответствует действительности, а в изложении той схемы, как эволюционный мировой процесс мыслится вообще путем дифференцировки первичных форм дело идет ко всё бо́льшему и бо́льшему их разнообразию и, следовательно, к усложнению внешнего мира.

Мы знаем далее, что в органическом мире закон дифференцирования можно проследить на развитии каждого отдельного индивида, начиная с момента оплодотворения яйца.

Но и в социальной жизни каждого коллектива, как и всего человечества мы должны иметь в виду закон дифференциации или выделения индивидов по особым качествам, наряду с законом избирательного обобщения, приводящим к группировке личностей по их особенностям и стремлениям.

По этим двум основным законам собственно и происходит историческое развитие человечества.

Рибо (Эволюция общих идей, стр. 31) о развитии детского ума говорит: „единственной подходящей формулой можно признать следующую: ум переходит от неопределенного к определенному. Если под неопределенным мы будем понимать общее, то мы можем утверждать, что прежде всего появляется не частное, хотя и не общее в точном смысле этого слова, а неопределенное“. Нечто подобное мы имеем и по отношению к обществу.

Первоначальное общество есть общество недифференцированное или точнее говоря, мало дифференцированное. Оно связано лишь совместной жизнью, общностью интересов, взаимными соотношениями, установившимися благодаря опыту. Это общество самых примитивных дикарей, не знающих ни государственной жизни, ни разделения на касты. В цивилизованном мире такое общество представляется обществом детей, воспитывающихся в одной среде.

---

[2]) Геккель. Лекции по естествознанию и философии. Русск. пер., стр. 46.

Лишь с возрастом в этом обществе начинается известная дифференцировка и организация, приводящая одновременно к обобщению и согласованию дифференцированных отделов общества.

Государство, как политическая организация общества, соответственно определенной степени развития и состоянию общества, может быть различным— советской республикой, монархией, абсолютной или ограниченной. Причем, и там, и здесь может быть еще целый ряд дальнейших подразделений, как вечевое народоправство, феодальное государство, избирательное и наследственное королевство. Да и отдельное государство при децентрализации управления дифференцируется на отдельные самоуправляющиеся области. Этот процесс дифференцирования, как всякий процесс разделения труда, основан на том, что самоудовлетворение физических потребностей осуществляется лучше при выделении одних частей от других.

Таким образом, государство, как политическая организация общества, дифференцируясь, отражает определенную степень развития и состояние самого общества и потому может образовать самоуправляющуюся общину с вечевым характером народоправства и феодальное государство с избирательным или наследственным сюзереном во главе. Более сложные формы государства в виде сановных монархий и демократических и буржуазных республик суть продукты дальнейшей дифференциации в государственной организации общества.

Всякий, вообще, жизнеспособный коллектив, раз образовавшись, тотчас-же дифференцируется. Уже в самом начале в коллективах возникает президиум или бюро, исполнительное бюро, касса, организация специальных отделов, комиссий и т. п. В коллективах больших размеров, таких например, как государство, дифференциация представляется много более сложной.

Здесь дело идет о выделении органов управления или ведомств и разделении остальной массы населения по характеру происхождения (национальные различия), по характеру труда (профессии и союзы), по имущественному цензу (классы), по образованию (интеллигент и неинтеллигент), преобладающим взглядам и т. п. Далее дифференциация приводит к образованию отдельных организаций, кооперативов, комиссий, органов самоуправления, центрального правительства, разных министерств и т. п., и т. п. Мало того, дифференциация в коллективе происходит в отношении занятий и даже самых орудий производства.

По Вальтману (Теория Дарвина и социализм, стр. 242) развитие общественной жизни человека также подчиняется биологическим законам дифференцирования, приспособления, подбора и т. д., как и развитие органической жизни. Но главное различие заключается в том, что к силам органическим присоединяются технические орудия, т. е. не индивидуальные отдельные от организма силы, препятствующие действию закона органического подбора индивидов, органического наследования и совершенствования.

«Закон подбора органов и организмов происходит на технические орудия таким образом, что орудия, в свою очередь, дифференцируются, приспособ-

ляются к новым целям и производят, разумеется при посредстве людей, новые высшие формы. И в истории орудий существует постоянство формы.

Лафаргъ в этом смысле прав, говоря, что совершенствование и истинная борьба за существование происходит не между людьми, а между искусственными органами».

К закону дифференциации в общественной жизни относится разделение труда и вообще постепенное расчленение простого и однородного первоначально коллектива на отдельные части в виде отдельных кружков, партий и т. п., как и всякое вообще проявление индивидуализма в обществе.

„У низших рас, говорит Лебон (Психология народов, стр. 34), все индивиды даже тогда, когда они принадлежат к различным полам, обладают почти одним и тем же психическим уровнем. Будучи все похожи друг на друга, они представляют вполне картину того равенства, о котором мечтают современные социалисты. У высших рас неравенство индивидов и полов, напротив, составляет закон". Таким образом, в то время как дикари мало имеют существенных различий в отношении личного склада, в отношении особенностей ума и соотносительных функций, вообще, народы исторические уже представляют не мало различий между собою. Возьмите русского, англичанина, испанца, разве нельзя их отличить друг от друга по манере держаться, по способу выражаться, по действиям? Разве их история не показывает глубокого различия между этими народами во всем складе их социальной личности?

„Один из главных результатов цивилизации, говорит цитированный выше автор (l. c., стр. 35), с одной стороны, дифференцирование рас посредством с каждым днем всё более и более возрастающего умственного труда, возлагаемого ею на народы, дошедшие до высокой ступени культуры, и с другой, всё бо́льшая и бо́льшая дифференциация различных слоев, из которых состоит каждый цивилизованный народ".

Ясно, что организация есть неизбежный результат дифференцирования всякого сообщества. Путь, по которому идет организация, определяется в одном случае так: „1) акты взаимодействия, 2) их повторение, 3) обычай, 4) юридическое правило, 5) юридический институт, как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений, (семейный институт, институты собственности, власти, наследования, суда и т. д.), социальная организация, как совокупность юридических институтов данной группы населения". (П. Сорокин, т. I, l. c., стр. 340). В другом случае дело идет о более коротком пути: состоящем в соглашении лишь между собою, выработке устава, его оформлении и проведении в жизнь.

С другой стороны, всякое начавшееся движение сначала представляется обычно более или менее хаотичным и более общим по своему характеру и, лишь вместе с своим развитием, оно постепенно принимает всё более и более определенную форму, иначе говоря, принимает более специальный вид, получая вполне определенную физиономию.

Таким образом, всякое общественное движение из мало определенного становится всё более и более определенным.

Этот процесс внутренней организации общественного движения, когда оно из более общего и хаотичного постепенно становится более частным и более определенным, мы и называем его дифференцированием.

Возьмем любую толпу, которая собирается, побуждаемая каким либо недовольством. В начале почти никто не знает, зачем он находится в толпе, и что может быть результатом сборищ. Но, когда образовались первоначальные кучки, в них начинается взаимный обмен мнений. Основные причины недовольства, вследствие этого обмена мнений в отдельных частях толпы, а затем и во всей толпе, выясняются всё более и более, причем постепенно это общее недовольство начинает принимать более конкретную форму, вследствие чего пред'являются уже определенные обвинения к тем или другим лицам.

Таким образом, самое недовольство первоначально крайне смутное и неопределенное дифференцируется в конкретное недовольство по поводу тех или других действий определенных лиц и порядков, ими устанавливаемых. Что эта происшедшая дифференцировка общественного движения, в данном случае движения толпы, из неопределенного и хаотического недовольства в конкретное недовольство определенными лицами может привести к насилию,— это вполне очевидно.

Но всё это в приведенном примере может произойти только после строго установившегося настроения толпы против определенных лиц, чего в начале могло и не быть. Возьмем любое собрание, обсуждающее какой-либо вопрос. С самого начала никто не может сказать, во что выльется данное обсуждение, к чему придет собрание, ибо первоначально всё хаотично, всё неопределенно. Но вот начинаются прения. В первое время вопрос освещается с разных точек зрения, и опять таки нельзя еще сказать, во что выливается обсуждение вопроса, но с течением времени начинает более или менее выясняться сущность вопроса. Взгляды различных партий получают свою ясность и как бы уточняются и этим самым обеспечивается дифференцировка разных мнений, которая нигде так ярко не выступает, как в свете коллективной критики. Вместе с этим определяется равнодействующая большинства мнений, и таким образом начинает постепенно выясняться точка зрения большинства собрания. Наконец, предлагается выработанная кем-либо в согласии с мнением большинства резолюция, которая при опросе голосованием и принимается собранием.

Этим заканчивается коллективная работа, которая была первоначально хаотической и мало определенной, но путем постепенного дифференцирования достигла большей определенности, вылившись в одну краткую формулу.

Возьмем, затем, развитие такого крупного общественного движения, как восстание. Сначала дело начинается глухим недовольством и ропотом населения, что время от времени проявляется в заявлениях отдельных партий, в действиях отдельных групп, а затем целых банд, но вначале ничто еще не определилось в точности и неизвестно, какими путями будет двигаться восстание.

Затем, среди недовольного народа возникает организация, которая начинает собирать вокруг себя повстанцев, и мало-по-малу восстание начинает организовываться, выливаясь в народное движение с определенными лозунгами и намеченной строго выработанной программой требований.

Таким образом, и здесь, следовательно, народное движение, начавшееся глухим, малоопределенным недовольством, постепенно достигает полной организованности, иначе говоря, дифференцируется в вооруженное восстание, имеющее определенную программу действий и все необходимые для того средства.

Возьмем для примера военные действия. Первоначально разрабатывается план наступательных действий, но ни один полководец не обманывается относительно того, что точная реализация плана почти никогда не осуществима на войне.

Заготовленный заранее план, скорее рассматривается, как цель, к которой необходимо стремиться, но самое достижение цели в конечном итоге будет зависеть от различных обстоятельств, с которыми придется встретиться при осуществлении плана. Даже, когда сами действия начали развиваться, обычно никто не может сказать, как они пойдут далее, ибо здесь всё неожиданно, всё неопределенно, и лишь с течением времени обрисовывается бо́льшая или меньшая определенность положения и способы достижения намеченной цели.

Следует, затем, иметь в виду, что, если коллектив встречается впервые с внешними воздействиями того или иного рода, то его реакция первоначально оказывается также мало определенной и хаотичной и лишь с течением времени постепенно выливается в определенную форму.

В этом опять-таки проявляется закон дифференцирования, общий для всех вообще общественных движений.

Допустим, что правительство в целях самообороны предприняло определенные меры, с целью подавления того или иного общественного движения. Эти меры вызывают общее возмущение в оппозиционных кругах. Вследствие этого в последних начинается реакция, которая первоначально выражается в мало определенной форме, вызывая лишь обострение оппозиционных настроений, а затем, при обсуждении положения дел в многочисленных кружках и партийных собраниях, выливается в определенную форму противодействия, располагающего соответственной программой его выполнения и определенными средствами для достижения своей цели.

Даже правительственные мероприятия против тех или иных общественных движений, являющиеся тормозами для последних, первоначально мало определенны и хаотичны и лишь с течением времени, по мере опыта, приобретают определенную форму.

Равным образом, и всякое общественное противодействие тому или другому движению первоначально представляется недостаточно определенным и лишь со временем приобретает более или менее конкретную форму.

Таким образом, всякое вообще общественное движение и даже тормозящие его условия проходят от начала до конца различные стадии дифференцирования, переживая стадий подготовительный, большею частью мало определенный, и затем начальный стадий уже проявившегося общественного движения.

Это движение, однако, первоначально является слишком общим, но затем оно постепенно приобретает всё более и более определенный характер, выливаясь, в конце концов, в более или менее частичную конкретную задачу.

Даже в коллективном сосредоточении подтверждается тот же самый закон, ибо сначала предметом сосредоточения является то или другое событие в его целом, а затем коллективное сосредоточение направляется уже на различные детали события. Далее, если мы имеем дело с коллективной мимико-соматической реакцией, то первоначально она имеет неопределенный, проявляясь более или менее общим выражением недовольства, но затем она выливается в определенную форму, вследствие чего мимико-соматическая реакция того или иного рода приобретает уже вполне конкретный характер, что ясно из представленных ранее примеров.

Равным образом, и все другие проявления коллектива подлежат закону дифференцировки. Между прочим, этот закон со всею ясностью обнаруживается и на развитии языка.

По А. Шлейхеру „исходным началом в развитии всех языков были простые звуки, служившие для изображения воззрений, представлений, понятий, которые могли функционировать во всяком отношении, т. е. как всякая грамматическая форма, хотя для этих функций и не существовало особого звукового выражения, так сказать, особого органа. Таким образом, на этой первобытнейшей ступени развития языка нет особых звуковых различий ни для глаголов, ни для имен существительных, ни для спряжений, ни для склонений и т. д. Попробуем наглядно представить это, по крайней мере, на одном примере. Для слов, которые на современном немецком языке произносятся tat, getan, tue, Töter, tätig, существовало ко времени зарождения первоначального индогерманского языка слово dha, ибо это слово (означавшее полагать, делать и произносимое по древне-индусски dha, по древне-бактрийски da, по гречески θε, по литовски и славянски де, по готски da и по верхне-немецки ta) оказывается общим корнем всех вышеуказанных слов. На более поздней ступени развития индо-германского языка стали употреблять для выражения определенных отношений корень дважды (корни употреблялись еще тогда, как слова), присоединяя к нему еще другое слово, другой корень; но каждый из этих элементов оставался еще самостоятельным. Для обозначения напр. первого лица настоящего времени говорили dha, da, ta. С дальнейшим развитием языка, когда элементы слились в одно целое, и корни получили способность применяться, из трех этих слов получилось dhadhami (по древне-индусски dadhami, по древне-бактрийски dadhami, по древне-гречески τιθημι, по древне-верхне-немецки tôm, tuom для tôtômi, по ново-верхне-немецки tue). В древнейшем dha содержались неразделенными еще и неразвитыми различные грамматические формы, как глагольные, так и именные, вместе со всеми своими видо-

изменениями. Те же отношения можно наблюдать еще и по настоящее время в языках, оставшихся на низшей ступени развития" (Р. Авенариус. Философия, как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы р. и. 1912, стр. 70).

В другом направлении происходит дифференцировка слов. А. Гейгер дает исторические примеры такой дифференциации, когда одно и то же слово иногда с некоторыми видоизменениями, служит для обозначения различных предметов: Der See и die See. Bett и Bett, что происходит еще и поныне [1]).

Что развитие языка идет путем дифференцирования и обобщения, вряд ли даже нужно доказывать. Достаточно припомнить, что все индо-европейские языки своим прародителем имеют санскрит, который, таким образом, дифференцировался на целый ряд различных языков.

Самый процесс дифференциации языка зависит от расселения народов и от возникновения новых слов, которые мало-по-малу усложняли всё более и более первоначальный язык, который в то же время пополнялся и заимствованными словами. Наконец, достоверно известно, что и климат не остается без влияния на язык.

Так напр., в теплом климате обнаруживается распространение новых слов, изобилующих открытыми гласными, тогда как в странах холодных преобладает распространение глухих гласных. Также и расовые особенности отражаются на характере языка в смысле произношения слов, а это само по себе указывает на отношение расы к происхождению языка.

Если мы проанализируем любое научное движение, то мы убедимся, что и оно развивается путем дифференцировки и последующего избир. обобщения или синтеза. В этом случае, первоначально, как известно, набираются новые факты, и таким образом начинает дифференцироваться самый материал, который разрастается иногда до колоссальных размеров; но одновременно с этим идет и синтетическая работа обобщения фактов путем подведения их под определенные теории. То же и в литературе и в искусствах. Здесь первоначально дело идет о новых произведениях, выделяющихся от прежних своими особенностями, а вместе с тем из совокупности этих особенностей вырастает новое направление, особая руководящая система.

Даже приобретение навыков и знаний подчиняется закону дифференцировки. Что делает человек, чтобы научиться играть на инструменте? Он должен сначала изучить отдельные ноты, т. е. уметь дифференцировать отдельные звуки, извлекая их у данного инструмента, а затем он их уже обобщает, переходя к мелодиям. Что делает человек, учащийся грамоте? Сначала он изучает азбуку, иначе говоря, дифференцирует грамоту, а затем приучается к составлению отдельных букв, слогов и целых слов.

Тот же общий закон дифференциации может быть приложен, между прочим, и по отношению к потребностям, ибо всякая потребность возникает

---

[1]) L. Geiger. Ursprung d. Sprache. Stuttgart. S. 58.

из опыта и, следовательно, развивается вслед за открытием или изобретением, давшим материал для этой потребности. Так, потребность в наркотических средствах, таких, напр., как табак, явилась следствием открытия этого дурманящего средства и способа его употребления. Раньше этого существовала вообще потребность в возбуждении нервной деятельности, которая могла удовлетворяться другими средствами, напр., алкогольными напитками, но эта потребность до открытия табака не могла принять форму потребности именно в табаке. Совершенно правильно также учение, что потребность закрывать известные части тела одеждою явилась не прежде одежды, а именно вследствие конечной пользы, необходимость в которой возникла вследствие климатических влияний.

Если мы теперь посмотрим, как развиваются потребности в обществе, то мы должны принять во внимание, что развитие всякой общественной потребности также идет по пути дифференциации. Возьмем напр., потребность в возбуждающих средствах. Сначала она представлялась мало определенною и более или менее общею социальною потребностью, возникшею с усложнением цивилизации, которая не находила себе удовлетворения, кроме, быть может, поедания каких-либо возбуждающих растительных плодов. Но с незапамятных времен человек научился приготовлять вино из винограда, и с этих пор потребность в возбуждающих веществах становится более определенной в смысле потребности в вине. Со временем явились новые изобретения в виде различных сортов вина и в виде приготовления вина из хлеба, и та же потребность для многих сделалась потребностью в определенном качестве вина или водки, и таким образом потребность, сначала бывшая неопределенной, сделалась более определенной и дифференцированной, распавшись на ряд потребностей. С открытием действия опия, морфия, гашиша и других наркотических средств та же потребность в возбуждающих средствах дифференцируется еще более.

Итак, всё вышеизложенное не оставляет сомнения в том, что всякое общественное проявление развивается путем дифференцирования. Этот принцип является столь же общим для общественных движений, как и для сочетательных рефлексов в индивидуальной жизни.

XIV. Закон воспроизведения.

Закон воспроизведения не составляет закона, относящегося только к органическому миру. Уже в законе ритма или периодичности мы встретились с тем, что однажды бывшие процессы с течением времени воспроизводятся, хотя и в несколько измененном виде. Нельзя не вспомнить при этом прекрасных слов Экклезиаста. С другой стороны, везде и всюду в неорганическом мире

мы имеем возникновение одного тела из другого с свойственными последнему отличительными признаками. Пример: планетный мир, имеющий своего прародителя в солнце. Другой пример—образование кристаллов.

В мире органическом закон воспроизведения проявляется в осуществлении потомства или в биологической наследственности, известной всем и каждому. С другой стороны, основным свойством раздражительности клеточной ткани является тот факт, что после раз происшедшей реакции при вторичном раздражении подобного же рода реакция осуществляется с гораздо бо́льшей легкостью. Она часто воспроизводится уже при незначительном внешнем толчке или погоде.

Что касается соотносительной деятельности в форме высших или сочетательных рефлексов, то репродуктивные процессы относятся к самым основным их проявлениям, характеризуясь воспроизведением соответствующих реакций, как двигательных, так и сердечно-сосудистых и секреторных, на чем здесь нет надобности останавливаться подробно.

Перейдем теперь к оценке закона воспроизведения в надорганическом мире и будем кратки, в виду ясности самой темы.

Целый ряд данных говорит безусловно в пользу того, что в жизни обществ огромную роль играет фактор наследственности, но не биологической или индивидуальной, а так наз. „духовной". Под этим названием мы понимаем то, что унаследывается обществом путем воспитания и преемственности от предков, что переходит к той или иной общественной организации из прошлого и переходит в виде как бы готовых сложившихся форм общественной жизни.

Сюда относятся прежде всего все богатства сложившейся в прошлом „духовной" стороны коллектива, передающиеся потомству от прошлых поколений, как язык, обычаи, предания, общие понятия и пр., а также все, что известно под названием установившихся традиций и вообще уклада общественной жизни.

Когда и при каких условиях сложился обычай, часто никто сказать не может, даже смысл его нередко утрачивается, и тем не менее обычай покоряет людей и сохраняет свою силу, несмотря даже на полное изменение условий, под влиянием которых он возник. Примером может служить сожжение костров в Иванов день, перешедшее к нам от времен язычества, гадания на святках, рождественские елки и т. п.

Не менее стойки традиции в интеллигентном обществе, которые противостоят всяким влияниям моды. Таково ношение столь своеобразной одежды, как фрак и цилиндр в оффициальных случаях, и все так-называемые светские обычаи, которые непререкаемо господствуют в интеллигентном обществе, несмотря на всеми сознаваемую их нелепость.

Необходимо далее иметь в виду, что на „духовном" складе общественных организаций отражаются и все продукты творческой деятельности отдельных лиц, которые становятся общественным достоянием. Сюда относятся такие результаты человеческого творчества, как наука, литература и искусства.

Без сомнения, все эти продукты творческой деятельности отдельных лиц, как мы уже говорили, до известной степени, являются отражением общественных настроений и взглядов и в этом отношении они являются как бы показателем творческой деятельности народов. Но в то же время наука, литература и искусства являются таким фактором, существование которого и передача в потомство не могут не отражаться на общественной жизни народов, как в каждой общественной группе не остаются без влияния на ее деятельность результаты прошлой умственной работы той же общественной группы.

Необходимо, далее, иметь в виду, что на деятельности обществ отражается всё духовное наследство, состоящее в приобретениях, которые делает человечество с каждым шагом своего поступательного движения в области индустрии, и которые имеют прямое отношение к общественной жизни, как например, усовершенствования способов сношения людей через пространство, усовершенствования способов передвижения и пр.

Из вышеизложенного очевидно, какое значение имеет общественная наследственность для коллективной жизни народов и общественных организаций.

Без сомнения, эта общественная наследственность является возможной, благодаря передаче путем печатного и устного слова продуктов человеческого творчества от одного поколения к другому. При этом особую роль в указанном отношении играет воспитание юношества, но имеет не меньше значения и простая преемственная передача от одних лиц к другим, которая происходит везде и всюду в каждой общественной организации, служа основой для укрепления общественных традиций между ее членами.

Поэтому, ничто в общественной жизни не совершается без предшествующих влияний и ничто не исчезает бесследно [1]). Даже то, что обязано исключительно личной инициативе, при ближайшем анализе окажется, что в действительности личная инициатива возникает из общественной потребности и стоит в несомненной связи с целым рядом других фактов общественной жизни. Словом, нет ничего такого в общественной жизни, которое являлось бы совершенно новым и не имеющим своих корней в прошлой общественной жизни. Самый гений, этот могучий инициатор в человеческом обществе, является порождением предшествующих био-социальных условий, осуществляя свою творческую деятельность при посредстве накопления материала, годного для его синтетической обработки. Вообще же всякое общественное развитие сопровождается накоплением коллективного опыта в результате соответствующей затраты коллективной энергии.

Наоборот, обратное развитие или общественное разложение является результатом недостаточности или невозможности коллективного опыта, вследствие торможения общественной энергии. Это соответствует биологическому

[1]) См. подробности в моей работе: Бессмертие человеческой личности, как научная проблема. Отд. изд.

закону Спенсера, по которому всякое развитие сопровождается накоплением вещества, а разложение сопровождается обратным явлением.

Таким образом, всякий шаг в развитии общественности есть результат предшествующего коллективного опыта. Ясно, что закон общественной наследственности в своей основе включает в себя установление зависимых отношений между общественными событиями настоящего времени и прошедшими. Последний факт состоит в том, что, если произошло то или иное событие, то за ним обязательно должно обнаружиться, при отсутствии каких-либо задерживающих моментов, определенное следствие, представляющее новые формы общественности.

Особенно убедительным примером общественной наследственности является обычай. „Нет правительства, говорит Тард (Законы подражания, стр. 312), более мелочного и деспотичного, нет законодателя, строже соблюдаемого и более строгого, чем обычай. Под этим словом я разумею бесчисленное множество воспринятых старых или новых привычек, которыми регламентируется частная жизнь не сверху и отвлеченно, как регламентирует ее закон, а непосредственно и во всех частностях, и которые обнимают собою все искусственные потребности, все симпатии и антипатии, особенности нравов и обращения, свойственные в данное время той или другой стороне".

„Обычай, подобно правительству и законодательству, находится в связи с религией: он является отпрыском обрядности".

В оное время признавали те или другие предрасположения в больших общественных группах, часто обозначаемые гением народа. Такие предрасположения признавались за народами в отношении грамматических форм, определенных форм правления, религиозных верований и т. п. Допускалось, что характеру той или другой нации свойственны одни общественные явления и вовсе не свойственны другие явления. Так напр., Китай и Япония признавались странами, которым не свойственны европейские учреждения, как греческому гению будто бы свойственен политеизм.

Надо однако заметить, что, хотя и неоспоримо, что та или другая нация имеет свой темперамент и обладает той или иной степенью деловитости, что зависит от климатических, экономических и иных условий, но неоспоримо также и то, что всё остальное, что характеризует нацию, зависит от ее общественной жизни и ее уклада, сложившегося веками. Поэтому, введение новых образцов в общественной жизни путем просвещения народных масс может коренным образом изменять это предрасположение нации или ее характер, как это мы видим на примере Японии.

Так или иначе, но каждый социальный индивид имеет свою физиономию и свои личные особенности, которые передаются из поколения в поколение, в качестве доминантных признаков. Это, гений народа, гений его языка, гений религии. Это—дух партийности, это—характер определенной среды, ее обычаев и привычек. Словом, везде, где имеется определенный коллектив, мы имеем и определенное коллективное выражение его индивидуальных качеств. Но всё это, если исключить область темперамента и умственного развития, не приро-

жденные биологические особенности, а особенности, приобретаемые путем сложившихся жизненных условий данного сообщества, которые, однако, настолько укоренились в нем, что являются признаками, исследуемыми с особенным постоянством.

XV. Закон избирательного обобщения или синтеза.

Мы снова здесь встречаемся с всеобщим законом — законом избирательного обобщения или синтеза. Последний мы имели уже в неорганической природе везде и всюду, где образуется система тел, где мы имеем дело с подвижным равновесием сил, и всюду там, где образуются сложные химические соединения. Но и органический мир также подчинен закону синтеза. Разве самый организм не есть синтез или интеграция клеток в форме тканей, интеграция химическая с помощью крови и соков и, наконец, интеграция энергетическая с помощью нервной системы. Разве все это не формы синтеза разных отправлений и функций в целях интересов всего целого, его жизнедеятельности и самосохранения?

Не будем на этом останавливаться, ибо это не наша задача, но заметим, что тот же закон применим и к обществу. И действительно, мы уже ранее видели, что, наряду с дифференциацией в коллективной деятельности, мы встречаемся и с законом синтеза или избирательного обобщения. Уже в развитии коллективных сочетательных рефлексов не обходится дело без избирательного обобщения.

В сочетательных рефлексах отдельных индивидов это сказывается тем, что, если мы производим, наряду с раздражением, вызывающим рефлекс, другое побочное раздражение, то, в конце-концов, после известного ряда раздражений, неизбежно рефлекс будет получаться и на это побочное раздражение. Неизбежность эта вытекает из самого существа дела, почему при известных условиях данное следствие неустранимо. В жизненном опыте эта зависимость так или иначе учитывается, и данные однажды в опыте следствия признаются, как цель, в других случаях. Пример: впервые испытанный младенцем недостаток в питании удовлетворяется грудью матери или кормилицы. В этом первоначальном жизненном опыте дело идет о недостатке пищи или состоянии голода, как первичном органическом раздражителе, и о достижении удовлетворения создающейся потребности, путем грудного молока. Пока в жизненном опыте нет другого способа удовлетворения голода, как материнским молоком, каждый раз состояние голода возбуждает стремление к удовлетворению тем же способом, вследствие чего однажды или несколько раз происшедшее устранение голода, как стимула или раздражителя, столь тесно связывается с последующим благосостоянием организма, что создается естественная потребность в последнем, а способ утоления голода, т. е. питание,

является уже целью поведения для удовлетворения создающейся потребности.

Таким образом, цель дана в предшествующем опыте и она является руководительницей поведения в определенных случаях, т. е. при создавшихся подобных же условиях.

Однако, не всегда цель создается в самом индивидуальном опыте, но она в таком случае является результатом коллективного опыта других, как неизбежное следствие, являющееся результатом закона сочетательных рефлексов. Так, жизненный опыт говорит, что все люди рано или поздно умирают. Сам человек в этом случае личного опыта смерти не имеет и иметь не может, но коллективный жизненный опыт смерти других получает руководящее значение, и создается цель—с одной стороны, отдалить личную смерть, а с другой, быть готовым к смерти.

Другой пример: жизненный опыт показывает, что обращение с острозаразными больными приводит к развитию той же заразной болезни у других людей, что вынуждает к осторожности с такими больными. Данный человек может не иметь в этом отношении собственного опыта, но, тем не менее, обобщая примеры на других до самого себя включительно, он принимает соответственные предосторожности, след., создается личная цель, как руководящее начало в поведении избегнуть заражения.

Дело идет, таким образом, в обоих случаях о развитии оборонительного рефлекса, развивающегося путем опыта у людей вообще и прививающегося к данному лицу, но не путем собственного опыта, а путем естественного воспитания коллективного рефлекса и применения чужого опыта к самому себе, благодаря синтезу или обобщению.

Вообще, во всяком коллективе идет процесс избирательного обобщения, наряду с дифференциацией, ибо уже разнородная первоначально толпа вскоре становиться однородной, сплачиваясь все теснее и теснее вокруг одной общей цели. Точно так же и всякий другой коллектив сплачивается в своих отдельных частях, благодаря установлению определенной организации. В каждой организованной толпе непременно возникает согласованность или гармония ее частей и общность стремлений, которые являют собою доказательство начавшегося обобщения.

Согласно закону избирательного обобщения, осуществляется организация в каждом вообще коллективе в целях сплочения его частей для общей деятельности.

Благодаря этому закону, всякое длительно-существующее коллективное единство, по мере своего существования, из бесформенного становится оформленным, из нешаблонного—шаблонным, из беспорядочного—упорядоченным, короче, из неорганизованного—организованным (П. Сорокин, Система социологии, т. I, стр. 33).

Таким образом, первоначально раздробленные и дифференцировавшиеся части общества с течением времени подвергаются об'единению, стимулом для которого является общий язык, обычаи, религия и другие установления и поводы, являющиеся в роли раздражителей. Так, древние греческие государства

об'единились, благодаря олимпийским играм и дельфийскому оракулу. Народы Римской империи об'единялись не только силою оружия, но и в силу общего языка и религии, способной вмещать бесчисленное количество новых богов, а также благодаря распространению одной и той же культуры. Христианство и одна общая культура об'единяет цивилизованные народы позднейшего времени.

Наряду с дифференциацией населения по классам и племенному составу, имеется всегда обобщающее государство с его организацией власти, и народы, заимствуя друг у друга, путем подражания, те или другие нововведения в культурном отношении, уже этим путем об'единяются друг с другом. Даже войны, которые должны бы раз'единять народы, ибо они порождаются распрей между ними, на самом деле нередко приводят к об'единению и союзам, и не только благодаря завоеванию одного народа другим, но и благодаря заимствованиям менее культурного народа у более культурного, особенно если последний оказался победителем. Помощью в этом об'единении служит и государственная организация, которая скрепляет в один мощный союз нередко совершенно различные по культуре и верованиям народы.

Далее, несмотря на политическое раз'единение народов друг от друга, идет обычно их экономическое и культурное сближение. То же происходит и с меньшими коллективами, как, напр., сословиями, которые об'единяются на почве общих культурных и экономических интересов и, заимствуя друг у друга различные нововведения путем подражания, постепенно приходят к об'единению и слиянию, устраняя классовые и сословные преграды.

Вообще в государственной жизни всегда рядом с дифференциацией идет и обобщение в области политической организации обществ. По словам Тахтарева: „более сложные формы политического общества и государства образуются из более простых посредством их слияния. Так вечующие племена сливаются в народности, и вечевые народоправства и принимают вид союзов самоуправляющихся народов.

Феодальные княжества, перестающие быть самодостаточными и потому становящиеся в зависимость от более могущественных, подпадают под высокую руку их государей и тоже в конце концов сливаются в более сложное феодальное государство. Самовольного характера независимые городские республики, переставая быть самодостаточными в деле обеспечения своей внешней безопасности, столь же неизбежно принуждены об'единяться для борьбы с внешними врагами. Образуя союзы и федерации республик, они дают этим начало более сложной республиканской форме. Основные государства, переставая быть самодостаточными в том же военном отношении и попадая в зависимость друг от друга, подобно феодальным княжествам и городским республикам, дают начало более сложным формам национального государства. Наконец, и национальное государство, и национально-классовое общество, под влиянием международного общения, теряя свою самодостаточность, об'единяются в союзы и принимают вид каких то международных государств, которые, в свою очередь, стремятся об'единиться и превратиться во всеобъемлющую всемирную республику". (К. М. Тахтарев. Общество и государство, стр. 10).

При этом организация власти всегда стоит в определенной связи со взаимоотношениями общественных классов и групп, на которые распадается та или другая народность, а проявление власти, как силы, согласно Джефсону (H. Jephson, The Platform p. n. СПБ. 1901 т. 2) и Артуру Бентли (A. Bentley, The process of government), зависит от давления со стороны той или другой большой общественной группы. В конце концов, власть самою силою вещей неизбежно подпадает под давление господствующей общественной группы, являясь ее орудием в достижении известных целей.

Таким образом, очевидно, что в политической жизни народов наряду с дифференцированием везде и всюду дело идет и об обобщении. Процесс обобщения идет еще далее и, когда самодостаточность государства в известном периоде его жизни не удовлетворяет уже всем жизненным потребностям, она восполняется необходимыми соглашениями, союзами и слияниями.

Более того. При осуществлении всякой вообще коллективной деятельности мы имеем процесс избирательного обобщения. Коллективные действия обычно сначала недостаточно организованы и недостаточно определенны; со временем же они выливаются в форму более согласованных действий, направленных к достижению определенной цели.

Так, если обучаются войска маневрированию, то первоначально движения их представляются мало согласованными и лишь со временем они приобретают необходимую стройность, следовательно, являются определенными и точными, подвергаясь согласованию.

С другой стороны, при обучении оркестра, при хоровом пении и в других случаях коллективных движений мы имеем тот-же процесс постепенного перехода у негармонического и более или менее хаотического к более стройному и гармоническому. Следовательно, мы и здесь имеем дело с обобщением.

Примеры обобщения мы имеем и в промышленных кооперациях, и в различного рода финансовых союзах, и в артелях и т. п.

Что научная мысль, как и всякое вообще творчество, не обходится без обобщения и синтеза, не нужно и доказывать, ибо всякому ясно, что вслед за накоплением фактов следует об'единение их в одну систему, обобщение их одним каким либо принципом или одним законом. Всякое вообще творчество, будет ли то научное творчество или творчество в искусстве, в существенной своей части сводится к синтезу и обобщению. Тот же процесс обобщения мы имеем и в развитии наук. По Тарду (Социальные законы, стр. 106) совершенно неоспоримо, что наши науки вначале были просто как бы только состоящими из маленьких разрозненных открытий, не имеющих между собой никакой связи; потом эти открытия соединились в группы (причем каждая отдельная группировка была сама по себе открытием), в маленькие теории, которые, в свою очередь, были соединены в более обширные теории, подтвержденные или исправленные множеством других открытий. Наконец, все это об'единяется арками (или мостами) гипотез, переброшенных над открытиями.

Жизнь всякого без исключения общества характеризуется творчеством, которое в собирательной личности не проявляется одинаково во всех вообще

индивидах, а более или менее неравномерно, причем в одних индивидах она проявляется в бо́льшей мере, нежели в других. Творчество и представляет собою ту работу, которая в форме толчков дает начало всякому общественному процессу. Творчество выражается изобретением или открытием, которое неизбежно приводит рано или поздно к изменению общественных соотношений. Открытие огня в оное время изменило совершенно человеческий быт, дав возможность пользоваться искусственно приготовленной пищей, ковкими металлами на место камня, жить в отапливаемых помещениях при гораздо более суровых климатах, нежели прежде, устранив, где нужно, темноту, мешающую осуществлять работы, и т. п. Открытие взрывчатых веществ дало возможность пользоваться огнестрельным оружием, передвигать с бо́льшей легкостью поверхность земли, лучше разрабатывать ее недра; изобретение пара ускорило пути сообщения и в корне изменило организацию человеческого труда, заменив ручную форму труда фабричной и заводской промышленностью; открытие электричества дало возможность сообщать человеку свои распоряжения на далекое расстояние, как в письменной, так и в устной форме (телеграфом и телефоном), не говоря о целом ряде усовершенствований в различных технических областях.

В этом случае дело идет об открытиях и изобретениях, касавшихся усовершенствований в технической области, создавших новые эры в жизни человечества. Не меньшего значения были и открытия в области иных проявлений соотносительной деятельности человека. Такими творцами явились все двигатели науки и искусства, все основатели религий, проложившие новые пути к познанию и моральному совершенствованию, что привело к лучшим условиям существования человечества, выразившимся предвидением событий, массой усовершенствованных орудий, облегчающих человеческий труд, устранением рабовладельческого труда, отменой феодализма и крепостничества и т. п.

Нечего говорить, что наряду с этими делающими эпоху открытиями и изобретениями мы встречаемся на каждом шагу с более мелкими открытиями и изобретениями, значение которых представляется соответственно меньшим по своим размерам, но действие их в смысле характера их влияния на общественную деятельность представляется все же значительным. Возьмем хотя бы такое изобретение, как английская булавка. Разве она не привела к экономии в деятельности человека, устранив шитье там, где оно могло быть заменено булавкой?

В чем же, собственно, заключается сила и значение творчества? Откуда берется то новое, которое мы находим в каждом открытии и в каждом изобретении? Не может подлежать сомнению, что творчество представляет собою результат синтеза или комбинации сильным умом реальных явлений и более мелких изобретений и открытий, что может быть подтверждено анализами всех вообще крупных изобретений и открытий.

Можно определенно сказать, что всякое открытие и изобретение основано на комбинировании явлений природы. Отдельные факты открываются многими, но комбинация их не всем доступна, а между тем комбинация и ее-

ставляет нечто новое, ранее неизвестное. Возьмем открытие Ньютона. Кому неизвестно было, что яблоки падают с дерева на землю, а между тем этот общеизвестный факт в комбинации с другими не менее известными для астрономов фактами привел к открытию, удивившему весь мир.

Благодаря такому обобщению, становится возможным и научное предвидение, как в том убеждает нас целый ряд всем известных фактов.

Значение больших количеств, как оно выявляется в статистических данных и в теории вероятности, равным образом, в своей основе имеет закон обобщения.

Но не только сама наука, но и существование различного рода воззрений, ошибочных теорий, различных соображений, фантастических предположений и взглядов, начиная с первобытных людей до цивилизованных рас, словом, все анимистические, фетишистические, тотемические и другие нелепые взгляды и теории, как и религиозные концепции и фантастические об'яснения явлений природы, даваемые необразованными людьми, суть ни что иное, как продукты того же синтеза—правда, синтеза ошибочного, исходящего из ложных посылок, но всё же синтеза, как обобщающего начала.

То же следует сказать и об искусствах. Так напр., крайне оригинальное искусство инков обязано своим происхождением слиянию и переработке древнего египетского и ассирийского искусств. Нечто подобное можно найти и в возникновении и развитии искусства европейских и других народов.

Тот же процесс обобщения, как мы видели, лежит и в основе развития категорий и общих понятий.

Наконец, и в развитии самого языка рядом с процессом дифференциации шел одновременно и процесс обобщения. Как, напр., произошли нынешние романские языки? путем смешения римского языка с местными языками, а в этом процессе смешения и проявился процесс синтеза или избирательного обобщения.

Даже в распространении языка дело не обходится без участия закона обобщения, ибо новый язык, прививаемый тому или другому народу, соответствующим образом переделывается им путем слияния с местным языком.

Так, в течение двух столетий галлы, будучи завоеваны римлянами, усвоили латинский язык, но этот язык был постепенно приспособлен к своим потребностям и к своим лингвистическим формам, в результате чего получился французский язык.

В конце концов благодаря обобщению, вырастает всякое большое социальное явление. Так, бесчисленные маленькие бедные языки отдельных народцев путем обобщения об'единяются в один большой и могучий язык, удовлетворяющий всех.

Даже общественная мораль постепенно слагается, благодаря оценке поведения каждого индивида в разных условиях со стороны отдельных личностей и групп, в результате чего получается общественное мнение в форме общественной морали.

К порядку обобщений относится и ассимиляция и об'единение народов, когда дело идет о внутреннем сближении одних с другими. По Г. Лебону (Психология народов и масс, стр. 15) „когда какая-либо нация достигла этого об'единения, то устанавливается инстинктивное согласие всех ее членов по всем крупным вопросам, и серьезные разногласия не могут возникать более в ее недрах".

Наконец, сколько архитектурных стилей обязано процессу обобщения? Истинный знаток искусства скажет об этом лучше автора настоящего сочинения. Даже цивилизации, в конце концов, обязаны процессу обобщения, ибо нет на свете чистых цивилизаций одного народа, а имеются только смешанные цивилизации, где наслойка одной цивилизации покрывает другую цивилизацию, более древнюю.

Если обратиться к вопросу о факторах, приводящих к общественному синтезу, то необходимо иметь в виду, что в организованных обществах целям коллективного об'единения или синтеза служат, как известно, с'езды, об'единенные заседания, советы, совещания и т. п. Той же цели служат все фабрики с их разделением труда, кооперативы, банки, правительственные учреждения, научные общества и другие коллективы, где лица разных специальностей об'единяются для той или иной общей цели.

Одной из важнейших сил, приводящих проявления отдельных индивидов к обобщению, согласованию и слиянию, является подражание и заимствование. В самом деле, несмотря на дифференцирующую роль различных по характеру факторов, в виде различных географических, экономических и других влияний, обособляющих друг от друга народы и расслаивающих общества, подражание, основанное на заимствованиях, устанавливает сходство между дифференцированными частями народов и обществами, что приводит к их единению и обобщению.

Разница между цивилизованными народами Европы и, напр., албанцами так велика, что об их единении трудно и говорить, тогда как, напр., между швейцарцами и другими западно-европейскими народами имеются уже все формы культурного сближения, благодаря далеко зашедшему взаимному подражанию в культурном отношении. Точно так же низший слой населения, благодаря подражанию в области образования, постепенно, сливается с более высшими слоями в культурном и экономическом отношении, а это приводит к бо́льшему обобщению и слиянию этих групп населения. Подражание в языке, т. е. заимствование одними народами языка у другого народа, также служит важным стимулом к обобщению, приводя к об'единению и слиянию народов. Вообще, везде и всюду подражание играет роль обобщающую и об'единяющую. Общественные верования и общественные стремления, благодаря взаимной заразительности и подражанию, даже нарастают в своей силе и значимости в связи с количеством членов коллектива.

Достаточно, чтобы в жизни какого либо общественного деятеля проскользнуло то или другое компрометирующее его обстоятельство, и тогда недоверие общества проявляется уже ко всем его другим начинаниям.

С другой стороны, избирательное обобщение выступает каждый раз, когда при том или другом воздействии на общество возникает одинаковое отношение в различных общественных группах.

Так, на тот или другой акт правительства может развиться оппозиция одинаково как в правых, так и в левых кругах. Когда возникает такое бедствие, как война или мятеж, то различные слои населения стремятся проявить свой патриотизм. Одна и та же цель может возбуждать разные общественные коллективы. Так например, исследование тропических стран африканского материка и северных и южных приполярных стран возбуждало деятельность многих ученых коллективов и коммерческие классы населения разных наций, об'единявших свои силы на этой почве. К этому же порядку явлений относятся те случаи, когда различные по характеру движения могут быть призваны к жизни и поддерживаться в дальнейшем из одного и того же общего источника. Так, революция 1917 г. в России в первое время привела к об'единению всех оппозиционных элементов страны, вследствие того, что прежняя царская власть вызвала оппозицию к себе как со стороны всех социалистических и либерально-буржуазных слоев населения, так и в инородческом населении России. Наконец, крупное общественное бедствие обычно возбуждает движение в смысле оказания помощи в самых различных кругах населения.

Все это примеры того закона избирательного обобщения, по которому различные общественные движения возбуждаются одним и тем же воздействием.

Избирательное обобщение можно наблюдать при всякой вообще коллективной деятельности. Вот, например, собрание, в котором обсуждается какой-либо вопрос большой важности. Несмотря на большое расхождение взглядов в различных политических партиях, некоторые из этих партий могут сойтись на одном и том же решении.

В случае развития коллективных беспорядков на почве недостаточного продовольствия, мы имеем часто путем обобщения в силу коллективного сочетательного рефлекса, погромы не только лавок, содержащих продовольственные продукты, но и таких лавок, которые имеют предметы иного рода.

Вообще при коллективном возбуждении последнее, будучи вызвано определенным об'ектом, впоследствии направляется на все об'екты, находящиеся в известном соотношении с первым об'ектом.

То же мы наблюдаем и при коллективном сосредоточении. Когда последнее направляется на определенный об'ект, то и целый ряд об'ектов другого рода, стоящих лишь в каком либо соотношении с первым, является предметом такого сосредочения.

Наконец, борьба с властью иногда обобщает самые крайние общественные течения. Чтобы не ходить далеко за примерами, можно указать на совместную деятельность в России крайних левых партий и всем известных союзников русского народа, а также бывших городовых и жандармов. Вот что мы читаем, между прочим, в связи с этим в газетах: „За несколько минут до прихода экстренного поезда с министром, в золоченном зале, где отдыхали цари, вояжировавшие из Царского в Питер и обратно, главнокомандующий округом

ген. Половцов возмущенно протянул мне открытку, найденную во дворце, захваченном максималистами, в две краски—черную и красную.

Черной краской изображены карикатурные, носатые, в ермолках, седые евреи, а красной—море крови, сливающейся в вазу, поставленную еврейкой, из горла четырнадцати генерал венгерки, „зарезанной" в Тоска-Беларе.

— Вот видите,—кратко сказал генерал.

— Вижу, — ответил я шепотом. Как в хорошем сыщицком романе: все линии перепутались. Крайне-левая, крайне-правая,—все сводится к ритуальному погрому". В этом эпизоде, быть может, имеется что то преувеличенное, быть может, даже случайное, но несомненно, что многие из бывших монархистов проявили особенную склонность работать с крайними левыми предпочтительно пред всеми другими революционными партиями.

Во всех вышеупомянутых случаях дело идет не о простом обобщении, но об избирательном, ибо оно осуществляется между общественными движениями различного рода, состоящими в известном отношении к одному какому либо явлению, играющему роль общего для них возбудителя. Но между родственными организациями возможно и настоящее слияние, когда две или более организации, преследуя родственные цели, об'единяются в одно целое, сохраняя каждая свою физиономию. При этом слиянии уже утрачивается индивидуальная реакция каждой организации, и с момента слияния лишь новая об'единенная организация обнаруживает реакцию на внешние события.

С другой стороны, известно, что, в целях взаимной поддержки, два или несколько общественных движений, сговорившихся в координации своих сил, образуют блок.

Таким образом, здесь мы имеем дело с такими случаями, когда несколько различных общественных течений, в целях лучшего достижения своих задач, обобщаются друг с другом, не утрачивая при этом своей общественной физиономии. Часто это обобщение не идет дальше определенной цели, причем достижение только этой цели и признается, как нуждающееся в совместных усилиях, тогда как все другие стороны деятельности входящих в союз организаций признаются расходящимися в разные стороны. Так во, например, слияние различных партий в блоки для совместных действий, преследующих определенные политические цели, образование трестов и т. п. За примерами в политической истории народов ходить недалеко.

Еще К. Маркс, говоря о гражданской войне во Франции, между прочим, сообщает, что поражению Парижской Коммуны немало содействовало предательское согласие прежних революционеров и социалистов с Луи Бланом во главе, ставших в Версальском собрании на сторону порядка. Вот что говорит по этому поводу историк Парижской Коммуны Лиссагаре: „Голосование сельских депутатов и прошлое Тьера стояли в слишком большом противоречии с его республиканскими протестами; бывшие герои обороны также не внушали большого доверия. Тьер это чувствовал и обратился к чистейшим из чистых, к революционной аристократии, которую нам возвратила ссылка. Их престиж был не запятнан в глазах провинциальных демократов. Тьер ловил их в ку-

луарах, говорил им, что в их руках судьба республики, льстил их старческому тщеславию и так ловко обошел их, что они превратились все в покорное орудие, и он мог телеграфировать, что они рукоплещут речам 21 марта, предававшим Париж анафеме".

„Луи Блан, брюзжавший всю свою жизнь, впрочем, совершенно невинно, против основ общества, теперь оскалил зубы на коммунаров, которые, по его словам, приговорили его к смерти. С кем, говорил он делегатам—с кем вести переговоры в Париже? Господа, которые оспаривают уже друг у друга власть,— фанатики, идиоты или мошенники, не говоря уже о бонапартистских и прусских интригах". Такие или подобные формы избирательного обобщения различных партий для борьбы с другими мы встречаем и в современных условиях революционного движения. Примеры у всех на глазах.

Точно так же и научные общества, преследующие одни и те же цели, часто об'единяются для общей работы, чтобы тем самым достигнуть наилучших результатов. Так например, международные и национальные ассоциации ученых учреждений или союзы обществ представляют собою примеры такого обобщения научных коллективов. То же самое мы имеем и в отношении общественных организаций экономического и профессионального характера.

Их об'единение в союзы для совместной защиты своих интересов представляет новый пример избирательного сбобщения.

При образовании толпы первоначально дело идет об отдельных кучках народа, которых привлекает одно и то же обстоятельство, и затем уже эти отдельные кучки вместе с прибывающими людьми об'единяются в одну сплошную толпу.

Когда организуется восстание, оно также состоит первоначально из нескольких банд, которые затем об'единяются, получая одну общую организацию. Последняя уже и направляет действия всех отдельных частей к определенной цели.

Когда мы имеем общую работу, напр. коллективный труд, то вначале, по крайней мере, у людей непривыкших, мы не имеем достаточной согласованности в работе; часто даже работа одного мешает работе другого, но мало по малу работа многих людей достигает полной правильности и согласованности и тем самым сближает друг с другом участников общего труда.

Подходящим примером в этом отношении может служить игра в оркестре или разыгрывание пьесы на сцене. Первоначально каждый музыкант или актер должен разыгрывать свою роль в отдельности, в чем можно видеть подтверждение закона дифференцировки, но потом эти отдельные роли будут выполняться в одном связном целом, что соответствует уже закону избирательного обобщения. Наконец, хоровое пение представляет собою пример того же самого явления.

Во всех этих случаях мы имеем дело с тем же самым явлением, что и в рефлексологии отдельных индивидов [1]).

[1]) См. В. Бехтерев. Общие основания рефлексологии, стр. 19 и след.

Одна и та же цель, как основной раздражитель, возбуждает здесь целый ряд лиц, которые вследствие этого становятся близкими друг другу и об'единяются, осуществляя принцип общественного синтеза или избирательного обобщения.

XVI. Закон исторической последовательности.

Наблюдая явления общественной жизни, мы должны придти к тому важному положению, что ни одно общественное движение не может обнаружиться прежде, чем осуществятся все необходимые для него предпосылки. Этот закон до такой степени непреложен, что, если прозорливость гения предугадывает то или другое открытие за несколько веков до его осуществления, тем не менее, это открытие не сделается достоянием жизни, пока не осуществятся те предпосылки, которые сделают самое открытие вполне естественным и необходимым звеном в общей цепи других исторических фактов. Даже сама очевидность иногда оказывается бессильною сдвинуть научную мысль с однажды принятой позиции, пока для того не окажется достаточно подготовленной почвы. Один из классических тому примеров представляет отношение Парижской Академии Наук к первым известиям о метеоритах.

„Около гор. Жульяка в 1790 году упал „небесный" камень, и мэру города, пораженному этим событием, заблагорассудилось послать об этом факте сообщение в Академию Наук за подписью 300 свидетелей, и что же? Докладчик, прочитав это сообщение членам академии, высказал по этому поводу следующее: „как печально, что целый муниципалитет в формальном протоколе подкрепляет народные поверья, о существовании которых следовало бы лишь пожалеть. Что мне сказать по поводу этого протокола? Всякий философски образованный человек, читая это удостоверение об очевидно ложном факте, о физически невозможном явлении, сам сумеет сделать все необходимые выводы" [1]).

Очевидно, что неподготовка умов к новому явлению, казавшемуся неправдоподобным, привела к тому печальному явлению, что отвергался факт, засвидетельствованный 300 лицами,—факт, который при отсутствии предубеждения легко было бы и лично проверить на месте, что сразу рассеяло бы все сомнения, но даже этот самый простой и естественный путь проверки в данном случае не приемлется, в виду неприемлемости для неподготовленных умов самого факта.

Не менее поразительный пример представляет та же Академия, когда в свое время высказалась за неосуществимость летания по воздуху для чело-

[1]) Dr. M. Kemmerich. Kulturcuriosa. München. Цит. по книге „Мыслящие животные К. Кралля стр. 233.

века, в виду того, что это будто бы противоречит его природе. А Медицинская Академия в Париже не нашла ничего особенного, кроме явлений воображения (imagination), в Месмеровских опытах, воспроизводивших явления гипноза. И в том, и в другом случае необходимо было человечеству прожить несколько десятков лет, чтобы признать факты и осуществить открытия, которые казались ранее просто немыслимыми.

Поэтому, нет никакого сомнения, что наука в своем развитии представляет собою постепенно подготовляющийся процесс общественной мысли. Еще наш Менделеев высказал это в следующих словах: „Стараясь познать бесконечное, наука сама конца не имеет и, будучи всемирной, в действительности неизбежно приобретает народный характер, даже более или менее единоличные оттенки“ (Основы химии IV. 1905—6). Автор далее, сопоставляя науку и искусство, говорит: „Наука и искусство по существу преследуют одни и те же цели; наряду с возбуждением чувств приятного, наука и искусства занимаются изучением и описанием реального мира, расширяя наш умственный кругозор и углубляя наши сведения о природе и жизни. Итак, к *психологическому* моменту присоединяется еще биологический, имеющий самостоятельное значение для практической жизни, для отношения человека к окружающей его действительности и приводящий к использованию результатов человеческого творчества“.

По этому поводу академик П. И. Вальден замечает: („Природа, 1917, Сентябрь—Окт. стр. 90). „Но ученый и изобретатель, художник и поэт, это—живая часть природы, их воля—часть воли народа, их фантазия—часть фантазии народа или широких масс человечества, их творческая сила—часть скрытых духовных сил народа. Поэтому корни творчества отдельных лиц кроются в глубине фантазии и воли народных масс. Поэтому при рассмотрении научного творчества необходимо коснуться фантазии коллективной, фантазии народной“. Отсюда ясно, что научное и художественное творчество предполагает существование уже подготовленных ранее духовных „сил“ народа.

С другой стороны, можно определенно сказать, что ни одно изобретение не может осуществиться, пока нет для него подходящих данных, добытых предшествовавшими исследованиями. Так, изобретение огня не могло осуществиться ранее, нежели человек стал пользоваться орудиями и мог приготовить себе материал для поддержания огня. Телега не могла быть изобретена ранее колеса и приручения больших домашних животных в виде лошади или быка. Паровая машина явилась после знакомства с действием поршня и рычага и действием пара и т. п. В этом случае дело гениального ума сводится к тому, чтобы об'единить разрозненные части так, чтобы из них могли получиться орудия, производящие ту или другую работу.

„Одно открытие“, говорит Тард, всегда носит в себе другие открытия, но неизвестно, появятся ли из-него последние, а если появятся, то когда и в каком порядке. Открытие буссоли носило в себе открытие Америки и Океании в том смысле, что фактически невозможное без магнитной стрелки нахождение этого континента или этих архипелагов становится более или

менее вероятным после ее открытия, очень мало вероятным через промежуток времени, через 50 лет немного более вероятным через промежуток в 2 или 3 столетия и очень вероятным или даже вполне достоверным через 1000 лет.

Во всяком случае, ясно видно, что из этих двух открытий первое должно было предшествовать второму, но Флорида могла стать известной раньше или позже Бразилии, а новая Каледония раньше или позже Новой Голландии.

Открытие письма очевидно должно было предшествовать открытию книгопечатания, открытие арабских цифр было необходимо раньше успехов наших математиков. Прежде же всего открытие членораздельной речи является условием sine qua non для всяких других открытий" (Социальн. логика, стр. 121).

С другой стороны, всякий переворот протекает тем легче и тем безболезненнее, чем больше подготовлена народная организованная масса. Так, февральская революция в России была приветствована в России, как избавление от страшного гнета и измены в войне, и вызвала стремительный подъем в населении, доходивший до того, что люди на улицах поздравляли друг друга и обнимались, а многие, здороваясь, приветствовали друг друга с наступлением „воскресения". Словом, протестующих не было, ибо кучки монархистов, при общем ликовании, попрятались. Войска без сопротивления переходили на сторону нового правительства, сменяя старые боевые знамена на красные флаги и маршируя с революционными песнями.

Другую картину представляет собою октябрьская революция, устроенная большевиками, произведшими новый переворот при посредстве захвата власти. Их лозунги—немедленный мир, немедленное же разделение земли и господство пролетариата—привлекли на их сторону войска и рабочую массу, но остальная трудовая демократия и мелкая буржуазия, не говоря о цензовых элементах, увидела в этом перевороте неблагоприятные для себя последствия и потому вступила в лагерь врагов новой революции, поддерживая не существовавшее уже, вследствие ареста и смещения, временное правительство; и в результате тотчас же организовались народные массы в комитеты спасения родины и революции, городская дума стала центром новых организаций, противодействующих новой власти, а служащие министерств и других правительственных учреждений объявили бойкот и перестали нести службу под руководством нового правительства. Неизбежно вслед за этим разразилась гражданская война, кончившаяся победой большевистских войск под Петроградом, последовавшими затем осадой и расстрелом юнкеров, еще более тяжелыми событиями в Москве и многочисленными разгромами по другим городам, не говоря о безчисленных арестах.

Несмотря, однако, на боевой успех, новое правительство, уничтожив постепенно все существовавшие ранее буржуазные органы печати, не исключая и социалистических газет, не могло вполне овладеть положением, что привело к затяжной гражданской войне, и это потому, что население страны не было и не могло быть подготовлено к коммунизму.

Развитие культурной жизни народов подчиняется тому же закону исторической последовательности. Каменный век сменяется веком бронзы, бронзовый век сменяется веком железа, век железа сменяется веком пара, а век пара сменяется веком электричества, но все эти смены обусловливаются не чем иным, как соответствующими открытиями и изобретениями, ранее которых не мог осуществиться ни один из этих периодов развития человеческой культуры.

Точно так же охотничий быт народов сменяется кочевым и земледельческим бытом не ранее того, как упрочится безопасность населения от набегов соседей, а промышленный строй страны стоит в прямой зависимости от избытка населения, не могущего обеспечить себя земледельческим трудом, и от некоторых других условий.

Само государственное устройство есть плод предшествующей подготовки народных масс к определенной форме правления.

Общественные явления такой огромной важности, как установление нового политического строя, в форме, напр., социалистической республики неосуществимы в полной мере без соответствующих предпосылок, как совершенно справедливо говорит об этом А. Пинкевич в своей статье (См. Вечерняя Звезда № 25). Эти предпосылки состоят в том, чтобы пролетариат был хорошо грамотен, чтобы он обладал достаточно широким кругозором, чтобы он отличался определенной нравственной стойкостью, чтобы значительное большинство его было сознательно социалистическим, т. е. знало, что такое социализм, и как к нему можно подойти технически, и, наконец, понимало бы вред нарушения общих интересов труда и целого при удовлетворении частных интересов рабочего класса и т. п. Иначе говоря, пролетариат должен быть достаточно интеллигентным и, если не стать мозгом страны, то, во всяком случае, дорасти до известного умственного и нравственного развития, он должен быть соответственным образом воспитан; в противном случае всякая социалистическая перестройка государства неминуемо окончится крахом, что картинно изобразил нам Г. Лебон в своей книге „Психология Социализма“.

Итак, нет достаточных исторических предпосылок, и закон исторической последовательности ведет к роковым последствиям.

XVII. Закон экономии.

Цельнеру мы обязаны указанием на принципы наименьшей затраты средств в условиях мертвой природы (Ueber d. Natur d. Cometen. Leipzig. 1872). Излагаемый ниже закон приспособления неизбежно приводит нас к принципу экономии во всем органическом мире, о чем нет надобности здесь распространяться.

Философия Авенариуса (Философия, как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы, Спб., 1913), как известно, устанавливала, как принцип, что „духовная" сфера, в видах целесообразности, достигает своих целей, путем затраты наименьшей меры силы, причем это осуществляется не сразу, а путем упражнения и навыка.

Этот принцип можно считать вполне верным для соотносительной деятельности. Создание понятий, отыскание законосообразности явлений, счисление и математические выкладки, всё это соответствует принципу затраты наименьшей меры силы. Будем ли мы рассматривать соотносительную деятельность, как результат нервной энергии или какой либо иной, ясно, что принцип экономии должен быть признан здесь непреложным, причем всякое упражнение, а, след., всякое повторение сопровождается уже известной экономией затрачиваемой энергии.

Мы не войдем здесь в подробности этого принципа в применении к соотносительной деятельности отдельных индивидов. Заметим лишь, что принцип экономии лежит в основе всякого приспособления, ибо процесс приспособления необходимо сводится к экономии затрачиваемой силы вследствие уточнения выполняемой работы.

Ясно, что и в социальной среде закон экономии должен иметь свое значение. И здесь процесс приспособления стремится к достижению наибольшего удовлетворения потребностей при наименьшей затрате сил и средств. Вся социально-экономическая жизнь основана на принципе развития наибольшей производительности при затрате возможно меньшего количества сил и средств.

Более того, даже возникновение самих коллективов обязано принципу экономии сил и средств, ибо об'единение людей в общества только и может оправдываться принципом экономии. Там, где отдельные индивиды, взятые порознь, не могут осуществить того или другого дела, там требуется коллектив, об'единяющий силы отдельных лиц, чтобы соединенными силами достичь соответствующего результата. Поэтому всякий вид коллектива является, в сущности, осуществлением принципа экономии сил, но и всякое проявление общественной жизни удовлетворяет тому же принципу экономии сил. Авенариус прав, когда он говорит: „влияние принципа наименьшей меры силы в практической жизни человека не только очевидно для всех во всяком стремлении к свободе, к разделению труда, к об'единению административной, коммерческой, правовой, государственной и социальной жизни, но явно проявляется и в институтах торговли, политической экономии, законодательства, государства, политики и т. д." (l. c., стр. 95).

Всякий символизм об'ясняется также принципом экономии, ибо символика стремится заместить сложные явления какими либо бьющими в глаза и во всяком случае выразительными и легко улавливаемыми знаками. Самый язык, как продукт социального творчества, есть осуществление принципа экономии, ибо с помощью слова обозначается ряд тех или других предметов и отношения между ними, и в то же время облегчается весь процесс соотно-

шения нас с окружающими лицами, как облегчаются и все вообще процессы соотносительной деятельности.

Установление общих понятий и категорий, как результат социальных условий жизни, равным образом, удовлетворяет закону экономии сил.

Принцип экономии проявляется даже в создании слов, которые укорачиваются до поразительности. Вместо Психо-неврологического Института говорят часто „Психо-невро", вместо Института по изучению мозга и психической деятельности говорят прямо „Институт мозга": напр., пойдем в Институт мозга, или даже просто в „Мозг", или вместо: „Совет рабочих и крестьянских депутатов"—говорят „совдеп" или „Смольный". Все сложные названия в произношении вынуждаются к сокращению потребностью экономии, напр., „Понто", „Моно", „Сантруд", Главсанупр", „Нкпс" и т. п. Также и в письменности обычно прибегают к сокращениям часто повторяющихся и общеизвестных терминов, заменяя их начальными буквами, напр. „и т. п.", „и пр." „б. или м.". Телеграммы еще более вынуждают к сокращению слов и названий, а стенография, в видах той же экономии затрачиваемой работы, заменяет слова особыми знаками. О пользовании счислением, как и математическими выкладками, в целях экономии речь была уже выше.

Далее, символизм знаков не менее ярко выражен, напр., в кокардах, в нашивках, в самой одежде, в различных условных обозначениях и в значках, даже в аттрибутах званий и профессий (ношение соответствующих регалий, напр., кокарды у чиновников, цепи у судьи). В некоторых случаях символизация сводится к воспроизведению одного характерного качества или свойства предмета, как замещающего собою целый предмет. Это выявляется и в звукоподражательных словах (свист, жужжание, гром, грохот, кудахтанье и т. п.). Все это разнообразные формы экономизирования соотносительной деятельности.

В сущности, и развитие всех наук и званий в своих практических достижениях преследует ту же цель осуществления тех или иных задач при возможно наименьшей затрате сил.

В самом процессе научного творчества осуществляется принцип экономии с каждым обобщением, с каждым установлением той или иной зависимости, с каждым установлением закона, как обнимающего ряд зависимостей и явлений.

Вот что мы читаем, напр., в книге А. А. Чупрова (Очерки по теории статистики. 1909 г., стр. 9—11) по поводу закона тяготения: „Открытие этого закона обозначает переворот в теории тяготения. Почему? И до Ньютона допускали, что солнце, как целое, притягивает планеты; приходила также в голову мысль о законе обратной пропорциональности квадрату расстояния. Ньютон совершил лишь переход от рассмотрения сил, действующих между телами конечных размеров, к изучению сил, которыми притягиваются бесконечно малые частицы. Этот переход сопряжен с такой экономией умственной энергии, что по праву занимает отводимое ему место в истории вопроса. Если бы память должна была удерживать в отдельности каждый установленный в этой области единичный факт, то с ростом знаний сложность проблемы

вопроса вышла бы за пределы означенных способностей человеческого разума". Между тем, с открытием закона Ньютоном „мы сразу выходим из затруднения: пестрая масса отдельных фактов становится тотчас легко обозреваемою. Весь богатый запас наблюдений резюмируется в краткой формуле".

Даже искусство подчиняется тому же принципу экономии, отбрасывая всё лишнее, всё обременяющее в своем стремлении возбуждать возвышенные эмоции, дабы достичь того же результата с затратой наименьшей меры силы.

Всякое общественное движение развивается всегда в сторону наименьшего сопротивления, поскольку это не противоречит основной цели этого движения, удовлетворяя тем самым принципу экономии.

Достижение наибольших результатов при наименьшей затрате средств является принципом всякой вообще борьбы, преодоления тех или других препятствий и в то же время основным принципом военных действий.

В конце концов и вся общественная жизнь проникается принципом экономии. Отсюда идеалом жизни, как индивидуальной, так и общественной, является достижение наибольших результатов при возможно меньшей затрате энергии. Можно сказать, что удовлетворение наибольшего числа потребностей при затрате наименьшего количества средств является основным правилом всей социально-экономической политики. С другой стороны, всякая коллективная деятельность развивается по пути наименьшего сопротивления, а это именно и отвечает принципу экономии сил. Так, любое новое учреждение только тогда имеет шанс на свое будущее развитие, когда оно, при полезности основных задач, заполняет пустое место, и осуществление его не требует чрезмерных средств, иначе говоря, когда оно согласуется с принципом удовлетворения наибольшего числа потребностей при наименьшей затрате сил и средств. Когда мы имеем дело с уже сложившимся учреждением, оно всегда развивается, в связи с поставленной задачей, в том направлении, в котором оно находит для себя меньше всего противодействия.

Развитие народной культуры опять таки подчиняется закону экономии сил, ибо оно обусловливается существованием имеющегося под рукой материала, с одной стороны, и соответствующей подготовкой лиц, с другой. То же мы имеем и по отношению к развитию добывающей и обрабатывающей промышленности и по отношению к развитию различных ремесел и искусств.

Равным образом и развитие, как и преподавание наук не делает в этом отношении исключения, ибо опять таки оно стоит в прямой зависимости от наиболее подходящих условий и от подготовки соответствующего персонала, что и создает возможную экономию средств и сил.

С другой стороны, каждое предприятие, встречаясь с тем или другим препятствием, при своей жизнеспособности пробивает себе дорогу туда, где препятствие оказывается более слабым. Это естественно отвечает закону экономии сил. Поэтому, например, и выбор пути, по которому развивается народное недовольство, всегда совершается по направлению меньшего сопротивления.

Тем же принципом экономии сил об'ясняются и те или другие компромиссы, когда, например, прочность обычая, уже устаревшего, сталкивается с разумным нововведением.

В этом случае целесообразность нововведения побеждает рутину, и сущность создается новым учением, а форма остается прежнею. Таким образом, сохраняется лишь форма прежнего уклада, сущность же меняется. Так, христианство, распространившись среди европейских народов, оставило государственное устройство прежним, изменив лишь, в известной мере, содержание общественной жизни.

Все вообще пережитки прежнего частью об'ясняются именно с этой точки зрения.

Во многих случаях новая религия, новая политическая форма и новое законодательство кончают тем, что мирятся с введением новой нормы, оставляя старую сущность, кое как прилаженную к новым условиям.

Если дело идет о расселении народа, то опять-таки оно происходит в том направлении, в котором он встречает меньше всего препятствий и где народ находит наибольшее количество удобств для жизни и соответствующих угодий. Эмиграция обычно происходит в сторону меньшего сопротивления, меньшей конкуренции и наибольших жизненных удобств. Если мы имеем движение бунтующей толпы, то оно происходит всегда в сторону меньшего сопротивления и в сторону благоприятную в смысле достижения соответствующих целей.

То же мы имеем и в отношении войскового коллектива во время боя. Он движется опять-таки обычно в сторону наименьшего сопротивления противной стороны, т.-е. направляется туда, где сопротивление слабее. Правда, задание может требовать сломить раньше всего наибольшее сопротивление неприятеля в определенном пункте, но и это делается не иначе, как с расчетом достичь в конечном итоге наименьшей затраты средств при получении наибольших результатов.

Господствующий в жизни принцип полезности (утилитаризм), независимо от цели, также отвечает принципу экономии, ибо полезное часто не только удовлетворяет ту или другую потребность, но и удовлетворяет ее с наименьшей затратой силы. И действия всякого вообще коллектива будут соответствовать принципу полезности только в том случае, если, удовлетворяя ту или другую потребность коллектива, они будут производиться с наименьшей затратой энергии и средств.

Необходимо и здесь указать на роль упражнения и навык в осуществлении этого закона, ибо и в жизни общественных учреждений и в коллективной деятельности всякого рода обществ бывший опыт и сложившийся навык играют существенную роль в смысле затраты наименьшей меры силы при достижении наибольших результатов. Дело в том, что в коллективной, как и в индивидуальной, деятельности упражнение приводит к облегчению последующей деятельности, направляемой по тому же руслу, как и первоначально. Иначе говоря, многократное воспроизведение определенного коллек-

тивного действия создает навыки, которые, приводя к облегчению деятельности коллектива в определенном, раз принятом, направлении, тем самым осуществляют реализацию этого закона на практике в условиях коллективной деятельности.

Из всего вышеизложенного ясно, что в жизни и деятельности коллектива закон экономии имеет значение основного принципа, и можно сказать, что нет ни одного проявления в жизни коллектива, где бы этот принцип не имел места и не оправдывался бы так или иначе на деле. Во всяком случае, это один из тех принципов, который должен быть принимаем во внимание при всех вообще соотношениях в жизни и деятельности коллектива.

XVIII. Закон приспособления.

Закон приспособления не является законом, имеющим отношение к одной органической природе, но он должен быть распространен на весь вообще неорганический мир. И в самом деле, разве эволюция неорганического мира не основана на взаимном приспособлении взаимодействующих тел и энергий? Движение небесных тел в мировом пространстве разве, в свою очередь, не является своего рода взаимным приспособлением? С другой стороны, когда голыш обкатывается волнами моря, когда ручей или река течет, избирая себе русло в наиболее податливой почве, разве это опять не является приспособлением в неорганической природе?

Но нас будет занимать здесь собственно мир органический и надорганический.

Что касается первого, то формула жизни, данная Спенсером и состоящая в „непрерывном поддержании приспособления внутренних отношений к внешним“ (Основы биологии, т. I. § I и след. § 30), не может быть признана достаточной. Дело не в одном приспособлении внутренних отношений к внешним, но и в использовании внешних отношений для поддержки внутренних отношений. Если первая спенсеровская часть формулы выявляет пассивную роль живого вещества, то вторая, дополненная нами, выявляет его активную роль. При этом чем выше тип животного, тем в большей мере выявляется вторая часть этой новой формулы, т. е. использование внешних отношений в целях поддержки внутренних отношений.

В растительном мире мы, повидимому, встречаемся, главнейшим образом, с первой частью этой формулы, но и здесь дело не обходится без использования внешних отношений, если принять во внимание поворачивание цветка к свету, поворачивание листьев в целях наилучшего использования солнечной энергии, направление определенным образом корневой системы в целях лучшего использования питательных продуктов почвы и т. п. Если при-

способления внутренних отношений к внешним зависят от вызываемых изменений внутренних процессов, в связи с изменением внутренних условий, напр., большая продукция тепла и меньшая его потеря при большем охлаждении внешней t°, оберегание важнейших органов от весовых потерь при недостатке питания и т. п., то использование внешних отношений выражается внешними движениями, тропизмами и таксисами прежде всего, и развитием у животных свободного передвижения в целях добывания пищи, укрывания от непогоды, прятания в норы и логовища от неблагоприятных атмосферических условий, а у более высших типов изготовление нор и логовищ для зимы, приготовление гнезд во время спаривания и т. п. [1]).

Наконец, в мире человека вся материальная культура знаменуется использованием разнообразных сил природы, в целях поддержания внутренних отношений организма на соответственном уровне.

Одним из существенных аппаратов для выполнения этого приспособления внутренних отношений к внешним и использования последних в целях организма является нервная система с ее рецептивными аппаратами—трансформаторами. Последние избирают из внешнего мира раздражения, являющиеся для организма в том или в другом отношении небезразличными. и, трансформируя их в нервный ток, при посредстве сочетательных систем черепно-спинной оси связывают вызванное этими раздражениями воздействие с соответствующими движущими и секреторными аппаратами (мышцы, сосуды и железы). Особенно важно, что некоторые из рецепторов, как сетчатка, Кортиев орган, Шнейдерова оболочка и тепловой рецептор кожных покровов, дают возможность улавливать внешние раздражения на расстоянии и тем самым при участии опыта предоставляют возможность организму своевременно подготовиться к соответствующей реакции. При этом, благодаря высшим центрам нервной системы, устанавливаются разнообразные соотношения между организмом и окружающей средой, в зависимости от индивидуального опыта и в связи с изменяющимися условиями как самого индивида, так и окружающей среды.

Благодаря этому акту приспособления, создается, как мы знаем, ряд высших или сочетательных рефлексов, благодаря которым и устанавливается сложное и многостороннее приспособление каждого индивида к окружающим условиям и использование последних в целях поддержания жизни.

К тому же, и то, и другое совершенствуется еще благодаря тому, что нервная система разлагает раздражения на свои составные части и, получая возможность реагировать в зависимости от опыта на ту или другую их часть, дает возможность в то же время устанавливать, путем одинаковых реакций, соотношения смежности в пространстве и во времени между зависящими друг от друга раздражениями, что дает во многих случаях возможность предупреждения грядущих раздражений.

---

[1]) См. В. Бехтерев. Психика и жизнь. Спб.

Если для первой, т. е. пассивной, части вышеуказанной формулы мог бы быть достаточен собственно анализ внешних раздражений в целях выработки приспособления к ним внутренних отношений, то ни в каком случае этого анализа не было бы достаточно для второй, активной, части жизненной формулы, где особенное значение получает как раз синтез. Вот почему корковые области нервной системы, при посредстве которых осуществляются сочетательные рефлексы, не могут быть рассматриваемы только, как анализаторы, как их стали называть за последнее время физиологи школы И. Павлова. Они, с моей точки зрения, суть не только анализаторы, но и не в меньшей мере синтезирующие аппараты или комбинаторы, что доказывается и прямыми опытами [1]).

Дело в том, что в жизненных условиях все формы сложного приспособления организма к окружающей среде и использования последней требуют не одного только анализа, но и избирательного обобщения внешних воздействий и вместе с тем согласованности соответствующих ответных реакций. И между тем несомненно, что и то, и другое у высших животных и человека осуществляется при участии мозговой коры, как высшего органа, устанавливающего все сложные соотношения организма с окружающей средой, меняющиеся соответственным образом в связи с изменением последней.

Заслуживает внимания, что не только данное внешнее воздействие вызывает соответствующую ему реакцию, но и последняя способна воспроизводить, в той или другой мере, соответствующее ей воздействие. В лабораторных опытах это сказывается тем, что у лиц, особенно впечатлительных при обычных условиях вызывания сочетательных рефлексов с помощью электрического раздражения при одновременном звуком или световом раздражении, с течением времени, когда воспитается уже сочетательный рефлекс, оказывается, что испытуемый, по его заявлению, отдергивает руку или ногу потому, что он испытал электрический удар, которого на самом деле не было. В других, более обычных, случаях, хотя и не бывает такой галлюцинации, но всё же испытуемый воспроизводит возможность наступления электрического удара, с которой и сообразуется воспитанный сочетательный рефлекс.

С другой стороны, и самый рефлекс, как мы знаем, всегда сочетается определенным образом с данным раздражением, ибо раздражение резкое и непривычное по своему характеру возбуждает всегда оборонительный рефлекс, тогда как раздражение умеренное и благоприятно действующее на организм возбуждает наступательный рефлекс, приспособляющийся к раздражению таким образом, чтобы его использовать возможно лучше и возможно полнее. Эта постоянная связь, устанавливающаяся между рефлексом и внешним воздействием, все более и более упрочиваясь, приводит к механизации действия всюду, где самый рефлекс многократно повторяется. Благодаря такой механизации, рефлекторное действие осуществляется с большей легкостью, без лишних движений и с большей скоростью. Сосредоточение, как подготовительный рефлекс со сто-

[1]) См. В. Бехтерев. Общие основания рефлексологии. 1918.

роны воспринимающих органов, также сочетается с определенным внешним воздействием, и этого достаточно, чтобы это воздействие или его воспроизведение с постоянством возбуждало акт сосредоточения, а сосредоточение, в свою очередь, приводило к воспроизведению данного внешнего воздействия.

Эти условия лежат в основе облегченного воспроизведения бывшей в опыте реакции, что имеет чрезвычайно важное жизненное значение не только в виду того, что облегченное воспроизведение удовлетворяет принципу экономия, но и тем, что, путем многократного воспроизведения тех или других рефлекторных актов под влиянием соответственных воздействий, создаются определенные привычки, и возникают новые „сверхорганические" потребности индивида, руководящие его поведением.

То, что относится к индивиду, имеет силу и по отношению к коллективу, как собирательной личности. И здесь приспособление идет по тем же путям, причем дело идет опять таки не только об установлении и поддержании непрерывного приспособления внутренних отношений коллектива к внешним, но и соответственного использования внешних отношений в целях сохранения коллектива. Дело в том, что коллектив, подобно индивиду, пока он живет, т. е. развивается и растет, нуждается в удовлетворении своих жизненных потребностей. Это приспособление здесь осуществляется при посредстве сочетательных же рефлексов коллективного характера, развивающихся под влиянием разнородных внешних воздействий на данный коллектив, как со стороны окружающей природы, так и со стороны других коллективов или отдельных лиц.

Таким образом, коллектив борется за свое существование, приспособляясь к условиям местности и климата, к окружающей мертвой и живой природе и к тем коллективам, с которыми он приходит в соприкосновение и взаимодействие, и в то же время использовывает в своих целях и то, и другое, и третье. Соответственно обстановке и условиям жизни происходит и развитие коллективных сочетательных рефлексов с характером сосредоточения, подражания, символизма, обороны и наступления в целях удовлетворения своих потребностей как наследственно-органического характера, так и приобретенных путем опыта и возникших в течение жизни, под влиянием повторно происходящих внешних воздействий того или иного рода, и являющихся в форме привычных коллективных актов.

В подробности осуществления такого рода приспособительной и приспособляющей деятельности коллектива входить нет надобности, ибо она представляется ясной уже из сказанного. Можно только подчеркнуть еще раз, что всякое жизненное проявление коллектива в смысле тех или иных рефлексов есть, в сущности, акт его приспособления к окружающим условиям или использования последних в целях самосохранения.

XIX. Закон отбора.

Как всякое явление, так и коллектив должен иметь свое обоснование в общих законах природы, иначе его существование не имело бы никакого оправдания в окружающей действительности.

Не может подлежать сомнению, что в применении к условиям жизни только принцип полезности может оправдать то или иное явление, и в этом отношении приверженцы учения Дарвина рассматривают общественность в животном царстве вообще, как условие, благоприятствующее успеху в борьбе за существование. Благодаря этому, животные, ведущие общественный образ жизни, выигрывают в борьбе за существование перед другими и, в силу естественного отбора, имеют больше шансов на переживание после себя потомства.

Итак, с точки зрения дарвинизма, развитие сообществ обязано борьбе за существование, т. е. внешним причинам, ибо, в известных случаях, борьба с внешними врагами и борьба с природой сообществами осуществляются успешнее, нежели в одиночку. Но одних внешних условий недостаточно для образования сообществ, ибо сообщества в животном мире обусловливаются не одной борьбой, но и условиями, вытекающими из самой организации. Не говоря о том, что самая борьба возникает вследствие жизненных условий организма, связанных с потребностью питания, индивиды при общении друг с другом обнаруживают воздействие друг на друга, благодаря которому эффект удовлетворения усиливается, если он достигается не в одиночку, а сообща, ибо здесь эффект собственного удовлетворения, дополнившись впечатлением от такого же удовлетворения другими, достигает наибольшей степени, благодаря действию непосредственной индукции или заразы. Люди едят с большим аппетитом за столом вместе с другими. Точно так же танцоры увлекаются танцами в сообществе в гораздо большей мере, нежели в одиночку.

В свою очередь, при под'еме энергии, возникающем на почве большего удовлетворения жизненных потребностей, развивается стремление к общению с другими, тогда как состояние угнетения, во избежание его усиления, сопутствуется стремлением к одиночеству и избеганию общества. Огромно также значение общения индивидов между собою, приводящее к подражанию, которое облегчает приобретение общественных навыков. Вот почему и образование коллективов ничуть не исчерпывается одними условиями полезности их в борьбе, но и стоит в связи с вышеуказанными условиями. Словом, не одна борьба является причиной создания коллектива, но и потребность индивидов в сообществе, которая может возникать и по другим основаниям, ничего общего с борьбой не имеющим.

Не без значения в этом случае должен быть и закон сочетательных рефлексов. Последний, как известно, обусловливает то, что всякое побочное

раздражение, сопутствуя основному, становится при многократном повторении самостоятельным возбудителем того же самого рефлекса. Допустим, что в борьбе с окружающей природой, на охоте, при добывании пищи и в других предприятиях первобытный человек в сообществе с другими успевал больше, чем в одиночку. Это приводило к созиданию общественных условий существования не только по закону естественного отбора, с выживанием наиболее приспособленных особей, но и по закону сочетательных рефлексов, в силу которого получаемые в сообществе лучшие результаты, возбуждая соответствующую стеническую реакцию в отдельных индивидах, сопровождались для каждого человека еще побочными раздражениями от сообщества людей, способствующими лучшему удовлетворению потребностей, в силу чего это сообщество само оказывалось благоприятным раздражителем для индивидов, привлекая к себе последних.

Но общественные условия жизни имеют свои законы, и всякое общество установляет соответственные условия общежития, связанные с торможением устремлений личности и ограничением ее прав в пользу общества вместе с предоставлением ей особых удобств и преимуществ (напр., лучшей защиты и проч.). Отсюда ясно, что условия общественной жизни являются дальнейшими косвенными результатами закона сочетательных рефлексов.

Нужно при этом иметь в виду, что безусловное господство везде и всюду принципа борьбы за существование в последнее время все более и более оспаривается, особенно с тех пор, как наш соотечественник Кропоткин опубликовал свое известное сочинение „Взаимопомощь, как фактор эволюции“, богатое обильным фактическим материалом по данному вопросу. Можно признать вместе с Кропоткиным, что, наряду с борьбой за существование в природе живых существ, распространен не в меньшей мере принцип солидарности и взаимопомощи. Этим и об'ясняется в большей мере, чем борьбой за существование, развитие общественности и образование коллективов.

Дело в том, что коллективные нападения, хотя и обеспечивают соответственный успех, но зато и вынуждают к дележу добычи на столько частей, из какого числа состоит самый коллектив, вследствие чего большинство хищников предпочитают единоличную охоту для добывания себе пищи.

Другое дело коллективная оборона. Здесь не имеется того неблагоприятного условия, чтобы что нибудь делить между отдельными членами коллектива. Однако, вполне очевидно, что на коллектив и не делается нападения в одиночку, а, наоборот, всякое нападение соразмеряет свои силы с возможностью сопротивления со стороны нападаемого, а потому коллективная защита встречает себе достойного соперника в коллективном же нападении.

Очевидно таким образом, что ни в условиях нападения, ни в условиях защиты или обороны не находит для себя достаточного или по крайней мере безусловного оправдания коллектив в природе.

Наоборот, взаимопомощь в условиях жизни вообще, а не только обороны и нападения, вот что оправдывает существование коллектива, ибо взаимопомощь неосуществима без коллектива, как и коллектив немыслим без взаимо-

помощи. Во всяком случае, взаимопомощь, как фактор эволюции, находит в коллективе свое осуществление, оправдывая в то же время существование самого коллектива.

В особых работах я останавливаюсь, в свою очередь, на солидарности и взаимопомощи, как явлении в природе, существующем на ряду с борьбой за существование [1]), и как явлении, обеспечивающем совершенствование и прогресс [2]). Вместе с тем, в этих работах я доказываю, что в условиях общественной жизни мы встречаемся с особым законом природы в форме „социального отбора", который, в противовес естественному отбору, действует в смысле предоставления преимуществ на переживание не более сильному и физически более приспособленному, а часто более слабому и мало приспособленному к условиям жизни и окружающей природы, но зато более социальному или вообще более отвечающему интересам сообщества [3]).

Так, поддержка старости, поддержка больных и калек, поддержка беспомощного младенчества,—всё это осуществляется в коллективе, как должное и неизбежное, а между тем все это стоит в явном противоречии с законом борьбы за существование, понимаемой в смысле борьбы всех против всех.

Можно даже удивляться, как признание всеобщности закона борьбы за существование долгое время заставляло некоторых биологов рассматривать сотрудничество и взаимопомощь, которые находят свое высшее выражение в человеческом коллективе, но которые проявляются в природе всюду, начиная с самых низших ее ступеней, как принцип, подчиненный закону борьбы, а следовательно не имеющий будто-бы своего самостоятельного оправдания в условиях живой природы. Руководясь вышеизложенным, мы не можем согласиться с большинством авторов, рассматривающих образование коллектива, как неизбежный результат одного закона борьбы.

Грант-Аллен (Die Neue Zeit № 29, 1893—94, стр. 71) между прочим обвиняет защитников ничем неограниченного естественного подбора, что они его трактуют обыкновенно не в широком биологическом, а в крайне узком смысле. Они имеют в виду только особь, а не группу или вид. Между тем, биология должна усвоить тот взгляд, что раса вступает в борьбе за существование, как отдельная единица.

По словам Г. Лебона, ассоциация на место бессильного личного эгоизма ставит могучий коллективный эгоизм, который каждому приносит выгоду. За недостатком групп людей, связанных узами религии, крови или политики,—узами, воздействие которых слабеет с каждым днем,—солидарность интересов может довольно прочно соединять людей.

---

[1]) В. Бехтерев. Социальный отбор и его биологическое значение. „Вестн. Знания" 1912 „Nord und Süd" 1912.

[2]) В. Бехтерев. Индивид. и соц. факторы развития организмов и социальность, как условие прогресса. „Вестн. Психолог." 1913.

[3]) См. В. Бехтерев. Значение гармонизма в биологии и социальный отбор. „Природа" 1916 г.

„В настоящее время, говорит тот же автор (Психология социализма), слово солидарность гораздо чаще употребляется, чем старый термин братство, свобода и равенство, и дело идет к тому, что оно вовсе заменит их.

Между тем, оно ни в каком отношении не представляет для них символа. Так как конечной целью великой коалиции интересов является борьба против других интересов, то очевидно, что солидарность является лишь частичной формой всеобщей борьбы существ и классов. Солидарность, как ее понимают теперь, необходимо исключает свободу и ограничивает очень узкими рамками ассоциаций наши старые мечты о братстве".

Борьба, без сомнения, является одним из важных стимулов к образованию коллектива и общественности, но если-бы только одна борьба являлась условием образования коллектива, то нельзя понять, зачем создавались бы коллективы с целями эстетическими и возвышенно-моральными.

Как, напр., понять коллективы музыкального характера, хоровые коллективы, коллективы художественно-литературные или просто художественные? Отсюда очевидно, что не одна борьба управляет жизнью, но последняя имеет и другие руководящие мотивы, значение которых почему-то до сих пор затемнялось без достаточных оснований.

По Ф. Ферри, известное учение Маркса является дальнейшим развитием теории эволюции. Надо однако заметить, что, если это и можно признать, то никак не с исторической точки зрения, ибо Маркс предшествовал Дарвину и к тому же исходил из других источников. Но как бы то ни было, наряду с борьбой классов должно быть принято во внимание и учение в форме чистого социализма, который предполагает, правда, не равенство людей, которого на самом деле нет, а природное равенство прав на человеческое существование; при этом разделение труда неизбежно уже в силу неодинаковых природных склонностей или склонностей, воспринятых с малолетства. Поэтому не должно быть того, что одни являются тунеядцами, а другие работают через силу, подобно вьючному животному.

Наука, как бы то ни было, признает необходимость взаимопомощи, основанной на солидарности интересов. „Что касается солидарности, говорит Г. Лебон, этот ярый противник социализма, то никакое наблюдение не может отрицать ее, потому что такая солидарность наблюдается у всех существ. Некоторые общества животных, а в особенности низших, т. е. наиболее слабых, только и существуют, благодаря узкой солидарности, которая одна лишь делает для них возможной защиту против врагов". Но солидарность по нашему мнению не должна быть рассматриваема только с точки зрения лучшей защиты от врагов. Солидарность есть фактор эволюции такой же важности, как и борьба, и притом корни ее лежат глубоко в живой природе, и если в известных случаях солидарность зависит от борьбы между индивидами, то в такой же мере и борьба может обусловливаться солидарностью индивидов. Важное же, солидарность есть фактор, содействующий и поддерживающий общественность.

При всем том, наряду с солидарностью и социальным отбором, не устраняется и закон борьбы в мире людей, и только взаимодействие того и другого закона обусловливает прогресс человечества. Что было бы с человечеством, если бы в его среде не существовало соревнования и конкуренции? Без конкуренции отдельных личностей, племен и классов, одним словом, „без всеобщей борьбы, человек никогда бы не вышел из своего первобытного варварства. Он и теперь еще жил бы в пещерах, с трудом оспаривая свою скудную добычу у диких зверей, и никогда не узнал бы благ цивилизации" (Г. Лебон, Психология социализма с. 77).

Учению о равенстве и братстве, по словам того же автора (стр. 61), особенно тяжелый удар нанесло „учение об эволюции, доказавшее, что повсюду в природе идет непрерывная борьба, всегда кончающаяся гибелью более слабого—закон, без сомнения, кровавый, но являющийся источником всякого прогресса, и без него человечество никогда не вышло бы из своего первобытного варварства, а цивилизации еще и теперь не народилась бы".

Но и борьба за существование, девизом которой является смерть слабому и неприспособленному, в мире человека, как и многих животных, приводит к развитию борьбы обществами, в которых должна господствовать солидарность, вследствие чего последняя должна быть признана важным фактором эволюции вообще. В качестве конечного вывода из дарвинизма, В. Битнер недавно так выразил эти мысли: „Если на первых ступенях развития закон борьбы в результате имеет грозное „смерть слабому", то в человеке борьба, приводя к развитию социальных инстинктов, обосновывает защиту слабого, и не только ближнего, но и дальнего".

Необходимо затем иметь в виду, что не столько, собственно, борьба за существование, сколько выживание приспособленных играет роль в развитии органического мира, приспособление же есть соответствие строения и функции организма с окружающей средой, которое осуществляется не путем линии одной борьбы.

Вообще говоря, приспособление не имеет за собой какого либо одного принципа. Для природы безразлично, как достигается это соответствие—прогрессом организации или ее регрессом, как в случае паразитического мира; кроме того, соответствие может достигаться, как мы говорили выше, и путем приспособления окружающей среды к нуждам организма. Последнее условие, почти совершенно отсутствующее в низших организмах, проявляется всё в большей и большей мере вместе с прогрессом организации и достигает наибольшей степени в мире человека [1]). Благодаря именно этому, человек, единственное из всех высших животных, распространил свое существование на весь земной шар.

Само собою разумеется, что могучим источником приспособления к себе природы является творчество, основанное, главным образом, на условиях социальной жизни.

---

[1]) В. Бехтерев. Психика и жизнь. СПБ.

По А. Паршину, [1]) приспособление физической среды к нуждам человеческого организма происходит в двух направлениях: 1) „в направлении появления человеческого организма в форме одежды, орудий работы, оптических инструментов, в способах передвижения и т. д. и 2) в направлении перестройки физической среды в форме жилищ, дорог, обработки полей и т. д.“

Все это является, в конце концов, материальной человеческой культурой. Но это осуществление человеческой культуры достижимо лишь при посредстве кооперации. Однако, общественность возникла не из этих условий, как полагает А. Паршин, ибо она имеется и в животном мире, и не из борьбы за существование, как думают дарвинисты, а она имеет самодовлеющее основание в принципе лучшего удовлетворения потребностей в сообществах и в принципе защиты всякого сочлена сообщества, хотя бы и слабейшего, коль скоро он соответствует интересам сообщества. Поддержка и защита детства, больных и немощных стариков, как упомянуто, не могла бы быть оправдываема ни с точки зрения закона борьбы, ни с точки зрения естественного отбора.

Лишь постепенно вместо индивидуально-эгоистических человеческих особей охотничьего быта, по А. Паршину, земная поверхность начала покрываться „семейно-кооперативными группами“. Семья явилась ячейкой, и для приспособления природы к ее нуждам приручены были животные, и сделаны были первые опыты культуры хлебных злаков.

Затем кооперация распространилась в род и племя, которые были первыми группировками людей и которые в мирном сожитии образовались под воздействием родственных связей. При этом при разрастании семьи в племя одних родственных связей было недостаточно, и потребовалась помощь религиозного элемента, возникшего целиком из инстинкта самосохранения. Религия привела к созданию сурового племенного бога, охранявшего семью и возбранявшего паразитизм и хищничество в пределах племени.

В дальнейшем развитие мирных кооперации явилось уже результатом развития принципов государственного, национального и религиозного.

Надо, однако, заметить, что первично все же не семья, и не род и не племя привели к развитию обширных трудовых кооперации; последние явились, прежде всего, результатом целесообразного сочетания энергий ряда индивидов, преследующих удовлетворение одних и тех же потребностей вследствие чего общественность проявляется еще задолго до семьи в животном царстве. Семья и общественность явились факторами эволюции общественных кооперации, достигших в мире человека: первая племенных и национальных, вторая политических и частью религиозных кооперации. В настоящих условиях человечество живет в национально-государственных и просто государственных формах, в которых паразитизм и хищничество изгоняется или, по крайней мере, стараются изгонять правовыми нормами. Государства являются теми кооперациями, которые, оберегая себя, проявляют, к сожа-

[1]) А. Паршин. Научная религия.

лению, еще звериные инстинкты в форме хищничества и паразитизма по отношению к другим народам и государствам, что и приводит неизбежно к войнам.

Что касается религии, то, явившись первоначально, как утверждают многие, из инстинкта самосохранения, по утверждению же других, будучи плодом социальных условий жизни, она перешла на помощь семье, роду и племени, а затем стала служить и государству. По эволюции религиозных учений еще во времена древней Греции начала отрешаться от племенных и государственных начал, что доказывается стихами Илиады о скорби Зевса при преследовании Гектора Ахиллом, а со времен христианства религия призывает к мирному сожитию с собой человечество, признавая хищничество и паразитизм общечеловеческим злом.

Но религия есть оплот и стимул темных невежественных масс и на она послужит решающим моментом в объединении человечества, в развитие общегосударственного строительства с устранением экономической кабалы и т. наз. капиталистического строя, причем первоначально человечество пройдет через союз государств, а позднее сладится и государственная обособленность, превратившись в автономные области, федеративно связанные в одно целое на условиях взаимопомощи и кооперации.

Идущее рядом с развитием сотрудничества в человеческом мире развитие т. н. нравственных начал является также помощью в установлении единения, но развитие одних только нравственных начал без установления целесообразности условий общего сожития еще недостаточно, чтобы приблизить человечество к единению.

Есть мнение, что развитие коллективных и альтруистических побуждений происходит на почве стремлений человека к личной выгоде. Это мнение в последнее время поддерживается Н. Шавровым [1]. Человек, говорит этот автор, как и все живое, эгоистичен.

Альтруистические побуждения появились только впоследствии и развились на почве стремления человека к личной выгоде....

Борьба с природой и неблагоприятными внешними условиями: добывание пищи, охота, защита от нападения со стороны животных и т. п. были значительно успешнее, когда человек выступал не единично, а вместе с другими. Это оставляло постоянный след в психике человека и рождало определенные представления, отчасти доходя до его сознания, отчасти оставаясь в подсознательной сфере. Повторяясь бесконечное число раз через тысячи лет, капля за каплей, это оставило в нервно-психической области такие глубокие следы, что на почве их родились представления, кажущиеся самостоятельными и как бы свойственными человеку с самого начала".

Свои взгляды автор предваряет данными из закона сочетательных рефлексов, по которому всякое побочное раздражение, сопутствующее основ-

[1] Д-р Н. Шавров. Мысли о человеке и государстве. Действующая Армия. 1917. стр. 15.

ному возбуждению, неизбежно вызывающему рефлекс, после известного числа повторений становится способным вызывать тот же самый рефлекс.

Применяя этот закон к коллективизму, автор замечает: первоначальные побуждения человека были эгоистичными; коллективизм же был побочным сопутствующим явлением в жизни дикого человека, средством для достижения цели, направленной к удовлетворению элементарных потребностей. В последствии он превратился в самостоятельный побудитель.

На почве коллективизма, как новое сопутствующее явление, родились альтруистические понятия, которые также сделались впоследствии самостоятельными побуждениями для человека. Это произошло естественным путем, так как без этих последних вечная общественность и все коллективные формы борьбы рассыпались бы, как песочное здание. Сопутствующие явления и средства для достижения целей на почве элементарных побуждений получили значение самостоятельных побуждений." (стр. 18, и т. д.).

В сущности, это об'яснение коллективизма одной своей стороной совпадает с дарвиновским учением, ибо и последним коллективность об'ясняется принципом борьбы, имеющим в основе эгоизм, как олицетворение борьбы всех против всех. Однако, принцип борьбы приводит к выживанию наиболее приспособленных при посредстве естественного отбора. Как же может играть роль в эволюции коллективизм, возникший из эгоизма?

Очевидно, без унаследования дело обходиться не может. Для того, чтобы спасти свое положение, автор такое унаследование и допускает. „Несомненно, говорит он (ст. 40), что высшие психические рефлексы оставляют весьма стойкие следы в организации мозговой коры и могут передаваться тем или иным способом по наследству". При этом понимается, что наследственно передается почва, на которой могут эти психорефлексы развиться, как например в виде проявления связей между психическими центрами молекулярного равновесия самых нервных элементов и т. п.

Однако, как бы ни казалась заманчивой гипотеза физиологического унаследования, до сих пор нет данных, чтобы можно было с положительностью говорить о наследственности приобретенных свойств и влияний у человека, исключая тех, которые действуют на зародышевую плазму; во всяком случае, опыты над животными, особенно низшими, в этом вопросе не могут быть признаны убедительными.

Если же не допускать наследственной передачи коллективизма, то он должен быть в жизни каждого вида явлением, зависимым от обстоятельств и условий окружающей действительности, подобно тому, как все сочетательные рефлексы.

С моей точки зрения, оба фактора, и внешний, и личный, имеют значение в развитии коллективизма, иначе говоря, к нему приводят и закон сочетательных рефлексов, и подражание, которое есть тоже сочетательный рефлекс, и закон естественного отбора. Передача же склонности к коллективу происходит путем воспитания из поколения в поколение,—тем более, что и

зачатие и вскармливание детей неосуществимо в жизни высших животных без семейного коллектива.

Кроме того, и сам коллектив содержит в себе условия, которые делают его самоподдержащим учреждением, ибо он поддерживается не только большей успешностью коллективного труда, приводящего к взаимному подбадриванию, соревнованию и разделению труда путем специализации, но и тем фактором, который я обозначаю „социальным отбором".

Последний обеспечивает общую взаимную поддержку в коллективе—и именно не наиболее приспособленному к условиям окружающей природы, а наиболее приспособленному к коллективу, хотя бы и наименее сильному в физическом смысле, но за то наиболее сильному в социальном отношении.

XX. Закон взаимодействия.

В числе других законов, управляющих жизнью и деятельностью коллектива, необходимо рассмотреть еще закон взаимодействия. Этот закон можно бы выразить следующей формулой: если две системы находятся в соотношении друг с другом, то они оказывают друг на друга действие, прямо пропорциональное их силе. Этот закон прежде всего может быть проверен в движениях небесных тел. Взаимодействие физических сил является, как известно, предметом изучения механики; явления молекулярного и химического взаимодействия составляют предмет изучения физики и химии. Но тот же закон принадлежит и всему органическому миру, включая и сознательную деятельность отдельных индивидов.

Как известно, весь органический мир взаимодействует между собой. Ныне даже выделяют особую научную дисциплину под названием „экологии" [1], которая занята изучением взаимодействия между организмом и окружающей средой и, в частности, взаимодействия между растениями и животными. В этом последнем случае, в сущности, эта наука представляет собой фито-и-зоосоциологию [2], которую увенчивает гомо-социология [3].

Отсюда ясно, что тот же принцип взаимодействия имеет особо важное значение и в коллективной жизни человека, ибо уже образование самого коллектива, требующее объединения индивидов, предполагает их взаимодействие.

---

[1]) см. Haeckel. Generelle Morphologie d. Organismen. Berlin. 1866. Bd. стр. 286.

[2]) см. Сукачев. Введение к изучению растительных сообществ. Морозов. Лес, как растительное сообщество. Вагнер. Социология в ботанике. Природа 1912 сент. Henslow. L'écologie au point de vue de l'évolution des végétaux. Scientia t. XIII. Приложение 87—107.

[3]) Waxweiler. Esquisse d'une sociologie 1—87. П. Сорокин. Система социологии стр. 10 и след.

это взаимодействие осуществляется не только между индивидами одного и того-же коллектива, но и между каждым индивидом и обществом в целом и в еще большей мере между обществом и его руководителями, между толпой и вожаком. С другой стороны, все управление народами основано на взаимодействии управляемых и управителей.

На отношения взаимодействия, говорит П. Сорокин (Система социологии . I стр. 81), распадаются все остальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями эстетическими религиозными правовыми и научными. Короче говоря, взаимодействие двух или большего числа индивидов есть родовое понятие социальных явлений: оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы тем самым разложим на части самые сложные социальные явления.

Лассаль был прав, когда говорил, что конституция тогда и хороша и приемлема, когда она является выражением правильного соотношения сил в государстве в каждый данный момент, ибо всякая социальная жизнь представляет борьбу классов и партий, след., то или иное между ними взаимодействие, и, в сущности, каждый коллектив вступает во взаимодействие со всеми другими коллективами, с которыми он так или иначе соприкасается в своей жизни, и даже со всем окружающим миром. Чтобы выяснить принцип взаимодействия, возьмем самый примитивный коллектив—уличную толпу и посмотрим, как проявляется здесь этот принцип.

В отношении толпы имеется немало исследований, но в них, вообще говоря, немало односторонности и преувеличений. Одни видели в толпе только склонность к преступлениям и не замечали, что толпа бывает в полном смысле слова героической, забывая и то же, что история обязана множеством самых благородных порывов человечества именно толпе. Другие недостаточно различают характерные особенности уличной толпы или уличного сборища и толпы, заседающей в судах в качестве присяжных заседателей, в парламентах, в советах, комитетах и т. п. Ибо многое, что справедливо по отношению к уличной толпе, то неприложимо к организованному собранию и наоборот. Так, напр., в числе специальных свойств, характерных для толпы, авторы указывают на импульсивность, раздражительность, недостаток рассуждения и критики, неспособность обдумывать, преувеличенную чувствительность, необычайную внушаемость и т. п. Г. Лебон, между прочим, сравнивает эти качества с теми, которые наблюдаются у низших существ эволюции, напр., женщин, детей и дикарей.

Однако можно ли сказать, что советы, комитеты или парламенты могут быть приравнены по своей форме рассуждения к женщинам, дикарям или детям. Если бы это было так, можно ли было бы допустить, что везде, где требуется наибольшая беспристрастность, осторожность в суждениях и осмотрительность в решениях, человечество предоставляло бы действовать коллективному уму, и как можно было бы помирить с этим мнением тот факт, что

передовые народы Европы предоставляют самые важные вопросы своей жизни, решающие нередко судьбы народов, постановлениям коллективного ума в форме парламентов и международных трибуналов.

Очевидно, что дело обстоит на самом деле не так, и то, что относится к толпе неорганизованной, не может быть перенесено на организованные собрания, где взвешиваются разнородные взгляды, и сопоставляются доводы, культивированные различными умами и воспринятые индивидуальными умами под определенным углом зрения.

Можно согласиться с тем, что решения собраний не могут претендовать на гениальность, хотя и это зависит, в сущности, от значительности ума вождей и умения их защитить свое мнение, но несомненно, что решения собраний сравнительно редко бывают односторонними, что в наибольшей мере свойственно индивидуальному уму.

Также и в отношении воздействия на толпу мы не можем согласиться с теми авторами, которые утверждают, что рассудок не может тут играть роли или даже имеет отрицательное значение. По словам того же Г. Лебона (стр. 243 Психол. народов и масс), „на толпу нельзя влиять рассуждениями, так как ей доступны только грубые ассоциации идей. Поэтому и ораторы, умеющие производить впечатление на толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку. Законы логики не оказывают на нее никакого действия". По отношению к неорганизованной толпе это мнение можно считать справедливым, но лишь в том случае, когда толпа уже находится во власти определенного настроения, как это впрочем, случается нередко. Но если толпа спокойная, напр. толпа, собравшаяся не под влиянием какого либо недовольства и возбуждения, а лишь с целью послушать оратора, разъясняющего ей то или другое положение дела, то как можно говорить, что законы логики не оказывают на нее никакого действия? Оратор, который не-слушался бы совета и, отбросив всякие доводы, бил бы только на эффект, стараясь возбудить эмоциональное состояние в толпе, наверное не оказался бы в большом выигрыше. Во всяком случае, спокойная толпа выслушивает доводы, которые, правда, должны быть ясны, просты и убедительны и еще лучше снабжены соответствующими примерами и образами, эмоциональная же окраска важна там, где нужно побудить толпу к действованию.

Что же касается организованной толпы, напр., толпы присяжных, то, присутствуя на громких процессах, я встречался неоднократно с тем фактом, что адвокат, пользующийся неопровержимыми доводами, более воздействовал на присяжных заседателей, нежели адвокат, бьющий только на эффект и старающийся возбудить лишь одно эмоциональное состояние в своих слушателях. В одном месте Г. Лебон (l. c. стр. 233) говорит: „Присяжные, как и толпа, легко подчиняются влиянию сочувствия и очень мало влиянию рассуждения". „Они не могут устоять, говорит один адвокат, при виде женщины, кормящей грудью своего младенца, или при дефилировании сирот перед ними". „Чтобы снискать расположение судей, женщине достаточно быть симпатичной, говорит де Гляже". Все это верно, но, ведь, это также верно и по отношению к инди-

индивидуальному уму, и в этом нет большого различия между отдельной личностью и толпой присяжных. Последняя, во всяком случае, поддается как доводам, так и возбуждению эмоции. Я знал одного известного в Петрограде адвоката, имевшего возможность, благодаря своему таланту, возбуждать эмоцию и в публике, и в среде присяжных, но который в громких процессах всегда выдвигал раньше себя своего помощника, строившего свою речь исключительно на анализе и доводах.

Это именно сочетание анализа и доводов в одной речи и эмоциональной окраски в другой и производило на присяжных неотразимый эффект. Что склонность к эмоции в толпе далеко не обычное явление, доказывает всем известный факт, что там, где отдельный человек легко может поддаться чувству и может заплакаться под влиянием слез просительницы, на собрание и толпу эти слезы могут не произвести соответствующего действия или даже вызвать обратное впечатление.

Как и в толпе неорганизованной, в избирательной толпе Г. Лебон снова отмечает слабую способность к рассуждениям, отсутствие критического духа, раздражительность, легковерие и односторонность (l. c. стр. 229). Но как раз именно в избирательных собраниях действует дух партий, а партийная политика основана ничуть не на эмоции и чувствах, а на интересах, подкрепленных определенными доводами, и никакие способы возбудить чувства не будут достаточными, чтобы преодолеть интересы партии, выразившиеся в ее платформе.

Можно не очень возражать против положения, выставляемого Г. Лебоном (l. c. стр. 307), что в толпе люди всегда сравниваются и, если дело „касается общих вопросов, то подача голосов сорока академиков окажется нисколько не лучше подачи голосов сорока водоносов“. Но во всяком случае нельзя согласиться с его доводами и соображениями относительно всеобщей подачи голосов, которую он снисходительно готов оставить только потому, что эта формула является своего рода религиозным догматом настоящего времени, а ограниченная подача все равно не была бы лучше по своим результатам, между тем, при ней пришлось бы испытать еще и „тяжелую тиранию квот“. Заслуживает, однако, внимания совершенно справедливое мнение Г. Лебона (l. c. стр. 308), что „арифметическое среднее всех избраний во всякой стране служит изображением души расы“. Однако, не прав Г. Лебон, дополняя это положение фразой, что „эта душа остается почти одинаковой из поколения в поколение“. Уже различные результаты голосования, производимого в разные эпохи в одной и той же стране, показывают, что, несмотря на огромнейшую устойчивость, изменения „души“ нации составляют явление далеко незаурядное.

Заслуживает, далее, внимания, что авторы, писавшие о толпе, склонны были утверждать, что коллективное решение, благодаря взаимодействию друг на друга отдельных членов толпы, всегда окажется ниже по качествам и глупее решения отдельной личности. Но здесь кроется глубокое заблуждение. Дело в том, что нельзя рассматривать собрание, как исключительно коллек-

тивный ум. Дело идет обыкновенно об об'единении работы индивидуального и коллективного умов. Всякий вопрос в собраниях обыкновенно подготовляется тем или другим докладчиком по специальности, а затем, путем критики и обсуждения доклада в собраниях, имеющиеся резкости в докладе, основанные на переоценке фактов, на преувеличении, увлечении и односторонности, обыкновенно сглаживаются, ослабляются и устраняются, как обтесывает токарный станок все острые углы обрабатываемого дерева. При этом в доклад вводятся иногда те или иные новые положения или новые вставки, которые восполняют его пробелы. Можно ли при этих условиях сомневаться в том, что результаты работы окажутся выше и ценнее результатов работы одного индивидуального ума? И кто не знает, что и живым то или другим постановлениям коллегии, напр., хотя бы постановления третейского или коронного суда, признаются гораздо более авторитетными, нежели мнение отдельного лица или распоряжение единичного представителя той или другой административной власти. Нечего говорить, что и коллегия может вынести ошибочное постановление, что было, напр., с Французской Академией Наук, отвергнувшей некогда идею о возможности летания человека по воздуху, ибо это будто бы „противно природе человека", а также с Парижской Медиц. Академией относительно месмерических явлений, не усмотревшей в них ничего особенного, кроме игры воображения, и таким образом просмотревшей в них явления гипноза, впоследствии признанные наукой, как новые и вполне реальные явления. Можно указать также о последнем постановлении у нас в Петроградской медицинской Совете, обставившем гипнотизирование больных со стороны врачей такими требованиями, какие предъявляются при операциях, что было равносильно почти полному запрету в использовании гипноза в России. Известны тоже и судебные ошибки, сводящиеся к обвинению невинных людей. Но все эти заблуждения коллективного ума, в сущности, относятся ничуть не к его собственной работе, а к заблуждениям и недостатку познаний тех специалистов, которые были докладчиками по этим вопросам и которые своим авторитетом успели убедить собрание в том, что было результатом их собственного незнания. К тому же в отношении лунации и гипноза время тогда еще не подготовило умы к восприятию новых истин, и они остались неразгаданными.

Таким образом, в этих коллективных заблуждениях вина падает, главным образом, не на работу коллективного ума, а на работу того индивидуального ума, который в данном случае руководил собранием и подчинил его своим авторитетом.

Когда сопоставляют работу индивидуального и коллективного ума, то забывают, что те и другая стороны несравнимы между собой по самому существу. Дело в том, что, когда дело идет о работе индивидуального ума, то прежде всего мы имеем дело обыкновенно со специалистом, часто обладающим прекрасной эрудицией, имеющим возможность сосредоточиться на заданной работе, навести нужные справки, употребляя на все это немало времени, в некоторых случаях целый ряд дней, недель и даже месяцев, а иногда

и лет. Естественно, что труд должен выйти и обстоятельный, и б. или м. точный по своим результатам, хотя иногда и односторонний.

В коллективном уме мы не всегда имеем дело с такими специалистами, здесь нет возможности сосредоточиться, навести справки, требующие значительной затраты времени, и т. п. Зато в собраниях имеются обыкновенно разносторонние специалисты, если нет знатоков данного вопроса, и кроме того могут оказаться представители других соприкасающихся специальностей, которые рассматривают и обсуждают вопрос под другим углом зрения и которые обычно не имеют той заинтересованности, какую часто имеют отдельные специалисты. Отсюда ясно, что коллективный труд должен отличаться более осторожным отношением к делу и более всесторонним освещением предмета, но не может отличаться той глубиной, которая может быть свойственна индивидуальному уму.

Очевидно, таким образом, что наибольшая гарантия правильности решения достигается в тех случаях, когда работа коллективного ума совмещается с работой индивидуального ума, подготовляющего вопрос в своей обработке для общего обсуждения и критики.

Вот, что нам дает в результате анализ взаимодействия умов в коллективных собраниях. Надо при этом заметить, что и работа индивидуального ума не может быть рассматриваема исключительно как таковая. Известно, что гениальный ум утилизирует результаты труда тысячи предшествовавших умов, как хороший мастер утилизирует знание и навыки огромного числа предшествовавших ему мастеров. Вот почему великие изобретения и открытия, кажущиеся результатами индивидуального ума, в действительности представляют собою, в сущности, результат деятельности коллективного ума предшествовавших поколений. Как мы знаем, даже общие понятия обязаны творчеству коллективного ума, т. е. толпы, а не индивида.

Что касается взаимодействия классов и других коллективов, то здесь результаты этого взаимодействия сказываются не только в постепенном сглаживании разноречий, но и в степени влияния более значительных по силе коллективов на общий ход дел. Даже управление страной стоит в прямом соотношении с значением и силой того или другого класса или партии.

Законы классовой борьбы гласят, что, если данный класс устанавливает так или иначе свое господство в стране, он и создает свое правительство. Если два соперничествующие класса не могут решить вопроса в отношении господства одного из них, то правительство может быть только коалиционным при возможности соглашения. При отсутствии соглашения, вследствие обессиления обоих классов взаимной борьбой, наступает момент, дающий основу для развития диктатуры. Так было в начале владычества Наполеона III во Франции, когда Кавиньяк должен был уступить, создав ему позицию диктатуры.

Когда дело идет об управлении парламентской страной, то, как известно, управляющий орган—министерство—опирается на парламентское большинство, и если почему либо не составляется такового в его пользу, то правитель-

ство идет на уступки, привлекая к себе те или другие партии, дабы образовать этим путем в свою пользу большинство представителей народа.

Но взаимодействие коллективов обнаруживается не в одной только политической области, оно не меньше проявляется и в области науки и искусства, ибо и здесь мы имеем отдельные партии ученых и отдельные направления в искусстве, словом, отдельные лагери, которые взаимодействуют друг на друга, постоянно сглаживая свои острые разногласия, но временами даже вступая в соглашения для совместной работы, и опять таки и здесь главенствующее значение приобретает та партия или то направление, которое оказывается более значительным по своей реальной силе.

Наконец, и в экономической области мы встречаемся на каждом шагу с взаимодействиями коллективных групп.

Прежде всего взаимодействие устанавливается между продавцами и потребителями или покупателями, благодаря чему, между прочим, происходит установка цен (спрос и предложение), да и самый характер предметов, потребляемых данным коллективом, зависит от установившихся вкусов, обычаев и других условий, в которых живут потребители. Далее, взаимодействие проявляется между конкурентами, из которых каждый имеет стремление выдвинуть себя перед своими соперниками. Точно так же устанавливается известное взаимодействие между разными группами потребителей, особенно при недостатке товаров и т. п.

Наконец, и в условиях международных отношений дело идет о взаимодействии какого народного коллектива с его соседом и вообще со всеми коллективами, с которыми он входит в какое либо соприкосновение, как и всех вообще народных коллективов вместе взятых на каждый из них. И здесь, как и во всех других случаях, результатом взаимодействия является главенствующая роль одного или нескольких коллективов перед всеми другими. Но в конце концов общий ход международной жизни определяется той равнодействующей, которая является результатом взаимодействия всех народных коллективов, входящих в соотношение друг с другом в целях установления международных связей.

XXI. Закон компенсации или замещения.

В данном случае дело идет о законе, по которому всякое движение или какая либо другая форма энергии, встречая то или другое препятствие для своего проявления, замещается другими движениями или другими формами энергии, представляющими в сущности, тоже род движения. Нет надобности останавливаться на том, что этот принцип является прямым следствием принципа сохранения энергии и подтверждается в физической среде везде и всюду. На этом основан т. наз. принцип единства энергии. В химии мы также

с постоянством встречаемся при реакциях с замещением одного вещества другим.

В органическом мире этот закон осуществляется разным образом на каждом шагу, ибо, напр., в растительном царстве искусственное препятствие к развитию и росту корешков и стеблей обходится замещением новых и корешков и стеблей, вырастающих из других частей растения. В животном царстве недостающий орган заменяется усиленной функцией других органов. В функциях нервной системы мы встречаемся с замещением разрушенных и перерожденных систем и половон другими, здоровыми системами и половинами.

Специально в сознательной деятельности мы имеем также замещение одного действия почему либо задержанного другим, одного забытого слова другим, одной неудовлетворенной потребности другою. Так, сексуальные потребности заменяются нередко художественными или религиозными исканиями и наоборот. На этом основан, между прочим, метод сублимации при лечении общих неврозов.

Тот же процесс замещения мы имеем и в деятельности коллектива. Когда ускоренное движение в нем воспрепятствовано, как это было, напр., в России в период царского режима, то взамен его обращает на себя внимание поразительное развитие мистических учений, картежной игры и алкогольных излишеств. Когда правительство воспрещает открыто вести агитацию, она находит для себя путь в подпольной пропаганде. С целью же воспрепятствовать последней, правительства часто прибегают к отвлечению народного движения в иную сторону, навязывая, напр., войны населению. Чтобы отвлечь побежденный народ от агрессивных стремлений по адресу народа победителя, ложные дипломаты стремятся отвлечь энергию побежденного народа, поддерживая его завоевательные стремления в иных странах. Так, Бисмарк, отнявший от Франции Эльзас и Лотарингию, поощрял все время колониальную политику Франции. Вильгельм II, не уяснив себе здравого смысла этой тактики и сделав ложный шаг созданием столкновения в Агадире в виде известного „прыжка Пантеры", подготовил неудачную для Германии мировую войну, обесславив тем самым свое имя в истории.

Закон компенсации, между прочим, сыграл большую роль в отношении распространения христианства в конце II-го и начале III-го века. Как известно, при Антонинах и в особенности при Северах проявилось поразительное пробуждение религиозной мысли в римском обществе с жаждой веры в возвышенное, духовное и бессмертное.

Это явилось настоящей реакцией против злоупотребления чувственными наслаждениями, столь распространенными в то время, путем замещения общественной философии новым учением. К тому же Римская империя принимала в свой пантеон богов всех завоеванных стран, благодаря чему бесчисленное количество богов, естественно, подрывало в них веру и ослабило социальное значение языческой религии.

В связи с вышеуказанным стремлением общества к возвышенному и духовному, были сделаны попытки морализовать древние мифы и одухотворить

языческую религию, но эти понятия уже не удовлетворяли общество. В это-то время христианство с его учением об единстве Бога на небесах и духом общечеловеческой любви и всепрощения соответствовало наступившей реакции и стало быстро завоевывать свои права. Героический дух первых христиан-мучеников, их непоколебимая вера в правоту своего учения и непримиримость христианства с другими религиями, откуда и возникли кровавые преследования, довершили дело победы христианства над язычеством.

На этом же законе компенсации основано то, что осуществление всего великого в общественной жизни связано нередко с тяжелыми испытаниями и только иногда, благодаря этим испытаниям и тяжелому страданию своих защитников, оно получает осуществление и окончательное признание.

Ничем иным, как законом компенсации, объясняются и поразительные противоречия, которые проявляются в коллективной жизни народов, особенно в периоды смуты. Так, в самые трагические дни террора, сопровождаемые почти беспрерывными казнями, когда на эшафоте гибнут сотни и тысячи людей, все увеселительные заведения переполняются народом. Так было во времена великой французской революции, так было и во время русской революции. Причину этого надо видеть частью в том, что народ, ранее лишенный всех видов удовольствия, вследствие бедности и забитости, выбившись на свободу, безгранично отдается всевозможным увеселениям, ранее совершенно для него недоступным, частью же в потребности скрасить тяжелые условия жизни увеселениями. Вот почему всевозможные виды увеселений дают полные сборы в то время, когда царствует гильотина в Париже, а у нас в период революции оживленно проходят „танцульки“ во время беспрерывных расстрелов и грабежей.

Нечто аналогичное можно видеть в том, как заключенные Парижа, над которыми уже висел дамоклов меч гильотины, без всякой меры предавались любовным похождениям. Вот, напр., как описывают со слов современников жизнь в тюрьме консьержеров Парижа Кабанес и А. Насс (l. c. стр. 132) „Пройдя первую решетку, а их было в общем не менее четырех, вы попадали в пространство, окруженное кругом железными цепями. Здесь допускались свидания с посетителями, но обыкновенно к заключенным приходили одни женщины, их и принимали, конечно, всего приветливее.... здесь, по словам одного из современников, мужья становились любовниками, а любовники удваивали свою нежность. Было без особого договора условлено не обращать более внимания на законы общественных приличий „годные, конечно, лишь тогда, когда возможно отложить излияние нежностей до другого, более удобного, случая и места“. Беззастенчиво раздавались направо и налево нежнейшие поцелуи. Под покровом сумерек или просторного платья обменивались смелые излияния нежности, удовлетворялись самые горячие порывы. Подчас эти восторги прерывались видом несчастных, только что приговоренных к смерти, которых проводили через этот же дворик из залы судебных заседаний трибунала. Тогда на минуту кругом воцарялось гробовое молчание, все испуганно переглядывались, а потом... потом снова раздавались нежные слова, поце-

ди, горячие объятия, все принимало прежний вид, все не заметно шло опять своим чередом.

Под главным входом наблюдалось почти то-же. Вдоль длинных скамей по стенам сидели мужья с женами и любовники с любовницами, все обнимались и ласкались с таким же спокойствием и радостью, точно они возлежали на ложе из роз. Иные лишь изредка плакали и стенали".

Во флигеле тюрьмы происходила игра амура с немеьшей интенсивностью. Днем заботились о туалетах, и все приваряжались и прихорашивались, так вечерняя любовь снова вступала в свои права. Все дисконтировалось в ее пользу: вечерний сумрак, тень проносившегося облака, утомление стражи, надзирателей, скромность и сон остальных заключенных".

На принципе компенсации или замещения основывается и процесс сигнализации и применение т. наз. символики. Необходимо иметь в виду, что всякое сообщничество создает основание для развития способности сигнализировать один другому. Первичное сигнализирование есть примитивный язык мимики. Эффект испуга, испытываемого одним индивидом, есть уже сигнал об опасности для другого. Крики отчаяния являются призывными криками о помощи и т. п. Мимика полового возбуждения есть опять таки своего рода сигнал, приводящий в соответствующее возбуждение индивиды другого пола. Стрекотание кузнечика, щебетание и крики птицы, лай собаки, блеяние овцы, топанье кролика, мычанье коровы, ржанье лошади, взвизгивание и другие звуки макаки—все это суть звуковые сигналы, лежащие в основе языка животных, вполне понятного другим животным того же вида и достигающие у человека развития сложной членораздельной речи.

Эти сигналы, конечно, не всегда бывают звуковые: они могут быть также световые, напр. фонарь, у светляков, покраснение или посинение кожных придатков у некоторых животных, механические, как напр. движение усиков у муравьев и других придатков у насекомых, выразительные позы и движения у многих животных, жесты у человека, пахучие—в виде отделений у животных в периоде течки и спаривания и т. п.. Но всегда и везде они служат характеристическими признаками определенного состояния животного—сигналом или знаком его состояния для других, и в этом их значение.

„Когда олень вскидывает голову кверху, все другие олени делают тоже самое. Это есть, знак, он означает: „слушай". Если первый олень не видит предмета, привлекшего его внимание и кажущегося ему подозрительным, он испускает низкий звук. Это есть слово, оно означает „осторожность". Если он видит затем, что предмет не только подозрителен, но и опасен, он делает дальнейшее употребление языка—интонацию: вместо низкого звука „слушай", он испускает резкий громкий крик, означающий „бегите, спасая свою жизнь". Отсюда природа языка: знак или жест, звук или слово, и интонация". (Г. Друммонд l. c. стр 181).

Нечего говорить, что чем животное выше по развитию, тем его сигналы многосложнее. Возьмем для примера собаку. Уже в лае собаки Ч. Дарвин отметил от 4 до 5 видоизменений. Но ведь собака выражает свое состояние

не одним лаем, но и ворчанием, визгом, а также движением хвоста, ушей, мимикой лица, движением всего туловища, выражением глаз и т. п. Здесь язык уже настолько разнообразен, что передает многие тонкости внутреннего состояния собаки, которые не могут быть переданы напр. птицей. У обезьян имеется до 6 видоизменений голоса и уже примитивный язык, служащий для обозначения определенных предметов, помимо весьма разнообразного языка телодвижений.

Человеческая речь, возникшая путем эволюции из примитивного языка звуковых рефлексов, жестов и мимических движений, — есть прямой продукт сигнальности и развилась благодаря беспрерывному общению людей друг с другом, без чего никакой сигнализации в форме речи не могло бы быть и помину. Во всяком случае, ряд фактов говорит за то, что эта способность к сигнализации в отношении примитивных мимических и звуковых рефлексов не наследственна и, след., не прирождена, другая же часть приобретается опытом в форме высших или сочетательных рефлексов [1]. Человеческая речь, во всяком случае, является приобретенной путем опыта. В пользу этого может быть прежде всего приведен факт, что глухой от рождения всегда в то же время оказывается и немым, но он заменяет недостающую речь обилием жестов [2].

С другой стороны, слепой от рождения беден жестами и мимикой, но богат интонацией голоса. Человек, лишенный общения с себе подобными от рождения, как Гаспер Гаузер, лишается развитой речи. Наконец, человек, рожденный от родителей одной нации и перенесенный в младенческом возрасте в другую страну, приобретает речь этой страны, не сохраняя никаких следов речи своих родителей.

Достойно внимания, что язык жестов и пантомимика развиваются под контролем зрения, язык звуков под контролем слуха. Между прочим, указывают на значительное сходство между жестами и пантомимическими движениями глухонемых и первобытных народов, и это оттого, что у последних, как и у первых, при ограниченности звукового языка, жесты и пантомимические движения представляются хорошо развитыми.

Даже и жесты, употребляемые для сокращения, тождественны или сходны в обоих случаях, как сходны эти движения и у различных народов. Все это было бы загадочным, если бы не объяснялось тем, что эти жесты и пантомимические движения являются воспроизведением движений изобразительных, указывающих и др., которые не могут быть различными у различных народов, ибо относятся к одинаковым внешним об'ектам.

---

[1]) см. В. Бехтерев. Биологическое развитие мимики. Вестник Знания и отд. изд. ОПБ.

[2]) Имеются и опытные данные, из которых видно, что глухие животные утрачивают способность издавать звуки. В опытах, произведенных в нашей лаборатории над собаками (д-р Ларионов), при развитии глухоты после удаления височных долей оперированные животные с течением времени утрачивали и способность к лаю.

„Меллери свел друг с другом, с одной стороны, нескольких чужеземцев территории Ута, а с другой, одного глухонемого. Последний рассказал им длинную историю одной кражи, сопровождающуюся диалогом; оказалось, что они отлично поняли друг друга". (Рибо, Эволюция общ. идей стр. 48—49).

Как упомянуто, глухонемые, обходясь без слов, развивают до высшей степени свою мимику и жесты, благодаря чему они легко понимают друг друга и, не будучи обучаемыми, пользуются, в конце концов, б. или м. одинаковыми изобразительными и указательными жестами, доступными также и пониманию людей здоровых. Их жесты образуют собою и терминологию или обозначения и упрощенный синтаксис. Причем последний состоит в порядке следования жестов друг за другом и в их определенном сочетании.

В виде примера, скажем, что, напр., ребенок обозначается жестом, указывающим маленький рост, а младенец жестом, указывающим на кормление грудью, ношение на руках и укачивание. Собака обозначается движением головы с движением рта на подобие лая и т. п. Потерять обозначается жестом, показывающим урон вещи и тщетное ее отыскивание, забыть обозначается проведением руки по лбу и пожиманием плеч. Полюбить обозначается приложением руки к сердцу. Ненавидеть одинаковыми жестами с отрицательным киванием головы и т. п.

Что касается синтаксиса, то, по исследованиям ряда авторов (Скотт, Тейлор, Роменс и др.), в нем нет частей речи или терминов определенного лингвистического значения, а он построен исключительно на порядке расположения знаков—жестов, причем знаки располагаются в порядке их относительной важности, а именно, подлежащее располагается впереди сказуемого, дополнение раньше действия—глагола, а изменяемое раньше изменяющего, все же лишнее опускается. Напр., для выражения: я прибил такого то палкой, жесты следуют в таком порядке: я такого то—бить—палка, а для выражения: я был побит таким то палкой—порядок жестов будет следующий: такой-то—я—бить—палка. Этот синтаксис, конечно, крайне беден и едва ли может быть даже сравниваем с ограниченным синтаксисом слабоумных. К тому же, как и для последних, для таких необученных глухонемых, в большинстве случаев, остаются совершенно недоступными нравственные, религиозные, космологические и метафизические понятия. Однако, глухонемые не лишены творчества (Рибо. Эволюция общих идей стр. 43).

Почему именно человек развил преимущественно звуковой язык? Я уже говорил в другом месте об анатомических условиях, содействовавших развитию языка звуков [1]). Но все же нельзя не указать здесь на особые преимущества языка звуков перед языком жестов, которые дали определенное направление символизму человека в виде преимущественного развития звукового языка.

Есть основание думать, что первоначально человек имел возможность пользоваться тем и другим языком, однако преимущество в дальнейшем раз-

[1]) В. Бехтерев. Об'ективная психология. СПБ.

витии осталось за языком звуковым, и этому содействовали следующие условия. Язык жестов занимает руки, мешая заниматься с помощью их другими делами, в темноте он не передается, как не передается за препятствиями, напр., в лесу, и чрез большое расстояние. Затем, жесты и пантомимика исключительно подражательного происхождения, вследствие чего они связаны с конкретными раздражениями и мало приспособлены для обобщений, хотя и нельзя отрицать, что дальнейшее развитие языка жестов могло бы выработать знаки для обобщения. Имеющиеся жесты для сокращения уже служат указанием на возможность такого развития. С другой стороны, звуковая речь допускает развитие и крайне тонкую дифференцировку в отношении внешних звуковых раздражений и проявлений голоса и звуков как в отношении интонации, так и сложности звуков, и все это при минимальной затрате силы.

Письменная речь первоначально уподоблялась языку жестов по своим изобразительным приемам (так наз. идеографическое письмо). М. Мюллер приводит ряд примеров, очень поучительных в этом отношении. Сходство здесь обнаруживается и в отношении обособления терминов, и в отношении известного порядка, и в отношении конкретных изображений самых действий. Он указывает на одно письмо туземца Каролинских островов капитану испанского судна: наверху нарисован человек с вытянутыми руками (просьба), налево внизу предлагаемые предметы: 5 раковин больших и 7 маленьких различной формы, направо—прямо против—изображены вещи, которые испрашиваются в обмен: 3 больших и 4 малых удочных крючка, два куска железа и два топора.

Сигнализация имеет огромное значение не только в коллективной жизни человека, но и в коллективной жизни животных. Стая птиц спокойно собирает свой корм, пока сторожа их не встревожит и не заставит взмахом крыльев, чтобы все летели прочь от приближающегося врага.

То же известно и относительно четвероногих животных, живущих стадами. Как известно, все стадо следует указаниям своего вожака, сигнализирующего в известных случаях всем, как следует поступать.

Символизм человека, кроме письма и рисунков, сводится к следующим формам:

1. нечленораздельные звуки в форме простых рефлексов;

2. звуки такие же нечленораздельные в форме сочетательных рефлексов;

3. звуки членораздельные, как дальнейшее развитие сочетательных рефлексов в форме звукоподражания;

4. звуки членораздельные, как дальнейшее развитие сочетательных рефлексов путем приставок, осложнений и суффиксов (речь);

5. рефлекторная мимика и жесты, напр., плач, смех и др., как результат кожных раздражений, защитные движения рук при закрывании ими лица и глаз, отдергивание руки от резкого раздражения;

6. мимика и жесты в форме сочетательных рефлексов;

7. пантомимические жесты, как воспроизведение действий (указывающие, изобразительные и пр.).

Что касается значения сигнала в общественных условиях человеческой жизни, то, как и в индивидуальной жизни, оно приобретается путем опыта и упражнения входящих в коллектив индивидов.

Крик отчаяния, по общему опыту, обозначает несчастье, стрельба, опять таки по опыту всех, имевших дело с оружием, сопровождается тяжелыми жертвами. Этого достаточно, чтобы и без действительного несчастья и без всяких жертв то и другое имело свои обычные последствия для толпы, т. е. панику в одном случае, ответные выстрелы в другом случае.

Набатный колокол раздается, как всем известно, в случае пожара, требующего помощи, с другой стороны, известно, что благовест раздается в начале церковного богослужения. Вот почему и тот, и другой служат сигналом для выхода из дому—в одном случае на пожар, в другом случае в церковь. Совершенно аналогичные условия мы имеем и во всех других случаях.

В жизни человека сигнализация осуществляется, можно сказать, на каждом шагу.

Допустим, что происходит обучение войск. Все ждут сигнала. Вот раздается команда, и войсковой коллектив, остававшийся в выжидательном состоянии, вместе с командой приходит в движение. По условленному сигналу в виде приказа начинается и сражение на войне, где и все дальнейшее развивается согласно даваемым сигналам.

Возьмите пожарную команду. Сигнал, данный с башни, взбудораживает массу пожарных, и каждый устремляется к своему делу. Один миг, и все готово к выезду на пожар, где опять приводят в действие массу лиц слова команды, играющие роль сигналов. Нет последних—и пожарная команда отдыхает до тех пор, пока не услышит нового пожарного сигнала, призывающего к исполнению обязанностей.

Другой пример, когда вы имеете танцующую массу лиц на балу. Пока они прогуливаются по залу, болтая друг с другом. Но вот началась музыка. Она служит сигналом,—и вы видите, как из толпы выделяется одна пара за другою, начиная танцы под музыку.

Дальше, вы находитесь в театре и ждете представления. Публика еще не собралась, но в назначенное время появляется среди оркестра капельмейстер. Он поднимает свою палочку вверх, что является сигналом для музыкантов, а для публики моментом, возбуждающим напряженное сосредоточение. Но вот поднимается занавес, начинается самое представление. Выходящие на сцену лица начинают говорить, обращаясь друг к другу, а иногда в сторону, к публике. Для всей этой сценической массы лиц имеется свой сигнал, который однако остается незамеченным для публики. Этот сигнал дается из суфлерской будки и заключается в указании в соответствующий момент фраз, которые должны быть произнесены, и в напоминании действий, которыми должна сопровождаться сцена.

Посмотрите затем, как начинает свое пение хор. Раньше всего выступает регент, он дает сигнал в виде камертонного звука, затем дается жест

рукою, и хор начинает пение. В другом случае хор начинает петь со взмаха дирижерской палочки или с началом музыки, или, наконец, вслед за окончанием начальной песни. Все это суть сигналы, которые немедленно влекут за собою определенный род коллективных действий.

Перейдем к коллективным гимнастическим упражнениям. Что обеспечивает согласованность действий массы лиц, производящих сложные гимнастические упражнения? Опять таки команда или сигнал, обозначающий начало действий.

Допустим, вы находитесь в школе, где масса юношей привлечена к коллективной умственной работе. Все они во время рекреации бродят по коридорам, шумя и крича. Но вот дается звонок, и все устремляются в классы, чтобы занять места. Прошло несколько более $^3/_4$ часа, и новый звонок обозначает начало перемены, когда урок кончается. В самом классе при общей работе, например при диктовке, которую должны выполнять ученики, учитель дает сигнал, с которого и начинается коллективная работа.

Вы присутствуете при общественных играх и опять вы встречаетесь с тем, что каждое коллективное действие, хотя бы соревнование в беге, начинается по определенному сигналу.

Вы находитесь на скачках, и опять начало скачек обозначается определенным сигналом.

Вы смотрите на коллективные действия рабочей артели, и здесь вы видите, что согласованность в общей работе достигается в известные периоды командой или пением рабочей песни.

В больших коллективах звонок будит всех, призывает к столу, к занятиям, ко сну. Словом, сигнал играет важную роль всюду там, где нужна согласованная коллективная деятельность.

Во всех вышеприведенных случаях мы имеем дело с организованным коллективом, где самый сигнал является заранее условленным и привычным знаком. Но и в неорганизованных коллективах сигнал получает аналогичное значение. Так, в толпе, находящейся в тесном помещении, один крик: „пожар!“ может послужить сигналом к развитию паники. В больших собраниях часто от шума и разговора ничего не слышно, но достаточно подняться председательствующему из за стола и взять в руки звонок, как собрание стихает.

С другой стороны, находясь в толпе, достаточно крикнуть: „держите вора!“ как за бегущим в погоню устремится несколько лиц.

Провокаторский выстрел нередко служит началом уличного побоища и ведет к междоусобной бойне вооруженных лиц.

Набатный колокол созывает людей на пожар. Благовест призывает народ в церковь к молитве.

Крик отчаяния в толпе приводит ее в движение.

В больших собраниях, когда принимается то или иное решение, следовательно, когда коллектив должен выразить определенное отношение к какому либо событию, одно слово председателя и множество поднятых рук обозначают решение собрания в ту или другую сторону.

Как можно видеть из приведенных примеров, сигнал является необходимым условием в различных случаях коллективной деятельности. Он является в некоторых случаях предупреждающим знаком, побуждающим к коллективной деятельности, к наступлению или к обороне. В других случаях он является в то же время и средством для согласования коллективной деятельности, без чего она не могла бы даже осуществляться. В третьих случаях он определяет конец общего действия.

Отсюда ясно все значение сигнализации в коллективной деятельности, где сигнал приобретает, быть может, еще большее значение, нежели в жизни отдельного индивида, ибо без него не только жизнь массы лиц могла-бы подвергаться естественной опасности, но и самая коллективная деятельность во многих случаях представлялась бы неосуществимой.

Заметим здесь же, что с развитием способов сигнализации связан и вопрос о социальной наследственности, благодаря которой опыт отдельных индивидов одного поколения передается индивидам следующего поколения, и таким образом устанавливается та социальная преемственность во времени, которая обусловливает и историческое развитие общественных начал [1]).

Далее, сигнал или знак в общественной жизни играет роль символики и собственно жесты и словесная речь в конце концов представляют собою ничто иное, как символы реальных явлений внешнего мира или определенных отношений и действий. В жизни цивилизованных народов символика или символизм играют и помимо речи чрезвычайно широкую роль, благодаря чему создается целый ряд искусственных символик, часто имеющих то или другое историческое происхождение.

Так, регалии царской власти, знаки отличий, гербы и прочее—все это есть не что иное, как выражение общественной символики. Символизм проявляется вообще всюду в общественной жизни, как, напр., в обычаях, идущих из старины, в религиозных обрядах, в т. наз. языке цветов и даже покрое платья, в украшениях и т. п.

Некоторые из явлений символизма передаются из рода в род как бы по привычке, утратив свое первоначальное значение.

Так, сожжение костров в Иванов день, являясь пережитком старины со времен идолопоклонства, в настоящее время утратило уже свой первоначальный смысл. Напротив того, некоторые из свадебных обычаев, до сих пор еще удерживающиеся в народе, не потеряли своего символического смысла и поныне.

Вся обрядовая сторона религии, производимая на общественных богослужениях, полна символического значения, и нет ни одного шага священника при церковном богослужении, который не символизировал бы то или другое событие из жизни Иисуса и его учения.

---

[1]) См. подробности в моих работах. Значение социального отбора в развитии организмов. Вестник знания 1912 г.—Гормонизм и его значение в развитии организмов. Природа 1916 и др.

То же самое должно быть сказано и о всех вообще церемониях и обрядностях общественного характера, как, напр., общественных торжествах, общественных танцах, общественных церемониях, общественных похоронах, общественных играх и т. п. Везде и всюду мы встречаемся с общественной символикой в самом разнообразном ее проявлении. Между прочим, полон символики и придворный этикет, основанный на обоготворении коронованной особы и возвеличении ее до степени кумира. „Одним из таких кумиров, говорит Н. Кареев в газетной статье (Наш Век, 1917 г.), которым воздавались божеские почести, перед которыми воскурялись фимиамы, и приносились жертвы, фимиамы словословий и лести, а в жертву разум и совесть, человеческое достоинство и честь, во всех странах и во все времена был носитель верховной власти.

От незапамятных времен древнего Египта, где фараон был „царь и Бог“, чрез ряд веков тянется эта традиция фараонизма, обоготворения владыки, и в эллинистическом царстве Птоломеев, и в Римской империи, а в новой форме и позднее, в христианской Европе во времена абсолютизма.

Не делали ли из монарха наместника Бога на земле? Не приписывали ли его власти божественное происхождение? Не называли ли царя земным Богом? Не восклицал ли Боссюэт: „короли—вы боги!“ и не называл ли их „Христами“ в качестве помазанников божиих? Не были ли в ходу, в качестве оффициального эпитета, „обожаемый“ и в применении к монарху? Не обозначалась ли его особа, как „священная?“ В таких чувствах к предержащей власти не воспитывались ли длинные ряды поколений, и не входило ли это в закоренелую привычку?“

Но это обоготворение владыки распространяется и на собирательную власть народа, за которою еще Ж. Руссо признал неограниченность и непогрешимость в своем „Общественном Договоре“. На народную власть также распространяется раболепие, которое проявляется пред владыками монархической эпохи.

Вот как, например, в одной газетной статейке из времен начала русской революции было высказано словословие новому народному верховенству (выписываю эту выдержку из статьи Н. Кареева): „Его величеству народу, торжествующему и гордому, мудрому и могущественному, народу богатырю, народу подвижнику, народу праведнику, народу сияющей совести, народу пророку, учителю всех народов, и т. п. Да, мы русский народ восхваляем здесь, как „праведное и чистое на путях к царству Божию“. Слава тебе, слава тебе, русский народ, загадочный и светлый, как Тот, благословение которого осеняет все твои грядущие пути. Слава народу—Спасителю, слава народу, хранящему в недрах своих сияющее откровение для целого мира. Слава народу, который будет учителем и любовью всего смятенного, мятежного и не находящего покоя и радости на земле человечества“. В едином народном разуме автор, между прочим, признал „внутреннее приближение к образу и подобию того совершенства, которое являет собою цель духовных устремлений от первого дня создания“.

Скажут, что это обожествление представляет собою взгляд одного человека. Нет, этот текст был помещен в одной из очень распространенных газет, очевидно, для сведения массы читающей публики. В этом же роде произносились речи на митингах, обоготворявшие народную власть или, по крайней мере, устанавливавшие ее непогрешимость.

Мало того, даже читались лекции о пророческом предсказании еще в библейские времена относительно русской революции на тему „Что значит великий шум из страны северной?".

Это тема неоднократно повторялась одним из членов ордена „звезды восточной" и собирала огромное стечение публики. Да и дело обоготворения народной власти не ограничивалось одними газетными и лекционными дифирамбами.

Керенский, олицетворявший собою власть, как народный избранник в первый период русской революции, на самом деле держал себя, как верховный и самодержавный вождь народа, пред которым должны были происходить те же церемонии, как и пред настоящим верховным наследственным владыкою „божиею милостию". Ему принадлежали все прерогативы неограниченной власти, ибо в критические моменты русской революции все министры отдавали ему свои портфели, предоставляя ему неограниченное право распоряжаться их судьбой. Нечего и говорить, что и помещение для нового владыки потребовалось то же самое (Зимний дворец), которое занимали в дореволюционное время цари.

Но символизм проникает и всю нашу обиходную жизнь в виде преклонений и лести пред власть имущими и великими и в виде условной вежливости при всех отношениях с лицами, хотя бы и низшими по положению и достоинству, исключая своих семейных, где ни этикету, ни условной вежливости нет места, в виду полной их бесцельности.

Значение символов в общественной жизни, однако, не ограничивается и этим, ибо символика проявляется также в скульптуре, в архитектуре, в живописи, в литературе и в поэзии, как отражениях общественной жизни. Даже мимика и манера держать себя полна символизма, который нетрудно открыть при самом поверхностном анализе этих явлений.

Социальное единство, как всякий сложный об'ект, может символизироваться и обычно символизируется своим знаменем, знаком, эмблемой, напр., зерцало, форменная одежда, флаг и пр. В роли символа может оказаться и лицо или даже группа лиц, напр., президиум, командный состав и т. д., являющиеся выразителем или представителем данного коллектива. Этот же символ часто оказывается, в известной мере, и посредником в отношении единства, своего рода цементирующей связью для многих членов сообщества, ибо он напоминает о принадлежности их к данному сообществу и обязывает их к определенному поведению и солидарности, в согласии с интересами сообщества. Об этой цементирующей роли символов говорит и П. Сорокин в своей системе социологии (т. I стр. 322—323).

Далее, геральдика, различные значки и ордена, те или другие наглядные указатели, различные церемонии религиозные и светские, наконец, местные танцы, даже игры и торжества, разве не полны общественной символики?

В виду того, что те или иные символические знаки, благодаря установленным обрядностям, олицетворяют собою всю сумму исторических фактов, они получают могущественное влияние на умы, как своего рода фетиши. Примером может служить стяг полка. Я вспоминаю, как во время мировой войны одна из русских сестер милосердия случайно подобрала на поле битвы, уже захваченном немцами, знамя полка, разбитого вместе с другими частями отряда ген. Самсонова в Восточной Пруссии, и затем, сохранив его при себе во время пленения и, будучи впоследствии отпущенной, с необычайными предосторожностями провезла его через Германию и другие страны. И вот, в тот момент, когда она вместе с другими сестрами, отпущенными, благодаря состоявшемуся соглашению, перешагнула через нашу государственную границу с Финляндией, то я, случайно сидя в одном вагоне, мог воочию убедиться в действии этого фетиша на умы военных. Когда сестра развернула спасенное ею знамя из окна вагона, то несколько военных, бывших на перроне и не имевших никакого отношения к погибшему полку, реагировали на это знамя буквально, как на святыню. Одни из них, смотря на него, крестились, другие плакали, отирая слезы платком, третьи припадали к нему, чтобы с благоговением целовать лоскуты знамени.

Нет надобности говорить, что сама сестра считала себя героиней, которая должна лично передать знамя в руки государя. Такова сила символа, олицетворяющего мощь полка, как боевую единицу, в его историческом прошлом и настоящем. Знамя перестает быть предметом, это даже не простой символ, это нечто священное, за что отдают жизнь, не задумываясь, и почитают за особое счастье нести во время битвы, подвергая себя величайшей опасности, и притом без малейшей возможности самому защититься.

Подобное же обоготворение мы имеем в религии—кусков дерева (австралийские чуринги), камней, скал, растений, животных (тотемические животные, почитание быков, крокодилов, ибисов в Египте и т. д.). Не менее знаменательно почитание предметов, вроде гербов, судебных зерцал, орденов, амулетов, мундиров („честь мундира"), икон, крестов, статуй святых, папской туфли, мощей и бесчисленного множества всяких реликвий, и притом во всех областях жизни (П. Сорокин. Система соц. т. I, стр. 186).

Как велико стремление толпы к символизму, показывает, между прочим, устройство новых празднеств со стороны Конвента во время великой революции во Франции и появление тогда же нового культа Разума. При этом замечательно, что эти празднества являлись как бы копией древних церковных обрядов, полных аллегории, — до такой степени символизм является своего рода необходимостью для народных масс.

Вот, напр., как устраивался при большом стечении народа типичный праздник торжества Разума в соборе Парижской Богоматери 20 брюмера

II года, в 10 день декабря 1793 г. (см. Кабанес и Л. Насс l. c., стр. 332-333):

«Посреди храма была воздвигнута гора, скрывавшая церковные хоры. На вершине ее был устроен круглый портик в греческом стиле с надписью на фасаде «философии». С каждой стороны его украшали бюсты ее апостолов: Вольтера, Руссо, Франклина и Монтескье. На склоне горы пылал священный очаг истины. Под звуки музыки две группы девушек в трехцветных поясах, увенчанные цветами и с факелами в руках, пересекают гору, встречаются у алтаря, и каждая преклоняется пред божественным пламенем. Затем из храма выходит женщина, олицетворенная красота, в белом платье и красном головном уборе. Это воплощение свободы, пред которой преклоняются все республиканцы при пении хвалебной кантаты».

Вся вообще обрядность в разных общественных учреждениях опять таки является доказательством значения символизма в народных массах. Даже в период революционного гонения на церковь устройство 7 мая гражданских похорон в Петрограде многим ли отличается по форме от церковных похорон? А все формы чинопочитания и разные церемонии в мирное время в войсковых частях и во время празднеств по тому или иному случаю разве не проникнуты символизмом от начала до конца?

Словом, жизнь коллектива полна символизма, и это потому, что символ облегчает усвоение сложных соотношений, путем их замещения сравнительно простыми и легко воспроизводимыми знаками, часто имеющими историческое значение.

Наконец и важнейшие действия отдельных исторических личностей являются предметом символизма для последующих поколений. Подвиг Прометея сделался символом мученичества за истину, подвиг Иисуса явился символом кротости и терпения. Отвага Святослава явилась символом храбрости, походы Наполеона, Суворова и др. явились символами военного искусства. Стоицизм древних, учение эпикурейцев, поведение киника Диокена—все это для позднейших времен превратилось в символизм.

Таким образом, все значительные, чем-либо выдающиеся подвиги отдельных лиц, переживая себя в истории народов, переходят в нисходящих поколениях в символические формы. Даже выдающиеся события приобретают форму символизма для потомков, напр., „Седан", „Цусима" „Панама" и др.

С явлениями компенсации мы встречаемся и в народном творчестве в виде т.-наз. персонификации, наблюдающейся по отношению к той или другой абстракции. Уже в религиях мы встречаемся везде и всюду с персонификацией божества, замещающего собою ту или иную абстракцию. То же, очевидно, мы имеем и в целом ряде народных легенд.

По словам Pareto, „высшая степень персонификации существует там, где дается имя абстракции, однообразию, чувству, и таким образом последнее трансформируется в об'ективных индивидов. Затем персонификация прогрессирует, превращается в антропоморфизм. Присоединяя к таким персонификациям признаки пола, ее делают еще более конкретной. Такие персонификации рождаются сами собой, помимо участия сознания". Таким образом, язык и

символические обозначения являются необходимым средством персонификации, и достаточно бывает дать имя какому-либо абстрактному понятию, чтобы привести его путем замещения к персонификации и антропоморфизму. Такова персонификация в народных сказаниях „Горя-горемычного", „Зависти" и т. п. В древнем мире тот же процесс персонификации привел к созданию таких богов, как Fortuna и Victoria. Но кроме их в Риме, по словам Boudain'a (les cultes paiens dans l'emp. rom. I 415—416) существовал еще целый ряд менее известных богов и богинь, как Aequitas, Bonus eventus, Concordia, Copia, Disciplina, Fama, Felicitas, Fides publica, Gloria, Honos, Juventus, Libertas, Mens, Pax, Pietas, Prosperitas, Providentia, Salus generis humani, Sanctitas, Virtus [1]. Нет надобности говорить, что персонификация той или иной абстракции достигает полноты своего развития, когда вместе с этим создается легенда, которая конкретизирует абстракцию не только в определенной личности, но и в ее действии.

Фетишизация и обоготворение людей общеизвестны. Здесь играет роль не только положение, с которым уже исторически связывается ореол славы, власти и т. п. (напр. обоготворение царей), но и успех в действиях (напр., обоготворение полководца, правителя, демагога и т. п.). Примеров такого обоготворения можно было бы привести множество. Сюда относится культ римских императоров, культ непогрешимого папы и т. п. А вот образчик обоготворения своих королей зулусами. В их письме королю значится следующее: „О, Педзульи, царь царей, царь небес! Что славные земли в присутствии нашего великого царя? Что становится с силой лесов перед великим Слоном? Своим хоботом он отсекает ветви деревьев. Его дыхание на лице врагов, как огонь, падающий на высохшую землю. Враги пожираются огнем пред лицом царя царей. Будучи сам отцем огня, он подымается в небесную лазурь; он посылает свои молнии в облака и принуждает дождь спуститься с них. Горы, леса и вы, зеленеющие поля! Услышите голос сына Матгобана, царя неба [2]).

Можно было бы привести не мало и других аналогичных примеров обоготворения царей восточных стран, но и вышеуказанных достаточно, чтобы показать, как личность при известных условиях замещает в глазах того или другого коллектива нечто такое, что приравнивается божеству.

XXII. Закон зависимых отношений.

Мы не будем здесь останавливаться на значении закона зависимых отношений в неорганическом и органическом мире, где все находится в определенных отношениях друг с другом.

---

[1]) Pareto. Trattato di sociologia generala, t. I.

[2]) М. Ковалевский. Социология, т. II, стр. 194—195.

„От следствия мы восходим к его непосредственной причине, эта причина, в свою очередь, представляет следствие и т. д. Эта неопределенно длинная цепь причин и действий, следующих друг за другом, — цепь, в которой наблюдаемое ныне явление представляет лишь одно звено, представляет по существу своему линейный ряд. Бесконечно большое число подобных рядов может существовать единовременно, эти ряды могут скрещиваться, так что одно и то же явление, если в возникновении его участвовало несколько различных явлений, входит следствием в несколько рядов следствий, которые с этого исходного момента, им всем общего, будут в дальнейшем оставаться различными и совершенно друг от друга оторванными“ [1].

Мы займемся здесь лишь событиями общественного порядка, составляющими существенный предмет нашего рассмотрения.

Нет ни одного общественного движения, которое в своей исторической жизни не являлось бы следствием предшествующих событий. Дело в том, что развитие общественной жизни всегда идет в определенной последовательности, как следствие вытекает из причины.

Правильность установления этого закона видна из того, что везде, где общественное движение задерживается, можно доказать внешние или внутренние причины этого задерживания, и с другой стороны, везде, где общественное движение, раз развившись, с течением времени изменяет свое направление, опять таки могут быть доказаны причины этого изменения направления.

Если действия отдельных лиц „причинны“ и обусловлены преемственно передающимися влияниями одних лиц на других, то ясно, что и все исторические события имеют подобную же „причинность“ и преемственность.

И действительно, путем исторического анализа нетрудно убедиться в том, что современные нам события началом своим имеют человеческие действия в прошлом и, преемственно исходя от современных событий к прошлым, мы дойдем до времен доисторических, причем, строго говоря, корни современных событий придется относить к первоначальной эпохе человеческой жизни и даже еще далее в глубь веков.

Как известно, уже целый ряд авторов, начиная с Аристотеля и кончая Марксом, Энгельсом и позднейшими социологами и экономистами, ставили вопрос о соотношении различных явлений общественной жизни и старались выяснить закономерность и взаимную обусловленность различных общественных явлений.

Одним из наиболее продуктивных и точных методов в этом отношении является метод статистический, благодаря которому уже выяснен целый ряд взаимоотношений общественного характера, как напр. определенное взаимоотношение между развитием преступности и социальным неравенством, дороговизной жизни и целым рядом других условий, между дороговизной про-

[1]) Cournot. Essai sur les fondements de nos connaissances. Paris. 1851, стр. 49 и след.

ментов и размерами заработной платы, между размерами обеспечения и ростом рабочего класса, между рождаемостью и смертностью и т. п.

Другими научными методами выяснения закономерности общественных явлений служат данные генетической социологии, которые показывают развитие социальной жизни и выясняют правильную смену одних явлений другими. Этим путем оказывается возможным выяснить определенную закономерность в отношении самодостаточности каждого общества, имеющего право на самостоятельность, и в отношении развития брака и семьи, и в отношении развития определенных сторон экономической жизни и тех или других форм организации власти и правовых норм, а также закономерности между средствами существования и численностью населения, установленного Кондорсе и Мальтусом, между разделением общественного труда и расслоением общества на группы и классы, между господствующим классом и организацией власти. Статистический метод, как и метод генетической социологии, дает возможность даже предвидеть вперед события социальной жизни и устанавливает зависимость одних явлений от других.

Возьмем еще раз пример голода в стране, когда поведение народных масс подчиняется всем последствиям, неизбежно вытекающим из этого фактора. В этом случае все устремления народных масс направляются на добывание пищевых продуктов. Дело идет прежде всего о возможной экономии продуктов потребления населением, об их более равномерном распределении и об интенсификации добывания продуктов питания путем усиленного развития сельского хозяйства и огородничества и изобретения всякого рода пищевых суррогатов. Так как коллективное сосредоточение определяется тем же фактором, то, в результате, это сказывается не только в действиях, но и во всех разговорах, и везде, где угодно, главным предметом беседы является вопрос питания, размеров пайка и т. п. Таким образом, речевые рефлексы подчиняются тому же самому фактору, и люди склоняют словесные обозначения голода, пайка и пищевых продуктов повсюду и во всех падежах. Но мало этого: сама власть, как руководитель коллектива, подчиняется тому же фактору и вмешивается в личную жизнь, подчиняя ее в наибольшей мере интересам всего коллектива, главным образом, в вопросах питания. Благодаря этому, вводятся ограничительные меры к вывозу продуктов питания и изыскиваются способы приобретения продуктов на стороне, производится государственное или общественное распределение продуктов, коммунизация хозяйства, вводятся поощрительные мероприятия к интенсификации агрикультуры и скотоводства и т. п.

Но если эти все меры недостаточны, то естественным последствием является эмиграция части населения, организованные нападения на соседей в виде разбоев, войн и походов с целью захвата продуктов питания в обмен на другие продукты и обращения завоеванных стран в свои колонии. Наконец, внутри страны происходит выравнивание пользования имуществом не только путем насильственной коммунизации продуктов питания, но и путем развития грабежей и воровства и, наконец, путем восстаний обездоленных классов населения с целью достижения власти и обстановки себя лучшим обеспече-

нием продуктами питания и другими благами. Нечего говорить, что все эти неизбежные последствия голода могут быть выявлены на основании целого ряда документальных данных и выведены в цифрах на основании собранного статистиками материала. Как известно на основании статистики, дело идет об ограничении роста населения в период голода путем уменьшенного количества рождений и повышения смертности—этого нелицеприятного показателя общественных бедствий, безразлично, будет ли это увеличение смертности обусловливаться развитием эпидемий и повышенной болезненностью населения, или же повышенным количеством убийств и самоубийств, обыкновенно сопутствующих развитию в стране голода [1]).

Если мы будем иметь фактор иного рода, напр., половую неудовлетворенность коллектива, вследствие, напр., неровномерного распределения полов, то мы будем иметь опять-таки полную зависимость от этого фактора поведения народных масс в соответственном направлении, а именно: усиленные разговоры на половые темы среди неудовлетворенной части населения, ограничение, в пределах возможности, половых сношений, замена их такими суррогатами, как онанизм, гомосексуализм и устремление народных масс в сторону возможного регулирования брачных отношений, напр. полигамии при избытке женщин, многомужия при избытке мужчин, применение различных мер внутреннего порядка, напр., обязательное брачное сожительство, как это применялось иногда между осужденными на длительные каторжные работы или поселение в безлюдных местах (остр. Сахалин), похищение и умыкание женщин из соседних областей, даже массовое нападение с этой целью на соседей (известное в римской истории похищение сабинянок), массовое изнасилование женщин, как это бывает в походах при нападении на безоружные города и

[1]) Заметка при чтении корректуры. В последние время П. Сорокиным был сделан доклад в ученой конференции И-та по изучению мозга и психической деятельности под заглавием: „Влияние голода на поведение людей и общественные процессы", в котором автор подходит к вопросу с той же точки зрения, что мной и было высказано в прениях по этому докладу, но развивает свои мысли с значительно большими подробностями. Останавливаясь на роли голода в поведении человека, он обозначает эту роль „пищетаксисом", который удачнее, с моей точки зрения, было бы заменить „пищевой силой". Охарактеризовав физиологические и соотносительные проявления „пищетаксиса" у отдельных лиц, автор останавливается на последствиях массового голодания, приводящего к определенным социальным последствиям. Важнейшими в числе их являются: 1) изменение кривой ввоза и вывоза пищевых об'ектов „из" и „в" голодную область, 2) явление изобретения и изменения способов добывания средств пропитания, 3) эмиграции (мирная и военная). 4) обострение соц. борьбы в форме преступлений, 5) явления хлебных бунтов, волнений и революций, 6) явления централизации и „коммунизации" социально-политич. уклада общества, 7) увеличение смертности, 8) падение рождаемости, 9) изменение „нравов, обычаев и идеологии" общества. Все или не все из этих явлений и в какой степени развиваются в голодном обществе, зависит от ряда дополнительных условий (напр., покрытия или непокрытия ввозом недостающих продуктов и т. п.). Общий вывод: „в глубине множество крупнейших социальных явлений, с первого взгляда не имеющих ничего общего с питанием, основной причиной их служит исследуемая независимая переменная т. е. в конце концов—количество и качество химических элементов, поступающих в организм членов общества".

деревни, и т. п. Интеллектуальная неудовлетворенность, в свою очередь, имеет свои социальные последствия, характеризующиеся большим спросом книг в библиотеках и на рынке, большим количеством оригинальных и переводных сочинений, большим количеством исследовательских организаций (лабораторий, институтов, научных экспедиций и т. п.), большим количеством лиц, поступающих в учебные заведения, и т. п.

Очевидно, что и периоды больших общественных волнений, требующих большего жизненного темпа от отдельных лиц, приводят к повышенному распространению всякого рода интеллектуальных возбудителей в виде того или иного вида наркозов (спирта, табака, опия, морфия, эфира, кокаина и т. п.).

Очевидно, что жизнь обществ, как и жизнь отдельных индивидов, как мы уже говорили и ранее, определяется потребностями, являющимися частью наследственно-органическими, общими для всех людей (тяга к пище, к противоположному полу, к обществу) или приобретенными путем привычки в течение жизни (тяга к умственной пище, к возбуждающим средствам). Недостаток в удовлетворении этих потребностей и определяет направление общественных устремлений, которые, в зависимости от размеров недостаточной удовлетворенности, колеблются в своей интенсивности и экстенсивности. Это положение может быть выражено определенной математической формулой. Если общее количество материала, дающее полное удовлетворение той или другой потребности, мы обозначим чрез a, недостаток материала для полного удовлетворения данной потребности выразим знаком b, то степень неудовлетворенности должна быть выражена $a-b$. Последствия этой неудовлетворенности должны быть учтены цифровым же образом и, след., могут быть также выражены особыми знаками, и тогда мы можем изменения коллективных рефлексов под влиянием определенных воздействий в форме неудовлетворенности выразить соответствующей математической формулой: $a-b = x \pm y \pm z$.... А так как недостаток удовлетворенности, являющийся раздражителем, может быть выражен, как мы видели, определенной цифрой, путем собрания определенных данных и сделанного расчета, и с другой стороны, статистика последствий этого раздражителя также даст цифровой материал, то мы тем самым получаем возможность в той или другой мере уточнить эти взаимоотношения между раздражителем в коллективе и его последствиями в форме коллективных рефлексов с помощью математических исчислений.

Еще Спенсер признавал закономерность явлений общественной жизни, сравнивая, подобно Конту, человеческое общество с организмом, почему оно подчиняется законам интеграции и дифференциации, закону ритма и закону равновесия, закону борьбы за существование и закону сотрудничества и разделения общественного труда. В проявлении этих законов и заключается процесс эволюции любого общества, причем всякое общественное явление Спенсер, подобно древнему Аристотелю, рассматривал с точки зрения его развития. За Спенсером шли и другие авторы, держась эволюционной теории, как Эспинас, Летурно, Вормс, Шарле, Лилиенфельд и др.

Надо заметить, что еще Аристотель, этот истинный основатель социологии, в своей „Политике", рассматривая различные политические формы, выясняет и закономерность смены их под влиянием классовой борьбы и соотношения общественных групп между собой. Само учение Аристотеля об обществе и государстве, как о самодостаточном общении людей, представляет собою установление очень важного закона, на основании которого и зиждется бытие всякого общества и всякого государства. В дальнейшем мысль о закономерности общественных явлений поддерживалась Макиавели и целым рядом позднейших авторов, в числе которых особенно выдаются имена Б. Вико, Монтескье, Адама Смита, Тюрго, Кондорсье, Мальтуса, Сен-Симона, Ог. Конта, Кетле, Спенсера, Маркса, Энгельса и нек. др.

При исследовании развития человеческих обществ мы встречаем, вообще говоря, поразительную правильность и закономерность в смене общественных форм. „Эта правильная повторяемость в смысле самых различных форм общественной жизни, обнаруживаемая сравнительным изучением как эволюционного, так и революционного хода общественного развития всех народов, дает социологии возможность говорить о закономерности развития общественной жизни". (Тахтарев, Социология, ея краткая история и пр. l. c., стр. 47).

В настоящее время нет вообще надобности доказывать существование преемственной связи исторических событий. Но мы должны иметь в виду, что за историческими событиями всегда скрываются народные движения, как проявления коллективных рефлексов народных масс. Иначе говоря, историческая преемственность предполагает преемственность народных движений. Но и независимо от смены исторических событий можно видеть преемственность общественных движений в том, что одно общественное движение всегда связывается с целым рядом других, ему предшествовавших, эти в свою очередь связываются с другими, еще более ранними, и т. д.

Возьмем смену общественных настроений за период нашей войны с Германией. Когда разразилась война, тотчас же в стране, которая долгое время раз'единялась партийными распрями, обнаружился патриотический под'ем, об'единивший на некоторое время все партии и устранивший на время классовую розню. Но первоначальный порыв современем стал сменяться более спокойным националистическим настроением, которое, не получая соответствующего удовлетворения за отсутствием побед, нашло исход в революции, уже давно подготовлявшейся в России, но подавляемой неоднократно правительственной репрессией. Поэтому националистическое настроение страны, не найдя себе соответствующего выхода, и вылилось вместе с роспуском Государственной Думы (в чем народ усматривал еще большее стеснение своих прав) в резкую оппозицию к правительству, неудачно поведшему войну. Оппозиция, таким образом, расчистила почву для революции, которая, начавшись под флагом патриотизма буржуазных классов, привела к освобождению пролетариата от сдерживающих его пут, вследствие чего последнему в необычайной степени облегчилась его классовая борьба, закончившаяся господством

пролетариата, вместе с чем стали выдвигаться социалистические стремления, приведшие к возрождению интернационала.

Таким образом, все находится в одной общей цепи, все логически связано друг с другом, одно общественное движение вытекает из другого, как неизбежное следствие, и само является причиной последующих движений. Нет вообще ни одного общественного явления, которое не было бы непосредственно связано с предшествующими, как с его причиной, и последующими, как его следствием, и которое вообще представлялось бы как бы оторванным от всех других общественных явлений.

Как есть логика в связной цепи словесных рефлексов, так есть логика и в следовании действий. Кто сказал *а*, тот должен быть готовым сказать *б*. Та же логика с непреложною законностью проявляет себя и в отношении коллективных устремлений и движений. В этом отношении логика исторических событий подчинена одинаковой закономерности и не может ни в чем различествовать от логики языка и логики индивидуальных действий. Здесь следствие вытекает из условий в такой же мере, как логический вывод вытекает из предшествующих посылок.

Все это понятно, если принять во внимание, что новые общественные явления представляются, в сущности, дальнейшим развитием прежних общественных движений.

В сущности, нет ни одного общественного движения, которое не имело бы своих корней в прошлом, а эти корни в прошлом сами по себе не представляли бы неизбежного последствия общественных движений в еще более отдаленном прошлом. В этом и заключается сущность закона зависимых отношений.

Возьмем такое огромное общественное движение, как пережитая нами великая война.

Почему она развилась в такое страшное событие, что привело народы всего мира к столкновению друг с другом?

Внешняя сторона этого грандиозного общественного события не сложна и представляется в следующем виде: летом 1914 г. в Сараеве произошло убийство австрийского эрцгерцога.

Австрия, которая давно простирала свои политические вожделения на Сербию, усмотрев, что корни этого преступления заложены будто бы в великосербской пропаганде, предъявила известный ультиматум державной Сербии, почти равносильный лишению ее своей самостоятельности.

В свою очередь, Сербия естественным образом, в силу племенных и давних политических связей, обратилась за помощью к России.

Руководясь полученным ответом, Сербия согласилась почти на все австрийские условия, оговорив лишь те пункты, которые несовместимы с понятием самостоятельности Сербии. Предъявление ультиматума было, однако, не одним действием австрийских рук, но и условлено ранее с Германией. Несмотря на все стремления дипломатии, особенно русской, английской и частью американской, найти пути к примирению, в Берлине провоцировали

Россию указом о мобилизации, появившемся в газетах. Русский посол об этом тотчас же телеграфировал в Петербург.

Приказ будто бы оказался апокрифическим, вследствие чего появилось официальное его опровержение. О последнем тотчас же русским послом было опять таки сообщено в Петербург. Однако, передача последней депеши была задержана на 12 часов.

В ответ на „распубликованный“ приказ о мобилизации в Германии последовала русская мобилизация, направленная против Австрии, которая тем временем уже об'явила войну Сербии и мобилизовала с этой целью свои войска.

За этим последовало со стороны Германии пред'явление России ультиматума о демобилизации, а когда последний не возымел своего действия, об'явлена была России война со стороны Германии.

Затем последовало об'явление Франко-Германской войны, в силу русско-французского союзного договора, а после того к Франции и России, вследствие нарушения бельгийского нейтралитета, присоединилась Англия. В последствии в войну вступила, на стороне союзников, Япония, а затем, на стороне Австрии и Германии—Турция; еще позднее на стороне союзников—Италия и затем Португалия, на стороне же Германии и Австрии—Болгария и в конце-концов на стороне союзников—Америка. Но все это лишь внешняя и притом не существенная сторона. Гораздо важнее в этом вопросе то, что уже много лет, как культура Германии достигла небывалого развития, вследствие целого ряда условий, входить в разбор которых здесь нет особых оснований. Затем, вслед за военными успехами в 60-х годах, приведшими к возвышению Пруссии в германском союзе, и в особенности после войны 70—71 годов, вся внутренняя политика Германии направилась в сторону подчинения интересам военной касты, или так называемого прусского юнкерства, и крупной немецкой буржуазии. Это привело к усилению империалистических интересов Германии, к экономическому и политическому соперничеству ее с Англией и к поддержанию продолжительного вооруженного мира в Европе.

В конце-концов напряжение, выдерживаемое в течение около полустолетия державами Европы, не могло не разразиться страшной войной, к которой Германия систематически готовилась в течение не менее 45 лет.

Таким образом великая война явилась естественным результатом империалистического милитаризма, который возник в Европе после войны 70 года, и потому достаточно было одного происшествия в Сербии с убийством эрцгерцога, чтобы мировая война разразилась как бы стихийно. Военный пожар, в силу естественной логики событий, нельзя было локализировать никакими дипломатическими переговорами, и державы одна за другой вовлекаются в мировую войну.

Но и это, конечно, не все.

Со времени франко-прусской войны совершенно изменилась вся психология германского народа. Страна, возвеличенная победами, перенесла свое победоносное настроение и на свое мировоззрение, которое вылилось в неудержимый поток стремлений к мировому господству: в политике, индустрии,

науке и т. п. Быстро были захвачены колонии, и обеспечены мировые рынки для германской промышленности. Вместе с тем стал образовываться в Германии целый ряд учреждений, отвечающих ее мировой политике и стремлению развернуть свое торговое влияние на весь мир, что не могло не вызвать упорного и систематического соперничества со стороны Англии. Соседка и союзница Германии, Австрия, вошла первая в круг германской политики, за ней уготовано было место России, но последняя своевременно, до известной степени, защитила себя союзом с Францией. Затем немецкое влияние через Австрию распространилось на Балканский полуостров, после чего Вильгельм, осуществляя в себе представителя прусского юнкерства, подчинил себе экономически и политически Турцию, как европейскую, так и азиатскую, включая всю переднюю Азию вплоть до Персидского залива. Наконец, при посредстве миссии Сандерса Германия стала распоряжаться в Константинополе, как у себя дома.

В этом факте уже заключалось начало великой европейской войны, ибо с этим вместе были существенно ограничены политические интересы России, Италии, Англии и Франции. Но наряду с этим, в виде второго существенного фактора в столкновении народов, явилось некоторое прошедшее (в 1870—71 году) унижение Франции со стороны Германии и нарастающее все время политическое соперничество Германии и Англии.

Необходимо при этом иметь в виду, что так называемые интересы опять-таки являются плодом народных устремлений, подготовлявшихся десятками и даже сотнями лет и все это опять-таки имело глубокие корни в предшествующих народных движениях политического, экономического и религиозного характера.

Следует иметь в виду, что вся вторая половина XIX века, особенно же вторая половина, протекли в острой национальной и социальной и интернационализмом, причем, быть может, ни в одно время национальным не пустил столь глубоких корней, как это случилось в силу вышеприведенных условий, в Германии.

Национализм—это коллективный эгоизм. Помимо племенных особенностей, национализм поддерживается привычным жизненным укладом и своеобразным развитием литературной и духовной культуры.

На почве национализма развивается и чувство, как коллективное государственного эгоизма.

Противоположными ему являются понятия интернационализма и космополитизма, как международного и межгосударственного альтруизма.

Экономическая зависимость одних народов от других, международный умственный обмен, мировой товарообмен, международная промышленность и другие связи между цивилизованными народами содействовали развитию интернационализма и космополитизма. Большую роль в этом отношении играет также пролетариат всех стран, как лишенный имущества и живущий одним заработком, а потому не прикованный к определенному местожительству и свое местонахождение ставящий в зависимость от места работы.

К тому же борьба с имущественным классом и буржуазией со стороны рабочего класса выдвигается последним на первый план, и в целях борьбы во всех странах идет взаимное об'единение пролетариата.

Вот как по этому предмету говорит Лауфенберг в своем сочинении „Великая Война", стр. 6: „Сколько бы ни называли эту войну в Германии и во Франции, в России и в Англии войной оборонительной—войной, которую никто не хотел, как бы ни выставляли задачей ее защиту угрожаемых национальных владений, национальной независимости, сколько бы ни утверждали, что цель ее—благо народов и порука мира в будущем, неоспоримым остается факт, что все государства подготовляли эту войну всеми находящимися в их распоряжении средствами, и что все капиталистическое развитие с непоколебимой последовательностью вплоть к мировому конфликту. Мировая война явилась неизбежным следствием капиталистической системы мирового хозяйства, в ней проявился бунт производительных сил против господствующих до сих пор капиталистических, националистических хищнических форм. В страшных страданиях, судорогах и конвульсиях происходит рождение новой системы хозяйства, которой принадлежит ближайшее будущее".

Одновременно с этим мы присутствовали при борьбе национализма и интернационализма, и хотя эта борьба еще не закончена, но есть уверенность, что победа, в конце концов, через тот или иной период времени, останется за интернационализмом. Пока же государства, развившиеся экстенсивно, но не успевшие ассимилировать свои народы или об'единить их культурно-экономически, как Россия, Австрия и Германия, обречены на перестройку, в смысле большего или меньшего обособления входящих в их состав народов.

Из сказанного ясно, что столь грандиозное народное движение, как великая война, имеет свои корни в отдаленном прошлом и даже в далеких исторических временах, а если мы обратимся к анализу этих корней, то и тут найдем связь их с предшествующими, народными и общественными, отношениями и т. д. и т. д. до бесконечности. Словом, мы здесь встречаемся с непрерывным явлением зависимых отношений в форме исторической преемственности, без каковой вообще не может быть понято ни одно общественное движение, какой бы силы и каких бы размеров оно ни представлялось.

Но логика исторических событий идет далее.

Вследствие колоссальных затрат и жертв людьми, которыми сопровождаются успехи в современной войне, оказалось, что народы не могли выдержать напряжения, связанного с победами, и в результате—грандиозная война, вызвавшая необычайное напряжение народных сил, начала возбуждать, вместе с подъемом патриотизма в одних слоях населения, ропот и недовольство в других, особенно в народных массах, и развитие в их среде интернационалистических стремлений. Чем дальше длилась война, тем больше развивались неустойчивые в своих политических формах репрессии внутри государств, и в конце концов народные массы не выдержали. Ранее всего подпольная реакция возникла в стране наибольшего произвола и административной ре-

прессии, где народные массы меньше всего привыкли к выдержке и дисциплине, и в то же время в стране более бедной и вообще менее оборудованной по сравнению с другими странами, какова Россия. К тому же ее административная машина стала проявлять явную несостоятельность еще задолго до войны и, не выдержав напора общественных стремлений к народовластию, она в результате была сломлена с началом февральской революции. Последняя выдвинула вскоре же лозунг протеста против военной репрессии и против самой войны, вследствие чего армия стала разлагаться, а приказ № 1 явился лишь ярким выражением этого неудержимого общественного протеста против военной репрессии.

В других странах, благодаря иному строю правления, лучшей системе ведения войны и другим условиям, массовые народные протесты проявились позднее. Но они начались и в Италии, и в других странах. Правда, в Италии дело, отчасти, на время было исправлено, вследствие активной поддержки союзников и развития патриотизма в стране под влиянием политических поражений и давнего соперничества с Австрией на национальной почве. Даже в Америке начало развиваться в начале 1918 г. забастовочное движение, позднее же всего оно проявилось в центральных странах, ибо они оказывались победителями, а шум побед заглушает рокот народа,—но все же проявились и в них в начале 1918 г. в виде массовых протестов, выразившихся общими забастовками, первоначально в Австро-Венгрии, а затем и в Германии. Очевидно, и здесь, несмотря на победы и расширение территории путем военных захватов, стала проявляться общая реакция в виде борьбы за старый мир, как вследствие голода, так и утомления войной, что и привело к катастрофе.

Если мы обратимся специально к развитию русской революции, то и здесь мы встретимся с полной исторической закономерностью.

Чтобы понять общественный процесс, давший русскую революцию, необходимо учесть факт продолжительного истощения страны, истомленной долгой безуспешной борьбой, обнаруживший все язвы прошлой социальной жизни—недостаток технического образования в стране, почти полное отсутствие производства, темноту народных масс, неумение и развал в административной среде и полное истощение экономической жизни государства.

Естественно, что при таких условиях народ стал на сторону протеста против старой власти, проявляя недовольство вообще всем старым порядком.

К этому надо добавить, что во время национальной борьбы все классы общества, все партии, кроме социал-демократов и интернационалистов, которых в то время было меньшинство, горели стремлением к одной цели—к обороне страны от внешнего врага, а между тем убеждались в том, что для обороны используются все средства страны, и что сама оборона ведется честными руководителями, постепенно колебалась все больше и больше, под влиянием фактов, для всех очевидных и явных, и под влиянием слухов, выраставших до грандиозных размеров и обвинявших самого военного министра Сухомлинова в измене. Все это и привело к свержению старой власти, к

тому же представленной слабовольным монархом, окруженным такими же убогими приспешниками и политическими шарлатанами. Возможность справиться с внешним врагом, стремление положить конец экономической разрухе и возрождение страны первоначально олицетворялись для многих в Государственной Думе, потому что она в течение всех 10-ти последних лет вела борьбу с разлагавшимся уже много лет царским самодержавием, борьбу открытую, у всех на глазах, и являлась поэтому для многих, по крайней мере, для так называемых буржуазных слоев, организующим фактором народных масс.

Правда, низы народа молчали, но в армии, в деревне и на заводах шла своя политическая пропаганда, и хотя, быть может, здесь общее недовольство исходило из других поводов, но все сходились на одном,—что так продолжаться не может.

Для всех тех классов, которые относятся к буржуазии и части интеллигенции, свержение монархии произошло, как реакция на неспособность старой власти организовать оборону страны и след. открывало широкие национальные демократические перспективы на возрождение России на началах гражданской свободы и права, тогда как для пролетариата, находившегося под влиянием социальных течений, свержение старой монархии являлось освобождением от векового гнета, и потому упрочение и углубление революции им ценилось выше всяких национальных стремлений, мало к тому же понятных темной народной массе.

Свержение монархии произошло с такой легкостью, что нельзя было ничего подобного себе представить, но это об'ясняется исключительно тем, что она уже почти никого не имела на своей стороне, ибо лишилась совершенно защитников и в солдатской среде, сплошь составленной из свежих народных сил, заряженных той же пропагандой социалистических учений, как и вся масса городского пролетариата. Но уже в первые же дни революции при сформировании временного правительства возник спор между представителями буржуазии и демократии,—спор, едва не окончившийся разрывом обеих групп.

Это показывает, что в дело единения всех групп населения в отношении состава временного правительства проникла червоточина.

Последствие этого уже вскоре после начала февральской революции обнаружилось расхождение народных масс—буржуазии с одной стороны и демократии с другой, которые не нашли для себя примирения и на московском Государственном Совещании.

Надо при этом иметь в виду, что народ, оставшийся в рабстве и в темноте в течение веков и лишенный самодеятельности в общественной жизни, никогда не знавший, что такое политика страны, с одной стороны, не мог возвыситься до государственных задач, а с другой стороны, за долгий период царского гнета создалась революционная интеллигенция, ведшая борьбу против патриотизма и националистических тенденций буржуазии. Дальнейшее так наз. углубление революции собственно и явилось результатом борьбы одной силы с другой,

причем само собой понятно, что взбаломученное море народных масс обнищавших, истомленных и неразвитых, у которых всякий патриотизм в свое время был вытравлен полным отстранением от дел государственно-общественной жизни, устремилось за демагогами интернационалистического склада, и потому должно было одержать верх—и в действительности одержало его—общественное течение как против войны, так и против буржуазии и капитализма вообще.

Так надо об'яснить денационализацию русской революции, в которой в различной степени работали все социалистические партии, и которая тем более быстрым темпом, что первоначально в большинстве буржуазная, а затем коалиционная, власть не могла дать народу ни улучшения военного положения, ни улучшения материальных благ в отношении земли и хлеба, а империалистические цели войны естественно возбуждали народ против ее дальнейшего продолжения.

Таким образом, известный приказ № 1, роль Совета рабочих и солдатских депутатов с его держанием власти на веревочке (известное „постольку, поскольку"), торжествующий в'езд Циммервальда в Россию и наш всем этим борьба с экономическими и империалистическими тенденциями буржуазных классов—вот главные этапы первого периода русской революции, приведшие ее к большевизму и превратившие ее из общенациональной в партийную революцию пролетарских классов.

Вместе с этим процессом денационализации русской революции шел постепенно и процесс государственного разложения и распада, причиной которого, отчасти, конечно, лежат и в непрочности прежнего царского строя. Особенно большую роль в этом отношении сыграл большевизм, как носитель пролетарских интернационалистических тенденций, превративший революцию в борьбу рабочих и солдатских масс против всех других классов населения.

Такой характер большевистской революции, начавшейся переворотом 25-го октября 1917 г., привел страну к диктатуре пролетариата и к междоусобной войне. Изоляция России от своих союзников, как представителей буржуазного империализма, сепаратное перемирие с Германией и последующие затем сепаратные мирные переговоры явились дальнейшим естественным последствием совершившегося переворота.

Современем, однако, и большевизм начинает разочаровывать массы, частью вследствие неосуществления обещанного мира, в особенности же в виду недостатка продовольствия, тяжелой промышленной экономической разрухи и неизбежно наступающего в стране голода.

Очевидно, что в огромном организме старой русской государственности к моменту наступления революции не нашлось тех здоровых коллективных сил, которые смогли бы осуществить созидательную работу в необходимом маштабе, и это главным образом потому, что старая власть, как упомянуто, душила всякое проявление общественности, сделав общество пассивным стадом, в котором одновременно были убиты начала и государственности, и здорового национализма.

Обычно сравнивают русскую революцию с великой французской революцией, и в этом отношении нельзя не отметить много сходных черт. Но между великой французской революцией и русской революцией имеется и большая разница, которую, повидимому, проглядели те, которые стояли близко к революционному движению, а именно: первая началась в мирное время и потому могла проявить колоссальную энергию народа в военном отношении, вторая началась в период тяжкой и длительной войны, истомившей силы народа и, следовательно, она в основе своей устраняла всякий боевой клич и привела, в конце концов, к резкому протесту против войны. Отсюда все те партии и представители их, которые говорили о войне до победы, сразу были отброшены, и даже те, которые говорили о продолжении войны хотя бы и с демократическими тенденциями, потерпели фиаско, ибо в первый период революции выше всего явилась тяга к земле, а следовательно и к миру во что-бы то ни стало.

Большевизм, который раньше всех заявил о мире во что-бы-то ни стало, начал естественно привлекать к себе народные умы. В то же время наша армия стала с поразительной быстротой подвергаться разложению. К факторам, приведшим к разложению русской армии, следует отнести, помимо приказа № 1, между прочим и отсутствие патриотизма в русском народе.

Можно сказать, что патриотизм систематически искоренялся из народа. Лозунгом царского режима было отечество, царь, вера и отечества, из чего видно, что отечество ставилось всегда на последнее место. С другой стороны, школа наша блистала отсутствием предметов, относящихся к отечествоведению, народ был устранен от самоуправления, суждения на политические темы не допускались, и тем самым в широкой публике развивалось и поддерживалось пассивное отношение к судьбам своей страны. Ко всему прочему, народ в большинстве был безграмотен, забит нищетой и лишен об'единяющего обмена мнений, вследствие преследований всяких форм общения на политической почве.

Что касается интеллигентных слоев, то надо сказать, что, благодаря их оппозиционному настроению по отношению к властям, слово „патриот" признавалось в их среде почти бранным, потому что патриотические лозунги были узурпированы царскими прихвостнями, придворными лакеями и гнусными их приспешниками, именовавшими себя истинными патриотами и истинно-русскими людьми. Да и самое понятие патриотизма олицетворялось в поддержке прежде всего ненавистной для большинства интеллигенции неограниченной монархии. К тому же земельный простор не давал чувствовать близкой опасности со стороны внешнего врага и тем самым успокаивал население видимостью собственной безопасности.

Ясно, что вследствие этих причин армия не могла проявлять особого воодушевления. Правда, в начале войны, благодаря газетной травле, обнаруживалась неприязнь к немцу, что вызвало патриотический под'ем в стране на некоторое время, но неумелое ведение войны, общий беспорядок, отсутствие снарядов и вооружения, ничем неоправдываемое хищничество и бесцеремонное воровство, бездарность или измена правителей, таких, напр., как бывший

военный министр Сухомлинов, способствовали еще более понижению патриотического настроения.

Революция развилась, как протест против создавшегося положения, и казалось, что вместе с нею защита страны получит реальную почву; но революция возникла на почве переутомления войной и привела к братанию на фронте и к лозунгу мира во что-бы то ни стало без аннексий и контрибуций на почве самоопределения народов и к проповеди, что немцы — друзья, а враги вся буржуазия и „контр-революционные" офицеры, а также капиталисты всего мира, и в том числе союзные или буржуазные и капиталистические страны, как Англия, Франция и Америка. В то же время высшие лозунги международного права и справедливости оказывались мало доступными пониманию русского простого народа. А тут еще тяга к земле под влиянием слухов о дележе земли.

„Зачем мне земля и свобода, если меня убьют?", был задан характерный вопрос министру Керенскому, когда последний об'езжал фронт, произнося одну из своих патриотических речей. В этом возгласе сказался тот грубый и тупой эгоизм, который граничит с полным равнодушием к судьбе своей страны.

В общественной жизни все сцеплено одно с другим, благодаря чему имеется неразрывная связь всех элементов, и достаточно выдернуть какую нибудь нить, не заполнивши бреши и не перестроивши соответственным образом зависимых от выдернутой нити элементов, как начинает колебаться вся стройная гармония коллектива, приходя к полному расстройству. Так начинается то, что получило характерное название общественной разрухи, которую исправлять всегда труднее, нежели предупреждать.

Говоря о состоянии умов, предшествующем великой французской революции, Г. Лебон, между прочим, замечает (стр. 134): „Умиленный гуманитаризм, начинающийся с пастушеских идиллий и философских рассуждений и кончающийся гильотиной, таковы эти, по-видимому, безобидные идеи, которые скоро привели людей правящих классов к слабости и дезорганизации. Они не верили больше в свое собственное дело и даже были, как справедливо заметил Мишле, врагами своего дела.

Когда ночью 4-го августа 1789 г. знать отреклась от своих вековых прав и привилегий, революция была уже создана. Народу оставалось лишь следовать тем указаниям, которые ему были даны, и, как всегда, он довел их до крайности". Само собой разумеется, что причины великой французской революции лежат значительно глубже, нежели это изображает Г. Лебон, но в его словах справедливо то, что сделанный однажды шаг неизбежно имеет свои дальнейшие последствия, которые, как показывает приведенный пример, могут вылиться при известных условиях в социальное явление такой огромной важности, как революция.

Есть мнение, что социальная среда подвергается в нормальных условиях лишь медленной эволюции. Говоря о социальных сферах, Г. Лебон (стр. 58) пишет: „кроме тех случаев, когда цивилизации разрушались завое-

заметными, они всегда изменялись очень медленно. Много установлений погибло, много богов упало с своего трона, но и те, и другие были заменены лишь после долгого периода старости. Великие государства распадались, но это случалось лишь после периода медленного упадка, которого общество, как и отдельные люди, не сумели избегнуть".

Надо однако иметь в виду, что развитие общественной жизни далеко не всегда идет беспрепятственно. Поэтому, когда для эволюции государственной жизни ставят неестественные преграды, то наступает революция, которая дает результаты, гораздо более глубокие по сравнению с теми, каких она достигла бы путем мирной эволюции. История французской и русской революции дает в этом отношении поучительные примеры. То же самое имеет значение в отношении восстаний и войн.

Соотношение, о котором речь была выше, не ограничивается только поведением тех или иных социальных групп по отношению к другим, но такое же постоянное соотношение существует и между социальными группами и внешними окружающими условиями природы, на что в свое время обратил внимание еще Бокль. Можно определенно сказать, что не только продукты народного творчества, как язык, обычаи и народные мифы, но и вся вообще литература, искусство и даже общественные и государственные учреждения страны отражают на себе влияние окружающей природы. Более того, сама жизнь и даже судьба народов стоят в соотношении не только с другими социальными коллективами, но и с окружающей природой, что, кажется, нет нужды доказывать. Наконец, и склад личности того или другого народа, его „духовная" физиономия, как отчасти и физическая внешность, стоят в известном соотношении с окружающей природой. Жители юга и севера, жители континента и жители прибрежных стран неодинаковы во многих отношениях, как неодинаковы жители горных местностей и жители равнин.

Но всего этого мало. Имеются данные, которые не оставляют сомнения, что существует известное соотношение между поведением больших коллективов на земле и состоянием нашего животворящего светила—солнца, а так как состояние солнца должно, в свою очередь, стоять в связи с состоянием других таких же светил, ближайших к нему и более отдаленных, то ясно отсюда, что судьба человечества стоит в связи со всей вселенной.

Мы здесь ограничимся лишь данными о соотношении крупных коллективных движений в человеческом мире с метеорологическими явлениями, корни которых относятся к переменам, испытываемым нашим центральным светилом, покрывающимся то большим, то меньшим количеством пятен.

Уже давно известно, что периодичность в отношении проявления максимума пятен на солнце, измеряемая 11-летним промежутком, совпадает с максимумом магнитных бурь и северных сияний, происходящих на земле в те же 11-летние промежутки. Совпадение в этом случае настолько полное, что по положению магнитной стрелки можно судить о том, какая часть солнечного диска занята пятнами. Кроме состояния магнитной стрелки, солнечные пятна отражаются на земной поверхности соответственной средней температурой,

пасалками, а вследствие этого, по аббату Морэ, отражаются и на мировом урожае хлеба, винограда, на времени цветения во Франции сирени и прилета ласточек.

Такой же периодичности подлежит и число тропических циклонов и полярных айсбергов в связи с пульсацией солнца. Очевидно, во всем этом сказывается тепловая и электрическая энергия солнца. Если можно поставить в связь с периодичностью солнечных пятен урожайность на земле, то вполне понятно, что с этой периодичностью должно быть поставлено в связь появление экономических resp. финансовых кризисов (Проф. Юнг). В последнее время Морэ устанавливает между прочим и зависимость социальных и политических явлений на земле от периодичности солнечных пятен.

Но и в экономической жизни народов мы имеем то же постоянство известных соотношений. От того или другого события в одной стране, отразившегося на урожае, будет зависеть торговый обмен, а следовательно и денежный курс. Война в одной части материка отразится на всей мировой торговле и т. п. С другой стороны, от какого либо договора между двумя народами, даже между двумя крупными торговыми фирмами, будет зависеть состояние мирового рынка. „В такой тонкой организации, как мировая торговля, достаточно во-время положить перо на чашку весов, чтобы изменить ход торговли и кредита и вызвать небывалый под'ем или крах".

Нет надобности говорить, что состояние мировой торговли стоит в прямом соотношении с метеорологическими условиями различных стран, отражающимися на их урожае; так как метеорологические условия, в свою очередь, стоят в прямом соотношении с состоянием солнца, то отсюда—зависимость торгового обмена на земле должна быть перенесена в глубь небесного пространства.

Но не один торговый обмен, но и разнообразные людские отношения должны быть поставлены в соотношение с состоянием солнца, посылающего на землю свою лучистую энергию. В этом отношении особенно интересны данные, приведенные французским автором Морэ в статье „Солнце и мы".

По словам Я. Перельмана, „материал, собранный в статье Д. О. Святского, охватывает вопрос шире. Он сопоставляет хронологические даты крупнейших революций с годами максимумов солнечной деятельности. Картина соответствия получается поразительная. Нельзя, в самом деле, считать простым совпадением, что годы особенно сильной пятнообразовательной деятельности Солнца—1830, 1848, 1860, 1870, 1905 и 1917—были отмечены на земле не только магнитными бурями, но и обширными общественными потрясениями: июльская революция (1830); февральская революция (1848); революция в Италии (1860); Парижская Коммуна (1870); первая и вторая русские революции (1905 и 1917).

Если все это не случайности, если пульс человечества действительно бьется в унисон с биениями космического сердца нашей планетной системы, то можно попытаться на этом основании составить нечто вроде политического гороскопа грядущих лет.

На вопрос, распространится ли будущая у нас политическая буря еще дальше вширь и вглубь—как уповают делатели перманентной революции,—или же пойдет на убыль, как ожидают другие,—астроном может ответить: „скорее второе, нежели первое. Максимум солнечной деятельности уже миновал, тепловое и электрическое сердце нашей планетной системы должно вскоре успокоиться".

Организм наш несравненно более чувствителен, чем подозревали старинные медики: мы не видим электричества, но все же ощущаем его, когда приближается гроза.

„Примеры? Я собрал их сотни за время моих наблюдений. Значительную часть этого я был преподавателем и, следовательно, находился в постоянном контакте с учениками, юными и взрослыми. И я вывел, как общее правило, что число наказаний увеличивалось в дни сильных электромагнитных возмущений. Значит, солнечные пятна приводят в возбуждение не только стальную магнитную полоску буссоли, но и сложный детский организм, чувствительный к внешним влияниям: не будучи в силах противостоять этим внезапным воздействиям, он поддается в моменты общего возбуждения различного рода эксцессам.

„Но это лишь один из примеров. Все мы, юные и взрослые, должны признать, что электрическое состояние атмосферы, связанное с Солнцем, воздействует на наш характер и расположение, на наше изменчивое настроение и, по всей вероятности,—на доброе согласие в наших семьях, на наши парламентские заседания, на вотирование законов, на обострение дипломатических отношений между государствами, а в конечном счете на об'явление войн.

„Что допускается для отдельных индивидов, то тем более применимо к массам, где индивидуальная воля ослабевает, и поведение подчиняется закону больших чисел.

„Если так, то периодам наименьшей активности Солнца должны соответствовать периоды спокойствия и мира народов. Взгляните на кривую деятельности Солнца, и вы убедитесь, насколько астрономия способна указывать правительствам и рулевым государственного корабля опасные мели и пучины.

„Давно подмечено, что годы минимума солнечной деятельности совпадали с годами всемирных выставок. По мере же усиления солнечной активности, человечеством овладевает, повидимому, нечто вроде лихорадки—рождаются обострения, возникают войны. Можно подумать, что ветер безумия охватывает умы".

Вот хронологическая справка к последним строкам. Годы минимумов солнечной деятельности—1867, 1878, 1889, 1900 и 1910—совпадали с годами всемирных выставок в Париже (первые четыре) и в Генте (1910). Напротив, годы максимумов активности Солнца совпадали во Франции с периодами политических бурь и военных конфликтов: 1870—франко-прусская война; 1881—83—Тунис—Аннам—Тонкин; 1894—96—Мадагаскар, 1905—Марокко; 1914—1917—мировая война.

Идет ли здесь дело о прямом или непрямом влиянии солнечной жизненной деятельности—это еще вопрос, однако, Д. Святский не без основания замечает, что, если солнечные корпускулы, по взгляду Аррениуса, поток которых бомбардирует нашу атмосферу особенно сильно в период повышения солнцедеятельности, производя магнитные бури и зажигая огни полярных сияний, влияют на нашу метеорологию и даже на цены на хлеб, как это показал еще Гершен, неужели коллективная техника человечества не должна испытывать на себе столь могущественного влияния нашего светила, которым „мы живем, движемся и существуем"? [1]).

Мы привели здесь эти интересные строки для того, чтобы возбудить в уме читателя мысль, что зависимые отношения в социальной среде не замыкаются в круг одной линии окружающей человека природы нашей земли, но имеют значительно более широкую пространственность, простирающуюся в глубь вселенной с ее неисчислимым количеством притекающей к нам мировой энергии.

XXIII. Закон индивидуальности.

В числе важнейших основных условий общественной жизни необходимо поставить еще закон индивидуальности, который является, в сущности, общим мировым законом, ибо каждый атом, каждая молекула есть своего рода индивид в виде замкнутой системы особого типа, а химическое соединение—колония индивидов. Таким образом, весь неорганический мир представляет собою развитие по индивидуальному типу.

Что касается органического мира, то здесь, как в растительном, так и в животном царстве, индивид является основой эволюционного процесса и всякого вообще развития. Таким образом, как неорганический, так и органический мир эволюционирует, согласно закону индивидуальности, в том смысле, что каждое новое превращение, давая новый продукт, не уничтожает бывшей индивидуальности, как более или менее замкнутой системы, оно только ее видоизменяет, ничуть не более.

Словом, в постоянной изменчивости форм есть нечто такое, что не уничтожается, а наоборот, сохраняется в форме основных свойств, характеризующих определенную индивидуальность. Как бы, напр., человек ни изменялся со своим возрастом, он останется определенным лицом с его характерологическими чертами. Точно то же мы имеем и в надорганическом мире. Всякая профессия, всякая партия и вообще всякое общество имеют свои характерные особенности сохраняющиеся при всевозможных изменениях; с другой стороны, как бы тот или другой народ ни изменялся, он останется определенным коллективным индивидом. Может измениться его уклад жизни, его государственная форма управления, а все же русский народ останется рус-

[1]) Известия р. общ. любителей мироведения т. VI № 6. 1917 стр. 310 и след.

связи, с его особенностями, и впредь, французский, итальянский и другие народы останутся французами, итальянцами и другими народами. Отсюда ясно, таким образом, что надорганический и социальный мир подчиняется определенной закономерности, развиваясь по принципу индивидуальности.

Это положение важно и с другой стороны, ибо ко всякой вообще индивидуальности применимы все особые условия течения и развития явлений, какие имеются в замкнутых системах, где, благодаря взаимоотношению различных процессов, господствует принцип уравновешивающего начала. Когда процесс горения развивается в физически замкнутой системе, он сам собой прекращается, благодаря скоплению углекислоты и недостатку кислорода. Когда в организме развивается лихорадочный процесс, он сам собою устраняется, благодаря выработке антитоксинов крови, при условии, конечно, если сердце выдерживает повышенную температуру. То же и в надорганических индивидах или коллективах. Когда в социальной среде развивается по какой-либо причине брожение, оно современем и само улягается, благодаря противодействию антагонистических элементов. Подробнее развивать это важное положение здесь нет надобности. Оно ясно само собою.

Первоосновой всякого общества является семья, ряд семей составляет класс, несколько классов составляют общину, несколько общин образуют племя с той или иной общественной организацией, затем мы имеем союзы племен и т. д. В отношении политических взглядов образуются социальные группы в форме кружков, несколько партий могут образовать союзы, последние по отношению к каким либо вопросам могут об'единяться в блок и т. д. Все это своего рода общественные индивидуальности с им одним принадлежащими характерологическими особенностями.

В экономической области мы имеем артели, кооперативы, синдикаты, тресты и т. п. В сфере управления мы также имеем особые организации, постепенно расширяющие свою сферу действия. То же самое мы наблюдаем и в сфере специально военной, где войсковые части делятся на свои организационные единицы. Всякое общество, в свою очередь, делится на касты, классы, цехи, профессиональные союзы, кружки и т. п. Словом, всякая социальная среда, организуясь, выделяет из себя, в связи с возникающими то здесь, то там потребностями, отдельные части, которые живут своей, до известной степени обособленной, жизнью, преследуя свои корпоративные интересы, причем каждая часть в определенной области держится своих особых правил поведения, составляя своим образом свои взгляды, свои привычки, свою манеру держаться в среде других, пользуясь иногда своим покроем платья, особыми значками и т. п. Все это приводит к тому, что каждая такая часть общества приобретает свои индивидуальные черты, а в связи с ее организацией, создающей для нее особые условия существования, может и должна быть признана общественным или собирательным индивидом.

То же следует сказать и о более крупных коллективах, как, напр., раса.

„Наиболее яркое впечатление, говорит Г. Лебон (Психология народов и масс, стр. 5), вынесенное мною из продолжительных путешествий по различ-

ным странам, это то, что каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него же происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верование и его искусство".

„Общность чувства, идей, верований и интересов, созданная медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему в то же время громадную силу" (Г. Лебон. l. c. стр. 15).

„Качества характера, это те неизменные основные элементы, которые позволяют различать психический склад высших народов. Открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние народа" (Г. Лебон l. c. стр. 29).

„Моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляют синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения". „Этот аггрегат общих психологических особенностей составляет то, что основательно называют национальным характером" (Г. Лебон l. c., стр. 10).

В конце концов, каждый англичанин, француз, немец, будучи различны между собой, имеют общие черты, характерные для своего народа.

Не без значения может быть вопрос, в какой мере учреждения имеют воспитательное значение для народа. Отрицать такое воспитательное значение учреждений, конечно, нельзя, но что они чаще являются следствием народной культуры, в этом не может быть сомнения.

Влияние расы сказывается и в следующем: часто книга, вызывающая восторги толпы в одной стране, совсем не имеет никакого успеха в другой, или же только условный успех.

Всякие заимствованные учреждения, религия, язык и искусство, прививаясь к народу, приобретают свои особенности, сходя с характером данного народа. Об этом много интересного можно найти в двух главах книги Г. Лебона: „Психология народов", стр. 77—107. Мы приведем здесь только заключительные строки последней из этих глав: „Каковы великие ни были религиозное влияние, в особенности, на востоке, однако, влияние расы еще гораздо значительнее. Эта расовая душа, руководящая судьбой народов, руководит также их верованиями, учреждениями и искусством; какой бы элемент мы ни изучали, мы всегда найдем ее в нем. Она действенная сила, которой никакая другая не может перемочь. Она представляет тяжесть тысяч поколений, синтез их мысли".

Если мы дополним сказанное сведениями о развитии и характере промышленности у различных народов, о различных общественных традициях, об обычаях, о неодинаковом семейном укладе и особенностях бытового характера, то мы получим, в общем, все те особенности, которыми характеризуется индивидуальность каждого народа в частности.

Народная индивидуальность существенным образом облегчает нам и понимание народной истории.

„История, говорит Г. Лебон (l. c. стр. 48), в главных своих чертах может быть рассматриваема, как простое изложение результатов, произведен-

ных психологическим складом рас. Она проистекает из этого склада, как дыхательные органы рыб из жизни их в воде. Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким то хаосом событий, управляемых одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт. Во всех проявлениях жизни наций мы находим всегда, что неизменная душа расы сама ткет свою собственную судьбу. В особенности в политических учреждениях наиболее очевидно проявляется верховная власть расовой души".

Не без основания признается, что каждый народ имеет ту форму правления, которая ему свойственна.

Имея в виду, что жизнь народов проявляется в создании наук, верований, искусства, материальной культуры и в коллективных действиях, нельзя не признать, что ни одна из этих сторон, в отдельности взятая, не дает полной их характеристики, а лишь все они вместе взятые могут дать оценку личности данного народа, ибо один народ может преуспевать больше в одном, другой в другом направлении, один развивался так, другой иначе, один выработал одни нравы, другой другие и т. д., а это то и лежит в основе различия одного народа от другого.

Как мы уже говорили, всякая общественная среда делится на целый ряд партий, корпораций, союзов, кружков и др. организаций, которые, создаваясь под влиянием особых потребностей и интересов входящих в них членов, расслаивают общественную среду на свои части, составляющие отдельные общественные ячейки или общественные индивиды.

Всякий нарождающийся самостоятельный коллектив начинает свою жизнь с самоопределения, иначе говоря, он устанавливает и выясняет свои собственные задачи и цели, отмежевывая их от задач и целей других коллективов. Только после этого устанавливаются определенные отношения такого коллектива к другим. В коллективах неорганизованных, как уличная толпа, явление этого самоопределения не происходит, но и здесь оно все же осуществляется как бы само собой, так сказать, вполне естественным путем.

Как уже говорилось ранее, каждая из общественных ячеек живет своею собственною жизнью, существуя до тех пор, пока она удовлетворяет интересам своих сочленов в той или иной степени, и во всяком случае, пока она отвечает своему основному назначению. Известно, что еще Аристотель в своей „Политике" установил принцип автархии или самодостаточности, по которому государство, как и всякая общественная организация, будет ли то партия, союз, кружок или какое либо другое сообщество, продолжает существовать лишь до тех пор, пока они оказываются самодостаточными, т. е. удовлетворяют в соответствующей степени интересы большинства входящих в них сочленов.

Дело идет в этом случае, в сущности, об индивидуальной самодостаточности, которая лежит в самой основе существования любого общества, любой собирательной личности, ибо только при ее индивидуальной самодостаточности она имеет свой raison d'être на свое обособленное существование.

Если, напр., партия утрачивает свой raison d'être по условиям времени, она в прежнем виде уже перестает быть самодостаточной и потому либо распадается, причем члены ее вливаются в другие партии, либо терпит соответствующие превращения, дополняя и видоизменяя свою программу и становясь в таком новом виде снова самодостаточной.

Если мы имеем какую либо экономическую организацию, скажем фирму, она существует лишь до тех пор, пока представляется самодостаточной в смысле обслуживания интересов своих клиентов. Но с тех пор, как она утрачивает свою самодостаточность, она лишается клиентуры и перестает существовать. Если мы имеем трудовую организацию, она опять таки существует лишь до тех пор, пока отвечает интересам членов своей организации, и прекращает свое существование или умирает, как только интересы большинства остаются неудовлетворенными. Всякая финансовая организация подлежит тому же принципу. Пока она в состоянии выдерживать конкуренцию других таких же организаций и обслуживает интересы заинтересованных лиц, т. е. в вышеуказанном смысле является самодостаточной, она продолжает существовать и точно же прекращает свое бытие, как только она не выдерживает конкуренции или недостаточно обслуживает интересы своих сочленов.

Если мы имеем государственную организацию, всего выше по принципу обереганий жизни и имущества своих сограждан и возможно лучшего обеспечения их нужд, то с того времени, как государственная мощь становится недостаточной для выполнения вышеозначенных функций, государственный организм перестает быть самодостаточным в семье других держав, и уже не удерживается на своем месте или вынужден прибегать к союзам, в крайнем случае он подчиняется более сильным государственным организмам и в тот или другой срок поглощается ими окончательно.

В этом, как и в других отношениях, мы имеем полную аналогию с жизнью всякого вообще индивида животного или растительного царства, которые существует и живет, пока является существом самодостаточным, т. е. способным удовлетворять свои потребности и выдерживать конкуренцию в борьбе за существование. Когда эта самодостаточность почему либо исключается, индивид перестает существовать и погибает. Также и неорганический индивид в форме химического соединения, не будучи при определенных условиях самодостаточным, начинает распадаться и перестает существовать. Известный всем радий при данных условиях земной коры представляется несамодостаточным элементом по существу и потому беспрерывно распадается.

Ясно, что закон индивидуальности, как мы уже говорили в начале нашей главы, есть закон общий для всего мира и имеет одинаковое приложение к явлениям как органического и неорганического порядка, так и к явлениям надорганическим или социальным.

XXIV. Заключение.

В предыдущем изложении я старался наметить главные законы, которым подчиняется человеческое общество или коллектив, когда к его изучению подходят с об'ективным методом. Вперед оговариваюсь, что, быть может, некоторые зависимости могли бы быть об'единены в один более общий закон, другие еще не раскрытые, будут обнаружены при будущих исследованиях. Так, напр., некоторые могут предпочесть рассматривать закон эволюции, закон дифференцирования и закон избирательного обобщения в одном целом. Действительно, как мы знаем, до сих пор процесс дифференцирования, как и процесс агрегации, об'единялись в биологии некоторыми из авторов, начиная со Спенсера, под одним общим наименованием закона эволюции. Однако, я предпочитаю рассматривать каждый из этих принципов отдельно друг от друга, в целях более детального анализа самих явлений. Этим самым вовсе не отрицается внутренняя связь явлений и зависимостей, ибо несомненно, что, когда устанавливается закон эволюции или развития форм, то при дальнейшем выяснении смены форм неизбежно мы приходим к выводу, что новые формы получаются не иначе, как путем расчленения или дифференцирования старых по времени форм и путем об'единения их частей в новые комбинации.

Таким образом, дело идет как бы об одном и том же процессе. Но дело в том, что, если мы пойдем по пути выяснения способа, каким осуществляется эволюционный процесс, то мы должны сказать, что и закон беспрерывного движения или изменчивости есть уже как бы начало или основа эволюционного процесса, ибо движение связано с изменчивостью положения,—а изменчивость положения и лежит в основе изменения форм, т. е. эволюции. С другой стороны, закон исторической последовательности разве не имеет ближайшего отношения к тому же закону эволюции? Точно так же закон инерции, благодаря которому формы до времени удерживаются в прежнем виде, закон воспроизведения, лежащий в основе наследственности, и закон подобия, обусловливающий сходственное развитие органов при одинаковых условиях,—разве все эти и другие законы не имеют ближайшего отношения к закону эволюции, и тем не менее, никто не станет настаивать на том, что эти законы должны быть подведены под один закон эволюции. Вот почему мы находим нужным и закон дифференциации, как и закон избирательного обобщения, выделить в самостоятельные законы, из которых один обеспечивает разнообразие видимого мира, второй лежит в основе усложнения разнообразных внешних явлений.

Мы считаем вообще более правильным анализировать зависимости явлений или законы до их первичных основ. Но при этом совершенно ясно, что все вообще законы в свою очередь находятся в известном соотношении друг с другом, ибо в конце концов весь мир представляет собою одно связное и гармоничное целое, в котором одни явления стоят в соотношении с другими или, точнее, вытекают из других, причем все сущее в мире находится в состоянии взаимоотношения и подвижного равновесия [1]).

Вместе с этим, мы не придаем особого значения тому, следует ли те или другие законы об'единить в один более общий закон или не следует, ибо в конце концов, мы имеем один мировой процесс. Поэтому далеко не так существенно будем ли мы его анализировать более детально или менее детально, ибо разноречие в этом отношении не могло бы подорвать основных положений настоящего труда, что социальный или надорганический мир должен быть изучаем столь же об'ективно, как и мир биологических явлений, без всяких экскурсий в область неосязаемой и неуловимой народной или коллективной души или т. наз. народного сознания. Будучи же изучаем строго об'ективно согласно методам рефлексологии, социальный мир естественно об'единяется с органическими и неорганическими мирами, как их дальнейшее развитие, а потому и к проявлениям социального мира получает применение та же энергетическая точка зрения, которая руководит нами и в изучении мира физических явлений. Как мир вещественный, будет ли он неорганическим или органическим,—безразлично, сводится к разнообразным проявлениям энергии, так и надорганический или социальный мир может и должен быть рассматриваем с точки зрения проявления энергии в массе людей, об'единенных в один коллектив в виде собирательной личности, подобно тому, как и проявления деятельности отдельного индивида сводятся к проявлениям энергии же, получаемой им извне.

С применением строго об'ективного метода к изучению социального или надорганического мира выясняется, что новая научная дисциплина—коллективная или общественная рефлексология—самым теснейшим образом связывается с разрабатываемой мною рефлексологией отдельной личности. Как в последней вся деятельность человека рассматривается с точки зрения воспитания, развития и взаимной координации различных сочетательных рефлексов, возникающих в силу тех или иных воздействий на воспринимающие органы, являющиеся трансформаторами внешних энергий, так и в коллективе, как собирательной личности, мы встречаемся с теми же самыми процессами возникновения, развития и взаимной координации коллективных сочетательных рефлексов. И это вполне понятно. Если коллектив, связывающий ту или другую группу лиц, об'единенных общим настроением или общими интересами, является собирательной личностью, то к нему должно быть приложимо все то, что относит-

---

[1]) См. подробнее по этому поводу в моей работе: «Об основных законах мира, в связи с рассмотрением социальной жизни с точки зрения рефлексологии». (Вопросы воспитания и изучения личности, вып. 2, 3 и 4. 1921).

к отдельной личности, за исключением того, чем собирательная личность отличается от отдельной личности, особенно что касается взаимной внушаемости подражательности, внушаемости и других форм взаимовлияния.

Отсюда естественно, что и развитие коллективных рефлексов и вообще все проявления собирательной личности идут в общем теми же путями, что и проявления отдельной личности.

Строго-объективное изучение личности приводит нас к выводу, что индивид есть результат воздействия внешних энергий, что он сам есть скопление энергий, главным аккумулятором которой являются клеточные элементы и, в частности, нервная система вообще и центральные ее органы в особенности. Отсюда ясно, что все действия отдельной личности внешне определимы, о чем я говорю подробно в своей книге „Общие Основания Рефлексологии" (стр. 81 и след.), а, следовательно, подчиняются действию целого ряда внешних причин. Уже неоспоримой истиной является, как мы знаем, зависимость количества преступлений, самоубийств, число рождений от цен на хлеб. Колебания в количестве краж, напр., по данным прусской статистики, из года в год поразительно совпадают с колебаниями цен на рожь. Даже число таких, казалось бы, мелких и капризных действий, как описки на адресах писем, стоит в прямой зависимости от социально-экономических условий.

Произведенные мною специальные исследования по этому вопросу не оставляют в этом отношении никакого сомнения. „В конце концов, преступление, говорю я в своей работе, посвященной этому предмету [1]), является роковым исходом из действия целого ряда общих предрасполагающих и непосредственно действующих или ближайших факторов". В числе последних необходимо принять во внимание как характер самой личности (включая и темперамент), в котором отразилось все прошлое ее жизни и условия ее развития в смысле влияния наследственности, зачатия и плодоношения, так и все другие условия, действовавшие на данную личность, как условия воспитания и окружающая среда (товарищество, деклассация, экономическое положение) и наконец тот или другой непосредственный повод. Эти то все условия и определяют, почему именно при данных социально-экономических условиях дело преступления выпадает на данную, а не на какую-либо другую личность.

Но если закономерность явлений устанавливается по отношению к отдельной личности, то в одинаковой мере должна существовать закономерность и в отношении действий собирательной личности или коллектива, являющегося совокупностью личностей как объединенных аккумуляторов энергий.

Мы уже знаем, что географические, климатические, политико-экономические и иные условия определяют как нравы, так до известной степени и характер общественных установлений. Исторические события также неизбежно вытекают из определенных предшествующих условий и хороший управитель

[1]) В. Бехтерев. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. Сборник, посвященный памяти Л. А. Дриля, и отд. изд.

должен знать, куда направляется русло общественной жизни и каков можно предвидеть его исход. Gouverner c'est prevoir, говорит французская поговорка, и это практический вывод народной мудрости, сделанный из наблюдений за движением народных масс, которое в конце концов выполняется по столь же непреложным законам, как и движение небесных тел.

Вполне естественно затем, что, если коллектив представляет собою собрание личностей в форме как бы объединенных аккумуляторов энергий, то и закономерность явлений при этом должна проявляться в тех же формах, как и в отношении отдельной личности. Вот почему мы имеем б. или м. полное соответствие в отношении зависимостей, открываемых при анализе внешних проявлений отдельной и собирательной личности, а эти зависимости в свою очередь являются воспроизведением и частичным развитием зависимостей, открываемых при анализе органического и неорганического мира. Иначе, конечно, дело и не могло обстоять, и, если что-то не обнаруживалось при предшествующих исследованиях, то, как кажется, исключительно потому, что к целому ряду явлений внешнего порядка, касающихся деятельности человека и человеческих обществ, применялась до сих пор та субъективная точка зрения, которая служила препятствием к объединению гуманитарных знаний с физико-биологическими науками. Между тем, мировой процесс есть проявление единой мировой энергии, и где бы и в каких бы формах последняя ни обнаруживалась, она проявляется везде и всюду одними и теми же соотношениями и подлежит одним и тем же зависимостям или законам.

Оглавление первой части.

вместо предисловия. стр.

Обязательность применения строго об'ективного метода к исследованию собирательной личности. Суб'ективизм в социальных науках заимствован из психологии и, являясь остатком антропоморфизма, ныне изгоняется из всех биологических наук и должен быть изгнан также из социальных и гуманитарных знаний. Коллективная рефлексология представляет собою опыт построения одной из важнейших областей изучения социального мира на строго об'ективном основании. Социология, в последнее время опиравшаяся на биологию и психологию, отныне должна опираться на биологию и рефлексологию. Отношение рефлексологии к биологии и психологии. Человеческая личность—явление био-социального происхождения. Значение теории сочетательного рефлекса в смысле доказательства, что человеческая личность не исключительно продукт одной социальности. Понимание общественных явлений, как коллективных рефлексов. Ошибочность стремления некоторых социологов-суб'ективистов подчинить развитие социальных явлений одному какому либо принципу, напр., подражанию (Тард) или инстинктам (М. Даугол). Применение строго об'ективного или рефлексологическо о метода исключает подобные односторонности. Законы проявления деятельности коллектива в общем суть те же, что и законы проявления деятельности отдельной личности 5

I. ВВЕДЕНИЕ.

В явлениях общественной жизни не отдельный человек является фактором общественных событий, а целое общество или коллектив. Отсюда непригодность психологии отдельных лиц для уяснения общественных событий. Попытки Steinthal'я, Lazarus'a, W. Wundt'a и др. создать „психологию народов". Изучение особых проявлений толпы Тардом, Лебоном, Сигеле, Михайловским и др. Позднейшие работы, вышедшие в России и за границей, относящиеся к указанной области. Их общий недостаток—подход к вопросу с помощью суб'ективного метода. Коллективная рефлексология является наукой исключительно и в строгом смысле слова об'ективной. Значение элементов высшего порядка или высших рефлексов в общественных явлениях, таких, напр., как война, коллективный труд, явления обмена, экономика, финансовая сфера и др. Проявления соотносительной деятельности или совокупности высших рефлексов в коллективе, как предмет изучения коллективной рефлексологии. Коллективные рефлексы. В проявле-

стр.

ниях народах масс должна существовать определенная закономерность их развития. Основные законы соотносительной деятельности собирательной личности те же, что и для всей живой и неживой природы. Мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех явлений неорганических, органических и надорганических или социальных 14

II. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ.

Коллективная рефлексология не отождествляется с так наз. психологией народов, ибо предметом первой являются все вообще проявления соотносительной деятельности как народов, так и мелких социальных групп. Мифы, обычаи и язык составляют ценный материал для характерологии каждого народа, но далеко не исчерпывают предмета. Наука, искусство, литература и пр. также являются оригинальным продуктом творчества народов. Коллективная рефлексология, в отличие от рефлексологии отдельной личности имеет выяснить, как путем взаимоотношения отдельных индивидов в общественных группах достигаются социальные продукты их соотносительной деятельности. Личности, входящие в состав коллектива, обнаруживают нередко такие стороны, которые не проявляются в индивидуальной жизни. Коллективная рефлексология является промежуточным звеном, соединяющим две науки — рефлексологию и социологию. Взгляды Сигеле, Де-ля-Грассери, Росси на коллективную психологию. Разграничение между коллективной рефлексологией и социологией. Задачи коллективной рефлексологии. Коллективная характерология или характерология социальных групп. Без коллективной рефлексологии социология обойтись не может. Невозможность отождествления социологии с коллективной рефлексологией. Сближение между коллективной рефлексологией и историей. Различие между той и другой дисциплиной. Ключ для выяснения коллективных рефлексов доисторических времен мы находим в доисторических исследованиях. Индивидуальная эволюция человеческих рефлексов как бы повторяет эволюцию рефлексов доисторического человека . . . . . .

III. ПРЕДМЕТ И МЕТОД КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ.

Предмет коллективной рефлексологии — изучение возникновения, развития и деятельности коллективных групп, об'единенных тем или другим цементом, независимо от их характера и цели. Деятельность коллектива развивается по тем же путям, как и деятельность отдельной личности. Проявления общественной деятельности или общественное движение, как общественный рефлекс. Суб'ективная терминология при оценке общественных реакций недопустима. В основе коллектива стоит общность интересов в том или другом отношении и общность задачи. Коллективы неорганизованные и организованные. Коллективы разнообразятся по своему составу, цели и характеру взаимоотношений между входящими в коллектив индивидами. Размеры коллективов. Применение энергетического учения к коллективам. Ошибочные пути этого направления. Суб'ективизм и об'ективизм в социологии. Суб'ективизм современной психологии и его отношение к социологии. Рефлексология и ее значение в этом отношении. Неудачные попытки физиологов подойти к социологии с физиологическим методом. Допустимо ли половинчатое решение в смысле об'ективизма и суб'ективизма в социологии. Метод коллективной рефлексологии, как и социологии, должен быть исключительно об'ективный. Коллективная ре-

стр.

рефлексология должна идти в отношении своего метода по стопам рефлексологии отд. личности. Значение статистического метода для коллективной рефлексологии. Статистика, как массовое наблюдение, дающее материал для коллективной рефлексологии. Коллективный эксперимент в форме анкеты. Прямой эксперимент над целым коллективом. Естественный эксперимент и его значение. Метод, место применения и задачи коллективного эксперимента . . 79

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА.

Взгляды коллективистов на личность, как на продукт общества. Возражения. Бесклассовая теория личности. Регулирование поведения личности со стороны общества. Значение профессии, занятий и условий местности и климата в отношении соотносительной деятельности отдельной личности. Последняя в значительной мере является не индивидуальной, а стадельной. Об'единенная соотносительная деятельность общества является как бы равнодействующей деятельности входящих в общество личностей. Коллектив обеспечивает преобладание количества, личность выявляет творческую деятельность отдельного лица. Неодинаковость поведения личности в одиночку и в толпе. Подчиненность личности общественным установлениям. Ход и развитие общественной жизни проявляется установлением определенного взаимоотношения личности и общества. Обычаи и общественные шаблоны ограничивают личность в той деятельности, которая является более или менее автоматической. Значение индивидуальной стороны личности в общественной жизни. Самобытное развитие личности—основа социального прогресса народов. Роль великих людей в общественной жизни. Хорошая общественная организация не враг личности. Обоготворение народных кумиров. Способы и приемы руководства и управления собирательной личностью. Роль внушения и „психической" заразы. Значение организации в управлении толпой. Роль ясности задач, возлагаемых на толпу, и значение веры в дело и в своего вождя. Возрастание значения качественной стороны личности вместе с постепенным ее развитием. Качество того или другого коллектива зависит от входящих в него единиц. Значение сплоченности и организованности в проявлении коллектива. Зависимость действий коллектива от его организации. Значение факторов прошлого времени в деятельности коллектива 64

V. О КОЛЛЕКТИВЕ, КАК СОБИРАТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ.

Понятие о коллективе, как собирательной личности. Взгляды авторов в этом отношении. Понятие о толпе, как неорганизованном коллективе. Организованные коллективы, их различные виды. Об'единенный коллектив, как собирательный организм. Размеры собирательной личности. Коллектив не уничтожает роли каждой входящей в него единицы, влияющей так или иначе на общую равнодействующую, по которой движется и действует коллектив. Индивидуальность коллектива. Условия, приводящие к развитию и установлению коллектива. Всякое общество, как коллектив, существует до тех пор, пока его существование оправдывается жизненными условиями. Уличная толпа и ее особенности. Односторонность взглядов на толпу. Поведение коллектива, будучи закономерным, зависит от совокупности целого ряда условий 82

стр.

VII. О КОЛЛЕКТИВНОМ ОБ'ЕДИНЕНИИ [1])

Значение естественного и социального отбора в развитии общественности. Теория социального инстинкта. Теория сочетательного рефлекса в развитии общественности. Социальность, как результат опыта отдельных индивидов. Значение сходства индивидов. Значение различия индивидов, дополняющих друг друга. Взаимопомощь индивидов, как об'единяющий фактор. Теория взаимодействия для об'яснения общественности. Ее недостаточность. Условия, содействующие об'единению в коллектив. Значение речи, согласованных движений, мимики, жестов, символических предметов, денежных знаков и музыки, как посредников взаимодействия в коллективе 100

VIII. ВЗАИМОВНУШЕНИЕ, ВЗАИМОПОДРАЖАНИЕ И ВЗАИМОИНДУКЦИЯ, КАК ОБ'ЕДИНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ.

Роль внушения и индуцирования в условиях коллектива. Подражание и его значение в социальных условиях жизни в смысле об'единения и уравнения. Причины подражания. Литературные данные. Первоисточник подражания в соперничестве и борьбе. Значение коллективного опыта. Непосредственное воздействие на расстоянии одного индивида на другого путем передачи нервной энергии. Мои опыты в этом отношении и опыты моей школы. Посредственное и непосредственное взаимодействие между членами коллектива 112

IX. ОБ ЯЗЫКЕ, КАК ОБ'ЕДИНЯЮЩЕМ ФАКТОРЕ.

Об'единяющее значение языка. Словесное внушение и убеждение путем устной речи и печатного слова. Значение языка в развитии культуры, науки и искусств. Роль языка в пропаганде и в создании общественного мнения. Различие в языке или наречии, как фактор, препятствующий об'единению. Эволюция языка 123

О КОЛЛЕКТИВНЫХ РЕФЛЕКСАХ ВООБЩЕ.

Обыкновенные коллективные рефлексы. Паника, как оборонительный коллективный рефлекс. Автоматические рефлексы коллективного нападения. Наследственно-органические рефлексы самосохранения и половые. Коллективные рефлексы сосредоточения, символические и в частности речевые. личные или целевые коллективные рефлексы. Коллективные рефлексы: оборонительные и коллективные рефлексы нападения. Не одна цель, но и средство достижения цели является возбуждением коллективных рефлексов. Значение пропаганды в развитии коллективных рефлексов. Максимум напряжения коллективного рефлекса. Общественный сдвиг и перелом общественного настроения и их причины. 138

X. РАЗВИТИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ ПО ТИПУ СОЧЕТАТЕЛЬНЫХ РЕФЛЕКСОВ.

Аналогия в развитии коллективного сочетательного рефлекса с развитием индивидуального сочетательного рефлекса. Замещение действитель-

[1]) Благодаря корректурному недосмотру, настоящая и следующие две главы текста обозначены цифрами VII, VIII и IX, вследствие чего, во избежание увеличения числа глав, следующая за IX глава осталась без цифрового обозначения.

стр.

ного раздражителя словесным символом или иным знаком. Повод, возбуждающий коллективный сочетательный рефлекс в качестве раздражителя. Войсковые движения, массовые гимнастические упражнения, танцы, оркестры, хоры, театральные представления и пр., как наглядные примеры естественных коллективных сочетательных рефлексов. Искусственные коллективные сочетательные рефлексы. Коллективная умственная работа в собраниях, как рефлекс. Потребности, как раздражители коллективных сочетательных рефлексов наследственно-органического характера и как последствие привычки, сложившейся под влиянием многократных повторений. Экономические отношения, как выразитель общественных потребностей, понимаемых в форме сочетательных рефлексов. Раздражителем для коллективных рефлексов является внешнее воздействие в форме столкновения. Общественный кризис, как форма коллективного торможения. Разрешение кризиса. Неодинаковость форм коллективного рефлекса в зависимости от состава и характера собрания. Средство, как самоцель. Стимулирующие условия для коллективных рефлексов. Значение стенической реакции. Механизация общественных явлений и значение привычки. Развитие коллективного процесса по типу индивидуального в отношении последовательности его нарастания и падения. Значение подражания, как стимула к общению. Значение установки в отношении согласованности действий, благодаря упражнению 144

XI. КОЛЛЕКТИВНЫЕ НАСЛЕДСТВЕННО-ОРГАНИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ.

Коллективные наследственно-органические рефлексы и их виды. Потребность при неудовлетворении ее, как возбудитель наступательных коллективных рефлексов. Значение коллективного опыта. Обобществление индивидуального опыта. Коллективное влечение к самосохранению. Значение влечения к самосохранению в создании кооперации, в создании института собственности, уголовного права, права наследования и других экономических установлений. Значение полового влечения, как основы семьи, в развитии национальных начал. Данные Мальтуса. Зависимость браков и рождений от цен на жизненные продукты. Общественная охрана семейного начала, как средства обеспечения пополнения населения. Значение полового влечения в развитии более тесных социальных связей между членами одного рода и племени и поднятии нравственных начал в социальной среде. Значение социального „инстинкта“ и его происхождение. Коллективное проявление влечения к самосохранению. Примеры погромов во время голодовки и недостатка продуктов промышленности. Самосуды толпы. Освобождение заключенных в первые моменты революции. Проявления коллективного полового влечения. Огарочные общества. Общество Асроев. Саратовские „беззащитные“. Коллективные проявления „социального инстинкта“. 159

XII. КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСТРОЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ МИМИКО-СОМАТИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСЫ.

Настроение или тонус коллектива с об'ективной стороны. Разнообразные формы коллективного настроения Оживленное настроение и стеническая реакция. Зажигательные речи. Настроение, как определитель отношения коллектива к речам и действиям отдельных лиц. Примеры нетерпимости к речам, несоответствующим общему настроению. Зависимость коллективного настроения от состава собрания. Нарастание коллективного настроения и его

стр.

костепенное падение. Влияние настроения на выборы. Изменение коллективного настроения по отношению к событиям и лицам, в зависимости от времени и условий. Примеры. Перелом настроения. Примеры. Формы проявления коллективного настроения. Распространение коллективного настроения путем заразы. Энтузиазм и внешние к нему поводы. Регистрирование настроения путем статистики. Изменение под влиянием настроения характера общественных воззрений. Примеры 175

XIII. КОЛЛЕКТИВНОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.

Преимущество коллективного наблюдения перед индивидуальным. Коллективное сосредоточение. Зрительное и слуховое сосредоточение. Оценка предмета коллективного сосредоточения. Значение общественного надзора и контроля. Зависимость коллективных иллюзий и галлюцинаций от коллективного сосредоточения и настроения. Условия, облегчающие сосредоточение и подавляющие его. Специфическое отношение толпы к внешним воздействиям того или иного рода под влиянием настроения. Примеры. Развитие коллективных иллюзий и галлюцинаций 192

XIV. КОЛЛЕКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Общий взгляд на коллективную творческую деятельность. Коллективное суждение и его особенности. Бо́льшая беспристрастность коллективного решения по сравнению с индивидуальным. Индивидуальная творческая деятельность подчиняется коллективным оценкам позднего времени. Наилучшие результаты получаются при обсуждении в коллективе индивидуальной творческой деятельности. Решение в собраниях идет по равнодействующей двух или многих стремлений, влияющих извне. Зависимость продуктивности работы коллектива от его размера. Результат коллективного суждения в форме решения, постановления или приговора. Печать, как форма коллективного обсуждения. Оценка авторами решений толпы. Особенности в проявлениях и деятельности толпы. Толпа и вожаки. Коллективное творчество в тесном смысле. Творчество в истории достигается совокупными условиями коллектива и отдельных индивидов. Коллективное творчество языка. Концепты и понятия, как и основные категории ума, являются продуктом общества. Логика с началом тождества и противоречия — результат социальности. Язык, как продукт коллективного творчества 200

XV. СОГЛАСОВАННЫЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ.

Зависимость коллективного труда от настроения. Зависимость успешности труда от интереса к нему. Коллективный труд в целях бо́льшей успешности не должен быть лишен поощрительных мероприятий в смысле удовлетворения личных интересов. Влияние различных условий на проявление коллективной энергии. Значение активности в коллективной обороне. Планомерность и согласованность коллективных действий и их значение. Значение настроения в проявлениях общественной жизни. Отражение настроения в творчестве, мифах и верованиях. Развитие религиозности и мистицизма в народных массах в связи с подавленностью настроения . . 216

Оглавление второй части.

стр.

ВСТУПЛЕНИЕ 221

I. ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ЭНЕРГИИ.

Всякая деятельность человеческой личности подлежит закону сохранения энергии. Общественный процесс есть процесс, обусловленный коллективной энергией отдельных лиц. При осуществлении той или иной коллективной работы применим параллелограмм сил с его равнодействующей. Процессы торможения и процессы усиления. Субстрат первной энергии человека. % полезной массы у человека. „Духовная" сторона человека, имеющая в основе энергию, никогда не утрачивается бесследно. Нет и нарастания человеческой энергии без соответствующих внешних воздействий. Применение закона сохранения энергии к коллективу. Как коллективное действие, так и коллективное творчество никогда не исчезают бесследно 225

II. ЗАКОН ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ СКОРОСТИ ДВИЖЕНИЯ С ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ.

Значение рассматриваемого закона в механике. В соотносительной деятельности человека возбуждение идет также пропорционально силе возбудителя до того предела, когда наступает истощение функции. Подтверждение этого закона в социальном мире. Пояснения и примеры. Стимулирующие или оживляющие условия для социальных движений. Частое оживление волной вообще общественной реакции связывается с ее ускорением. Суммирование стимулирующих факторов. Пример с вовлечением Северо-американских Соединенных Штатов в великую европейскую войну. 230

III. ЗАКОН ТЯГОТЕНИЯ.

Закон тяготения имеет силу не для одной механики небесных тел и мертвой природы, но и для мира органического и социального. Таксисы, тропизмы и другие явления в биологическом мире, как проявление закона тяготения. Приложение закона тяготения к собирательной личности 240

IV. ЗАКОН ОТТАЛКИВАНИЯ.

Общественная жизнь наряду с законом тяготения подчиняется и закону отталкивания в виде разъединения, соперничества, конкуренции и борьбы. В каждой собирательной личности устанавливается особое равновесие между обоими силами. Соперничество и социальный отбор. Без конкуренции и соперничества нет социального совершенствования. 244

V. ЗАКОН ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАВНОГО ДЕЙСТВИЮ.

Развитие противодействия по мере развития того или иного общественного движения. Примеры и пояснения. Развитие оппозиции и об'единение партий в целях противодействия. Коалиции держав, противодействующих

усилению какой либо одной державы. „Субботничество". Коллективное торможение. Всякое общественное движение возбуждает реакцию, которая тем сильнее, чем резче отступление нового движения от установившегося общественного уклада. Конкуренция, как тормозящий фактор. Другие тормозящие условия в коллективе. Искусственное торможение коллективной деятельности путем отвлечения народного движения в ином направлении или путем прямого противодействия. Внутреннее торможение. Подавление мимико-соматических реакций при переутомлении. Постепенное преодоление внутренних препятствий, как выражение внутреннего противодействия. Один и тот же раздражитель может быть в одних условиях возбудителем, в других тормозом. Забастовки, как один из видов противодействия. Всеобщая политическая забастовка 1905 г. в России 213

VI. ЗАКОН ПОДОБИЯ.

Закон подобия может быть прослежен через весь органический мир, закон подобия в общественной среде. Подобие в общественной организации, в формах поклонения божеству, в мифологии, в историческом ходе цивилизации различных народов. Сходство в развитии революционных движений в разных странах. Причины об'единения соотносительной деятельности в людском обществе. Непосредственное воздействие, подражание, внушение и убеждение, как средства и способы, устанавливающие сходство и след. подобие между людьми. В других случаях следует признать, что одинаковые причины приводят к одинаковым следствиям 7

VII. ЗАКОН ПЕРИОДИЧНОСТИ ИЛИ РИТМА.

Проявление закона ритма в неорганическом и органическом мире. Цикличность в развитии движений в социальной среде. Всякий государственный организм и всякая цивилизация имеет свой период развития, процветания и упадка. Эволюция в мире коллективных образований осуществляется путем волнообразного движения. Всякое общественное движение развивается по восходящей линии, достигает апогея и ослабевает, сходя на нет, после чего начинается другое общественное движение с столь же волнообразным характером. Закон ритма в смене и последовательности исторических событий. Тот же закон в политических движениях. Периоды возрождения, как проявления периодичности социальных явлений. Закону ритма подлежат все проявления соотносительной деятельности всякого коллектива. Периодическая смена общественных настроений. Смена одного направления в творчестве другим. Смена революционных периодов реакцией. Общественные оживления, застои и колебания в ходе прогресса умственной жизни. Циклы в развитии верований. Циклы в экономической области. Движение всякого общественного процесса по волнообразной линии. Примеры и пояснения 233

VIII. ЗАКОН ИНЕРЦИИ.

Проявление закона инерции в общественной жизни в форме рутины, консерватизма и косности людей, препятствующих проведению всякой радикальной реформы. Всякое начавшееся общественное движение получает тенденцию к дальнейшему развитию. Прекращение и приостановка общественного движения зависят от тех или иных тормозящих условий. Обычаи,

обрядности и другие пережитки, как проявления закона инерции. На инерции основано противодействие масс всякому нововведению. Авторитет и после того, как перестал быть авторитетом, продолжает быть таковым. Размах того или другого общественного движения идет дальше тех пределов, где он должен был бы остановиться. Власть даже без достаточной опоры в населении держится долгое время после того, как уже нет ни симпатии, ни поддержки со стороны населения. Запаздывание власти со своими уступками требованиям общества. Раз начавшееся движение никогда не прекратится сразу, а ликвидируется постепенно. Общественные привычки и их устойчивость. Инерция является хранителем национальных и классовых особенностей и исторических черт в характере населения. Коллектив консервативнее отдельных индивидов. Революционная волна, раз развившись, докатывается до своих пределов если не встречает активного сопротивления. Тоже и с новыми религиозными учениями, модами и пр. Вера в авторитеты. Обаяние преданий и древности. Господство закона инерции в экономической области. Социальная наследственность, как проявление закона инерции 292

IX. ЗАКОН НЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ И ИЗМЕНЧИВОСТИ.

В мире нет ничего постоянного и неизменного. Применение этого принципа к неорганическому и органическому мирам. Распространение его на мир надорганический. Общество, как постоянно изменяющееся взаимодействие двух или нескольких индивидов. Ни одно общественное явление не остается постоянным. В обществе дело идет о беспрерывном движении. Экономическая жизнь, язык, литература, наука и искусство создают все новые и новые формы. Кругообращение энергии из свободного состояния в связанное и освобождение ее в мировое пространство. Теория кругообращения в социальной жизни. Процесс изменения в форме спирали. Закон непрерывного движения и изменчивости сводится к необратимости вечно меняющихся форм 297

X. ЗАКОН РАССЕИВАНИЯ ЭНЕРГИИ ИЛИ ЭНТРОПИИ.

Закон энтропии в неорганическом мире. Приложение закона энтропии к органическому миру. Применение того же закона к надорганическому миру при выполнении физической работы. Рассеивание энергии, затрачиваемой на развитие материальной культуры в форме открытий и изобретений, путем усвоения и подражания. Рассеивание энергии при под'еме какого либо коллектива на соответственную высоту при неизбежной затрате того или иного количества энергии. Приложение того же закона в экономической области 312

XI. ЗАКОН ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

Применение закона относительности в общественной жизни. Всякое общественное движение имеет значение не само по себе, а в соотношении с данными общественными условиями. Одно и то же общественное движение в одних условиях может быть тормозом прогресса, в других его возбудителем. Сила и значение всякого воздействия на коллектив стоит в зависимости от состояния коллектива в каждый данный момент. Отношение общества к событиям меняется в связи со временем и условиями. Проявление того же принципа при смене одного общественного явления другим 314

XII. ЗАКОН ЭВОЛЮЦИИ. стр.

Закон эволюции есть закон творчества форм. Необратимость явлений в процессе эволюции. Закон эволюции может быть прослежен во всех общественных явлениях. Скачки в социальном мире в форме революций. Эволюция идет от общего к более частному. Ход эволюционного процесса определяется рядом факторов географического, климатического и социально-экономического характера. Роль иерархии коллективных единиц и индивидов в процессе эволюции. Применение закона эволюции к отдельным общественным явлениям. Пополнение сведений об эволюции государств в области этнографии и археологии. Основной импульс эволюции в естественном и социальном отборе. Эволюция и совершенствование. Социальный прогресс, или совершенствование. Социальный регресс, эволюция и распад коллектива 319

XIII. ЗАКОН ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЯ.

Закон дифференцирования в неорганическом и органическом мире. Закон дифференцирования в социальном мире. Первоначальное общество—недифференцированное общество. Дифференциация в государственном управлении. Организация—неизбежный результат дифференцирования. Великое общественное движение подвергается тому же процессу дифференцирования. Тормозящие условия также подвержены закону дифференциации. Закон дифференцирования в развитии языка. Дифференцировка в научном движении. Дифференцировка общественных потребностей 362

XIV. ЗАКОН ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Закон воспроизведения в неорганическом и органическом мире. Фактор „духовной" наследственности в жизни обществ. Передача потомству языка, обычаев, традиций, преданий, общих понятий и пр. Продукты творческой деятельности отдельных лиц, как наука, литература и искусство, отражаясь на деятельности и состоянии обществ, не остаются без влияния на потомство коллектива. Значение воспитания и преемственной передачи. Нет ничего в общественной жизни такого, что не имело бы корней в прошлом. Великий шаг в развитии общественности является результатом предшествующего коллективного опыта. Так наз. „гений" народа. Наследственная передача индивидуальных качеств коллектива 340

XV. ЗАКОН ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОБОБЩЕНИЯ.

Закон избирательного обобщения в мире неорганическом и органическом. Во всяком коллективе идет процесс избирательного обобщения наряду с дифференциацией. Организация в каждом коллективе в целях сплочения частей соответствует закону избирательного обобщения. Раздробленные и недифференцированные коллективы подвергаются об'единению. Государство, как обобщающая организация. Союзы народов, как проявление закона избирательного обобщения. Избирательное обобщение при организации коллективной деятельности и творчество, как результат синтеза. Развитие языка и синтез. Мораль, как синтез воззрений на поведение людей. Ассимиляция и об'единение народов. Факторы, приводящие к синтезу и обобщению. Роль подражания. Раздражители, возбуждающие одинаковую реакцию, как обобщающие факторы. Избирательное обобщение при коллективной деятельности. Координация общественных сил в форме блока и об'единения в союзы 344

XVI. ЗАКОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ. стр.

Ни одно общественное явление не может обнаружиться прежде, чем осуществятся все необходимые предпосылки. Примеры и пояснения. Переворот протекает тем легче, чем больше подготовлена народная организованная масса. Государственное устройство есть плод предшествующей подготовки народных масс к определенной форме правления 354

XVII. ЗАКОН ЭКОНОМИИ.

Закон экономии лежит в основе всякого приспособления. Применение закона экономии в социальной среде. Возникновение коллективов обязано закону экономии. Символизация, как выражение закона экономии. Установление общих понятий и категорий. Символизм знаков. Развитие наук и знаний и принцип экономии. Вся общественная жизнь проникается принципом экономии. Развитие народной культуры и преподавание наук подлежат тому же принципу экономии. Многие общественные компромиссы могут быть объяснены только принципом экономии. Расселение народа в сторону меньшего препятствия. Действия войскового коллектива подлежат также закону экономии. Принцип утилитаризма в жизни и закон экономии. Роль упражнения и навыка в осуществлении принципа экономии. 357

XVIII. ЗАКОН ПРИСПОСОБЛЕНИЯ.

Закон приспособления в мире органическом. Формула Спенсера и ее недостаточность. Закон приспособления по отношению к коллективу. Соответственно обстановке и условиям жизни осуществляется и развитие коллективных рефлексов. Всякое жизненное проявление коллектива является актом приспособления 362

XIX. ЗАКОН ОТБОРА.

В применении к условиям жизни только принцип полезности оправдывает то или иное приспособление. Общественность и условия ее возникновения. Принцип борьбы и взаимопомощь, как фактор эволюции. Естественный отбор. Трудовые кооперации. Развитие коллективизма в связи с подражанием и возникновением сочетательных рефлексов. Социальный отбор . . . 366

XX. ЗАКОН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.

Взаимодействие в неорганическом и органическом мире. Значение принципа взаимодействия в коллективной жизни. Принцип взаимодействия в отношении уличной толпы. Сотрудничество коллективного и индивидуального ума. В коллективных заблуждениях вина падает главным образом на работу того индивидуального ума, который руководил собранием. Различие в характере работы индивидуального и коллективного ума. Взаимодействие классов и коллективов 374

XXI. ЗАКОН КОМПЕНСАЦИИ ИЛИ ЗАМЕЩЕНИЯ.

Принцип компенсации в неорганическом и органическом мире. Принцип компенсации в коллективах. Об'яснение этим принципом общественных противоречий. На принципе компенсации основывается процесс сигнализации и символики. Человеческая речь и язык жестов, как проявление принципа замещения. Развитие звукового языка. Письменная речь. Другие формы символизма. Значение сигналов в общественной жизни. С развитием

способов сигнализации связана и социальная наследственность. Общественная символика. Обрядовая сторона религии и обрядности общественного характера, как символизм. Символизм в искусстве. Цементирующая роль символов. Фетишизм и общественные символы. Символизм облегчает усвоение сложных соотношений с помощью сравнительно простых знаков. Подвиги отдельных лиц в роли символов. Персонификация абстракций, как проявление символизма 380

XXII. ЗАКОН ЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Закон зависимых отношений в форме отношения следствия к причине и обратно. Примеры этого закона в коллективной жизни: голод и его последствия. Половая неудовлетворенность и ее следствия в коллективе. Умственный голод. Обусловленность и преемственность исторических событий. Их закономерность. Статистический метод. Метод генетической социологии. Историческая преемственность предполагает преемственность народных движений. Новые общественные движения представляются дальнейшим развитием прежних движений. Рассмотрение этого положения на примере великой войны и следовавших за нею революционных движений вообще и русской революции в частности. Соотношение между характером и поведением коллективов и окружающими условиями. Соотношение между поведением коллективов и физическими влияниями со стороны жизненной деятельности солнца 394

XXIII. ЗАКОН ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.

Закон индивидуальности является общим мировым законом. Весь неорганический мир представляет развитие по индивидуальному типу. В органическом мире индивид является основой эволюционного процесса, также и социальный мир развивается по принципу индивидуальности. Из закона вообще индивидуальности применимы законы развития явлений в замкнутых системах, сводящиеся к их саморегулированию. Общественные индивидуальности и их характерологические черты. Народная индивидуальность помогает и пониманию народной истории. Принцип автархии или самодостаточности, установленный Аристотелем 412

XXIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 417

Оглавление первой части 421
Оглавление второй части 427

БИБЛИОТЕКА

Кооперативное Книгоиздательское Товарищество

„КОЛОС“.

ПЕТРОГРАД. Литейный, 21. | МОСКВА. Б. Никитская, 22.